

Государственный музей Востока

Москва
2014

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРАВИИ И ИСЛАМУ

**Сборник статей в честь 70-летия
Михаила Борисовича Пиотровского**

Составитель и ответственный редактор А.В. Седов

Дизайн и верстка **О.И. Бойко**
Корректор русского текста **С.В. Лапина**

Исследования по Аравии и исламу: Сборник статей в честь 70-летия Михаила Борисовича Пиотровского / Сост. и отв. ред. А.В. Седов. М.: ГМВ, 2014. – 480 с.: ил.

Сборник научных статей включает исследования по древней цивилизации Южной Аравии, истории искусства Ближнего и Среднего Востока, исламоведению. Авторы работ – ведущие отечественные и зарубежные историки и филологи-арабисты, археологи, сабеисты, этнографы, специалисты по исламу, искусствоведы. В статьях излагаются новые, оригинальные концепции, публикуются неизвестные южноаравийские надписи, материалы полевых археологических, этнологических, лингвистических и искусствоведческих исследований. Книга предназначена для востоковедов, археологов, исламоведов, искусствоведов, всех, интересующихся историей и культурой Ближнего Востока.

ISBN 978-5-903417-63-6

© Государственный музей Востока, 2014
© Седов А.В., составление, 2014
© Бойко О.И., оформление, 2014
© Авторы статей, 2014

Михаилу Борисовичу Пиотровскому исполняется 70 лет, двадцать два из которых он провел на посту директора Государственного Эрмитажа. М.Б. Пиотровский родился в семье выдающихся археологов, востоковедов и историков искусства – академика Бориса Борисовича Пиотровского, открывшего миру цивилизацию древнего Урарту, и Рипсимэ Микаэловны Джанполадян. Б.Б. Пиотровский, придя из академической науки, в 1964 году возглавил великую сокровищницу мирового искусства и проработал на этой должности до 1990 года. В 1991 году ему на смену в “главный музей страны” приходит сын и наследник выдающегося ученого, также выходец из академической науки – М.Б. Пиотровский. Тогда мы, коллеги и друзья М.Б., опасались, что этот казавшийся неожиданным поворот в его карьере может привести к потере арабистикой ученого, который к тому времени уже завоевал репутацию одного из самых эрудированных, интересных и креативных востоковедов нашей страны. Ведь уже в молодые годы все друзья и коллеги Михаила Борисовича отмечали его удивительную целеустремленность, преданность избранному пути в арабистике, сочетавшуюся со способностью переключаться на новые сферы деятельности, упорство в достижении поставленных целей, одной из которой, как я думаю, было самостоятельно добиться того, чего добились в науке его прославленные родители.

Однако эти опасения оказались напрасными – М.Б. не только не утратил связей с востоковедной наукой, но, обретя еще и репутацию знатока мирового искусства и отличного менеджера, сумел продолжить академический рост. Не случайно он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, действительным членом Российской академии художеств, членом-корреспондентом Германского археологического института, иностранным членом-корреспондентом Французской Академии надписей и изящной словесности, иностранным членом Академии наук Армении, членом Президиума Российской Академии наук, а не так давно стал еще и деканом Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Того самого, который он окончил в 1968 году универсально образованным и широко эрудированным специалистом по ранней истории ислама и древней Аравии, в совершенстве овладевшим арабским языком.

Рис. 1. В залах Эрмитажа (фото из архива Государственного Эрмитажа)

Когда-то считалось (сегодня это уж совсем не так), что петербургская школа востоковедения, в том числе арабистики, – «академическая», а московская – «практическая». Действительно, студенты Востфака ЛГУ больше внимания уделяли изучению рукописного наследия Востока, классических письменных источников на восточных языках и знакомству с древними языками, но гораздо меньше – практическому овладению живыми восточными языками, что было сильной стороной школы Института восточных языков (ныне – Института стран Азии и Африки) МГУ им. М.В. Ломоносова. М.Б., которому очень помогла еще и годичная стажировка в Каирском университете в 1965-1966 годах, своим примером опровергал это утверждение, постоянно совершенствуя владение арабским языком, но одновременно продолжая концентрироваться в своих научных интересах на древней и средневековой истории Аравии. Не случайно отношения дружбы и творческого взаимодействия объединили юбиляра уже в то далекое время с группой начинающих арабистов того же поколения из Москвы, среди которых были А.Б. Куделин, Д.В. Фролов и автор этих строк, которые помимо овладения практическими навыками современного арабского языка также занимались наукой «классического цикла». В какой-то степени мы все в дальнейшем пошли в научной карьере параллельными курсами.

На Восточном факультете в то время преподавали ученики великого Игнатия Юлиановича Крачковского – Анна Аркадьевна Долинина, Виктор Иванович Беляев, Ольга Борисовна Фролова, Алексей Михайлович Голдобин, Исаак Натанович Винников и многие другие опытные наставники и ученые, имена которых вписаны в историю востоковедной

науки. А на практике в археологических экспедициях на Кавказе и в Средней Азии М.Б. посчастливилось поработать под руководством других замечательных ученых – Александра Марковича Беленицкого, Евгения Игнатьевича Крупнова, Олега Георгиевича Большакова, Владимира Ароновича Лившица, Бориса Ильича Маршака, Владимира Григорьевича Луконина.

Стажировка в Каире дала возможность М.Б. сделать первые шаги по погружению в живую, а не только книжную арабскую культуру, – то, что он продолжил впоследствии во время своих многочисленных поездок по арабским странам и довольно продолжительной работе в Йемене. Очарование Каиром не поколебало решения М.Б. заниматься древним Йеменом – темой, верность которой он сохранил на всю жизнь. Беседы со многими легендарными арабскими и западными учеными, работа в библиотеках, посещение научных конференций и, главное, знакомство с египетской народной жизнью с ее ритуалами, суфийскими праздниками и беседами в кофейнях надолго останутся в памяти начинающего арабиста.

Окончив Восточный факультет, М.Б. пришел на работу в Ленинградское отделение Института востоковедения РАН (теперь – Институт восточных рукописей РАН), где его главным наставником стал замечательный ученый и энтузиаст изучения древнего Йемена Петр Афанасьевич Грязневич. Работа с такими мэтрами школы И.Ю. Крачковского, как Анас Бакиевич Халидов, Авраам Григорьевич Лундин, Олег Георгиевич Большаков, позволила М.Б. перенять лучшие традиции этой школы с ее глубоким проникновением в суть рукописного наследия, тщательностью исследова-

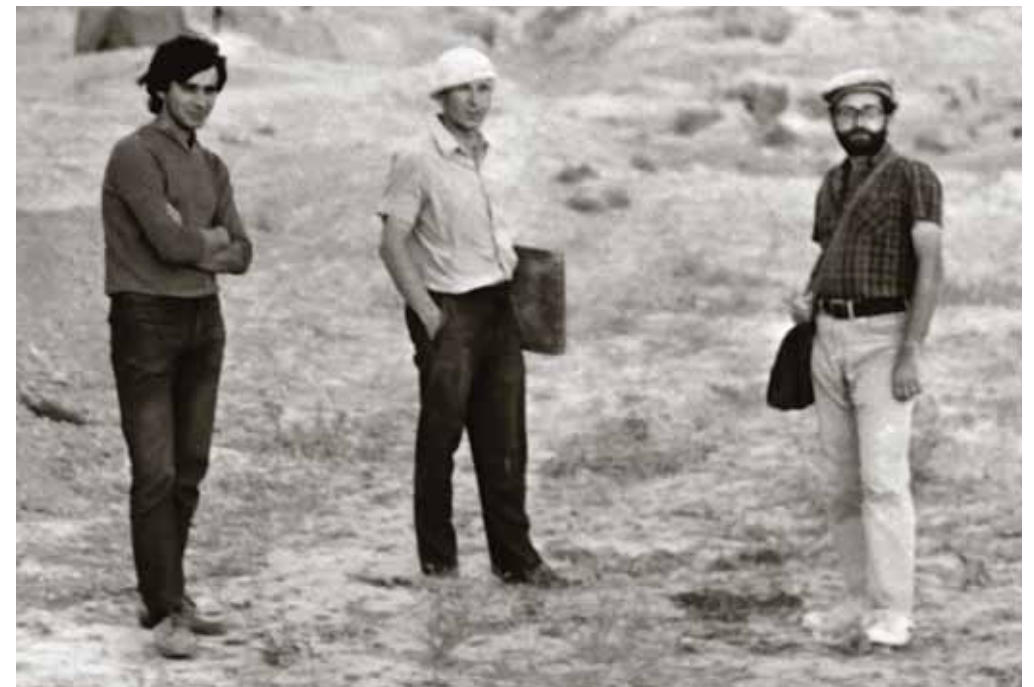

Рис. 2. На городище древнего Пенджикента, 1972 г. Справа налево: М.Б. Пиотровский, Л. Гуревич, А.В. Седов (фото из архива А.В. Седова)

Рис. 3. Йемен, пров. Хадрамаут, вади Дау'ан, работа в составе Советско-йеменской комплексной экспедиции, 1984 г. Справа налево: М.Б. Пиотровский, 'Абд ал-'Азиз Джа'фар Бин 'Акил, сопровождающий-охранник (фото из архива А.В. Седова)

тельской работы и высокой требовательностью к себе и своим коллегам. В те годы М.Б. энергично занимается еще одним направлением своих научных исследований – исламоведением.

Результатом его изысканий в области истории древнеаравийской цивилизации стала защищенная им кандидатская диссертация о правлении царя последнего из древних государств Йемена – Химйара. Опубликованная впоследствии книга об этом царе – Ас'аде ал-Камиле или Ас'аде Совершенном – до сих пор остается единственным отечественным трудом по этой теме. Она не случайно была переведена на иностранные языки. А результатом углубленного изучения истоков исламского вероучения стала серия статей, а затем и монография «Коранические сказания».

В 1970-е годы мне довелось поработать вместе с М.Б. в Высшей школе общественных наук при ЦК Йеменской социалистической партии. Было чудом, что в то время он сумел, избегая идеологизации (помогал этому прагматизм некоторых реалистически мыслящих сотрудников международного отдела ЦК КПСС), вполне академически преподавать в этом партийном заведении историю Йемена, что вызывало неистребимый интерес у слушателей, прибывавших на учебу в это заведение из разных уголков страны. Свободное время М.Б. использовал для занятия любимым делом – продолжал изучать историю древнего Йемена. Я думаю, что тот период жизни не прошел для М.Б. даром, позволив хорошо познакомиться с современной жизнью страны, исследованию

истории которой он посвятил часть своей жизни. Постоянно общаясь с юбиляром в то время, я обращал внимание на его способность к обучению, самосовершенствованию. А было чему поучиться иногда даже у малограмотных бедуинов, совсем недавно с оружием в руках завоевавших независимость и наивно, но искренне поверивших в дело мировой революции.

Вспоминаю в этой связи, как в ноябре 1987 года мы вместе с М.Б. участвовали в конференции, проводившейся в столице Иордании Аммане в связи с 700-летием со дня смерти великого арабского ученого-врача Ибн ан-Нафиса. Только Ибн ан-Нафис и другой средневековый арабский медик и энциклопедист, живший в XII-XIII веках, – Аль-Багдади – в эпоху всеобщего поклонения великому медику античности Галену осмеливались подвергать сомнению его выводы и призывать к их проверке. Эта способность, которой и сегодня обладают далеко не все ученые, не может не вызывать уважения. Думаю, что юбиляр явно позаимствовал указанное качество у арабских интеллектуалов той далекой эпохи. Помню то большое впечатление, которое произвел на собравшихся его доклад, в котором автор продемонстрировал лучшие черты российской школы арабистики и всего отечественного востоковедения с его эрудицией, знанием памятников культуры Востока (особенно сильным у петербуржцев) и уважением к современным наследникам этой великой культуры. Не удивительно, что М.Б. произвел столь же сильное впечатление на собравших в Кувейте, куда мы позднее вместе были приглашены женой одного из сыновей эмира – шейхой Хуссой, одной из самых образованных женщин Аравии. Ценительница искусства, тогда еще молодая Хусса ста-

Рис. 4. Набережная г. ал-Мукалла, столицы пров. Хадрамаут, Республика Йемен, где в 1970-е годы М.Б. Пиотровский преподавал в филиале Высшей школы общественных наук при ЦК Йеменской социалистической партии (фото из архива А.В. Седова)

ла проявлять огромный интерес к российскому культурному наследию, и установившийся тогда контакт между этой аравийской аристократкой и М.Б. предрешил активное сотрудничество Эрмитажа с Кувейтом в будущем, когда юбиляр перешел туда на работу, а потом и возглавил его.

Жанр предисловия к этому юбилейному изданию требует назвать и многие другие показатели всеобщего признания научно-академических и организационных заслуг М.Б. Пиотровского. Он – член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, науке и образованию, член Академии наук Татарстана, почетный доктор Казанского государственного университета, почетный доктор Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского и Саратовского социально-экономического университета, президент Союза музеев России, президент Всемирного клуба петербуржцев, председатель Попечительского совета Европейского университета в Санкт-Петербурге, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель петербургского отделения Российского православного палестинского общества, президент регионального общественного движения «Конгресс петербургской интеллигенции», сопредседатель Совета по популяризации и поддержке российского культурного наследия Россотрудничества, член Консультативной группы Совета Европы по выставочной деятельности.

С 1983 года, когда наши пути с М.Б. снова пересеклись на йеменской почве, он получил новую, уникальную возможность продолжить занятия древнеаравийской цивилизацией. Именно тогда мы с группой московских и петербургских коллег отправились в Южный Йемен в составе организованной АН СССР комплексной научной экспедиции. В те времена для этого требовалось решение высшего партийного руководства страны, и его удалось «пробить», в первую очередь, благодаря удивительному энтузиазму исследователя южнойеменской цивилизации Петра Афанасьевича Грязневича, одного из учителей М.Б., и мощной поддержке Бориса Борисовича Пиотровского. В этой экспедиции М.Б. возглавлял отряд историко-культурных исследований, а после ухода из жизни П.А. Грязневича в 1989 году принял на себя общее руководство ею (экспедиция во главе с директором Государственного музея искусства народов Востока Александром Всеволодовичем Седовым успешно работает до сих пор).

Истории Йемена была посвящена докторская диссертация М.Б., защищенная в 1984 году и опубликованная годом позже в виде монографии «Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества». Во время полевых сезонов в Хадрамауте М.Б. исследовал один из караванных путей древней торговли жителей этой области, ведущий из его внутренней, северной части, где он участвовал в раскопках городища Райбун, к побережью Аравийского моря, где он также принимал участие в работах нашей экспедиции в районе древнего города-порта Кана⁷.

Одной из огромных заслуг М.Б. в период его работы в Эрмитаже является активная позиция в защиту отечественной культуры и науки от натиска мракобесия, косности, невежества и разрушительной коммерциализации, что снискало ему признание всех, кого по-настоящему заботит судьба нашего отечества. При этом М.Б. показал себя настолько умелым администратором, что именно при нем Эрмитаж не только осуществил успешную интеллектуальную (многочисленные выставки, публикации, публичные мероприятия) и территориальную (освоение новых музейных

Рис. 5. Прием во Французском институте йеменских исследований в г. Сана, Республика Йемен, 1989 г. Справа налево: М.Б. Пиотровский, В.В. Наумкин, У. Дребхольц, А.В. Седов (фото из архива А.В. Седова)

пространств, расширение существующих экспозиций) экспансию в России, но и поднял репутацию за рубежом на невиданную прежде высоту. Мне кажется, что именно из-за своей непримиримой жизненной позиции М.Б. нередко подвергается атакам недоброжелателей, которые он всегда отражает со снисходительным, достойным его положения спокойствием. Впрочем, тот, кто не испугался Йемена, вряд будет чего-либо бояться.

М.Б. стойко отстаивает интересы российского музейного сообщества. Деятели отечественного искусства и культуры уважают его за выступления в защиту свободы творчества, за права населения на знакомство со всеми создаваемыми в стране произведениями искусства, независимо от преходящих идеологических мотивов.

В течение последних лет мне приходилось слышать выступления М.Б. на Лихачевских чтениях, которые ежегодно организует Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Он умеет увлечь аудиторию, хорошо адаптируя изложение своих мыслей (замечу, что, выступая там из года в год фактически на одну и ту же тему, он не повторяется) в зависимости от ее состава и обстановки. Эта способность проявилась в авторских текстах М.Б., которыми он сопровождает 250 серий телевизионной программы «Мой Эрмитаж». По-моему, пока никто лучше не рассказал о музее, чем это сделал он. Я знаком и с другим сериалом на ту же тему (он сделан по заказу телеканала «Россия сегодня»), автором и ведущим в котором также высту-

Рис. 6. Во дворе Эрмитажа с супругой Ириной (фото из архива Государственного Эрмитажа)

пает М.Б., но уже на арабском языке. Эти фильмы посмотрели миллионы арабских зрителей.

Не могу не перечислить здесь некоторые наиболее значимые научные результаты деятельности М.Б. Это более 550 научных работ, среди которых – каталоги арабских рукописей, издания средневековых памятников и древних надписей, работы по духовной и политической истории ислама и арабской культуры, археологии Аравии. Это и статьи по мусульманской мифологии и пророке Мухаммаде в «Мифологическом словаре» (М., 1990-91), в справочниках «Ислам. Краткий справочник» (М., 1983) и «Ислам. Энциклопедический словарь» (М., 1991), монографии – «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле» (М., 1977, арабские переводы – Сана, Дамаск, Аден, 1978, 1979), «Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества» (М., 1985), «Йемен до ислама и в первые века хиджры» (Бейрут, 1987 <на араб. яз.>), «Коранические сказания» (М., 1991), «Эрмитаж. Собрания и собиратели» (СПб., 1997 в соавторстве с О.Я. Неверовым), «О мусульманском искусстве» (СПб., 2001), «Эрмитаж. Великие коллекции великого музея» (СПб., 2003, в соавторстве с О.Я. Неверовым), «Эрмитаж. Альбом» в серии «Великие музеи мира» (М., 2003), «Исторические предания Корана. Слово и образ» (СПб., 2005), «Мусульманское искусство. Между Китаем и Европой» (СПб., 2008), «Взгляд из Эрмитажа» (СПб., 2009), «Эрмитаж» (СПб., 2010).

Об уровне общественного признания М.Б. в России и за рубежом говорит количество полученных им наград. Он награжден орденом Королевского дома Оранских-Нассау (Нидерланды, 1996), орденом Почета (Россия, 1997), орденом Почетного Легиона (Франция, 1998, 2004), орденом Полярной Звезды (Швеция, 1999), орденом «За заслуги перед Итальянской Республикой» (Италия, 2000, 2004), орденом Святого Месропа (Армянская апостольская церковь, 2000), орденом Ярослава Мудрого (Украина, 2003), орденом «За заслуги» (Польша, 2004), орденом «За заслуги перед Отечеством» (Россия, 2004, 2009), орденом «Аль-Фахр» (Совет Муфтиев России, 2005), орденом Льва Финляндии (Финляндия, 2005), орденом Восходящего солнца, Золотая и Серебряная звезда (Япония, 2007), Серебряной медалью Амстердама (2009), наградой Международного научного центра Вудро Вильсона, (США, 2009), Орденом Короны (Бельгия, 2011), наградой Министерства юстиции России – медалью Анатолия Кони (2013). В 2003 году М.Б. была присуждена Президентская премия в области литературы и искусства, а 25 мая 2011 года ему было присвоено звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга.

Я уверен, что и перешагнув очередной возрастной рубеж, Михаил Борисович и дальше останется востоковедом с большой буквы. Ведь как он сам сказал в одном из своих интервью: «Это лично очень здорово, когда ты можешь ощущать себя органично в иной культурной среде, понимать защитников и ислама, и христианства, жителей Ближнего Востока и Русского Севера. Почему, собственно, востоковедение не просто наука, а образ жизни».

Публикуя этот сборник, мы, друзья и коллеги Михаила Борисовича Пиотровского из России и зарубежных государств, поздравляем его с юбилеем и желаем ему творческого долголетия.

*Директор Института востоковедения РАН,
член-корреспондент Российской академии наук
В.В. Наушкин*

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ М.Б. ПИОТРОВСКОГО

1967

1. **Указатели** // *История халифов анонимного автора XI в.* Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение текста П.А. Грязневича. М., 1967 (в соавторстве с П.А. Грязневичем)

1968

2. **Йеменский царь Шаммар Йухар'иш в арабских источниках** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.-Л., 1968. С. 40-42

1969

3. **Йеменитский халиф на 40 дней** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.-Л., 1969. С. 61-64

1970

4. **Арабская версия истории царицы Зенобии (аз-Заббы)** // *Палестинский сборник.* № 21 (84). М.-Л., 1970. С. 170-184
5. **Йемениты и йеменцы в омайядской Сирии** // *Историко-филологический журнал.* № 2. Ереван, 1970. С. 252-256
6. **Средневековые рассказы о древних погребениях Йемена** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.-Л., 1970. С. 64-66

1971

7. **Состав и политическая направленность хахтанидского предания** // *7-я годовичная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Краткие сообщения.* М.-Л., 1971. С. 69-71

1972

8. **Арабские племена в предании о йеменском царе Ас'аде ал-Камиле** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.-Л., 1972. С. 108-111

9. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1973. 12 с.
10. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле как историко-культурный памятник** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Древняя Аравия. IX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР.* М., 1973. С. 89-98
11. **Тубба' Корана и химйаритский царь Абу Кариб Ас'ад** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М.-Л., 1973. С. 27-30

1974

12. **Тема судьбы в южноаравийском предании об Ас'аде ал-Камиле** // *Палестинский сборник.* № 25. М.-Л., 1974. С. 119-128
13. **Рец. на кн.: А.Г. Лундин. Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат).** М., 1971 // *Палестинский сборник.* № 25. М.-Л., 1974. С. 177-180

1975

14. **Актуальные проблемы изучения истории Йемена** // *Ас-Саури.* Аден. 09.08.1975 и 16.08.1975 <на араб. яз.>
15. **Древнейшее наследие в мусульманской цивилизации** // *Ал-Хикма.* Апрель. № 38. Аден. 1975. С. 54-59 <на араб. яз.>
16. **Изучение древнейшей цивилизации в Советском Союзе** // *Ас-Сакафа ал-джадида.* Март. № 37. Аден. 1975. С. 48-51 <на араб. яз.>

1976

17. **О Сессии ленинградских арабистов. Хроникальные заметки. 1976 г.** // *Народы Азии и Африки.* № 6. М., 1976. С. 262-264

1977

18. **Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** М., 1977. 159 с.
19. **История Йемена в средние века** // *История Йемена. Учебное пособие.* Аден. 1977 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>
20. **Химйаритский кайл Сумайфа Зу-л-Кала и халиф Абу Бакр** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* М., 1977. С. 32-39

1978

21. **О Сессии ленинградских арабистов. Хроникальные заметки. 1977 г.** // *Народы Азии и Африки.* № 3. М., 1978. С. 162-163
22. **Аравийские пророки VII в.** // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике.* М., 1978. С. 70-76

1979

23. **О Сессии ленинградских арабистов. Хроникальные заметки. 1978 г.** // *Народы Азии и Африки.* № 2. М., 1979. С. 165-166
24. **Востоковедные центры Ирака** // *Народы Азии и Африки.* № 6. М., 1979. С. 147-151
25. **Эфиопия и Хиджаз в VII в. (эфиопская хиджа)** // *Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям.* М., 1979. С. 65

1980

26. **Серия статей // Мифы народов мира. Энциклопедия.** Т. 1. М., 1980 (80 статей).
 27. **Соотношение светской и духовной власти в исламе // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки.** Ташкент, 1980. С. 369-374

1981

28. **Кайли, абна, кабаил (южноаравийские верхи и ислам) // Арабские страны. История и современность.** М., 1981. С. 221-226
 29. **Мухаммад, пророки, лжепророки, кахины // Ислам в истории народов Востока.** М., 1981. С. 9-18
 30. **Новая хроника из расулидского Йемена // Палестинский сборник.** № 27. М., 1981. С. 140-143
 31. **О Сессии ленинградских арабистов. Хроникальные заметки. 1980 г. // Народы Азии и Африки.** № 1. М., 1981. С. 159-161
 32. **Об эфиопской хиджре // Эфиопские исследования.** М., 1981. С. 16-22
 33. **Проблемы этносоциальной истории Южной Аравии в V-VI вв. (араб-химйарит Тамим Йазид Сабеец) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Доклады и сообщения по арабистике.** М., 1981. С. 14-19
 34. **X-XI вв. в истории народов Ближнего и Среднего Востока – «эпоха трансформации?» // Мусульманский мир. 950-1150.** М., 1981. С. 3-15 (в соавторстве с В.В. Наумкиным)
 35. **Роль ал-Хамдани в становлении йеменского этноса // Ал-Хикма.** Т. 11. № 95. Аден. 1981. С. 22-32 <на араб. яз.>
 36. **Рец. на кн.: Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа' 'улум ад-дин). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В.В. Наумкина.** М., 1980 // *Народы Азии и Африки.* № 6. М., 1981. С. 194-198

1982

37. **Серия статей // Мифы народов мира. Энциклопедия.** Т. 2. М., 1982 (72 статьи)
 38. **«Дневник» багдадского факиха Ибн Банна // Бартольдские чтения.** 1982. М., 1982. С. 54-55
 39. **К вопросу о методологии изучения ислама // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.** Часть 1. М., 1982. С. 123-129
 40. **Концепция исторического наследия в идеологии иракской ПАСВ // Современный ислам: проблемы политики и идеологии.** М., 1982. С. 186-197
 41. **Знать Южной Аравии и ислам в VII в. // Ас-сакафа ал-джадида.** Т. 11. № 5. Аден. 1982. С. 44-50 <на араб. яз.>
 42. **Рец. на кн.: История востоковедения, арабистики и курдологии в Азиатском музее. Багдад, 1980 // Народы Азии и Африки.** № 1. М., 1982. С. 217-218
 43. **Шестая годовичная Сессия ленинградских арабистов. Хроникальные заметки // Народы Азии и Африки.** № 2. М., 1982. С. 148-149

1983

44. **Серия статей // Ислам. Краткий справочник.** М., 1983 (94 статьи)
 45. **Ал-Хамдани и кахтанидское историко-эпическое предание // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.** Часть 1. М., 1983. С. 186-190
 46. **Всесоюзная конференция историков древнего и средневекового Востока // Народы Азии и Африки.** № 1. М., 1983. С. 132-138
 47. **Коранические сказания как историко-культурный памятник // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти И.Ю. Крачковского.** М., 1983. С. 38-39
 48. **О некоторых тенденциях идеологического и культурного развития современного Кувейта (ситуация начала 1983 г.) // Современный ислам: проблемы политики и идеологии.** Вып. 2. М., 1983. С. 110-122
 49. **Проблемы социальной этики средневекового Арабского Востока // Народы Азии и Африки.** № 2. М., 1983. С. 132-137
 50. **Человек и природа в Аравии, древность и современность // География и развивающиеся страны.** Л., 1983. С. 106-108
 51. **Рец. на кн.: Raydān. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy. Vol. 3. Aden // Вестник древней истории.** № 3. М., 1983. С. 169-172 (в соавторстве с А.Г. Лундиным)

1984

52. **Южная Аравия в раннем средневековье. Процесс сложения средневекового общества.** Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1984. 31 с.
 53. **Эпос о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле.** Сана, 1984 <на араб. яз.>
 54. **История туббы Ас'ада ал-Камила // Ал-Хикма йаманийя.** Т. 107. № 7-8. Т. 109. № 1-2. Т. 111. № 4-5. Т. 113. № 8. Аден, 1984 <на араб. яз.>
 55. **Киндиты в Хадрамауте. Перспективы полевых исследований // Хадрамаут.** Т. 1. Ал-Мукалла, 1984. С. 48-52 <на араб. яз.>
 56. **Книга истории туббы Ас'ада ал-Камила // Йемен в советском востоковедении. Избранные тексты.** Часть 3. Дамаск, 1984 <на араб. яз.>
 57. **Направления в изучении арабского наследия в Советском Союзе // Ежегодник сезона культурных событий 1982/83 гг.** Кувейт, 1984. С. 313-325 <на араб. яз.>
 58. **О природе власти Мухаммада // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность.** М., 1984. С. 6-11
 59. **Особенности художественной культуры арабо-мусульманского средневековья // Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурно-типологическое исследование.** Л., 1984. С. 269-278
 60. **Полевое обследование селений вади Рахйя и вади ал-'Айн // Итоги работ Советско-йеменской комплексной экспедиции в 1984 г.** Сайун, 1984. С. 52-56 <на араб. яз.>
 61. **Пророческое движение в Аравии VII в. // Ислам. Религия, общество, государство.** М., 1984. С. 19-27
 62. **«Поход слона» на Мекку (Коран и историческая действительность) // Ислам. Религия, общество, государство.** М., 1984. С. 28-35
 63. **Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама // Ислам. Религия, общество, государство.** М., 1984. С. 175-188

1985

64. **Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества.** М., 1985. 224 с.
65. **Аравийские корни ислама // 4-я Всесоюзная конференция арабистов.** Ереван, 1985. С. 104-105
66. **К вопросу о культурной ситуации в Кувейте // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР.** № 5. М., 1985. С. 101-107
67. **Кайли, абна, кабил // Йемен в советском востоковедении. Избранные тексты.** Часть 3. Дамаск, 1985. С. 143-155 <на араб. яз.>
68. **Кинда в Хадрамауте // Ал-Хикма йаманийа.** Июнь. № 122. Аден, 1985. С. 23-30 <на араб. яз.>
69. **Рец. на кн.: М.А. Родионов. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982 // Советская этнография.** № 3. М., 1985. С. 159-161

1986

70. **Серия статей // Ислам. Краткий справочник.** 2-е издание. М., 1986 (94 статьи)
71. **Серия статей // Ислам. Краткий справочник.** Алма-Ата, 1986 (94 статьи) <на казах. яз.>
72. **The Arabian Roots of Islam // Paper presented at the 32-nd International Congress for Asia and North African Studies. Hamburg, 1986.** Moscow, 1986. 12 p.
73. **Историческая эволюция светского («общинного») и «сакрального» представления о власти // Ислам в современной политике стран Востока.** М., 1986. С. 29-34 (в соавторстве с С.М. Прозоровым)
74. **Кораническая литература. Молитвы // Краткий каталог арабских рукописей Ленинградского отделения ИВ АН СССР.** М., 1986
75. **Проблема власти в раннем исламе // Ислам в современной политике стран Востока.** М., 1986. С. 17-24
76. **Хиджра в Эфиопии // Новые исследования советских арабистов.** М., 1986. С. 112-123 <на араб. яз.>
77. **Характерные особенности арабо-мусульманской культуры // Новые исследования советских арабистов.** М., 1986. С. 194-209 <на араб. яз.>
78. **Al-Hamdānī and the Qahtanide Epos // Al-Hamdānī, a Great Yemeni Scholar. Studies on the occasion of his Millennial anniversary.** Ed. by Yusuḡ Mohammad Abdallah. Ṣan‘ā’/ Bayrut, 1986. P. 17-25

1987

79. **Йемен до ислама и в первые годы хиджры.** Бейрут, 1987 <на араб. яз.>
80. **Аравийские корни ислама // Народы Азии и Африки.** № 2. М., 1987. С. 97-101
81. **Надписи Внутреннего Хадрамаута // Хадрамаут – древний и современный.** Т. 1. Сайун, 1987. С. 71-84 (в соавторстве с А.Г. Лундиным) <на араб. яз.>
82. **Торговля и торговые пути в древнем Хадрамауте // Хадрамаут – древний и современный.** Т. 1. Сайун, 1987. С. 86-96 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>

83. **Грамотность в древнем Хадрамауте // Хадрамаут – древний и современный.** Т. 1. Сайун, 1987. С. 97-110 (в соавторстве с А.Г. Лундиным) <на араб. яз.>
84. **Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе: история и современность.** М.-Л., 1987. С. 6-20

1988

85. **Древние надписи Махры // Итоги работ Советско-йеменской комплексной экспедиции в 1988 г.** Сайун, 1988. С. 130-136 <на араб. яз.>
86. **Историко-географические исследования в вадии Дау‘ан // Итоги работ Советско-йеменской комплексной экспедиции в 1988 г.** Сайун, 1988. С. 91-112 (в соавторстве с П.А. Грязневичем) <на араб. яз.>
87. **Ислам как историческое явление // Ислам. Словарь атеиста.** М.-Л., 1988. С. 6-22 (в соавторстве с Г.В. Милославским и С.М. Прозоровым)
88. **Серия статей // Ислам. Словарь атеиста.** М.-Л., 1988 (43 статьи)
89. **Послесловие // А. Дюма. Путешествие в Египет.** М., 1988. С. 274-286
90. **Сказания в Коране и в Библии. Преемственность и различие // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке.** Т. 1. М., 1988. С. 11-112
91. **The Fate of Castle Ghumdan // Ancient and Mediaeval Monuments of Civilization of Souther Arabia. Investigation and Conservation Problems.** Moscow, 1988. P. 28-38

1989

92. **Граффити Хадрамаута и Махры // Вестник древней истории.** № 2. М., 1989. С. 148-153
93. **Йемен в начале средних веков // Кадайа ал-аср.** № 11. Аден, 1989. С. 29-50 <на арабском яз.>
94. **Исламоведение. Программа курса лекций // Народы Азии и Африки.** № 3-5. М., 1989 (в соавторстве с С.М. Прозоровым, Е.А. Резваном, А.В. Кнышом, М.В. Ермаковым)

1990

95. **Легенды и сказания в Коране // Наука и религия.** № 11. М., 1990. С. 39-41
96. **Серия статей // Мифологический словарь.** М., 1990 (66 статей)

1991

97. **Коранические сказания.** М., 1991. 219 с.
98. **Серия статей // Ислам. Энциклопедический словарь.** М., 1991 (75 статей)
99. **Серия статей // Мифологический словарь.** М., 1991 (75 статей)
100. **Его вел сам Бог ... // Досье ЛГ.** № 7. М., 1991. С. 18
101. **Коран как евангелие // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений.** Часть 2. М., 1991. С. 897-898
102. **Коранические легенды и сказания // Фюник.** № 14. Ереван, 1991. С. 14-15 <на арм. яз.>
103. **Легенды и сказания в Коране // Наука и религия.** № 1. С. 48-53; № 4. С. 20-23; № 7. С. 24-27; № 11. С. 36-39. М., 1991

1992

104. **Ислам побеждает Судьбу** // *Ислам и проблемы межкультурного взаимодействия*. М., 1992. С. 142-144

1993

105. **Советско-Йеменская экспедиция и концепция исторического единства Аравии** // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 1993. С. 18-20.
106. **Античные коллекции “четвертого Рима”** // *Санкт-Петербург и античность*. СПб., 1993. С. 3
107. **Итальянские художники из Эрмитажа** // *Italian Renaissance and Baroque Art from The State Hermitage Museum*. Tokyo, 1993. P. 8-9
108. **Коллекция и коллекционер** // *Коллекция Джорджа Лртиса. Древности от Ура до Византии. Каталог выставки*. Берн, 1993. С. 4
109. **Памяти собирателей** // *Морозов и Щукин – русские коллекционеры. От Матисса до Пикассо. Каталог выставки*. Эссен, 1993. С. 12-13 (в соавторстве с И.А. Антоновой)
110. **Предисловие** // *Анри Матисс. 1869-1954. Живопись, рисунки, декупажи. Каталог выставки*. М., 1993. С. 6-7 (в соавторстве с И.А. Антоновой)
111. **Предисловие** // *Фаберже – придворный ювелир. Каталог выставки*. СПб., 1993. С. 8-9 <то же – на англ. и франц. яз.>
112. **Эрмитаж – Екатерине Великой** // *Екатерина Великая. Русская культура второй половины XVIII века. Каталог выставки*. СПб., 1993. С. 5
113. **Эрмитаж – Нартову** // *Teatrum Machinarum или три эпохи искусства резьбы по кости в Санкт-Петербурге. Каталог выставки*. СПб., 1993. С. 7
114. **Avant-propos** // *L'Age d'or flamand et hollandais*. Dijon, 1993. P. 15
115. **De Hermitage en het Rijk der Scythen** // *Het Rijk der Scythen*. Amsterdam, 1993. S. 8-9
116. **Die Ermitage und die Welt der Skythen** // *Gold der Skythen*. Hamburg, 1993. S. 8
117. **Director's Statemant** // *G. von Habsburg, M. Lopato. Fabergé. Imperial Jeweller*. Washington, 1993. P. 8-9
118. **Foreword** // *Lost Empire of the Silk Road*. Lugano, 1993. P. 11
119. **Quel programme pour l'Ermitage?** // *Connaissance de Arts*. No. 496 (juin). 1993. P. 64-71 (в соавторстве с E. Ducamp)
120. **Vorwort** // *Christliche westeuropäische Elfenbeinkunst 13.-18. Jahrhunderts aus der Ermitage*. Sankt Peterburg, 1993. S. 3

1994

121. **Ислам и судьба** // *Понятие судьбы в контексте разных культур*. М., 1994. С. 92-97
122. **Мухаммад и начало ислама** // *Хрестоматия по исламу. Учебное пособие*. М., 1994. С. 9-33 (в соавторстве с В.В. Полосиным)
123. **Field-studies in Southern Arabia** // *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. I. No. 2. September. Leiden, 1994. P. 202-219 (в соавторстве с А.В. Седовым)
124. **Field studies in Southern Arabia** // *Raydān. Journal of Ancient Yemeni Antiquities and Epigraphy*. Vol. 6. Leuven, 1994. P. 61-68 (в соавторстве с А.В. Седовым)

125. **L'économie de l'Arabie préislamique** // *B. Chiesa et alii. L'Arabie avant l'Islam*. Aix-en-Provence, 1994. P. 211-238
126. **Late ancient and early mediaeval Yemen: settlement traditions and innovations** // *The Byzantine and Early Islamic Near East. Land Use and Settlement Patterns*. Princeton (NJ), 1994. P. 213-220
127. **Предисловие** // *Николай и Александра. Двор последних русских императоров. Конец XIX – начало XX века. Каталог выставки*. СПб., 1994. С. 7.
128. **Приветствие** // *French Baroque and Rococo Art from The State Hermitage Museum*. Tokyo, 1994. P. 8-9 <то же – на яп. яз.>
129. **The Hermitage. Pride and Hope of Russia** // *94. Kyoto Conference of the World's Leading Museums*. Kyoto, 1994. P. 70-75 <то же – на яп. яз.>
130. **Das Porzellan Katherinas der Grossen** // *Zur Tafel Im Winterpalast*. Koldinghus, 1994. S. 12 <то же – на гол. яз.>
131. **Die Schatze der Ermitage** // *Erinnerung an die Familie Romanov. Der Zarenschatz der Romanov*. Speyer, 1994. S. 15
132. **Foreword** // *Dutch 19th century painting from the Hermitage and Paleis Het Loo*. Apeldorn, 1994. P. 7 <то же – на гол. яз.>
133. **Foreword** // *Great art treasures of the Hermitage museum, St. Petersburg*. London, 1994. P. 9
134. **Foreword** // *Imperial Easter Eggs*. Copenhagen, 1994. P. 8
135. **Foreword** // *Raoul Dufy. Collections du Musée d'Art Moderne de la Ville de Paris – un choix*. Paris, 1994. P. 8
136. **Meeting The State Hermitage Museum** // *Treasures from The Hermitage*. St. Petersburg/Maastricht, 1994. P. 8-10
137. **Preface** // *D. Williams, J. Ogden. Greek gold. Jewelry of the Classical World*. New York, 1994. P. 7 (в соавторстве с R.G.W. Anderson, Ph. De Montebello)
138. **Voorwoord** // *Het Russisch Volkskostuum*. Huizen, 1994. P. 5
139. **L'economie de l'Arabie preislamique** // *L'Arabie avant l'Islam*. Aix-en-Provence, 1994. P. 211-238

1995

140. **Коран как Евангелие** // *Эрмитажные чтения памяти В.Г. Лукониной. 1986-1994 гг.* СПб., 1995. С. 121-122
141. **Бедуинская эпиграфика Южной Аравии** // *Эрмитажные чтения памяти В.Г. Лукониной. 1986-1994 гг.* СПб., 1995. С. 141-148
142. **Историческая память Корана и историческое наследие Аравии** // *Эрмитажные чтения памяти В.Г. Лукониной. 1986-1994 гг.* СПб., 1995. С. 170-171
143. **Вади ал-'Айн: древнейеменские надписи** // *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том I*. М., 1995. С. 176-201
144. **Мусульманское образование** // *Российская педагогическая энциклопедия*. М., 1995
145. **Economica della Arabia Antiqua** // *B. Chiesa et alii. Il primi Arabi*. Milano, 1995
146. **Вступительное слово** // *Эрмитаж спасенный. Выставка произведений из коллекций Государственного Эрмитажа, посвященная 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Каталог выставки*. СПб., 1995. С. 8

147. **Предисловие** // Д. Уильямс, Дж. Огден. *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V-IV вв. до н.э. Каталог выставки.* СПб., 1995. С. 7 (в соавторстве с З.Ю. Андерсоном и Ф. де Монтебелло)
148. **Предисловие** // *Коллекция мантуанских монет в Эрмитаже. Каталог выставки.* Милан, 1995. С. 6 <то же – на ит. яз.>
149. **Предисловие** // С. Ваиавский, Б. Рест. *Подвиг Эрмитажа.* СПб., 1995. С. 1
150. **Предисловие** // *French Art of the 19th-20th centuries from The State Hermitage Museum.* Токуо, 1995. Р. 7 <то же – на яп. яз.>
151. **Приветствие** // *Стихия воды. Выставка живописи и эстампа из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки.* Сидзуока, 1995. С. 7
152. **Собрание Корсини гостит в Эрмитаже** // *Произведения итальянской живописи XV-XVII веков из собрания князей Корсини во Флоренции. Каталог выставки.* Флоренция, 1995. С. 5
153. **Сокрытое открывается** // А.Н. Костеневич. *Неведомые шедевры. Французская живопись XIX-XX веков из частных собраний Германии. Каталог выставки.* СПб./ Нью Йорк, 1995. С. 7. <то же – на англ. яз.>
154. **Странное путешествие Ван Гога** // *Коллекция японской гравюры Ван Гога и традиции школы Утагава. Каталог выставки.* Сёкоку, 1995. С. 2 <то же – на яп. и англ. яз.>
155. **Esipuhe** // *Islamin Tiadaarteita Eremitaasin Kokoelmista.* Турку, 1995. Р. 10 <то же – на швед. и англ. яз.>
156. **Foreword** // *French Baroque and Rococco Art From The State Hermitage Museum.* Токуо, 1995. Р. 6-7
157. **Foreword** // *Paul Gauguin e'avanguardia russa.* Milano, 1995. Р. 3
158. **Forord** // *Von Caspar David Friedrich zu Paula Modersohn-Becker.* Worpswede, 1994. S. 3
159. **Museo Statal del Hermitage** // *Los grandes museos historicos.* Barcelona/Gutenberg, 1995. Р. 119-127
160. **Preface** // *Charles-Louis Clérisseau (1721-1820). Dessins du musée de l'Ermitage.* Санкт-Петербург/Париж, 1995. Р. 9
161. **Verborgenes aus Licht bringen** // А. Костеневич. *Aus der Ermitage. Verschollene Meisterwerke deutschen Privatsammlungen.* München, 1995. S. 7
162. **Ur Tsarpatatsets Garderob** // *Ur Tsarpatatsets Garderob. Ermitaget I St. Petersburg gästar Livrustkammaren.* Stockholm, 1995. Р. 4-5

1996

163. **Ислам – вера и образ жизни** // *Преподавание истории в школе.* № 2. 1996. С. 14-21
164. **Стоянка паломников Джаулат ар-Румад** // *Городище Райбун (раскопки 1983-1987 гг.). Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II.* М., 1996. С. 168-190
165. **Сверхмузей в эпоху крушения империи (Музей как фактор эволюции).** Актовая лекция в Санкт-Петербургском гуманитарном Университете профсоюзов. СПб, 1996. 31 с.
166. **Введение** // *Западноевропейское прикладное искусство XVI-XVIII вв. в собрании Эрмитажа. Каталог выставки.* СПб., 1996. С. 8-9
167. **Вступительное слово** // *Питер Мондриан. Каталог выставки.* Гаага, 1996. С. 5
168. **Душа Эрмитажа** // *Эрмитаж. Избранные сокровища великого музея.* СПб., 1996. С. 7-9 <то же – на англ. и франц. яз.>

169. **Замечательная ювелирная коллекция** // *Европейские ювелирные украшения. Историзм и югендстиль. 1850-1920. Работы из собрания музея украшений Пфорцхайма. Каталог выставки.* Пфорцхайм, 1996. С. 7
170. **Из истории борьбы за наполеоновские художественные трофеи** // *Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга.* СПб., 1996. С. 3-7
171. **Наш царь в Нидерландах** // *Петр I и Голландия. Русско-Голландские художественные и научные связи. К 300-летию Великого посольства.* СПб., 1996. С. 8-9 <то же – на англ. яз.>
172. **Персидская живопись в Эрмитаже** // А.Т. Адамова. *Персидская живопись и рисунок XV-XIX вв. в собрании Эрмитажа.* СПб., 1996. С. 6-7 <то же – на англ. яз.>
173. **Предисловие** // Т. Илатовская. *Шедевры европейского рисунка из частных собраний Германии.* СПб., 1996. С. 7 <то же – на нем. яз.>
174. **Предисловие** // *Фламандская книжная миниатюра 1475-1550. Каталог выставки.* Гент, 1996. С. 5 <то же – на англ. яз.>
175. **Предисловие** // Ханс Арп, Софи Тойбер-Арп. *Каталог выставки.* Роландсек, 1996. С. 10
176. **Предисловие** // *Spanish Art from The State Hermitage Museum.* Токуо, 1996. Р. 7 <то же – на яп. яз.>
177. **Человек ищет Бога** // *God and Man. Art Treasures of The State Hermitage Museum.* Токуо, 1996. Р. 11 <то же – на яп. яз.>
178. **Эрмитаж и Приобье** // *Сокровища Приобья. Каталог выставки.* СПб., 1996. С. 5
179. **Эрмитаж помнит Луиджи Премацци** // *Луиджи Премацци. Акварели и рисунки. Каталог выставки.* СПб., 1996. С. 4 <то же – на англ. яз.>
180. **Catharina en de Hermitage** // *Catharina, de kaizerin en de kunsten.* Zwolle: Waanders, 1996. S. 11 <то же – на англ. яз.>
181. **Easter Gifts in Porcelain** // *Imperial Easter. Porcelain Eggs from The Hermitage Museum in Saint Petersburg.* Geneva, 1996. Р. 13-14
182. **Foreword** // Christina Robertson. *A Scottish Portraitist at the Russian Court.* Edinburgh, 1996. Р. 3 (в соавторстве с Н. Coutts)
183. **Forord** // J. Miller. *Pragtvaben fra Zarernes Skatkammer.* Devantier, 1996. Р. 3.
184. **L'Ermitage pris dans le torubillon des changements** // *Musées-Gérer autrement: Un regard international.* Paris, 1996. Р. 201-207
185. **The Hermitage and British Art** // *British Art Treasures from Russian Imperial Collections in The Hermitage.* New Haven/London, 1996. Р. 8
186. **Voorwoord** // Peter de Grote en Holland. Amsterdam, 1996. S. 9
187. **Vorwort** // A. Ierusalimskaja. *Die Gräber der Moçevaja Balka. Fruhmittelalterliche Funds der Nordkaukasischen Seiden strasse.* München, 1996. S. 5
188. **Vorwort** // A. Ierusalimskaja, B. Borkopp. *Von China nach Byzanz.* München, 1996. S. 7-8
189. **Wege zu einer gemeinsamen Welt** // *Weinrauch und Seide.* Wien, 1996. S. 9-10

1997

190. **Les causes d'une disparition** // *Yémen, au pays de la reine de Saba'. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998.* Paris, 1997. Р. 218-219
191. **Эрмитаж. Собрания и собиратели.** СПб, 1997. 242 с. (в соавторстве с О.Я. Неверовым) <то же – на англ., нем., итал., исп. яз.>

192. **Взаимосвязь культуры и экономики** // Судьба российской интеллигенции. Вып. 2. СПб., 1997. С. 36-38
193. **Вступление** // Окрестности Санкт-Петербурга. Петергоф. Царское село. Павловск. Ораниенбаум. Гатчина. СПб., 1997. С. 5 <то же – на англ. яз.>
194. **Вступление** // Вальдемар Отто. Скульптура. Каталог выставки. Бремен-СПб., 1997. С. 5 <то же – на англ. и нем. яз.>
195. **Две продажи “Благовещения” Ван Эйка** // Ян Ван Эйк. Благовещение. СПб., 1997. С. 8-10 <то же – на англ. яз.>
196. **“Даная” и Эрмитаж** // Даная. Судьба шедевра Рембрандта. СПб., 1997. С. 4-5 <то же – на англ. яз.>
197. **Духовное искусство не по Кандинскому** // Герерд Вагнер. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 7
198. **Еще один сезон ...** // Отчетная археологическая сессия за 1996 год. СПб., 1997. С. 5-6
199. **Записи на долгом и интересном пути** // Б.Б. Пиотровский. Путевые заметки. СПб., 1997. С. 5-6
200. **К истории продажи “Благовещения” Ван Эйка** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1997. С. 5-10
201. **Новые поступления – симптом жизни** // Новые поступления. Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992-1996 гг. СПб., 1997. С. 3-6
202. **Петербург – Берлин. Франц Крюгер** // Б.И. Асвариц. “Совершенно модный живописец”. Франц Крюгер в Петербурге. СПб., 1997. С. 3-4
203. **Предисловие** // Государственный Эрмитаж. Отчет о деятельности музея за 1996 год. СПб., 1997. С. 4 <то же – на англ. яз.>
204. **Предисловие** // Шарль-Луи Клериссо – архитектор Екатерины Великой. Рисунки из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 4
205. **Сиам возвращается** // О.П. Дешпанде. Сиамское искусство XIV-XIX веков. СПб., 1997. С. 5-6 <то же – на англ. яз.>
206. **Эрмитаж и Британское искусство** // С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 8 <то же – на англ. яз.>
207. **Die vielgesichtige der Ermitage** // Zwei Gesichter der Ermitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. 1. Bonn, 1997. S. 11-21
208. **In Petersburg werden wir uns wieder versammeln** // Zwei Gesichter der Ermitage. Die Skythen und ihr Gold. Bd. 1. Bon, 1997. S. 7-9 (в соавторстве с W. Jacob)
209. **Ostereier aus Porzellan** // Kaiserliche und Königliche Ostergruesse aus St. Petersburg und Berlin. Berlin, 1997. S. 2
- 1998**
210. **О многоликости Востока, христианского в частности** // Христианство на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Каталог выставки. СПб., 1998. С. 6-9 <то же – на англ. яз.>
211. **Die Gründe für das Verschwinden der altsüdarabischen Kultur** // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Hrsg. von W. Seipel. Wien, 1998. S. 395-397
212. **Апофеоз “Охоты на львов”** // Р.И. Грицай. Героические апофеозы Рубенса. СПб., 1998. С. 5
213. **Война как археологический источник** // Военная археология. Материалы международной конференции. СПб., 1998. С. 5
214. **[90-летие со дня рождения Б.Б. Пиотровского]** // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 33. СПб., 1998. С. 5
215. **Диалоги с Сезанном** // Поль Сезанн и русский авангард начала XX века. СПб., 1998. С. 4 (в соавторстве с И.А. Антоновой, В.А. Гусевым, В.А. Родионовым)
216. **Дружба двух музеев. 40 шедевров из Эрмитажа и Кунстхалле** // Сорок шедевров из двух музеев. Эрмитаж – Гамбургский Кунстхалле. Гамбург, 1998. С. 6-7 (в соавторстве с U.M. Schneede)
217. **Книги как эрмитажная выставка** // Искусство рукотворной книги. Каталог выставки. СПб., 1998. С. 7 <то же – на англ. яз.>
218. **Как “Бокал лимонада” остался в Эрмитаже** // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1998. С. 73-76
219. **Князь-канцлер** // Б.И. Асвариц. Картинная галерея А.М. Горчакова. СПб., 1998. С. 8-9
220. **Комментарий и “иероглиф”** // Неклассическая классика. Три поколения “Эрмитажной школы Г.Я. Длугача”. Каталог выставки. СПб., 1998. Вкладка
221. **М.И. Артамонов в Эрмитаже** // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная конференция памяти М.И. Артамонова. СПб., 1998. С. 17-18
222. **Меценатство – явление культуры** // Гуманитарная наука как фактор преобразования России. СПб., 1998. С. 36-64
223. **Музею – с любовью** // Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина – 100 лет. М., 1998. С. 35-36
224. **Одиссея Шлимана как продолжение Илиады** // Шлиман. Троя. Петербург. Каталог выставки. СПб., 1998. С. 4-5
225. **Предисловие** // Анри Матисс и выдающиеся датские собиратели. СПб., 1998. С. 4-5 (в соавторстве с А. Хеллеланд)
226. **Предисловие** // К. Дюфур Денисон. Рисунки французских мастеров из Библиотеки Моргана, Нью-Йорк. Нью-Йорк, 1998. С. XI
227. **Предисловие** // Н.Н. Никулин. Якоб Филипп Хаккерт. СПб., 1998. С. 4 <то же – на англ. яз.>
228. **Предисловие** // Caterina di Russia l'imperatrice e le arti. Firenze, 1998. P. V-VI
229. **Столетний Магритт** // Давид Сильвестр. Магритт. Хьюстон, 1998. С. 7 (в соавторстве с И.А. Антоновой)
230. **A Case for Fabergé** // The Fabergé case. From the private collection of John Traina. New York, 1998. P. 23-24
231. **Diamonds and Philosophy** // Nicholas & Alexandra. The Last Imperial Family of Tsarist Russia. London, 1998. P. 10
232. **Foreword** // Bernini's Rome. Italian Baroque Teracottas from The State Hermitage Museum, St. Petersburg. Chicago, 1998. P. VI
233. **Foreword** // F. Odom, L.P. Arend. A taste for splendor. Russian imperial and European treasures from the Hillwood Museum. Alexandria, 1998. P. 5
234. **Forord** // Katarina den stora & Gustav III. Stockholm, 1998. P. 8
235. **Förord** // Peter den store och Karl XII I krig och fred. Stockholm, 1998. S. 10

236. **Hermitage Museum. Foreword** // *Master Drawings from The Hermitage and Pushkin Museums. The exhibition catalogue*. New York, 1998. P. XIII-XIV
237. **Introduzione** // *Caterina di Russia. L'Imperatrice e le Arti*. Milano, 1998. P. III-IV
238. **L'Ermitage et ses Traditions** // *L'Ermitage*. St.-Petersbourg, 1998. P. 5-9 <то же – на нем. и исп. яз.>
239. **La mode a la cour de Russie** // *Costume des tsars de Pierre le Grande a Nicolas II. Collection du Musee de l'Ermitage*. Saint-Petersburg/Geneve, 1998. P. 10
240. **Veneziani da Pietroburgo** // *Capolavori nascosti dell'Ermitage. Dipinti veneti del sei e settecento da Pietroburgo*. Milano, 1998. P. 9
241. **On the Manyfold East, the Christian world in particular** // *Christians in the Holy Land. The Art of the Melchites and other denominations of Ortodox Church*. St. Petersburg, 1998. P. 10-11

1999

242. **Art of Islam** // *Earthly Beauty, Heavenly Art. Art of Islam. Catalogue*. London/Amsterdam, 1999. P. 12-64
243. **Ампир как продолжение Тильзита** // *Под знаком Орла. Искусство ампира. Каталог выставки*. СПб., 1999. С. 7
244. **В гости к Кандинскому** // *Абстрактный экспрессионизм. Три картины из собрания Музея современного искусства (Нью-Йорк)*. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 3-4
245. **Взаимосвязь культуры и экономики** // *Судьбы российской интеллигенции*. СПб., 1999. С. 162-164
246. **Конгресс петербургской интеллигенции – выразитель общественного мнения петербуржцев** // *Судьбы российской интеллигенции*. СПб., 1999. С. 318-319
247. **Еще два года** // *Отчет Государственного Эрмитажа. 1997-1998*. СПб., 1999. С. 4-7 <то же – на англ. яз.>
248. **Золото иранских мастеров** // *Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Бери, США*. Каталог выставки. Париж, 1999. С. 6-7
249. **Как Лоренцо Лотто вернулся в Эрмитаж** // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 1999. С. 80-86
250. **Моды русского двора** // *Русский придворный костюм от Петра I до Николая II из собрания Государственного Эрмитажа*. Каталог выставки. М., 1999. С. 11 <то же – на франц. яз.>
251. **Нимфей эрмитажный** // *Древний город Нимфей*. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 3
252. **Новые экспонаты** // *Памятники культуры и искусства. Новые поступления. 1997-1998*. СПб., 1999. С. 4
253. **Орхидея как символ дружбы** // *“Лотарингские орхидеи”. Искусство Эмиля Галле и братьев Дом*. Каталог выставки. СПб., 1999. С. 5 <то же – на франц. яз.>
254. **Петербургский стиль** // *А. Ананов. Избранные произведения*. СПб., 1999. С. 6 <то же – на англ. яз.>
255. **Предисловие** // *Избранное 1989-1999. [Юбилейная выставка в Смольном соборе]*. СПб., 1999. С. 4
256. **Предисловие (Молодые герои. Коронованные коллекционеры)** // *Россия – Швеция. От войны к миру. XVIII век. Вып. I. Династии и монархии*. СПб., 1999. С. 8-11

257. **Прогулки по Эрмитажу** // *Эрмитаж. Прогулки по залам и галереям*. Альбом-путеводитель. СПб., 1999. С. 3 (то же – на англ., нем., франц., итал., исп., гол., кит. и яп. яз.)
258. **Чтя память Кваренги** // *Джакомо Кваренги. Архитектурная графика. Каталог выставки*. СПб., 1999. С. 5
259. **О мусульманском Египте – серьезно и интересно** // *Е.И. Зеленов. Египет. Средние века. Новое время*. СПб., 1999. С. 3-4
260. **Foreword** // *Catherina the Great & Gustav III*. Helsinborg, 1999. P. 8
261. **Foreword** // *Florence and Venice. Italian renaissance paintings and sculpture from The State Hermitage Museum*. Tokyo, 1999. P. 8 <то же – на яп. яз.>
262. **Foreword** // *Henri Matisse. Four Great Collectors*. Copenhagen, 1999. P. 7-9 (в соавторстве с А. Helleland)
263. **Foreword** // *The Hermitage. Picture gallery*. St. Petersburg, 1999. P. III-IV <то же – на франц. яз.>
264. **L'Ermitage a Roma** // *Cento Caporavori dell'Ermitage. Impressionisti e Avangardie alle Scuderie Papali al Quirinale*. Amsterdam, 1999. P. 21
265. **Les Belges des Rives de la Neva** // *Peintures belges de l'Ermitage*. Venice, 1999. P. 12

2000

266. **Введение к выставке** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 7 <то же – на англ. яз.>
267. **Искусство ислама** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 9-56 <то же – на англ. яз.>
268. **Мечеть** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 95
269. **Паломничество** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 109
270. **Слово и письмо** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 119
271. **Коран** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 129
272. **Исламский мистицизм** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 153
273. **Дворец** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 163
274. **Мавзолей** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 247
275. **Сады и рай** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 261
276. **Дары посольства Надир-шаха** // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама*. Каталог выставки. СПб., 2000. С. 333
277. **Русская археология в Святой земле (некоторые итоги и перспективы)** // *История древней церкви в научных традициях XX века*. СПб., 2000. С. 1-27 (в соавторстве с Е.Н. Мещерской и А.В. Мусиным)
278. **Le cause di una scomparsa** // *Yemen. Nel paese della Regina di Saba*. Milano, 2000. P. 259

279. **Город ювелиров** // *Петербургские ювелиры XVIII-XIX века. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 7 <то же – на англ. яз.>
280. **Где стоять “Вазе Фортунни”?** (О принципах показа мусульманского искусства) // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского.* СПб., 2000. С. 38-41
281. **Гротескное наследие античности** // *Волиебный мир гротеска. Гротески в прикладном искусстве Западной Европы XVI-XVII веков из собрания Эрмитажа. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 4 <то же – на англ. яз.>
282. **Искусство “Великого улуса”** // *Все музеи Северо-Запада России.* № 1. СПб., 2000. С. 4
283. **История Эрмитажа как история культуры России** // Б.Б. Пиотровский. *История Эрмитажа.* СПб., 2000, С. 9-18
284. **Красивая память об общем прошлом** // *Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 14-15 <то же – на татар. и англ. яз.>
285. **Моды русского Императорского Двора** // *Наше наследие.* № 53. М., 2000. С. 12-13
286. **Не самый плохой год** // *Отчет Государственного Эрмитажа. 1999.* СПб., 2000. С. 4-7 <то же – на англ. яз.>
287. **Память тысячелетий** // *Мир видений. Традиционное и современное искусство Австралии. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 1-2
288. **Традиция тысячелетий** // *Все музеи Северо-Запада России.* № 3. СПб., 2000. С. 2
289. **Предисловие** // *SUSSITIA. Памяти Юрия Викторовича Андреева.* СПб., 2000. С. 5
290. **Расписной автомобиль рядом с погребальной колесницей** // *Энди Уорхол (1928-1987). Жизнь и творчество. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 3
291. **Свет Эчмиадзина** // *Сокровища армянской церкви из собрания Святого Эчмиадзина. Каталог выставки.* СПб., 2000. С. 13 <то же – на англ. и арм. яз.>
292. **Синай в Эрмитаже** // *Синай. Византия. Русь. Православное искусство с VI до XX века.* Лондон/СПб., 2000. С. 9 <то же – на англ. яз.>
293. **Уроки музейных продаж** // Н. Ильин, Н. Семенова. *Проданные сокровища России.* М., 2000. С. 8-11
294. **Эрмитаж – это целое государство** // *Вестник Администрации Санкт-Петербурга.* № 1. СПб., 2000. С. 148-150
295. **Foreword** // *Treasures of Catherina the Great.* London, 2000. P. 10
296. **Caterine II. Empress of All the Russia** // *Treasures of Catherina the Great.* London, 2000. P. 13-18
297. **Director’s Foreword** // *The Golden Deer of Eurasia.* New York, 2000. P. IX-X (в соавторстве с Р.Г. Кузеевым и Ф. де Монтебелло)
298. **Director’s Foreword** // *Stroganoff. The palace and collections of a Russian noble family.* New York, 2000. P. 8-9
299. **Foreword** // *The Hermitage. The history of the building and collections.* St. Petersburg, 2000. P. 4-5 <то же – на франц. яз.>
300. **Foreword** // *Myanndash. Rock art in the ancient Arctic.* Rovaniemi, 2000. P. 5
301. **Introduzione** // *Oro. Il mistero dei Sarmati e degli Sciti.* New York, 2000. P. 15 (в соавторстве с Р.Г. Кузеевым)
302. **Retitutionsproblem** // *Творчество.* СПб., 2000. С. 6-7
303. **Vorwort** // *T. Kudrjawzewa. Das Weisse Gold der Zaren.* Stuttgart, 2000. S. 7
- 2001**
304. **О мусульманском искусстве.** СПб., 2001. 148 с. <то же – на англ. яз.: *On Islamic Art.* St. Petersburg, 2001. 143 p.)
305. **Запечатленный мир Востока** // *Восточная коллекция.* № 4 (7). М., 2001. С. 10-11
306. **Мусульманское искусство в коллекциях Эрмитажа** // *Искусство ислама. Памятники исламского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Произведения древнего и современного искусства из собраний музеев Республики Татарстан.* СПб., 2001. С. 12-13
307. **Вступление** // *Географическое открытие Башкирии. Раритеты из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки.* Уфа/СПб., 2001. С. 1 (в соавторстве с Г.Ф. Валиуллиным и М.А. Чвановым)
308. **Новые голландцы** // *Голландские мастера XX века (1945-1985). Каталог выставки.* СПб., 2001. С. 1
309. **Вступление** // *Евгений Ухналев. Живопись. Графика. Каталог выставки.* СПб., 2001. С. 3
310. **Государственный Эрмитаж** // *Русский инвалид.* № 9 (92). М., 2001. С. 14
311. **Заботы, отраженные в протоколах** // *Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть 1. 1917-1919.* СПб., 2001. С. 3-5
312. **Луиз Буржуа возвращается** // *Луиз Буржуа в Эрмитаже. Каталог выставки.* СПб., 2001. С. 3
313. **Луиз Буржуа возвращается в Ленинград** // *Луиз Буржуа в Эрмитаже.* Турин, 2001. С. 4 <то же – на англ. яз.>
314. **[О проекте “Большой Эрмитаж”]** // *Новое использование исторических зданий. Российско-американский семинар по охране архитектурных памятников. 3-6.06.2001.* СПб., 2001. С. 22
315. **Олени Эрмитажа и Филипповки** // *Золотые олени Евразии.* СПб., 2001. С. 6-7
316. **Пиотровский Борис Борисович (1908-1990)** // *Российская музейная энциклопедия.* Т. 2. М., 2001. С. 94-95
317. **Предисловие** // *Сулаж. Светоносность черного.* Париж, 2001. С. 9 <то же – на франц. яз.>
318. **Предисловие** // *“Ученая прихоть”. Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова.* М., 2001. С. 7 (в соавторстве с И.А. Антоновой, В.В. Длугачем)
319. **Пространство Эрмитажа** // *Эрмитаж. Дворцы и интерьеры. Европейское искусство. Первобытное искусство. Античное искусство. Искусство Востока. Альбом.* СПб., 2001. С. 3 (то же – на англ., франц., нем., исп. и яп. яз.)
320. **Радость жизни** // *Joy of Life. Great Art Treasures from The State Hermitage Museum.* Osaka, 2001. P. 9 <то же – на англ. и яп. яз.>
321. **Четырнадцать глиняных книг** // *“Они мне сказали, а я повторяю”. Из поэзии Шумера и Вавилонии. Слова и глина. III – II тыс. до н.э. Каталог выставки.* СПб., 2001. С. 6-7 <то же – на англ. яз.>
322. **Эрмитаж в Липецке** // *Эрмитаж. Музей и коллекции. Каталог выставки.* СПб., 2001. С. 9
323. **Эрмитаж и история** // *К. Эйслер. Эрмитаж. Живопись.* М., 2001. С. 9-17
324. **Эрмитаж как информационный повод** // *Отчет Государственного Эрмитажа. 2000.* СПб., 2001. С. 3-7 <то же – на англ. яз.>
325. **Director’s Foreword** // *Rubens and his Age.* Toronto, 2001. P. 8
326. **Foreword** // *French Drawings and Paintings from The Hermitage. Possin to Picasso.* Verona, 2001. P. 7

327. **Preface** // *Masterpieces and Master Collectors. Impressionist and Early Modern Painting from The Hermitage and Guggenheim Museums*. New York, 2001. P. 7
 328. **Un mondo di animali d'oro** // *Archeo*. No. 3 (193). Milano, 2001. P. 64-67

2002

329. **Исследования на юге Аравии (К 20-летию работ Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен)** // *Вестник древней истории*. № 2. М., 2002. С. 159-173 (в соавторстве с Х.А. Амирхановым, В.В. Наумкиным, А.В. Седовым)
 330. **Кораны** // *Музеум книги*. СПб., 2002. С. 68-73
 331. **Главный художник** // Виктор Павлов. *Отражения. Каталог выставки*. СПб., 2002. С. 3-4
 332. **Год науки** // *Отчет Государственного Эрмитажа. 2001*. СПб., 2002. С. 3-5 <то же – на англ. яз.>
 333. **Еще одна эрмитажная коллекция становится доступной** // “Какое красок дивное соцветье ...”. *Западноевропейские витражи и проектные рисунки к витражам XV-XVII веков из собрания Эрмитажа*. СПб., 2002. С. 6-7
 334. **Новая история старых витражей** // *Витражи Мариенкирхе. Каталог выставки*. СПб., 2002. С. 4-5 <то же – на англ. яз.>
 335. **Петербург, нарисованный светом** // *Петербургский альбом. Фотографии из коллекции Государственного Эрмитажа*. М., 2002. С. 5
 336. **Поучительный подарок. Предисловие к русскому изданию** // Дж. Уокер. *Вашингтон. Национальная галерея*. М., 2002. С. 15-16
 337. **Предисловие** // *Золотые олени Евразии*. СПб., 2002. С. 7 <то же – на башкир. яз.>
 338. **Предисловие** // *Голландская церковь в Санкт-Петербурге. 1704-1927*. СПб., 2002. С. 5 <то же – на гол. яз.>
 339. **Приветствие** // *Музей и общество. Материалы международной конференции. Красноярск, Россия, 10-13 сентября 2002 г.* Красноярск. 2002. С. 16-17
 340. **Приветствие директоров** // *Соединяя музеи. Каталог выставки*. Нью-Йорк, 2002. С. 35 (в соавторстве с Т. Кренцем и В. Запелем) <то же – на англ. и нем. яз.>
 341. **Скромное обаяние Клода Моне** // *Клод Моне. Каталог выставки*. СПб., 2002. С. 5
 342. **Старинная рама для “Марии Магдалины”** // *Николай I и Новый Эрмитаж*. СПб., 2002. С. 6-7
 343. **Эрмитаж и Брестский мир (Записка Д.А. Шмидта)** // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 2002. С. 5-23 (в соавторстве с Е.Ю. Соломахой)
 344. **Foreword** // *A capital collection. Houghton Hall and The Hermitage*. New Haven/London/Yale, 2002. P. 7
 345. **Przedmowa** // *101 Arcydziel dawnych mistrzów XV-XVIII wieku ze zbiorów Państwowego Ermitażu w Sankt Petersburgu. Uzbrojenie. Bron. Tapiserie. Katalog wystawy*. Malbork, 2002. P. 6 <то же – на англ. яз.>
 346. **Le respect du cheval: epilogue** // *Chevaux et cavaliers arabes dans les arts d'Orient et d'Occident*. Paris, 2002. P. 281-282

2003

347. **Санкт-Петербург – сын Москвы** // *Основателю Петербурга*. СПб., 2003. С. 8-11
 348. **The Tsarina** // “An Imperial collection”. *Women Artists from The State Hermitage Museum*. London, 2003. P. 11-17

349. **Граффити Твомбли** // *Сад Твомбли в Эрмитаже. Каталог выставки*. СПб./Мюнхен, 2003. С. IV-V <то же – на англ. яз.>
 350. **Подарок себе и друзьям** // *Эрмитаж*. № 0. 2003. С. 2 <то же – на англ. яз.>
 351. **Ислам в российском контексте** // *Эрмитаж*. № 1. 2003-2004. С. 60-64 <то же – на англ. яз.>
 352. **История с приватизацией** // *Эрмитаж*. № 1. 2003-2004. С. 43-44 <то же – на англ. яз.>
 353. **Истина в гармонии** // *Родина*. № 1. 2003. С. 39
 354. **Новый старый голландец** // М.К. Эшер в Эрмитаже. *Каталог выставки*. СПб., 2003. С. 4-5
 355. **Память русской культуры** // *Русское искусство в Эрмитаже. К 60-летию Отдела истории русской культуры. Сборник статей*. СПб., 2003. С. 5
 356. **Стиль ампира как продолжение Тильзита** // *Париж – Санкт-Петербург. 1800-1830. Когда Россия говорила по-французски. Каталог выставки*. М., 2003. С. 13
 357. **Строгановы** // *Строгановы. Меценаты и коллекционеры. Каталог выставки*. СПб., 2003. С. 7-9
 358. **Только интересным можно воспитать** // *Нева*. № 10. 2003. С. 160-178
 359. **Эдуардо Челлида в Эрмитаже** // *Эдуардо Челлида. Неслышная музыка*. СПб., 2003. С. 3
 360. **Эрмитаж сквозь века** // *Museum*. № 217. 2003. С. 9-11 <то же – на англ. яз.>
 361. **Эрмитаж в городском пространстве** // *Museum*. № 217. 2003. С. 79-83 <то же – на англ. яз.>
 362. **Эрмитаж. Великие коллекции великого музея**. СПб., 2003. 351 с. (в соавторстве с О.Я. Неверовым) <то же – на англ. яз.>
 363. **Эрмитаж. Альбом**. М., 2003. 613 с. (серия “Великие музеи мира”)
 364. **Эрмитаж: его влияние на развитие культуры России** // *Материалы Временной комиссии Совета Федерации по вопросам подготовки к празднованию 300-летия основания города Санкт-Петербурга*. М., 2003. С. 35-38
 365. **Эрмитаж и Приобье** // *Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки*. Салехард/СПб., 2003. С. 5
 366. **Saving art for all nations-competition or collaboration?** // *Saving art for the national: a valid approach to 21st century collecting. The centenary conference of the National Art collections Fund, London*. London, 2003. P. 133-134
 367. **Год “Черного квадрата”** // *Отчет Государственного Эрмитажа. 2002*. СПб., 2003. С. 3-5 <то же – на англ. яз.>
 368. **Все цвета Марка Ротко** // *Марк Ротко. Каталог выставки*. СПб., 2003. С. 6
 369. **Les leçons de Rembrandt de l'Ermitage** // *Rembrandt et son école*. Paris, 2003. P. 17-19

2004

370. **Государственный Эрмитаж** // *Духовное и физическое здоровье нации. Информационно-публицистический альманах*. Кн. 1-2. М., 2004. С. 182-183
 371. **Дары Надир-шаха** // *Родина*. № 7. 2004. С. 37-39
 372. **Музей и читатели** // Н.В. Нагорский. *Музей в духовной жизни общества*. СПб., 2004. С. 2
 373. **Соловей в Мукалле** // *О Мастере, об Учителе. Памяти В.И. Соловьёва*. М., 2004. С. 5-6
 374. **Кабаковы в Минфине** // *Илья и Эмилия Кабаковы. “Случай в музее” и другие инсталляции*. Bielefeld, 2004. С. 9-11

375. Год двуглавых орлов // *Отчет Государственного Эрмитажа. 2003*. СПб., 2004. С. 3-5 <то же – на англ. яз.>
376. Эрмитаж на реке // *Эрмитаж. № 2*. 2004. С. 2 <то же – на англ. яз.>
377. Эрмитаж и археология // *Эрмитаж. № 3*. 2004-2005. С. 2 <то же – на англ. яз.>
378. Что российский капитал может сделать для искусства // *Эрмитаж. № 3*. 2004-2005. С. 34-38 <то же – на англ. яз.>
379. Эрмитажный Иран – иранский Эрмитаж // *Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций*. СПб., 2004. С. 6
380. Яков Иванович Смирнов // *Изучение персидской культуры на Западе. Тезисы докладов международной конференции*. СПб./Лондон, 2004. С. 66
381. Director's foreword // *Heaven on Earth. Art from Islamic Lands*. Munich, 2004. P. 8
382. Islamic Art: an Introduction // *Heaven on Earth. Art from Islamic Lands*. Munich, 2004. P. 17-29
383. Hermitage week in York // *Hermitage magazine. Special issue*. St. Petersburg, 2004. P. 2
384. Taming monster museum // *Hermitage magazine. Special issue*. St. Petersburg, 2004. P. 10-13
385. The questions of displacement, "confiscations", "loots" and "trophies" // *Claims for the restitution of looted art*. Geneve, 2004. P. 19-23

2005

386. Академический Эрмитаж // *Труды объединённого научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию*. М., 2005. С. 3-8.
387. Архитектура победы // *Эрмитаж. № 4*. 2005. С. 2 <то же – на англ. яз.>
388. В.А. Суслов. 1924-2003. Некролог // *Сообщения Государственного Эрмитажа. № 63*. СПб., 2005. С. 216-218
389. Империя золотой палатки // *Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки*. СПб., 2005. С. 8-9
390. Исторические предания Корана. Слово и образ. СПб., 2005. 159 с. <то же – на англ. яз.>
391. Рождение древнейшей цивилизации // *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 1. М., 2005. С. 37-49 (в соавторстве с А.В. Седовым)
392. Мой Эрмитаж // *Я иду по Миллионной. Улица, дома, люди, события. № 4*. СПб., 2005. С. 10-24
393. Мир Эрмитажа // *Покровитель искусств и наук МЕЦЕНАТ. № 2*. 2005. С. 39
394. Шар для обогрева рукописца... // *Искусство западноевропейской рукописной книги V-XVI вв. Каталог выставки*. СПб., 2005. С. 6
395. Pilgrims in Amsterdam // *Pilgrim treasures Byzantium-Jerusalem*. Zwolle, 2005. P. 129

2006

396. Судите сами // *Эрмитаж. № 1 (6-7)*. 2006. С. 5 <то же – на англ. яз.>
397. Перевод культур // *Эрмитаж. № 2*. 2006. С. 5 <то же – на англ. яз.>
398. Тело и душа Эрмитажа // *Эрмитаж. № 3*. 2006. С. 7 <то же – на англ. яз.>
399. Красота без тела. Мусульманский рецепт // *Эрмитаж. № 3*. 2006. С. 16-17 <то же – на англ. яз.>
400. В Эрмитаже случилась беда // *Эрмитаж. № 4*. 2006. С. 9 <то же – на англ. яз.>
401. Эрмитаж как русский музей // *Эрмитаж. № 4*. 2006. С. 7 <то же – на англ. яз.>

402. Уроки Лас-Вегаса // *Эрмитаж. № 5*. 2006-2007. С. 7 <то же – на англ. яз.>
403. Юбилейное. Друзьям Эрмитажа // *Эрмитаж. № 5*. 2006-2007. С. 80 <то же – на англ. яз.>
404. Музейный детектив // *Музей. № 5*. 2006. С. 4
405. Музей не должен угождать посетителю // *Музей. № 5*. 2006. С. 25-26
406. Посвящается Нине Юрьевне Бирюковой // *На рубеже веков... Искусство эпохи модерна*. СПб., 2006. С. 5
407. Я не отношусь к этой идее серьезно // *АртХроника. № 3*. 2006. С. 58-65
408. Noble collectors // *Collectors of St. Petersburg*. Zwolle/Amsterdam, 2006-2007. P. 127
409. The silver thread // *Silver wonders from the East. Filigree of the Tsars*. Zwolle, 2006. P. 127

2007

410. Театр в Эрмитаже // *Эрмитаж. № 4(9)*. 2007. С. 5 <то же – на англ. яз.>
411. Обманщик Эрмитаж // *Эрмитаж. № 6*. 2007. С. 5 <то же – на англ. яз.>
412. Многомерный Эрмитаж // *Эрмитаж. № 7*. 2007. С. 7 <то же – на англ. яз.>
413. Вкус к собирательству // *Эрмитаж. № 7*. 2007. С. 14-17 <то же – на англ. яз.>
414. Кое-что из уроков Лас-Вегаса // *АртХроника. № 6*. 2007. С. 68-70
415. Бог любит красоту. Мы должны прекратить писать слово «Аллах» с маленькой буквы // *Эрмитаж. № 8*. 2007. С. 8-9 <то же – на англ. яз.>
416. Ислам всегда с нами // *Эрмитаж. № 8*. 2007. С. 5 <то же – на англ. яз.>
417. Необходимо принять национальную программу по безопасности культурного наследия... / *Удалова Н. Кто защитит музей?* // *Музей. № 1*. 2007. С. 7
418. Нести радость прикосновения к вечности. Детский проект «Прошлое на кончиках пальцев» - часть общей музейной программы, важнейшее приобретение Эрмитажа // *Новый Меценат. Специальный выпуск*. 2007. С. 6-7
419. Orchid and parrots // *Art Nouveau during the last Tsars*. Zwolle, 2007. P. 127
420. Persian riddle // *Persia. Thirty centuries of art and culture*. Zwolle, 2007. P. 127
421. Réflexions sur la mémoire russe // *Les sites de la mémoire russe. T. 1. Géographie de la mémoire russe. Sous la direction de Georges Nivat*. Paris, 2007. P. 224-228

2008

422. Археолог из школьного учебника // *Эрмитаж. № 1*. 2008. С. 60-61 <то же – на англ. яз.>
423. Как звучат картины // *Эрмитаж. № 2(11)*. 2008. С. 2 <то же – на англ. яз.>
424. Вторая буддийская выставка // *Пещеры тысячи Будд: российские экспедиции на Шёлковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки*. СПб., 2008. С. 9-11
425. Выступление на пленарном заседании // *Диалог культур и партнёрство цивилизаций. 8-е Международные Лихачёвские научные чтения. Санкт-Петербург, 22-23 мая 2008 г.* СПб., 2008. С. 29-30
426. Здание Главного штаба – важнейший памятник архитектуры // *Явейн О.М. и др. Новая Большая Анфилада. Эрмитаж в Главном штабе*. СПб., 2008. С. 4
427. Ислам, понятый глобально // *От Китая до Европы. Искусство исламского мира. Каталог выставки*. СПб., 2008. С. 8

428. **Между Китаем и Европой. Исторический контекст мусульманского искусства** // *От Китая до Европы. Искусство мусульманского мира. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 15-18
429. **Халифат. Раннеисламское искусство VII-XIII веков** // *От Китая до Европы. Искусство мусульманского мира. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 26
430. **Кармир-Блур – раскопки и книги** // Б.Б. Пиотровский. *История и культура Урарту.* СПб., 2008. С. 7-20
431. **Карниз Зимнего дворца** // *Эрмитаж.* № 3(12). 2008. С. 4 <то же – на англ. яз.>
432. **Культура наследия (фрагмент выступления на Международных Лихачёвских научных чтениях в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в 2008 г.)** // *Адреса Петербурга.* № 32/46. 2008. С. 24-25
433. **Мусульманское искусство. Между Китаем и Европой.** СПб., 2008. 23 с.
434. **Сокровища драгоценных шедевров** // *Эрмитаж.* № 1(10). 2008. С. 2 <то же – на англ. яз.>
435. **О «новом мышлении»** // *Эрмитаж.* № 4(13). 2008. С. 2 <то же – на англ. яз.>
436. **Под знаком Каспара Давида Фридриха** // *От Фридриха до Дикса. Немецкая живопись из Дрезденской галереи новых мастеров. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 5
437. **Тимур Петербургский** // *Пространство Тимура. Петербург-Нью-Йорк. К 50-летию Тимура Новикова. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 12
438. **Уличный прохожий Альберто Джакометти** // *Альберто Джакометти. 1901-1966. Скульптура, живопись, графика. Каталог выставки.* М., 2008. С. 5
439. **Урарту-Арарат** // *У подножия Арарата. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 5-6
440. **Фарфор дело серьезное и символическое** // *Геральдика на русском фарфоре. Поднесение к Рождеству. Каталог выставки.* СПб., 2008. С. 7
441. **Хранитель и война** // *Никулин Н.Н. Воспоминания о войне.* 2-е изд. СПб., 2008. С. 7
442. **Что хранил Б.Б.** // *Борис Борисович Пиотровский: материалы к биографии.* СПб., 2008. С. 5-6
443. **Friedrich the artist and Nicholas the emperor** // *Caspar David Friedrich & the German romantic landscape.* Amsterdam/Zwolle, 2008. P. 8-9
444. **The year of porcelain vases** // *Annual report of 2007.* St. Petersburg, 2008. P. 4-5
- 2009**
445. **Варяги, Русь и Эрмитаж** // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже.* СПб., 2009. С. 5-6 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49)
446. **Взгляд из Эрмитажа.** СПб., 2009. 183 с.
447. **Воспоминания как урок** // Б.Б. Пиотровский. *Страницы моей жизни.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 3
448. **Год Б.Б.** // *Отчёт Государственного Эрмитажа 2008.* СПб., 2009. С. 4-5 <то же – на англ. яз.>
449. **Горы Изергиной** // *Антонина Николаевна Изергина.* СПб., 2009. С. 5
450. **Декоративный Петербург** // *Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет. Иллюстрированная энциклопедия.* СПб., 2009. С. 5-6
451. **Диалог культур как война стереотипов** // *Диалог культур и партнёрство цивилизаций. 9-е Международные Лихачёвские научные чтения. Санкт-Петербург, 14-15 мая 2009 г.* СПб., 2009. С. 112-113
452. **Земля царицы Савской** // *Наука в России.* №5. 2009. С. 28-46 (в соавторстве с А.В. Седовым) <то же – на англ. яз.>
453. **Из истории пролетарского экспрессионизма** // *«Товарищество пролетарского искусства» Фридриха Брасса. Коллекция немецкого авангарда в Советской России. Каталог выставки.* СПб., 2009. С. 5
454. **Коран, переписанный человеческой рукой.** СПб., 2009. 8 с.
455. **Кошка в золотой маске** // *Эрмитаж.* № 1(14). 2009. С. 2 <то же – на англ. яз.>
456. **Музей в диалоге цивилизаций** // *Цивилизации. Вызовы современности.* СПб., 2009. С. 113-118
457. **Музей в спортивной борьбе с журналистами** // *Музей и СМИ: острые проблемы. Материалы международного симпозиума, Санкт-Петербург, 24-25 октября 2007 г., Государственный Эрмитаж.* СПб., 2009. С. 5-10
458. **Очень многие думают, что Эрмитаж – это только музей** // *Н.М. Голь, М.Б. Халтунен. Кошкин дом в Эрмитаже.* СПб., 2009. С. 1
459. **Полтава, Петербург, Пушкин** // *«Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки.* СПб., 2009. С. 6
460. **Поэт влажного Петербурга** // *Борис Смелов. Ретроспектива. Каталог выставки.* СПб., 2009. С. 14 <то же – на англ. яз.>
461. **Праздничный пир героев** // *Дети богов. Античные герои в древнем и новом искусстве. Каталог выставки.* СПб., 2009. С. 2
462. **Россия снова любит критскими иконами** // *Божественные лики. Греческие иконы из коллекции Велимезиса. Каталог выставки.* Афины, 2009. С. 17
463. **Три коллекции** // *Эрмитаж и знаменитые русские коллекционеры. Произведения западноевропейского искусства XII-XIX вв. из собрания П.П. Семёнова-Тян-Шанского, светлейшего кн. А.М. Горчакова, барона А.Л. Штиглица. Каталог выставки.* СПб., 2009. С. 4
464. **Чудеса эмальерного искусства** // *Эмали мира. 1700-2000. Из коллекции Халили.* СПб., 2009. С. 6-7
465. **Эрмитаж 2014. Мастер-план** // *Русский меценат. Альманах социального партнёрства.* № 3. 2009. С. 87-92
466. **Эрмитаж и «вопросы языкознания»** // *Новояз. Британское искусство сейчас. Каталог выставки.* London, 2009. P. 1
467. **Эрмитажный путешественник** // *Ф.А. Жиль. Письма о Кавказе и Крыме.* Нальчик, 2009. С. 5-6
468. **Яд плодов просвещения** // *Просвещение в России: традиции и вызовы нового времени. Материалы 2-го общественно-педагогического форума, 10-11 апреля 2009 г.* СПб., 2009. С. 12-16
469. **A place of seclusion: the State Hermitage museum** // *Space.* May. 2009. P. 26-29
470. **A table as a showcase** // *Four great banquet tables of Catherine the Great from the State Hermitage Museum.* Tokyo, 2009. P. 9
471. **Due boccette contenenti balsamo al Museo dell'Hermitage** // *P. Tchakhotine. Santa Anastasia di Sirmio. Chiese e arte sacra in Europa dal IV al XXI secolo.* Mondovì, 2009. P. 11
472. **La vision del Corano.** Genova/Milano, 2009. 230 p.
473. **Porcellana politica** // *Porcellane imperiali dale collezione dell'Ermitage.* Milano, 2009. P. 10-11
474. **The Imperial Court and the Hermitage** // *At the Russian court. Palace and protocol in the 19th cent.* Amsterdam, 2009. P. 8-11

2010

475. **Выставка, обречённая стать исторической** // Пикассо. Из собраний Национального Музея Пикассо, Париж. Каталог выставки. СПб./Париж, 2010. С. 12
476. **Год Амстелхофа** // Отчёт Государственного Эрмитажа. 2009. СПб., 2010. С. 4-7 <то же – на англ. яз.>
477. **Живое хранилище в Николаевском зале** // Центр Помпиду в Государственном Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 8
478. **Реставрировать, реконструировать, расширить** // Музеи мира в XXI веке: реконструкция, реставрация, реэкспозиция. Материалы международной конференции. СПб., 2010. С. 5 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 50)
479. **Изменяя пространство: «Большой Эрмитаж»** // Музеи мира в XXI веке: реконструкция, реставрация, реэкспозиция. Материалы международной конференции. СПб., 2010. С. 7-10 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 50)
480. **Музейное оружие** // Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 7
481. **Нельзя испускать грехи государства за счёт музеев** // Музей. № 3. 2010. С. 4-5
482. **Новые задачи музейного сообщества** // Музей. № 5. 2010. С. 4-7
483. **Об обязанностях государства перед культурой** // Культурное наследие Российской государственности. Вып. 5, часть 1. Учёные, политики, журналисты, деятели церкви об историческом и культурном достоянии. СПб., 2010. С. 15-16
484. **Правовые тупики музейной жизни** // Культурное наследие и стратегии регионального развития. Материалы Сибирского музейного форума, Красноярск, 20-21 февраля 2009. Красноярск, 2010. С. 30-35
485. **Сосны и зеленоватый селадон** // «Ветер в соснах...»: 5000 лет корейского искусства. Из Национального музея Кореи. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 7
486. **Сосуд с бальзамом в коллекции Эрмитажа** // П. Чахонин. Святая велико-мученица Анастасия. Священный образ и храмы в Европе с VI по XXI век. СПб., 2010. С. 10
487. **Трезвый расчёт. О стратегии Государственного Эрмитажа в отношении contemporary art** // Интерьер+дизайн. №3(153), 2010. С. 58-59
488. **Хранитель и война** // Н.Н. Никулин. Воспоминания о войне. 3-е изд. СПб., 2010. С. 7
489. **Эрмитаж**. СПб., 2010. 410 с.
490. **Эрмитаж давно присутствует в Саратове** // Испанское искусство в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 4
491. **Эрмитаж – необыкновенный** // Государственный Эрмитаж. Сокровища мирового искусства. От века Просвещения до наших дней. Альбом в 2-х книгах. СПб., 2010. С. 8-9
492. **Янтарная карта мира** // Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2010. С. 7
493. **«The most important Alexander of all»** // The immortal Alexander the Great. Amsterdam, 2010. P. 9-10
494. **Paintings that prophesied the spirit of the age** // Matisse to Malevich: Pioneers of Modern Art from the Hermitage. Amsterdam, 2010. P. 8-10
495. **Les trompettes d'argent de la gloire** // Au service des tsars. La garde imperiale russe de Pierre de Grand a la revolution d'Octobre. Paris, 2010. P. 9

2011

496. **Автопортрет с Афродитой** // Энтони Гормили: во весь рост. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 41
497. **«Бумажная архитектура» в мире ислама** // Архитектура в исламском искусстве: сокровища Ага-хана. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 13-17
498. **Венецианское путешествие из Петербурга в Москву** // Дмитрий Пригов. Каталог выставки. Venice, 2011. P. 31
499. **«Возлюбленная тишина». Царица и поэт** // М.В. Ломоносов и елизаветинское время. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6-7
500. **Год двух лестниц** // Отчёт Государственного Эрмитажа. 2010. СПб., 2011. С. 4-5 <то же – на англ. яз.>
501. **Два музея и две площади** // Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения 12-13 мая 2011 года. СПб., 2011. С. 123-124
502. **Дворец и музей** // «Здесь память прошлого ещё жива вокруг». Дворец Меншикова. 1711—2011. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 7
503. **Звери и люди** // Скульптор Борис Воробьёв: фарфор, графика. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6
504. **Хадж в миниатюрах** // Обретение двух святынь. Футухаль-харамайн. Публикация рукописи XVI века из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 6-7
505. **«...И очисти Дом мой для обходящих его, стоящих и кланяющихся, падая ниц». Коран, 22:76. Метафизика и физика хаджа** // Обретение двух святынь. Футухаль-харамайн. Публикация рукописи XVI века из собрания Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 8-41
506. **Историк-поэт** // Ш.К. Ахметшин. Лев Николаевич Гумилев. СПб., 2011. С. 9
507. **Как выглядят гении** // Мастер и его творение. Произведения западноевропейской живописи, скульптуры и графики из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 4
508. **Лейхтенбергские в Румянцевском** // Русские потомки французской династии императрицы Герцогини Лейхтенбергские в Петербурге. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 4
509. **Новое открытие Аравии** // Пути Аравии. Археологические сокровища Саудовской Аравии. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 13-40
510. **Парадоксы мусульманского искусства** // Восток и Запад. Искусство исламского мира. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 5
511. **Петр и музей** // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов. СПб., 2011. С. 15-19
512. **Скульптурность войны** // Генри Мур в Эрмитаже: скульптура и рисунки. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6 <то же – на англ. яз.>
513. **Художник и его модель** // Анни Лейбовиц. Жизнь фотографа. 1990-2005. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6
514. **У Юсуповых** // Мир русского дворянства. Быт и забавы. Эпоха историзма. Каталог выставки. СПб., 2011. С. 6
515. **El Hermitage: un Museo ruso con nombre frances** // El Hermitage en el Prado. Madrid, 2011. P. 19-53
516. **Grey-haired Neptune is Earth's ally** // Rubens, Van Dyck & Jordaens. Amsterdam, 2011. P. 7
517. **Musea en iconen** // Glans en glorie: Kunst van de Russisch orthodoxe kerk. Amsterdam, 2011. P. 8-11 <то же – на англ. яз.>

2012

518. **«Античный» фарфор** // *«Античный фасон» русского императорского фарфора второй половины XVIII века. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 8
519. **Археологическая виртуальность** // *Виртуальная археология. Неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции. Материалы 1-ой Международной конференции.* СПб., 2012. С. 5-6
520. **Библиотека – мать музея** // *Собрание чудное сокровищ книжных. Библиотеке Эрмитажа 250 лет. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 9
521. **Бронзовый Эрмитаж** // *Посмертные бронзы в законодательстве и истории искусства. Международный colloquium.* СПб., 2012. С. 13-15
522. **Венецианское путешествие из Петербурга в Москву** // *ДАП: Дмитрий Александрович Пригов. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 21
523. **Выставка в трёх измерениях** // *Hermitage: 400 years of European masterpieces from the State Hermitage Museum.* Tokyo, 2012. P. 9
524. **Две арфы Сантьяго Калатравы** // *Сантьяго Калатрава: в поисках движения. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 6-7
525. **Живая вода Бахрейна** // *Тилос. Путешествие в загробный мир. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 3
526. **Историк-поэт** // *Лев Николаевич Гумилёв: дороги жизни.* СПб., 2012. С. 9
527. **К 400-летию Дома Романовых** // *Последний российский император. Семья и двор Николая II на рубеже XIX-XX веков. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 5
528. **Медали как музейные символы** // *Медали бесчестия. Каталог выставки.* London, 2012. P. 6
529. **Памятник науке и собирательству** // *«Звучат лишь письма...». К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачёва. Каталог выставки.* СПб., 2012. С. 8
530. **Так шутят после Освенцима** // *Джейк и Динос Чепмены. Конец веселья. Каталог выставки.* Лондон/СПб., 2012. С. 6-7
531. **The eternal Alexander** // *Alexander the Great: 2000 years of treasures.* Sydney, 2012. P. 9-10
532. **The two horns of Alexander the Great** // *Alexander the Great: 2000 years of treasures.* Sydney, 2012. P. 49-51
533. **Impressions of Impressionism** // *Impressionism: sensation & inspiration. Highlights from the Hermitage.* Amsterdam, 2012. P. 7-8
534. **The lessons of Catherine** // *Catherine the Great: an enlightened empress.* Edinburg, 2012. P. X-XI

2013

535. **Герой и принцесса** // *Виллем II и Анна Павловна. Королевская роскошь Нидерландского двора. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 8
536. **Денис Маон – легенда об искусствоведении** // *От Гверчино до Караваджо: сэр Денис Маон и итальянское искусство XVII века. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 11
537. **Дега и литейные бронзы** // *Эдгар Дега. Фигура в движении.* СПб., 2013. С. 10-13
538. **Сумасшедший дом с бронзами** // *Эдгар Дега. Фигура в движении.* СПб., 2013. С. 14-15
539. **Золото и нумизмат** // *Спасский И.Г. Русское золото. Сборник избранных статей.* СПб., 2013. С. 6

540. **Калатрава** // *Эрмитаж.* № 19. 2013. С. 12-15 <то же – на англ. яз.>
541. **Квадрат и буква** // *Утопия и реальность: Эль Лисицкий, Илья и Эмилия Кабаковы. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 10
542. **Люди в чёрном** // *Корпоративное единство. Голландский групповой портрет Золотого века из собрания Амстердамского музея. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 7
543. **Наследие и наследники «Христианского Востока»** // *Христианский Восток.* Т. 6(12). СПб., 2013. С. 9-10
544. **Нетерпимость интеллигентности** // *Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации. XIII Международные Лихачевские научные чтения 16-17 мая 2013 г.* СПб., 2013. С. 143-144
545. **«Публикуется впервые»** // *Премудрость Астреи. Памятники масонства XVIII – первой трети XIX вв. собрания Эрмитажа. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 6-7
546. **Солнце и охрана памятников** // *Белый город: архитектура «Баухауса» в Тель-Авиве. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 4
547. **Так шутят после Освенцима** // *Эрмитаж.* № 19. 2013. С. 50 <то же – на англ. яз.>
548. **Фридрих в Темпельхофе** // *Против света. Немецкое искусство XIX века из коллекции Джорджа Эконому. Каталог выставки.* СПб., 2013. С. 9
549. **Хранитель и война** // *Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. 4-е издание.* СПб., 2013. С. 7
550. **“In fondo sono russo!”** // *Il collezionista di meraviglie. L’Ermitage di Basilewsky.* Silvana Editoriale, 2013
551. **Yet Another Textbook of Russian History** // *Fluxus. Russian atlases: a selection from the Jonas Mekas Visual Arts Center, Vilnius.* St. Petersburg, 2013. P. 8-9
552. **The Lessons of the Museum Sales** // *Selling Russia’s treasures. The Soviet Trade in Nationalized Art. 1917-1938.* New-York/London, 2013. P. 7-9

2014

553. **Зачем и кому нужны выставки?** // *Эрмитаж.* № 20. 2014. С. 8-9 <то же – на англ. яз.>
554. **Подлинные вещи** // *Эрмитаж.* № 20. 2014. С. 66-78 <то же – на англ. яз.>
555. **Об эстетике революции** // *Эрмитаж.* № 20. 2014. С. 79-80 <то же – на англ. яз.>
556. **Ватто** // *Эрмитаж.* № 20. 2014. С. 143-147 <то же – на англ. яз.>
557. **Год особенных выставок** // *Отчет государственного Эрмитажа. 2013.* СПб., 2014. С. 4-5 <то же – на англ. яз.>
558. **Два города** // *Санкт-Петербург столетие спустя.* СПб., 2014. С. 5-6
559. **Ливреи у трона** // *Высочайшего двора служители. Ливрейный костюм конца XIX – начала XX века в собрании Эрмитажа. Каталог выставки.* СПб., 2014. С. 9
560. **Мосты взяты** // *Параллельная программа Европейской биеннале современного искусства «Манифеста 10». Каталог выставки.* СПб., 2014. С. 4 <то же – на англ. яз.>
561. **Кресты над Манифестой** // *Параллельная программа Европейской биеннале современного искусства «Манифеста 10». Каталог выставки.* СПб., 2014. С. 8-10 <то же – на англ. яз.>
562. **Скромная хроника продаж** // *Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи 1929.* СПб., 2014. С. 5-6
563. **Перемещение трофейного искусства** // *Государственный Эрмитаж. Трофейные фонды 1945-1958.* СПб., 2014. С. 12-20

Михаил Борисович ПЛОТРОВСКИЙ
(Санкт-Петербург)

КОРАНИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ¹

Мы являемся свидетелями и участниками рождения нового и интересного направления гуманитарных наук – “коранической археологии”. Этот термин, которого пока нет ни в Google, ни в научной литературе, параллелен знаменитой “библейской археологии”. Изучение Корана и работы археологов, в том числе и отечественных, в Аравии позволяют говорить о такой дисциплине. Параллель термину “библейский” вполне соответствует внутренней концепции Корана, который видит себя Третьим Заветом, пришедшим на смену Торе и Евангелию и продолжающим их миссию и учение. Коран ввел в общее знание многие древние цивилизации, объединив библейскую и арабийскую истории. Правда, эти цивилизации мы еще только узнаем, но реконструировать их можно и нужно с помощью Корана, обязательно учитывая его подход к истории (Плотровский 1991).

Коран, как известно, имеет стройную историософскую схему циклического развития народов в рамках общего поступательного движения от Творения до Суда. Он полон отсылок к известным историческим рассказам, которые все наставительно интерпретируются в духе общей концепции о гордыне людей, чередовании пророков и посланий божеского наказания грешникам. Последовательная линия истории состоит, согласно Корану, именно из таких циклов.

Сегодня мы можем “увязать” многие исторические детали, намеки и образы, которыми “усыпан” текст Корана, с конкретными эпизодами из прошлого Аравии. Самая знаменитая история – рассказ о приезде к царю Соломону царицы Савской (ок. X в. до н.э.). Он сохранился в разных формах и в Ветхом Завете, и в Коране (Первая книга Царей 10: 1-10; Вторая книга Хроник 9: 1-9; Коран 27: 17-44). В последнем приводится имя царицы – Билкис – и красочная история о том, как *джинны* принесли в Иерусалим из Йемена ее трон. Сегодня мы знаем, что древняя Южная Аравия, Саба’ поражала своими монументальными каменными сооружениями, в том числе и тронами. Так что эта деталь – эффектный элемент рассказа, отражающий арабийскую реальность и обладающий вообще характерной для Корана конкретностью и осязаемостью.

¹ Статья является переработанным текстом доклада, прочитанном 29.01.2013 на заседании Президиума РАН.

Не исключено, что имя царицы также отражает некие южноарабийские реалии, хотя, скорее всего, она была не сабейской правительницей, но возглавляла одно из княжеств или племен, вероятно союзных Саба’. Мы знаем о существовании цариц у арабов северной части Аравии, но не имеем никакой информации о женском правлении в реальной Саба’. Приезд царицы связан с возведением храма Соломона, и сабейское посольство как бы отмечало неординарность события и фиксировало установление связей с важным торговым путем, “дорогой ароматов”. Символы этого – богатые подарки.

Известно нам и еще об одном посольстве из Йемена, состоявшемся в конце VIII – начале VII вв. до н.э. Это посольство царей Йасаамара и Карибила в Ассирию. В сообщении о нем также фигурирует храм: в основание здания были заложены благовония и драгоценные камни – типичные арабийские дары-товары. Кажется несомненным, что обе храмовые истории связаны с открытием торговых путей с юга Аравии в Средиземноморье. Сеть международных торговых путей стала основой экономики всего Арабийского полуострова на многие столетия. Вокруг них развивались все исторические события, рождались города и государства. Коран упоминает о причастности к этой торговле мекканцев, говоря о двух караванах – зимнем и летнем: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! / за союз курайшитов, / союз их в путешествии зимой и летом...» (Коран 106: 1-2)². Древние йеменские надписи предоставляют красивую параллель: в одной из них имеется упоминание об организации двух караванов – северного (в Сирию) и южного (в Йемен) с военной охраной. В тексте надписи даже слово «караван» употреблено как в Коране – в единственном числе (Robin 2001: 206-217).

Много древнее был путь из Месопотамии вдоль берегов Аравии к медным копиям Омана и далее в Индию. В начале этого пути в Аравии лежала страна Дильмун (остров Бахрейн и восточное побережье полуострова). Шумеры помещали там страну вечной жизни – рай, один из трех, которые предания разных народов видели в разных частях Аравии.

Тому был и материальный повод. В этих местах на дне соленого моря бьют пресные источники и моряки могли прямо из них черпать чистую питьевую волю. В Коране имеется рассказ о том, как Зу-л-Карнайн (Александр Великий) побывал в месте, где соединяются моря, пресное и соленое – *Маджма ал-бахрайн*. Там обнаружился источник живой воды, в котором воскресла сушеная рыба из его припаса. Дильмун, островной и материковый, хорошо известен археологам. В его древней культуре отчетливо прослеживаются связи с цивилизацией долины реки Инд, а в более позднее время фиксируется мощное эллинистическое наследие, оставленное воинами Александра, который, как считается, планировал морской поход и в Южную Аравию.

Торговые пути и направления делили древнюю Аравию на части. Коран дает нам интересный образ одного из таких делений. Это история пророка Ноя-Нуха, которая, согласно Корану, происходит в Аравии. Его соотечественники поклонялись языческим богам, против которых пророк и восстал. Имена этих богов названы: «и сказали: не оставляйте никаких ваших богов, не оставляйте ни как Вадда, и Сува, и Йагуса,

² Здесь и далее все тексты из Корана приводятся в переводе И.Ю. Крачковского (Коран 1990).

и Йа'ука, и Насра!» (Коран 71: 23). Это боги из разных мест Аравии: Наср представлял земли химйаритов на юге, Йа'ук и Йагус – север Йемена, Сува – Центральную Аравию, Вадд почитался по всему полуострову. Боги воплощались в идолов, и именно они были главным объектом атаки Мухаммада. Жгучая ненависть к идолопоклонству – один из основных эмоциональных настроев ислама, действенный и сегодня от Бамиана до Тимбукту.

Аравия торговых путей и торговых городов была всегда привлекательная, хоть и трудна для завоевателей. Последний царь Вавилона Набонид (556-539 гг. до н.э.) поставил в Харране стелу, где в надписи упоминаются его походы в Аравию. Там фигурирует не только Тайма, которая на семь лет стала его резиденцией, но и оазисы, о которых значительно более подробно мы слышим позднее, в эпоху рождения ислама – Хайбар, Дедан, Фадак и, наконец, Йасриб (Медина). Раскопки в Тайме открыли действительно крупный город, арамейские надписи которого подтверждают рассказы о пребывании там Набонида, о его походах и рейдах с участием местных арабских вождей.

Арабское предание сохранило память об этих походах как о важнейшем этапе в становлении племенной структуры на Аравийском полуострове. Однако оно связывает их с именем Навуходоносора. В этом нет ничего удивительного – как считают многие исследователи произошло “замещение”, когда Навуходоносор заменил Набонида. Это произошло даже в библейской Книге Даниила (4: 30-31) – волшебная история его болезни и излечения относится, как это следует, в частности, из кумранской «Молитвы Набонида», именно к Набониду (Амусин 1971: 326-335).

Археологические материалы позволяют представить себе и материальную культуру соседей, а в дальнейшем покровителей Таймы – народа Лихйан, а также племен других областей Северной Аравии, входивших в сферу арамейского культурного влияния – Дедана, Мидяна.

Во многих местах Корана упоминаются древние народы Аравии, которые были наказаны за свое неверие и гордыню, причем рассказы эти служат доказательством могущества Бога и предупреждением новым гордецам. Среди этих народов – самуд. Самудяне жили в области, называемой Хиджр. Они процветали среди садов и источников, посевов и пальм, «плоды которых нежны» (Коран 26: 148). В долинах они строили дворцы, в скалах высекали себе дома (Коран 7: 74). Самудяне, однако, отклонились от «правильного пути», «полюбили слепоту» (Коран 41: 17), возгордились и забыли об Аллахе, который и даровал им это благополучие. Тогда Бог сделал одного из них, по имени Салих, своим посланником. Он безуспешно увещевал своих сородичей, большая часть из которых смеялась, предлагая доказать подлинность его божественной миссии. Тогда Аллах послал людям весьма характерное испытание – верблюдицу, которую самудяне должны были вне очереди поить и кормить. Но у самудян «вода поделена между нами: каждое питье в свое время» (Коран 54: 28), и они убили верблюдицу. Через три дня пришло наказание – «сотрясение», «вопл», «единственный вопль», «сверканье молний», «и наутро они были в своих жилищах павшими ниц, как будто и не жили там», «они не встали более, превратились в подобие сухой травы в загонах для скота» (Коран 11: 67-71).

Самудяне – народ, известный по разным источникам. Они жили в северном Хиджазе и контролировали торговые пути в южной части Набатейского царства, крупнейшего политического образования Сиро-Палестины и Северной Аравии в первые века до н.э. – первые века н.э. Хиджр – это набатейская Хегра, сегодняшний Мадаин Салих. Самудяне

предшествовали набатеям, были ими подчинены, но продолжали играть существенную роль в регионе и после римского завоевания Набатейского царства. В Хиджазе, в местности Ар-Руввафа, сохранился римский храм, в котором имеется посвятельная надпись где по-гречески и по-набатейски рассказано, как римляне установили мир между различными группами самудян. Свое объединение самудяне называли *шарикат* – «общество», «сотоварищество».

Коран точно и наглядно описывает памятники самудян, причем именно так, как они и сохранились сейчас в Мадаин Салих, древней Хебре. Это *буйут* – гробницы в скалах, входы в которые оформлены в виде фасадов дворцов или храмов. Между ними, в долинах, располагались остатки собственно зданий – *кусур*. Все эти следы былого могущества производили большое впечатление на проходивших мимо по вековым торговым путям арабов и неарабов, навевали мысли о причинах гибели столь блестящей цивилизации, гибели от нашествий кочевников или от землетрясения – на выбор.

Расцвет и гибель североаравийских княжеств отражены во многих упоминаниях и рассказах Корана, в частности – о народе Ар-Расс и истории пророка Шуайба, пытавшегося образумить жителей Мидяна, еще одного племенного образования на торговых путях, известного из библейской истории о Моисее (Коран 7: 85-93; 11: 84-95). К этому же кругу относится, скорее всего, и история о гибели народа ад или адитов (хотя некоторые комментаторы помещают их в Хадрамауте). Адиты были предшественниками самудян. Они жили в песчаной области ал-Ахкаф, были высокого роста, имели большие стада, сады с полноводными каналами. На вершинах холмов они сооружали крепости и, как и другие, забыли о том, что все это дал им Аллах. Не убедил их и посланный им их «брат» Худ, не убедила и внезапная засуха. Тогда Бог уничтожил их. Адиты увидели «облако, направлявшееся к их долинам» и решили, что «это облако, которое пролетит над нами дождь!». Но облако принесло им вихрь «шумящий», «буйный» и «губительный», гром и молнию. Ураган бушевал семь дней и восемь ночей, бросая людей «как стволы пальм опрокинутых». «И наутро оказалось, что видны только жилища их» (Коран 15: 75-77). Эти руины видны и сегодня вдоль древних торговых путей, служа людям укором и напоминанием. Часто народ ад упоминается в “связке” с “многоколонным Ирамом”: «Разве не видел ты, как поступил Господь с адом, Ирамом, обладателем колонн?» (Коран 89: 6-7). Колонны древних сооружений и сегодня поражают путешественников в Пальмире, Петре, Марибе – повсюду на полуострове. Ирам искали в самых разных местах, однако упомянем наиболее вероятную локализацию – в вадии Рум, знаменитой приключениями Лоуренса Аравийского. В своей автобиографии в местности ар-Рамм он описывает столбы, “семь столпов мудрости”, которые являются развалинами храма с колоннами.

Сенсацией в аравийской археологии стали раскопки городища Карйат ал-Фау, столицы государства киндитов, лежавшей на пересечении торговых путей из Центральной и Южной Аравии в Месопотамию. Материалы раскопок дают свидетельства удивительной картины сочетания античной и древнеаравийской культур в первые века н.э. Здесь открыты храмы маинских (йеменских) богов, в которых найдены надписи, упоминающие торговые поездки в Селевкию на Тигре и называющие древний город *джанна* – «сад». Характерно, что и Библия, и Коран так называют рай. Город, конечно же, поражал путешественника: богатые дворцы, храмы и странноприимные дома с фресками и римского типа ложами для отдыха, примитивные идолы и бронзовые фигурки римской ра-

боты, роскошная серебряная посуда и изящная тонкостенная керамика. Здесь рождались арабские племенные княжества киндитов, тут были похоронены их цари, здесь находят первые надписи на арабском языке.

Третьим “райским” местом была Счастливая Аравия, как называли ее греки и римляне. Древняя цивилизация Йемена относительно хорошо изучена, и она заслуживает своей исторической славы. В Коране она также упоминается как символ могущества, погибшего из-за гордыни. В нем описывается гибель главного символа этой цивилизации – Марибской плотины. Новейшие исследования показали, что окончательное разрушение плотины произошло около 570 г. н.э., т.е. во времена, близкие к рождению Мухаммада. Археология также подтверждает точность описания земель древнего оазиса – существование двух областей орошения: «У Сабы в их жилище было знамение: два сада справа и слева – питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его! Страна благая и Господь милосердный! / Но они уклонились, и послали Мы на них разлив плотины и заменили им их сады двумя садами, обладающими плодами горькими, тамариском и немногими лотосами. / Этим воздали им за то, что они не веровали! Разве Мы воздаем кому-нибудь, кроме неверных?!» (Коран 34: 15-17). Здесь опять мы сталкиваемся с удивительной и осязаемой точностью описания в Коране – перечислены три типа растений пустыни от больших деревьев до маленьких кустиков, пришедшие на смену плодородным растениям, произраставшим на некогда орошаемых землях.

Южноаравийская цивилизация являлась важнейшей страницей в истории всей Аравии – городская культура, основанная на международной торговле и развитой системе ирригации, монументальные дворцы-замки, множество храмов, мощные крепости и каналы, статуи из камня и бронзы, многочисленные надписи. Изучение этой цивилизации международным сообществом археологов-сабеистов уже позволило реконструировать многие черты ее истории, экономики и искусства. Она во многом определила облик Аравии, и не только южной, в древности. В Коране упоминается о гибели этой цивилизации и в связи с именем-титолом одного из ее благочестивых царей – Тубба'. Речь идет о знаменитом царе химйаритской династии V в. Абу Карибе Ас'аде. Он был одним из объединителей Йемена в единое государство, поощрял монотеистические тенденции, совершал походы на север в сторону Мекки. Все это подтверждают древние надписи и красочно описывают арабские предания. Царь был знаменитым и символическим, и именно таким, слегка таинственным, выступает он в Коране (Пиотровский 1977).

Священная книга не оставила без внимания драматические события, происходившие в религиозной жизни Йемена. В VI в. здесь распространяется христианство разных толков. Одним из оплотов христиан был торговый город Наджран с его знаменитым храмом, называвшимся Каабой Наджрана и, возможно, превращенном впоследствии в христианскую церковь. Христиане, само собой разумеется, ориентировались на Византию. Другой глобальный игрок, Иран, способствовал распространению на юге Аравии иудаизма. И произошло уникальное – с воцарением Йусуфа Зу Нуваса иудаизм становится государственной религией Йемена. Начались преследования христиан, и в 525 г. н.э. тысячи христиан Наджрана, отказавшиеся отречься от своей веры, были казнены – сожжены. Это событие отразилось во многих христианских текстах. О нем же говорит, и очень многозначительно, и Коран: «Убиты будут владельцы рва / огня, обладающего искрами. / Вот они сидят над ним / и созерцают то, что творят с верующими» (85: 4-10). В этом

пассаже можно увидеть конкретный образ иудейского царя, сидящего на краю рва, в котором заживо сжигают христиан. Однако Коран – священная книга, а священные книги всегда многослойны и могут одновременно говорить о многом. Кораническая археология – одна из частей комментария к Корану. Есть много других слоев, и археология и тут может быть методом их выделения. Так, история про ров может быть понята и понимается как образ спора между религиями с помощью “божьего огня” и как описание будущих мук грешников. Сам же Наджран еще только начинает быть объектом серьезного археологического исследования.

Наджранские казни вызвали к мести и в дело вмешались христиане-эфиопы. Йусуф Зу Нувас был свергнут и погиб около крепости Хусн ал-Гураб, цитадели древнего хадрамаутского порта Кана'. И порт, и дороги к нему были исследованы археологами, в том числе российскими (Salles-Sedov 2010). Российские же исследователи создали основополагающие работы по истории Йемена в предисламское время (Амирханов 1991; 1997; 2006; Городище Райбун 1998; Наумкин 1988; 2012; Пиотровский 1977; 1985; Седов 1998; 2005; Французов 2012; Хадрамаут 1995; Чистов 1998; Frantsouzoff 2001; 2007; Naumkin 1993; Sedov 2005).

Эфиопы продолжили химйаритскую политику походов на север. Особую известность получил Абраха, эфиопский наместник в Южной Аравии, ставший впоследствии химйаритским царем. Он в очередной раз восстановил Марибскую плотину, совершал дальние походы. Один из них остался в памяти мекканцев и нашел отражение в Коране, ибо угрожал непосредственно Мекке и ее возраставшей роли на торговых путях Аравии: «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! / Разве ты не видел, как поступил Господь твой с владельцами слона? / Разве Он не обратил их козни в заблуждение? / И послал на них птиц стаями? / Бросали они в них камни из обожженной глины / И сделал Он их точно нива со съеденными зернами» (Коран 105). Такими словами описан военный поход, в котором участвовал слон. Вполне возможно, что речь идет об эфиопском войске, в состав которого входили боевые слоны. Птиц комментаторы связывают с возникшей в войске эпидемией – сегодня мы знаем, что птицы могут приносить эпидемии. Странный образ «камней из обожженной глины», т.е. кирпичей, неожиданно напоминает о культурных связях с Месопотамией (как и одна из коранических историй о сотворении человека), а образ «съеденных зерен» хорошо перекликается с предыдущими рассказами о древности. Победа над врагами Мекки оказывается очередным наказанием Аллаха грешникам-гордецам. Отметим, что сразу за сурой «Слон» в Коране следует сура «Курайш». Таким образом получается, что спасение Мекки совершено ради процветания торгового союза и каравана курайшитов. В очередной раз мы видим, что Коран легко сочетает конкретность, практичность, философию и высшую религиозную мораль.

Кораническая археология уже родилась, и пора дать ей определение. У нее хорошие перспективы, хотя политическая ситуация и “арабская весна” затрудняют работу археологов. Однако исследования продолжаются, раскопки ведутся. Будут и новые открытия. Сейчас даже в Саудовской Аравии, с ее консерватизмом в повседневной и религиозной жизни, проявляется явный интерес к освоению собственного доисламского наследия и даже гордость им. Хотя все это и происходит на фоне подчеркнутой враждебности ко многим памятникам культуры доисламского времени, у археологии и истории есть хорошие перспективы.

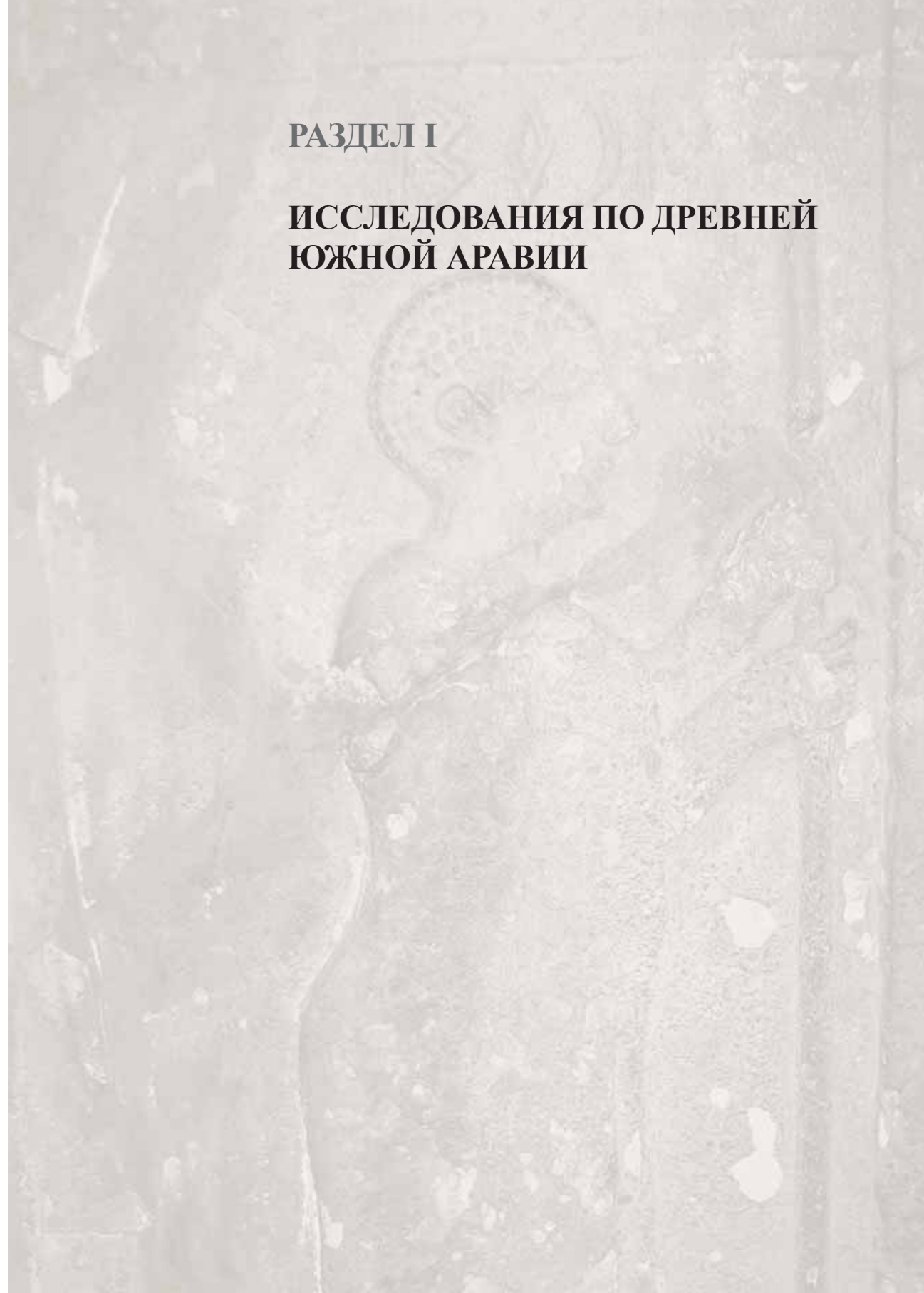

БИБЛИОГРАФИЯ

- Амирханов 1991 – Амирханов Х.А. *Палеолит юга Аравии*. М.
- Амирханов 1997 – Амирханов Х.А. *Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры*. М.
- Амирханов 2006 – Амирханов Х.А. *Каменный век Южной Аравии*. М.
- Амусин 1971 – Амусин И.Д. “Молитва Набонида” // *Тексты Кумрана*. Вып. 1. М., с. 326-335
- Городище Райбун 1996 – *Городище Райбун (раскопки 1983-1987 гг.)*. М. (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том II)
- Коран 1990 – *Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского*. М.
- Наумкин 1988 – Наумкин В.В. *Сокоотрийцы. Историко-этнографический очерк*. М.
- Наумкин 2012 – Наумкин В.В. *Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974-2010 гг.)*. М.
- Пиотровский 1977 – Пиотровский М.Б. *Предание о химйаритском царе Ас‘аде ал-Камиле*. М.
- Пиотровский 1985 – Пиотровский М.Б. *Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества*. М.
- Пиотровский 1991 – Пиотровский М.Б. *Коранические сказания*. М.
- Седов 1998 – Седов А.В. *Монеты древнего Хадрамаута*. М.
- Седов 2005 – Седов А.В. *Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики*. М. (Труды Российской археологической миссии в Республике Йемен. Том III)
- Французов 2012 – Французов С.А. *К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н.э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута*. СПб.
- Хадрамаут 1995 – *Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования*. М. (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Том I)
- Чистов 1998 – Чистов Ю.К. *Антропология древнего и современного населения Южного Йемена. Часть I. Палеоантропология, антропометрия, антропоскопия*. СПб.
- Frantsouzoff 2001 – Frantsouzoff S.A. *Raybūn. Ḥadrān, temple de la déesse ‘Athtar^{am}’/‘Aštar^{am} avec une contribution archéologique d’Aleksandr Sedov*. Fasc. A et B. Paris/Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. Tome 5)
- Frantsouzoff 2007 – Frantsouzoff S.A. *Raybūn. Kafas/Na‘mān, temple de la déesse Dhāt Ḥimyam avec une contribution archéologique d’Aleksandr Sedov et de Juri Vonogradov*. Fasc. A et B. Paris/Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. Tome 6)
- Naumkin 1993 – Naumkin V.V. *Island of the Phoenix. An Ethnographic Study of the People of Socotra*. Reading
- Robin 2001 – Robin Chr. “«La caravane yéménite et syrienne» dans une inscription de l’Arabie méridionale antique” // *L’Orient au Coeur, en l’honneur d’Andre Miquél*. Paris, p. 206-217
- Salle-Sedov 2010 – *Qani’*. *La porte antique du Ḥadramawt entre Méditerranée, l’Afrique et l’Inde. Fouilles russes 1972, 1985-1989, 1991, 1993-1994*. Sous la direction de J.-F. Salles et A.V. Sedov. Brepols (Preliminary Reports of the Russian Archaeological Mission to the Republic of Yemen. Volume IV)
- Sedov 2005 – Sedov A.V. *Temples of Ancient Ḥadramawt*. Pisa

РАЗДЕЛ I

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ АРАВИИ

Mounir ARBACH
(Paris)

QUELQUES REMARQUES SUR LA CHRONOLOGIE DE L'ARABIE DU SUD AUX IIE-IER SIÈCLE AVANT L'ÈRE CHRÉTIENNE¹

L'Arabie du Sud a connu des bouleversements politiques sans précédent au Ier s. av. J.-C., dont les sources épigraphiques sudarabiques et classiques ont fait écho². L'événement qui a marqué ce siècle sur le plan régional fut sans doute l'expédition militaire romaine d'Ælius Gallus en Arabie du Sud en 25 av. J.-C., permettant ainsi, grâce à la conquête de l'Égypte par Rome, le développement et l'intensification des échanges commerciaux par le mer Rouge. La désintégration du royaume de Qatabān, à la suite du détachement des régions des Hautes Terres méridionales, a eu pour conséquence l'apparition sur la scène politique de la dynastie dhū-Raydān/Ĥimyar. De plus, la disparition du royaume de Ma'īn et enfin la montée en puissance du Ḥaḍramawt, avec la fondation du port de Qāni' et l'extension territoriale vers l'est, au port de Khōr Rōrī sur l'océan Indien, constituent à nos yeux les clefs de la compréhension de la situation politique de l'Arabie du Sud de cette période charnière, dont la chronologie fait encore débat (voir en particulier Robin 1998a: 177-188; Arbach 2005-2006: 115-134; Avanzini 2010: 181-192; Robin-Arbach 2013: 119-134).

Excepté l'expédition romaine, qui est datée en 25 av. J.-C., les autres événements cités ci-dessus ne sont pas datés avec certitude. Nous ne savons pas, par exemple, à quel moment précis les tribus des Hautes Terres méridionales se sont détachées du royaume de Qatabān pour former Ĥimyar, ni la date exacte de la disparition du royaume de Ma'īn, ni la date exacte où le souverain du Ḥaḍramawt s'empare du titre de *mukarrib* « unificateur » et étend son autorité vers l'est, à Khōr Rōrī, sur l'océan Indien, en Oman.

L'objet de cet article est de faire quelques remarques sur les problèmes chronologiques qui entourent cette période charnière de l'histoire de l'Arabie du Sud.

Il nous est apparu opportun de dédier cet article au grand savant russe le Professeur Mikhail B. Piotrovsky, pour son soixante-dixième anniversaire, dont l'œuvre scientifique consacrée à l'histoire du Yémen fait référence.

En se fondant sur les fouilles du port de Sumhuram, l'actuel Salāla en Oman (cf. Avanzini 2002a: 13-27; 2002b: 125-140; 2008: 609-641), et sur l'étude du corpus des inscriptions

qatabānites (voir Avanzini 2004a: 2533; 2005: 47-58), A. Avanzini a tout récemment proposé un nouveau cadre chronologie de cette période (cf. Avanzini 2010: 181-192). Selon Avanzini, le royaume de Qatabān perd le contrôle des territoires des Hautes Terres méridionales à partir de la deuxième moitié du IIe s. av. J.-C. Cette perte coïncidait, avec la disparition du long titre que portait les souverains de Qatabān: «*mukarrib* Qataban, de toute la descendance de 'Amm, d'Awsān, de Kahad, de Dahs et de Tabnw» mais également avec la montée en puissance du Ḥaḍramawt et à son alliance avec Saba' contre le royaume de Qatabān. La capitale de ce dernier, Tamna', aurait, selon l'auteur, progressivement perdu son prestige, comme centre politique et commerciale, ce que refléterait la raréfaction de la documentation épigraphique entre le milieu du IIe s. av. et la fin du Ier s. ap. J.-C. Sur le plan du classement chronologique des inscriptions qatabānites par la paléographie³, A. Avanzini considère que le IIe s. av. J.-C. marque également un changement de style, de B2 (IIe s. av.) à C (fin IIe s. av. J.-C. - milieu du IIe s. ap. J.-C.). Et c'est durant cette période, au IIe s. av. J.-C., que l'auteur situe la fin du royaume de Ma'īn en tant qu'État; disparition qu'elle explique par le développement du commerce maritime et le rôle accru des Nabatéens dans le commerce qui succédèrent aux Minéens. Le commerce maritime se développa, selon l'auteur, avec la fondation du port de Sumhuram, au IIIe s. av. J.-C., date qu'elle attribue également au *mukarrib* du Ḥaḍramawt, Sumhuram 'Alhān (Ingrams 2)⁴. Quant à la date du *mukarrib* du Ḥaḍramawt Yashur'il Yuhar'ish fils d'Abiyaša', A. Avanzini le situe au milieu du IIe s. av. J.-C.⁵

Bien que ce nouveau cadre chronologique proposé par A. Avanzini soit valable dans ses grandes lignes, il soulève néanmoins quelques problèmes liés aux dates proposées aux principaux événements des IIe-Ier s. av. J.-C.

Il est hors de notre propos de traiter ici, comme l'a fait A. Avanzini, de tous les problèmes liés à la chronologie de l'Arabie du Sud au Ier millénaire av. J.-C., sujet assez épineux, nous nous limitons donc à la chronologie du Ier s. av. J.-C., à la lumière des nouvelles données épigraphiques.

Conflits et sécession des tribus des Hautes Terres méridionales

Pour situer la sécession des régions des Hautes Terres méridionales anciennement sous contrôle qatabānite, on possède deux repères chronologiques. Le premier est la date du début de l'ère ĥimyarite vers 110 av. J.-C. et de l'ère de Maḍḥa en 40 av. J.-C.⁶ Ces deux dates,

³ L'auteur classe les inscriptions qatabānites du Ier millénaire av. J.-C. en trois styles: A (VIIIe-VIe s. av. J.-C.), B1-B2 (V^e-IIe s. av. J.-C.) et C (fin IIe-Ier s. av. J.-C. - IIe s. ap. J.-C.). Ce nouveau classement paléographique des inscriptions de Qatabān a été développé et adopté dans la publication du corpus des inscriptions qatabānites, voir Avanzini 2004a: 25-33; 2005: 47-58.

⁴ Bien que le port antique de Sumhūrām soit fondé vers le IIIe s. av. J.-C., à ce jour, on ne dispose d'aucune preuve épigraphique, directe ou indirecte, attestant la présence des Ḥaḍramis sur ce site avant le milieu du Ier s. av. J.-C.

⁵ En se fondant sur les derniers résultats obtenus des fouilles de Sumhuram, non encore publiés, la date de ce *mukarrib* du Ḥaḍramawt (KH 8, KH 10) a été révisée à la baisse, milieu du Ier s. av. J.-C. (cf. A. Sedov lors de la tenue des 18ème Rencontre sabéennes à St. Pétersbourg, juin 2014; A. Avanzini, communication donnée à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres en 2014). Cette nouvelle date, conviendrait mieux aux données épigraphiques, notamment aux synchronismes attestés entre Qatabān et le Ḥaḍramawt, sur lesquels notre reconstitution chronologique du Ier s. av. J.-C. est fondée.

⁶ Pour les systèmes de datation en Arabie du Sud par une ère locale, voir surtout Robin 1998b: 121-151 et 9 fig. p. 144-145.

¹ Jérémie Schiettecatte et Irene Rossi ont bien voulu relire cet article et me faire part de leurs précieuses remarques. Qu'ils trouvent ici mes chaleureux remerciements.

² Pour les sources grecques, voir Strabon, *Géographie*, XIV.4.22-24; Plinie, *Histoire naturelle*, VI, 160; *Res Gestae*, 26, 5 (cf. Gagé 1950: 130 et 131).

aujourd'hui acceptées par l'ensemble de la communauté scientifique, correspondraient, par déduction, au déclenchement du processus de détachement des tribus Hautes Terres méridionales et de la formation par celles-ci de la nouvelle entité politique dhū-Raydān/Ḥimyar, dont les premières attestations épigraphiques connues apparaissent selon toute vraisemblance dans la deuxième moitié du Ier s. av. J.-C. L'autonomie des tribus des Hautes Terres méridionales n'a pas été réalisée sans heurts. Des conflits ont éclaté dans lesquels étaient impliqués les principaux acteurs politiques du moment, à savoir Qatabān, le Ḥaḍramawt, Saba' et des tribus des Hautes Terres dont la nouvelle puissance dhū-Raydān/Ḥimyar faisait partie.

Rappelons que les tensions entre Qatabān et le Ḥaḍramawt⁷ réapparaissent au Ier s. av. J.-C., comme en témoigne l'inscription Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B (cf. Arbach-Saqqāf 2001: 110-123; Arbach-Bāṭāyi'-Zabīdī 2013: 76-77, fig. 21 a, b; Avanzini 2004b: 102-111; 2004a: 163-165, fig. p. 226). Cette inscription historique, malheureusement incomplète, nous donne la version qatabānite d'une campagne militaire menée par l'armée de Qatabān, alors dirigée par le souverain de Qatabān Yada'ab Dhubyān Yuhan'im. Le bilan donné de cette expédition militaire, un peu exagéré – trois cents bourgs/villages du Ḥaḍramawt furent brûlés et saccagés – illustrent la violence des combats et l'ampleur de la défaite du Ḥaḍramawt⁸, alors sous le règne de Yada'ab Ghaylān. Mais l'importance de cette inscription réside surtout dans le fait qu'elle fournit un synchronisme entre les souverains de Qatabān Yada'ab Dhubyān Yuhan'im en corégence avec son fils Shahr Hilāl (Yuhan'im) et celui du Ḥaḍramawt Yada'ab Ghaylān qui est invoqué avec ses fils Abīyatha' (Abīyaša' en ḥaḍramawtique) et 'Arq^{um}; ce dernier est attesté pour la première fois et ne semble pas avoir régné. Quant à Abīyatha', qui ne semble pas être monté sur le trône, nous l'identifions avec son homonyme le père de Yashhur'il Yuhar'ish, *mukarrīb* du Ḥaḍramawt, dont il sera question ci-dessous.

Ce synchronisme constitue un repère chronologique précieux pour la date du règne de ce *mukarrīb* du Ḥaḍramawt⁹. La reconstitution chronologique de la dynastie de Yada'ab Dhubyān Yuhan'im et ses successeurs nous a permis de situer de manière approximative les événements rapportés dans Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B dans la première moitié du Ier s. av. J.-C. (cf. Arbach 2002: 7-12; 2005-2006: 115-134) Dans son classement paléographique des inscriptions de Qatabān, A. Avanzini attribue à cette inscription le style B2 (IIe s. av. J.-C.) (cf. Avanzini 2004a: 163-165), alors que si l'on se fonde sur les données

dynastiques et sur les synchronismes entre Qatabān et le Ḥaḍramawt, cette inscription serait à situer vraisemblablement dans la première moitié du Ier s. av. J.-C. (cf. Arbach 2005-2006: notamment p. 123-126). Par ailleurs, on ne connaît pas les raisons exactes qui ont poussé Qatabān à mener cette attaque de grande envergure contre le Ḥaḍramawt. Il n'est pas totalement exclu que ce soit à la suite d'une attaque menée par le Ḥaḍramawt contre Qatabān que ce dernier a répondu par une expédition militaire, comme le laisse supposer l'inscription ḥaḍramawtique fragmentaire RY/79/Te/6 qui évoque une guerre de Qatabān «(w)-dr Qtbⁿ»¹⁰. Une autre possibilité à ne pas exclure, est de considérer que la guerre évoquée dans RY/79/Te/6 soit la même qui est mentionnée dans Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B.

Le royaume de Qatabān a dû surtout faire face à un autre front, celui des régions des Hautes Terres méridionales qui réclamèrent leur autonomie. Peu de inscriptions nous sont parvenues sur cet événement majeur. Les deux inscriptions, *RÉS* 4336 et MQ-Dhī Nā'im¹¹, constituent les seuls témoignages directs illustrant les luttes entre les puissances régionales ; elles font écho d'un conflit qui opposait d'un côté Abī'anas ibn Ma'āhir et Khawlān, de la tribu de Radmān, soutenus par Saba' et le Ḥaḍramawt, et de l'autre côté Shammar dhū-Raydān avec l'appui des tribus de Yāfi' et Maḍḥā.

Ces deux inscriptions fournissent en effet la première mention connue à ce jour de dhū-Raydān. Shammar dhū-Raydān mentionné dans ces deux textes serait, comme l'a suggéré Ch. Robin, à identifier avec Shammar Yuhan'im des monnaies et serait selon toute vraisemblance un des premiers souverains ḥimyarite, dont le règne se situerait entre 50 et 20 av. J.-C. (Robin-Arbach 2013: 119-134).

Par ailleurs, on ne saurait dire avec certitude si la participation du Ḥaḍramawt à ce conflit (*RÉS* 4336) est à mettre en lien avec *RÉS* 2687/3 qui rapporte la construction par le *mukarrīb* du Ḥaḍramawt Yashhur'il Yuhar'ish fils d'Abīyaša' d'un mur à Qalat (actuel al-Binā'), au nord de Qāni'¹¹ pour se protéger contre la puissance montante de Ḥimyar ; il s'agit ici de la plus ancienne mention de Ḥimyar. Si les deux textes renvoient au même conflit, ce qui semblerait probable, le règne de Yashhur'il Yuhar'ish fils d'Abīyaša', *mukarrīb* du Ḥaḍramawt serait également à situer dans cette période, c'est-à-dire au cours de la deuxième moitié du Ier av. J.-C. Comme nous avons vu plus haut, la date du règne de ce souverain du Ḥaḍramawt dépendrait également des nouveaux synchronismes attestés entre Qatabān et le Ḥaḍramawt (Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B; al-Ḥājj al-'Ādī inédit¹²).

Le deuxième repère chronologique pour situer la sécession des Hautes Terres méridionales du royaume de Qatabān, c'est l'abandon du long titre de roi/*mukarrīb* que portaient les souverains de Qatabān, notamment aux IVe et IIIe s. av. J.-C. En effet, les souverains de Qatabān se sont emparé du titre de *mukarrīb* à partir du VIe s. av. J.-C., sous le règne de Hawfi'amm Yuhan'im fils de Sumhūwatar (*RÉS* 3668-3675, etc.), alors qu'il était porté anciennement par

⁷ Les peu d'inscriptions historiques disponibles, relatives aux relations entre ces deux royaumes durant le Ier millénaire av. J.-C. proviennent exclusivement de Qatabān et mentionnent souvent des conflits dus, vraisemblablement, au contrôle de la route commerciale de l'encens reliant l'Arabie du Sud au Proche-Orient. Voir *RÉS* 4329, MuB 673, Pi-Ḥuwydar 1 (du IVe s. av. J.-C.), Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A + B, *RÉS* 4336 (Ier s. av. J.-C.). Seules les deux inscriptions ḥaḍramawtiques Arbach-Bāfaqīh-al-'Uqla 1 (VIe s. av. J.-C.) et RAY/79/Te/6, du Ier s. av. J.-C., mentionnent des conflits avec Qatabān.

⁸ La destruction des zones urbaines du Ḥaḍramawt dont fait état cette inscriptions concordent avec les données archéologiques obtenues des fouilles de sites de Raybūn; ce dernier, semble avoir fait connu des graves événements: incendie et destruction des monuments qui ont précipité son déclin au milieu du Ier s. av. J.-C. Le site de Makaynūn semble lui aussi avoir été abandonné, pour un temps donné, à la même époque. Pour une synthèse des données archéologiques des sites du Ḥaḍramawt, voir surtout Schiettecatte 2011: 173-214.

⁹ La rareté d'inscriptions historiques provenant des sites du Ḥaḍramawt rend difficile l'établissement d'une chronologie solide du Ḥaḍramawt pour cette période.

¹⁰ Pour ces deux inscriptions, voir tout récemment Robin-Arbach 2013: 119-134.

¹¹ La fondation du port antique de Qāni' sur l'océan Indien, au Ier s. av. J.-C., intervient vraisemblablement au moment où le Ḥaḍramawt étend son autorité vers l'est sur le port de Sumhuram (aujourd'hui en Oman), sous le règne du *mukarrīb* du Ḥaḍramawt Yashhur'il Yuhar'ish fils d'Abīyaša'. Sur les recherches archéologiques du site de Qāni', aujourd'hui Bi'r 'Alī, voir surtout Schiettecatte 2011: 203-207.

¹² Cette nouvelle inscription a été présentée par Muḥammad al-Ḥājj, lors des 17ème Rencontres sabéennes, Juin 2013, Paris.

les souverains de Saba' aux VIIIe-VIe s. av. J.-C., et brièvement par les souverains d'Awsān vers le début du VIIe s. av. J.-C.¹³ (as-Saqqaf al-Multaqā 1)¹⁴. Contrairement à Saba', le titre de *mukarrīb* a été porté par les souverains de Qatabān simultanément avec le titre de roi, ce qui laisse supposer que ces deux titres étaient synonymes et avaient les mêmes fonctions et que l'institution monarchique à Qatabān était plus souple qu'à Saba'¹⁵.

Au IVe s. av. J.-C., le royaume de Qatabān connut son apogée, ses souverains contrôlaient alors un vaste territoire couvrant les wādīs Bayhān et Ḥarīb au sud de Marib, le wādī Markha, l'ancien territoire du royaume d'Awsān, et les Hautes Terres méridionales atteignant ainsi les régions sud-ouest jusqu'à la côte de la mer Rouge. Ce contrôle des vastes territoires apparaît dans la titulature du souverain Shahr Ghaylān fils d'Abīshibam « roi de Qatabān, de toute la descendance de 'Amm, d'Awsān, de Kahad, de Dahs et de Tabnw » (CIAS 47.11/b 2) et de son fils Yada'ab Dhubyān Yuhani'm qui porta cette longue titulature de *mukarrīb*¹⁶ (RÉS 3550, RÉS 3880, Pi. Huwyadar 1, MuB 673, etc.), en y ajoutant le territoire de Yarfā' (RES 4328, 'Aqaba Bura' 1).

Le dernier souverain de Qatabān qui porta le long titre de roi/*mukarrīb* de Qatabān fut Yada'ab Yagul Yuhargib fils de Shahr (Ja 405, MQ-Ḥinu az-Zurayr 1) que l'on peut situer vers le début du IIIe s. av. J.-C. (style B1 d'Avanzini).

Quelques temps après, tout en conservant le titre court de «*mukarrīb* de Qatabān», le royaume de Qatabān semble avoir eu des difficultés à conserver pour une longue période le contrôle des vastes territoires. Cette perte des territoires apparaît également dans la titulature de ses souverains qui ont dû abandonner la longue titulature pour céder la place au titre de «*mukarrīb*/roi de Qatabān et de toute la descendance de 'Amm», comme c'est le cas de Yada'ab Ghaylān fils de Fara'karib (MQ-HK 11), du IIe s. av. J.-C. (style B2 d'Avanzini), et de ses successeurs qui, désormais portaient uniquement le titre de «*mukarrīb*/roi de Qatabān». Le dernier souverain de Qatabān ayant porté le titre de *mukarrīb* fut Shahr Yagul Yuhargib fils de Hawfī'amm Yuhan'im (Be 9, RES 2999, etc.) que nous situons vers la fin du Ier s. av. J.-C.¹⁷

En somme, le royaume de Qatabān aurait progressivement perdu, dès le milieu du IIIe s. av. J.-C., le contrôle d'un vaste territoire comprenant les Hautes Terres méridionales et Awsān; ces derniers n'ont manifesté leur autonomie politique qu'à partir du milieu du Ier s. av. J.-C. comme en témoignent les inscriptions laissées par les souverains d'Awsān ou celles mentionnant pour la première fois les nouveaux acteurs politiques, à savoir dhū-Raydān/Ḥimyar. Le territoire du royaume de Qatabān s'est réduit aux deux vallées de Bayhān et Ḥarīb, avec sa capitale Tamna' qui reste, malgré la perte des territoires, le centre politique, religieux et commerciale du royaume. Les inscriptions laissées par ses souverains dans la capitale de Qatabān

tout au long des Ier s. av. J.-C. et ce jusqu'à la fin du Ier s. ap. J.-C. (cf. Arbach 2005-2006; Robin à paraître), ainsi que les données archéologiques du site de Tamna' montrent une occupation du site même après la destruction que la capitale avait subie au milieu du Ier s. apr. J.-C. (cf. de Maigret-Robin 2006).

La chronologie des souverains de Qatabān et les synchronismes avec le Ḥaḍramawt et Ma'in au Ier s. av. J.-C.

Pour établir la chronologie des souverains de Qatabān au Ier s. av. J.-C., on possède quelques repères chronologiques permettant, comme nous l'avons déjà proposé (cf. Arbach 2002: 6-12; 2005-2006: 115-132), la reconstitution d'une séquence royale couvrant le Ier s. av. J.-C. jusqu'au milieu du Ier s. apr. J.-C. Il s'agit des règnes de Yada'ab Dhubyān Yuhan'im en corégence avec son fils Shahr Hilāl Yuhan'im (Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B, RÉS 311, RÉS 4094, MQ-HK 7) et de ses successeurs, Shahr Hilāl Yuhan'im (CIAS 47.10/r 3/c 82, MuB 8, MQ-HK 4, RÉS 3691, RÉS 3693, Lion 1, al-Ḥājj al-'Ādī inédit), Hawfī'amm Yuhan'im (Ja 2473, Phillips-Korotayev, JRy.WBrashear 1, FB-VL 32, ATM 866)¹⁸, Shahr Yagul Yuhargib (CIAS 47.11/o 1, BA, Be 9, RÉS 3566, 3566, 4329, MuB 410, 589, 657, Ja 119, 121, MQ-Maqsara al-Abraq 1, M 222, TT1 A, TT1 656, T.02.B 123, al-'Ādī 21) et enfin Waraw'il Ghaylān Yuhan'im et ses frère et descendants (CIAS 47.11/b 5, 47.11/o 1/F 72, Ja 120, Pi. Ḥuṣn al-Wusr, RÉS 3551, Ry 497, CIAS, Hoqat, T.00.A 20+21+22+28, T.02.A 1). Cette reconstitution chronologique que nous proposons se fonde principalement sur les synchronismes entre d'une part, Qatabān et le Ḥaḍramawt et d'autre part, entre Qatabān et Ma'in. Par ailleurs, le classement chronologique et la dates des monnaies émises par certains de ces souverains de Qatabān confortent cette succession des règnes de Qatabān (cf. Huth 2004: 89-91; 2010). Enfin, la confrontation des données archéologiques et épigraphiques disponibles, notamment les données, disponibles consolide la chronologie proposée, permettant ainsi une meilleure compréhension du contexte historique du Ier s. av. J.-C.

En effet, on possède quatre synchronismes qui fournissent une succession des souverains de Qatabān au Ier s. av. J.-C. Le premier synchronisme, comme nous avons vu plus haut, est attesté dans l'inscription Arbach-Say'ūn 1+ATM 877 A+B entre les souverains de Qatabān Yada'ab Dhubyān Yuhan'im en corégence avec son fils Shahr (Hilāl Yuhan'im) et le souverain du Ḥaḍramawt Yada'ab Ghaylān invoqué à la fin du texte avec ses fils Abīyatha'/Abīyaša' et 'Arq^{um}. Abīyaša' dont il est question ici est, selon toute vraisemblance, à identifier à avec le père de Yashhur'il Yuha'ish, *mukarrīb* du Ḥaḍramawt (RÉS 2687, KR 8, KR 10). En d'autres termes, Yada'ab Ghaylān serait le grand père de ce *mukarrīb* du Ḥaḍramawt qui, d'après RÉS 2687, construit un mur défensif au nord de Qāni' pour se protéger contre Ḥimyar (cf. Robin-Arbach 2013: 119-134).

Le deuxième synchronisme entre Qatabān et le Ḥaḍramawt est fournie par l'inscription al-Ḥājj al-'Ādī inédit, du règne de Shahr Hilāl en corégence avec son fils Hawfī'amm Yuhan'im, rois de Qatabān et Yada'ab Ghaylān, roi du Ḥaḍramawt. Ce dernier, aurait donc connu Yada'ab Dhubyān Yuhan'im en corégence avec son fils Shahr (Hilāl Yuhan'im) et ce dernier avec son fils Hawfī'amm Yuhan'im. Le règne du *mukarrīb* du Ḥaḍramawt Yashhur'il Yuha'ish (RÉS 2687, K 8, K 10) serait, selon toute vraisemblance, contemporain du règne de Hawfī'amm Yuhan'im, roi de Qatabān, et serait à situer dans la deuxième moitié du Ier s. av. J.-C. Contrairement à la date proposée par A. Avanzini, au milieu du IIe s. av. J.-C. (cf. Avanzini 2010: 181-

¹⁸ Dans ce dernier, on apprend que Hawfī'amm Yuhan'im est également le fils d'un certain Anmar^{um}.

¹³ L'existence d'un *mukarrīb* d'Awsān vers le début du VIIe s. av. J.-C., au temps des *mukarrībs* de Saba', laisse supposer que ce titre pouvait être porté simultanément dans deux royaumes. Cette hypothèse est d'autant plus confortée aujourd'hui par la présence des *mukarrībs* à Qatabān et au Hadramawt, au Ier s. av. J.-C. Voir à ce propos Avanzini 2010: notamment p. 189-190.

¹⁴ Pour la période dite des «*mukarrībs* de Saba'», VIIIe-VIe s. av. J.-C., voir surtout Robin 1996: notamment col. 1048-1114.

¹⁵ A ce propos, voir Robin à paraître.

¹⁶ Dans Ja 2362, le même souverain portait également le titre court «*mukarrīb* de Qatabān».

¹⁷ En partant de l'hypothèse selon laquelle Qatabān connut son déclin à partir du IIe s. av. et que Ma'in disparaît de la scène politique vers la fin du IIe s. av. J.-C., A. Avanzini est amenée à situer la dynastie de Yada'ab Dhubyān Yuhan'im, son fils Shahr Hilāl Yuhan'im, son petit-fils Hawfī'amm Yuhan'im et son arrière-petit-fils Shahr Yagul Yuhargib (style B2-C) au IIe-Ier s. av. J.-C. (cf. Avanzini 2004a: 29-30, 78-97; 2010: 184-186).

192), les deux synchronismes entre Qatabān et le Ḥaḍramawt apportent un argument décisif pour situer le *mukarrib* du Ḥaḍramawt Yashhur'īl Yuha'ish fils d'Abīyaśā', vers le troisième quart du Ier s. av. J.-C.

De la corégence, de Shahr Hilāl avec son fils Hawfī'amm Yuhan'im, on possède également un autre synchronisme entre Qatabān et Ma'īn. Il s'agit de l'inscription Lion 1 (cf. Arbach 2005: 21-34; Avanzini 2010: 185-186), du règne de Shahr Hilāl avec son fils Hawfī'amm Yuhan'im, contemporain de Waqah'īl Yatha', roi de Ma'īn.

Enfin, le quatrième et dernier synchronisme de ce siècle est fourni par l'inscription minéenne de Barāqish M 222 (= *RÉS* 2999)¹⁹, du règne de Waqah'īl Yatha' en corégence avec son fils Ilīyafa' Yashur, rois de Ma'īn, et de Shahr Yagul Yuhargib (fils de Hawfī'amm Yuhan'im) roi de Qatabān. Ces deux rois de Ma'īn sont les derniers rois connus de Ma'īn²⁰. Quant au souverain de Qatabān, Shahr Yagul Yuhargib, on sait qu'il est le père de Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im dont le règne se situe au cours de la première moitié du Ier s. apr. J.-C. En effet, la date du règne Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im se fonde principalement sur des styles de monnaies qu'il a émises (cf. Huth 2004: 89-91; 2010).

En adoptant cette succession chronologique des souverains de Qatabān du Ier s. av. J.-C., on peut par conséquent situer les derniers souverains de Ma'īn au tournant de l'ère chrétienne (cf. Robin 1998: 177-187). Cette date, que nous adoptons, impliquerait qu'il y ait un seul souverain de Qatabān portant le nom de Shahr Yagul Yuhargib fils de Hawfī'amm Yuhan'im et qu'il est attesté à la fois à Barāqish (M 222) et à Qatabān (BA, Be 9, CIAS 47.11/o 1, etc.)²¹. En classant les inscriptions du règne de Shahr Yagul Yuhargib en style C (fin du IIe av. J.-C. – milieu du IIe s. apr. J.-C.) et la date de la fin de Ma'īn à la même période (cf. Avanzini 2010: notamment p. 185-186), A. Avanzini semble avoir opté pour la date déjà proposée par H. von Wissmann (cf. von Wissmann 1976: 441 [134], 445 [138], etc.). Pour justifier cette date haute de la fin du royaume de Ma'īn, Avanzini a fait coïncider cette date avec le développement du commerce maritime, via Sumhuram, et l'implication des Nabatéens dans le commerce international. Or on sait que, malgré son apparition sur la scène politique au IIIe s. av. J.-C., le royaume Nabatéen n'a connu son apogée que vers la fin du Ier s. av. J.-C., peu après la campagne d'Ælius Gallus en Arabie du Sud en 25-24 av. J.-C., à laquelle ont participé les Nabatéens, lorsque ce royaume a étendu son territoire vers le nord, à Bosra en Syrie, vers le sud en Arabie septentrionale, à Hégra, et vers l'est, au wādī Sirhān (cf. Nehmé 2005: 1495-1496). Par ailleurs, la première attestation de la présence nabatéenne en Arabie Sud, outre leur participation à l'expédition romaine en 25-24 av. J.-C., remonte à la même période, comme en témoigne l'inscription bilingue sabéo-nabatéenne datée de la troisième année du règne d'Arétas IV (9/8 av.-40 apr. J.-C.) (cf. Nebes 2006: 10). C'est à partir du Ier s. apr. J.-C. que les Nabatéens deviennent très actifs dans le commerce, grâce au développement du commerce maritime entre l'empire Romain et l'Arabie du Sud, notamment avec ses ports du Ḥaḍramawt: Qāni' et Sumhuram.

¹⁹ Pour les problèmes chronologiques soulevés par cette inscription, voir Robin 1998: 177-187; Avanzini 2010: notamment p. 185-186.

²⁰ L'existence de souverains de Ma'īn postérieurs à ces deux souverains, qui auraient régné au cours du Ier s. de l'ère chrétienne, ne sera pas totalement exclu.

²¹ Voir notamment H. von Wissmann (von Wissmann 1976: 441 [134], 445 [138], 452 [145] suiv., 455 [148]). J. Pirenne avait également utilisé cette inscription pour dater la fin de Ma'īn et avait finalement proposé comme date juste avant l'expédition d'Ælius Gallus. Pour tous ces arguments, se reporter à Robin 1998a: 177-187.

Pour récapituler ce qui précède, nous donnerons en fin d'article un tableau chronologique présentant la séquence des règnes à Qatabān, du Ier s. av. J.-C. – milieu du Ier s. apr. J.-C., les synchronismes avec le Ḥaḍramawt, Ma'īn, dhū-Raydān/Ḥimyar, ainsi que les principaux événements.

Au final, les bouleversements que connut l'Arabie du Sud au Ier s. av. J.-C., avec le détachement des régions des Hautes Terres méridionales du royaume de Qatabān, la réapparition du royaume d'Awsān, la montée en puissance de dhū-Raydān/Ḥimyar, la fin du royaume de Ma'īn et enfin, avec l'extension territoriale du Ḥaḍramawt vers l'est, entraînèrent une recomposition complète du paysage politique qui s'est accompagnée de la formation de nouveaux centres de pouvoir dans les Hautes Terres et du changement du tracé des grandes voies du commerce à longue distance, où la piste caravanière cède progressivement la place aux voies maritimes.

BIBLIOGRAPHIE

- Arbach 2002 – M. Arbach. “La chronologie du royaume de Qatabān du Ier siècle av. J.-C. au Ier siècle de l'ère chrétienne” // *Chroniques yéménites* 10, p. 7-12
- Arbach 2005 – M. Arbach. “Un lion en bronze avec nouveau synchronisme miné-qatabānite” // A. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaean Studies. Archaeological, Epigraphical and Historical Studies in honour of Y. M. Abdallāh, A. de Maigret & Ch. J. Robin on the occasion of their 60th birthdays*, Naples/Şan'ā', p. 21-34
- Arbach 2005-2006 – M. Arbach. “Tamna': histoire et chronologie d'après les inscriptions” // *Arabia* 3, p. 115-134
- Arbach-Saqqāf 2001 – M. Arbach, A. al-Saqqāf. “Naqsh jadīd min 'ahd Yada” ab Dhubyān Yuhan'im malik Qatabān wa-Yada” ab Ghaylān malik Hadramawt” // *Raydān* 7, p. 110-123 (partie arabe)
- Arbach-Bāṭāyī'-Zabīdī – M. Arbach, A. Bāṭāyī', Kh. az-Zabīdī. “Nuqūsh qatabāniyya jadīda (3)” // *Raydān*, 8, p. 76-77, fig. 21 a,b (partie arabe) (publication électronique)
- Avanzini 2002a – A. Avanzini. “The History of Khor Rori Area, new perspectives” // A. Avanzini (ed.). *Khor Rori Report 1*. Pisa, p. 13-27
- Avanzini 2002b – A. Avanzini. “The construction inscription on the gate complex” // A. Avanzini (ed.). *Khor Rori Report 1*. Pisa, p. 13-27, 125-140
- Avanzini 2004a – A. Avanzini. *Corpus of South Arabian Inscriptions I-III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions*. Pisa
- Avanzini 2004b – A. Avanzini. “The Qatabānic inscription in the museum of Seyūn” // A. Sedov (ed.). *Scripta Yemenica. Issledovaniya po Yuzhnoj Aravii. Sbornik nauchnih statej v chest' 60-letiya M.B. Piotrovskogo*. Moscow, p. 102-111
- Avanzini 2005 – A. Avanzini. “Chronological development of the Qatabanic corpus and dynasties” // A. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaean Studies. Archaeological, Epigraphical and Historical Studies in honour of Y. M. Abdallāh, A. de Maigret & Ch. J. Robin on the occasion of their 60th birthdays*, Naples/Şan'ā', p. 47-58
- Avanzini 2008 – A. Avanzini. “Notes for a history of Sumhuram and a new inscription of Yashhur'il” // A. Avanzini (ed.). *A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd C. BC-5th C. AD)*. *Khor Rori Report 2*. Rome, p. 609-641

Avanzini 2010 – A. Avanzini. “A reassessment of the chronology of the first millennium BC” // *Aula Orientalis* 28, p. 181-192
 Gagé 1950 – Jean Gagé. *Res gestae divi Augusti, ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Appolloniensi graecis. Texte établi et commenté par J. Gagé.* Paris
 Huth 2004 – M. Huth. “A coin in the name of Hawfi’amm Yuhan’im and the sequence of Qatabanian coinages” // *AAE* 15, p. 89-91
 Huth 2010 – M. Huth. *Coinage of the Caravan Kingdoms. Ancient Arabian Coins from the Collection of Martin Huth.* New York
 de Maigret-Robin 2006 – A. de Maigret, Ch. Robin. *Tamna’, antica capitale di Qatabān. Tamna’, capitale antique de Qatabān.* Şan’ā’
 Nebes 2006 – N. Nebes. “Eine datierte nabatäischsabäische Bilingue aus Şirwāh” // *Jemen-Report* 37/1, p. 10
 Nehmé 2005 – L. Nehmé. “Nabatéens” // J. Leclant (dir.). *Dictionnaire de l’Antiquité.* Paris, p. 1495-1496
 Robin 1996 – Ch. Robin. “Sheba. II. Dans les inscriptions d’Arabie du Sud” // *Supplément au Dictionnaire de la Bible.* Fasc. 70. Paris, col. 1047–1254
 Robin 1998a – Ch. Robin. “La fin du royaume de Ma’in” // *Parfums d’Orient.* Louvain, p. 177-188
 Robin 1998b – Ch. Robin. “Décompte du temps et souveraineté politique en Arabie méridionale” // *Proche-Orient ancien: temps vécu, temps pensé.* Actes de la table-ronde du 15 novembre 1997 organisée par l’URA 1062 «Études sémitiques». Éd. par F. Briquel-Chatonnet, H. Lozachmeur. Paris, p. 121-151
 Robin à paraître – Ch. Robin. “En guise d’introduction. Tamna’ et Qatabān, l’état des lieux” // à paraître
 Robin-Arbach 2013 – Ch. Robin, M. Arbach. “Première mention de dhū-Raydān (vers la fin du Ier s. av. è. Chr.)” // *Raydān* 8, p. 119-134 (publication électronique)
 Schiettecatte 2011 – J. Schiettecatte. *D’Aden à Zafar. Villes d’Arabie du Sud préislamique.* Paris
 von Wissmann 1976 – H. von Wissmann. “Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus” // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt.* Berlin

Sigles des inscriptions

Pour la résolution des inscriptions citées, se reporter à A.K. Kitchen. *Documentation for Ancient Arabia. Part II. Bibliographical Catalogue of Texts.* Liverpool, 2000
 Pour une mise à jour, consulter le site de DASI sur la Toile: *Digital Archive for the Study of Pre-Islamic Arabian Inscriptions, Université de Pisa* (<http://dasi.humnet.unipi.it>).

Tableau chronologique des souverains de Qatabān, avec les synchronismes aux Ier s. av. J.-C. - Ier s. apr. J.-C.

DATE	QATABAN	LE ḤADRAMAWT	MA’IN	DHŪ-RAYDAN/ḤIMYAR
± 75 av. J.-C.	Yada’ab Dhubyān Yuhan’im + Shahr Shahr Hilāl Yuhan’im fils de Yada’ab	<---> Yada’ab Ghaylān + ses fils Abyasa’ et ‘Arq ^{um}		
± 50 av. J.-C.	Shahr Hilāl + Hawfi’amm Yuhan’im Hawfi’amm Yuhan’im Hawfi’amm Yuhan’im + Shahr	<---> Yada’ab Ghaylān [Yashhur’īl Yuhar’ish fils d’Abyasa’]	<---> Waqah’īl Yatha’ [Shammar dhū-Raydān]	
25-24 av. J.-C.	Expédition romaine d’Ælius Gallus			
	Shahr Yagul Yuhargib fils de Hawfi’amm Yuhan’im Waraw’īl Ghaylān Yuhan’im fils de Shahr Yagul Yuhargib Waraw’īl Ghaylān Yuhan’im + son frère Fara’karib Yuhawd’ Waraw’īl Ghaylān Yuhan’im + son fils Dhamar’alī Dhubyān Yuhargib + son petit-fils Yada’ab Yanuf Yuhan’im Dhamar’alī Dhubyān Yuhargib Yada’ab Yanuf Yuhan’im		<---> Waqah’īl Yatha’ + Iliyafa’	
± 75 apr. J.-C.	Destruction de Tamna’ Shahr Hilāl Yuhagbiḍ			

Alessandra AVANZINI
(Pisa)

APPENDIX TO M. ARBACH «QUELQUES RE-MARQUES SUR LA CHRONOLOGIE DE L'ARABIE DU SUD AUX IIE-IER SIÈCLE AVANT L'ÈRE CHRÉTIENNE»

I am very grateful to Mounir Arbach for allowing me to read his article before its publication within this volume in honour of Mikhail B. Piotrovsky. These notes, as appendix to his article, do not wish to oppose different dates, distant chronologies – quite often of decades, if not of centuries – but to pave the way towards a convergence between my chronological hypotheses and those proposed by Mounir Arbach. I am particularly pleased to see that a more collaborative discussion found its space in a volume, edited by Alexander V. Sedov, the chief archaeologist in Sumhuram, in honour of a keen historian such as Mikhail B. Piotrovsky.

I would like to focus on two aspects discussed by Mounir Arbach: the date of the reign of a Ḥaḍrami king, who took the title of *mukarrib*, probably for the last time in ancient South Arabian history, – Yashhur'il Yuhar'ish son of Abīyaša', and the date of the reigns of the Qatabanian kings Shahr Yagul Yuhargib and his son Waraw'il Ghaylān Yuhan'im.

For the first issue – the date of the reign of Yashhur'il Yuhar'ish – I have recently come to agree with Mounir Arbach on the same period (end of the 1st century BC). Nevertheless, as Mounir Arbach rightly says, I have previously offered a different date for the reign of the king. I wish to describe here briefly the process that guided my steps towards the hypothesis of the date for the reign of Yashhur'il in the 2nd century BC (Avanzini 2008).

Despite his full name, with patronymic and royal title, was already attested in the *RES* 2687 inscription published by N. Rhodokanakis in 1917 (Rhodokanakis 1917), it was only thanks to Ch. Robin's article of 1994 (Robin 1994) that a whole epigraphic and numismatic corpus was attributed to this king, as well as his correct name¹. Previously, N. Rhodokanakis had read in *RES* 2687: *Y[k]r'l* (Rhodokanakis 1927: 69 n. 6) and A. Jamme (Jamme 1979: 98) in Ja 2883=KR 8 inscription from Sumhuram: *Ys'rḥ'l*.

¹ For the bibliographical references of the inscriptions cited in this article, please see the online archive of the University of Pisa: DASI - Digital Archive for the Study of pre-Islamic Arabian Inscriptions (<http://dasi.humnet.unipi.it>). The research leading to these results has received funding from the European Research Council under the European Union's Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) / ERC grant agreement n° 269774.

The documentation from Sumhuram is important for Ch. Robin to better describe the historical figure of Yashhur'il, the king of Ḥaḍramawt. The excavations of Italian Mission to Oman, thanks to the large numismatic corpus bearing his name, and to KR 10 inscription, almost fully support his reconstruction. In his article, Ch. Robin suggests to place the *mukarrib*'s reign at the beginning of our era, after the formation of the kingdom of Saba' and dhu Raydān. In the *RES* 2687 inscription, in line 3, the king mentions that the fortress was built *mt ḥdrw b-Ḥmyrm*, «when they were on guard in Ḥimyar». Robin translates «pour se protéger des Ḥimyarites» and, to justify the date of the king in the 1st century AD, he writes: «on imagine facilement une menace ḥimyarite après la fondation du royaume de Saba' et de dhū-Raydān; auparavant, elle serait surprenante» (Robin 1994: 107). I have thought for a long time that the *mukarrib*'s reign was far more ancient, dating to the 2nd century BC.

As we all know, one of the most interesting historical results of the excavations carried out in Sumhuram by Alexander V. Sedov, for the Italian mission, was definitely the date of the foundation of the port during the 'development' of long-distance trade by sea between the Mediterranean and India at the end of the 3rd century BC. The houses' walls lean on the city wall, therefore the latter was built first, followed by the city buildings. Therefore the city wall seemed to have been built at the end of the 3rd century BC. The inscription that mentions Yashhur'il (Ja 2883) was on the monumental entrance to the city, and I thought it was logical to think of a date for the king that was not so distant from the foundation of the city. The defence from Ḥimyar, cited in the *RES* 2687 inscription, at the time of Yashhur'il, did not seem to me a sufficiently convincing argument to establish a definitive late date for his reign. In the context, cited above, Ḥimyar is a toponym that indicates a region where Ḥaḍramawt lived through a period marked by wars and political upheaval, and it does not presuppose the creation of the kingdom of Saba' and dhu Raydān. Moreover, an even earlier date for the reign of Yashhur'il proved useful to A.V. Sedov: the series head/eagle bearing the name of the king was found in Sumhuram in ancient stratigraphic contexts (Sedov 2008: 281) and it seemed possible to find a connection between these coins with an exceptionally large diameter (up to 50 mm) and Ptolemaic coins.

Recently, I felt that the hypothesis of a reign of Yashhur'il in the 2nd century BC did not seem credible any more for two main reasons: the first is an archaeological one (a revision of the construction phases of Sumhuram), and the second is a historical-epigraphic one (the date proposed by Ch. Robin and M. Arbach for the CSAI II, 14=*RES* 4336 inscription, which sheds light to the political situation on the southern plateau, in the second half of the 1st century BC, differently from what was previously known.)

The recent rethinking process of the construction phases of Sumhuram port supports the hypothesis of a reign of Yashhur'il in the second half of the 1st century BC. During the latest excavation campaigns we found, inside Sumhuram, older buildings that formed an ancient settlement, probably without defensive wall and certainly not with the wall that protects the city today. Incidentally, even the most ancient settlement was certainly a new foundation of Ḥaḍramawt outside the borders of the kingdom, as demonstrated by the pottery, the construction technique, and coins. Only after the foundation of this first settlement did the port undergo a remarkable architectural transformation on the inside, and was surrounded by an imposing defensive wall. The construction of the wall and of the most of urban buildings had been a complex work over a long period, and can be dated to the reigns of Yashhur'il and Ili'az Yaluṭ (the king *Eleazos* cited in the *Periplus Maris Erythraei*).

Again, the recent study of the CSAI II, 14=RES 4336 inscription by Ch. Robin and M. Arbach (Robin-Arbach 2013: 124-131) offers a new vision of the political situation on the Yemen southern plateau in the second half of the 1st century BC. The war from which the author of the inscription came back – though wounded in battle – centred on the opposition on one side of a king of Raydān (i.e. a Himyarite king) and on the other – the tribes of Radmān and Khawlān, the kings of Saba' and Ḥaḍramawt.

In their article, Christian Robin and Mounir Arbach discuss about the date of the inscription, and propose to ascribe it to the second half of the 1st century BC and not in the 2nd or 3rd centuries AD, when the alliance between Saba' and Himyar had been broken, as had been previously proposed. The arguments put forward by the two scholars are fully convincing, with evident consequences for a general historical reconstruction. On the one hand, it is possible to deduce that the alliance between Saba' and Himyar, at the beginning of our era, was preceded by a war between the two kingdoms and, as far as we are concerned, that the kingdom of Ḥaḍramawt in the second half of the 1st century BC was an ally of Saba' in the war against a Himyarite king. It is also possible (though still a hypothesis) to include in the historical context described in CSAI II, 14=RES 4336 the reference to the need of Ḥaḍramawt to find protection in the land of Himyar as mentioned in RES 2687 from the period of Yashhur'il. The hypothesis of a reign under Yashhur'il in this phase seems credible.

I have come then to a working hypothesis on the date for the reign of Yashhur'il that is similar to the one proposed by Ch. Robin and M. Arbach in 2013, and now by M. Arbach in his article for this volume. The strength of M. Arbach's hypothesis on a date in the second half of the 1st century BC for the reign of Yashhur'il comes also from a synchronism of a Qatabanic text that he edited (CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1). This aspect of his argument is not entirely convincing and I would like to discuss it here.

The same war is recorded in CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1 and in the inscription al-Ādī 122 presented by M. Al-Hajj at the *Rencontres Sabéennes* in Paris in 2013. From the two inscriptions it is possible to redefine a succession of Qatabanian kings: Yada'ab Dhubyān Yuhan'im and his son Shahr (CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1), Shahr Hilāl and his son Hawfī'amm Yuhan'im (al-Ādī 122) contemporary to the same Ḥaḍrami king (Yada'ab Ghaylān) of whom in CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1, 5 are cited two of his sons' names: 'byl' and 'rqm.

But the synchronic elements between ancient South Arabian kingdoms are not over yet. The two kings Shahr Hilāl and his son Hawfī'amm Yuhan'im are contemporary to the reign of a king of Ma'in (Lion 1), who in turn is probably contemporary – a few years later – to the Qatabanian king Shahr Yagul Yuhargib, son of Hawfī'amm Yuhan'im (RES 2999). The Qatabanian dynasty seems relatively clear: Yada'ab Dhubyān Yuhan'im, Shahr Hilāl, Hawfī'amm Yuhan'im, Shahr Yagul Yuhargib, but the hypothesis that 'byl', cited as son of Yada'ab Ghaylān, should be father to Yashhur'il does not stand on firm ground. In any case, even if we accept the hypothesis from 'byl', and if Yada'ab Ghaylān is the grandfather of Yashhur'il, whom M. Arbach (now fully coherent with my hypothesis) placed in the second half of the 1st century BC, the reign of Yada'ab Ghaylān should be backdated to at least a few decades from the hypothetical date put forward by M. Arbach in his article.

Before continuing to move reigns through the decades, I should clarify the full meaning of the two inscriptions.

M. Arbach maintains that in the two inscriptions a war between the two kingdoms of Qatabān and Ḥaḍramawt is mentioned, and the two kings were mutual enemies. In brief, one of

the many wars that in the 1st millennium saw the two kingdoms fighting each other is reported here. This was also the interpretation of the inscription CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1 that I proposed in 2004 (Avanzini 2004: 163-165).

The reconstruction of the war seemed fully credible, even though at line 4 a problematic sentence appears: *w-kl 's'²b Ḥḍrmwt l-s'lmm l-Yd'²b w-wld 'm w-l-mr'²-s'm Yd'²b*, «and all tribes of Ḥaḍramawt (came together) in peace with Yada'ab, the sons of 'Amm, and with their lord Yada'ab». Both the king of Qatabān and the king of Ḥaḍramawt are called Yada'ab, and the easiest interpretation possible is that the tribes of the Ḥaḍramawt made peace with the two kings: the first Yada'ab is the king of Qatabān, with his allies, the second is «their (of the tribes of Ḥaḍramawt) lord», the king of Ḥaḍramawt. If Qatabān is at war with the king of Ḥaḍramawt, the sentence makes no sense.

I found it hard to believe that the second Yada'ab was the king of Ḥaḍramawt. With some imagination I thought that Yada'ab could indicate both the name of a specific king and, more generally, the royal title (something like *Caesar* in Latin), thus becoming a synonym for the reign of Qatabān.

But there is also another possible interpretation of the war. Qatabān is not at war with the king of Ḥaḍramawt, but with some tribes of Ḥaḍramawt that revolted against their king. This new interpretation of the text recalls a historical situation that happened some centuries later, when the king of Ḥaḍramawt needed help to face rebellious tribes in his reign. In the inscription al-Mi'sāl 4 (Müller 2010: 19-20) from the year 148 of Radmān era (221-222 AD) a rebellion of tribes against the king of Ḥaḍramawt is attested, among which we can find the tribes of *Yhbr*, *q-Hgrm*, *Gdmm*, *Ṣdfn* (al-Mi'sāl 4, 3-4). The same tribes are cited at line 4 of the Qatabanic CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1 inscription. The author of the al-Mi'sāl 4 inscription comes to the rescue of the king of Ḥaḍramawt against the rebellious tribes of the valley of Ḥaḍramawt. Yet again, in this inscription is cited the tribe of Qatabān that came to assist the king of Ḥaḍramawt to oppose the rebels. The Qatabanian reign, and the documentation in Qatabanic language had ended a century earlier, but a tribe of Qatabān still exists.

The strong tendency to autonomy of some tribes in the valley of Ḥaḍramawt, intolerant of the Shabwa central power, has been evidently a constant in the history of Ḥaḍramawt and is an interesting historical information to explain some peculiarities of this kingdom as opposed to other South Arabian kingdoms. Some kings of Ḥaḍramawt strived to re-establish their ownership on the large valley of Ḥaḍramawt, and to control the capital. The war between the king and the tribes in the valley, mentioned in CSAI I, 115=Arbach-Sayūn 1 and in al-Ādī 122, must have been long, and it cannot have been easy to bring the king back to his palace in Shabwa, despite the help of the Qatabanian kings.

But let us take a step back to chronology, and to my chronological hypothesis for the reigns of the two Qatabanian kings Shahr Yagul Yuhargib and of his son Waraw'il Ghaylān Yuhan'im, presented in 2004. In my edition of Qatabanic inscriptions I put forward a date for the two kings that was similar to the one proposed by M. Arbach in his article: the 1st century AD. But, now, I think that this date should be revised. I based this date on an assumption that today I think it is wrong.

For Qatabān we have a few inscriptions that, for sure, can be dated to the 2nd century AD (e.g. CSAI I, 62=H 2c, CSAI I, 156=CIAS 47.82/o 2). I proposed to place this documentation in a period that I called 'D', easily recognizable for the palaeographic style and

for the content of texts. I linked to the documentation in this period, without interruptions, the preceding documentation from C period, which again was easily recognizable and to which belong the documentation for Shahr Yagul Yuhargib and of his son Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im.

Today, I no longer believe that there has been a continuity between the documentation from the 2nd century AD (D period) and the previous one (C period). Qatabān went through a long period of crisis starting from the 1st century BC, probably a 'kingdom of Qatabān' disappeared for a period. In the 2nd century AD, as the alliances among Saba', Ḥimyar and Ḥaḍramawt were broken, Qatabān tried to recreate its political autonomy, with a new capital of the kingdom: Hajar ibn Ḥumayd (the ancient *q-Gylm*).

The archaeological documentation and the epigraphic one are not always coherent with one another. The lack of monumental epigraphic documentation does not provide the evidence that, in some periods and areas, there were no urban settlements, sedentary populations dedicated to agriculture and trade, but proves the lack of a centralised power in those periods and areas that felt the need to produce ideological tools to build consensus and identity. The monumental epigraphic documentation in ancient times was a formidable identity tool: it recorded the power of the god and the king. The language in which these texts are written refers to a political structure, a social group that recognizes itself in that specific political power. That the epigraphic documentation concentrates around specific periods in South Arabian history is historically predictable.

About the crisis of the kingdom of Qatabān at the end of the 1st century BC I think there are numerous elements that may support this hypothesis, therefore it is impossible to date the two reigns of Shahr Yagul Yuhargib and of Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im later on. M. Arbach himself begins his article by recalling the Qatabanian 'désintégration' at the end of the 1st century BC. If this is true, it is not coherent to include the two kings in the 1st century AD. They certainly were two important kings, whose documentation witnessed a period of power in the Qatabanian kingdom. Shahr Yagul Yuhargib took the title of *mukarrīb* and formed a strong alliance with the kingdom of Ma'in, a fact that proves his active presence in trade by land through Arabia. Their reigns cannot, in my opinion, go down after the 1st century BC.

The historical importance of these two kings is shown not only by the splendid works of art in their period, but also by their presence on the Yemen southern plateau. Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im is cited in the inscription CSAII, 54=Pi. Ḥuṣn al-Wusr from the region of the wādī Markha. For centuries Qatabān dominated the plateau directly, then through strong alliance with the local communities. The relationship between the centre of the Qatabanian kingdom and the plateau is the *fil rouge* that guides us through the historical phases of this kingdom.

In the domination phase (in the period that I called 'B1'), the long title of the Qatabanian *mukarrīb* included the names of territories under the central power (*mkrb Qtbn w-kl wld 'm w-'ws'n w-Khd w-Dhs'm w-Tbnw*), later (in the period that I called 'B2') the title included only a generic control over «the sons of 'Amm» (*mkrb Qtbn w-kl wld-'m*) and multiplied the religious titles attributed to the *mukarrīb*. But in this second period (and the following C period) Qatabān is still present on the plateau and imposed its domination – probably a political one, but certainly a cultural control – over local communities. Qatabanic language is still used in the southern plateau's inscriptions and the fact that the Qatabanic CSAI II, 14=RES 4336 inscription does not indicate Qatabān as participant in the war might call for

an ambiguous meaning. Either Qatabān is already lost in deep crisis and is not participating in the wars of the Ḥimyarite king against Saba' and Ḥaḍramawt, or the region to which the author of the text belongs (the wādī Lajiya, tributary of the wādī Markha) is still considered part of the Qatabanian territory.

Some interesting elements for the history of Qatabān in the 1st century BC can be found in some texts from the wādī Ḥarīb. The control of this region is of vital importance for the commercial development of Qatabān. Ḥinū az-Zurayr, the main city of the wādī Ḥarīb is, probably, a Qatabanian new-foundation (Mouton-Sciettecatte 2014: 189-190). The building of the pass that linked the two valleys is one of the impressive construction enterprises undergone at the time when Qatabān exercised its most influential political power in southern Arabia. The tribes in the valley are involved in trade by land (al-'Ādī 5 inscription witnesses the presence of the tribe of *Mrymtm* in Qaryat al-Fāw), but it seems they also had an active participation in trade by sea during the period of the two kings discussed in this paper (Avanzini in press).

During the reign of Shahr Yagul Yuhargib (al-'Ādī 21), some members of the tribe of *Mrymtm* are in Shuka' in the south of Jabal al-'Awd, an area linked to Sawā and to the Red Sea. During the reign of Waraw'īl Ghaylān Yuhan'im, some members of the tribe *Hrbt* of Ḥinū az-Zurayr are in Sawā (CSAI I, 59=RES 4329) and in Zafār (CSAI I, 61=Ry 497). Even though the first inscription is dedicatory and the other two are construction texts, they all have some interesting elements in common: for example, a part of the tribe who lives far away and not a person are the authors of all the three inscriptions (*'rymn ḥwr S'k'm, [s'²](bn q)-(H)rbt ḥwr hgrn S'w'* and *s'²bn 'hrbn ḥwr hgrn Zfr* respectively).

With these three inscriptions it is possible to confront the CSAI II, 6=Ja 2898 inscription, which I considered as Marginal Qatabanic because, even if it comes from the wādī Ḥarīb like the other three, the final invocation to Karīb'il Watar Yuhan'im, king of Saba' and dhu Raydān, made me think that the authors did not consider themselves Qatabanians anymore. The inscription presents further similarities with the inscriptions cited above, like the fact that the author is a part of the tribe living in Zafār (*s'²bn q-Mrymtm ḥwr hgrn Zfr*). In this inscription there is also the formulaic expression *mṭbm ṭwbw*, which – interestingly enough – is attested only in these four inscriptions in the whole South Arabian corpus. It has to be part of a regional formulary used by the writing school of the wādī Ḥarīb.

To be precise, it is interesting that in the only dedicatory inscription there is *mṭbm ṭwbw*, «as an offer that they offered», while in the other three construction inscriptions there is: *bn mṭbm ṭwbw*, «upon the offer that they offered». The inscription CSAI II, 6=Ja 2898 was the work of the writing school of the wādī Ḥarīb but, at the same time, it gives a clear image of how the historical situation in the valley had radically changed. If Karīb'il Watar Yuhan'im is the king cited in the *Periplus Maris Erythraei*, from the inscription we can deduce that in the first half of the 1st century AD the Qatabanian authority did not even reach the wādī Ḥarīb.

Of course, there is also another explanation for the final invocation to the king of Saba' and dhu Raydān. The members of the tribe are living in Zafār, which certainly in the 1st century AD was the capital of the Kingdom of Saba' and dhu Raydān, and in the inscription in their homeland they prefer to remember the king that was reigning in Zafār at that moment. But, to quote the king of another kingdom in an area under the power of the king of Qatabān seems to me frankly too 'politically incorrect' to be acceptable.

The disintegration of Qatabān is witnessed in CSAI II, 6=Ja 2898, and the last great kings must therefore have lived before the 1st century AD. Now it seems to me appropriate to lower the date that I hypothesized in 2010 (Avanzini 2010): end of the 3rd – beginning of the 2nd century BC, for Shahr Yagul Yuhargib and his son Warawʿil Ghaylān Yuhanʿim.

My hypothesis stemmed from the need to find a solution to a general problem within the chronology of the second part of the 1st millennium BC. Under the reigns of Shahr Yagul Yuhargib and his son it is evident that, for the first time, in South Arabia there is a Hellenistic influence. I felt that a later date for the two Qatabanian kings was improbable. The general problem of when Hellenization started to influence South Arabian history of art should be further analysed in full without attributing (casual) dates to the magnificent South Arabian objects where the contact between two cultures results in praiseworthy pieces of fine art. Hellenization in South Arabia not only changes the artistic taste, but seems to have influenced the lifestyle of the élite. In statuary the ways of dressing, of hair styling are ‘Hellenized’, compared to the past.

Also in the Qatabanian coin series emerges very clearly that there is a break in the continuity of style between the coins of Hawfʿamm Yuhanʿim and those of his son Shahr Yagul Yuhargib: in the coins with the name of Shahr Yagul Yuhargib the hair of the male head is surely more Hellenized than the other. It is certainly in the period of Shahr Yagul Yuhargib that a new artistic taste emerged to make its way into Qatabān. It is true that the Ḥimyarite coins adopted either the style of Hawfʿamm Yuhanʿim or, afterwards, that of Shahr Yagul Yuhargib. For this reason the date of the reign of Shahr Yagul Yuhargib and his son could be lower than I thought in 2010, but always before the end of the 1st century BC.

In conclusion, the dates I hypothesized for the *mukarrib* of Ḥaḍramawt and of the two Qatabanian kings (Yashurʿil reigned in the second half of the 1st century BC, and Shahr Yagul Yuhargib and Warawʿil Ghaylān Yuhanʿim reigned before the 1st century AD, probably in the 1st century BC) are closer to the dates proposed by M. Arbach than they were in the past. I believe this is a positive conclusion. Of course, it has to be taken into account that the historical reconstructions proposed so far are hypothetical and we should not fall into the trap of transforming hypotheses in definitive data. But, in my opinion, this is also the most exciting part of the research on the history and languages of ancient South Arabia: a cultural area, whose knowledge is in continuous evolution.

BIBLIOGRAPHY

- Avanzini 2004 – Avanzini A. *Corpus of South Arabian Inscriptions I-III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions*. Pisa (Arabia Antica, 2)
- Avanzini 2008 – Avanzini A. “Notes for a history of Sumhuram and a new inscription of Yashhurʿil” // A. Avanzini (ed.). *A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd C. BC – 5th C. AD)*. *Khor Rori Report 2*. Rome, p. 609-641 (Arabia Antica, 5)
- Avanzini 2010 – Avanzini A. “A reassessment of the chronology of the first millennium BC” // *Aula Orientalis* 28, p. 181-192
- Avanzini in press – Avanzini A. “Qatabanian jars in the port of Sumhuram: notes on the trade by sea in South Arabia” // *Arabia* 5
- Jamme 1979 – Jamme A. *Miscellanées d’ancien arabe IX*. Washington
- Mouton-Schiettecatte 2014 – Mouton M., Schiettecatte J. *In the Desert Margins. The Settlement Process in ancient South and East Arabia*. Rome (Arabia Antica, 9)
- Müller 2010 – Müller W.W. *Sabäische Inschriften nach Ären datiert. Bibliographie, Texte und Glossar*. Wiesbaden
- Rhodokanakis 1917 – Rhodokanakis N. *Studien zur Lexikographie und Grammatik des Altsüdarabischen. II Heft*. Wien/Leipzig
- Rhodokanakis 1927 – Rhodokanakis N. *Altsabäische Texte I*. Wien/Leipzig
- Robin 1994 – Robin Chr.J. “Yashhurʿil Yuharʿish, fils dʿAbiyasaʿ, mukarrib du Ḥaḍramawt” // *Raydān* 6, p. 101-111
- Robin-Arbach 2013 – Robin Chr.J., Arbach M. “Premières mentions de dhū-Raydān (vers la fin du Ier s. av. è. Chr.)” // *Raydān* 8, p. 119-134
- Sedov 2008 – Sedov A.V. “The coins from Sumhuram: the 2001A – 2004A seasons” // A. Avanzini (ed.). *A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd C. BC – 5th C. AD)*. *Khor Rori Report 2*. Rome, p. 277-316 (Arabia Antica, 5)

Vittoria BUFFA
(Rome)

SMALL FINDS FROM THE BRONZE AGE SITE OF MA^cLAYBA (LAHJ PROVINCE, REPUBLIC OF YEMEN)

In 1994 a joint German-Russian archaeological mission under the direction of Burkhard Vogt (formerly at the Deutschen Archäologischen Institut, Sanaa, now at the Kommission für Archäologie Ausseuropäischer Kulturen, Bonn) and Alexander Sedov (formerly at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, now at the Museum of Oriental Arts, Moscow) began researches in the hinterland of Aden, Lahj Province. The project involved excavations at the Late Bronze Age town of Sabir (Vogt 1995; 1996; Vogt-Sedov 1997; Vogt-Sedov 1998a; Vogt-Sedov 1998b; Buffa-Vogt 2001; Vogt-Buffa 2005), and surveys and soundings in the coastal plains of Lahj and in the Khor Umayra lagoon, Gulf of Aden (Amirkhanov-Vogt 2002; Amirkhanov-Vogt-Sedov-Buffa 2001). During these operations several sites of different periods were identified. In 1997 and 1998 a deep sounding was performed in the Bronze Age tell of Ma^clayba, 5 km East of Sabir. Excavation had a maximum extension of about 140 m² for a maximum depth of 7.50 m from the top of the tell, 4.50 m above the modern plain. Six superimposed levels marked by clear traces of human occupation such as huts, timber constructions, pits and fireplaces were unearthed. Irrigation channels were discovered at different levels (Buffa 2000; Buffa 2002a; Buffa 2002b; Buffa 2007: 19-33). Animal bones, fish vertebrae, marine shells and different artifacts were documented.

Small finds

Clay figurines. Hundreds of clay figurine fragments were found in Sabir, mainly on the surface, some from stratified complexes. They represent zoomorphic figurines of goats, sheep and cattle, while anthropomorphic figurines represent almost exclusively obese females, standing or in a seated position (cf., for instance: Buffa-Vogt 2001: fig. 3, 8-10; Buffa 2004, fig. 1); one phallus has also been recorded.

The figurines found in Ma^clayba are of difficult interpretation because of their fragmentation. Three represent either an animal leg or a phallus (fig. 1, 1-3). One is probably a foot of an animal (fig. 1, 11). Other three are fragments of legs of animals or leg of “tables” (fig. 1, 5, 6, 9) (see below). The interpretation favored by the author for the Sabir zoomorphic figurines has been that of domestic symbols carrying a ritual value, representing a supernatural universe concerned with many aspects of domestic life in an agricultural society (Buffa 2005). This interpretation can well be applied also to the zoomorphic figurines found in Ma^clayba. No female anthropomorphic figurines have been recovered at the site.

Clay “tables”. These enigmatic objects are recorded also in the town of Sabir. They consist of a round or rectangular flat surface suspended on legs. Only one round surface is recorded in Ma^clayba. It has a central hole and is decorated with a line of impresso points around the hole and three parallel lines departing from it (fig. 1, 10). Fragments of legs can be attributed to zoomorphic figurines or to clay “tables” (fig. 1, 4, 7, 8). The use of the “tables” is not clear – they could have also a symbolic value and could have been used in unknown rituals.

Bone tools. Seven bone tools were recorded in Ma^clayba. All are very fragmentary except one well preserved specimen of an awl (fig. 2, 1).

Lithic industry. Only one core of basalt was found (fig. 2, 2).

Net-sinkers. Two net-sinkers, made of basalt, present two opposite notches on the long margins (fig. 2, 3, 4). In Ma^clayba fish vertebrae were recovered in numbers from excavation. The presence of the net-sinkers attests that the Ma^clayba community, living 25 km inland, was directly involved, as the Sabir population, in fishing activities.

Personal ornaments. Different personal ornaments were recovered in excavation: a fragmentary bracelet made from a *Strombus tricornus* shell (fig. 2, 5), eight beads obtained from *Persicula brinkae* shell (fig. 2, 6, 8), a shell pendant (fig. 2, 9), and a clay bead (fig. 2, 7).

Chronology

The combination of stratigraphy and typological study of pottery allowed the identification of early phase 1 (divided in 1A, 1B and 1C) and late phase 2. Phases 1A and 1B were identified only in Ma^clayba, while Phase 1C corresponds to the earliest phase of occupation in Sabir, identified in the deepest layers of two deep soundings (Sabir 2C and 8A). Phase 2 is known mainly in Sabir, but it has been identified also in Ma^clayba, in the most superficial layers of the sounding and on the surface (Buffa 2007: 130-169): the surface of the *tell* is covered by numerous fragments of pottery. Their density derives from strong deflation: the disappearance of the sand component caused the compression of cultural layers – of unknown depth – of which the only remaining evidence is given by the presence of the ceramics. Irrigation channels are attested from at least the beginning of the 2nd millennium (Vogt-Buffa-Brunner 2002; Buffa 2007: 170-173).

Nine C¹⁴ determinations allowed to date the occupation of the site between the 20th and 13th centuries BC, with a possible earlier occupation during the late 3rd millennium BC. Phase 1A is dated between the end of the 3rd/beginning of the 2nd millennium and the end of the 19th century BC. To phase 1A is dated the first irrigation channel. Phase 1B is dated to the 18th and 17th centuries BC, and the phase 1C – between the 16th and the end of the 14th century BC. Phase 2 marks in Ma^clayba the end of the anthropic occupation in the 13th century BC (Vogt-Sedov-Buffa 2002; Buffa 2007: 169, 279-282).

The majority of the bone tools and two fragments of clay “tables” were recovered in layers attributed to phase 1A (ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 42 and ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 34). In phase 1B layers (ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 32; ML1A, N, locus 52; ML1A^{ext}, B, locus 24) we found figurines, bone tools and shell beads; in phase 1C layers (ML1A, N, loci 24+25; ML1A+ML1A^{ext}, D, locus 20; ML1A^{ext}, B, locus 8; ML1A+ML1A^{ext}, D, locus 14; ML1A, H, locus 13; ML1A^{ext}, F, locus 15) – beads and a bone tool. The majority of clay figurines, clay “tables”, a shell pendant, a shell bracelet, shell and clay beads and net-sinkers were found on the surface (locus 0' and surface), dated to phase 2. No conclusions can be drawn about the distribution of the finds in the different phases, because the data are biased by the different extensions of the excavated layers.

CATALOGUE

Surface

- M2. Fragment of figurine: leg or phallus. Reddish clay, sand temper, smoothed (fig. 1, 2)
 M4. Fragment of figurine: leg or phallus. Reddish brown clay, sand temper, smoothed (fig. 1, 3)
 M6. Fragment of figurine: leg or phallus. Light reddish brown clay, sand temper and few large white grits, smoothed (fig. 1, 1)
 M9. Shell pendant, sub-rounded shape, flat section, one eccentric suspending hole. Complete (fig. 2, 9)
 M10. Fragment of clay “table” (?): leg. Light reddish brown clay, sand temper and few medium white grits, polished (fig. 1, 4)
 M19. Fragment of bracelet. *Strombus tricornus* shell (fig. 2, 5)
 M20. Fragment of clay “table” or zoomorphic figurine: fragment of leg. Light brown clay, sand temper, polished (fig. 1, 6)
 M21. Fragment of clay “table”: leg. Light reddish brown clay, sand temper, polished (fig. 1, 8)
 M25. Core of basalt (fig. 2, 2)
 S23. Net-sinker with two opposite notches on the long margins. Basalt (fig. 2, 3)
 S40. Net-sinker with two opposite notches on the long margins. Basalt (fig. 2, 4)

MLIA, F, Locus 0'

- M1. Bead: round shape, central hole. Reddish clay, smoothed (fig. 2, 7)
 M5. Fragment of zoomorphic figurine or clay “table”: leg. Light reddish brown clay, little sand temper, polished (fig. 1, 5)

MLIA^{ext}, F, locus 15

- M24. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)

MLIA+MLIA^{ext}, D, locus 14; MLIA, H, locus 13

- M30. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)
 M31. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)

MLIA^{ext}, B, locus 8

- M3. Bead with well smoothed perforation at apex. *Persicula brinkae* shell? (fig. 2, 8)

MLIA+MLIA^{ext}, D, locus 20

- M7. Fragment of pointed tool. Bone (not ill.)

MLIA, N, loci 24+25

- M28. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)
 M29. Bead with well smoothed perforation at apex. *Persicula brinkae* shell (fig. 2, 6)

MLIA^{ext}, B, locus 24

- M8. Fragment of zoomorphic figurine or clay “table”. Light reddish clay, sand temper, polished (fig. 1, 9)

MLIA, N, locus 52

- M22. Three fragments of well polished bone tool (not ill.)

MLIA+MLIA^{ext}, B, locus 32

- M11. Fragmentary of zoomorphic figurine: leg. Brown clay, sand temper with several large black grits and some white, external polished, base coarse (fig. 1, 11)
 M26. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)
 M27. Bead. *Persicula brinkae* shell (not ill.; cf. M29, fig. 2, 6)

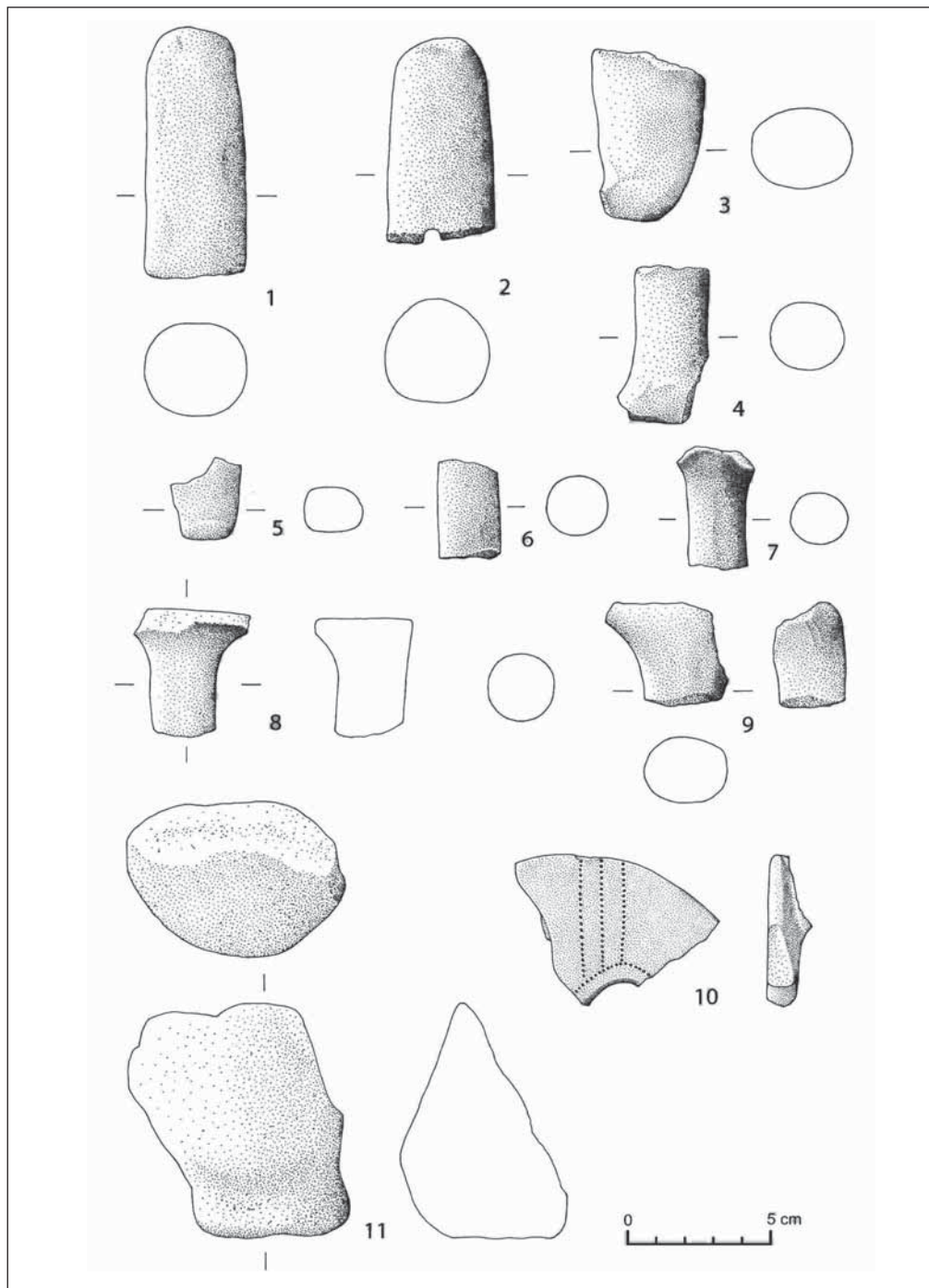
MLIA + MLIA^{ext}, B, locus 34

- M14. Clay “table”: leg. Light reddish clay, sand temper, well burnished (fig. 1, 7)

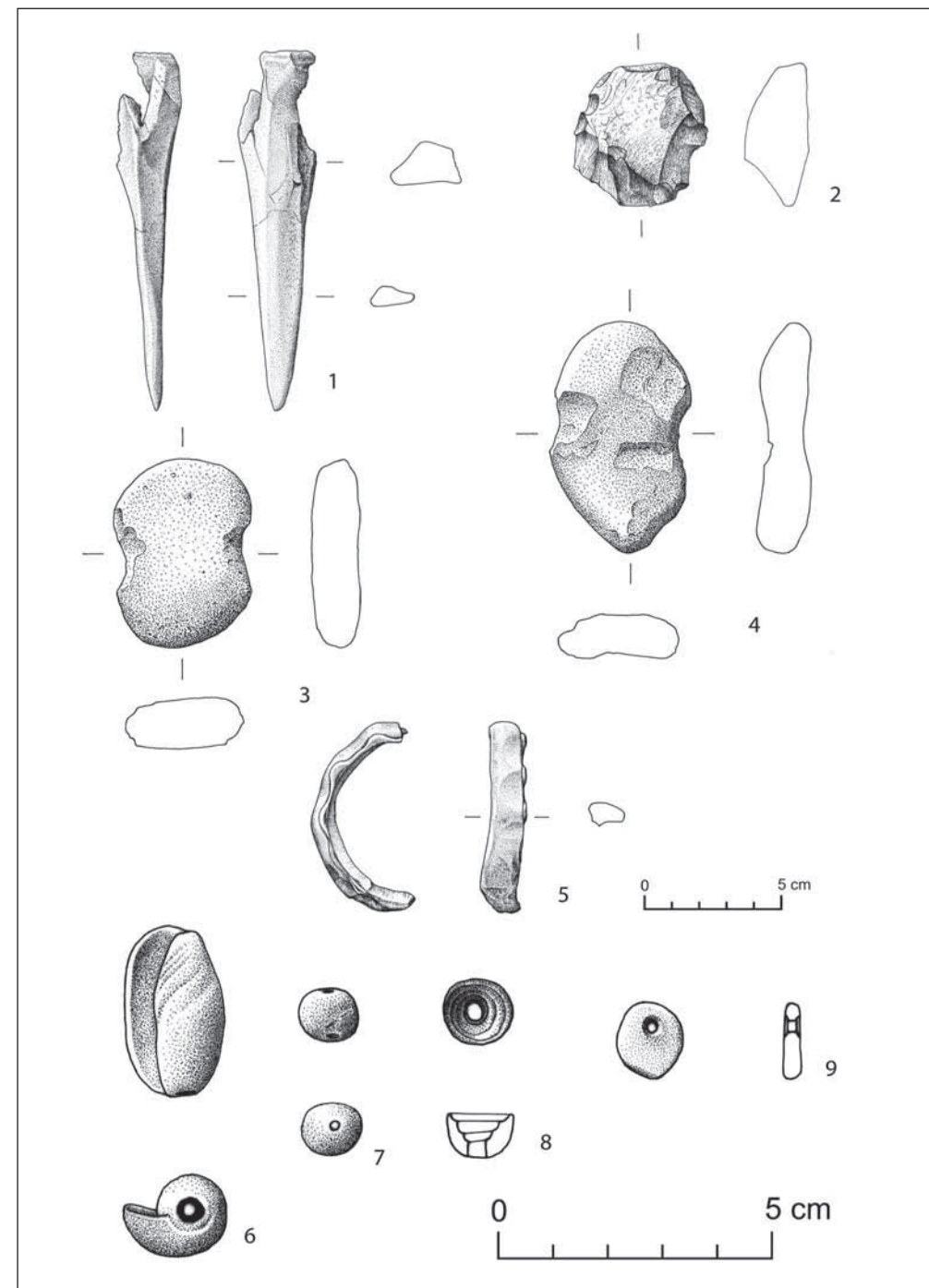
MLIA+MLIA^{ext}, B, locus 42

- M12. Awl. Bone, well polished (fig. 2, 1)
 M15. Two fragments of tool. Bone, polished (not ill.)
 M16. Two fragments of tool. Bone, polished (not ill.)
 M17. Fragment of tool. Bone, polished (not ill.)
 M18. Fragment of tool? Bone, polished (not ill.)
 M23. Fragment of clay “table” decorated with impresso points. Light brown clay, sand temper with some large white and black grits, grey core, polished (fig. 1, 10)

1 – M6, surface; 2 – M2, surface; 3 – M4, surface; 4 – M10, surface; 5 – M19, surface; 6 – M20, surface; 7 – M14, ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 34; 8 – M21, surface; 9 – M8, ML1A^{ext}, B, locus 24; 10 – M23, ML1A+M11A^{ext}, B, locus 42; 11 – M11, ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 32

1 – M12, ML1A+ML1A^{ext}, B, locus 42; 2 – M25, surface; 3 – S23, surface; 4 – S40, surface; 5 – M19, surface; 6 – M24, ML1A^{ext}, F, locus 15; 7 – M1, ML1A, F, locus 0'; 8 – M3, ML1A^{ext}, B, locus 8; 9 – M9, surface

BIBLIOGRAPHY

- Amirkhanov-Vogt 2002 – Amirkhanov H., Vogt B. “Al-Nabwa 2 – the site of the Ancient Fishermen and Mollusk-Gatherers on the Aden Gulf Coast (Republic of Yemen)” // *Rossijskaya Archeologia* 2, p. 30-43 (in Russian)
- Amirkhanov-Vogt-Sedov-Buffera 2001 – Amirkhanov H., Vogt B., Sedov A.V., Buffera V. “Excavations of a settlement of prehistoric fishermen and mollusk gatherers in the Khor Umayra lagoon, Gulf of Aden, Republic of Yemen” // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 4 (8), p. 2-12
- Buffera 2000 – Buffera V. “Una comunità di agricoltori dell’età del Bronzo nell’entroterra di Aden” // *Yemen. Nel paese della Regina di Saba. Catalogo mostra*. Roma, p. 71-73
- Buffera 2002a – Buffera V. “The stratigraphic sounding at Ma^{al}ayba, Lahj Province, Republic of Yemen” // *ABADY* 9, p. 1-13
- Buffera 2002b – Buffera V. “The Sabir cultural sequence in the frame of the archaeology of Coastal Yemen and Northeast Africa Bronze Age: a provisional view” // *ВДИ* 3, с. 175-184
- Buffera 2004 – Buffera V. “Five female figurines from Southwest Arabia and the Horn of Africa” // A. Sedov (ed.). *Scripta Yemenica. Issledovanija po Juzhnoj Aravii. Sbornik nauchnih statej v chest’ 60-letija M. B. Piotrovskij*. Moscow, p. 146-150
- Buffera 2005 – Buffera V. “Cults, symbols and rituals in the late prehistory of Ancient Yemen: some questions from Sabir” // A.M. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaeen Studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Yūsuf M. ‘Abdallāh, Alessandro de Maigret, Christian J. Robin on the occasion of their sixtieth birthdays*. Naples/Šan‘ā, p. 125-134
- Buffera 2007 – Buffera V. *Ma^{al}ayba et l’Âge du Bronze du Yémen*. Mainz am Rhein
- Buffera-Vogt 2001 – Buffera V., Vogt B. “Sabir – Cultural Identity between Saba and Africa” // R. Eichmann. H. Parzinger (Hrsg.). *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend, Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin 1999*. Bonn, p. 437-450
- Vogt 1995 – Vogt B. “Jahresbericht 1994: Station Sanaa – Ausgrabungen und Forschungen” // *Archäologischer Anzeiger* 4, S. 863-867
- Vogt 1996 – Vogt B. “Jahresbericht 1995: Station Sanaa – Ausgrabungen und Forschungen” // *Archäologischer Anzeiger* 5, S. 632-640
- Vogt-Buffera 2005 – Vogt B., Buffera V. “Cultural interaction with the Horn of Africa – a View from Early Arabia” // W. Raunig, S. Wenig (Hrsg.). *Afrikas Horn, Akten der Ersten Internationalen Littman-Konferenz*. Munich, S. 437-456
- Vogt-Sedov 1997 – Vogt B., Sedov A.V. “La culture de Sabir, sur la côte yéménite” // *Yémen, au pays de la reine de Saba*. Exposition présentée à l’Institut du monde arabe. Paris, p. 42-48
- Vogt-Sedov 1998a – Vogt B., Sedov A.V. “The Sabir culture and coastal Yemen during the second millennium BC – present state of discussion” // *PSAS* 28, p. 261-270
- Vogt-Sedov 1998b – Vogt B., Sedov A.V. “Die Sabir-Kultur und die jemenitische Küstenebene in der 2. Hälfte des 2. Jahrtausends v. Chr.” // W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba*. Ausstellungskat. Wien, S. 128-133, cat. n. 77-130
- Vogt-Buffera-Brunner 2002 – Vogt B., Buffera V., Brunner U. “Ma^{al}ayba and the Bronze Age Irrigation in Coastal Yemen” // *ABADY* 9, S. 15-26
- Vogt-Sedov-Buffera 2002 – Vogt B., Sedov A.V., Buffera V. “Zur Datierung der Sabir-Kultur, Jemen” // *ABADY* 9, S. 27-39

Михаил Дмитриевич БУХАРИН
(Москва)

ЮЖНАЯ АРАВИЯ В АНТИЧНОЙ ГЕОГРАФИИ МИФА

Древнейшая засвидетельствованная античная традиция вплоть до VII в. до н.э., не знакомая с реальным Северным Причерноморьем, рассматривала Понт (современное Черное море) как часть Океана, окружавшего ойкумену. Не имея представлений о его северном и восточном побережье, древнейшие античные мифографы полагали, что, переправившись через Понт, т.е. и через Океан, можно было попасть в «мир иной» (Иванчик 2008: 106-111).

Античная традиция сохранила элементы восприятия Черного моря как пути в «царство усопших». В качестве одного из показателей такого восприятия можно рассматривать распространенность киммерийской топонимии на Боспоре. Уже гомеровское описание киммерийцев следует не каким-либо историческим реалиям, а мифологеме: народ, живущий у входа в царство мертвых, наделяется вполне определенными чертами (Иванчик 2005: 57, 63-66). При этом следует учитывать, что с реальными киммерийцами происхождение соответствующих географических названий не связано, как не связана с реальными киммерийцами аналогичная топонимия в Италии: там, где античная традиция располагала вход в царство мертвых, можно было ожидать появления мифологических киммерийцев (Иванчик 2010: 321-322). Северное Причерноморье также было частью традиции о поселении душ умерших на неких островах в Океане на границе «мира иного».

Достаточно длительное время античная традиция, как кажется, не интересовалась южными рубежами ойкумены. Основное внимание мифографов было обращено на соляную ось «восток–запад». Южные регионы попали в сферу античной традиции достаточно поздно, в период бурного развития эллинистической географии. Поход Александра Македонского на Восток и продвижение Птолемея на юг красноморского бассейна в значительной степени перевернули традиционные античные представления о мироустройстве. Выход греко-египетских мореплавателей к южным рубежам современного Красного моря поставил перед античными географами вопрос: как встраивать «новые» регионы в привычные географические каноны?

Если верить Эратосфену (apud Strabo. XVI. 4. 4), то уже спутники Александра и Анаксикрат знали длину аравийского побережья Красного моря, т.е. достигали выхода в открытое море. Они и последовавшие за ними путешественники и торговцы сталкивались с той же географической реальностью, которая повлияла на восприятие крайней западной

и крайней северной окраин ойкумены как переходов из мира живых в царство мертвых. При этом в картине мира Эратосфена вновь возник образ окружающего Океана, исчезнувший было в послегомеровское время. Страбон охотно подтверждает, что земля со всех сторон окружена Океаном (Strabo. I. 1. 3). Именно в связи с этим выходом в окружающий Океан следует рассматривать «перенос» эфиопов из Индии, т.е. современной Южной Азии, в Восточную Африку.

Собственно, и переноса никакого не было. Как некогда киммерийцы, эфиопы возникли там, где античная традиция предполагала наличие выхода на «тот свет». В гомеровское время эфиопы обитали на крайнем востоке и западе (Od. I. 25), причем эта мифологема благополучно дожила до римских времен. Так, Плиний Старший также упоминает народ *Pharusi* и Гесперийский мыс на крайней западной точке Мавритании¹. Эфиопы, упоминаемые Плинием Старшим, не те, что населяли восток современной Африки²; их расположение отражает архаическое представление об эфиопах, населявших восточную и западную оконечности мира³, еще не «перенесенных» в современную Эфиопию⁴. Их расположение на западной оконечности обитаемого мира также зафиксировано в «Географии» Страбона⁵ и в «Памятной книжке» Луция Ампелия, который перечисляет народы Ливии с запада на восток современной Северной Африки: *Aethiopes, Mauri, Numidae, Poeni, Gaetuli, Garamantes, Nasamones, Aegyptii* (Lib. Mem. 6. 5). Во всяком случае, появление эфиопов на юге древнего Эритрейского моря не было связано со знакомством античного мира с темнокожими обитателями Нубии, как иногда утверждается: «...когда позднее стали известны темнокожие обитатели Нубии, лежащей южнее Египта, им дали название эфиопов. Позднее это имя связали с темнокожими обитателями Индии» (Helck 1979: 201).

¹ *postea flumen Salsum, ultra quod Aethiops Perorsos, quorum a tergo Pharusios. his iungi in mediterraneo Gaetulos Daras, at in ora Aethiops Daratitas, flumen Bambotum, crocodilis et hippopotamis refertur. ab eo montes perpetuos usque ad eum, quem Theon Ochema dicemus. inde ad promunturium Hesperu navigationem dierum ac noctium decem. in medio eo spatium Atlantem locavit, ceteris omnibus in extremis Mauretaniae proditum* «Затем – река Сальс, за которой – эфиопское племя перосов, за ними – фарусии. К ним из глубины материка примыкают гетульские дары, а на побережье – эфиопское племя даратитов, река Бамбот, полная крокодилов и гиппопотамов. От этой реки отходит горная цепь, тянущаяся до места, именуемого Колесницей богов. Расстояние до Гесперийского мыса – десять суток плавания; в середине этого пространства он располагает гору Атлас, которую все другие писатели располагают на самой удаленной точке Мавритании» (V. 1/10–11).

² *...qui proximos inhabitent saltus, refertos elephatorum ferarumque et serpentium omni genere, Canarios appellari, quippe victum eius animalis promiscuum iis esse et dividua ferarum viscera. iunctam Aethiopum gentem, quos Perorsos vocant, satis constat* «...народ, который населяет соседние леса, кишашие слонами и змеями всех видов, называют канариями, потому что они питаются подобно собакам и делят с ними мясо диких животных. Точно установлено, что следующим народом является эфиопское племя перорсиев...» (V. 15–16).

³ ἄλλ' ὁ μὲν Αἰθίοπας μετεκίαθε τῆλόθ' ἑόντας, Αἰθίοπας, τοὶ διχθὰ δεδαΐαται, ἔσχατοι ἀνδρῶν, οἱ μὲν δυσσομένου Ὑπερίονος, οἱ δ' ἀνιόντος. «Но в то время он <Посейдон> был в отдаленной стране эфиопов Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит Бог светоносный, другие – где восходит...» (Hom. Od. I. 22–24, пер. В.А. Жуковского).

⁴ Реконструкцию древнейших представлений об эфиопах в античной традиции см.: Иванчик 2005: 23–26.

⁵ Ὑπὲρ ταύτης δ' ἐστὶν ἐπὶ τῇ ἔξω θαλάττῃ ἡ τῶν ἐσπερίων καλουμένων Αἰθίοπων «За Маврусией, на Внешнем море, лежит страна Западных эфиопов» (XVII. 3. 5).

Одним из показателей близости «мира иного» является наличие «Островов блаженных», иногда имеющих иное, трудно объяснимое наименование и цветообозначение (напр.: Левка), но сохраняющих при этом свою «функциональную» принадлежность. Эти острова должны были располагаться на выходе из мира людей. Так, Страбон (*I. I. 5*) описывает эти острова следующим образом:

Καὶ αἱ τῶν μακάρων δὲ νῆσοι πρὸ τῆς Μαυρουσίας εἰσὶ τῆς ἐσχάτης πρὸς δύσιν, καθ' ὃ μέρος συντρέχει καὶ τῆς Ἰβηρίας τὸ ταύτη πέρας· ἐκ δὲ τοῦ ὀνόματος δῆλον ὅτι καὶ ταύτας ἐνόμιζον εὐδαίμονας διὰ τὸ λησιάζειν τοιοῦτοις χωρίοις

«Также и Острова блаженных лежат к западу у самой западной части Маврусии, у той ее части, где граница Маврусии соприкасается с границей Иберии. И само название их показывает, что эти острова считались блаженными вследствие близости к таким странам» (пер. цит. по: Стратановский 1994: 8).

Острова блаженных (Νήσοι τῶν Μακάρων, Μακάρων Νήσοι), или Счастливые острова (νῆσοι εὐδαίμονες), античная традиция располагала на окраинах известного мира: и на крайнем севере (*Plin. NH. IV. XIII/93*), и на крайнем юге (ср. *Agath. De mari. 105a*), и на крайнем западе (*Hes. Op. et dies. 171*). И Южная Аравия в данном случае не является исключением. Так, Агафархид Книдский (*De mari. 105a*) сообщает о том, что рядом со страной сабеев расположены Счастливые острова, на которых водится много белых животных, и даже морская вода имеет соответствующий оттенок:

Παρὰ δὲ τὴν χώραν ταύτην ἢ μὲν θάλαττα λευκὴ φαίνεται, ποταμῶ ἐμφερῆς, ὥστε παραλήττεσθαι τοῦ γινόμενου τὴν αἰτίαν, νῆσοι δὲ εὐδαίμονες παράκεινται, ἐν αἷς βοσκήματα λευκὰ μὲν ἐστί πάντα».

«Вдоль этой страны море кажется белым и похожим на реку, так что причина этого явления неясна; рядом расположены Счастливые острова, на которых весь скот белый».

Точного отождествления данные острова не имеют (предполагается отождествление с Сокотрой или Аденом/Малым Аденом⁶), да и едва ли могут иметь. Дальнейшее указание Агафархида на то, что на этих островах видны суда, прибывающие из Индии, говорит в пользу того, что исторически это место должно соответствовать району Адена: приблизительно о том же говорит и «Перипл Эритрейского моря», описывая крайний юго-запад Аравии (26: 8. 27-31). Показательно, что Агафархид говорит именно об «островах», т.е. о том, что должно быть в географии мифа, а не о том, что было в реальности, как «Перипл».

В описании Южной Аравии в античной традиции обращает на себя внимание то, что из всего массива этнических и географических названий некоторые напрямую ассоциируются с персонажами античной мифологии, имеющими непосредственное отношение к границе между миром живых и усопших. Так, Плиний Старший (*NH. VI. XXXII/157-158*) упоминает среди народов Южной Аравии минеев и радамеев:

[...] Minaei, a rege Cretae Minoe, ut existimant, originem trahentes, quorum Carmei. [...] Rhadamaei (et horum origo Rhadamanthus putatur, frater Minois).

«...минеи, происходящие, как они полагают, от критского царя Миноса, частью их являются кармеи. ... Радамаеи (а они, как полагают, происходят от Радаманта – брата Миноса)».

⁶ Подробнее с литературой см.: Burstein 1989: 169, n. 2.

Исторически данные народы соответствуют древнеюжноаравийским общностям: M'N = Ma'ину (столицей Ma'ина являлся город Карнау, древнеюжноаравийский QRNW) и DRDM⁷.

Показательно, что именно с Миносом и Радамантом отождествляет неизвестный информатор Плиния Старшего (его данные могут датироваться периодом между серединой I в. до н.э. и серединой I в. н.э.⁸) два южноаравийских этноса, выбранных из многих, не отождествленных. Интересно и то, что они совершенно не сопоставимы ни по значению, ни по занимаемой территории. Так, минеи составляли целое государство с рядом укрепленных городов; они вели трансаравийскую торговлю благовониями вплоть до Египта, Восточного Средиземноморья и о. Делос. Род зу-Радам, занимавший территорию байт-Радам, мог быть выделен автором данного отрывка лишь при условии, что его название совпадало именно с тем, что он сам хотел увидеть или услышать в данном южноаравийском имени.

Минос – сын Зевса (брат Сарпедона и Радаманта) от Европы. Минос царствовал на Крите после кончины Асетрия, усыновившего его. После своей кончины он стал судьей умерших вместе с Радамантом и Эаком – сыном Зевса и нимфы Эгины, предстоя, однако, над ними (*Plat. Gorg. 526b-c*).

Радамонт, как и Минос, являлся сыном Зевса от Европы. После смерти Радамонт за свою справедливость был вместе с Миносом поставлен судить людей в Аиде (*Pind. Ol. II. 75; Plat. Gorg. 526b; Apollod. III. 1. 2*), и именно Радамонт отправляет души благочестивых на Острова Блаженных (ἐς μακάρων νήσους) (*Plat. Gorg. 526c*). Таким образом, информатор Плиния Старшего выделил из всего массива аравийской этно- и топонимики лишь два имени, которые имели созвучие с привычными ему именами судей в царстве мертвых. При этом имя Сарпедона – третьего брата Миноса и Радамата – никак не было выделено, вероятно, именно по той причине, что Сарпедон не являлся судьей в царстве мертвых.

Неизвестный автор «Перила Эритрейского моря» (40-70 гг. н.э.) упоминает (33: 11. 13) остров Сарапис (Σαράπιδος; Клавдий Птолемей – 293; VI. 7. 46 – упоминает его как Σαραλιάδος), отождествляемый с современным о. Масира⁹. Интерпретированное название данного острова выдает его отождествление с именем греко-египетского божества Сараписа (Сараписа; нельзя не отметить и некоторое фонетическое сходство с именем Сарпедона – Σαρπηδών). Сарапис – изначально синкретическое божество, соединившее образы бога плодородия и владыки Царства мертвых, Осириса и Аписа, а также Исиды. Культ Сараписа – покровителя царской династии Птолемеев¹⁰ – был введен Птолемеем I Сотером, а в римскую эпоху это божество стало ассоциироваться с божеством мертвых¹¹. Показательно, что из всего массива местных названий автором «Перипла» было выбрано и интерпретировано именно то, которое имело соответствие именно среди божеств загробного мира.

Клавдий Птолемей (сер. II в. н.э.), как правило, не называл своих информаторов, поэтому датировать сведения из его «Введения в географию» не представляется возмож-

⁷ Подробнее см.: Бухарин 2007б: 81; Бухарин 2009: 102-103.

⁸ Подробнее см.: Бухарин 2007б: 82; Бухарин 2009: 118-119.

⁹ Об острове Масира и его названиях см.: de Gaury 1957: 499-502.

¹⁰ Подробнее о введении фигуры Сараписа в культовую практику см.: Hölbl: 2001: 99-101.

¹¹ Ср.: «By the Roman period both Serapis and Osiris could be considered as two names for different aspects of the one god of the dead» (Abdalla 1992: 113).

ным. Показательно, однако, что и на его карте Южной Аравии размещены названия, указывающие на их положение в «мире ином». Так, Птолемей (124; VI. 7. 20) указывает на Στυγὸς ὕδωρ, отождествленный с источником Хаммам Дамт севернее современной Ка'атабы (Бухарин 2009: 169). Стикс – божество одноименной реки в царстве мертвых, семикратно огибающей «мир иной».

Птолемей размещает в современном Баб эль-мандебском проливе, т.е. на выходе из совр. Красного моря в Аденский залив, остров Πολυβίου (278; VI. 7. 43), который соответствует острову Φιλίππου (*Strabo. XVI. 4. 4*) и совр. острову Хальба-Дессет (Halba Desēt)¹², лежащему в заливе Асэб. Греческий топоним Πολυβίου («долгожитель») может быть сопоставлен с лат. этнонимом *Macrobii* с тем же значением, расположенным Плинием Старшим между Нилом и суданским побережьем Красного моря (VI. XXXV/190). Таким образом, южная часть ойкумены оказывается заселенной долгожителями; в ней же расположен и «соответствующий» остров.

Те же источники – Плиний Старший (VI. XXXII/153), «Перипл Эритрейского моря» (30: 11. 3) и «Введение в географию» Клавдия Птолемея (288; VI. 7. 45) – упоминают остров Dioscuridi, Διοσκουρίδου или Διοσκουρίδους (город и остров), отождествляемый с современным о. Сокотра (Бухарин 2007а: 143). Античные названия острова восходят к древнеюжноаравийскому наименованию *DŠKRD. Нельзя не отметить, что Диоскуры Кастор и Полидевк также являются частью античного мифа о загробном мире. Полидевк – бессмертный, а Кастор – смертный. Первый, взятый Зевсом на Олимп, из любви к брату поделился с ним частью своего бессмертия, и братья попеременно то пребывают в царстве мертвых, то выходят из него. При этом южноаравийская Диоскурида должна восприниматься как «двойник» (и не единственный в таком роде¹³) понтийской.

Таким образом, античная традиция, несмотря на относительно позднее знакомство с южной окраиной ойкумены, осваивала ее в тех же рамках, в каких некогда знакомилась и с Северным Причерноморьем. Крайне южная часть обитаемого мира воспринималась по аналогии с крайне северной как переход из мира людей в потусторонний мир, царство мертвых. Хотя античная география в эллинистический и римский периоды значительно расширила кругозор заинтересованного читателя по сравнению с периодом классики, тем не менее она искала и находила проявления мифа об окраинах ойкумены и при освоении Южной Аравии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухарин 2007а – Бухарин М.Д. *Неизвестного автора “Перипл Эритрейского моря”*: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.
- Бухарин 2007б – Бухарин М.Д. "Древнейший путеводитель по Аравии (Plin. NH. VI. 157–159)" // *ВДИ* 1, с. 76-99
- Бухарин 2009 – Бухарин М.Д. *Южная Аравия, Средиземноморье и Восточная Африка: торговые и историко-культурные связи*. М.
- Горончаровский-Иванчик 2010 – Горончаровский В.А., Иванчик А.И. "Синды" // *Античное наследие Кубани*. Том 1. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., с. 219–234
- Иванчик 2005 – Иванчик А.И. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература, история*. Москва/Берлин
- Иванчик 2008 – Иванчик А.И. "Аргонавтика, Океан и Черное море" // *Аверинцевские чтения. К 70-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева*. М., с. 104-112
- Иванчик 2010 – Иванчик А.И. "Античная литературная традиция" // *Античное наследие Кубани*. Том 1. Под ред. Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., с. 318-359
- Стратановский 1994 – [Стратановский Г.А.]. *Страбон. География*. М.
- Abdalla 1992 – Abdalla A. *Graeco-Roman Funerary Stelae from Upper Egypt*. Liverpool
- Agatharchides 1989 – Agatharchides of Knides. *On the Erythraean Sea*. Translated and Edited by Stanley M. Burstein. London
- de Gaury 1957 – de Gaury G. "A Note on Mašira Island" // *GJ*. Vol. 123, № 4 (Decembre), p. 499-502
- Helck 1979 – Helck W. "Aithiopia" // *Der kleine Pauly* 1. München, col. 201-204
- Hölbl 2001 – Hölbl G. *A History of the Ptolemaic Empire*. London/New York

¹² Об отождествлении см.: Бухарин 2009: 191.

¹³ Так, Птолемей обозначил на карте Южной Аравии Λαβρίς (82°00'Е; 21°30'N), древнеюжноаравийский YBRN (совр. оазис Йабрин) (23°17'17"N (23.288); 49°02'19"E (49.0385), название которого тождественно наименованию столицы Синдского царства (Горончаровский-Иванчик 2010: 221-222).

Юрий Алексеевич ВИНОГРАДОВ, Мухаммад Абдалла БА МАХРАМА
(Санкт-Петербург, ал-Мукалла)

«ДОМ ЖРЕЦА» ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА РАЙБУН V В ЗАПАДНОМ ХАДРАМАУТЕ (ЙЕМЕН)¹

Храмовый комплекс Райбун V, расположенный в Западном Хадрамауте (вади Дау'ан), исследовался Российско-Йеменской (Советско-Йеменской) комплексной экспедицией в 1988, 1991 и 2007 гг. (Виноградов 1994; Седов 1996: 24-25; 2005: 227-232; Sedov 1997: 36-38; 2000: 21-23; 2005: 102-107; Sedov-Vinogradov 2007). Эпиграфические находки позволяют считать, что он был посвящен богине Зат Химйам и назывался Кафас/На'ман (Французов 2012: 105; Frantsouzoff 1995: 15; 2007). До начала раскопок этот комплекс представлял собой три всхолмления: северное, западное и восточное. В 1988 г. здесь было исследовано северное всхолмление, в результате чего было раскрыто крупное здание (здание 1), ориентированное по линии В-З. Восточная его половина представляла церемониальный зал, а западная – храмовую трапезную. В 1991 г. были проведены раскопки на западном всхолмлении, где была открыта главная часть комплекса – святилище богини Зат Химйам (здание 2). Тогда же было выяснено, что постройки храмового комплекса, скорее всего, были возведены не ранее VII–VI вв. до н.э. и перестроены в IV–III вв. до н.э. (Седов 2005: 231). Не вызывает сомнения, что оба здания сгорели в пожаре приблизительно в конце I в. до н.э., разделив судьбу всех поселений и храмов древнего Райбунского оазиса.

Таким образом, после раскопок 1991 г. неисследованной оставалось лишь сравнительно небольшое по площади восточное всхолмление, которое условно было названо «домом жреца» или зданием 3. Раскопки Райбуна V были продолжены после большого перерыва в 2007 г. Тогда была раскрыта главная лестница, ведущая в святилище с востока, обширный храмовый двор и, наконец, «дом жреца» (здание 3), примыкавший с юга к юго-восточной части храмового двора (рис. 1-3). В результате проведенных исследований было выяснено, что «дом жреца» представляет собой постройку очень типичную для позднего этапа развития райбунской архитектуры (IV-I вв. до н.э.). Здание было возведено на монументальном каменном цоколе (ср.: Кожин 1995: 335 сл.; Седов 2005: 90 сл.). Его размеры составляют 9х7,80 м (длинная ось ориентирована по линии С-Ю), сохранившаяся высота постройки от уровня вымостки храмового двора – 2 м. Цоколь был сложен из очень крупных, грубо отесанных каменных глыб.

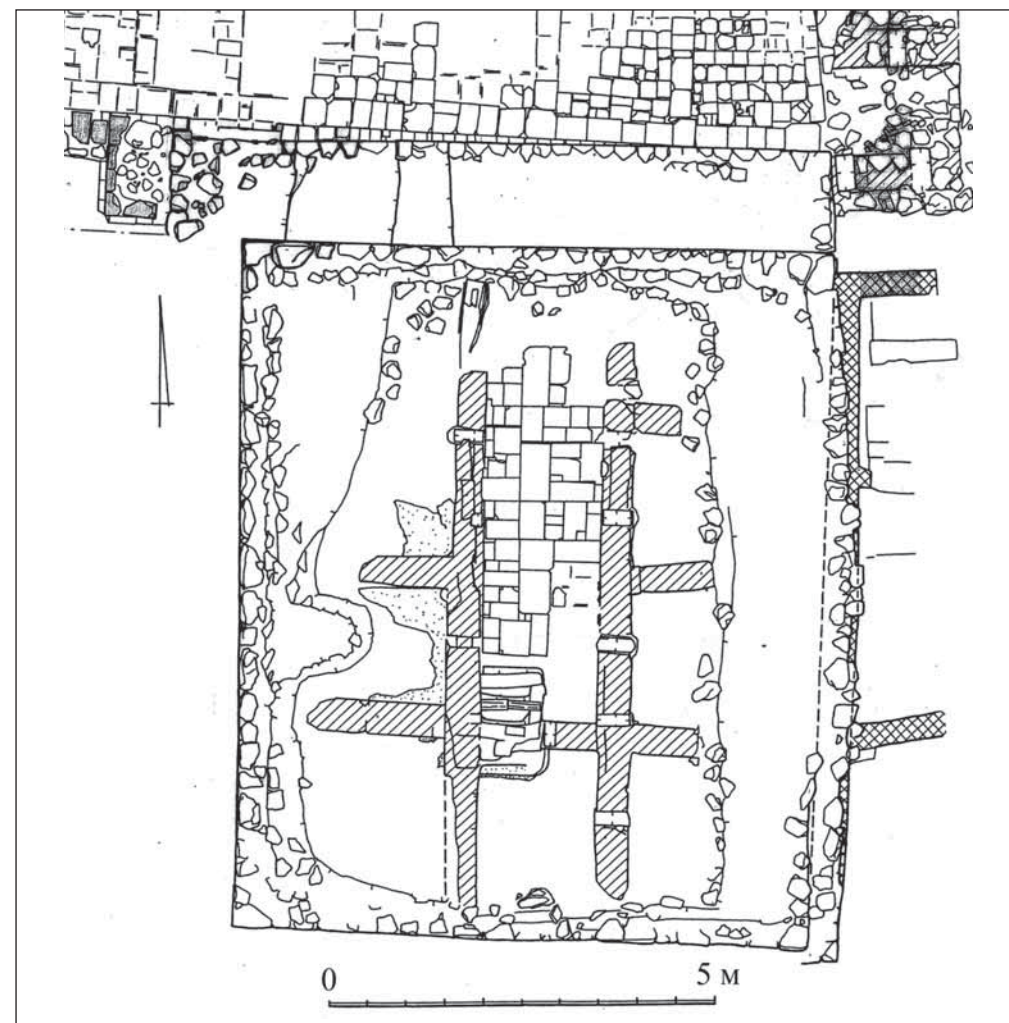

Рис. 1. Райбун V. «Дом жреца», план

С севера, т.е. с площади храмового двора, к цоколю была пристроенная монументальная лестница, внешние стены которой, северная и восточная (ширина – 0,25 м, сохранившаяся высота – около 1 м), были сложены из грубо отесанных камней, уложенных на известковом растворе (их размеры по фасаду: 0,20х0,18; 0,25х0,18; 0,29х0,20 м). Длина лестницы равняется ширине цоколя, т.е. составляет 7,80 м, ширина конструкции – 1,35 м. Ее внутреннее пространство (между северной и восточной стенами лестницы и кладкой цоколя) забито очень плотным глинистым грунтом. Ступени лестницы, ведущие в здание с запада, были сделаны из сырца; в общей сложности их можно насчитать четыре: нижняя имеет высоту 0,37 м от вымостки двора, длину – 1,50 м, при этом она выступает на 1 м за линию кладки западного цоколя; вторая имеет длину 1,28 м, она возвышается над плитами двора на 0,58 м; длина третьей – 0,66 м, высота – 0,79 м; четвертая ступень составляет

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта INTAS 05-1000008-8067 “Religions of pre-Islamic Arabia in the Middle Eastern Context”.

верхнюю площадку лестницы, идущую на восток вплоть до конца цоколя, т.е. на 5,45 м в длину, ее высота от плит храмового двора составляет 1 м. Уровень верхнего ряда кладки цоколя или, можно сказать, уровень полов комнат «дома жреца», расположен на 1 м выше этой площадки.

Никаких остатков каменной или сырцовой лестницы, которая бы соединяла верхнюю площадку монументальной лестницы с помещениями здания, не сохранилось. Конечно, можно предполагать ее полное разрушение, но все-таки логичней считать, что наверх можно было попасть с помощью деревянной лесенки, возможно, даже не постоянной, а временной, приставной.

Планировка дома, построенного на цоколе, опять же вполне обычна для архитектуры райбунских жилых зданий позднего периода (см. Кожин 1995: 335 сл.; Седов 2005: 99 сл.). Она включает в себя центральный коридор, завершающийся лестницей (рис. 1, 4), и серию из восьми примыкающих к коридору помещений. Внешние стены здания и внутренние стены помещений разрушились практически до основания, лишь в юго-западной части их высота достигает 1 м, толщина – 0,30 м. Тем не менее можно утверждать, что они представляли собой конструкции, построенные из сырцовых кирпичей на деревянных каркасах. По отпечаткам деревянных балок, оставшихся в сырцовой кладке, можно реконструировать их размеры, составлявшие в поперечном сечении 0,13x0,10 м.

Длина центрального коридора составляет 6,40 м, ширина – 1,50 м (рис. 4); почти вся его площадь вымощена четырехугольными каменными плитами. Все плиты хорошо отесаны и пригнаны друг к другу, но тем не менее имеют самые различные размеры: 0,12x0,12; 0,34x0,12; 0,44x0,37; 0,58x0,41 м. Небольшой участок в юго-восточном углу коридора (2,10x0,70 м) не имеет каменной вымостки – он покрыт положенными плашмя сырцовыми кирпичами. Размеры кирпичей составляют 0,27x0,21 м. В центре этой площади находится яма (диаметр – 0,55 м, глубина – 0,80 м), которая была заполнена обычным слоем разрушения стен.

В юго-западном углу коридора расположена лестница, сложенная из сырцовых кирпичей и состоящая из трех ступеней (рис. 4, 5); ее общие размеры – 0,85x0,77 м, высота – 0,75 м. С востока в конструкции лестницы имеются своеобразные глиняные «перила» шириной 0,20 м и высотой 7 см. Ступени в среднем имеют высоту 0,25 м; ширина нижней – 0,34 м, в нее сверху была вмонтирована деревянная доска, по отпечатку которой можно судить, что ее длина была 0,90 м (доска на западе уходит в стену помещения), ширина – 0,15 м и толщина – 5 см. Вторая ступенька (ширина – 0,28 м) сверху была укреплена двумя каменными плитами (0,37x0,12; 0,41x0,12 м). На третьей, верхней ступени лестницы (ширина – 0,23 м) имеется небольшая каменная плита (0,26x0,11 м) с высеченным на ней посвящением богине Зат Химйам, с почитанием которой, как было сказано выше, был связан весь храмовый комплекс. Лестница, как представляется, вела на кровлю здания, поскольку предполагать здесь наличие второго этажа вряд ли допустимо – неширокие стены не смогли бы выдержать его тяжесть.

С востока и запада к коридору примыкают ряды помещений, по одному ряду с каждой стороны. В обоих рядах их по четыре; размеры всех помещений очень небольшие – в среднем 1,90x1,70 м. Полы и стены покрыты тонким (не более 0,5 см) и хрупким слоем известкового раствора. В помещении, расположенном к югу от коридора (за лестницей), на известковом полу лежали три каменных предмета: чашеобразный сосуд со стенками, украшенными вертикальными каннелюрами (рис. 6, 1), небольшая зернотерка (рис. 6, 2)

Рис. 2. Райбун V. Храмовый двор и «дом жреца», вид с северо-запада

Рис. 3. Райбун V. «Дом жреца», вид с севера

и кубовидная гирька весом 570 г (рис. 6, 3). В остальных помещениях и при исследовании слоя разрушения здания найдены лишь фрагменты керамических сосудов и мелкие кости животных, в основном, коз/овец.

В общей сложности при исследовании «дома жреца» было обнаружено 611 керамических фрагментов, 119 костей животных и 1 раковина каури. Все керамические находки относятся к сосудам местного производства с характерной для них грубоватой, пористой структурой керамической массы; в их составе нет ни единого фрагмента, который можно было бы связывать с импортной продукцией. При статистической оценке керамического комплекса выясняется следующая картина: 15,9% составляют фрагменты тонкостенных столовых сосудов (толщина черепка – не более 0,5 см); 46% – фрагменты столовых сосудов со средней толщиной стенок 0,5-1 см; 37,5% – обломки толстостенных зиров (толщина черепка – более 1 см); лишь 0,6 % приходится на фрагменты кухонной посуды. Можно сразу признать, что такая статистическая картина абсолютно не типична для жилых комплексов Райбуна, при исследовании которых фрагменты кухонных сосудов являются очень показательными (до 17%), а обломки зиров, предназначенных для хранения различных припасов, составляют не более 35% (см. Виноградов-Ба Махрама 1995; Виноградов 1996: 74, табл. I). Такое соотношение керамических групп значительно ближе к статистической картине, зафиксированной при раскопках других зданий храма Зат Химйам (Виноградов 2004).

Если обратиться к типологическому составу каждой из выделенных функциональных групп, то приходится признать, что столовая тонкостенная посуда в основном характеризуется фрагментами мисок, стенки которых могут быть вертикальными или же несколько загнутыми внутрь (рис. 7, 1-13). Такие миски по большей мере имели поддоны (рис. 7, 14). Орнаментация их, если встречается, то чрезвычайно бедна, сводясь к горизонтальной линии, прочерченной по сырой глине под краем (рис. 7, 5, 13).

Столовая посуда со средней толщиной стенок характеризуется в основном фрагментами тех же самых мисок с загнутыми внутрь стенками (рис. 8, 1, 3-8). На единственном фрагменте по краю идет горизонтальный валик (рис. 8, 8), все остальные не имеют выраженной профилировки. Большинство сосудов было снабжено поддонами (рис. 8, 12). Орнаментированные миски встречаются редко, и их украшение сводится к горизонтальной волнистой линии, проведенной по сырой глине под краем сосуда (рис. 8, 3, 6). Обломок крупной миски с сохранившейся частью налепа округлой формы можно признать уникальным (рис. 9, 1). Чрезвычайно любопытен также фрагмент стенки сосуда, украшенного на лепом фигурной формы с частыми, неглубокими наколами на нем (рис. 9, 2).

На одном обломке крупного сосуда, стенки которого сильно загнуты внутрь, имеются два просверленные отверстия, свидетельствующие о его ремонте в процессе использования (рис. 8, 11). Подобная сверлина имеется также на фрагменте еще одного большого сосуда (рис. 9, 3).

Для рассматриваемого комплекса достаточно характерны фрагменты сосудов с округлыми стенками, край которых несколько оттянут вверх (рис. 8, 9, 10). Они характерны для позднего этапа развития райбунской керамики (см.: Виноградов 1996: 74, табл. LVII, 22-25); подобные находки были обнаружены при раскопках зданий 1 и 2 данного храмового комплекса (Виноградов 2004: 159, рис. 3, 19, 20; 160, рис. 4, 7-8). Единственным фрагментом представлен горшковидный сосуд, украшенный горизонтальной волнистой линией (рис. 8, 2). Такие сосуды опять же типичны исключительно для позднего этапа (Виногра-

Рис. 4. Райбун V. Центральный коридор и внутренняя лестница, вид с севера

Рис. 5. Райбун V. Внутренняя лестница, вид с востока

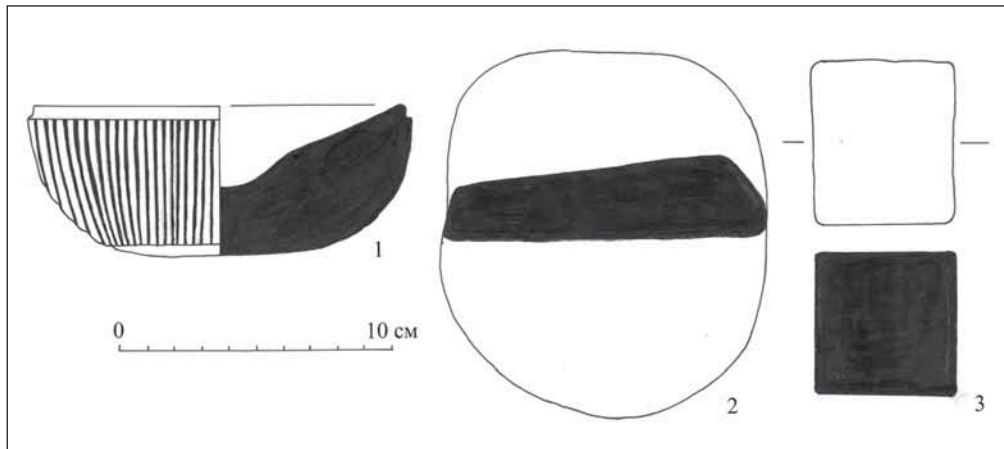

Рис. 6. Райбун V. 1-3 – каменные находки из «дома жреца»

дов 1996: 74, табл. LVII, 27-29), обломок верхней части подобного горшка был найден при исследовании здания 1 (Виноградов 2004: 159, рис. 3, 24).

Кухонная посуда, как было сказано, в «доме жреца» крайне немногочисленна. Эта керамика отличается плотной керамической массой с примесью дробленого камня. Керамические котлы имеют округлое дно, вертикальные стенки, непрофилированный край, под которым расположено несколько округлых налепов–ушек (рис. 9, 5-6). В имеющемся собрании представлен всего один фрагмент с подобным ушком (рис. 9, 5), размещение которого соответствует довольно ранней традиции райбунского керамического производства (см.: Виноградов 1996: 80, табл. LXII, 1-7), позднее эти ушки имеют другую профилировку (см.: Виноградов 1996: 75, табл. LVII, 34-36). Любопытно, что фрагменты котлов с ранней и поздней профилировкой были обнаружены на Райбуне V во время раскопок здания 1, т.е. храмовой трапезной (Виноградов 2004: 160, рис. 4, 1-3, 4-5).

Среди толстостенной керамики встречаются обломки сосудов, которые можно определить как керамические тазы (рис. 10, 5-6), но господствующей формой в этой категории, безусловно, являются зиры, т.е. крупные керамические «бочки», предназначенные для хранения различной сельскохозяйственной продукции (зерна, фиников и т.д.). Эта группа керамики, как было сказано, в «доме жреца» весьма многочисленна. Любопытно, что в ее составе имеется один крупный фрагмент сосуда с вертикальными стенками и округлым краем. Снаружи этот зир украшен горизонтальным валиком, а внутри его по сырой глине была прочерчена надпись (рис. 10, 3). Такие толстостенные сосуды были характерны для сравнительно ранней стадии, предшествовавшей возведению построек на монументальных каменных цоколях (ср.: Виноградов 1996: 80, табл. LXII, 12), хотя несколько таких находок обнаружено при раскопках здания 2 данного храмового комплекса (Виноградов 2004: 157, рис. 1, 31, 32). Другие фрагменты полностью соответствуют поздней стадии развития райбунской посуды (рис. 10, 1-2). Стенки их несколько расширяются к краю, венеч оттянут внутрь, отчего приобретает своеобразный «клювовидный» профиль. Буквы на таких зирах прочерчивались или чаще штамповались на широком венце сверху (см.: Виноградов 1996: 75, табл. LVIII, 19-23). Один из имеющихся фрагментов украшен косыми вдавлениями под венцом (рис. 10, 1). Другой на внешней стороне под краем снабжен го-

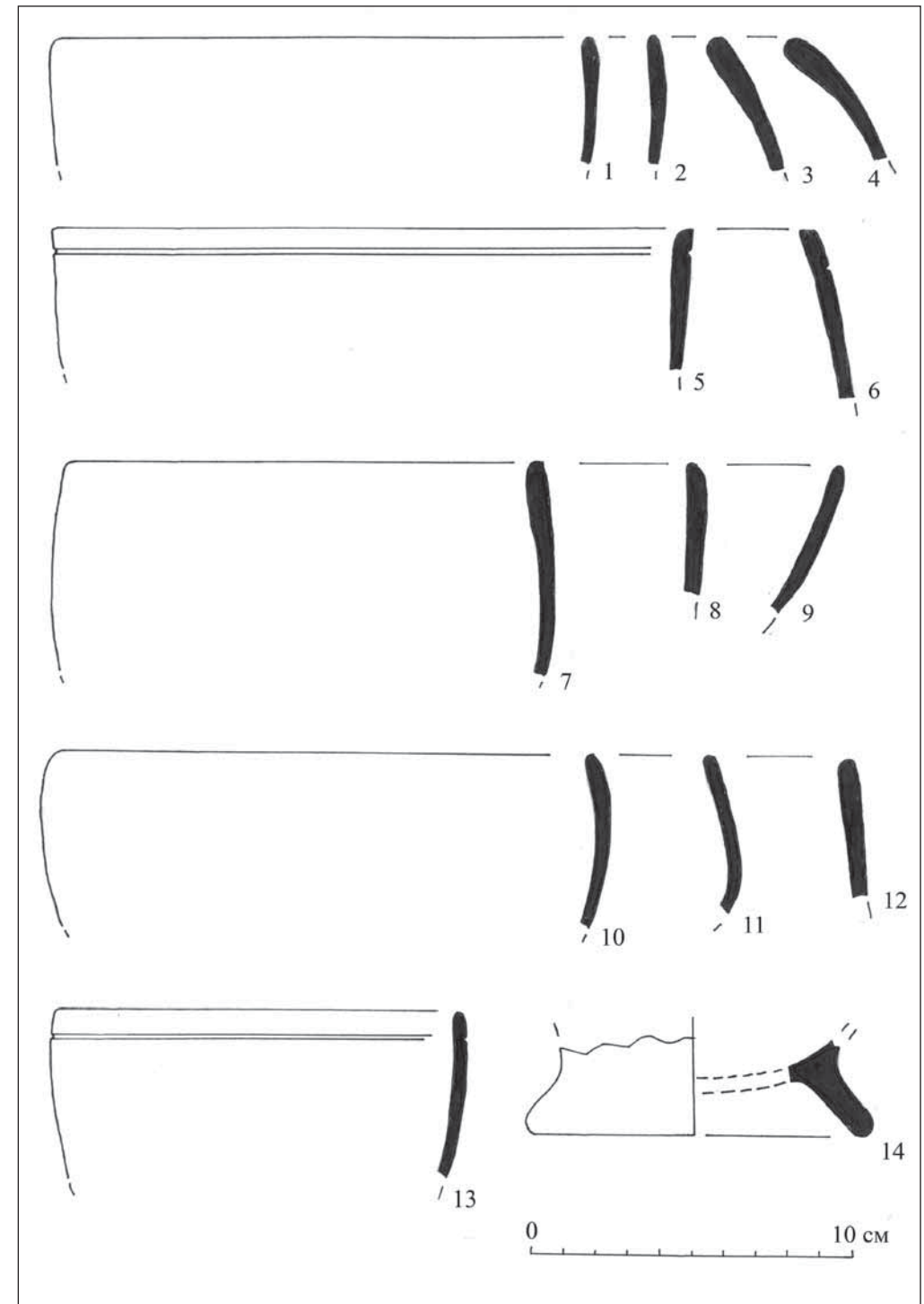

Рис. 7. Райбун V. 1-14 – керамические находки

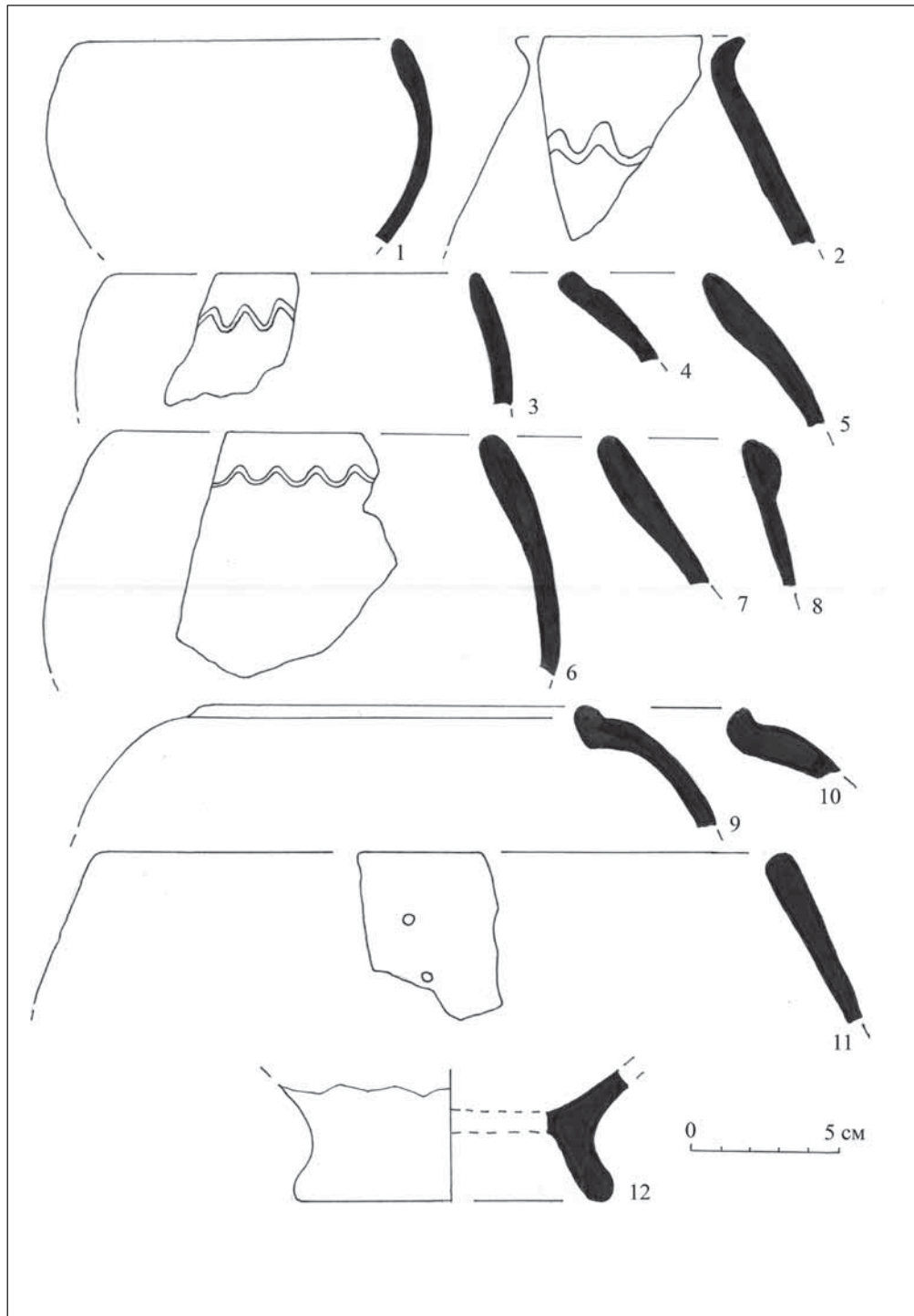

Рис. 9. Райбун V. 1-12 – керамические находки

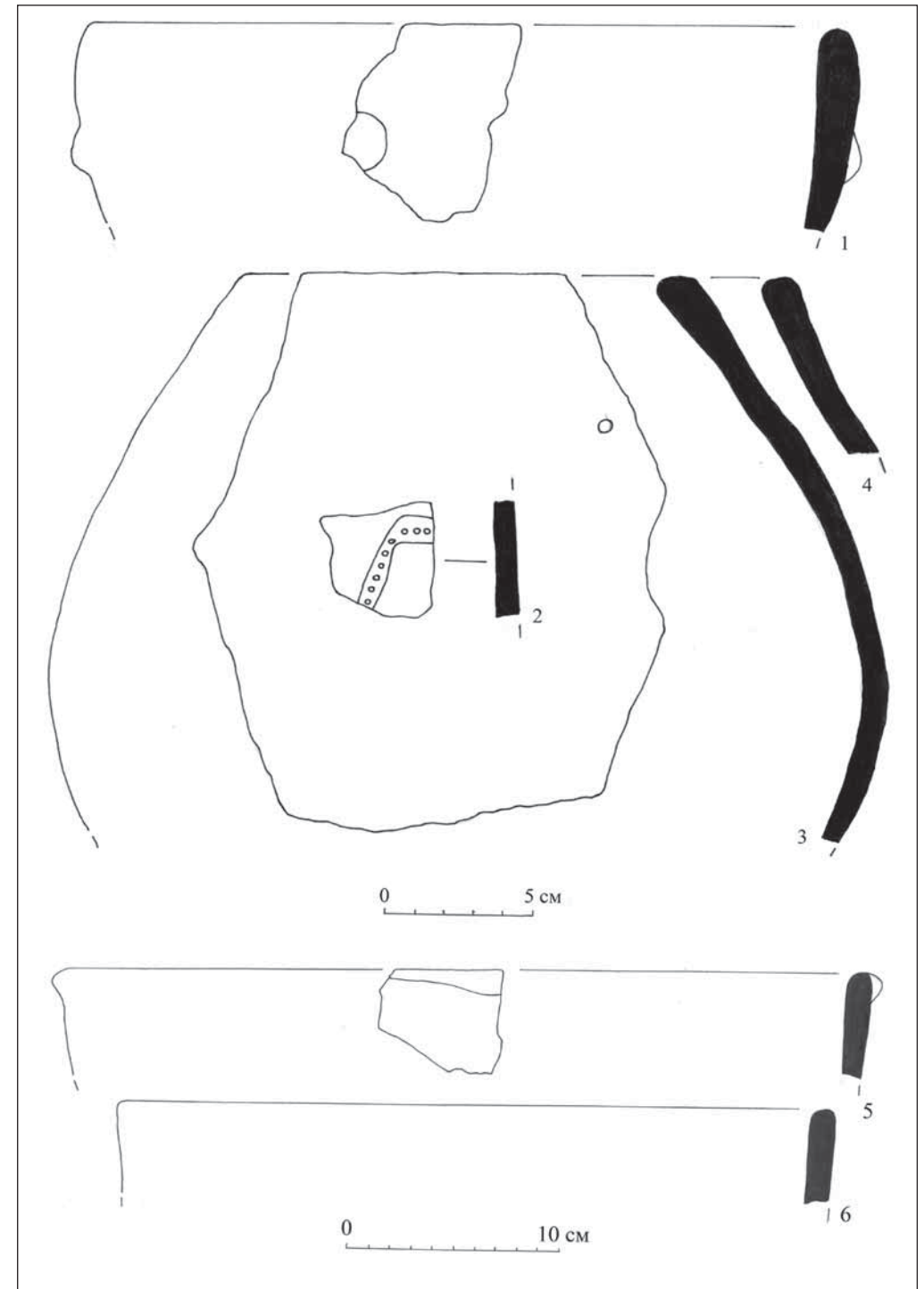

Рис. 9. Райбун V. 1-6 – керамические находки

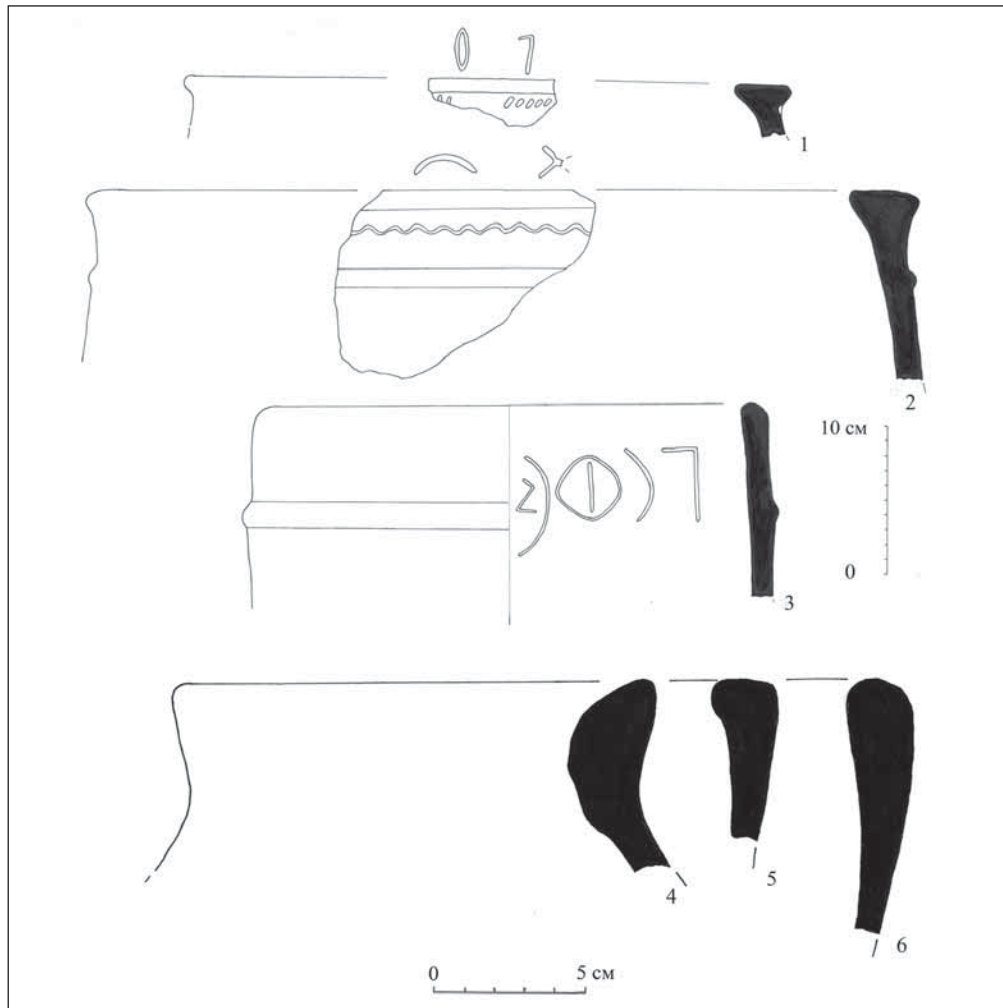

Рис. 10. Райбун V. 1-6 – находки толстостенной керамики

ризональным валиком, над которым по сырой глине прочерчена волнистая линия (рис. 10, 2). Необходимо подчеркнуть, что зиры этого типа были господствующей формой в зданиях 1 и 2 Райбуна V (см.: Виноградов 2004: 157, рис. 1, 161, рис. 5).

Несколькими фрагментами представлены зиры горшковидной формы (рис. 10, 4). Эти сосуды выделяются также зеленовато-серым цветом и мелкопористой структурой черепка. Они появились на заключительном этапе развития райбунского земледельческого оазиса (Виноградов 1996: 76, табл. LVIII, 12–15; 2004: 153–154, 158, рис. 2), и их находки очень ценны для хронологической атрибуции исследованной постройки.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в керамическом комплексе, происходящем из раскопок «дома жреца», представлены почти все основные формы, характерные для райбунской культуры позднего этапа, правда, в нем имеются и некоторые более ранние образцы. Данное обстоятельство, вероятно, можно связывать со своеобразием функци-

онирования храма, керамические сосуды в котором, не используясь каждодневно, могли сохраняться сравнительно долго. Обращает на себя внимание также почти полное отсутствие кухонной посуды. Имеющиеся немногочисленные фрагменты к тому же не закопчены, так что есть основания считать, что керамические котлы здесь не использовались по своему прямому назначению. Основываясь на этих наблюдениях, можно утверждать, что употреблявшееся выше условное обозначение здания 3 как «дома жреца» вполне допустимо, но жрецы здесь, скорее всего, никогда не проживали. Здание могло использоваться для хранения всевозможной храмовой утвари, подготовки к культовым церемониям и т.п.

В заключение необходимо отметить, что храмовый комплекс Райбун V в настоящее время можно признать исследованным полностью, но лишь для самого позднего этапа его функционирования. Более ранние культурные напластования, присутствующие во всех частях памятника и, безусловно, имеющие довольно значительную мощность, еще нигде не вскрывались, хотя необходимость их изучения очевидна для всех.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Виноградов 1994 – Виноградов Ю.А. "Раскопки храма Зат-Химьям в западном Хадрамауте (Райбун V)" // *Археологические вести* 3, с. 88-95
- Виноградов 1996 – Виноградов Ю.А. "Археологические исследования на участке Здания 6" // *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. Отв. ред. А.В. Седов, П.А. Грязневич. М., с. 68-84
- Виноградов 2004 – Виноградов Ю.А. "Керамические находки из раскопок храма Зат Химьям в Западном Хадрамауте" // *Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии. Сборник научных статей в честь 60-летия М.Б. Пиотровского*. Отв. ред. А.В. Седов. М., с. 151-164
- Виноградов-Ба Махрама 1995 – Виноградов Ю.А., Ба Махрама М.А. "Опыт сравнения керамических комплексов здания VI и участка I на городище Райбун I" // *Хадрамаут. Археологические, Этнографические и историко-культурные исследования*. Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Седов. М., с. 103-111
- Кожин 1995 – Кожин Ю.Ф. "К истории гражданской архитектуры Хадрамаута" // *Хадрамаут. Археологические, Этнографические и историко-культурные исследования*. Отв. ред. П.А. Грязневич, А.В. Седов. М., с. 320-372
- Седов 1996 – Седов А.В. "Райбун I – комплекс археологических памятников в низовьях вади Дау'ан" // *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. Отв. ред. А.В. Седов, П.А. Грязневич. М., с. 19-30
- Седов 2005 – Седов А.В. *Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики*. М.
- Французов 2012 – Французов С.А. *К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н.э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута*. СПб.
- Frantsouzoff 1995 – Frantsouzoff S.A. "The Inscriptions from the Temples Dhāt Himyam at Raybūn" // *PSAS* 25, p. 15-28
- Frantsouzoff 2007 – Frantsouzoff S. *Raybūn Kafas/Na'mān, temple de la Dhāt Himyam*. Paris/Rome
- Sedov 1997 – Sedov A.W. "Die archäologischen Denkmäler von Raybūn im Wādī Dau'an" // *Mare Erythraeum* 1. München, S. 31-106
- Sedov 2000 – Sedov A.V. "Temples of Raybun Oasis in Wadi Hadramawt, Yemen" // *Adumatu* 2, p. 15-26
- Sedov 2005 – Sedov A.V. *Temples of Ancient Hadramawt*. Pisa
- Sedov-Vinogradov 2007 – Sedov A., Vinogradov Yu. "Le temple Kafas/Na'mān (Raybūn V): description archéologique" // Frantsouzoff S. *Raybūn Kafas/Na'mān, temple de la Dhāt Himyam*. Paris/Rome, p. 15-25.

Serge A. FRANTSOZOFF
(St. Pétersbourg)

DEUX INSCRIPTIONS RUPESTRES DU WĀDĪ 'IDIM (ḤAḌRAMAWT ORIENTAL)

Parmi les affluents du Wādī Ḥaḍramawt, la vallée principale de la région homonyme, le Wādī 'Idim se distingue par l'abondance des monuments archéologiques qui remontent à l'époque préislamique et couvrent un intervalle chronologique assez large. La découverte de la céramique polychrome au cours des prospections du site de Ḥidbat Karūshān (Krōshān), situé dans la partie méridionale du Wādī 'Idim¹, témoigne qu'il était déjà peuplé par les représentants de la civilisation sudarabique pendant le dernier quart du 2ème millénaire av. è. chr. (Sedov 2005a: 95, 175). L'existence de Mashgha, localisé à la distance de 4,5 km au nord-est de Ḥidbat Karūshān, pourrait être datée approximativement du milieu – de la 2ème moitié du 1er millénaire av. è. chr. grâce aux vestiges de deux édifices de culte qui y sont attestés². Quant au site d'al-Ghuraf qui se trouve dans l'embouchure de ce wādī, son attribution aux deux ou trois premiers siècles de l'è. chr. est confirmée par de nombreux objets de céramique et deux reliefs sculptés, typiques de cette période (Sedov 1996: 54-60, fig. 5-10, 13-14).

En même temps le Wādī 'Idim demeure assez pauvre en documents épigraphiques. Il ne s'agit que d'un court texte dédié aux «filles de dieu» (*bnht-'l*)³ sur deux côtés latéraux d'un brûle-parfum (Sūna L1) et vraisemblablement d'une dédicace à Siyān dhū Mishwar, un peu plus large, sur une autel à libations (RES 4182=Ingrams 6=Ry 620=Nami 80)⁴, sans parler d'un seul caractère (*k*) sur un poids de bronze provenant d'al-Ghuraf (Sedov 1996: 57, fig. 12). Donc la découverte récente de deux inscriptions rupestres par les ouvriers de la pétrolière Nexen dans le bassin de ce wādī est d'une importance primordiale pour la reconstruction de l'histoire antique de cette partie du Ḥaḍramawt (fig. 1). Elles sont

Fig. 1. Inscriptions Fr-'Idim 1 et Fr-'Idim 2

Fig. 2. Inscription Fr-'Idim 1

¹ Voir la carte dans Sedov 1996: 53, fig. 1.

² Voir leur description dans Sedov 2005a: 250-251; Sedov 2005b: 142.

³ Sur cette catégorie des divinités secondaires vénérées en Arabie antique voir Robin 2000.

⁴ La première de ces inscriptions a été découverte en 1979 par la Mission archéologique française dans la République Populaire Démocratique du Yémen sur le site de Sūna, situé à 2 km au nord-est de Ḥidbat Karūshān, tandis que la provenance de l'autre du même site (et du Wādī 'Idim en général) reste hypothétique. D'après les critères paléographiques elles remontent respectivement au 7ème – 6ème et au 5ème – 4ème siècle av. è. chr. (voir la photographie de Sūna L 1 dans Breton *et al.* [1980]: 113 (et sur la couverture de ce livre) et le fac-similé de Ry 620=RES 4182 dans Ryckmans G. 1962: 215).

gravées sur un rocher, près d'une petite source, dans l'embouchure d'un affluent de 'Idim, à la distance de 6 km du lit du wādī principal⁵. Ces deux inscriptions sont éditées pour la première fois ci-dessous.

Fr-'Idim 1 (fig. 2)

Dimensions: pas de données.

Graphie: elle se distingue par une certaine irrégularité en général et par la coexistence des formes archaïques et plus tardives de certains caractères en particulier (comparer, par exemple, le *m* fermé dans ll. 4-5 et ouvert dans ll. 1-3, le *r* arrondi à la fin de l. 4 et aigu au début de la même ligne et dans l. 5). La barre intermédiaire du *n* et dans l'apex du *alif* est toujours inclinée, tandis que dans le *ḍ* elle s'est transformée en vraie diagonale.

Datation: c'est la barre intermédiaire considérablement inclinée du *ḍ* qui permet de dater cette inscription des derniers siècles av. è. chr.

Texte et traduction:

1. *Yṣdq* 'l/ḍ- 'lqsṣm* Yaṣduq'il dhū Ilīqaṣam
2. *Hny^{hn}/ 'dmy^{hn}* le Hannite (?), le 'Idimite (du wādī 'Idim)
3. *s'tr#b-hy/ 'bd^m* écrivit pendant l'éponymat d'A'bad^{um} (à A'bad^{um} ?),
4. *b- 'ḍrr/Ḥḍrmt* au cours des guerres du Ḥaḍramawt
5. *w-s²yt/tmr^{y^{hn}}* et vendit les dattes
6. *qnt* (en quantité) d'un *qanat*.

Commentaire :

l. 1, *Yṣdq* 'l*: selon toute probabilité, le lapicide a commencé à graver par mégarde le *d*, mais ensuite l'a corrigé en *alif*. Ce nom propre d'homme qui est d'occurrence fréquente à Qatabān (Hayajneh 1998: 278, 354) est attesté au Ḥaḍramawt dans deux inscriptions du temple Raḥbān à Raybūn ainsi que dans deux graffites de Djawlat al-Rumād (3, A1; 4, A2) qui remontent, tous les quatre, au 3ème – 1er siècle av. è. chr. (Frantsouzzoff 2012: 222, n° 463).

'lqsṣm: ce nom de gentilice dérive du nom propre d'homme attesté seulement dans l'onomastique de Qatabān et du Ḥaḍramawt (Hayajneh 1998: 82, 302; Frantsouzzoff 2012: 192, n° 45).

l. 2, *Hny^{hn}*: le nom propre *Hn* dont cette *nisba* tient son origine n'est ni identifié comme toponyme ou ethnonyme, ni même relevé dans les sources.

'dmy^{hn}: première attestation de cette *nisba* qui dérive du toponyme *'dm* dont l'occurrence dans le graffite Djawlat al-Rumād 1, A18, datée de la même période que cette inscription, n'est pas exclue. En tout cas il est évident que le Wādī 'Idim portait ce nom déjà à la fin du 1er millénaire av. è. chr.

l. 3, *s'tr#*: après ce verbe il y a un creux dans la surface du rocher.

b-hy/ 'bd^m: dans l'épigraphie ḥaḍramawtique la préposition *b-* munie de l'enclitique *-hy* n'introduit que la formule de datation par éponyme. Pourtant toutes les autres occurrences de cette formule se distinguent par l'emploi d'un numéral ordinal qui correspond à l'année (ou au numéro?) d'éponymat⁶. Si c'était la dernière année de la charge d'éponyme attestée

Fig. 3. Inscription Fr-'Idim 2

pour la première fois, la durée de l'éponymat au Ḥaḍramawt devrait dépasser quatre ans⁷. En plus, l'anthroponyme *'bd* n'est pas attesté dans les inscriptions sudarabiques, quoiqu'il soit connu en nordarabique, principalement en safaïtique (Harding 1971: 54), aussi bien que dans les généalogies des tribus arabes, où on l'a vocalisé comme A'bad (Ibn al-Kablī-Caskel 1966, 2: 101).

ll. 5–6, *w-s²yt/tmr^{y^{hn}}|qnt*: comparer avec *kwn/s²yt/tmr|#hy^{hn}/ 'rb|b...* «ait lieu la vente de deux lots de dattes (en quantité) de quarante *arbāb...*» dans MM 161/9–11 (Frantsouzzoff 2005: 248, 249). Pourtant la traduction de ce passage devrait être modifiée, puisque la mention de deux lots de dattes dans deux contextes différents semble surprenante. Donc il faudrait admettre l'existence du pluriel externe du nom commun (au masculin) *tmr* «dattes»⁸.

Le terme *qnt*, déjà attesté dans les documents sur bois rédigés en sabéen et en minéen (Ryckmans J.-Loundine 1997: 177), désigne une mesure de capacité (ou de poids) dont les paramètres ne sont pas connus. En tenant compte de ce contexte et de MM 161/9–11 il paraît fort probable qu'elle ait été beaucoup plus grande que *rb* (pl. *'rbb*), pour le moins au Ḥaḍramawt antique. La mesure dont le nom est analogique, *qntn*, est relevée dans CIH 541/122, aussi par rapport aux dattes. Cependant l'étymologie qui fait dériver *qntn* du mot latin *centenarium* «quintal» par l'intermédiaire de κεντηνάριον en grec (Müller 2010: 195) paraît douteuse.

Fr-'Idim 2 (fig. 3)

Emplacement: au-dessus de l'inscription précédente, à la distance de quelques dizaines de centimètres d'elle.

Dimensions: pas de données.

Graphie: elle est irrégulière et en même temps plus tardive que celle de Fr-'Idim 1 grâce à la présence de la barre intermédiaire horizontale dans le *b*. Il paraît que le sommet

⁷ Jusqu'ici le plus grand numéro d'année attesté dans les formules de datation ḥaḍramawtiques était le «quatrième» (*rb⁴*; voir Frantsouzzoff 2013: 51, 54).

⁸ La même hypothèse a été déjà formulée par A.F.L. Beeston par rapport à la forme *gn^{y^{hn}}* «les courtines» relevée dans RES 3869/7 (Beeston 1984: 68, §H 13: 2, 3).

⁵ Selon Dr. Michael Harrower les coordonnées de cet endroit sont 15°46'31'' (= 15,77537) de latitude nord, 49°2'50'' (= 49,04715) de longitude est.

⁶ Voir le tableau dans Frantsouzzoff 2013: 51.

anguleux de ce caractère n'ait pas de parallèles dans l'épigraphie de l'Arabie méridionale antique. Cependant on pourrait signaler une vague ressemblance entre les formes du *b* dans cette inscription et dans le graffite Djawlat al-Rumād 1, A1a.

Datation: la forme du *b* muni de la barre intermédiaire démontre que cette inscription ne devrait pas être antérieure au 3ème siècle de l'è. chr.

Texte et traduction:

1. *Rff^m*   Raḥf^{im}
2. *ḡ-Ḍbb^m*   dhū Dhubāb^{im}.

Commentaire:

1. *Rff^m*: première occurrence de ce nom propre d'homme dans l'onomastique de l'Arabie préislamique. Pourtant l'anthroponyme ṣafā'ītique *Rf* (Harding 1971: 283) devrait dériver de la même racine.

1. 2. *Ḍbb^m*: cet anthroponyme n'est attesté jusqu'ici que dans une inscription du temple Wasat(h)ān à Raybūn (Frantsouzzoff 2012: 199, n° 150). Il est relevé sans mīmatation dans l'onomastique ṣafā'ītique (Harding 1971: 248) et, sous la vocalisation de Dhubāb, dans les généalogies des tribus arabes (Ibn al-Kablī-Caskel 1966, 2: 238).

* * *

Du point de vue de l'histoire l'expression *b-ḡrr/Ḥḍrmt* «au cours des guerres du Ḥaḍramawt» (Fr-'Idim 1/4) est la plus intéressante dans les deux inscriptions publiées ci-dessus. Selon toute probabilité, il s'agit d'une série des campagnes militaires entreprises par les souverains de Qatabān contre le Ḥaḍramawt entre la première moitié du 2ème et la fin du 1er siècle av. è. chr.⁹. Il semble que la plus considérable et la plus récente parmi elles ait un rapport direct au contenu de Fr-'Idim 1, puisque l'inscription qatabānite Arbach-Say'ūn 1=CSAI I, 115 qui décrit cette campagne en détail mentionne la destruction de la ville de Thawba (l. 1: *Twbṭ*) localisée dans la même région que le Wādī 'Idim, notamment dans le Ḥaḍramawt oriental. Il n'y a aucun autre texte sudarabique lié aux guerres qatabāno-ḥaḍramawtiques de la fin du 1er millénaire av. è. chr. qui ferait une allusion à cette zone périphérique de l'Arabie du Sud.

La transaction qui consistait dans la vente des dattes devrait être d'une grande portée pour Yaṣḍuq'il dhū Ilīqaṣam, s'il l'a commémorée sur un rocher. Vraisemblablement il voudrait souligner que malgré les opérations militaires il a réussi à continuer ses activités commerciales. On peut supposer que la voie qu'il suivait pour faire des progrès dans ses affaires de marchand passât le long du Wādī 'Idim et connectât le Ḥaḍramawt intérieur et le littoral. C'est par cette vallée que la chaussée entre Tarīm et al-Shiḥr a été tracée dans le milieu des années 30 du 20ème siècle par le *sayyid* Abū Bakr al-Kāf¹⁰ ennoblé pour cette entreprise par la reine Elisabeth II. Selon toute probabilité, il n'a pas construit cette route de nouveau, mais a utilisé les vestiges d'une voie des caravanes qui y existait depuis des temps immémoriaux¹¹.

⁹ Les références à ces campagnes dans les sources épigraphiques sont examinées dans Frantsouzzoff 2004: 76.

¹⁰ Voir Rodionov 2007: 69, où on n'a pas précisé que cette chaussée a passé par 'Idim.

¹¹ L'auteur de l'article est très reconnaissant pour cette information à Dr. 'Abd al-'Azīz Dja'far Bin 'Aqīl.

L'occurrence d'un court texte qui ne contient que les noms de personne et de lignage de son auteur (Fr-'Idim 2) à côté de Fr-'Idim 1 pourrait témoigner que la route qui passait par le Wādī 'Idim était encore praticable vers le 3ème siècle de l'è. chr.

L'image d'un bouquetin gravée dans l'angle inférieur gauche de Fr-'Idim 1 n'a aucun rapport à son contenu, bien que la technique de son exécution paraisse être la même que dans le cas de l'inscription. Il faut noter à cette occasion que la chasse rituelle à cet animal est pratiquée par les habitants du Ḥaḍramawt dès l'époque préislamique jusqu'à nos jours¹².

Remerciements

L'auteur du présent article tient de cette occasion pour exprimer sa gratitude la plus profonde à Dr. Joy McCorriston (Université de l'Etat d'Ohio), à Dr. Michael Harrower (Université Johns Hopkins, Baltimore) et à Dr. 'Abd al-'Azīz Dja'far Bin 'Aqīl, Directeur Général de la branche de l'Organisation Générale des Antiquités et des Musées à al-Mukallā, pour l'octroi des photographies électroniques des inscriptions rupestres publiées ici ainsi que des données sur les circonstances de leur découverte.

¹² Voir à ce propos, par exemple, Ryckmans J. 1976.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

- ‘Arbach-Saqqāf 2001 – M. Arbach, ‘Abd al-Rahmān al-Saqqāf. “Naqsh djadīd min ‘ahd Yada‘’ab Dhubyān Yuhan‘im malik Qatabān wa-Yada‘’ab Ghaylān malik Ḥaḍramawt” // *Raydān* 7, p. 110-123 (pagination arabe)
- Avanzini 2004 – A. Avanzini. *Corpus of South Arabian Inscriptions I–III: Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions*. Pisa (Arabia Antica 2)
- Beeston 1984 – A.F.L. Beeston. *Sabaic Grammar*. [Manchester], University of Manchester (Journal of Semitic Studies Monograph No. 6)
- Breton *et al.* [1980] – J.-F. Breton, L. Badre, R. Audouin, J. Seigne. *Wādī Ḥaḍramawt. Prospections 1978-1979*. Aden
- Frantsouzoff 2004 – S.A. Frantsouzoff. “Temples, Tribes, Rulers and Military Campaigns of Ancient Ḥaḍramawt: Harmony and Disagreement between Archaeological Material and Epigraphic Data” // *Arabia* 2, p. 73-85, 217-221, fig. 43-49
- Frantsouzoff 2005 – S.A. Frantsouzoff. “Une nouvelle inscription ḥaḍramawtique datée par éponyme” // A.M. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaean Studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Y.M. ‘Abdallāh, A. de Maigret, Ch.J. Robin on the occasion of their sixtieth birthday*. Naples/Šan‘ā’, p. 247-258
- Frantsouzoff 2012 – С.А. Французов. *К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н.э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадремаута*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.
- Frantsouzoff 2013 – S.A. Frantsouzoff. “L’эпонимат ḥaḍramawtique et sa place parmi les systèmes de datation par éponyme attestés au Yémen antique” // Fr. Briquel-Chatonnet, C. Fauveaud, I. Gajda (éd.). *Entre Carthage et l’Arabie heureuse. Mélanges offerts à François Bron*. Paris, p. 49-61 (Orient & Méditerranée 12)
- Harding 1971 – G. Lankester Harding. *An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions*. Toronto/Buffalo (Near and Middle Eastern Series 8)
- Hayajneh 1998 – H. Hayajneh. *Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik*. Hildesheim/Zürich/New York (Texte und Studien zur Orientalistik. Bd. 10)
- Hayajneh 2005 – H. Hayajneh. “Ein Prozeß über Zuteilung von Datteln in einer neuen ḥaḍramitischen Inschrift” // B. Burtea, J. Tropper, H. Younansardaroud (Hrsg.). *Studia Semitica et Semitohamitica. Festschrift für Rainer Voigt anlässlich seines 60. Geburtstages am 17. Januar 2004*. Münster, S. 109-124 (Alter Orient und Altes Testament. Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte des Alten Orients und des Alten Testaments. Bd. 317)
- Ibn al-Kalbī-Caskel 1966 – W. Caskel. *Ġamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hišām ibn Muḥammad al-Kalbī*. 2 vol. Leiden
- Kitchen 2000 – K.A. Kitchen. *Documentation for Ancient Arabia. Pt. II. Bibliographical Catalogue of Texts*. Liverpool
- Müller 2010 – W.W. Müller. *Sabäische Inschriften nach Ären datiert. Bibliographie, Texte und Glossar*. Wiesbaden (Akademie der Wissenschaften und der Literatur zu Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. 53)
- Piotrovski 1996 – М.Б. Пиотровский. “Стоянка паломников Джаулат ар-румад” // *Городище Райбун (Раскопки 1983–1987 гг.)*. М., с. 168-190 (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции II)
- Robin 2000 – Chr.J. Robin. “Les “Filles de Dieu” de Saba’ à La Mecque: réflexions sur l’agencement des panthéons dans l’Arabie ancienne” // *Semitica* 50, p. 113-192
- Rodionov 2007 – M.A. Rodionov. *The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983-91*. Halle (Orientwissenschaftliche Hefte. Heft 24/2007)
- Ryckmans G. 1962 – G. Ryckmans. “Inscriptions sud-arabes. Dix-neuvième série” // *Le Muséon* 75, p. 213-231

- Ryckmans J. 1976 – J. Ryckmans. “La chasse rituelle dans l’Arabie du Sud ancienne” // *Al-Bahit. Festschrift Joseph Henninger zum 70. Geburtstag am 12. Mai 1976*. Bonn, S. 259-308 (Studia Instituti Anthropos. Vol. 28)
- Ryckmans J.-Loundine 1997 – J. Ryckmans, A.G. Loundine. “Un pétiole de palme inscrit en minéen” // R.G. Stiegner (Hrsg.). *Aktualisierte Beiträge zum 1. Internationalen Symposium SÜDARABIEN interdisziplinär an der Universität Graz mit kurzen Einführungen zu Sprach- und Kulturgeschichte. Im memoriam Maria Höfner*. Graz, S. 171-180
- Sedov 1996 – A.V. Sedov. “Al-Guraf in the Wādī ‘Idim. Notes on an archaeological map of the Ḥaḍramawt, 2” // *AAE* 7, p. 52-62
- Sedov 2005a – A.B. Седов. *Древний Хадремаут. Очерки археологии и нумизматики*. М. (Труды Российской археологической миссии в Республике Йемен III)
- Sedov 2005b – A.V. Sedov. *Temples of Ancient Ḥaḍramawt*. Pisa (Arabia Antica 3)

SIGLES D’INSCRIPTIONS

- Pour la résolution des sigles et la bibliographie des inscriptions sudarabiques, voir Kitchen 2000. Seuls les textes qui ne sont pas traités dans cet ouvrage sont mentionnées ici:
- Arbach-Say’ūn 1=CSAI I, 115 – Arbach-Saqqāf 2001; Avanzini 2004: 163-165, 226.
- Djawlat al-Rumād 1, A1a; 1, A18; 3, A1; 4, A2 – Piotrovski 1996: 170, 174, 179-180, 185 (n° 2), 186 (n° 19), 188 (n° 41, n° 43), 190.
- MM 161=Ghul-YU 50 – Frantsouzoff 2005; Hayajneh 2005.

Iris GERLACH
(Berlin)

MIGRATION PROCESSES ON THE NORTHERN HORN OF AFRICA IN THE EARLY 1ST MILLENNIUM BC

Wandering movements, but also trade relations are traditionally viewed as basic factors for the transfer of culture and knowledge, the development of human populations and the emergence of new social cultural systems. Within the framework of the research cluster “Connecting Cultures – Formen, Wege und Räume kultureller Interaktion”¹, the Şan‘ā’ Branch of the German Archaeological Institute (DAI) is examining the phenomenon of the migration of South Arabian groups of peoples to the northern Horn of Africa during the early 1st millennium BC² (fig. 1). At that time culture-related remains of Sabaean character emerged in the area of southeastern Eritrea and northern Ethiopia, signs of an influence that consequently led to cultural change in this region. This change became apparent in sectors of political, economic, social and religious life³. This emerging polity is named “Di‘amat”⁴ in the few documented ruler inscriptions known from

Fig. 1. Map of Ethio-Sabaean sites in Eritrea and Ethiopia (drawing by M. Schnelle, DAI, Orient Department, after R. Szydlak, © University of Tübingen)

this region. Thereby, this entity was more a kind of loose consolidation of various localities of strategic importance, above all for trade, political aspects and/or cult with a supra-regional centre in Yeha, than a comprehensive, clearly defined ruler’s territory⁵.

Migration and Mobility

Migration, “the movement of individuals, groups or societies within a geographic and social space” (Wienhold 2011: 442)⁶ is a special form of mobility⁷. The concept of “mobility” can be broadly defined as any spatial movement or alteration in movements of persons, objects or ideas. Understood here are various phenomena such as seasonal movements in the form of

⁵ To date, there is no known evidence for this polity after the middle of the 1st millennium BC. The causal factors of its collapse – perhaps the rise of the power of Qatabān in South Arabia – have not been proven yet.

⁶ Migration is also understood as the emigration of groups from the original area to a new intended area (cf. Prien 2005: 8 and 10). On the concept of migration and wanderings, see further (Burmeister 2013: 36-38).

⁷ On the concept of mobility see (Steuer 2002).

¹ The cluster “Connecting Cultures – Migration and Mobility” is a new research topic at the German Archaeological Institute (cf. e-Jahresbericht des DAI 2012/13 (urn:nbn:de:0048-dai-edai-j.2012-2013-3) 201-213).

² In 2009 the Şan‘ā’ branch of the Orient-Department of the DAI, the Authority of Research and Conservation of the Cultural Heritage in Addis Abeba, and der Tigrai Culture and Tourism Agency agreed upon an Ethiopian-German cooperation project that is devoted to the exploration and investigation of sites located around Yeha, 35 km northeast of Aksum, as well as in Hawelti, 10 km southeast of Aksum. Aside from a systematic examination of cultural relations between South Arabia and East Africa, the cooperative project is concerned with reconstructing the indigenous culture of Tigray. Incorporated in archaeological, epigraphic, ethno-historical and building historical studies, geological, geomorphological, pedological and botanical investigations are being undertaken with the aim of identifying building materials and sources of raw materials, on the one hand, and, on the other, comprehending living conditions during the Holocene by reconstructing the ancient environment with reference to vegetation, land use and climate history. Along with these investigations a plan for site-management is being drawn up for tourism, which involves the construction of a site museum, extension of a cafeteria, setting up signposts as guides through the ruins complex, and extensive reconstruction and conservation measures on the monumental structures in Yeha (cf. Japp et al. 2011; Lindstaedt et al. 2010; Gerlach 2012; 2013; 2014; Gerlach in print; Schnelle in print a; Schnelle in print b; Weiß-Koch-Gerlach 2012; Weiß-Koch-Gerlach in print). Cf. also recent research conducted by Pawel Wolf in ‘Addi Akawah (Wolf-Nowotnick 2010a; 2010b). The inscriptions were studied and assessed anew by Norbert Nebes (Nebes 2010a; 2010b; 2011).

³ See most recently (Gerlach 2014; Gerlach in print).

⁴ On the ‘Di‘amat-formula’ see most recently (Nebes 2010a) with further literature. The vocalization of D‘MT has still not been verified.

transhumance, but also the exchange of goods through trade and the establishment of contacts within the framework of diplomacy⁸. In a more restricted definition “mobility” can be understood as a “technique” for securing subsistence, for example, after a natural catastrophe, or scarcity of land, over-population, ethnic persecution, political rivalries, war etc., or also as a possibility to assure access to natural resources⁹. Then migration represents a special case of greater mobility. Thus, this term does not necessarily imply mass migration: movements of entire populations are seldom attested; as a rule only a certain part of a population emigrates (Burmeister 2000: 543 with references to case studies).

Individual mobility as well as collective migrations have taken place at all times throughout human history, and in the same way archaeological research on migration is correspondingly multifaceted (cf. Burmeister 1996; 1998; 2000; 2013; Prien 2005: 11-48). It focuses on – among others – questions about the migrant groups, the motive of their migration, the direction and course of migration, and about the impact of migration upon the emigration and immigration areas, for instance, integration in the host society or the visibility of migration in the material remains.

However, research on migration in the archaeological context, which is explicitly concerned with different models of migration and with confirming them by means of archaeological case studies, shows quite clearly the difficulties in demonstrating these complex phenomena of historical processes (cf. Anthony 1990: 895-914). Here, we can refer to the interpretation of processes of migration, basing on archaeological or written remains, as well as to graphic representations of migration¹⁰. This was neither a linear nor a constant or a coeval process, whose movement can be highlighted with a line or an ‘arrow’ and its expanse shown within a graphically marked area on a map (cf. also Wiedemann 2014: 72-73). Such wanderings are always multilayered and multi-phased movements, and they display regionally divergent forms¹¹. It is therefore also disputable and sensitive to generalize and to speak of *the* Phoenician, Greek or even *the* Sabaean immigration, even though this designation is used often for simplicity’s sake. In order to develop a historical-cultural scientific model for migration, processes must be reviewed from case to case: the respective framework conditions for migration are too manifold and the reasons for migrating too diverse. In the following only some of the characteristics of migration and some general theses in research on migration will be presented using the example of the migration of groups of the Sabaean population to the African continent.

Towards reconstructing the Sabaean migration process

Much remains speculative or even unanswered when reconstructing the Sabaean migration process. Above all, the state of research combined with the absence of written sources about this process in South Arabia as well as the few known inscriptions found in the areas of ʿAkkālā Guzay in Eritrea and Tigray in Ethiopia that might offer information, hamper a comprehensive evaluation of the phenomenon of South Arabian influence on the northern Horn

⁸ e-Jahresbericht des DAI 2012/13 (urn:nbn:de:0048-dai-edai-j.2012-2013-3): 211.

⁹ Cf. the motives for migration as compiled already at the end of the 19th century by the founder of research on migration, Ernst Ravenstein (Ravenstein 1885; 1889; cf. also Burmeister 2000: 543-544).

¹⁰ The theme of visibility of mobility on maps was discussed in detail by Ortwin Dally in his paper for a workshop of the DAI cluster group “Mobility and Migration” in Bonn, 22-23 November 2013.

¹¹ Migration processes are graphically better to visualise, for instance, with computer techniques in 3D animation than in plain two-dimensional print.

Fig. 2. Sabaean inscription from the monastery Abba Pāntālewōn, near Aksum (RIÉ 2) (photo by M. Schnelle, DAI, Orient Department)

Fig. 3. Landscape surrounding of Yeha (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

of Africa. Moreover, it must be kept in mind that South Arabian inscriptions are attested until now earliest since the late 8th/early 7th century BC in this region (fig. 2). From the viewpoint of archaeological results this would be 50 to 100 years *after* the first Sabaean influences upon the region, which can be dated to the end of the 9th century BC at the latest¹².

At the time of the deposition of inscriptions a differentiated society with hierarchical social structure had already formed for the first time in this area and several generations had already undergone acculturation process¹³. This advanced stage in migration process may not be disregarded when interpreting written sources and assessing “typical” Sabaean and/or indigenous elements.

With the beginning of the Sabaean migration in the 9th century BC at the latest cultural contacts between Sabaean immigrants and the indigenous people evolved. The manner and degree in which these contacts affected the participating groups and the results that these contacts incurred are issues that are being investigated by the Ethiopian-German cooperation project. Thus far it can be stated that foreign contacts led to the obviously rapid onset of ‘culture change’, and were linked with the appearance of technological as well as social innovations, which, of course, did not occur uniformly or in same measure in this region. Factors such as the general conditions and differing circumstances, the accessibility of all kinds of resources, and the presence of special technological know-how were influential in whether and/or how the innovations were implemented¹⁴. Thus, it is no coincidence that Sabaean-influenced sites are located in fertile areas with year-round sources of water or in the vicinity of trade routes (fig. 3). Resources for building material such as wood¹⁵ and high-quality stone material (Weiß *et al.* 2008; 2012; Weiß-Koch-Gerlach in print) as well as trade goods such as gold were present in the region, as attested for example in the site of Yeha¹⁶.

Furthermore, in Sabaean migration areas came changes in social structures through new forms of power relations¹⁷ and even in the spiritual sphere through the introduction of a new religion¹⁸, the dissemination of the cultural technique of script¹⁹, new architectural and art forms, and the development of new techniques. Illuminating examples are metal processing

¹² This temporal assignment was made through radiocarbon datings on samples from wooden boards in the floor of the propylon of the monumental building Grāt Be’al Gebri in Yeha. The hitherto oldest building phase of this structure, erected under Sabaean guidance, dates to 800 BC. A preceding Sabaean influence can certainly be assumed, alone in view of the logistics involved in the construction of such a monumental structure.

¹³ For the term “acculturation” cf. already Redfield-Linton-Herskovits 1936: 149: “...those phenomena which result when groups of individuals having different cultures come into continuous first-hand contact, with subsequent changes in the original cultural patterns of either or both groups.” See also Schreiber 2013: 56 and Fn. 20 on history of research on the concept of “acculturation”; Hofmann 2013: 174; in an Ethio-Sabaean context see Gerlach 2013: 270; Nebes 2010a: 233.

¹⁴ On the subject of “Innovation – technisch, sozial”, see publications of the research cluster at the German Archaeological Institute: Klimscha *et al.* 2012; Pfeiffer 2013; Burmeister *et al.* 2013.

¹⁵ Large amounts of wood were utilised in the Grāt Be’al Gebri, see Schnelle in print b. For vegetation and botanical details, see Kürschner-Neef forthcoming.

¹⁶ Gold occurs as placer deposits in Yeha.

¹⁷ For the likely idealised image of ruling structures of the so-called Di’amat-Formula, see Nebes 2010a: 230-231.

¹⁸ In fact, the main Sabaean pantheon was adapted by the new polity (most recent see Nebes 2010b: 182).

¹⁹ With the migration of Sabaean groups to areas in northern Ethiopia and southeastern Eritrea this region entered historical times. For similar phenomenon of the dissemination of the “innovation” script in the region of South Arabia see Nebes 2001: esp. pages 430-433; on the Ancient Orient, see recently Cancik-Kirschbaum 2014.

Fig. 4. Bronze stone cutting tool from Yeha Museum (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

Fig. 5. Bronze sickle from Yeha Museum (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

Fig. 6. Bronze cauldron from Guldām, near Yeha (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

and forging technology: Without such technology, of which there is no evidence so far in the period prior to the new culture, the realisation of Sabaeen stone processing for the new building programmes in this region would not have been possible (fig. 4). One can therefore assume an introduction or at least a further development of this technology. Accordingly, also changes in agriculture through new devices such as most probably the plough (cf., for instance, Anfray 1963: 191) and metal sickles (fig. 5)²⁰, or techniques in crop cultivation (terraced fields in South Arabia and Ethiopia/Eritrea²¹), are innovations that most likely resulted from the Sabaeen migration to the northern Horn of Africa.

Motives for migration

In the search for the motives for migration, it should be pointed first that with the formation of dominance of Saba' at the end of the 2nd or early 1st millennium BC in South Arabia, optimal social conditions and financial prosperity paired with technical and cultural know-how as preconditions for a successful migration were present. Possible reasons for the presence of South Arabians on the northern Horn of Africa and for the formation of an Ethio-Sabaeen polity still cannot be definitively stated. Nevertheless, there are a number of indicative clues can be noted (cf. also: Gerlach in print). For example, some of the reasons defined as basic to migration process of population groups into foreign areas can be excluded here: the situation of over-population in areas of South Arabia that were dominated by Saba', which could have led to migrations as far as East Africa, is as improbable as a migration due to a dearth in cultivable areas in the South Arabian 'motherland'. Indeed, there were large expanses in the Yemen highlands on which rain-fed agriculture was practiced in the valleys and crops were cultivated on the slopes ever since the 3rd millennium BC (cf., for instance, Wilkinson 1999: 186; Pietsch-Mabit 2012: 53–55). To be sure, other Iron Age societies already existed there, but Saba' – in view of its political and military dominance – could have occupied them, which was the proven case as of the 8th century BC at the latest²². Whether or not internal war-like conflicts or political rivalry among individual clans in Saba' ultimately led to the migration of certain groups in the population is as difficult to prove as other political reasons. Just like other migrations, that of the Sabaeans will not have had only one cause but several causes, and it surely cannot be attributed to one single event. Until now, economic motives, for instance, to secure trade contacts of South Arabia on the Africa continent, are more conceivable than strategic military motives. This assumption is supported by the fact that neither the Sabaeen influenced sites nor settlements of indigenous character have revealed any kind of fortification system. Evidently there was neither the need to manifest a claim to ruling power by erecting a fortification wall,

²⁰ Bronze sickles were found in the South Tombs in Yeha (Anfray 1963: pl. CXXIVa, pl. CXLIXa-f).

²¹ Rain-fed cultivation of terraced fields on mountain slopes has been practiced in the highlands of Yemen since the 3rd millennium BC (Pietsch-Mabit 2012; Wilkinson 1999). The dating of comparable terraced field in Tigray, particularly in the region around Yeha, should be attained by means of geomorphological and pedological investigations (project partner Dana Pietsch, Eberhard-Karls-Universität Tübingen, Geographisches Institut, Lehrstuhl für Physische Geographie). Only when the date of the beginnings of terraced field cultivation in Tigray has been determined, can it be concluded whether this practice evolved from the transfer of technology from South Arabia to Ethiopia or whether it was an independent development.

²² On the region of Ḥawlān cf., for instance, Hitgen 2012.

Fig. 7. The monumental building Grat Be'al Gebri (circa 800 BC) (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

Fig. 8. Axiometric 3D-reconstruction of the Great Temple in Yeha (mid 7th century BC) (drawing by M. Schnelle, DAI, Orient Department)

Fig. 9. The cemetery of 'Abiy 'Addi in Yeha (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

nor was it necessary to protect against attacks from neighbours or foreigners by building defence walls²³.

The number of South Arabian emigrants and the social constitution of the emigrating group

One of the issues discussed in research on Sabaean migration – if the issue is accepted at all – concerns the number of South Arabian emigrants and the social constitution of this emigrating group²⁴. Under normal conditions an established society or social group would not immigrate as a whole; instead, the migrating group represents a more-or-less indistinctly defined segment of the entire population. All members of the Sabaean kingdom did not emigrate,

²³ There was no obstacle to Ethio-Sabaean rulers bearing the epithet “he who overthrows the enemy”, as for example the ruler Wa'rān, son of Rādi'um and Šaḥḥatum, discovered on the altar in 'Addi 'Akaweh (Wolf-Nowotnick 2010a: 177-178). As Norbert Nebes could quite rightly discern (Nebes 2010a: 216 and 233), this epithet underscores one important feature of the ruler idiosyncratic to this cultural sphere. It does not necessarily reflect a forceful settlement or violent expansion of power.

²⁴ Opposing debates have carried on in research for some 120 years concerning the reasons and mechanisms of cultural interactions of between cultures located both sides of the Red Sea as well as about the significance of South Arabian influence on the northern Horn of Africa. For a detailed examination of the various opinions in research about the phenomenon of South Arabian influence on the northern Horn of Africa, see Gerlach 2013 with recommended literature. Cf. also recently Phillipson 2013: 803, who continues to assume that there was only a small number of immigrants, who were individual specialists such as stone masons rather than groups of families.

Fig. 10. Female statuette from 'Addi Gälämo, Addis Abeba National Museum (JE3), (photo by I. Gerlach, DAI, Orient Department)

Fig. 11. Female statue from Hawelti, Addis Abeba National Museum (JE1657) (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

but only certain parts of the population, or only a few groups. For example, in the case of the “Greek Colonisation”, normally some 100 to 200 citizens²⁵ from the mother-city were sent to an already known place to found a colony. Perhaps the magnitude of at least the first phase of Sabaean migration to chosen areas on the northern Horn of Africa was similar or even less. Yet, because absolutely no sources on this aspect are available, the question of scale must remain hypothetical. Nonetheless, surely concerned here were several larger groups in the population, which settled not only in one place, but in different places, to establish the new polity of Di'amat. This process – as will be discussed further below – did not transpire within one single phase.

As emphasised above, only as of the 8th/7th century BC do documented inscriptions from the region of Tigray and 'Akkälä Guzay provide information that some of the immigrating persons were building specialists²⁶, who came mainly from the area of Marib (fig. 6) (Nebes 2010a: 226-227; 2011: 164 with references). Observing the archaeological material, for instance the unique monumental buildings in South Arabian style as the administrative palace like building

²⁵ Murray 1982: 144, speaks of 200 or “even fewer” colonists, with reference to a founding inscription for Korkyra Melaina (present-day Korçula) from the 4th century BC, in which the number between 150 and 300 is mentioned (cf. Maier 1959: no. 57). In reference to the founding of Kyrene, Elke Stein-Hölkeskamp (Stein-Hölkeskamp 2013: 127) speak of “normally...ca. 100 to 200 men”. My thanks to H.-J. Gehrke for his suggestions about pertinent literature.

²⁶ Evidently the “stone masons” involved not only had the task of cutting stones and engraving inscriptions; they also assumed roles as building engineers, carpenters and possibly architects (cf. Nebes 2010a: 227, Fn. 79); the literal translation of *grbyn* is “he who belongs to cut stone”.

Fig. 12-13. Female statuette of unknown origin (probably, from the region of Tigray/'Akkälä Guzay), Museum Nazionale d'Arte Orientale "Giuseppe Tucci", Rome; (no. 1732/E10) (photo courtesy of the Museum Nazionale d'Arte Orientale "Giuseppe Tucci", Rome) (drawing by M. Manda, DAI, Orient Department)

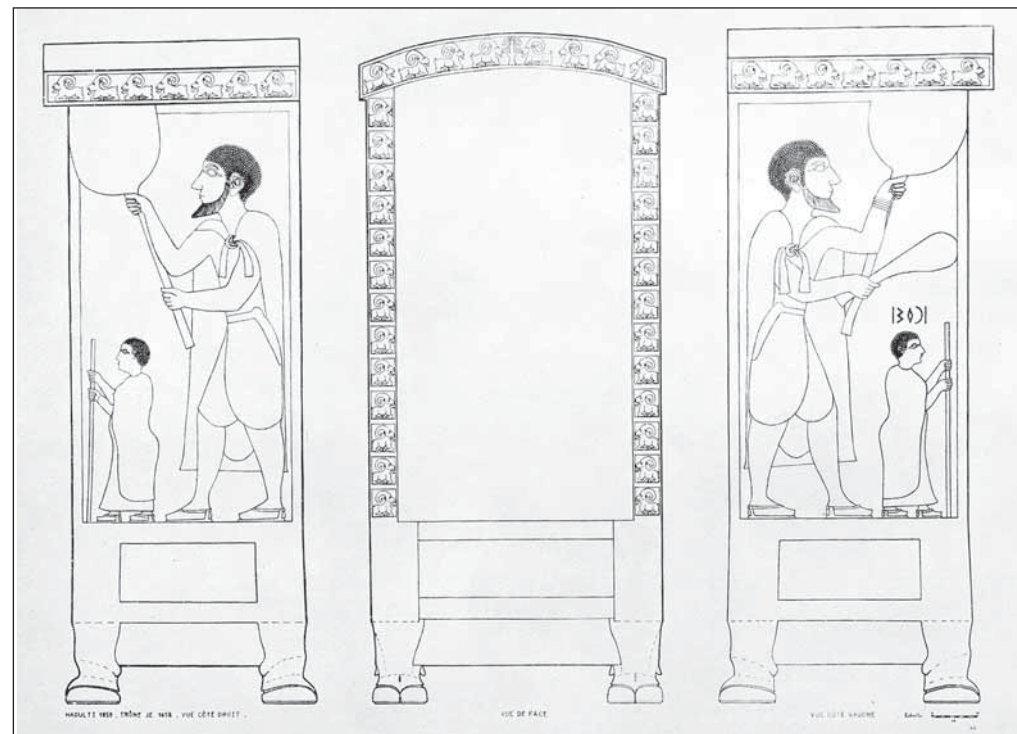

Fig. 14. Shrine-like seat from Hawelti, Addis Abeba National Museum (JE 1658), (drawing from: de Contenson 1963, Pl. XXXIII)

of the 'Grat Be'al Gebri'²⁷ (fig. 7) or the 'Great Temple' in Yeha (fig. 8) erected from the 9th century BC onwards, it can be stated that these buildings could not have been accomplished alone by the "stone masons" mentioned in the inscriptions. Indeed, a well-organised infrastructure and clearly defined forms of authority were necessary, in order to implement such building programmes (Gerlach in print)²⁸. Furthermore, the temples and administrative buildings – of course – were not meant solely building specialists, but also other parts of the population, who made use of them and could identify with the ideology, form of power or religion that stood behind them. The monumental structures were not only prestige objects with purely symbolical values of individual South Arabian immigrants. These structures possessed a central function in society, whether as a centre of cult or a seat of administration. Achieved with the erection of these monumental structures was the architectural transference of religious and also governmental perceptions of Sabaeen character. In these large-scale buildings projects, social interests were realised, which ultimately included the exhibition of political and economic power.

Building specialists worked on contract from an upper class, which at least in the early phase could only have been of Sabaeen origin: There is no evidence for an indigenous elite, who brought

South Arabian craftsmen into the country to construct South Arabian building forms and iconographic language with all of the religious and sovereign connotations, and then adapt these to their own indigenous culture, and to make their own use of these in order to heighten their social prestige. Such a situation would presuppose that groups of the African population were already acquainted with South Arabian prototypes in original form – including public buildings and artistic works of South Arabia – at the latest in the 9th century BC, so that then these groups could have developed the wish to adopt the foreign Sabaeen pattern of representation and to identify with the ideology of the construction style, the religious iconography etc.

It has to be assumed a social gradient between Sabaeen settlers with their differentiated social system and advanced technical know-how and the indigenous population. The latter can be attested only by means of a general, but not quite harmless evaluation by exclusion: Namely, all that is not typical South Arabian could ergo be indigenous, or it had already gone through the process of acculturation. Therefore, we emphasise the local, non-South Arabian names of persons, designations for deities and the naming of the matriarchal line in ruler inscription, which is unknown in South Arabia, or – from an archaeological point of view – we point to non-South Arabian ceramic forms (Köster-Japp-Weiß 2013), burial customs in shaft graves (fig. 9) or the stelae cult as in Hawelti and Käskäse that is not evidenced during this time in South Arabia. However, concrete signs of the autochthonous culture in the early 1st millennium BC in the areas of Sabaeen migration are at least in Yeha still absent.

²⁷ See recently: Schnelle in print a; Schnelle in print b.

²⁸ Furthermore, even more persons were needed, who presumably came from the autochthon society, in order to accomplish such large-scale projects.

Fig. 15. Detail of the left site of the shrine-like seat from Hawelti, Addis Abeba National Museum (JE 1658) (photo by I. Gerlach, DAI, Orient Department)

Aside from the number of emigrants, their social status and their qualifications, gender-specific criteria also played a role in the composition of emigrant groups. Studies have shown that as a rule men are more mobile than women (Burmeister 2000: 543 with further references). This could have been the case in the Sabaean migration.

If one follows the hypothesis of Norbert Nebes²⁹, that with the specific naming of the matriarchal line in ruler inscriptions as well as the indigenous designation *'rkytn* for the female companion of the ruler, which are unknown in South Arabia, the indigenous line in the exercise of power is involved, then this might mean that aside from power-political calculations the Sabaean male migrants – indeed, the ruling upper class – took on indigenous women as consorts/companions latest in the 8th century BC.

In this reference one should point out that the female statuettes of donors found in 'Addi 'Akaweh (Wolf-Nowotnick 2010: 179-180, fig. 16 a-b) and 'Addi Gälämo (Caquot-Drewes 1955: 17-26)³⁰ (fig. 10) as well as in Hawelti (de Contenson 1962: 65-66, pl. V-VI; 1963: 42, pl. XXXI. XXXIV)³¹ (fig. 11) could have been depictions of indigenous females from an upper class (Nebes 2010a: 228; Gerlach 2014).

A good comparison for statues found in Hawelti, which differ stylistically through the more rounded form of the body, softer facial features as well as vertical rendering of the folds in garments, from statues found in 'Addi 'Akaweh and 'Addi Gälämo, is presented by a further donor statuette of unknown origin, which is preserved in the Museo Nazionale d'Arte Orientale "Giuseppe Tucci" in Rome (Jamme 1956: 67-69, pl. VII, 445; Antonini de Maigret-D'Amore-Jung: 249, no. 87)³² (fig. 12-13) This female figure is likewise portrayed in a sitting position with folded arms broken at the elbow³³, wearing a long robe with vertical folds and a broad collier with a squared pendant. The name *knn* is engraved in the front of the base of her seat (Jamme 1956: 67). In view of the similarity with female figurines from the cultural sphere of the northern Horn of Africa, the figure probably stems from the region of Tigray/'Akkälä Gu-zay and represents the same group of women.

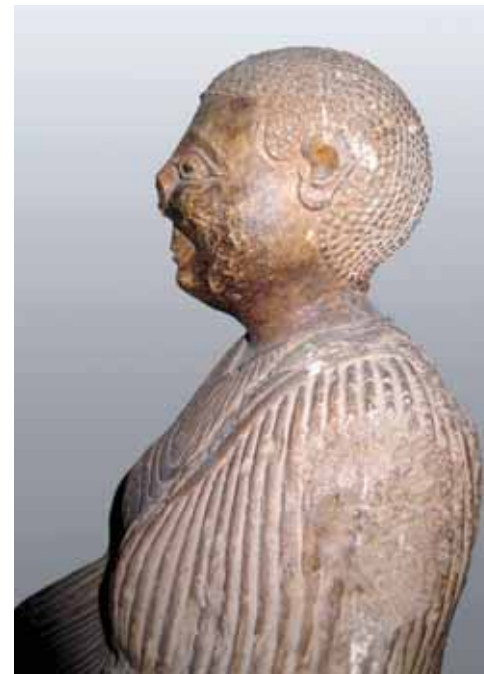

Fig. 16. Detail of the female statue from Hawelti, Addis Abeba National Museum (JE1657) (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

²⁹ On *'rkytn*, see Nebes 2010a: 218 with further references.

³⁰ Today in the National Museum Addis Abeba (JE 3).

³¹ Today in the National Museum Addis Abeba (JE 1657; JE 1555).

³² Collezione C. Zoli/C. Ansaldi (Ansaldi 1933), inv. 13024/16036 (MNR 121113). Material: limestone; measurements: H. 23.7 cm; W. 12.3 cm; D. 19.3 cm.

³³ A borehole is still visible in the right arm stump, which is possibly evidence of ancient repair work.

One female figure each (possibly the doner?) wearing a long garment and carrying a staff is represented in low relief on the sides of a shrine-like seat found in Hawelti (de Contenson 1962: 68–73; 1963: 42–43; Fattovich 1990: 5–6)³⁴ (fig. 14). Behind each depiction of the women, who bear an inscribed name on the left, stands a significantly larger male person with pointed beard, wearing a short wrap-around skirt³⁵ and a long cape, and holding only a fan on the right and also a frond (?) on the left³⁶ (fig. 15). Whether or not this person, obviously of higher social rank, represents a priest, ruler, or the husband of the depicted woman, remains unresolved. A no longer preserved seated statue can be reconstructed in the middle – possibly the image of the dedicator³⁷. The women's hair shown with short, small curls (fig. 16) does not correspond with the type of hairstyles worn by females in South Arabia in the 1st millennium BC. There women are mostly depicted with longer hair, usually ending above the shoulders or touching them³⁸ (fig. 17). Hence, the hairstyle in East African depictions could be a further clue to the indigenous origin of these women.

To be sure, no direct deductions can be made about the social composition of the original emigrating South Arabians basing upon these considerations. Yet, it can be maintained that there are indeed indications that the women of social higher rank came from the indigenous population. This however is perceptible only as of the 8th century BC and, thus, falls in a late phase of South Arabian migration, in which the acculturation process in Di'amat was already in an advanced stage.

Course of migration

One decisive factor concerning the make-up of emigrating groups has always been disregarded until now in discussions about the phenomenon of the Sabaean migration to the northern Horn of Africa: Namely the course of migration itself (cf. Burmeister 2000: 544). This factor almost never covers one single phase, but instead can last for one or several generations in time. An attempt to reconstruct the course of South Arabian migration leads to the realisation that just the choice of the aspired area alone presupposes a certain awareness about the region. This knowledge was surely gained directly or indirectly in an initial phase

³⁴ Today in the National Museum Addis Abeba (JE 1658); see also Gerlach 2014.

³⁵ A fair comparison for the pointed beard and short skirts are the so-called Banāt'Ād reliefs from Ma'īn/Qarnaw, depicting a procession (Antonini 2004: pl. 28–30). As in the reliefs of women in Hawelti, here two men are depicted, each carrying a long staff in front in the hand (Antonini 2004: pl. 29a). Hence, holding a long staff seems to have been a component of cultic acts. Cf. also as-Sawdā'/Nashahān, where some of the seated male persons (deities?) likewise hold long staffs (Arbach-Audouin-Robin 2004: fig. 25, 29).

³⁶ It is still unclear why the depictions on the two sides were designed differently: the woman on the left side is identified by an engraved name and here the male is shown with a frond (?) as an additional insignia next to the other fan. Thus, it must remain undecided as to whether different persons are meant or whether one and the same persons are repeatedly depicted.

³⁷ The discovery of a miniature clay throne with a seated female figure in the 'Almaqah-Tempel of 'Addi 'Akaweh underscores this suggested reconstruction (Wolf-Nowotnick 2010: 188, fig. 28).

³⁸ Cf., for example, Gerlach 2005: fig. 9–11: representations of women heads with shoulder-length hair from the Awām cemetery in Mārib and on a stone-slab now in the Ṣan'ā' National Museum. Cf. for example representations of women in the so-called Banāt'Ād reliefs in as-Sawdā'/Nashahān and Ma'īn/Qarnaw (Antonini 2004, pl. 26 a and pls. 32–33). Cp. also the female figure on the altar from Kamna/Kaminahū (Antonini de Maigret 2012: fig. 24).

of contact or exploration³⁹. Furthermore, especially in view of navigating crossing the Red Sea, technological prerequisites for the attainability of the destination as well as nautical skills and sailboat construction had to be present. Aside from these, the Tihama had to be reached starting from Saba', and so the corresponding route had to be planned.

There is evidence for connections between both sides of the Red Sea in the 6th millennium BC, at the latest, namely through trade in obsidian from Africa to the Yemeni Tihama⁴⁰, thus attesting contacts at least in the form of isolated exchange systems. The development of these contacts during the following millennia is difficult to reconstruct. However, ceramic finds in particular attest that there were probably intermittent interactions that became more frequent during the 2nd millennium BC (Vogt-Sedov 1998; Buffa-Vogt 2001; Vogt-Buffa 2005: 339–441; Buffa 2007; Fattovich 2005; Bard-Fattovich-Ward 2007: 147). The other side of the Red Sea was known, as were accessible harbours – in the case of the Sabaean migration at least the port of Adulis in present-day Eritrea – and routes to take inland. It would be erroneous to think of a spontaneous taking-up of contact, and a voyage across the Red Sea was surely not a matter of course in the early 1st millennium BC.

As already pointed out, wanderings are always multilayered and multi-phased movements. As with many other migrations that were undertaken, mainly out of economic interests⁴¹ – until now the most plausible reason for South Arabian interest in the African continent –, the first “pioneers” in the Sabaean migration were likely primarily traders. They established the first social contacts with the indigenous population.

It can be presumed that already in the early 1st millennium BC the framework of geographic, economic and social conditions in the destination area and its profitable economic potential were known in Saba' to the extent that a process was initiated, which ultimately led to an enduring presence of immigrants on the northern Horn of Africa. This phase, after the first phase of contact and exploration, is generally designated the phase of establishment (Hofmann

Fig. 17. Calcite sinter head of a woman from the Sabaeen cemetery of the Awām Temple in Mārib (Aw 00 B 1239) (photo by J. Kramer, DAI, Orient Department)

³⁹ On the phases in migration see Hofmann 2013: 177–178.

⁴⁰ Cf. the recent study on the localisation of obsidian and its distribution in Khalidi 2007; 2010; Khalidi-Lewis-Gratuze 2012.

⁴¹ On the Phoenician “colonisation” see Sommer 2014: 157–158.

2013: 177): the immigrants settled in the new area and interacted in various ways with the indigenous population. Here, in addition, links to a local exchange system can also be assumed. Whether the interaction between immigrants and locals involved mainly the exchange of goods cannot be proven during this phase of Sabaean migration. Therefore, one line of inquiry in the Ethiopian-German research project is concerned with determining the extent to which South Arabian immigrants integrated into their new environment and whether – particularly in the beginning – they had adapted only to the degree that would enable a stable existence as well as the expansion of their economic interests in the area.

Observing the material remains it becomes evident that during the phase of establishment, at the latest, representatives of the Sabaean upper class had also emigrated to the northern Horn of Africa, that is, persons who initiated the Sabaean ruling structures and the corresponding building programmes. In the further course of development the new aspects broadened to form further social levels and were adapted by the indigenous population as well: reciprocal influence – an acculturation process was set in motion during this phase at the latest (fig. 18-20).

With the process of settlement, a successive expansion of the infrastructure took place that formed an integral component of the new community: It was necessary to establish power structures, to create economic bases, to involve the immigrating and indigenous population in work processes and to acquire building materials as well as also produce special craftsmen's tools. For instance, the successful erection of the multi-storied monumental building in Yeha, the Grat Be'al Gebri⁴² erected around 800 BC at the latest⁴³, provides evidence that the indigenous population integrated rapidly in building activities. Otherwise, the achievement of this ancient large-scale project would be unimaginable. The extent to which forced labour existed or whether work was carried out in reciprocal agreement cannot be determined. The design and formal execution of monumental buildings as well as the logistics in procuring building material must have been in the hands of Sabaeans and, thus, presupposes an earlier and successful first phase of migration.

Following the phase of establishment is usually a phase of return (Burmeister 2000: 549; Prien 2005: 317–318), in which at least some of the immigrants return to the place of origin, and in which there is an intensification of relations between the area of immigration and that of origin (Hofmann 2013: 178). Until now this migration phase cannot be directly verified with reference to the Sabaean wanderings. Oppositely, contacts to the 'motherland' 150–200 years after the first migration were certainly present. One exemplary indication here is that raw materials such as calcite sinter were transported from Saba' across the Red Sea as far as Yeha (Weiß *et al.* 2008; Weiß in print). This was confirmed by geological analyses of calcite sinter slabs from the Great Temple, all of which stem from the quarries at al-Madharah, north of Şirwāḥ in Yemen. Also the building specialists (Nebes 2010a: 226–227; 2011: 164) attested in inscriptions still originated from the region of Mārib in the 7th century BC, thus proving that relations between the motherland and the African migration area still existed.

⁴² On the investigation that have been conducted since 2009 see Gerlach 2012; 2013; 2014; Schnelle in print a; Schnelle in print b, with a detailed research on the building history; on the restoration see Geyer-Weiß 2013; Schnelle-Geyer in print; on the pottery see Köster-Japp-Weiß 2013.

⁴³ On the dating of the oldest building phase in 800 BC determined until now, see (cf. footnote 16). More samples for radiocarbon dating were taken from wood built into the standing walls or from collapsed roof beams; they date between the 8th and 6th centuries BC and mark a further building phase.

Fig. 18-20. Incense burner from the region north of Yeha with indigenous elements (Tegulat near Edaga Rebut), Yeha Museum (YehS 12 SY Mus 27), side and back views (photo by I. Wagner, DAI, Orient Department)

Summary

Despite the many new discoveries and recognitions, we are still only at the start of reconstructing the migration processes and comprehending the South Arabian phenomenon on the northern Horn of Africa, so that much must remain hypothetical. Thus far it can be stated that the beginning of the 1st millennium BC marks a time of dynamic cultural development in this area. This can be attributed to immigrating groups of the Sabaean population, who settled in several places in the region of Tigray and 'Akkälä Guzay.

Comparison with models of migrations pertaining to historical times reveals that certain frequent mechanisms and movements can be presupposed for Sabaean migrations too, such as the composition of the emigrating groups, the motives for migration and the multiphased duration of these processes. Migration does not necessarily imply a *Völkerwanderung*, that is, mass migrations, but instead involves – as a rule – a relatively unambiguous population group.

In the case of the South Arabian migration to the northern Horn of Africa, we have only indirect evidence for the indigenous society that the Sabaeans encountered there. The primary contacts to the African continent will have been initiated and thereafter expanded by South Arabian traders, who thus, can be understood as the mediators of motives, stylistic tendencies and ideas. More profound social and technical innovations such as the introduction of a new religion or the erection of prestigious buildings were initiated by migrants, who were from higher levels in South Arabian society. They commissioned the expansion of the infrastructure and had South Arabian specialists at their service, who carried out their specifications.

BIBLIOGRAPHY

- Anfray 1963 – Anfray F. “Une campagne de fouilles à Yeha (Février–Mars 1960)” // *Annales d'Éthiopie* 5, p. 171-192
- Anthony 1990 – Anthony D.W. “Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater” // *American Anthropologist*. New Series, vol. 92, no. 4, Dec., p. 895-914
- Ansaldi 1933 – Ansaldi C. *Il Yemen nella storia e nella leggenda*. Rome
- Antonini 2004 – Antonini S. *Repertorio Iconografico Sudarabico, Tomo II: I motivi figurativi delle Banat 'Ad nei templi sudarabici*. Paris/Rome
- Antonini de Maigret 2012 – Antonini de Maigret S. *South Arabian Art. Art History in Pre-Islamic Yemen*. Paris
- Antonini de Maigret-D'Amore-Jung 2012 – Antonini de Maigret S., D'Amore P., Jung M. *Il Trono della Regina di Saba. Cultura e diplomazia tra Italia e Yemen. La collezione sudarabica del Museo Nazionale d'Arte Orientale 'Giuseppe Tucci' 10 ottobre 2012–13 gennaio 2013*. Rome
- Arbach-Audouin-Robin 2004 – Arbach M., Audouin R., Robin C. “La découverte du temple d'Aranyada' à Nashshān et la chronologie des Labu'ides” // *Arabia* 2, p. 23-41
- Bard-Fattovich-Ward 2007 – Bard K.A., Fattovich R., Ward C. “Sea Port to Punt: New Evidence from Marsā Gawāsīs, Red Sea (Egypt)” // J. Starkey, P. Starkey, T. Wilkinson (eds.). *Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea*. Oxford, p. 143-148
- Buffa 2007 – Buffa V. *Ma'layba et l'Âge du Bronze du Yémen*. Mainz am Rhein
- Buffa-Vogt 2001 – Buffa V., Vogt B. “Sabir – Cultural Identity between Saba and Africa” // R. Eichmann, H. Parzinger (Hrsg.). *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin 1999*. Bonn, S. 437-450
- Burmeister 1996 – Burmeister S. “Migration und ihre archäologische Nachweisbarkeit” // *Archäologische Informationen* 19, S. 13-21
- Burmeister 1998 – Burmeister S. “Ursachen und Verlauf von Migrationen – Anregungen für die Untersuchung prähistorischer Wanderungen” // *Studien zur Sachsenforschung* 11, S. 19-41
- Burmeister 2000 – Burmeister S. “Archaeology and Migration – Approaches to an Archaeological Proof of Migration” // *Current Anthropology* 41, p. 539-567
- Burmeister 2013 – Burmeister S. “Migration – Innovation – Kulturwandel. Aktuelle Problemfelder archäologischer Investigation” // E. Kaiser, W. Schier (Hrsg.). *Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive*. Berlin/Boston, S. 35-58
- Burmeister et al. 2013 – Burmeister S., Hansen S., Kunst M., Müller-Scheeßel N. (eds.) *Metal Matters. Innovative Technologies and Social Change in Prehistory and Antiquity*. Rahden/Westfalen
- Cancik-Kirschbaum 2013 – Cancik-Kirschbaum E. “Überlegungen zu Schrift, Schriftlichkeit und der ‘Mobilität von Wissen’ im Alten Orient” // E. Kaiser, W. Schier (Hrsg.). *Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive*. Berlin/Boston, S. 103-114
- Caquot-Drewes 1955 – Caquot A., Drewes A.J. “Les monuments recueillis à Magallé” // *Annales d'Éthiopie* 1, p. 17-41
- de Contenson 1962 – de Contenson H. “Les monuments d'art Sud-Arabe découverts sur le site de Haoulti (Éthiopie) en 1959” // *Syria* 39: 64-87
- de Contenson 1963 – de Contenson H. “Les fouilles de Haoulti en 1959. Rapport préliminaire” // *Annales d'Éthiopie* 5, p. 41-52
- Fattovich 1990 – Fattovich R. “Remarks on the Pre-Aksumite Period in Northern Ethiopia” // *JES* 23, p. 1-33
- Fattovich 2005 – Fattovich R. “Marsā Gawāsīs: A Pharaonic coastal settlement in the Red Sea, Egypt” // J.C.M. Starkey (ed.). *People of the Red Sea*. Oxford, p. 15-22
- Gerlach 2005 – Gerlach I. “What is Sabaeen art? Problems in distinguishing ancient South Arabian art, Saba and Qataban as examples” // *ABADY* X, S. 31-43
- Gerlach 2012 – Gerlach I. “Yeha. An Ethio-Sabaeen Site in the Highlands of Tigray (Ethiopia)” // A. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy in South Arabia and its neighbors. Proceedings of the ‘Rencontres sabéennes 15’ held in Moscow on May 25th–27th, 2011*. Moscow, p. 215-240

- Gerlach 2013 – Gerlach I. “Cultural Contacts between South Arabia and Tigray (Ethiopia) during the Early 1st millennium BC. Results of the Ethiopian-German Cooperation Project in Yeha” // *ZORA* 6, S. 252-275
- Gerlach 2014 – Gerlach I. “Zu den neuen Forschungen des äthiopisch-deutschen Kooperationsprojektes in Hawelti und Yeha” // W. Raunig, Lij Asfa-Wassen Asserate (Hrsg.). *Das alte Äthiopien. Beiträge der Jahrestagung 2010 in Stolberg/Harz*. S. 39-76 (Orbis Aethiopicus XIV)
- Gerlach in print – Gerlach I. “Neue Forschungen zur äthio-sabäischen Kultur” // S. Wenig (Hrsg.). *In kaiserlichem Auftrag: Die Deutsche Aksum-Expedition 1906 unter Enno Littmann. Band 3: Ethnographische, kirchenhistorische und archäologisch-historische Untersuchungen sowie Nachträge*. Wiesbaden
- Hitgen 2012 – Hitgen H. “Tan'im – A Sabaeen Center in the Ḥawlān” // A. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its neighbors. Proceedings of the ‘Rencontres Sabéennes 15’ held in Moscow, May 25th – 27th, 2011*. Moscow, p. 259-278.
- Hofmann 2013 – Hofmann K.P. “Hogbacks – Zeichen akkultrierter Migranten?” // E. Kaiser, W. Schier (Hrsg.). *Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive*. Berlin/Boston, S. 173-208
- Jamme 1956 – Jamme A.W.F. “Les antiquités sud-arabes du Museo Nazionale Romano” // *Monumenti antichi* 43, p. 1-120
- Japp et al. 2011 – Japp S., Gerlach I., Hitgen H., Schnelle M. “Yeha and Hawelti, Cultural Contacts between Saba' and D'MT – New Research by the German Archaeological Institute in Ethiopia” // *PSAS* 41, p. 145-160
- Khalidi 2007 – Khalidi L. “The Formation of a Southern Red Sea Landscape in the Late Prehistoric Period: Tracing Cross-Red Sea Culture-Contact, Interaction, and Maritime Communities along the Tihamah Coastal Plain, Yemen in the Third to First Millennium BC” // J. Starkey, P. Starkey, T. Wilkinson (eds.). *Natural Resources and Cultural Connections of the Red Sea. Proceedings of Red Sea Project III*. Oxford, p. 35-43
- Khalidi 2010 – Khalidi L. “Holocene Obsidian Exchange in the Red Sea Region” // M.D. Petraglia, J.I. Rose (eds.). *The Evolution of Human Populations in Arabia: Paleoenvironments, Prehistory and Genetics. Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology*. New York, p. 279-291
- Khalidi-Lewis-Gratuze 2012 – Khalidi L., Lewis K., Gratuze B. “New Perspectives on Regional and Interregional Obsidian Circulation in Prehistoric and Early Historic Arabia” // *PSAS* 42, p. 143-164
- Köster-Japp-Weiß 2013 – Köster M., Japp S., Weiß C. “Archäologisch-archäometrische Untersuchungen an antiker Keramik aus dem nördlichen Äthiopien” // A. Hauptmann, O. Mecking, M. Prange (Hrsg.). *Archäometrie und Denkmalpflege 2013. Jahrestagung in der Bauhaus-Universität Weimar, 25.-28. September 2013 (Bochum), Metalla, Sonderheft 6*. Bochum, S. 143-147
- Klimscha et al. 2012 – Klimscha F., Eichmann R., Schuler C., Fahlbusch H. (Hrsg.) *Wasserwirtschaftliche Innovationen im archäologischen Kontext. Von den prähistorischen Anfängen bis zu den Metro-polen der Antike*. Rahden/Westfalen
- Kürschner-Neef forthcoming – Kürschner H., Neef, R. “The Arboreal Flora and Vegetation of Yeha (Tigray Plateau, N Ethiopia) – with some remarks on the natural resources and floral history” // *ZORA*
- Lindstaedt et al. 2010 – Lindstaedt M., Mechelke K., Schnelle M., Kersten T. “Virtuelle Rekonstruktion des Almaqah-Tempels von Yeha in Äthiopien mit Hilfe terrestrischer Laserscanningdaten. Photogrammetrie, Laserscanning, Optische 3D-Messtechnik” // T. Luhmann, C. Müller (Hrsg.). *Beiträge der Oldenburger 3D-Tage*. Heidelberg, S. 50-57
- Maier 1959 – Maier F.G. *Griechische Mauerbauinschriften*. Vol. I. Heidelberg
- Murray 1982 – Murray O. *Das frühe Griechenland*. München
- Nebes 2001 – Nebes N. “Die Genese der altsudarabischen Kultur: Eine Arbeitshypothese” // R. Eichmann, H. Parzinger (Hrsg.). *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte 6*. Bonn, S. 427-435

- Nebes 2010a – Nebes N. “Die Inschriften aus dem 'Almaqah-Tempel in 'Addi 'Akawəḥ (Tigray)” // *ZOrA* 3, S. 214-237
- Nebes 2010b – Nebes N. “Eine apotropäische Segensformel in den äthio-sabäischen Königsinschriften” // *Aethiopica* 13, p. 182-188
- Nebes 2011 – Nebes N. “An Inscription in Ancient Sabaic on a Bronze Kettle from Fārās May, Tigray” // W. Smidt, Y. Alemayeha (eds.). *ITYOPIS. Northeast African Journal of Social Sciences and Humanities* 1, p. 158-165
- Pfeiffer 2013 – Pfeiffer K. *Neue Untersuchungen zur Archäometallurgie des Sinai. Die Entwicklungsgeschichte der Innovation „Kupfermetallurgie“*. Rahden/Westfalen
- Phillipson 2013 – Phillipson D.W. “Complex Societies of the Eritrean/Ethiopian Highlands” // P. Mitchell, P. Lane (eds.). *The Oxford Handbook of African Archaeology*. Oxford, p. 799-815
- Pietsch-Mabit 2012 – Pietsch D., Mabit L. “Terrace Soils in the Yemen Highlands, Using Physical, Chemical and Radiometric Data to Assess their Suitability for Agriculture and their Vulnerability to Degradation” // *Geoderma* 185-186, p. 48-60
- Prien 2005 – Prien R. *Archäologie und Migration. Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen*. Bonn
- Ravenstein 1885 – Ravenstein E. “The laws of migration” // *Journal of the Statistical Society* 48, p. 167-227
- Ravenstein 1889 – Ravenstein E. “The laws of migration: Second Paper” // *Journal of the Statistical Society* 52, p. 214-301
- Redfield-Linton-Herskovits 1936 – Redfield R., Linton R., Herskovits M.J. “Memorandum for the Study of Acculturation” // *American Anthropologist* 38, p. 149-152
- Schnelle 2012 – Schnelle M. “Towards a reconstruction of the Great Temple of Yeha (Ethiopia)” // A. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy in South Arabia and its neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabeennes 15” held in Moscow on May 25th -27th, 2011*. Moscow, p. 387-415
- Schnelle in print a – Schnelle M. “Grat Be‘al Gebri – bauhistorische Untersuchungen an einem Monumentalbau des frühen 1. Jt. v. Chr. im äthiopischen Hochland” // *Architectura* 43
- Schnelle in print b – Schnelle M. “Monumentalbauten des 1. Jahrtausends v. Chr. in Yeha (Äthiopien) und Vergleichsbauten in Südarabien – Architektur als Spiegelbild von Kulturtransfer” // *ZOrA* 7
- Schnelle-Geyer in print – Schnelle M., Geyer D. “Grat Be‘al Gebri – a Monumental Half Timber Complex of the Early 1st Millennium B.C. in the Ethiopian Highland: Building archaeological investigations and restoration” // R. Feiglstorfer (Hrsg.). *Earthen Constructions and Tradition*. Wien
- Schreiber 2013 – Schreiber S. “Archäologie der Aneignung. Zum Umgang mit Dingen aus kulturfremden Kontexten” // *Forum Kritische Archäologie* 2, S. 48-123 (http://www.kritischearchaeologie.de/repository/fka/2013_2_05_Schreiber.pdf)
- Sommer 2014 – Sommer M. “Elissas lange Reise. Migration, Interkulturalität und die Gründung Karthagos im Spiegel des Mythos” // A. Renger, I. Toral-Niehoff (Hrsg.). *Genealogie und Migrationsmythen im antiken Mittelmeerraum und auf der Arabischen Halbinsel*. Berlin, S. 155-173
- Stein-Hölkeskamp 2013 – Stein-Hölkeskamp E. “Krise und Konsolidierung der Polis” // H.-J. Gehrke, H. Schneider (Hrsg.). *Geschichte der Antike. Ein Studienbuch*. Stuttgart/Weimar, S. 120-144
- Steuer 2002 – Steuer H. “Mobilität” // J. Hoops (Hrsg.). *Reallexikon Germanische Altertumskunde* 20. 2nd edition. Berlin/New York, p. 118-123
- Vogt-Buffa 2005 – Vogt B., Buffa V. “Cultural Interaction with the Horn of Africa – A view from Early Arabia” // W. Raunig, S. Wenig (Hrsg.). *Afrikas Horn. Akten der Ersten Internationalen Littmann-Konferenz*. Wiesbaden, S. 437-456
- Vogt-Sedov 1998 – Vogt B., Sedov A. “The Sabir Culture and coastal Yemen during the 2nd Millennium BC – The present state of discussion” // *PSAS* 28, p. 261-270
- Weiß et al. 2008 – Weiß C., O’Neill D., Koch R., Gerlach I. “Petrological Characterisation of ‘Alabaster’ from the Marib Province Yemen and its Use as an Ornamental Stone in Sabaeen Culture” // *AAE* 19, p. 182-192
- Weiß-Koch-Gerlach 2012 – Weiß C., Koch R., Gerlach I. “Provenienzanalyse der Naturwerksteine des Großen Tempels in Yeha/Nord Äthiopien” // F. Schlütter, S. Greif, M. Prange (Hrsg.). *Archäometrie und Denkmalpflege 2012. Metalla, Sonderheft 5*. Bochum, S. 52-54

- Weiß-Koch-Gerlach in print – Weiß C., Koch R., Gerlach I. “A microfacial and geochemical provenance study of a calcareous sinter from Yeha/Northern Ethiopia” // *ABADY* XIV
- Wiedemann 2014 – Wiedemann F. “Klios Ärger mit den Söhnen Noahs” // A.-B. Renger, I. Toral-Niehoff (Hrsg.). *Genealogie und Migrationsmythen im antiken Mittelmeerraum und auf der Arabischen Halbinsel*. Berlin, S. 59-83
- Wienhold 2011 – Wienhold H. “Migration” // W. Fuchs-Heinritz (Hrsg.). *Lexikon der Soziologie*. Wiesbaden, S. 442
- Wilde 2013 – Wilde H. “Technologie und Kommunikation. Innovationsschübe vor dem Hintergrund der Außenbeziehungen Altägyptens” // E. Kaiser, W. Schier (Hrsg.). *Mobilität und Wissenstransfer in diachroner und interdisziplinärer Perspektive*. Berlin/Boston, S. 115-150
- Wilkinson 1999 – Wilkinson T.J. “Settlement, Soil Erosion and Terraced Agriculture in Highland Yemen” // *PSAS* 29, p. 183-191
- Wolf-Nowotnick 2010a – Wolf P., Nowotnick U. “Das Heiligtum des Almaqah von Meqaber Ga‘ewa in Tigray/Äthiopien (mit Beiträgen von C. Hof, M. Daszkiewicz, G. Schneider und A. Porter)” // *ZOrA* 3, S. 164-213
- Wolf-Nowotnick 2010b – Wolf P., Nowotnick U. “The Almaqah temple of Meqaber Ga‘ewa near Wuqro (Tigray, Ethiopia)” // *PSAS* 40, p. 367-380

Romolo LORETO
(Naples)

SOUTH ARABIAN RELIGIOUS ARCHITECTURE: A HISTORICAL OVERVIEW

This paper presents an overview of research carried out for a research grant awarded by the Università degli Studi di Napoli “L’Orientale” for the years 2011-2013. The research led to a book featuring the development of South Arabian architecture from the Bronze Age to the advent of Islam, based on previous work on typological classification, construction techniques and the increasing number of archaeological excavations to have been carried out over the last thirty years (Jung 1988; 1994-95; de Maigret 1996; Darles 1997a-b; 1998; 2000; 2001; 2009; 2010; 2011; 2014; Sedov 2005).

The project focused on religious architecture in pre-Islamic Yemen. It took a comprehensive approach involving both the strictly architectonic aspect and the functional, religious and representative aspects peculiar to each building type. By identifying the factors that went to constitute the architecture we can begin to recognise the cognitive aspects of the ancient builders responsible for one of the most complex and majestic forms of architecture in stone to emerge in the Arabian Peninsula and the ancient Near East.

In view of the variety of building types, plurality of locations, and co-existence of structures that are typologically analogous in areas that are very distant geographical and politically, any consideration of South Arabian religious architecture clearly has to take into account the history of the ancient caravan kingdoms. The importance of historical development reflects the fact that the construction of religious buildings was financed not only by the royal dynasties but also by priests, private citizens and “officials” of various ranks, and dedicated to divinities specifically associated with a place, city or community.

No less significant are the aspects of sacrality and ancient society, which led to the choice of a particular building type and site in erecting a temple. Every South Arabian community identified not only with the city that was the headquarters of central power but also with the surrounding territory that yielded its staple provisions and with a series of places, above all mountains, where the presence of a shared religious sentiment was strongly felt.

Finally it is indispensable to take into account, whenever possible, the dating of the buildings and to carry out the analysis differentiating the structures in terms not only of space but also of chronology. It is thus possible to trace the progress of the architectonic experiences throughout the centuries of South Arabian history in relation to the spread of building tech-

niques, their evolution and the possibility of identifying instances of co-existence, diffusion or derivation from the areas in question.

In our approach each existing temple or sanctuary was considered in terms of both its functional aspect (affording the possibility of typological differentiations according to religious requisites characteristic of the ancient South Arabians) and its structure, highlighting the structural differences that make it possible to render this basic typology more complex and justify the architectonic classification.

In considering the purely structural issues, the research project took into account both archaeological and architectural data. This approach made it possible to consider the problem of the origins and diffusion of architectonic typologies and building techniques in the various regional areas of the ancient caravan kingdoms.

Before commencing the architectonic study of South Arabian temples, a preliminary classification was made in order to define some religious elements that may have influenced, or wholly conditioned, architectonic construction. As we have said, there is a range of architectonic types (hypostyle temples, courtyard temples, oval temples, temples with a composite groundplan, sanctuaries, etc.) which were erected in different political areas: Qatabān, Saba’, Ḥaḍramawt, Jawf, Awsan and Ḥimyar, and in different topographical contexts: extra urban areas and urban *intra moenia* areas. Epigraphic evidence, reflecting the diversification of cults, shows that the South Arabians themselves were well aware of the religious differences that characterised an urban temple (dedicated for example to a local tutelary god) and an extra urban temple (dedicated for example to a national, confederative god). Thus the first step is to differentiate between the places where the buildings are situated: 1) *extra moenia* areas, i.e. mountain peaks, steppes, cultivated fields, necropolises, etc.; 2) *intra moenia* areas, i.e. within the urban living space. This initial topographical differentiation made it possible to classify the temples and sanctuaries according to a criterion, which the South Arabians themselves elaborated and which enabled us to identify the first correspondences between the localisation of the buildings, their architectonic form and their religious function.

Part I: Classification of South Arabian Religious Buildings

Bronze Age Sanctuaries (3rd-2nd millennia BC)

The heyday of South Arabian religious architecture came in historical times (12th century BC – 6th century AD) in the urban culture of the ancient caravan kingdoms. Nonetheless the first example of religious buildings in Yemen date back at least to the Bronze Age (if we do not count as “architecture” the Neolithic dwellings/huts dating from between the 8th and 4th millennia BC: de Maigret 1996: 113-119) and are attested above all in the mountainous areas of the interior (Ḥawlān at-Tiyāl, Damār), along the water courses leading from the mountains to the desert (lowlands and Wādī Ḥaḍramawt) and along the south-western coastline of the Red Sea (Sabir culture). Attestations from the Bronze Age are also found throughout the pre-desert zones near the Wādī Arf (*Ḥaḍramawt Megalithic Complex*) (Vogt 2000a: 54-59), Wādī al-Jawf (Cleuziou-Inizan-Robin 1988; Cleuziou-Inizan-Marcolongo 1992) and Wādī al-Jūba (Blakely-Vitaliano-Brinkmann 1996).

An analysis of these religious buildings, their localisation and building techniques, and the diffusion of the Bronze Age cultures they denote can be of help in identifying phenomena of

continuity and derivation or radical changes, whether technical/structural or cultural, and can throw light on the rise of the architectonic phenomenon that characterised historical times.

The starting-point were presumably the “sanctuaries” drawing essentially on the visual impact of the surroundings, where men chose to fashion their first artefacts, such as the monolithic stone blocks and rows of stones: Banī ‘Atfīf (de Maigret 1990: 9), Moḥamdid al-Hamli (Benardelli-Parrinello 1970: 117-120; De Bayle des Hermes 1976: 27-28), al-Midamman (Keall 1998; 2000; Giumlia-Mair *et al.* 2000)¹, Wādī Surbān (Breton-Darles 1994: 46-61). Then came the prototype of the temple as a structure regulated by methodologies of design and structural principles: Wādī Surbān, Rumahā (Breton-Darles 1994: 46-61); Jebel al-Balaq al-Janubi (De Bayle des Hermens-Grebenart 1980: 573-579); Sabir, Burnt Building – Building 5C (Vogt 1995; 1996; Vogt-Sedov 1997, 1998a-b; 2000: 67; Vogt-Sedov-Buffa 2002). Next attention was paid to the problem of the formal identification of construction elements: the temple becomes a complete artefact once it is possible to identify the architectonic principles and design underlying its construction. For the first time we can recognise a conceptual approach that makes it possible to dominate the external environment. The variety of solutions adopted is proof of the ability to come up with responses to the natural difficulties and the competence in modifying them by recognising in the environment itself the useful details that can be exploited in order to offset nature’s predominance over man.

The era of South Arabian “proto-history” or archaic South Arabian (12th-9th centuries BC)

For this period, which has rarely been investigated, particularly stratigraphically – Barāqish (de Maigret 2010; Fedele 2010), Raybūn (Sedov 2003), Shabwa (Breton-Darles-Roux-Cammas 2010) – it is only possible to identify or hypothesise the existence of a few buildings endowed with architectural features. The Ḥaḍramawt constitutes an exception, providing the first clear evidence of architectonic models (the so-called “early sanctuary” of the temple of Dhāt Ḥimyam dhāt Raḥbān at Raybūn: Sedov 2005: 39, 93-96, 99, and the so-called “early temple” of Jūja, near Shibām: (Hansen-Ochsenschlager-al-Radi 2004: 43-67; Sedov 2005: 137-140) and Saba’, with the urban hypostyle temple at the foot of the acropolis reoccupied as a mosque (Sulaymān mosque: Eichmann-Hitgen 2003: 61²) in the early years of Islam; the extra urban temple of Bar‘ān, dedicated to the Sabaeen god Almaḡah and the temple with open-air courtyard near ‘Atf al-Ḥamrā’, located on the right bank of the Wādī Ṣana, near the great dam of Mārib (Schmidt 1982b: 148-152).

Other temples can be seen in the urban area of Mārib, identified by the pillars of the entrance propylaeum, but they cannot be dated³.

We can only suppose the existence of two religious buildings at Yathill (excavation at the foot of the temple of Nakrah) in an urban context (de Maigret 2010: 70-72), and Nashshān (decorated architectonic elements relating to a possible prior phase of the temple of ‘Attar dhū-Riṣāf) (Breton 1992: 446-447). In practice, this is when the elements first

¹ Similar monuments have been identified near the Wādī Ḥabb and Wādī Zurayb: Cleuziou-Inizan-Marcolongo 1992.

² The structures visible today (hypostyle room and entrance propylaeum), for which we have no planimetric data, cannot be dated with confidence. The samplings refer to the lower levels, and it is not clear how these relate to the building.

³ Cf. the so-called “Podium 1-4”: Eichmann-Holger: 2003: 59. An *intra moenia* building was identified by A. Fakhry in 1948 and destroyed following the construction of the Governor’s Palace (Fakhry 1952).

appear that were to characterise religious buildings over the following centuries and attest to the existence of teams of workmen who specialised in buildings featuring not only complex groundplans and structural concepts but also a range of building materials: stone, wood and mud bricks (viz. the “early sanctuary” of the temple of Dhāt Ḥimyam dhāt Raḥbān at Raybūn).

Lastly, the symbolic and functional nature of the temples was defined in a closed spatial form. The temple became a world of its own, reinvented with its own rules that governed all the internal elements, whether architectonic or religious.

The era of the unification of Saba’ or ancient South Arabian (8th-7th century BC)

In the 8th and 7th centuries BC the foundations were laid for a monumental architecture that was to characterise Southern Arabia for more than a millennium, through to the advent of Islam. In the centuries during which the first fortifications were erected and the hydraulic schemes took on immense proportions (viz. the huge dam of Mārib), temple architecture underwent significant developments in terms of groundplan, structural solutions, decorative elements and building techniques on account of ever more complex religious rituals and new technological advances.

From this time on a South Arabian religious sentiment began to express itself which was profoundly rooted in the ancient society and characterised by a multiplication of divinities, cults and the accompanying requisites which involved not only questions of construction in the strict sense but also the accompanying social aspects (e.g. the formation of a South Arabian “priestly caste” or the need, prompted by religious requirements, for urban, extra urban or rupestrian buildings).

This ensured the passage from the technical form, reflecting above all the static function, to the architectonic form, the outcome of technical knowhow and functional design.

Regional attestations

Jawf

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Two buildings have been identified near aṣ-Ṣawḡā’ (ancient Nashshān) (Breton 1998: 66-68; 1992; 2012; Robin 1996), one *extra moenia* temple dedicated to ‘Attar dhū-Riṣāf and one *intra moenia* temple (so-called temple “number 1”: Arbach-Audouin 2004).

Two *extra moenia* buildings have been localised near Qarnaw: the temple of the “Banāt ‘Ād”⁴ and the so-called building “number 4”⁵.

Three buildings have been identified near al-Bayḡā’ (ancient Nashq): the *extra moenia* temple of the “Banāt ‘Ād” (Antonini 2004; Halévy 1872,1873) and the so-called *intra moenia* temples “number 1” and “number 2” (Breton 1998: 72-74).

An *extra moenia* temple of the Banāt ‘Ād has been localised near Ḥaribat Hamḡān (ancient Haram) (Breton 1994a: 103).

⁴ J. Schmidt was the first to assert that the temple features a first, ancient phase relating to blocks that were reused in the 4th century BCE building: Schmidt 1982e.

⁵ Cf. building reported by J.-F. Breton: Breton 1998b: 66.

An *extra moenia* sanctuary has been identified at Ḥizmat an-Naṣā'ib, near ancient Kamna (Breton 1998: 72; Robin 1992: 176-177).

Two temples have been identified near Jidfir ibn Munayhir: one *extra moenia* temple (Gl 1519, 1522-1525, Gl A.768, Garbini-Gidda 1, YM 2429) (Arbach-Audouin 2007: 72-86) and the *intra moenia* temple of Almaqah (Schmidt 1982f: 158-160).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

There are no epigraphic attestations referring to religious buildings for the South Arabian proto-historical period (12th-9th century BC) simply because the earliest epigraphs known to us date from the 8th century BC. However, starting in this century we know of varied and numerous inscriptions, which mention cults and their buildings.

Three temples are attested at Mā'in (ancient Qarnāw): the Waraf temple, dedicated to Matabqabaḍ (Mā'in 18 e 33); the Ṣarḥum temple, dedicated to Wadd (Mā'in 7) and the *extra moenia* temple of 'Aṭṭar dhū Qabḍ (Mā'in 99), which has not been identified but may correspond to the extra urban temple Riṣāf dating from the 4th century BC, built using blocks from a more ancient building (cfr. *infra*).

Six *intra moenia* temples and one *extra moenia* are attested at aṣ-Ṣawḍā' (ancient Nashshān): the Saywaḍ temple, dedicated to 'Aṭṭar Matab Ḥamir (aṣ-Ṣawḍā' 3); the Naṣab temple consecrated to Wadd (YM 29827); the Aḍanān temple (Moussaief 22) (Bron 2008: 219); the Yafa'at temple dedicated to 'Aṭṭar Shāriqān (aṣ-Ṣawḍā' 89); a temple dedicated to Almaqah (RES 3945); a temple dedicated to 'Aṭṭar dhū-Ḍībān (al-Jawf 04.35) (Arbach-Schiettecatte 2006: 16-17); and an *extra moenia* temple dedicated to the god Sami' (aṣ-Ṣawḍā' 91).

An *intra moenia* temple is attested at Ḥaribat Hamdān (ancient Haram): the Thabrān temple dedicated to Matabnatiyān (Haram 2).

Two temples are attested at Kamna (ancient Kaminahū): the Shab'ān temple dedicated to Nab'al (Robin 2002: 203) and an *intra moenia* temple called Yasma'qahal (Arbach-Schiettecatte 2006: 18-20).

Two buildings are attested at Jidfir ibn Munayhir (ancient Kuhāl): an *intra moenia* temple dedicated to Almaqah (YM 18344-18349) (Arbach-Audouin 2007: 73-80) and an *extra moenia* sanctuary dedicated to Sami' dhū Ḍabyat (Gl 1519, 1522-1525). Their identification with the traces of architectural features of two temples investigated subsequently is only hypothetical.

Saba'

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Six religious buildings have been identified with certainty in the north and south oases of Mārib and in the area of the basin of the great dam: two buildings correspond to phases numbers 2 and 3 of the Bar'ān temple (Vogt 1999: 219-222; Gürsdorf-Vogt 2001: 1363-1369); the federative temple Awwam dedicated to Almaqah (Glaser 1913: 138; Albright 1952: 25-38; Doe 1983: 160-164; Zaid-Maraqten 2008: 327-340); the temple of Waddum dhū-Masma'im near the Jabal Balaq al-Qiblī (Schmidt 1982e: 91-99; Schmidt 2007); the so-called temple "Number 32" near Jabal Balaq al-Awsat (Schmidt 1982a: 65-67) and the so-called temple "Number 9" near Dish al-Aswad (Schmidt 1982a: 75; Schmidt 1987a: 153-155).

Three *intra moenia* buildings are attested at Ṣirwāḥ: the oval temple of Almaqah (Schmidt 2007: 201-303; Röring 2006) and two structures identified thanks to the pillars of the entrance

propylaeum ("temple no. 6" or "five pillars temple" identified by the inscription Fa 27 and "temple no. 4") (Schmidt 2007; Röring 2006; Gerlach-Hitgen 2004).

Five rupestrian sanctuaries have been identified near Mārib: the Jebel al-Lawdh (lower and upper sanctuary) (Robin-Breton 1982); sanctuaries near Dish al-Aswad (Schmidt 1982a) and Bab al-Falāj (Robin-Ryckmans 1982: 107-108) and the sanctuary/temple of al-Masājīd (Schmidt 1982c: 135-141).

A sanctuary has been identified near Yalā (de Maigret 1985; 1988: 2-4).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

A temple is attested at Mārib, dedicated to Hawbas (Gl 1720, CIH 957).

A temple is attested at Ṣirwāḥ, dedicated to d 'Aṭṭar (CIH 869-624).

Two religious buildings are attested at Ḥaribat Sa'ūd (ancient Kutal): a temple dedicated to Dhāt-Ḥimyam (CIH 494, 496) and the restoration of a temple dedicated to Almaqah (YM 18351).

Awsān

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Two buildings of considerable dimensions, suggesting the existence of *intra moenia* public structures (temples or a royal palace), can hypothetically be associated with the site of Hajar Yahirr, which has been identified as the capital of the Awsān (Breton 1994b). Two *extra moenia* religious structures can be identified with more confidence on the basis of architectural features (Becker 1997: 153-155; 1999: 264-265; Breton-Arramond-Coque-Delhuille-Gentelle 1998: 143).

An *intra moenia* religious building can be identified on the basis of architectural features near the small fortified site of Hajar Ḥamūna (Breton 1994a).

Ḥaḍramawt

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Two buildings can be identified: one at Raybūn, the *extra moenia* temple of Sayīn dhū Mayfa'ān (Breton 1980a: 57-80; Sedov 1994; 2005: 109-118), and the other near modern day Ḥurayḍa, the *intra moenia* temple of Sayīn dhū Madhābum (Caton-Thompson 1944: 19-60).

The Tihāma in the era of the Sabaeen mukarribs

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

An *intra moenia* building has been identified near al-Hāmid as the temple of Almaqah and Dhāt-Ḥimyam (Phillips 1997; 1998; 2005).

Di'amat

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Although the socio-cultural connotations of the Abyssinian cultures in the first half of the 1st millennium BC are not clearly defined, and we do not know to what extent they had dealings

with the peoples of Africa and South Arabia, there is no doubt as to the technological advances that spread from Southern Arabia to the Tigray and Eritrea. Excavations carried out in recent years have brought to light a large number of South Arabian structures and remains in Ethiopia and Eritrea (Yeha, Hawlti, Mākabər Ga'əwa, Melazo) (Leclant 1959; Michels 2005; Nebes 2007; 2010a-b; 2011; Gajda 2009b: 33-48; Wolf-Nowotnick 2010a-b; Gerlach 2012; Schnelle 2012).

From the 8th to the 6th centuries BC some typically South Arabian elements are attested such as authentic temples and sanctuaries; the characteristic stoneworking and decoration, and building techniques; decorative elements and religious furnishings (incense burners); and, last but not least, inscriptions in the Sabaean language associated with religious buildings.

Although it is not yet clear whether the South Arabian presence took the form of large-scale territorial occupation or simply characterised the relations between the power-holding élites associated with commerce, this evidence is a clear sign of the presence of South Arabian peoples who were well rooted in the African context, to such an extent that they exported prestigious architectural models and building techniques.

Two buildings in Ethiopia can be identified as structures linked to the South Arabian architectural tradition: the *intra moenia* temple of Yeha (Robin-de Maigret 1998) and the *extra moenia* temple of Almaqah near Mākabər Ga'əwa (Wolf-Nowotnick 2010: 373).

The end of the dominion of Saba' and the beginning of regional autonomies or intermediate South Arabian (6th-5th centuries BC)

The beginning of the 7th century BC, immediately after the passing of the *mukarrib*, saw the rise of the kingdom of Mā'in. Its capital Qarnāw Yathill, which had once been under the control of Saba', became part of the new kingdom. The neighbouring independent city states of Nashshān, Haram, Inabba' and Kaminahū survived, but in its heyday, starting from the 6th century BC, the small kingdom of Mā'in was able to annex Nashshān and assert itself as the main kingdom based on the caravan trade and the exportation of the valuable products of Southern Arabia (myrrh, incense, etc.) through to the 1st century BC.

Moreover, for Saba' is marked the onset of armed clashes with the kingdom of Qatabān, which claimed autonomy. In fact in these years the Qatabānian ruler Hawfi'amm Yuhan'im, son of Sumhūwatar, adopted the title of *mukarrib*, the first Qatabānian ruler to do so. At the same time the Ḥaḍramite rulers also began to lay claim to the same title, showing that Saba' had lost its authority also in the easternmost of the kingdoms.

Together with this loss of power, Saba' gradually lost control of the regions beyond the Red Sea, where South Arabian influence dwindled until it disappeared altogether.

Regional attestations

Jawf

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Three *intra moenia* temples are attested at Barāqish: the temple of Nakrah, the temple of 'Aṭṭar dhū-Qabḍ and a third building (Temple C), of which only the monolithic stones flanking the entrance are visible (de Maigret 1996: 289-303; 2010; de Maigret-Robin 2010: 67). An *intra moenia* temple is attested at Mā'in, temple "number 2" (Breton 1998b: 63).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

An *intra moenia* temple called Kabad (Mā'in 7) was dedicated to the god Nakrah at Mā'in (ancient Qarnāw) (Bron 1998: 47).

An *intra moenia* temple was dedicated to the god 'Aṭṭar dhū-Qabḍ near aṣ-Ṣawḍā' (ancient Nashshān) (Robin 1998: 94).

An *intra moenia* temple called Mayfa'um dedicated to Almaqah is attested at al-Bayḍā' (ancient Nashq) (Demirjian 1).

Saba'

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Work to extend the major Sabaean religious buildings continued: the temples Bar'an (Vogt 1999: 219-222; Gürsdorf-Vogt 2001: 1363-1369) and Awvam (Albright 1952: 25-38; Doe 1983: 160-164; Glaser 1913: 138; Zaid-Maraqten 2008:327-340) at Mārib and the temple of Almaqah at Ṣirwāḥ (Schmidt 2007: 201-303; Röring 2006).

A building at Mārib, a few pillars of which emerge from the ground (Schmidt 1986: fig. 22), was erected in this period (CIH 563+956), dedicated to Almaqah and called Ḥirūn.

Ḥaḍramawt

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

An *extra moenia* building is attested at Raybūn (Raybūn V): the temple of Dhāt Ḥimyam dhāt Kafas (Sedov 1995a: 89-102; 2005: 107; Frantsouzoff 1995: 15).

Two clearly separate structural phases for the temple of 'Aṭṭarūm/'Aṣṭarūm dhāt-Ḥaḍrān are attested at Raybūn I: the "early sanctuary" (Sedov 2005: 90) and the temple itself (building I) (Koshelenko-Kropotkin 1996: 35-53; Sedov 2005: 87-93).

An *intra moenia* temple is attested at Bā Qufā (Breton 1979; 1980a-b; Breton *et al.* 1982).

The era of the fighting kingdoms or middle South Arabian (4th century BC – 3rd century AD)

4th-2nd centuries BC: the heyday of Qatabān

The 4th century BC coincides, in practice, with the predominance of the kingdom of Qatabān. To judge from the scale of both public and private architecture in the capital, Tamna', and from the diffusion of the Qatabānian language and the relative inscriptions as far afield as the mountainous areas in south-western Yemen (Yarīm), Qatabān must have experienced a period of prosperity and political influence in areas which were previously under Sabaean hegemony.

Strabo, citing sources dating from the 2nd century BC, describes the territory under the control of the "Cattabaniti" (Qatabān) as an area extending all the way from the capital to the Straits and the Arabian Gulf (Bab el-Mandeb and Gulf of Aden)⁶. Moreover Pliny the Elder reported that the caravan route for Gaza started out from Tamna' and that the "Gebbaniti" played a key role as intermediaries in the export of incense⁷.

⁶ Cf. Strabone 16.4.2

⁷ Cf. Plinio, *Nat. Hist.* 12.64.

In fact the export of South Arabian spices was at its height from the 4th to 2nd centuries BC, when it came to an end. Nonetheless it is the Minean cities that provide the largest number of epigraphic attestations, showing that the caravan routes to the north, outside the South Arabian kingdoms, were worked above all by Minean merchants. In the 4th and 3rd centuries BC the Mineans are attested in Egypt, Gaza, the Trans-Euphrates, Tyre and Sidon and in Mesopotamia, as well as the island of Delos.

1st century BC – 3rd century AD. New cults and new peoples. The nomadic Arabs

In addition to the decline of the Qatabān and the rise of Ḥimyar, Southern Arabia underwent new social changes with the arrival of nomadic Arabs from the central and northern regions of the peninsula. From the 2nd century BC groups moved down from the north, above all into the territories of Māʿīn. The pressure appears to have led to the collapse of the Minean societies. By the era of Augustus they seem to have been in sharp decline, as we learn from the reports of the expedition of the general Aelius Gallus, prefect of Egypt, who in 26/25 BC reached Southern Arabia with the aim of achieving its military occupation. The migrant Arabs settled at Yathil, Haram and Kaminahū, becoming so settled that the local divinities were replaced by such northern Arabian cults as Lāt(ān) <Allāt> and ʿUzzayān <al-ʿUzzā>. The disappearance of the kingdom of Māʿīn was further prompted by the increasing maritime trade between India, Southern Arabia and the Red Sea. This trade was fostered by Ḥimyar to the detriment of the much slower overland caravan routes.

In this context of the major South Arabian kingdoms which extended out into the desert, only the Ḥaḍramawt kingdom continued its role of producer of spices, thanks to the proximity of the sea and the foundation of an emporium on the Indian Ocean, the ancient Sumhuram.

Regional attestations

Jawf

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

An *extra moenia* temple was dedicated to ʿAṭṭar dhū-Qabḍ near the ancient Qarnāw (Tawfīq 1951: 14-20; Fakhry 1952: 149-151; Grohmann 1963: fig. 46; Schmidt 1982d: fig. 40; Breton 1992: fig. 10, 1998b: 63-66); at Ḥaribat Hamdān the Hadanān temple was turned into the Araʿat temple dedicated to Ḥalfān and dhū-Samawī (Haram 8 e 10) (Robin 1992: 29; Müller 2000: 156).

In addition to the final construction phases of the temple of Nakrah at Barāqish, two new extra urban sanctuaries have been identified: the temple of ʿAṭṭar dhū-Yhrq near Shaqab al-Manaṣṣa (Robin *et al.* 1979; Breton 1998b) and the sanctuary of the god Nakrah near Darb aṣ-Ṣabī (Robin *et al.* 1981: 254-255, tav. Xa; Loreto 2010: 178-202).

Among *intra moenia* buildings we can mention temple “number 1” of Māʿīn (Tawfīq 1951: tav. 9, figg. 12-13; Fakhry 1952; Schmidt 1982e: fig. 42; Breton 1998b: 61-62).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

Three temples have been identified at Ḥaribat Hamdān (ancient Haram) and dated to the end of the 1st millennium BC: the Bayyīn temple dedicated to dhū-Samawī (Haram 31-37),

the Mawqatān temple dedicated to dhū-Samawī (Haram 53) and the ʿAṭṭar dhū-Ḍībān temple (Haram 38).

An *intra moenia* temple called Shabʿān and dedicated to Almaḡah is attested at al-Bayḡāʿ (ancient Nashq) (MAFRAY-al-Bayḡāʿ 100).

Sabaʿ

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Two temples have been identified near the southern oasis of Mārib, “Tempel III” (RES 4782) (Bron 1989; Schmidt 1982a: 84-85) and “Tempel IV” (Schmidt 1982a: 85-86). Two other temples have probably been identified in the northern oasis (Schmidt 1982a: 78-81).

Near Ṣirwāḥ, at Arḡab, the temple of ʿAṭṭar dhū-Ḍībān has been identified (Schmidt 1987c: 195-202).

Also dating from these centuries are the final construction phases of the temple of Almaḡah at Ṣirwāḥ (Schmidt 2007: 201-303; Röring 2006).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

A building is attested at Mārib, dedicated to ʿAṭṭar dhū-Ḍībān and called Baḡr Ḥatab (CIH 429, 430, 436), dating from the first centuries of the Christian era.

Qatabān

Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features

Near Tamnaʿ, the ancient capital of Qatabān, a single building has been positively identified as a temple, the Yashhal temple dedicated to Aṭirat (de Maigret-Robin 2006). Near Haid bin Aqīl, the necropolis of Tamnaʿ, a second building was still visible in the 1950s, the Riṣāf temple (Cleveland 1965: 173-175, tav. 108-104, pianta 1).

Just one, probably religious building is visible near Ḥinū az-Zurayr, but no name or divinity is associated with it (Breton *et al.* 1998: 143).

One other *intra moenia* building is visible near the site of Hajar Walā, but again cannot be identified by reference to an inscription (Breton *et al.* 1998: 142).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

Seven religious buildings are attested at Hajar Kohlān (ancient Tamnaʿ): the Ḥatīb temple, dedicated to ʿAmm dhū-Dawanum (RES 3566, 3691-3692); the Yafash temple, dedicated to Shams Rabash (RES 4094); the Bayḡān temple, dedicated to ʿAṭṭar Nawfān and Saqmatum (RES 4932); the Aḡram temple, dedicated to ʿAmm Rayʿān (RES 3566); the Amar temple, dedicated to ʿĪl (Ja 868-870); the Bināʿ temple, dedicated to ʿAṭṭar and ʿAmm (YM 14556) and the Zarbān temple, dedicated to dhū-Samawī (Ry 367).

Two religious buildings are attested at Ḥinū az-Zurayr (ancient Haribat): the Yasil temple, dedicated to Aṭirat (MuB 542, 545, 554, 550+555, 601) and the Rawyan temple dedicated to ʿAmm dhū-Raymat and dhāt-Raḡbat (RES 4329).

A temple dedicated to ʿAm dhū-Labāḡ and Wrfw is attested at Hajar bin Ḥumayd, ancient dhū-Gayl.

Ḥaḍramawt*Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features*

In this phase religious buildings proliferated in Ḥaḍramite sites, especially in extra urban locations. Four buildings have been identified at Shabwa, two *extra moenia* near Qārat al-Ḥadida (Breton 1998a: 157-162) and al-‘Uqla (Pirenne 1990: 95-120) and two *intra moenia*, building 44 (Breton 1998a: 153-156) and the temple of Sayīn dhū-‘Ilīm (Philby 1939: 85-106; Hamilton 1942: 112; Breton 1998a).

At least nine buildings are attested at Raybūn, six *extra moenia*: Raybūn V, temple of dhāt Na‘mān, formerly temple of dhāt Ḥimiyam dhāt Kafas (Vinogradov 1994: 88-95; Kozhin 2001:71-177); Raybūn VI, temple of Sayīn (Bauer 1995: 112-152; Sedov 2005: 107-109); Raybūn VIII, temple of Sayīn (Sedov 2005: 120-122); Raybūn XIII (Sedov 2005: 109); Raybūn XIX (Lankester Harding 1964: 64; Wissmann 1968: 41-43; Sedov 2005: 119) and Raybūn XXVI (Sedov 2005: 122-123), and three *intra moenia*: Raybūn I, second phase of the temple of dhāt Ḥimiyam dhāt Raḥbān (Akopyan 1994: 235-248; Peters 1996: 54-67; Sedov 2005: 94); at the sites Raybūn II (Sedov 2005: 100-101) and Raybūn III (Sedov 2005: 101-102).

At least ten extra urban temples have been identified near Makaynūn (Sedov 2005: 151-152; Schiettecatte 2011: 179), one close to the city and the others scattered through the agricultural area, and two urban temples (Sedov 2005: 150-151; Schiettecatte 2011: 178).

One *extra moenia* temple has been identified near al-Ḥajar (Breton *et al.* 1982: 16-21; Sedov 2005: 146-148), Qārat Qibḍa⁸, Ḥuṣn al-‘Urr (Sedov 2005: 150) and Mashgha (Breton *et al.* 1982).

One *extra moenia* temple and one *intra moenia* have been identified at Sūna (Breton *et al.* 1982: 64; Sedov 2005: 144-145).

Two *extra moenia* temples are attested at Bi‘r Ḥamad, the temples of Sayīn and Dhāt Ḥimiyam (Sedov 1995b: 103-115; 2005: 85).

Various extra urban and urban temples have been identified near the sites of the Wādī al-‘Ayn: ‘Adhāb, Laglāt, Māravīh, aṣ-Ṣafīl 1 and 2, al-Qūff (Sedov 2005: 128-129, 131, 134-135).

One *extra moenia* temple has been identified near ‘Uqrān and two near az-Zālif (Sedov 2005: 136-137, 153).

An *extra moenia* complex has been identified near Ḥuṣn al-Qays (Breton *et al.* 1982: 16-21; Sedov 2005: 159-161). One extra urban temple near Qāna’ (Inizan, Mouton 1997; Mouton 1998; Sedov 2005: 162-165, 178-179), two urban temples near Sumhuram (Albright 1982; Avanzini 2002; 2008; Avanzini-Sedov 2005: 11-17) and one near Ḥanūn (Cleveland 1960: 18; Albright 1982: 69-70; Sedov 2005: 184-185).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

Two temples are attested at Ḥajar al-Barīra, the Raḥḥat temple dedicated to the local god Tadān (Barīra 9) and a temple dedicated to Sami‘ (Barīra 10).

⁸ The date of the temple is not easy to establish. J. Schiettecatte and A. Benoist, on the basis of surface ceramic ware, date the site to the first half of the 1st millennium BCE; then ensued a phase of abandonment, followed by a reoccupation at the end of the 1st millennium BC: Schiettecatte 2011: 181.

The highlands lands between Saba’ and Ḥimiyar*Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features*

An urban building has been localised at Ḥuqqah, the temple of Dhāt Ba‘adān (Rathjens 1929: 146-147; Rathjens-Wissmann 1932). An *intra moenia* temple has been identified near Ḥarāb ‘Ād, ancient Kānit (Rathjens 1929: 146-147; Rathjens-Wissmann 1932). A temple dedicated to Ta’lab has been identified at Bayt Dugaysh (ancient Ḥadaqān) (Robin 1982: 19, 68). Near Nā‘it there are attestations of a temple dedicated to Ta’lab Riyām (Robin 1982: 19-20) and a series of rupestrian sanctuaries (Schiettecatte 2011: 261). An extra urban temple is attested at Riyām, the temple of Ta’lab (Grjaznevich 1973).

A series of sanctuaries have been identified between the area of Ṣan‘ā’ and Ḍamār (Robin 1981c: 268-269). This is a chain of mountain tops, volcanic peaks rising up in the plateau to heights of 3000 m, constituting natural religious sites, devoid of any architectonic intervention: Jabal Kanin, a sanctuary dedicated to ‘Aṭṭar and Dhāt Ḍahrān; Jabal Riyām, the *Tr‘t* sanctuary dedicated to Ta’lab Riyām; Jabal dhū-Marmar, the dhū-Marmar sanctuary dedicated to Ta’lab Riyām; Jabal al-‘Adan, the *‘df* sanctuary dedicated to Ta’lab Riyām.

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

A temple dedicated to the god Wadd is attested near Bayt Dugaysh (ancient Ḥadaqān) (Robin 1982: 25, 62). A temple dedicated to Ta’lab Riyām is attested near ancient ‘Uṣām, a city that has not been identified (Robin 1981c: 269).

A series of rupestrian sanctuaries are attested by inscriptions but not identified *in situ*, although they relate to the area of the Highlands located between Ṣan‘ā’ and Ḍamār (Robin 1981c: 269-274). It is not possible to say whether they were mountain sites devoid of any buildings or structures, and thus sacred places in their own right, or sanctuaries with a man-made architectonic structure: Jabal *Yaf‘*, a sanctuary dedicated to ‘Aṭṭar and *‘lw-z ‘ln*; Jabal Yaṭat, a sanctuary dedicated to ‘Aṭṭar; Jabal *‘md*, a sanctuary dedicated to Ta’lab Riyām; Jabal *Tn‘*, a sanctuary dedicated to *Hgrm* and *Qḥmm*; Jabal *Lms*, a sanctuary dedicated to *Hgrm* and *Qḥmm*; Jabal *q-Zbd*, a sanctuary dedicated to *Rḥbn*; Jabal *‘lw*, a sanctuary called Awwam and dedicated to Almaqah; Jabal *Ḍīn*, a sanctuary dedicated to ‘Aṭṭar; Jabal *q-Mdrn*, a sanctuary dedicated to ‘Aṭṭar.

Ḥimiyar*Diffusion and localisation of buildings with extant architectural features*

An extra urban building has been identified at al-Mi‘sāl, the Shiḥrār temple (Robin 1981c).

A series of attestations of buildings *in situ* come from the Ḥimiyarite sites of am-‘Ādiyya (*intra moenia* temple), a site localised east of Mukeyras (Doe 1971: 170-171); Baynūn (various *intra moenia* buildings), localised north-east of Ḍamār (Schiettecatte 2011: 269); Jabal al-Lawdh (*intra moenia* temple) (Hitgen 1999); as-Sawā (two *intra moenia* temples), localised south of Ta‘izz (‘Abd Allāh 1995: 263).

Epigraphic attestations of buildings not identified in situ

Although various cults are attested at Ḍafār, the capital of the Ḥimiyarite kingdom, only one templar building is attested by inscriptions, the Barīrān temple dedicated to Ta’lab Riyām

(Zafar-Garbini 3), and no building which could be federative or have supra-regional importance. The Awwam temple at Mārib became the federative temple of the new hegemonic kingdom, with Almaqah being recognised as the principal divinity prior to the advent of the monotheisms.

A building called Awwam is attested at Ṣan‘ā’ (ancient Ṣan‘āw) during the 3rd century AD (CIAS 39.11/o3 6).

A building dedicated to dhū-Samawī is attested at as-Sawā (Shar‘abī-as-Sawā 1).

Just one *intra moenia* building dating from the polytheistic era, between the 1st century BC and 1st century AD, is attested at Najrān, ancient al-Uḥdūd. The building, called Ka‘batān, was dedicated to dhū-Samawī (G. Ryckmans in Smith 1936: 156).

The Himyarite era or recent South Arabian (4th-7th century AD)

We have seen how the Qatabān cities of Awsān and Mā‘īn and their temples collapsed and were abandoned on the advent of the Christian era. Only the kingdoms situated on the sea-coast, and to some extent the kingdom of Saba’, survived until the complete conquest of Ḥimyar. In fact the only temples that remained in use up to the advent of the monotheisms were the major Sabaeen sanctuaries and the Ḥaḍramite temples, which, however, were gradually abandoned with the spread of the monotheisms and the construction of churches and synagogues.

Rather than erecting new buildings, Ḥimyar chose to exploit already existing sanctuaries, such as the Awwam of Mārib, which from being a federative temple of Saba’ became a federative temple for the Ḥimyarite empire. The only new constructions to appear in the Highlands from the 1st century AD were abandoned. Finally, the introduction of the new cults led to the appearance of planimetric elements linked to the new ceremonial requirements, and new architectural elements (such as the cross-shaped groundplan or arches and vaulted or domed rooves) which appeared in the nascent Islamic architecture.

Following a history stretching back over a millennium, South Arabian religious architecture declined but did not die out altogether: some elements remained dynamic and influenced the groundplans of the first mosques, such as the use of hypostyle rooms and large porticoed courtyards.

The disappearance of polytheism was not a rapid, once and for all phenomenon, natural consequence of the introduction of the monotheisms. Many temples associated with great traditions, like the Awwam of Mārib, remained in use almost up to the advent of Islam. Thus before going on to the monotheistic architectures, one last templar building dedicated to a polytheist divinity could be quoted, since it underwent major rebuilding works in the 3rd – 4th centuries AD, demonstrating just how active the polytheistic cults still were: the Sumhuram temple dedicated to Sayīn (Sedov 2005: 175).

Christian architecture

Apart from the cathedral of Abraha at Ṣan‘ā’, described by al-Azraqī (Abū al-Walīd Muḥammad bin ‘Abd Allāh bin Aḥmad, died 837) (*Ahbār Makka*, p. 89e sgg. Robin 2010a: 215), Muḥammad bin Ġarīr at-Tabarī (*Tārīḥ al-rasul wa-l-mulūk*), Abū ‘Abd Allāh Yāqūt al-Rūmī al-Ḥamawī (Serjeant-Lewcock 1983: 45) and Abū Ṣāliḥ the Armenian (Evetts 1895: 300-302), the first information we can glean from Christian sources dates from the first half of the 4th century AD (Gajda 2010: 107; Yule 2010: 88-114). According to Philostorgius, Theophilus

the Indian first travelled to the Yemen, where he “consecrated” and “adorned” three churches for the “Romans” who had arrived there to trade and for all who became converts, and then on to India (Beeston 1984: 271; Fiaccadori 1992: 10-11; Piotrovskij 1985: 161; Shahīd 1984: 89-90). Theophilus, who disposed of a large sum of money assigned to him by Constance II, asked permission from the “Homelite” to erect a church. The king responded by building no less than three churches at his own expense: one at Zafār, capital of the kingdom of Ḥimyar, one at Aden, which had become one of the principal cities in the kingdom thanks to its strategic position on the Indian Ocean, and a third in an *emporium* which has not been localised in the lower reaches of the Persian Gulf⁹.

Among the Christian sources, the Greek text *Vita Sancti Gregentii* attests the construction of a series of churches by the Abyssinian king Kāleb (Shahīd 1979: 38-53, 1963: 349-362) immediately after the invasion and conquest of the Ḥimyarite kingdom by Dhū Nuwās (Joseph or Yūsuf As‘ar Yaṭ‘ar) (Robin 2004: 873-875, 2003: 142-149), after Pentecost in 525 AD, following the massacre of the Christian community of Najrān by the Jewish Ḥimyarite king in November 523 AD (Robin 2008: 1-73; 2010b: 41; Gajda 2010: 107).

The *Vita Sancti Gregentii* speaks of the construction of three churches near Najrān, Zafār, Qāna’ and two whose whereabouts is not clearly defined, *Atephar* and *Legmia*. No information is given about either their localisation or the number or name of the buildings erected (*Vita Sancti Gregentii*: 63-65; Shahīd 1979: 51-53).

According to the Greek text three churches were built at Najrān; one on the site where Yūsuf As‘ar Yaṭ‘ar had had an earlier church destroyed, erecting a synagogue¹⁰; three churches were built near Zafār. In this case too, one was put up on top of a previous Christian building, as is recorded in the *Letters of Simeon* and in the *Book of the Himyarites* (Shahīd 1979: 43); three more churches were erected near a site called Akana, which can certainly be identified with ancient Qāna’ (Shahīd 1979: 47-48).

Among the texts that can be associated with the Jewish Ḥimyarite ruler Yūsuf As‘ar Yaṭ‘ar, the inscriptions Ry 507, 508 and Ja 1028 allude to the attack on the city of al-Moḥā on the Red Sea, where a church was destroyed.

Among the Ḥimyarite epigraphic sources we can mention the inscription CIH 541, dating from March 548, which celebrates a series of events attributed to Abraha (Robin 2010a: 214-215)¹¹. At the time of the invasion of the Ḥimyarite kingdom and the Abyssinian victory over the Jewish ruler Dhū Nuwās, Abraha was a general under the *negus* Kāleb. Later he secured the rule of the Ḥimyarite kingdom by revolting against the commander of the Abyssinian army in Arabia. The inscription CIH 541 records the suppression of a revolt in Ḥaḍramawt, consolidation work on the dam of Mārib, a diplomatic summit held in this city in the autumn of 547 involving representatives of Rome, Aksūm, Persia and three Arab princes, and the consecration of a church near Mārib (Robin 2010a: 225).

⁹ No South Arabian sites located to the east of Bir ‘Alī are known. This ancient port of Qāna’ in Ḥaḍramawt was a rich commercial staging post between India and the Arabian Peninsula in the Ḥimyarite era. This could be the site of the third locality of the churches attributed to Theophilus: Gajda 2002b: 3.

¹⁰ There is a reference to the most ancient church in the *Letters S e G* of Symeon of Bet Arsham. Cf. Shahīd 1979: 38; for the *Letters* of Symeon of Bet Arsham see: Briquel-Chatonnet 2010: 123.

¹¹ For a collection of epigraphic documents from the Kingdom of Ḥimyar see: Robin 2009: 165-216.

Jewish architecture

Jewish religious architecture poses the same problem we have encountered for Christian religious buildings. Given the extremely limited number of architectonic finds, the few epigraphic sources available constitute the main source of information concerning the existence and characteristics of the templar buildings erected by the Jewish communities in the era of Himyar.

A synagogue (*mkrb*¹²) is attested at Mārib, in the 5th century AD, constructed by the ruler Malkīkarib Yuha'min (Ja 856) (Gajda 1997a: vol.2, 5-6).

Two synagogues are attested at Zafār, on the basis of two Himyarite inscriptions, which speak of a *mkrb*: the Aḥlak synagogue (Bayt al-Ashwal 1) (Robin 2004: 883-884)¹³, built between 380 and 420, and an anonymous synagogue in the 4th - 6th centuries AD (Bayt al-Ashwal 4g).

Other inscriptions refer to a *mkrb* and give the name of the building: Ja 856, dating from 375-380, *mkrb Bryk*; Ry 534, dating from 433; *mkrb Brk/Bryk*; Ry 520, of 465, which in addition to *mkrb* itself, called *Y'q/Y'wq*, also mentions an assembly room and a portico; Gl 1194, dating from 465-470; YM 1200, dating from 490-495; Ḥaṣī 1, undated, *mkrb Ṣwry'l*; CIH 151+152, of unknown date.

Just one synagogue has come down to us from ancient Qāna', now Bi'r 'Alī, identified on the basis of a graffito in Greek which attributes the building to the Jewish tradition (Bowersock 1983; Sedov 2005: 169).

Part II: Classification Criteria for a Preliminary Typology of South Arabian Religious Buildings

Classification criteria

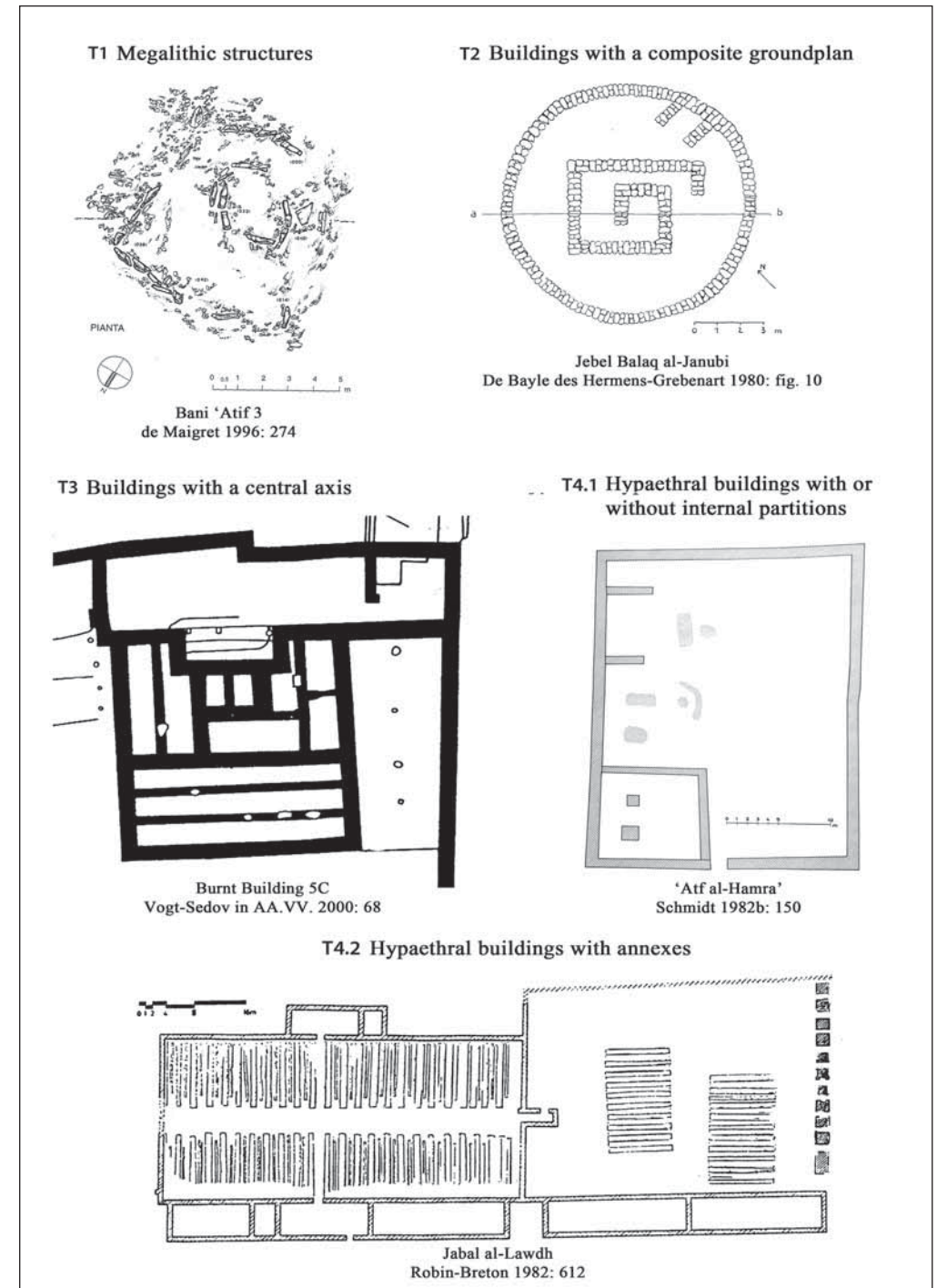
The parameters for a classification of the religious buildings of South Arabia can be of two types: 1) strictly structural or technical (planimetries and building techniques); 2) functional, associated with the urban or extra urban localisation of the buildings and their function.

On the basis of our investigation it appears that, although most of the extra urban buildings comprise sanctuaries in which it is primarily the natural setting that predominates and little or nothing is man-made, many *extra moenia* templar buildings (Ḥaḍramite temples, the great Awwam and Bar'ān temples of Mārib, the Jawf temples) are authentic architectonic structures which also occur in the urban context. The same temple planimetries and building techniques were used for buildings dedicated to different divinities and with different functions.

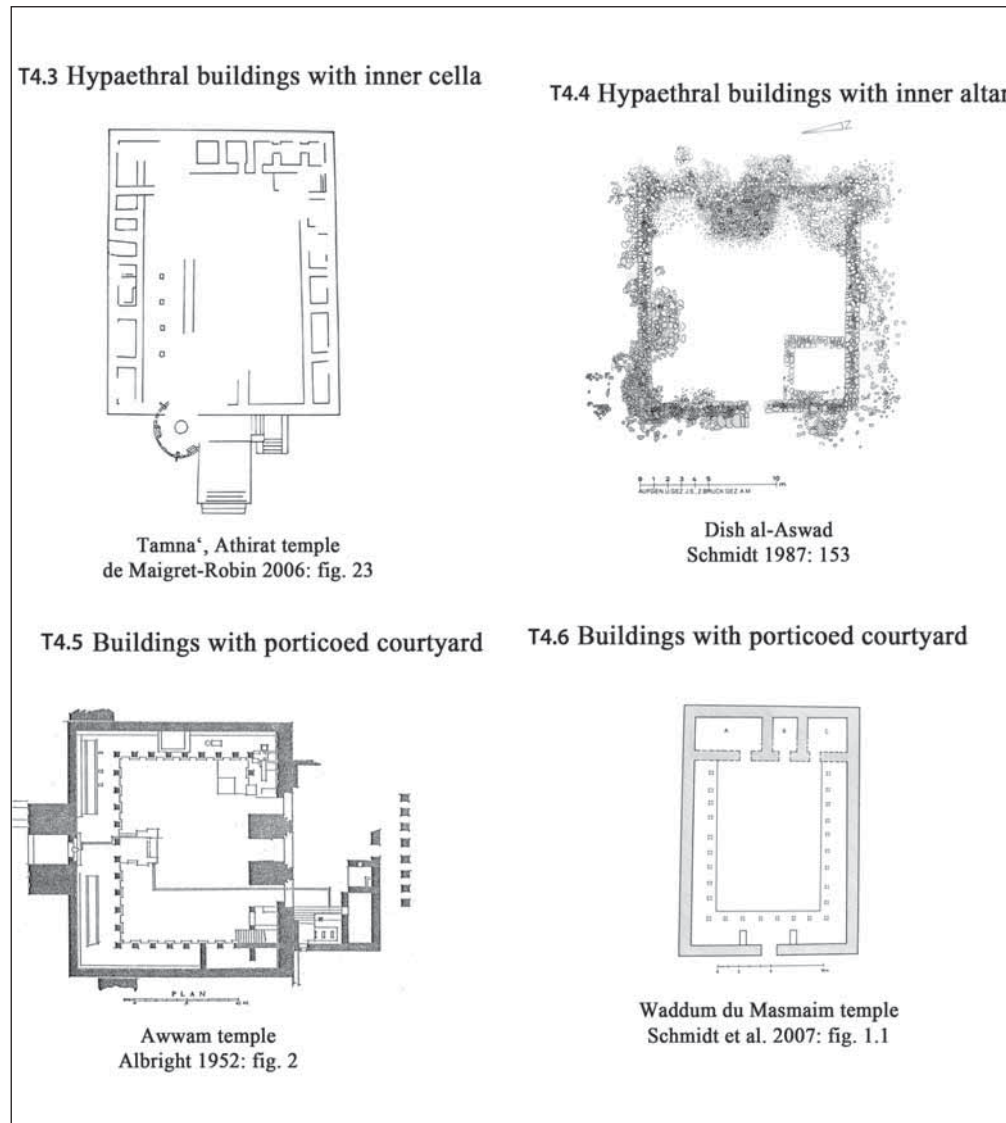
The same goes for the building techniques and types of masonry adopted for buildings, which are typologically and functionally different from one another, as in the case of the courtyard temple or the hypostyle temple. In these two building types, which are clearly very different, we find the same techniques, such as *opera isodoma* with decorated blocks or the

¹² The Sabaeen term *mkrb* is translated as "synagogue" on the basis of the usage in *guèze*, where it designates the synagogue or Temple of Jerusalem (Robin 2003: 122).

¹³ P. Yule suggests its possible localisation in the south-western area of the site, where today there is a mosque (Yule 2007a-b).

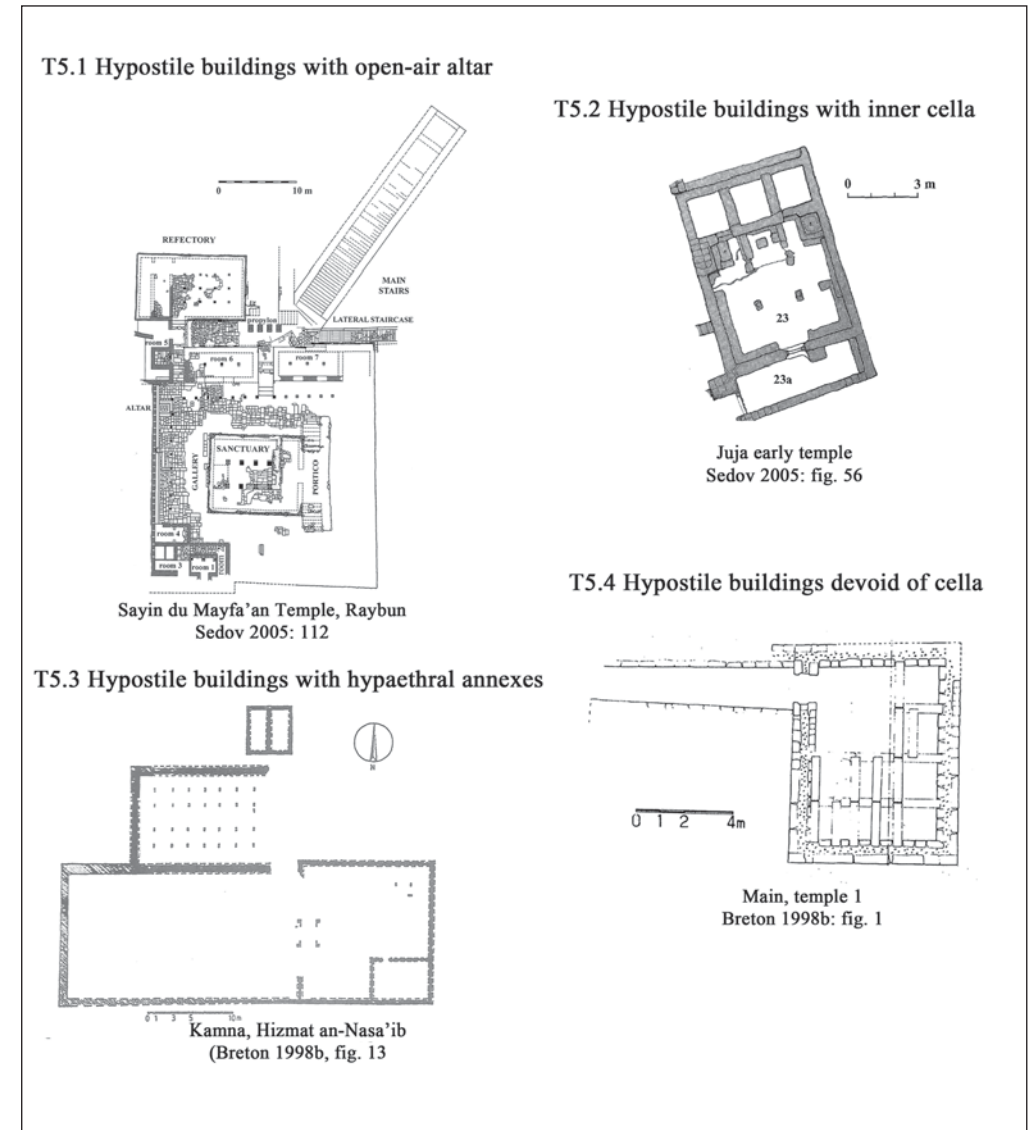
Pl. I. Type 1: Megalithic structures in *opera monolitica*; Type 2: Buildings with a composite ground plan in masonry; Type 3: Buildings with a central axis in mud bricks; Type 4.1-2: Hypaethral buildings

Pl. II. Type 4.3-6: Hypaethral buildings

presence of an entrance propylaeum. Once again we see that the same techniques and structural solutions can recur in buildings with different functions.

Furthermore buildings with similar planimetries (the hypostyle temples of the Jawf and their Ḥaḍramite counterparts with an open-air altar) can feature different construction techniques, such as *opera isodoma* (Jawf) and *opera composita*, or lattice work using a wooden frame and mud bricks (Ḥaḍramawt). This latter case can be accounted for by the availability of materials in one region with respect to another.

Pl. III. Type 5.1-4: Hypostyle buildings

Preliminary typology of South Arabian religious buildings

Thus we begin with a typology based on architecture, using as its classification criteria the planimetries and structural solutions adopted (hypaethral or hypostyle groundplans with or without external annexes or internal structuring, vertical elements, roofing systems, etc.), without making a distinction between urban and extra urban buildings and irrespective of the masonry technique used. In what follows we give the typological differentiation with only one example for each class of building, referring the reader to the published volume for a general classification of the temples (Loreto forthcoming).

Bronze Age (pl. I)

Type 1 (T1). Megalithic structures in *opera monolitica*

Type 2 (T2). Buildings with a composite groundplan in masonry

Type 3 (T3). Buildings with a central axis in mud bricks

Proto-historic and historic era

Type 4 (T4). Hypaethral buildings

Sub-type 4.1 (T4.1). Hypaethral buildings with or without internal partitions (pl. I)

Sub-type 4.2 (T4.2). Hypaethral buildings with annexes (pl. I)

Sub-type 4.3 (T4.3). Hypaethral buildings with inner cella (pl. II)

Sub-type 4.4 (T4.4). Hypaethral buildings with inner altar (pl. II)

Sub-type 4.5 (T4.5). Buildings with porticoed courtyard (pl. II)

Sub-type 4.6 (T4.6). Buildings with porticoed courtyard with inner cella (pl. II)

Type 5 (T5). Hypostile buildings

Sub-type 5.1 (T5.1). Hypostile buildings with open-air altar (pl. III)

Sub-type 5.2 (T5.2). Hypostile buildings with inner cella (pl. III)

Sub-type 5.3 (T5.3). Hypostile buildings with hypaethral annexes (pl. III)

Sub-type 5.3 (T5.4). Hypostile buildings devoid of cella or altar (pl. III)

Type 6 (T6). Buildings with *temenos*

Sub-type 6.1 (T6.1). Buildings with *temenos* (pl. IV)

Sub-type 6.2 (T6.2). Buildings with peristyle in front (pl. IV)

Type 7 (T7). Rupestrian or Rock Sanctuaries (pl. IV)

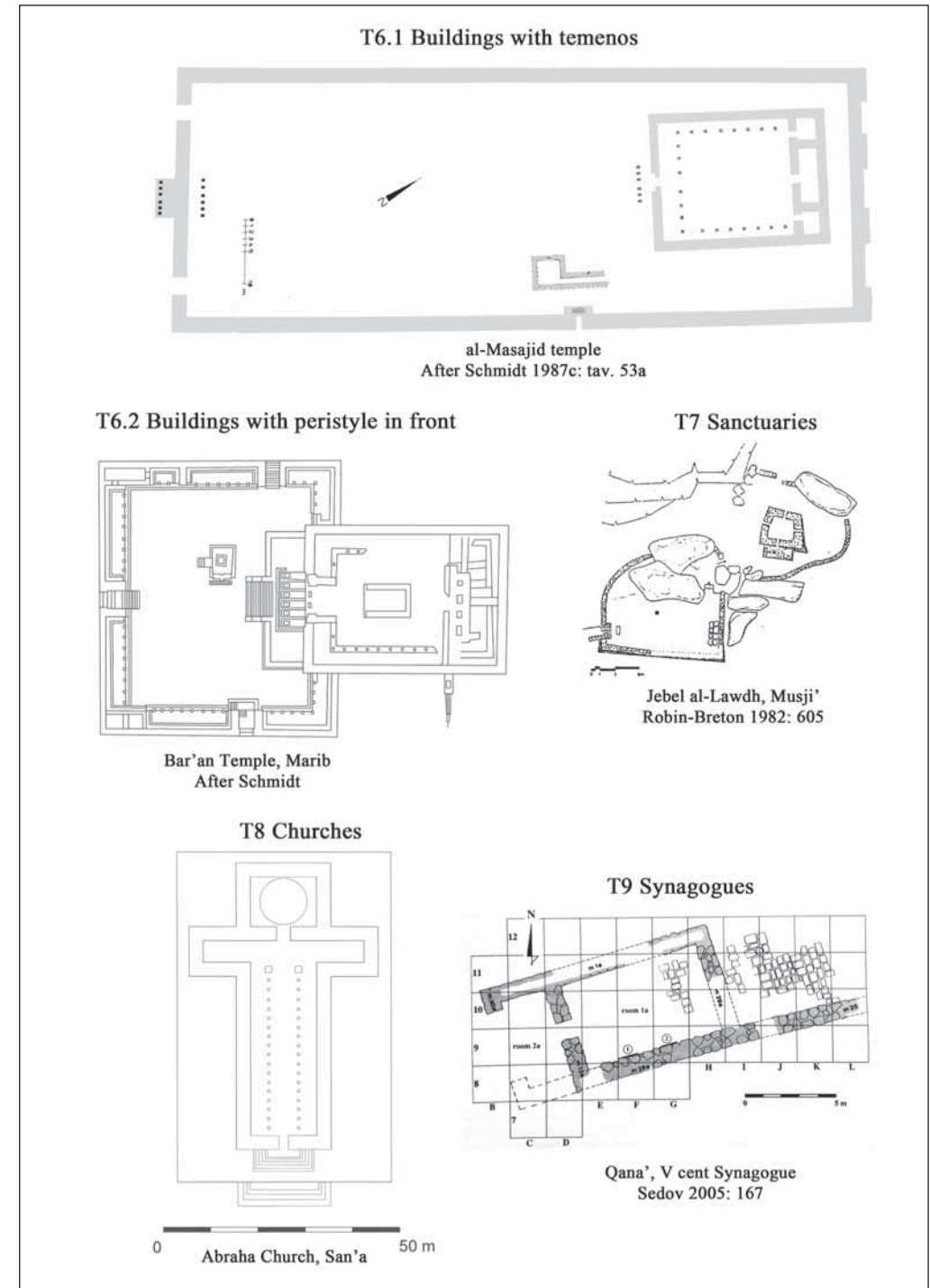
Type 8 (T8). Churches (pl. IV)

Type 9 (T9). Synagogues (pl. IV)

Conclusions: Towards a Definition of a Theory of South Arabian Architecture

As we have seen, there are some fundamental tendencies and regular features which appeared right from the start and can serve to define a typical South Arabian approach to architectural problems, such as to justify the use of the adjective “South Arabian” for the whole cycle of construction. At the same time it would be wrong to limit the notion of “South Arabian religious architecture” to a unitary phenomenon, for over the centuries it has seen the impact of Hellenistic, Byzantine and Sassanid influences.

Although South Arabian designers worked within a tradition that was consolidated and remained unbroken down to the monotheistic era, one can recognise a variation in the architectural canons both in the process of acquisition of external decorative and structural elements (columns, Corinthian capitals, arches, etc.) and in the relationship, with different degrees of equilibrium, between architecture and the environment. There was in fact a complex relationship with the surrounding environment, involving a series of solutions, which varied according to whether the sites were rupestrian sanctuaries or *extra moenia* temples. There were phenomena of complete integration, in which the architectural forms merged with the surroundings (Bronze Age sanctuaries or those of the historical era at Jebel al-Lawdh and Darb aş-Şabī) and phenomena of clear detachment, in which the *extra moenia* temples maintained their geometrical structure irrespective of the environment around them (Mārib, al-Masājīd).

Pl. IV. Type 6.1-2: Buildings with *temenos*; Type 7: Rupestrian or Rock Sanctuaries; Type 8: Churches; Type 9: Synagogues

For the South Arabians this increase in forms and localisation of the built complexes reflects the considerable complexity of the social structures that had been established, seen in the plurality of cults: urban/patronal or national divinities, divinities associated with the extra urban environment (rupestrian sanctuaries) or again international divinities recognised by all the kingdoms (Al-maqah near the Awwam of Mārib). All this testifies to the wish to define construction principles and establish architecture on a rational theoretical basis that could be shared and transmitted.

BIBLIOGRAPHY

- ‘Abd Allāh 1995 – ‘Abd Allāh Y.M. “The City of al-Sawā in the *Periplus of Erythraean Sea*” // *AAE* 6, p. 259-269
- Albright 1952 – Albright F.P. “The Excavation of the Moon Temple at Mārib (Yemen)” // *BASOR* 128, p. 25-38
- Akopyan 1994 – Akopyan A.M. “The Temple complex of Dhat Ḥimyam on the site of Raybūn in the Wādī Dau’an (Southern Yemen)” // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*. Vol. 1, n. 2. Leiden, p. 235-248
- Antonini 2004 – Antonini S. *I motivi figurative della Banāt ‘Ad nei templi sudarabici*. Paris/Rome
- Arbach-Audouin 2004 – Arbach M., Audouin R. *Nouvelles découvertes archéologiques dans le Jawf (République du Yémen). Opération de sauvetage franco-yéménite du site d’as-Sawdā’ (l’antique Nashshān). Temple intra muros I. Rapport préliminaire*. Ṣan‘ā’
- Arbach-Audouin 2007 – Arbach M., Audouin R. *Ṣan‘ā’ National Museum. Part II. Collection of epigraphic and archaeological artifacts from al-Jawf sites*. Ṣan‘ā’, p. 72-86
- Arbach-Schiettecatte 2006 – Arbach M., Schiettecatte J. *Catalogue des pièces archéologiques et épigraphiques du Jawf au musée National de Ṣan‘ā’*. Ṣan‘ā’
- Avanzini 2002 – Avanzini A. (ed.). *Khor Rori Report 1*. Pisa
- Avanzini 2008 – Avanzini A. (ed.). *2008 Khor Rori Report 2. A port in Arabia between Rome and the Indian Ocean (3rd c. BC – 5th c. AD)*. Roma
- Avanzini-Sedov 2005 – Avanzini A., Sedov A.V. “The stratigraphy of Sumhuram: new evidence” // *PSAS* 35, p. 11-17
- Bauer 1995 – Bauer G.M. “Epigrafika Reybuna (sezoni 1983-1984 gg., obshchij obzor) [Raybūn Epigraphy 1983-1984 seasons, general notes]” // P.A. Griaznevich, A.V. Sedov (eds.). *Ḥaḍramawt. Archaeological, Ethnological and Historical Studies*. Moscow, p. 112-152
- Becker 1997 – Becker H. “Testing the feasibility of magnetic prospection at Hajar Yahirr (Hajar Abū Zayd), Wādī Markha” // *Mare Erythraeum* 1. München, S. 153-161.
- Becker 1999 – Becker H. “Test zur magnetischen Prospektion in Hajar Yahirr (Hajar Abū Zayd), Wādī Markha” // *Im Land der Königin von Saba. Kunstschätze aus dem Antiken Jemen*. Monaco, p. 262-267
- Beeston 1984 – Beeston A.F.L. “Judaism and Christianity in Pre-islamic Yemen” // J. Chelhod et al. (eds.). *L’Arabie du Sud. Histoire et Civilisation I. Le peuple yéménite et ses racines*. Paris, p. 271-278
- Benardelli-Parinello 1970 – Benardelli G., Parrinello A.E. “Note su alcune località archeologiche del Yemen” // *AION* 30 (N.S. XX), p. 117-120, tav. I-X
- Blakely-Vitaliano-Brinkmann 1996 – Blakely J.A., Vitaliano C.A., Brinkmann R. “Bronze age remains at Kahlah al-Lajamah, Yemen Arab Republic” // Grolier M.J., Brinkmann R., Blakely J.A. (eds.). *The Wadi-al Jubah Archaeological Project. Volume 5. Environmental Research in Support of Archaeological Investigations in the Yemen Arab Republic, 1982-1987*. Baltimore, p. 309-329
- Bowersock 1983 – Bowersock G.W. *Roman Arabia*. Cambridge/London
- Breton 1979 – Breton J.-F. “Le temple de SYN Ḍ-HLSM à Bā-Qutfa” // *Raydān* 2, p. 143-147
- Breton 1980a – Breton J.-F. “Rapport sur une mission archéologique dans le Wādī Ḥaḍramawt (Yémen du sud) en 1979” // *CRAIBL*, p. 57-80
- Breton 1980b – Breton J.-F. “Religious architecture of ancient Ḥaḍramawt (PDRY)” // *PSAS* 10, p. 5-17
- Breton 1992 – Breton J.-F. “Le sanctuaire de ‘Athtar dhu-Risaf d’as-Sawda (République du Yémen)” // *CRAIBL*, p. 429-453
- Breton 1994a – Breton J.-F. *Les fortifications d’Arabie Méridionale du 7e au 1e siècle avant notre ère*. Mainz
- Breton 1994b – Breton J.-F. “Hajar Yahirr, capitale d’Awsān” // *Raydān* 6, p. 262-267
- Breton 1998a – Breton J.-F. (ed.) *Fouilles de Shabwa III. Architecture et techniques de construction*. Beyruth
- Breton 1998b – Breton J.-F. “Le temple de Ma’in et du Jawf (Yemen): État de la question” // *Syria* 75, p. 61-80
- Breton 2012 – Breton J.-F. *Le sanctuaire de Athtar dhu-Risaf de as-Sawda*. Roma
- Breton-Darles 1994 – Breton J.-F., Darles Ch. “Hajar Surbān 1 e 2: villages du Jabal an-Nisiyīn” // N. Niebes (Hrsg.) *Arabia Felix. Beiträge zur Sprache und Kultur des vorislamischen Arabien*. Mainz
- Breton-Badre-Audouin-Seigne 1982 – Breton J.-F., Badre L., Audouin R., Seigne J. *Wādī Ḥaḍramawt. Prospections 1978-1979*. Aden
- Breton-Darles-Roux-Cammas 2010 – Breton J.-F., Darles Ch., Roux J.-C., Cammas C. “Une nouvelle stratigraphie à Shabwa, capital du royaume antique du Hadramawt (Yémen), (XIIIe siècle av. n. è. – IVe siècle de n. è.)” // *Arabia* 4, p. 11-66
- Breton-Arramond-Coque-Delhuille-Gentelle 1998 – Breton J.-F., Arramond J.-Ch., Coque-Delhuille B., Gentelle P. *Une vallée aride du Yémen antique. Le Wādī Bayhān*. Paris
- Briquel-Chatonnet 2010 – Briquel-Chatonnet F. “Recherches sur la Tradition Textuelle et Manuscrite de la Lettre de Siméon de Bet Arsham” // Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin C.J. (ed.). *Association des amis du centre d’histoire et civilisation de Byzance*. Paris, p. 123-141 (Monographies 32)
- Bron 1989 – Bron F. “L’inscription sabéenne RES 4782” // *Studi Epigrafici e Linguistici sul Vicino Oriente antico* 6, p. 123-126
- Bron 1998 – Bron F. *Inventaire des Inscriptions Sudarabique. Tome III. Ma’in*. Paris/Roma
- Bron 2008 – Bron F. “L’inscription des lions de Nashshān” // *EVO* 31, p. 219-220
- Caton-Thompson 1944 – Caton-Thompson G. *The Tombs and the Moon Temple of Hureidha (Ḥaḍramawt)*. Oxford
- Cleuziou-Inizan-Marcolongo 1992 – Cleuziou S., Inizan M.-L., Marcolongo B. “Le peuplement pré- et protohistorique du système fluviale fossile du Jawf-Hadramawt au Yémen (d’après l’interprétation d’images satellite, de photographies aériennes et de prospection)” // *Paléorient* 18/2, p. 5-29
- Cleuziou-Inizan-Robin 1988 - Cleuziou S., Inizan M.-L., Robin Ch.J. *Premier rapport préliminaire sur la prospection des vallées nord du wādī al-Jawf (wādī Hirāb, wādī Sadbā, jabal al-Lawdh) République Arabe du Yémen, October 1988*. Paris
- Cleveland 1960 – Cleveland R.L. “The 1960 American Archaeological Expedition to Dhofar” // *BASOR* 159, p. 14-26
- Cleveland 1965 – Cleveland R.L. *An Ancient South Arabian Necropolis. Objects from the Second Campaign (1951) in the Timna’ Cemetery*. Baltimore
- Darles 1997a – Darles Ch. “Les temples” // B. Vogt, Ch. Robin (eds.). *Yémen, au Pays de la Reine de Saba’*. Paris, p. 130-132
- Darles 1997b – Darles Ch. *Religieuse Architektur: ihre Vielfalt und Entwicklung in Jemen Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba’*. Wien, S. 209-214
- Darles 1998 – Darles Ch. “Le sanctuaire d’Al-Uqla” // J.-F. Breton (ed.). *Fouilles de Shabwa III*. Beyrouth, p. 163-171
- Darles 2000 – Darles Ch. “L’architettura religiosa: varietà e sviluppi” // *Yemen. Nel Paese della Regina di Saba*. Milano, p. 159-164
- Darles 2001 – Darles Ch. “Les Temples et leurs Dieux” // *Yémen. Les Dossiers de l’Archéologie*. n. 263, p. 40-47
- Darles 2009 – Darles Ch. “Les monolithes dans l’architecture monumentale de l’Arabie du Sud Antique” // *PSAS* 39, p. 1-15
- Darles 2010 – Darles Ch. “L’emploi du bois dans l’architecture du Yémen antique” // *PSAS* 40, p. 149-160

- Darles 2011 – Darles Ch. “L’usage du bois et sa standardisation: la réutilisation du bois dans la construction au cœur du désert de l’Arabie antique dans l’architecture du Yémen antique” // *Actes du 2e colloque sur l’histoire de la construction: les matériaux*. Braga
- Darles 2014 – Darles Ch. “Typologie des sanctuaires de l’Arabie du Sud antique: tentative pour une nouvelle classification” // *PSAS* 44, p. 121-138
- De Bayle des Hermens-Grebenart 1980 – De Bayle des Hermens R., Grebenart D. “Deuxième Mission de Recherches Préhistoriques en République arabe du Yémen” // *L’Anthropologie* 4, p. 563-582
- Doe 1971 – Doe B. *Southern Arabia*. London
- Doe 1983 – Doe B. *Monuments of South Arabia*. Naples
- Eichmann-Hitgen 2003 – Eichmann R., Hitgen H. “Marib. Hauptstadt des sabäischen Reiches” // I. Gerlach (Hrsg.). *25 Jahre Ausgrabungen und Forschungen im Jemen, 1978-2003*. Şan‘ā’, S. 53-61 (Hefte zur Kulturgeschichte des Jemen. Band 1)
- Evetts 1895 – Evetts B.T.A. *Churches and Monasteries of Egypt and Some Neighbouring Countries*. Translated from the original Arabic attributed to Abū Šālih the Armenian, Oxford
- Fakhry 1952 – Fakhry A. *An Archaeological Journey to Yemen (March-May 1947)*. Tome 1-3. Cairo
- Fedele 2010 – Fedele F. “Barāqish, over wall excavations 2005-2006: stratigraphy, environment and economy of the Sabaeo-Islamic sequence” // *Arabia* 4, p. 97-162
- Fiaccadori 1992 – Fiaccadori G. *Teofilo Indiano*. Ravenna
- Frantsouzoff 1995 – Frantsouzoff S.A. “Etnoreligioznaja situacija v Hadramaute v VI-VII vv. (Ethno-Religious Situation in Ḥaḍramawt in the 6th-7th centuries)” // P.A. Griažnevich, A.V. Sedov (eds.). *Ḥaḍramawt. Archaeological, Ethnological and Historical Studies*. Moscow, p. 314-329
- Gajda 1997 – Gajda I. 1997 *Ḥimyar gagné par le monothéisme (IV-VIème siècles de l’ère chrétienne). Ambitions et ruine d’un royaume de l’Arabie méridionale antique*. PhD thesis. Aix en Provence
- Gajda 2002 – Gajda I. “Monothéisme in Arabie du sud pré-islamique” // *Chroniques yéménites* 10 (<http://cy.revues.org/132>)
- Gajda 2009 – Gajda I. 2009 “Pre-Aksumite Inscriptions from Māqabər Ga‘əwa (Tigray, Ethiopia)” // *Annales d’Ethiopie* 24, p. 33-48
- Gajda 2010 – Gajda I. 2010 “Quel monothéisme en Arabie du sud ancienne?” // Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin C.J. (eds.). *Association des amis du centre d’histoire et civilisation de Byzance*, Paris, p. 107-120 (Monographies 32)
- Gerlach 2012 – Gerlach I. “Yeha: an Ethio-Sabaeo Site in the Highlands of Tigray (Ethiopia)” // A.V. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its Neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th-27th 2011*. Moscow, p. 215-240
- Gerlach-Hitgen 2004 – Gerlach I., Hitgen H. “The Sabaeo town of Širwāḥ: an introduction into the latest research project of the DAI, Orient-Department” // A.V. Sedov (ed.). *Scripta Yemenica. Issledovaniya po yuzhnoj Aravii. Sbornik naucnyh statej v cest’ 60-letiya M.B. Piotrovskogo*. Moscow, p. 210-220
- Giumlia-Mair-Keall-Stock-Shugar 2000 – Giumlia-Mair A., Keall E., Stock S., Shugar H. “Copper-based implements of a newly identified culture in Yemen” // *Journal of Cultural Heritage* 1, p. 37-43
- Glaser 1913 – Glaser E. *Reise nach Marib*. D.H. von Müller, N. Rhodokanakis (Hrsg.). Wien
- Gürsdorf-Vogt 2001 – Gürsdorf J., Vogt B. “Radiocarbon Datings from the Almaḡah Temple of Bar‘an, Ma‘rib, Republic of Yemen: Approximately 800 cal BC to 600 cal AD” // H.J. Bruins, I. Carmi, E. Boaretto (eds.). *Near East Chronology: Archaeology and Environment. Proceedings of the 17th International C14 Conference, University of Arizona. “Radiocarbon 43/3”*, p. 1363-1369
- Grjaznevich 1973 – Grjaznevich P.A. “K topografii central’nogo Arhaba (Sirvah-Rijam-Itva)” // *Drevnyaya Araviya. Materialy i issledovaniya (Ancient Arabia. Materials and Studies)*. Leningrad, p. 56-71
- Grohmann 1963 – Grohmann A. *Arabien*. München (Kulturgeschichte des Alten Orients)
- Halévy 1872 – Halévy J. “Rapport sur une mission archéologique dans le Yémen” // *Journal Asiatique* 19, p. 1-98
- Halévy 1873 – Halévy J. “Voyage au Nadjran” // *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*. 6e serie, t. 6, p. 5-31, 249-273, 581-606
- Hamilton 1942 – Hamilton R.A.B. “Six weeks in Shabwa” // *GJ* 100, p. 102-124
- Hansen, Ochsenchlager, al-Radi 2004 – Hansen D.P., Ochsenchlager E.L., al-Radi S. “Excavation at Juhā, Shibam, Wadi Hadramawt” // *AAE* 15, n. 1, p. 43-67
- Hitgen 1999 – Hitgen H. “Jabal al-‘Awd – Ein Fundplatz der Spätzeit im Hochland des Jemen” // *Im Land der Königin von Saba. Kunstschatze aus dem Antiken Jemen*. München, S. 247-253
- Inizan-Mouton 1997 – Inizan M.-L., Mouton M. “Mission archéologique française dans le Jawf-Hadramaout” // *Chroniques Yéménites* 96-97, p. 27-28
- Jung 1988 – Jung M. “The Religious Monuments of Ancient South Arabia: a preliminary typological classification” // *AION* 48, p. 177-218
- Jung 1994-95 – Jung M. *La decorazione architettonica dell’Arabia del sud alla luce delle recenti scoperte*. PhD Dissertation. Naples
- Keall 1998 – Keall E. “Encountering megaliths on the Tihāmah coastal plain of Yemen” // *PSAS* 28, p. 139-147
- Keall 2000 – Keall E. “Changing settlement along the Red Sea coast of Yemen in the Bronze Age” // P. Matthiae, A. Enea, L. Peyronel, F. Pinnok (eds.). *Proceedings of the first International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Rome, p. 719-731
- Koshelenko-Kropotkin 1996 – Koshelenko G.A., Kropotkin A.V. “Issledovaniya hrama ‘Astaram Pan Hadran na gorodishche Raybun I (Investigations of the Temple ‘Ath(š)tarūm Dhāt Ḥaḍran at the Raybūn I Settlement)” // A.V. Sedov, P.A. Griažnevich (eds.). *Gorodishche Raybun (raskopi 1983-1987 gg.)*. [Raybūn Settlement (1983-1987 excavations)]. Moscow, p. 35-53
- Kozhin 2001 – Kozhin Yu.F. “Dhāt Ḥimyam temple complex of Raybūn-V” // *Raydān* 7, p. 171-177
- Lankester Harding 1964 – Lankester Harding G. *Archaeology in Aden Protectorates*. London
- Leclant 1959 – Leclant J. “Haoulti-Melazo (1955-1956)” // *Annales d’ethiopie* 3, p. 43-57
- Loreto in press – Loreto R. *L’architettura religiosa sudarabica di epoca pre-islamica (XII sec. a.C. – VI sec. d.C.)*. Napoli
- de Maigret 1988 – de Maigret A. (ed.). *The Sabaeo Archaeological Complex of the Wādī Yalā (Eastern Ḥawlān at-Tiyāl – Yemen Arab Republic)*. Rome (*IsMEO Reports and Memoirs* 21)
- de Maigret 1990 – de Maigret A. *The Bronze Age culture of Ḥawlān at-Tiyāl and al-Ḥadā (Republic of Yemen)*. Rome (*IsMEO Reports and Memoirs* 23)
- de Maigret 1996 – de Maigret A. *Arabia Felix, Un viaggio nell’archeologia dello Yemen*. Milan
- de Maigret 2010 – de Maigret A. “A Sabaeo Stratigraphy from Barāqish” // *Arabia* 4, p. 67-95, fig. 66-240
- de Maigret-Robin 2006 – de Maigret A., Robin Ch.J. “Tamna’, antica capitale del Qatabān. Şan‘ā’ (Yicar papers, 3)
- de Maigret-Robin 2010 – de Maigret A., Robin Ch.J. “Le Royaume sudarabique de Ma‘īn: nouvelles données grâce aux fouilles italiennes de Barāqish (l’antique Yathill)” // *CRAIBL*, p. 57-96
- Michels 2005 – Michels J.W. *Changing Settlement Patterns in the Aksum-Yeha Region of Ethiopia: 700 BC - AD 850*. London
- Mouton 1998 – Mouton M. “Fouilles archéologiques a Qana’ (Hadramaout, République Arabe du Yémen)” // *Chronique Yéménites* 98, p. 23-24
- Müller 2000 – Müller W.W. “La religione pagana dell’antica Arabia del sud” // *Yemen. Nel Paese della Regina di Saba*. Milan, p. 155-157
- Nebes 2007 – Nebes N. “Ethiopia in Epigraphic South Arabian Inscriptions” // S. Uhlig (Hrsg.). *Encyclopaedia Aethiopica*. Vol. 3. Wiesbaden, S. 154-156
- Nebes 2010a – Nebes N. “Neue äthio-sabäische Inschriften aus Addi Akaweh” // *ZORA* 3, S. 214-237.
- Nebes 2010b – Nebes N. “Eine apotropäische Segensformel in den äthio-sabäischen Königsinschriften” // *Aethiopica* 13, S. 182-188
- Nebes 2011 – Nebes N. “An Inscription in Ancient Sabaic on a Bronze Kettle from Fārās May, Tigray” // W. Smidt, Y. Alemayehu (eds.). *ITYOPIS. Northeast African Journal of Social Sciences and Humanities*. Vol. 1. Mekelle, p. 158-165
- Peters 1996 – Peters B.G. “Archeologischeskies issledovaniya hramovogo kompleksa bogini Zat Ḥimyam na gorodishche Raybun I (raskopi 1984 goda) [Archaeological Investigations of the Temple Complex of the Goddess Dhāt Ḥimyam at the Raybūn I Settlement (1984 season)]” // A.V. Sedov, P.A. Griažnevich (eds.). *Gorodishche Raybun (raskopi 1983-1987 gg.)*. [Raybūn Settlement (1983-1987 excavations)]. Moscow, p. 54-67

- Philby 1939 – Philby H. St J. *Sheba's Daughters. Being a Record of Travel in Southern Arabia*. London
- Phillips 1997 – Phillips C. “al-Hāmid: a route to the Red Sea?” // A. Avanzini (ed.). *Profumi d'Arabia*. Rome, p. 287-295 (Saggi di Storia Antica 11)
- Phillips 1998 – Phillips C. “The Tihāmah c. 5000 to 500 BC” // *PSAS* 28, p. 233-237
- Phillips 2005 – Phillips C. “A preliminary description of the pottery from al-Hāmid and its significance in relation to other pre-Islamic sites on the Tihāmah” // *PSAS* 35, p. 177-193
- Piotrovskij 1985 – Piotrovskij M.B. *Juzhnaja Aravija v raneje srednevekov'je. Stanovlenie srednevekovogo obshchestva (South Arabia in Early Middle Ages. Formation of the Medieval Society)*. Moscow
- Pirenne 1990 – Pirenne J. *Fouilles de Shabwa I. Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'Histoire*. Paris
- Rathjens 1929 – Rathjens C. “Exploration au Yémen” // *Journal Asiatique* 215, p. 141-158
- Rathjens-von Wissmann 1932 – Rathjens C., von Wissmann H. *Rathjens – v. Wissmannsche Sodarabien-Reise. Band 2. Vorislamische Altertümer*. Hamburg
- Robin 1981 – Robin Ch.J. “Le montagnes dans la religion sudarabique” // R. Stiegner (Hrsg.). *al-Hudud. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag*. Graz, S. 263-282
- Robin 1982 – Robin Ch.J. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l'Islam. Recherches sur la géographie tribale et religieuse de Khawlān Qudā'a et du pays de Hamdān*. Vol. 1. Leiden
- Robin 1992 – Robin Ch.J. *Inabba', Haram, al-Kāfir, Kamna et al-Ḥarāshif*. Paris/Rome (Inventaire des Inscriptions Sudarabique. Tome I-II)
- Robin 1996 – Robin Ch.J. “Sawdā', al'” // *Encyclopédie de l'Islam*. Leiden, p. 93-95
- Robin 1998 – Robin Ch.J. “Les royaumes combattants” // *Yémen, au pays de la reine de Saba'*. Paris, p. 180-187
- Robin 2003 – Robin Ch.J. “Le judaïsme de Ḥimyar” // *Arabia* 1, p. 97-172
- Robin 2004 – Robin Ch.J. “Ḥimyar et Israël” // *CRAIBL*, p. 831-908
- Robin 2008 – Robin Ch.J. “Joseph, dernier roi de Ḥimyar (de 522 à 525, ou une des années suivantes)” // *Jerusalem Studies in Arabic and Islam* 34. Jerusalem, p. 1-124
- Robin 2009 – Robin Ch.J. “Inventaire des documents épigraphiques provenant du royaume de Ḥimyar aux IVe - VIe siècles” // *L'Arabie à la veille de l'Islam. Bilan clinique. Actes de la table ronde édités par Jérémie Schiettecatte en collaboration avec Christian Julien Robin*. Paris, p. 165-216
- Robin 2010a – Robin Ch.J. “L'Arabie à la veille de l'Islam. La campagne d'Abraha contre la Mecque, ou la guerre des pèlerinage” // Vauchez A., De la Genière (eds.). *Les santuaires et leur rayonnement dans le monde méditerranéen: de l'Antiquité à l'époque moderne. Actes du XXe colloque de la Villa Kérylos, 9-10 octobre 2009*. Paris, p. 213-242
- Robin 2010b – Robin Ch.J. “Najrān vers l'époque du massacre: un centre majeur de la Péninsule arabique” // Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin C.J. (eds.). *Association des amis du centre d'histoire et civilisation de Byzance*. Paris, p. 42-106 (Monographies 32)
- Robin-Breton 1982 – Robin Ch.J.-Breton J.-F. “Le sanctuaire préislamique du Jabal al-Lawdh (Nord-Yémen)” // *CRAIBL*, p. 590-627
- Robin-de Maigret 1998 – Robin Ch.J., de Maigret A. “Le Grand Temple de Yéha (Tigray, Ethiopie), après la première campagne de fouilles de la mission française (1998)” // *CRAIBL*, p. 255-291
- Robin-Ryckmans 1982 – Robin Ch.J., Ryckmans J. “Dédicace de bassin rupestres antiques à proximité de Bāb al-Falaj (Mārib)” // *ABADY* 1, S. 117-122
- Robin-Breton-Ryckmans 1981 – Robin Ch.J., Breton J.-F., Ryckmans J. “Le sanctuaire mineen de NKRḤ a Darb aṣ-Ṣabī (environ de Barāqish). Rapport préliminaire” // *Raydān* 4, p. 249-261, tav. I-X
- Robin-Breton-Audouin-Ryckmans 1979 – Robin Ch.J., Breton J.-F., Audouin R., Ryckmans J. “Prospection archéologique et épigraphique de la Mission archéologique française au Yémen du nord (octobre-décembre 1978)” // *Syria* LVI, p. 425-427
- Röring 2006 – Röring N. *Bauhistorische untersuchungen am Almaqah-Heiligtum von Sirwah vom Kultplatz zum Heiligtum*. PhD Dissertation. Cottbus
- Schiettecatte 2011 – Schiettecatte J. *D'Aden a Zafar. Villes d'Arabie du sud préislamique*. Paris
- Schmidt 1982a – Schmidt J. “Die Ruinen im Jabal Balaq al-Awsat” // *ABADY* 1, S. 64-75
- Schmidt 1982b – Schmidt J. “Der Tempel des Waddum dhū-Masma'im” // *ABADY* 1, S. 91-100
- Schmidt 1982c – Schmidt J. “Tempel und Heiligtum von al-Masājīd” // *ABADY* 1, S. 135-142
- Schmidt 1982d – Schmidt J. “Der 'Athtar Tempel bei Ma'in” // *ABADY* 1, S. 143-152
- Schmidt 1982e – Schmidt J. “Der Stadttempel von Ma'in” // *ABADY* 1, S. 153-155
- Schmidt 1982f – Schmidt J. “Jidfir ibn Munaykhir” // *ABADY* 1, S. 158-160
- Schmidt 1986 – Schmidt J. “Ein Pfeil mit Kapitell vom Mariber Stadttempel Ḥarūnum” // *ABADY* 3, S. 65
- Schmidt 1987a – Schmidt J. “Hypäthrale Baunlagen und Andere Steinstrukturen” // *ABADY* 4, S. 143-178
- Schmidt 1987b – Schmidt J. “Die Ruinen von Ṣirwāḥ-Arḥāb und der Tempel des 'Aṭṭar dhū-Ḍībān” // *ABADY* 4, S. 195-202
- Schmidt 2007 – Schmidt J. “Das Heiligtum des Almaqah in Sirwāḥ. Vorläufiger Bericht über die ersten beiden Grabungskampagnen 1992-93” // *ABADY* 11, S. 201-303
- Schnelle 2012 – Schnelle M. “Towards a Reconstruction of the Great Temple of Yeha (Ethiopia)” // A.V. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its Neighbors. Proceedings of the "Rencontres Sabéennes 15" held in Moscow, May 25th-27th 2011*. Moscow, p. 387-415
- Sedov 2003 – Sedov A.V. “Notes on stratigraphy and pottery sequence at Raybūn I settlement (Western Wādī Ḥaḍramawt)” // *Arabia* 1, p. 173-196, tav. 40-64
- Sedov 2005 – Sedov A.V. *Temples of Ancient Ḥaḍramawt*. Pisa (Arabia Antica 3)
- Serjeant-Lewcock 1983 – Serjeant R.B., Lewcock R. *Ṣan'ā'. An Arabian Islamic City*. London
- Shahīd I. 1963 – Shahīd I. “The Book of the Ḥimyarites: Authorship and Authenticity” // *Le Muséon* 76, p. 349-362
- Shahīd I. 1979 – Shahīd I. “Byzantium in South Arabia” // *Dumbarton Oaks Papers* 33. Washington, p. 23-94
- Shahīd I. 1984 – Shahīd I. *Byzantium and the Arabs in the fourth century*. Washington, DC
- Smith 1936 – Smith S. “Bronze Lion's Head from Najran, South Arabia” // *BMQ* 11, p. 154-156
- Tawfīq 1951 – Tawfīq M. *Les monuments de Ma'in (Yémen)*. Cairo (Publications de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. Études Sud-arabiques 1)
- Vinogradov 1994 – Vinogradov Ju.A. “Excavations of the Temple Dhāt Ḥimyam in Western Ḥaḍramawt (Raybūn V)” // *Archeologicheskie vesti* 3. St Petersburg, p. 88-95
- Vogt 1995 – Vogt B. “Jahresbericht 1994 des Deutschen Archäologischen Instituts, Station Ṣan'ā'” // *Archäologischer Anzeiger* 4. Berlin, S. 862-867
- Vogt 1996 – Vogt B. “Jahresbericht 1995 des Deutschen Archäologischen Instituts, Station Ṣan'ā'” // *Archäologischer Anzeiger* 5. Berlin, S. 632-640
- Vogt 1999 – Vogt B. “Der Almaqah-Tempel von Bar'an ('Arsh Bilqis)” // W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'*. Wien, S. 219-222
- Vogt 2000 – Vogt B. “L'Ḥaḍramawt nella tarda preistoria” // *Yemen. Nel Paese della Regina di Saba'*. Milan, p. 55-60
- Vogt-Sedov 1998a – Vogt B., Sedov A.V. “La culture de Sabr, sur la côte yéménite” // *Yémen, au pays de la reine de Saba'*. Paris, p. 42-48
- Vogt-Sedov 1998b – Vogt B., Sedov A.V. “The Sabir culture and coastal Yemen during the second millennium BC, present state of discussion” // *PSAS* 28, p. 261-270
- Vogt-Sedov 2000 – Vogt B., Sedov A.V. “La cultura di Sabir e la piana costiera yemenita nella seconda metà del II millennio a.C.” // *Yemen. Nel Paese della Regina di Saba*. Milan, p. 64-69
- Vogt-Sedov-Buffa 2002 – Vogt B., Sedov A.V., Buffa V. “Zur datierung der Sabir-Kultur, Jemen” // *ABADY* 11, S. 27-39
- Yule 2007a – Yule P. *Ḥimyar: Die Spätantike im Jemen*. Aichwald
- Yule 2007b – Yule P. “Zafār. Capital of Ḥimyar, Ibb Province, Yemen” // *ABADY* 11, S. 477-548
- Yule 2010 – Yule P. *Ḥimyar. Late Antique Yemen*. 2nd edition. Aichwald
- von Wissmann 1968 – von Wissmann H. *Zur Archäologie und Antiken Geographie von Südarabien. Ḥaḍramawt, Qatabān und das 'Aden-gebeit in der Antike*. Leiden (Uitgaven van het Nederlands historisch-archeologisch Instituut te Istanbul XXIV)
- Wolf-Nowotnick 2010a – Wolf P., Nowotnick U. “The Almaqah Temple of Meqaber Ga'ewa near Wuqro (Tigray, Ethiopia)” // *PSAS* 40, p. 367-380
- Wolf-Nowotnick 2010b – Wolf P., Nowotnick U. “Das Heiligtum des Almaqah von Meqaber Ga'ewa in Tigray, Äthiopien” // *ZORA* 3, S. 164-213
- Zaid-Maraqten 2008 – Zaid Z., Maraqtan M. “The Peristyle Hall: remarks on the history of construction based on recent archaeological and epigraphic evidence of the AFMSM expedition to the Awwam temple in Marib, Yemen” // *PSAS* 38, p. 327-340

Mohammed MARAQTEN
(Heidelberg)

TWO NEW SABAIC INSCRIPTIONS: THE CONSTRUCTION OF A BUILDING AND THE OFFERING OF A RIGHT HAND

This paper concerns two Sabaic inscriptions: the first documents the construction of a private fortified house by subjects of the Sabaean clan Kabīr Ḥalīl. The second is a dedicatory inscription mentioning the offering of a bull statuette and a cast bronze right hand to the god Ta'lab.

Inscription MM10: Construction of a fortified house by a family

This inscribed block belongs to a private collection in a house in the northern oasis of Mārib. According to the owner, it was found in the vicinity. No measurements are available (fig. 1, 2).

The inscription records the construction of a fortified house by a man, his wife, and his two sons. The block is engraved in four lines and may be dated to the first half of the 4th century CE. Only the upper part of the inscription is preserved. Two symbols are engraved at the beginning of the text on either side. The symbol on the right is well-known, primarily from the inscriptions of the Almaqah temple (Awām/Maḥram Bilqīs). The symbol to the left is a spearhead and the symbol of Almaqah combined. It with it might indicate the unification of Saba' and Dū-Raydān. A similar symbol is found in CIH 458 (cf. Ryckmans 1996: 135, 140). The inscription now bears the siglum MM 10 (Mārib-Maraqten 10). The author is responsible for the photo and facsimile.

Transcription

*rbs²ms¹m / yrḥb / w²ṭhw / s²fṭhw / wbn
yḥmy / yḥmd / ws²rḥṭt / bnw / s²qr²fm / 'dm / kbr
ḥll / br²w / whwṭrn / whs²qrn / mṣn²ṭhmw / tfs² / brd² / wmqm
[...]*

Translation

Rabšams Yurḥib and his wife Šafnāṭahw and both his sons
Yaḥmud and Šarḥṭāt of the clan Šaqrāfum, subjects of the (clan) Kabīr
Ḥalīl have constructed and laid the foundations and completed their fortress Tafīš by the
help and the authority
[...]

Commentary

The owner of the inscription belongs to the bnw s²qr²fm, Banū Šaqrāfum. This family was subject to the Sabaic clan kbr ḥll, Kabīr Ḥalīl. This quite well-known Sabaic clan is mentioned repeatedly in the inscriptions (Ja 615/13; CIH 80/13; CIH 567/5; CIH 601/19; RES 4966/3; RES 4130/2 etc.). The verb br² means “build, construct” (Sab. Dict., 30); the infinitive form hwṭrn of the verbal form hwṭr means, “lay foundations, groundwork” (Sab. Dict., 166). hs²qrn: this is the infinitive form of the verbal form hs²qr “complete, finish” (Sab. Dict., 133). The personal name of the woman, s²fṭhw, is attested here for the first time and may be translated as “Ṭahw has protected me (or us)”, or “protect me, O. Ṭahw!”. This compound name consists of the verb s²f (s²wf) “protect, see,” personal suffix –n and the theophoric element ṭhw (< ṭhwn), epithet of the god Almaqah. The women's name s²fṭhw is attested in the form, s²fns¹hw (Sholan 1999: 149). — mṣn²ṭ “fortress, castle” (Sab. Dict., 143): The building completed by the dedicator and his family is mṣn²ṭ “fortress”, possibly understood as, “fortified house”. It is not clear whether mṣn²ṭ here indicates a private “high house” or a “fortified house”. The “fortress” bears the name tfs², Tafīš; cf. the name of a building tfs² attested in a Sabaic inscription (RES 3946/6).

Inscription MŠ1: A dedication to the god Ta'lab for prosperity

This inscription records a private offering to the god Ta'lab, Lord of the temple of Qasāmum. The inscription is engraved in 13 lines on a limestone base for a statuette. The face of the block measures approximately 23x32 cm and is finely carved and complete save for a small chip from the middle of the top and on the lower left-hand size.

The offering consisted of a bronze bull statuette and a cast bronze right hand. The reason for the offering is in gratitude for Ta'lab's providing the dedicator and his family with fine crops. This inscription is significant because it adds a new eponym to those known in the kingdom of Sum'ay. The inscription must be dated, on the basis of paleographic criteria, to the second or third century CE. The inscribed block is held in a private collection in Šan'ā' and now bears the Siglum MŠ1 (= Maraqten Šan'ā' 1). The author is responsible for the photo and facsimile.

Transcription

*h²n / wbn²yhw / qs²bm / bny / ḥs²km
hqnyw / s²ymḥmw / t²lb / b²l / qs¹m
m / ḏn / ṭwrn / wymn / ḥgn / s²fṭhw
'bdhw / h²n / lḥmd / ḥyl / wmqm / s²
ymḥmw / t²lb / b²l / qs¹mm / bdt
ḥmrḥmw / t²lb / ṭwbnḥmw / fql
ṣdqm / bn / ms²myḥmw / bḥrf / 'lw
fd / 'mrm / yhs³ḥm / wlwz² / t²lb
s¹'dhmw / 'fql / ṣdqm / bn / ms²myḥmw
wl / gybḥmw / t²lb / bn / brdm / w²
ḏym / wḥbrm / wbnkl / qmltm / w
l / ḥrynḥmw / bn / nd² / ws²ṣy / s²n²
m / ḏrḥq / wqrb / bt²lb / rymm*

Fig. 1. Inscription MM10 (photo)

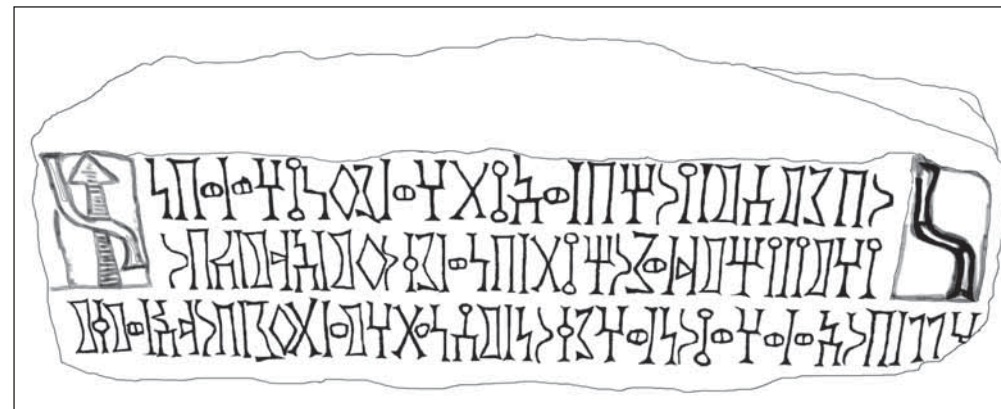

Fig. 2. Inscription MM10 (facsimile)

Translation

Ha‘‘ān and his son Qāšibum of the clan Ḥāšikum dedicated to the patron god Ta‘lab, lord of (the temple) Qasāmum this bull statuette and the right hand as he promised to Him, namely His worshipper Ha‘‘ān in gratitude to praise the power and the authority of their patron god Ta‘lab, Lord of (the temple) Qasāmum because Ta‘lab granted them and rewarded them with fine crops from their fields in the eponymate year of ‘Īlwafad, Amīrum Yuhashīm. May Ta‘lab continue to grant them fine crops from their fields. And may Ta‘lab protect them against any cold season, damage, sorcery and from every insect pest. May He deliver them from evil and harm by any enemy, far or near. By (the authority) of Ta‘lab Riyāmum

Commentary

Lines 1-2. The dedicator calls himself *h‘n*. He made the offering with his son *qs²bm*.

— *h‘n*, Ha‘‘ān: The name *h‘n* was popular in the nomenclature of South Arabia; it appears frequently in Sabaic as *h‘n*, *h‘nm* (Tairan 1992: 221), cf. also *h‘nm* in Qatabānic (Hayajneh 1998: 255). The vocalization of this name as Ha‘‘ān is based upon its occurrence in Al-Hamdānī (cf. Abdallah 1975: 94).

— *qs²bm*, Qāšibum: This personal name appears here for the first time in the inscriptions; see the Sabaic female name *qs²bt* (Sholan 1999: 140) and the Sabaic clan name *bn^y qs²bm* (MŞM 4498).

— *ḥs²km*, Ḥāšikum: No evidence from the inscriptions is available.

— *s²ym-hmw* “their patron god”.

— *t‘lb*, Ta‘lab: This deity, usually known as Ta‘lab Riyām, was the main deity of the tribe and the kingdom of Sum‘ay, north of Ṣan‘a’. It is known from several inscriptions (Höfner

1970: 254-257; Arbach-Schiettecatte 2012: 37-68). In our inscription, the deity is described as *b‘l qs‘mm*, Lord of Qasāmum. Apparently *qs‘mm* is a designation for a temple of worship for the god Ta‘lab. The temple name *qs‘mm* might relate to its function as a place of oracles; it derives from the South Arabian root QS‘M “oracular decision” (Sab. Dict., 108).

— *hgn / s²ft-hw* “as he promised Him”: This phrase is well-attested in the Sabaic inscriptions (i.e. al-Jawf 04.16/3-4; FB-as-Sawdā’ 1/5).

Lines 3-6. The dedication made to the god Ta‘lab was *twrn* and *w-yminn*.

— *twr* is here considered to be a “bull statuette”. We have good data about bulls, including bull-statuettes, in South Arabian inscriptions (Sima 2000: 146-154). Our document mentions another offering, namely *yminn*. The noun *ymin* means “right, right hand”. In our text, it is the offering of a right hand. We can imagine it to be similar to an inscribed bronze hand dedicated to the god Ta‘lab Riyāmum in the British Museum collections dated to the 3rd century CE (British Museum no. BM 139443 = 1983, 0626.2). It has been published by Chr. Robin (Robin 1: cf. Robin 1985: 315-318; Simpson 2002: 173, and no. 221). We have two examples of the dedication of a right hand in ancient Yemen, both to the god Ta‘lab. The right hand occurs as the symbol of a deity, possibly of the god ‘Aṭtar and is known to be apotropaic (Höfner 1965: 508f.), especially on dedicatory inscriptions, rock inscriptions and drawings (Simpson 2002: nos. 26, 31). The right hand was also considered to be a symbol of good fortune. This dedication was made in thanksgiving for *twn-hmw fql ṣdqm*: The term *fql*, pl. *‘fql* means “crops” and *fql ṣdqm* may be translated as “fine crops” (Sab. Dict., 45). The verb *twb* means “reward, recompense worshipper (deity)” (Sab. Dict., 151).

— *ms²my-hmw*: This is a plural of *ms²m* “cultivated area, field” and is attested for the first time and can be reconstructed as **mašāmī* (see also the plural forms *ms²ym*; *ms²mt*, *ms²ynt* (Sab. Dict., 136).

Lines 7-8. After giving the reason for the dedication, the dedicator records the date, *b-ḥrf ‘lwfd ‘mrm yhs³ḥm* “in the eponym year of ‘Īlwafad, Amīrum Yuhashīm”. This eponym is attested for the first time here and seems to have been a local dating system in the kingdom of Sum‘ay. Unfortunately, our document does not mention royal names. However, this dating formula is nevertheless significant for the Sabaeen dating system.

Fig. 3. Inscription MŞ1 (photo)

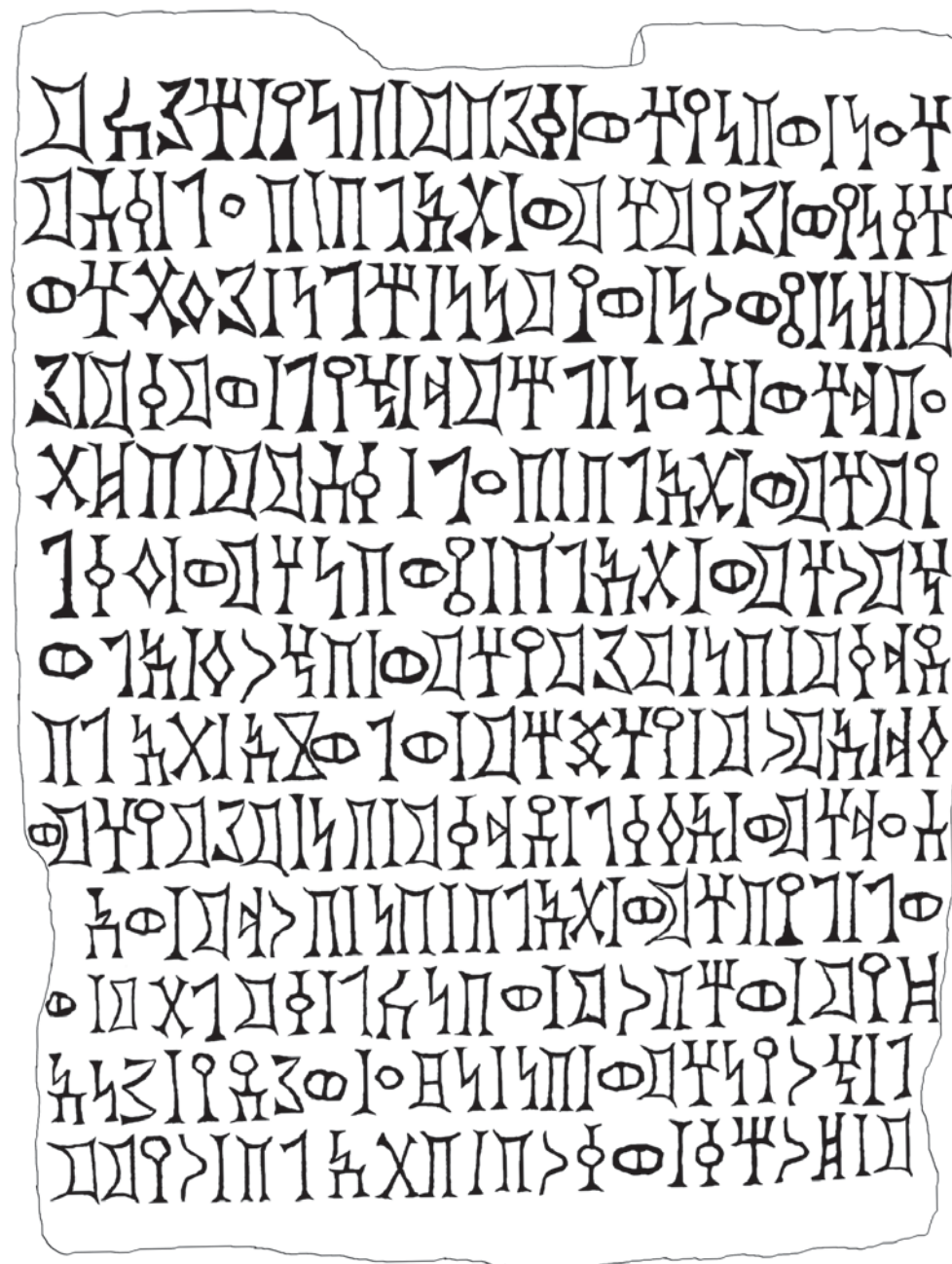

Fig. 4. Inscription MŞ1 (facsimile)

Lines 9-13. The inscription starts at the end of line eight with a request to the god to continue granting the dedicator fine fruits from their fields (*msʔym-hmw*) and ends at line nine. The text continues in lines 10 and 11 with more requests to protect the dedicator and his clan against cold seasons (*brd*) and against the activities of several evil doers.

— *gyb-hmw*: the Sabaic verb *gyb* means “defend, protect” (Sab. Dict., 51).

— *ʔdym*: This noun occurs for the first time in the ancient South Arabian inscriptions; cf. Arabic *adīya* “damage, harm, injury, trouble”. The term *ḥbr* “sorcery” is known from other inscriptions (Sab. Dict., 65).

— *qmltm* “insect pest, locusts”: This term is attested several times in Sabaic documents (Sab. Dict., 105). The text continues with the typical request for protection against evil and harm by any enemy and ends with a closing formula by the authority of Taʔlab Riyāmum, namely the main figure in the worship of Taʔlab.

BIBLIOGRAPHY

- ʿAbdallah 1975 – ʿAbdallah Y. *Die Personennamen in al-Hamdānī's Iklīl und ihre Parallelen in den altsüdarabischen Inschriften. Ein Beitrag zur jemenitischen Namengebung.* PhD Dissertation. Tübingen
- Arbach-Schiettecatte 2012 – Arbach M., Schiettecatte J. “Inscriptions inédites du Jabal Riyām des VIIe-VIe siècles av. J.-C.” // A.V. Sedov (ed.). *New research in archaeology and epigraphy of South Arabia and its Neighbours. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th-27th, 2011.* Moscow, p. 37-68
- Hayajneh 1998 – Hayajneh H. *Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften.* Hildesheim
- Höfner 1965 – Höfner M. “Südarabien” // H.W. Haussig (Hrsg.). *Wörterbuch der Mythologie I. Götter und Mythen im Vorderen Orient.* Stuttgart, S. 485-567
- Höfner 1970 – Höfner M. “Die vorislamischen Religionen Arabiens” // H. Gese, M. Höfner, K. Rudolph (Hrsg.). *Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer.* Stuttgart, S. 234-402
- Kitchen 1994 – Kitchen K.A. *Documentation for Ancient Arabia. Part 1, Chronological Framework & Historical Sources.* Liverpool
- Robin 1985 – Robin Chr.J. “L'offrande d'une main en Arabie pré-islamique. Essai d'interprétation” // Chr.J. Robin (ed.). *Mélanges linguistiques offerts à Maxime Rodinson par ses élèves, ses collègues et ses amis.* Paris, p. 307-320
- Ryckmans 1993 – Ryckmans J. “A Bust of a South Arabian Winged Goddess with Nimbus in the possession of Miss Leila Ingrams” // *Arabian Studies* 3, p. 67-78
- Sab. Dict. – Beeston, A.F.L.; Ghul, M.A.; Müller, W.W.; Ryckmans, J. *Sabaic Dictionary.* Louvain-la-Neuve. Beirut
- Sholan 1999 – Sholan A. *Frauenamen in den Altsüdarabischen Inschriften.* Hildesheim
- Sima 2000 – Sima A. *Tiere, Pflanzen, Steine und Metalle in den altsüdarabischen Inschriften. Eine lexikalische und realienkundliche Untersuchung.* Wiesbaden
- Simpson 2002 – Simpson St J. (ed.). *Queen of Sheba: Treasures from Ancient Yemen.* London
- Tairan 1992 – Tairan S.A. *Die Personennamen in den altsabäischen Inschriften.* Hildesheim

Christian Julien ROBIN
(Paris)

SABA' ET LA KHAWLĀN DU NORD (KHAWLĀN GUDĀDĀN): L'ORGANISATION ET LA GESTION DES CONQUÊTES PAR LES ROYAUMES D'ARABIE MÉRIDIONALE

Une carte des divers royaumes de l'Arabie méridionale antique, dont l'histoire peut être suivie pendant près de 1500 ans grâce aux inscriptions locales, n'a guère été étudiée jusqu'à présent. Il est vrai qu'elle varie considérablement au cours du temps et que rien de valable ne pouvait être proposé tant qu'on ne disposait pas d'une chronologie assurée.

C'est à la fin des années 1990 que sont publiées les premières esquisses, illustrant le plus souvent l'extension maximale des principaux royaumes (Robin-Vogt 1997). Depuis lors, la représentation visuelle des évolutions politiques a quelque peu progressé (Schiettecatte 2011), mais sans devenir systématique. Elle butte sur le fait que très peu de régions ont fait l'objet d'une monographie qui mette en évidence les royaumes auxquels elles ont été successivement rattachées¹.

Dans cet hommage à Mihail Borisovitch Piotrovskij, dont l'œuvre scientifique a porté principalement sur l'Antiquité tardive et la naissance de l'Islam, je voudrais traiter d'une nouvelle région, la Khawlān du Nord, dont le centre est à Ṣa'da (à distinguer de celle de l'Est, autour de Ṣirwāḥ, et de celle du Sud, à l'ouest de Bayḍa'-Ḥaṣī)². Cette Khawlān jouit d'une certaine notoriété, surtout dans les ouvrages arabo-musulmans de théologie, parce qu'elle suivait une règle coutumière dans la répartition des taxes entre Allāh et son dieu, nommé 'Ammī'anas, règle qui éclairerait un passage énigmatique du Coran (sourate VI, les Troupeaux, *al-An'ām*, 137 [136]) (Robin 2009). Mais c'est à son histoire politique pendant les cinq siècles qui précèdent l'Islam que je voudrais m'intéresser ici, avant d'esquisser quelques remarques plus générales sur la manière dont les souverains sabéens et ḥimyarites organisaient la conquête de nouveaux territoires.

A. Esquisse d'une histoire politique de la Khawlān du Nord

Plusieurs tribus du Yémen s'appellent ou se sont appelées Khawlān. Aujourd'hui, on en compte deux, Khawlān-Ṣa'da (ou Khawlān b. [= ibn] 'Āmir) et Khawlān-Ṣirwāḥ (ou Khawlān al-Ṭiyāl), que nous appelons ici la Khawlān du Nord et la Khawlān de l'Est. Il en allait de même

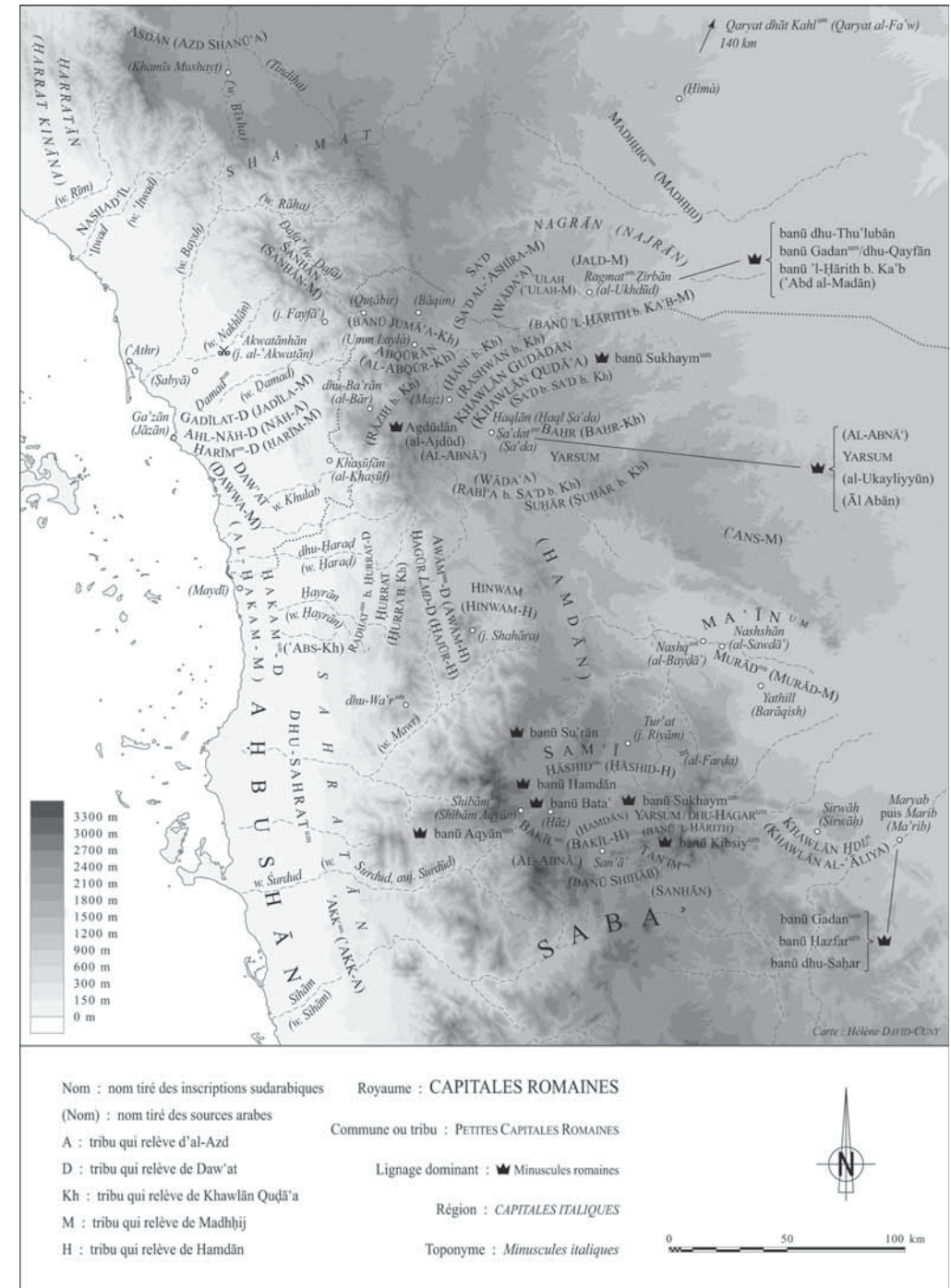

Fig. 1. Carte du Yémen antique

¹ Voir par exemple les cas de Maḥḥā^m (Robin 2005), Muḥaqrā^{um} (Robin 2006), Nagrān (arabe Najrān, dans Beaucamp-Briquel-Chatonnet-Robin 2010) et Kinda (Robin 2012; 2013b).

² Pour les toponymes et les ethnonymes, voir les cartes (fig. 1-3), à compléter avec Robin-Brunner 1997.

au Xe siècle, à l'époque d'al-Ḥasan b. Aḥmad al-Hamdānī (mort après 360 de l'hégire / 970-971 de l'ère chrétienne), qui les appelait alors respectivement Khawlān b. 'Amr et Khawlān al-'Āliya. Dans l'Antiquité, à ces deux Khawlān qui existaient déjà sous les noms de Khawlān Gadūdān et de Khawlān *Hdl^m* (ou Khawlān dhu-*Hbb*)³, il fallait en ajouter une troisième (la Khawlān du Sud) dont le centre était à al-Hadīm (l'antique Hidū), à l'ouest d'al-Bayḍā'.

Par rapport à Ṣan'ā', les centres de ces trois Khawlān de l'Antiquité se trouvaient à quelque 180 km au nord, 80 km à l'est et 200 km au sud-est⁴.

1. Le nom antique de la Khawlān du Nord

Pour distinguer la Khawlān du Nord des tribus homonymes, les inscriptions peuvent apposer à son nom diverses appellations dérivées d'un même terme. Ce sont Gadūdān (*Gdd^m*) ou ce même mot à la forme indéterminée (*Gdd^m*), avec le suffixe *-t* (*Gdd^t*) et avec le préfixe *alif* (*'gdd^m*):

— *Hwl^m Gdd^m*, Khawlān Gudādān: Ja 601 [Appendice, Texte 1]/5 et 10 (IIe siècle⁵); Robin-Umm Laylā 1 [Appendice, Texte 3]/1-2 (IIe siècle); FB-Maḥram Bilqīs 2 [Appendice, Texte 8]/13 (IIIe siècle);

— *Hwl^m Gdd^m*: Ja 577 [Appendice, Texte 9]/8 (IIIe siècle); Ja 2109 [Appendice, Texte 10]/4 et 7 (IIIe siècle); Ja 616 [Appendice, Texte 11]/12 et 14 (IIIe siècle); probablement *CIH 537+RES 4919* = Louvre 121 [Appendice, Texte 15]/3 (... *Gdd^m w-Ṣ³nhⁿ*, août 472);

— *Hwl^m Gdd^t*: Ja 671+788 [Appendice, Texte 14]/5 (fin du IVe siècle);

— *Hwl^m 'gdd^m*: Ja 658 [Appendice, Texte 13]/10 et 13 (*'gddⁿ*), début du IVe siècle).

Ces variations signalent que, pendant une longue période, il n'a pas existé de forme normalisée et officielle du nom de Khawlān, parce que la tribu n'était pas intégrée dans un royaume sudarabique. Elles donnent l'impression que *Gdd* est un adjectif accordé au masculin, au féminin ou au pluriel. C'est pourquoi Walter W. Müller rendait (Khawlān) Gudādān par «neu» (Müller 1966: 106 B) tandis qu'A.F.L. Beeston préférait «great» («the Great Khawlān») (Beeston 1973: 444; 1976: 5 et 19 [n. 8]).

Les textes indiquent que cette Khawlān est le nom de:

— un pays: Ja 601 [Appendice, Texte 1]/5 (*'rd Hwl^m Gdd^m*, IIe siècle); Ja 2109 [Appendice, Texte 10]/4 et 7 (*'rd Hwl^m Gdd^m*, IIIe siècle); Ja 616 [Appendice, Texte 11]/19 (*'rd Hwl^m*, IIIe siècle); Ja 658 [Appendice, Texte 13]/10 (*'rd Hwl^m 'gdd^m*, début du IVe siècle);

— une commune⁶: Robin-Umm Laylā 1 [Appendice, Texte 3]/1-2 (*s²'bⁿ Hwl^m G²dd^m*, IIe siècle); Ja 577 [Appendice, Texte 9]/8 (*s²'bⁿ Hwl^m G²dd^m*, IIIe siècle);

— un ensemble de communes: Ja 601 [Appendice, Texte 1]/10 (*'s²'b Hwl^m Gdd^m*, IIe siècle);

³ Le sens de *Hdl^m* est inconnu. Quant à *d-Hbb*, c'est le nom du lignage princier de Ṣirwāḥ et Khawlān (Robin 2013a: 145, n. 90; 171-172).

⁴ Pour plus de précision sur ces trois communes, voir Robin 2009.

⁵ Sauf indication contraire, les dates sont postérieures au début de l'ère chrétienne.

⁶ Par «commune», nous rendons le terme sudarabique *s²'b* (pluriel *'s²'b*) qui désigne une tribu sédentaire intégrée dans l'ensemble culturel sudarabique. Le terme *'s²'r* (pluriel *'s²'r*), emprunté à l'arabe (*ashīra*, pl. *'ushur*) désigne les tribus extérieures à cet ensemble culturel du fait de leur mode de vie (l'élevage itinérant et non l'agriculture) ou de la langue (un parler plus proche de l'arabe). Les tribus des Ḥabashites, quant à elles, sont désignées par le terme *ḥzb* (pluriel *'ḥzb*) qui vient du guèze *ḥəzb*, pl. *aḥzāb*. L'étoile signale une forme non attestée ou une vocalisation incertaine (sudarabique et arabe).

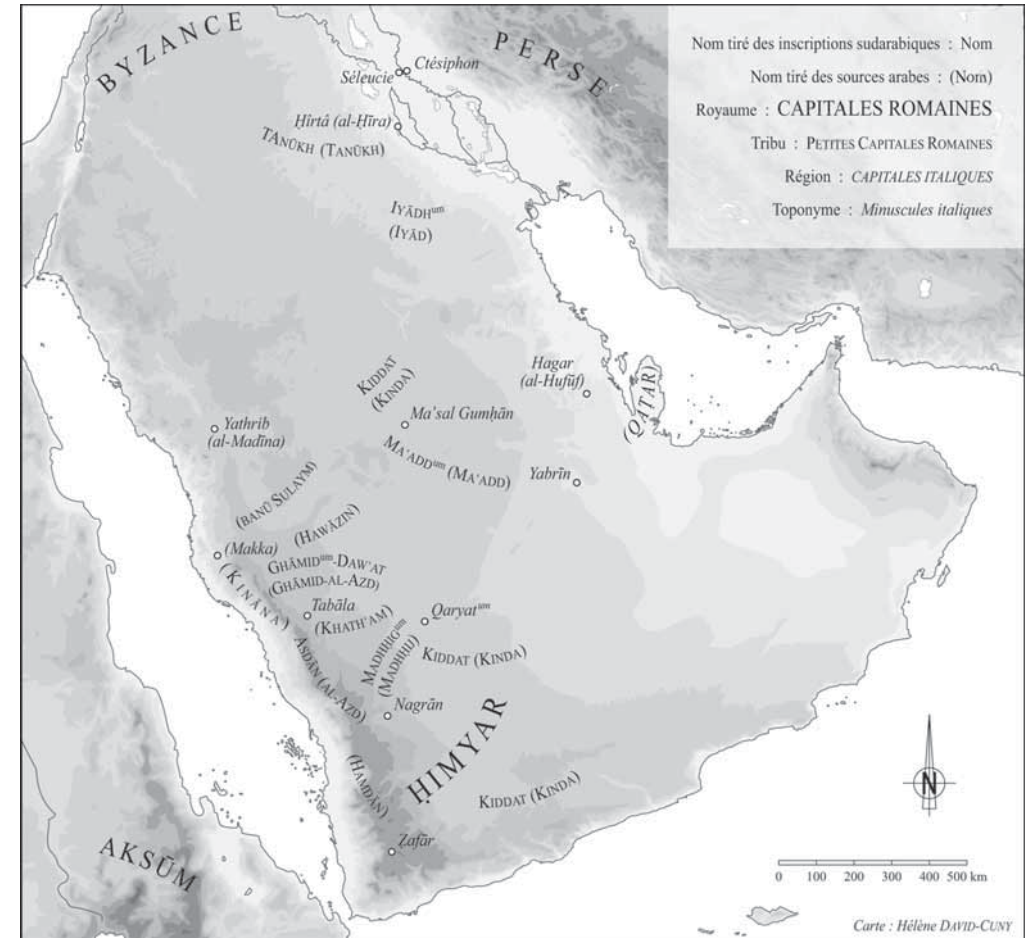

Fig. 2. Carte du Yémen antique

— un ensemble de communes et de tribus: Ja 616 [Appendice, Texte 11]/12 et 14 (*'s²'b w-'s²'r Hwl^m Gdd^m*, IIIe siècle);

— un ensemble de tribus: Ja 658 [Appendice, Texte 13]/10 (*'s²'r Hwl^m 'gddⁿ*), début du IVe siècle).

Comme pour le nom, on discerne ici aussi un certain flottement: on ne sait trop si Khawlān est une commune ou une tribu, ou encore un ensemble réunissant diverses communes et tribus.

Le chef-lieu de Khawlān est Ṣa'dat^{um}, tout au moins sous le règne de Shammar Yuhar'ish (c. 287-311). Un noble sabéen exerce alors la fonction de gouverneur (*'aqib*) pendant quarante années «à Ṣa'dat^{um} dans le pays de Khawlān» (Sharaf 31 [Appendice, Texte 12]/15-16). Une épouse se réjouit que son mari revienne sain et sauf «de la ville de Ṣa'dat^{um} et du pays de Khawlān Gudād^{um}» où son mari a également été gouverneur au nom du même roi (Ja 2109 = Appendice, Texte 10)⁷.

⁷ Ces deux textes suggèrent que plusieurs personnages peuvent être investis de la fonction de *'aqib* en un même lieu à la même époque.

Enfin, toujours sous le même roi, un prince, qui est envoyé combattre Khawlān Agdūdān, prend position à Ṣa'dat^m (Ja 658 [Appendice, Texte 13]/10-12).

Les sources arabes, avant tout al-Ḥasan al-Ḥamdānī qui est la source principale sur Khawlān⁸, permettent de mieux cerner le sens de *Gdd'* et de ses variantes. Au Xe siècle, Khawlān comptait un groupe tribal nommé Judād ou al-Ajdūd (pluriel de Judādī, «Judādite», *nisba* de Judād).

Les savants en matière de généalogies estimaient que ces al-Ajdūd constituaient un rameau de Rāziḥ b. Khawlān, la principale fraction de Khawlān, ou étaient leurs alliés⁹. Selon les Āl Abān, c'est-à-dire les descendants de Muḥammad b. Abān al-Khanfarī, Judād était l'un des dix fils de Rāziḥ b. Khawlān (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 348). Muḥammad b. Abān est un personnage à qui al-Ḥamdānī accorde une grande autorité. Descendant d'un noble Ḥimyarite originaire du mont Ṣabir (près de Ta'izz) qui fonda à Ṣa'da une sorte de principauté à l'époque de Sayf ibn dhī Yaz'an (vers 575), il fut un guerrier et un savant actif à l'époque umayyade. Il aurait notamment composé le fameux «Document de Khawlān (*Sijill Khawlān*)» dans lequel étaient consignés tous les événements marquants de l'histoire locale, illustrés par les poèmes qui les commémoraient (Robin-Garoo à paraître).

Un deuxième avis vient d'Ibn Abī 'l-Ja'd¹⁰, un savant issu de Jumā'a b. Shurahbīl¹¹: «L'appel (aux armes) des al-Judayda (ce sont les al-Ajdūd) descendants de Judād – il y a aussi un Judayd dans al-Azd; la *niba* de Judād est *judādī* et celle de Judayd *judaydī* – leur appel (aux armes) (se fait) avec les Āl Rāziḥ. Il observe: ils sont à l'avant-garde de Rāziḥ b. Khawlān. Il ajoute: «notre appel (aux armes) (nous les Jumā'a) (se fait) avec les Āl al-Muḥaqqiq, c'est-à-dire Lāḥiq b. Rashwān¹²», parce que ce sont des nomades campant avec les banū Jumā'a et des alliés»¹³.

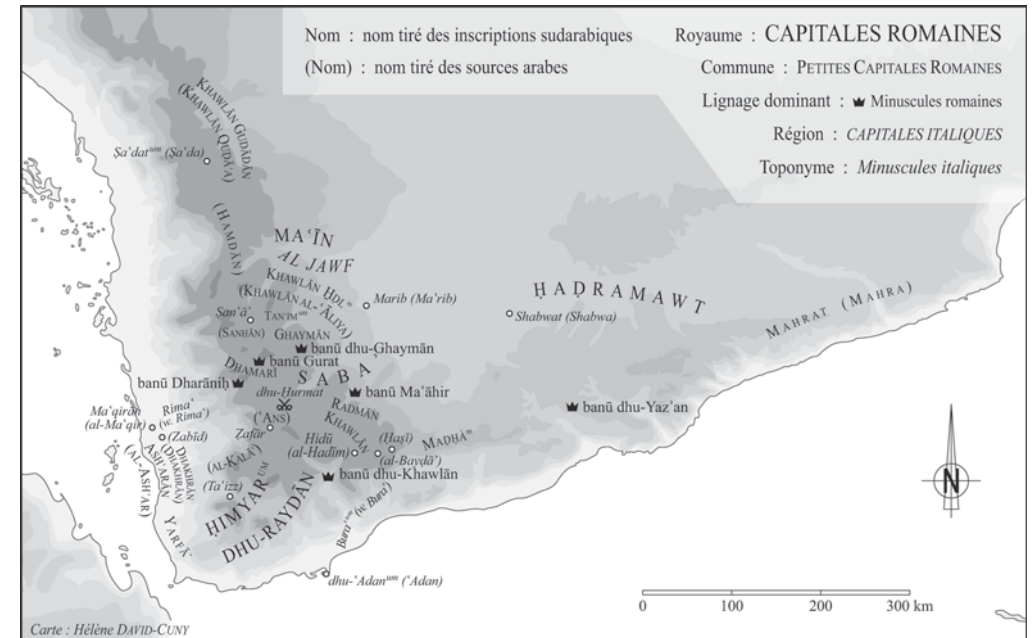

Fig. 3. Carte du Yémen antique

De ce texte alambiqué, on peut déduire que les al-Ajdūd, appelé aussi al-Judayda, entretenaient des relations étroites avec Rāziḥ b. Khawlān, sans lui être rattaché.

Une troisième opinion sur l'appartenance tribale des al-Ajdūd est donnée par al-Muslim b. 'Abbād al-Ukaylī, un membre des Ukayliyūn, le puissant lignage qui dirige la fraction Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān et domine Ṣa'da où il réside: «Rāziḥ représente les deux cinquièmes et plus de Khawlān. Il ajoute: al-Ajdūd, al-Anām, Ghanā, Rabī'a, Ma'an, Mālik, Munabbih, Marrān et Marwān; leurs chefs sont les banū 'Aqārib qui descendaient de 'Umar b. Rāziḥ»¹⁴.

À nouveau, il est suggéré que les al-Ajdūd sont une importante composante de Rāziḥ¹⁵.

Il apparaît donc que, vers le Xe siècle, Judād/al-Ajdūd était un groupe tribal plus ou moins formellement intégré dans Rāziḥ, une fraction de Khawlān¹⁶. On peut supposer que ces al-Ajdūd étaient les descendants du clan ou du lignage dirigeant de Khawlān dans l'Antiquité. *Gdd'*/*Gdd^m* serait le nom de l'ancêtre éponyme (arabe Judād), tandis que *Gdd'* et *'gdd'* seraient un pluriel de la *nisba* **gddy*¹⁷, nommant l'ensemble des membres de ce groupe (comme al-Ajdūd en arabe).

¹⁴ al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 350 – *Wa-qāla 'l-Muslim b. 'Abbād al-Ukaylī: Rāziḥ khumsā* [les 2 cinquièmes] *Khawlān wa-azyad. fa-qāl: al-Ajdūd wa-'l-Anām wa-Ghanā wa-Rabī'a wa-Ma'an wa-Mālik wa-Munabbih wa-Marrān wa-Marwān wa-sādātu-hum banū 'Aqārib wa-kāna hā'ulā'i banū 'Umar b. Rāziḥ.*

¹⁵ Al-Ḥamdānī mentionne des descendants à al-Ajdūd: 'Amr, Ḥarb et Shā'im (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 353).

¹⁶ La *nisba judādī* est attestée deux fois dans la liste des Khawlān-Quḍā'a qui participent à la conquête de l'Égypte d'après Ibn Mākūlā: voir Daghfous 1995: 919 («'Abd Allāh b. 'Asīd al-Khawlānī al-Judādī, du clan des Āl Judādī») et 920 («Zubayd b. Salama b. al-Ḥārith b. al-Mishkamī al-Ḥudādī, du clan des Ukhūdū; corriger Ḥudādī en Judādī et Ukhūdū en Ajdūd).

¹⁷ Cette *nisba* n'est pas attestée en sudarabique, mais elle l'est en arabe (voir ci-dessus n. 16).

⁸ Il s'agit aussi bien du territoire de Khawlān (al-Ḥamdānī *Ṣifa*) que de son histoire, de ses généalogies et de ses poètes (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1). Sur les généalogies de Khawlān, Ibn al-Kalbī est étonnamment muet: sans doute mentionne-t-il la tribu (qu'il dédouble), mais aucun descendant (Caskel 1966, I: tableaux 274 et 328).

⁹ Les Rāziḥ b. Khawlān, qui sont tous nomades (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 323), constitue la fraction la plus nombreuse de Khawlān, avec plus des deux cinquièmes de l'ensemble (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 350, cité ci-dessus). Leur territoire se trouve dans la chaîne des montagnes qui s'allongent du nord au sud, à une cinquantaine de kilomètres à l'ouest de Ṣa'da.

¹⁰ Il est appelé ailleurs Ibn Abī 'l-Ja'dī al-Jumā'ī (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 351).

¹¹ Ibn Abī 'l-Ja'd est présenté comme le savant (en matière de traditions et de généalogies) des banū Jumā'a ('*arīf banī Jumā'a b. Shurahbīl*), un rameau qui se rattachent à Hānī' b. Khawlān (comme l'indique al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 321-322, Jumā'a b. Shurahbīl al-Aṣghar b. Hilāl al-Aṣghar b. Shurahbīl b. Hilāl b. Hānī' b. Khawlān). Al-Ḥamdānī localise Hānī' b. Khawlān à quelques dizaines de kilomètres au nord-ouest de Ṣa'da. Cette fraction, entièrement nomade (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 321), possède Bawṣān (wādī de la *mudṭriyya* de Majz [à 25 km au nord-ouest de Ṣa'da]; al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 322; al-Maḥḥafī 2002: 204). Le territoire des banū Jumā'a, rameau de Hānī', comprend Rughāfa (village de la *mudṭriyya* de Majz à environ 40 km au nord-ouest de Ṣa'da et à 8 km au sud-sud-ouest d'Umm Laylā; al-Ḥamdānī *Ṣifa*: 114/17; al-Maḥḥafī 2002: 686) et Bawṣān (al-Ḥamdānī *Ṣifa*: 114/17). Un autre rameau de Hānī', Ḥudhayfa, est établi avec d'autres à Qaywān (canton du jabal Yasnam dans la région de Bāqim, à 60 km au nord-nord-ouest de Ṣa'da; al-Maḥḥafī 2002: 1313) et Anāfiya (al-Ḥamdānī *Ṣifa*: 114/119).

¹² Rashwān b. Khawlān est également une fraction de Khawlān entièrement nomade (al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 324). Son territoire est entremêlé avec celui de Hānī' (al-Ḥamdānī *Ṣifa*: 114/18).

¹³ al-Ḥamdānī *Iklīl* 1: 350 – *qāla lī Ibn Abī 'l-Ja'd, 'arīf banī Jumā'a b. Shurahbīl: da'wat al-Judayda wa-hum al-Ajdūd banī Judād wa-Judayd min al-Azd ayd^m, wa-'l-nisba ilā Judād judādī, wa-ilā Judayd judaydī, wa-da'watu-hum bi-Āl Rāziḥ, qāla: wa-hum anṣ Rāziḥ b. Khawlān, qāla: da'watu-nā bi-Āl al-Muḥaqqiq yurīdu Lāḥiq b. Rashwān, li-anna-hum hilāl la-banī Jumā'a wa-aḥlāf.*

Dans les textes arabes médiévaux, la Khawlān du Nord (celle de la région de Ṣa'da) est appelée Khawlān Quḍā'a ou Khawlān b. 'Amr¹⁸. D'un point de vue généalogique, elle est rattachée à Quḍā'a, une confédération tribale de l'Arabie du nord-ouest qu'Ibn al-Kalbī fait logiquement descendre de 'Adnān, l'ancêtre des Arabes du Nord. Il en va de même pour une autre tribu périphérique du Yémen, Mahra. On a l'impression que, au moment de la confection des généalogies, ces deux tribus ont été ostracisées par les Yéménites; en conséquence, elles auraient été rattachées arbitrairement à un genre de fourre-tout. Au Xe siècle, al-Hamdānī, dont les liens avec Khawlān sont très étroits, après un séjour de 20 ans à Ṣa'da (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 199), défend une version très différente qui est sans doute celle des savants de Khawlān. Le véritable ancêtre de Quḍā'a ne serait pas 'Adnān, mais Ḥimyar: la généalogie serait Quḍā'a b. Mālik b. 'Amr b. Murra b. Zayd b. Mālik b. Ḥimyar b. Saba' al-Akbar [«l'Ancien»] qui est 'Abd Shams. C'est pourquoi al-Hamdānī traite de Khawlān (Khawlān b. 'Amr b. al-Ḥāf [dans la poésie Ḥāf, ou encore Ilḥāf; al-Hamdānī *Iklīl* 1: 180] b. Quḍā'a) dans son ouvrage consacré à la généalogie de Ḥimyar (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 137 sv).

2. La première mention de la Khawlān du Nord

La plus ancienne mention assurée de la Khawlān du Nord se trouve dans Ja 601 et Ja 602, deux copies d'un même texte, qui remontent au règne de Watār^{um} Yuha'min fils d'Ilīsharaḥ Yaḥḍub, roi de Saba' et de dhu-Raydān vers 120-130 (voir Appendice, Textes 1 et 2). Elle apparaît dans le récit d'une campagne militaire «dans le pays de Khawlān Gudādān» ('*dy 'rd Ḥwl^m Gdd^m*'), destinée à soumettre «les communes Khawlān Gudādān» ('*s²bⁿ Ḥwl^m Gdd^m*').

La Khawlān qui est mentionnée dans deux textes plus anciens est probablement celle de l'Est. Le premier est Ṣirwāḥ 2B=RES 3946, qu'on peut dater vers 670 avant l'ère chrétienne. Dans ce document qui énumère les réalisations et les acquisitions du *mukarrīb* sabéen Karib'il Watār, on peut lire aux ll. 3-4: «(Le *mukarrīb*) ... acheta *Hdnⁿ*, clients de Ḥaḍarhumū dhu-Mf'l^m, et *Gbr^m*, clients de *Y'iq* dhu-Khawlān dhu-Yrrt et ⁽⁴⁾les ajouta à ses sujets Fayshān ...»¹⁹.

Dans l'identité de *Y'iq* dhu-Khawlān dhu-Yrrt, «dhu-Khawlān» indique probablement que ce *Y'iq* est le chef d'une commune Khawlān. S'il en est bien ainsi, ce ne peut être que la Khawlān de l'Est puisque toutes les acquisitions du *mukarrīb* sont faites dans des régions proches de Maryab (aujourd'hui Ma'rib).

Dans le second texte, RES 3022=B-Mur 257=M 247 (milieu du IVe siècle avant l'ère chrétienne), des négociants minéens rapportent qu'ils ont fait don aux divinités d'une section de l'enceinte de Yathill (aujourd'hui Barāqish): «... quand 'Athtar dhu-Qab^{um}, Wadd^{um} et Nakrah^{um} ont sauvé leurs personnes et leurs biens et les ont avertis lors des guerres qu'ont faites contre eux, leurs biens et leurs bêtes Saba' et Khawlān sur le chemin entre (le royaume de) Ma'in^{um} et Ragmat^{um} ...»²⁰.

Cette Khawlān mentionnée avec Saba' est certainement celle de l'Est, puisque seule cette dernière fait partie du royaume de Saba'. D'ailleurs, le chemin le plus naturel entre Ma'in^{um} et Ragmat^{um} (Nagrān) suit les piémonts orientaux de la montagne yéménite, après avoir contourné le jabal Lawdh, à l'extrémité nord-est du Jawf: il ne passe pas par la Khawlān du Nord.

On peut donc conclure que, avant l'ère chrétienne, la Khawlān du Nord n'apparaît pas dans les inscriptions. Elle est sans doute extérieure à l'ensemble culturel et politique constitué par les royaumes sudarabiques.

Cependant, il n'est pas exclu qu'elle ait été intégrée à cet ensemble à l'époque des *mukarrībs* de Saba' (VIIIe, VIIe et début du VIe siècle avant l'ère chrétienne): le *mukarrīb* Karib'il Watār intervient à Nagrān (Ṣirwāḥ 2A=RES 3945/18-20); par ailleurs, quelques inscriptions trouvées le long de la mer Rouge et en Éthiopie sont sabéennes et mentionnent parfois ces *mukarrībs*²¹. Mais si une telle intégration a eu lieu, elle fut de courte durée et n'eut pas, semble-t-il, d'effet durable²².

3. Une conquête sabéenne au Ier siècle de l'ère chrétienne ou au début du IIe siècle

Comme nous venons de le voir, vers 120-130, à la demande du roi de Saba', un prince sabéen effectue deux campagnes contre «les communes Khawlān Gudādān» qui ont mal agi avec leur souverain. Il mentionne ces expéditions dans deux textes identiques (Ja 601 et 602 = Appendice, Textes 1 et 2) gravés sur le socle de statuettes offertes au dieu Almaḡaḡ en remerciement pour son assistance.

La formulation relativement vague permet de supposer que Khawlān, sans doute soumise depuis quelque temps, s'est rebellée contre le roi en refusant, par exemple, de payer ses taxes ou de fournir des troupes ou de la main d'œuvre.

Le roi qui ordonne l'expédition est Watār^{um} Yuha'min fils d'Ilīsharaḥ Yaḥḍub. Il porte le titre de roi de Saba' et de dhu-Raydān. Mais, comme son père (réel ou fictif), il ne règne que sur Saba' puisque Ḥimyar (dhu-Raydān) a alors ses propres rois. On ignore quand il accède au trône, tout comme la durée de son règne, mais il n'est guère douteux que c'est pendant la première moitié du IIe siècle, probablement vers 120-130.

Le prince qui dirige les deux expéditions est Ilīrām Yaḡ'ar ibn Sukhaym^{um}. Il est à la tête de la commune Sam'ī, tiers dhu-Hagar^{um}, qui se trouve au nord-est de Ṣan'ā'. Cette commune est aussi appelée Yarsum, sans qu'on sache la signification ou la raison de cette double appellation (Robin 2013a: 198-199, et la carte 3; 266-267, pour la localisation de Yarsum).

Ce qui est reproché à Khawlān est assez vague: «des manquements [pour Beeston 1976: 30 – «acts of dissidence»] qu'ils avaient commis envers leurs ⁽⁹⁾seigneurs les rois de Saba'» (*b-ḥty' ḥḥt'w b-'m⁽⁹⁾r'-hmw 'mlk S'b*'). Le prince soumet la tribu et rentre en se félicitant d'avoir obtenu «réussite, succès et résultats heureux» (*wfy^m w-mqḥ^m w-mngt ṣdq^m*). On observera qu'il ne mentionne ni tués, ni captifs, ni butin. Il s'est donc agi d'une simple démonstration de force qui a ramené les rebelles à de meilleurs sentiments.

Ce texte nous apprend donc que, dans la première moitié du IIe siècle, Khawlān Gudādān est un territoire soumis au roi de Saba'. Mais ce n'est pas une composante du royaume de Saba', avec des princes ou des Hommes libres à sa tête. C'est une simple dépendance.

Il est vrai que, sous le règne de Wahab'il Yaḡuzz (vers 160-170), le nom de Khawlān apparaît dans la titulature des princes Bata'ides. Mais il est douteux qu'il s'agisse de celle du Nord (Appendice, entre les Textes 2 et 3, à la date «vers 160-170»).

¹⁸ On dit aujourd'hui Khawlān b. 'Āmir.

¹⁹ *w-s²m Ḥdnⁿ 'dm Ḥḍrhmw ḍ-Mf'l^m w-Grb^m 'dm Y'iq ḍ-Ḥwl^m ḍ-Yrrt w-⁽⁴⁾ys³f-mw ḥw-hw Fys²*.

²⁰ *ywm mt '-s'm w-'qny-s'm 'ttr ḍ-Qbd^m w-Wd^m w-Nkrḥ^m w-'mr-s'm bn 'db' db'-s'm w-'qny-s'm w-b'r-s'm S'b' w-Ḥwl^m b-ms'b' byn M'n^m w-Rgmt^m*.

²¹ Voir Ja 2892-2896 dans Jamme 1981: 95-97 et pl. 1; YMN 20 ('Abd Allāh 2004); *RIÉth* première partie.

²² Comparer avec le versant occidental de la montagne yéménite au nord de Ṣan'ā', qui a été intégré dans le royaume de Ḥimyar avant l'Islam, mais qui redevient étranger au Yémen entre le VIe et le XIe siècle comme l'a observé Robert Wilson (Wilson 1982).

On ignore à quelle date Khawlān Gudādān est devenue une dépendance de Saba'. Il paraît plausible que c'est peu avant 120-130, à savoir au Ier siècle de l'ère chrétienne ou au début du IIe, alors que le royaume de Saba' était encore uni à celui de Ḥimyar. Il n'est pas impossible que la conquête de Khawlān Gudādān ait été entreprise à la même époque que celle de Nagrān, même si la première mention d'un contrôle sabéen sur cette oasis ne date que de c. 175.

4. Khawlān sabéenne, menacée par les Ḥabashites (entre 160 et 190 environ)

Alors que la Khawlān du Nord vient de passer sous la tutelle de Saba', elle est menacée par une attaque des Ḥabashites, comme nous l'apprend l'inscription gravée sur un rocher, au centre de la forteresse ottomane d'Umm Laylā, dans le bilād Jumā'a, à 50 km au nord-ouest de Ṣa'da (Robin 1982-II: 2; al-Maqḥaḥī 2002-II: 1382-1383) (Robin-Umm Laylā 1 = Appendice, Texte 3). Le texte commémore la décision prise par «l'assemblée plénière de la commune Khawlān Gudādān, à savoir les *'hnb*, les *'bs'*, les *Ys²bmt* et tous leurs protégés, et la commune Abqūrān et *S²brqt'*» de s'opposer aux «Abyssins qui étaient arrivés dans leur pays», et donc, selon toute vraisemblance, de fortifier le jabal Umm Laylā.

La date de ce texte, qui est le seul à fournir des indications précises sur l'organisation interne de Khawlān, peut être située entre 160 et 190. Je mettrai en avant trois arguments. Le premier est la paléographie qui suggère une date relativement haute dans la période des rois de Saba' et de dhu-Raydān. On relèvera notamment le *rā'* plutôt anguleux; le *fā'* en losange; la grosseur dissemblable du *wā'* et du *'ayn*; la forme encore bien différenciée du *jīm* et du *lām*; et de manière plus générale l'allure encore rigide des lettres.

Le deuxième argument réside dans la mention d'une menace abyssine dans le nord du Yémen, ce qui implique une date qui se situerait approximativement entre 200 et 270, sans exclure les décennies qui précèdent (Robin 1989)²³.

Le troisième et dernier argument est l'invocation finale au «soutien de leurs seigneurs les rois de Saba' et les banī Sukhaym^{um}». La formulation suggère que les «rois de Saba'» (dont le titre peut être «rois de Saba'» ou «rois de Saba' et de dhu-Raydān») sont alors issus du lignage des banū Sukhaym^{um}²⁴, les princes de la commune Yarsum, aux abords nord-est de Ṣan'a'.

²³ La première mention des Ḥabashites datée par un règne se situe vers 200; mais il faut observer que les textes remontant aux décennies qui précèdent sont peu nombreux.

²⁴ On peut comparer l'expression *'mr⁽⁹⁾-hmw 'mlk S'b' w-bny S¹hy⁽¹⁰⁾m^m* avec *'mr'-hmw 'mlk S'b' w-bny d-Ryd^m* dont on a deux attestations et qui semble signifier «leurs seigneurs les rois de Saba' qui sont issus du lignage des banū dhu-Raydān» (CIH 315/9-10, sans mention de rois; Ir 8, par. 2, du règne de Wahab'il Yaḥuzz). Voir aussi RES 4775/4 (auteurs: Dhamar'alī Yuhabir fils de Yāsir^{um} Yuḥaṣḍiq et son fils Tha'rān rois de Saba' et de dhu-Raydān) avec l'invocation religieuse: «avec 'Athtar, ⁽⁴⁾Almaqah, Wgl et Sumūyada', avec les *shams* et les **mandah* des rois de Saba' et des banū dhu-Raydān», *b-itr⁽⁴⁾[w-]lmaq w-Wgl)w-S¹myd' w-b- 's²ms' w-mndht 'mlk S'b' w-bny d-Ryd^m*. Dans ce texte, les *shams* et les **mandah* sont clairement celles des rois de Saba' issus des banū dhu-Raydān. Dans un autre texte, Ir 40/5 (auteur Sharah'athat Ya'man ibn Dharāniḥ, maîtres du palais Aḥram, princes de la commune Dhamārī, fraction de Qasham^{um}; roi Shammar Yuhahmid, roi de Saba' et de dhu-Raydān), la signification de *'mlk S'b' w-bny d-Ryd^m* n'est pas aussi assurée: «a⁽⁴⁾près que l'a incendié et détruit Iḥsharāh Yaḥḍub roi de Saba', quand il y avait une guerre a⁽⁵⁾vec [ou : en⁽⁵⁾tre] les rois de Saba' et les banū dhu-Raydān et leurs armées (à eux deux) avant ce jour», *b⁽⁴⁾'dn dt dhr-hw w-hd' n 'ls²rḥ Yḥdb mlk S'b' b-ywm kwn dr^m by⁽⁵⁾nht 'mlk S'b' w-bny d-Ryd^m w-'hms'-hmy b-qdmy dn ywm^(m)*. L'expression peut signifier aussi bien «les rois de Saba' issus des dhu-Raydān» que «les rois de Saba'» d'une part et «les

Si cette analyse était exacte, l'inscription d'Umm Laylā ne pourrait pas dater des souverains qui se rattachent aux banū Bata' (Robin 2013a: 152-154), Rabbīshams^{um} Nimrān (vers 130-140?)²⁵ d'une part, Yarīm Ayman, 'Alhān Nahfān et Sha'r^{um} Awtar (qui règnent de 190 à 230 environ) d'autre part. L'inscription ne daterait pas davantage des rois Sa'dshams^{um} Asra' et Marthad^{um} Yuḥahmid (vers 140-160?) qui sont issus des banū Gurat²⁶. Elle remonterait à la seule dynastie qui reste, celle de Wahab'il Yaḥuzz (Wahab'il Yaḥuzz, Anmār^{um} Yuḥa'min et Karib'il Watār Yuḥan'im), qui se rattacherait donc aux banū Sukhaym^{um}, princes de Yarsum. Les rois de cette dynastie règnent de 160 à 190 environ avec le titre de «roi de Saba'», alors que les souverains antérieurs portaient le titre de «roi de Saba' et de dhu-Raydān», et que la dynastie suivante s'empare à nouveau de ce titre au début du règne de Sha'r^{um} Awtar.

Si l'inscription d'Umm Laylā date bien de la période 160-190, le début de l'intervention des Abyssins en Arabie serait donc un peu plus ancien qu'on ne le pensait.

L'inscription d'Umm Laylā nous éclaire aussi sur la structure tribale de la région de Ṣa'da vers la fin du IIe siècle. La commune Khawlān Gudādān réunit trois composantes, les *'hnb*, les *'bs'* et les *Ys²bmt*, dont c'est la seule mention dans les inscriptions antiques. Seuls les *'bs'* peuvent être identifiés avec l'un des groupes tribaux de la région, qu'al-Hamdānī mentionne au Xe siècle: les banū 'Abs, que certains généalogistes ajoutent à la liste des fils de Khawlān²⁷. Il faut supposer pour cela que *'bs'* est le pluriel d'une hypothétique *nisba* **'bs'y* tirée de **'bs'* = 'Abs. Ces 'Abs, que certains rattachent à Khawlān, sont installés dans la Tihāma dans le pays de Ḥakam (al-Hamdānī *Ṣifa*: 73/1 et 120/3)²⁸, un rameau de Madhḥij²⁹. Al-Hamdānī mentionne leurs descendants: Nahīk, 'Atīk et Zuhayr, tous des éponymes de clans (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 353). Le banū 'Abs existent encore aujourd'hui dans la même région (Cornwallis 1916: carte en début de volume).

Pour fortifier Umm Laylā, la commune Khawlān Gudādān reçoit le soutien de la commune Abqūrān et *S²brqt'*, qui peut être considérée comme une alliée. Cette commune, dont c'est la seule attestation dans l'Antiquité, survit à l'époque d'al-Hamdānī sous le nom d'al-Abqūr³⁰. Le Pays d'al-Abqūr peut être localisé au nord-ouest de Ṣa'da, approximativement

banū dhu-Raydān» d'autre part, selon que l'on rend *bynt* par «avec» ou par «entre». Pour la traduction de *bynht* par «avec», voir YM 18 307/6-7 (auteur, Rabbīshams^{um} Nimrān, roi de Saba' et de dhu-Raydān), «quand ils firent une expédition en territoire ḥimyarite lors de la guerre avec les rois de Saba' ⁽⁷⁾[et de dhu-Ray]dān», *b-kn s'b'w 'dy 'rd Ḥmyr^m b-dr kwn bynht 'mlk S'b' ⁽⁷⁾[w-d-Ry]d^m*. Voir aussi BynM 3 (auteur dont le nom est perdu; roi ^[D]*mr'ly Yhbr d-Ryd^m*): «[... les rois de Saba' et les banū dhu-Raydān avant c[e jour], [... 'm] (*l*)k S'b' w-bny d-Ryd^m b-qdmy d[n ywm^m].

²⁵ On peut supposer que le roi Rabbīshams Nimrān est d'origine bata'ide si on l'identifie avec *Rbs²ms^m Nmr^m ⁽⁷⁾[bn B]t[']* de CIH 164 de Hāz.

²⁶ Ja 568, 606, 607 et 753. Sur les banū Gurat, voir Robin 2013a: 160-161.

²⁷ Tous les généalogistes s'accordent sur le nom de sept fils de Khawlān: Ḥuyayy l'aîné, Sa'd qui a régné à Ṣirwāh, Riswān, Hānī, Rāzīh, al-Azma' et Ṣuḥār. Mais, «selon des généalogistes de Khawlān, Khawlān b. 'Amr eut d'autres fils que ceux que nous avons mentionnés: 'Abs b. Khawlān, Jābir b. Khawlān, Shamrān b. Khawlān, Ḥaraḍ b. Khawlān ..., Jundab b. Khawlān, 'Ashā b. Khawlān, Bāqir b. Khawlān et Ḥurrat b. Khawlān» (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 349).

²⁸ Il ne faut pas confondre les banū 'Abs de Ḥakam avec ceux de Zawf, installés entre Radā' et al-Bayḍā', qui se rattachent à Murād (al-Hamdānī *Ṣifa*: 93/11, 20, 22).

²⁹ Selon Ibn al-Kalbī, al-Ḥakam b. Sa'd al-'Ashīra b. Mālik [Madhḥij] (Caskel 1966: I, tableaux 176 et 266); selon al-Hamdānī, Ḥakam (sans article) b. Sa'd al-'Ashīra (al-Hamdānī *Ṣifa*: 113/7).

³⁰ Il faut distinguer les al-Abqūr de Khawlān de ceux de Yāfī' (al-Hamdānī *Ṣifa*: 98/1).

dans la région d'Umm Laylā puisque al-Hamdānī le place dans la *sarāt* (versant) qui part de Rughāfa et Bawṣān et s'étend vers le nord jusqu'à Dafā (al-Hamdānī *Ṣifa*: 114/20)³¹.

Le rattachement généalogique d'al-Abqūr ne fait pas l'unanimité. L'éponyme d'al-Abqūr est Bāqir comme l'indique explicitement al-Hamdānī³². Pour certains généalogistes de Khawlān, Bāqir serait un fils de Khawlān: en d'autres termes, la tribu se rattacherait à Khawlān (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 349)³³. Mais al-Hamdānī rapporte incidemment une autre hypothèse dans le commentaire d'un poème: al-Abqūr seraient un rameau d'al-Azd ou Azd Shanū'a³⁴.

Quant à *S²brqⁿ*, cet ethnonyme n'est plus attesté par la suite. On notera cependant qu'al-Hamdānī mentionne un toponyme Abrāq dans le wādī Baysh à quelques dizaines de kilomètres d'Umm Laylā (al-Hamdānī *Ṣifa*: 70/1, 115/2, 120/9); il n'est pas impossible que l'un de ces deux noms dérive de l'autre.

Le texte d'Umm Laylā n'évoque pas une autre tribu de la même région, Ṣuḥār^{um} qui, à l'époque d'al-Hamdānī, est une fraction de Khawlān établie à faible distance au nord-ouest d'Umm Laylā. Parmi les territoires relevant alors de Ṣuḥār b. Khawlān, on sait localiser Dafā et Qaywān (al-Hamdānī *Ṣifa*: 114/19), l'un et l'autre dans la région de Bāqim (voir les notes 31 et 11 respectivement).

Dans les inscriptions antiques, Ṣuḥār^{um} est citée à l'époque de Shammar Yuhar'ish avec la titulature courte, dans le récit d'une campagne dans Sahratān contre les communes dhu-Sahrat^{um} (à savoir) Daw'at, Ṣuḥār^{um} et Ḥurrat^{um}³⁵. Cette campagne, qu'on peut dater un peu avant 300, est donc postérieure de plus d'un siècle à l'inscription d'Umm Laylā. Shammar attaque ces tribus dans la vallée Ḍamad^{um} et les écrase à 'Akwatānhān, à la limite de Sha'mat. La vallée Ḍamad^{um} est l'actuel wādī Ḍamad qui se jette dans la mer Rouge à une quinzaine de kilomètres au nord de Jāzān (*Mawsū'a* 2003: 5, 416). Quant à 'Akwatānhān, c'est le nom antique de deux buttes jumelles, qu'on appelle aujourd'hui al-'Akwatān, c'est-à-dire les «Deux 'Akwa», ou le jabal 'Akwa al-yamānī et le jabal 'Akwa al-shāmī, qui se trouvent au nord-est de Ṣabyā, de part et d'autre du wādī Nakhlān, à une vingtaine de kilomètres au nord du wādī Ḍamad. La tribu Ṣuḥār^{um} est donc écrasée dans une bataille qui prend place à une centaine de kilomètres à l'ouest-nord-ouest d'Umm Laylā. Cette indication topographique n'interdit pas de supposer que, au IIIe siècle, Ṣuḥār occupait le même territoire qu'au Xe siècle.

³¹ Concernant Rughāfa et Bawṣān, voir ci-dessus, n. 11. Dafā est un wādī de la *mudrīyya* de Quṭābir (à 20 km à l'ouest de Bāqim, bourg qui est lui-même à 60 km au nord-ouest de Ṣa'da et à 78 km à l'ouest de Nagrān; al-Maqḥafi 2002: 615); il part du Yémen à quelque 80 km au nord-ouest de Ṣa'da et s'écoule en Arabie séoudite en direction du nord-nord-ouest; il passe au nord-est du jabal Fayfā' et se jette dans le wādī Baysh (qui a son embouchure à une vingtaine de kilomètres au nord de Jāzān) (*Mawsū'a* 2003: 5, 354). Voir aussi al-Hamdānī *Ṣifa*: 70/1.

³² Voir al-Hamdānī *Iklīl* 1: 344, où il signale que la *nisba* correspondant à al-Abqūr est «bāqirī» (voir ci-dessus, n. 34).

³³ Voir déjà ci-dessus, n. 27

³⁴ Voir al-Hamdānī *Iklīl* 1: 344 – «al-'Ashiyyān: tribus appartenant aux banū Sa'd b. Sa'd d'al-Azd qui sont al-Baqrā' et al-Abqūr ... (la *nisba* d'al-Abqūr est *bāqirī* et celle d'al-Baqrā' est *buqarī*)». Voir aussi p. 356: «quant à al-Buqrā', ils sont issus d'Azd Shanū'a, de même qu'al-Abqūr; quant aux banū Thawr, ils appartiennent à la descendance de Shahr b. al-Ḥijr b. al-Hinw [b. al-Azd] (Caskel 1966: I, tableau 176; concernant le territoire de Shahr b. al-Ḥijr, voir al-Hamdānī *Ṣifa*: 121/15-25, 122/16-19).

³⁵ *CIH* 407/18-19 (b-ly 's²b d-S'h⁽¹⁹⁾ w-Dw't w-Ṣhr^m w-Hrt). Concernant Daw'at et Ḥurra, voir ci-dessus, le paragraphe 11.

5. Khawlān en guerre contre Saba' sous le règne de 'Alhān Nahfān (vers 195-210)

Selon l'inscription *CIH* 308 = Appendice, Texte 4, le roi 'Alhān Nahfān (vers 195-210), qui a déjà associé son fils Sha'r^{um} Awtar aux affaires, conclut une alliance avec Gadarat, roi d'Abyssinie. L'inscription semble dater de la fin du règne, soit des années qui précèdent 210. À cette époque, Gadarat, qui est à l'origine du rapprochement, a déjà conquis de vastes territoires en Arabie. L'alliance de Saba' avec l'Abyssinie complète celle que Saba' a nouée auparavant avec le Ḥaḍramawt.

'Alhān profite de ces circonstances favorables pour rétablir son autorité sur Khawlān. Le chef de celle-ci, 'Ammī'anas b. Ṣinḥān, privé du soutien ḥabashite, se tourne vers le roi de Ḥimyar (simplement appelé «dhu-Raydān») à qui il envoie *S²bt* b. 'Aliyān.

Une campagne militaire contre Ḥaqlān – probablement Ḥaql Ṣa'da, la plaine de Ṣa'da³⁶ – suffit pour que les rebelles demandent le pardon du roi et livrent deux otages, Ashmās b. Raym^{um} et Ḥārith^{um} b. Yad^{um}.

Il est vraisemblable que le petit fragment Nāmī NNSQ 9 = Appendice, Texte 5, relate les mêmes événements puisqu'on y lit les noms de 'Ammī'anas et de Khawlān.

6. La guerre de Saba' contre Khawlān et d'autres tribus de Sahratān, peu avant que Sha'r^{um} Awtar associe son frère au trône (soit dans les années qui précèdent 225)

Le roi Sha'r^{um} Awtar, fils de 'Alhān Nahfān, juste après son expédition contre Qaryat^{um} dhāt Kahl^{um} (à quelque 300 km au nord-nord-est de Nagrān) et alors qu'il n'a pas encore associé son frère au trône, commémore une offrande au dieu Almaḡah dans le temple Bar'ān à Marib en remerciement pour ses victoires. La date est approximativement 225 ou un peu auparavant. Les vaincus sont «Khawlān, Ash'arān, Yarfā', Dhakhrān⁽⁷⁾ et un certain nombre d'unités de Sahratān, de Kiddat et de Qaryat^{um}» (DAI-Bar'ān 2000-1 = Appendice, Texte 6).

Ash'arān, arabe al-Ash'ar, est la grande tribu de la région où, à l'époque islamique, Zabīd est fondée. Dhakhrān est une fraction d'al-Ash'ar³⁷. Il est vraisemblable qu'il en va de même de Yarfā'³⁸. Pour les Sahratān, le texte emploie l'expression *d-bn 'ydw S'whrⁿ*, dans laquelle *'ydw* rappelle les «ayādī Saba'» des traditions arabo-islamiques (Ghassan el Masri dans Darles-Robin-Schiettecatte 2013: 67-69); quant à *S'whrⁿ*, à vocaliser probablement Sawāhīrān, c'est un pluriel de la *nisba* formée sur *d-S'hr^m* (voir aussi Ir 12 = Appendice, Texte 7, par. 1). Le texte mentionne donc des opérations dans Khawlān, sur le littoral méridional de la mer Rouge et dans la région de Qaryat dhāt Kahl^{um} (aujourd'hui Qaryat al-Fa'w).

Les mêmes campagnes sont mentionnées dans un autre texte, Ja 635, par un certain Ibn 'bl^m et *Yḥmdl*. Mais la liste des ennemis présente quelques différences: Ash'arān, Baḥr^{um} et

³⁶ Voir par exemple al-Hamdānī *Ṣifa*: 113/24 (Ḥaql Ṣa'da); al-Hamdānī *Iklīl* 10: 72 (al-Ḥaql). Voir aussi *RES* 3884/5 (b-brⁿ d-Ḥq[...]).

³⁷ Cette tribu peut être identifiée avec *Dhakhrān* b. Nājiya b. al-Jumāhir b. Nabt (*al-Ash'ar*) (Caskel 1966: I, tableau 273); voir aussi *Dhakhrān* b. *Qar'ab* b. Nājiya b. al-Jumāhir b. Nabt (*al-Ash'ar*) (Caskel 1966: I, tableau 273). Elle devait se trouver dans la même région qu'Ash'arān, à savoir du côté de Zabīd.

³⁸ Cette tribu, dont le nom apparaît entre celui de deux autres tribus de la Sahratān méridionale, Ash'arān (arabe al-Ash'ar) et *Dhakhrān* (arabe *Dhakhrān*, fraction d'al-Ash'ar) est à rechercher dans la même région qu'Ash'arān, à savoir du côté de Zabīd. Il s'agit probablement de la même tribu dans la titulature d'un *mukarrib* de Qatabān (*RES* 4328/4; 'Aqabat Bura' 1/2). Il ne semble pas qu'on puisse identifier *Yrf* avec la tribu médiévale de Yarfā, qui relève d'al-Azd, installée beaucoup plus au nord: voir al-Hamdānī *Ṣifa*: 121/11 et 122/22 (Yarfā b. 'Uthmān). Voir aussi Caskel 1966, I, tableaux 176-209 – Yarfā b. al-Hinw b. Dir' (al-Azd) (variantes Barqā et Yarfī).

leurs partisans, les Ḥabashites de Nagrān et leurs partisans, et Qaryat^{um} dhāt Kahl^{um}³⁹. À la place de Khawlān, on trouve donc Baḥr^{um}. On peut faire l'hypothèse que cette Baḥr^{um} est une fraction de Khawlān. De fait, al-Hamdānī connaît un groupe tribal de ce nom rattaché à Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān, la plus puissante fraction de Khawlān: Baḥr b. Zayd b. Arṭā' b. Shuraḥbi'l b. Ḥujr b. Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān-Quḍā'a (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 218). Ces banū Baḥr subsistent encore aujourd'hui (al-Maqḥafī 2002: 137 – «banū Baḥr»).

7. *Khawlān alliée des Ḥabashites, à l'offensive contre Saba' sous le règne de Sha'r^{um} Awtar (c. 210-230)*

Dans une inscription commémorant une offrande à Almaqah (Ir 12 = Appendice, Texte 7), un dédicant dont le nom de lignage est probablement «ibn Kibsiy^{um}» (voir FB-Maḥram Bilqīs 2 = Appendice, Texte 8) relate deux périodes militaires effectuées au service du roi Sha'r^{um} Awtar, fils de 'Alhān Nahfān (210-230 environ).

Durant la première, ordonnée par Sha'r^{um} Awtar régnant seul (entre 210 et 225 environ), le dédicant prend position sur la frontière occidentale de la commune Ḥāshid^{um}, menacée par les Ḥabashites et leurs alliés, les Sahratites et Khawlān. De son arrivée à la conclusion de la paix, les ennemis ne font qu'une seule incursion: ce sont 1100 Ḥabashites qui attaquent des Arabes dans la vallée dhu-Wa'r^{um} à l'ouest de Ḥāshid^{um}.

Dhu-Wa'r^{um} peut être identifié avec Wa'r, bourgade des banū Ṣawlān dans le jabal 'Akama, qui se trouve dans la *mudīriyya* d'al-Miftāḥ (15°57'39''N et 43°30'52''E) à 35 km au nord de Ḥajja⁴⁰. Il est plausible que cette bourgade conserve le nom de la vallée antique. C'est donc quelque peu à l'ouest de cette zone que se situait la frontière de Ḥāshid^{um} (et donc celle de Saba') avec la nébuleuse des tribus de Sahratān (encore appelée ici *S'whr^{um}*).

Avec 170 Arabes, le dédicant poursuit les assaillants et les rattrape à Ma'qirān dhu-Sahratān; il attaque leur camp, en massacre un certain nombre, fait 500 captifs et saisit de l'équipement. Ma'qirān est un bourg dans le wādī Rima', au nord de Zabīd⁴¹, à quelque 200 km au sud-sud-ouest de dhu-Wa'r^{um}. Ce passage présente l'intérêt de montrer que Ḥāshid^{um} a installé des Arabes sur ses frontières pour s'opposer aux incursions de ses turbulents voisins qui, eux, sont épaulés par les Ḥabashites.

La seconde période de service militaire est ordonnée par le roi Sha'r^{um} Awtar et par son frère Ḥayaw'athtar Yaḍa', sans titre, ce qui la situe vers 225 ou un peu auparavant. Le dédicant prend la tête d'une unité d'éclaireurs (*mns^{3rt}*) de l'armée royale (*hms'*) comptant 600 hommes pour attaquer les 'zd de deux chefs khawlānites qui s'appellent l'un Gaysh^{um}⁴² et l'autre Ḥarb^{um} fils de 'Aliyān.

Ce Gaysh^{um} est le père du chef khawlānite Ṣaḥb^{um} b. Gaysh^{um} (voir ci-dessous, Ja 577 = Appendice, Texte 9, texte postérieur de 15-20 ans). Quant à Ḥarb^{um} fils de 'Aliyān, ce pourrait être le frère *S'bt* b. 'Aliyān, l'ambassadeur que Khawlān avait envoyé à dhu-Raydān sous le règne précédent (*CIH* 308 = Appendice, Texte 4).

Le terme 'zd se trouve dans un autre texte, postérieur de quelques années, avec la graphie 'zwd (FB-Maḥram Bilqīs 2 = Appendice, Texte 8, «les 'zwd des Ḥabashites», 'zwd 'ḥbs^{2t}). Pouvant être défini soit par un nom de personne soit par un nom de population, il pourrait désigner des populations serviles, hypothétiquement des bergers ou des gardiens de troupeaux si on observe que les 'zwd des Ḥabashites sont l'objet de repréailles en réponse à des attaques contre les bovins du roi de Saba'. Le *Dictionnaire sabéen* traduisait 'zd par «troupes, contingents» et François Bron par «provisions, approvisionnement» (Bron 2012: 83 et 86).

Les 'zd des deux chefs khawlānites sont écrasés sur le plateau de Miḥrābān dans Ḥayrān dhu-Sahratān⁴³. Ḥayrān est sans doute le wādī Ḥayrān qui se jette dans la mer Rouge à 7 km au sud de Maydī (la ville côtière sur la frontière entre le Yémen et l'Arabie séoudite). Si c'est exact, *Mrḥbⁿ* ne peut pas être identifié avec Mirḥābān, toponyme d'al-Ahnūm (ou Hinwam), dans la région de Shahāra (Ibn al-Ḥusayn 1968: 780, voir aussi 774; et Wilson 1989: 294).

8. *Une campagne sabéenne contre les Ḥabashites dans le wādī dhu-Ḥaraḍ, ordonnée par le roi Laḥay'athar Yarkham (vers 230-234), avec une troupe qui compte des éléments originaires de Khawlān Gudādān*

En réponse aux attaques que les Ḥabashites lancent dans le wādī Sihām (qui se jette dans la mer Rouge à une dizaine de kilomètres au sud d'al-Ḥudayda) contre les serviteurs et les bovins du roi sabéen, un Ibn Kibsiy^{um}, prince de la commune Tan'im^{um} (Robin 2013a: 177-178, qui peut être identifié avec l'auteur du texte précédent (Ir 12 = Appendice, Texte 7), attaque les Ḥabashites dans le wādī dhu-Ḥaraḍ, à près de 200 km au nord du wādī Sihām (FB-Maḥram Bilqīs 2 = Appendice, Texte 8). Son armée se compose d'hommes originaires du Jawf (Nashshān), de la montagne (Ḥāshid^{um} et Tan'im^{um}) et de Khawlān Gudādān, ainsi que d'Arabes.

Le fait que des éléments de Khawlān participent à cette expédition ne signifie pas que toute la tribu soit soumise à l'autorité du roi sabéen Laḥay'athar Yarkham (vers 230-234). Il s'agit sans doute de groupes qui ont été séduits par la perspective de pillages et qui s'engagent à titre personnel. On peut trouver de multiples exemples de situations comparables dans les sources historiques, tout particulièrement pour la Khawlān du Nord au Xe siècle: à l'époque de l'imām al-Hādī ilā 'l-Ḥaqq Yaḥyā b. al-Ḥusayn (898-911), on trouve dans Khawlān autant de soutiens de l'imām que d'adversaires (notamment les Ukayliyyūn) (al-'Alawī 1972; Van Arendonk 1960).

On peut se demander si le wādī dhu-Ḥaraḍ (aujourd'hui Ḥaraḍ; il se jette dans la mer Rouge à une dizaine de kilomètres au nord de Mīdī) se trouve en territoire de Khawlān. C'est plausible sans être sûr. À l'époque d'al-Hamdānī, Ḥaraḍ est la frontière entre Khawlān et Hamdān (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 349). Mais Ḥaraḍ a des liens avec Khawlān puisque selon certains généalogistes, il est l'un de ses «fils» (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 349; ci-dessus, n. 27). Si dhu-

⁴³ A.F.L. Beeston traduisait *Ḥyrⁿ d-S'hrⁿ* par «nomadic areas of the Sarāt» (Beeston 1976: 24).

³⁹ Ja 635/22-26, «contre Ash'arān, Baḥr^{um} et ceux de leur parti, contre la région de la ville de Nagrān (24) contre l'armée des Abyssins et ceux de leur parti et contre la ville de Qaryat^{um} dhāt Kahl^{um}» (*b- 'ly 's² 'rⁿ w-Bḥr^m w-d-kw⁽²³⁾ [n k] wn-hmw w- 'dy ḥlf hgrⁿ Ngrⁿ (24) [b- 'ly] y ḍb 't 'ḥbs^{2t} w-d-kwn kw⁽²⁵⁾ n-hmw w- 'dy hgrⁿ Qryt^m dt Khl⁽²⁶⁾ m*).

⁴⁰ Voir al-Maqḥafī 2002: 1879 et le site de la Toile «Geonames» pour les coordonnées d'al-Miftāḥ.

⁴¹ Arabe al-Ma'qir: voir al-Hamdānī *Ṣifa*: 54/1, 72/5, 119/19, 188/17; et voir al-Maqḥafī 2002: 1581 (ville ancienne dans le wādī Rima').

⁴² La seule vocalisation attestée chez Ibn al-Kalbī (Caskel 1966) est Jaysh. A.F.L. Beeston vocalise ce nom «Gayyāsh»: on connaît de fait un prince najāhīde de Zabīd au Yémen, Abū 'l-Ṭāmī Jayysāh b. Najāḥ, mort en 1105 (498 h; Sayyid 1974: 96-97).

Ḥarāḍ était khawlānite dans l'Antiquité, cela signifierait que le roi de Saba' a fait appel à des Khawlānites pour attaquer les Abyssins occupant le territoire d'autres Khawlānites.

**9. Campagne sabéenne contre Khawlān; Ibn Hamdān et dhu-Ghaymān tue le chef Ṣaḥb^{um}
b. Gaysh^{um} dont il rapporte la tête et les mains (entre c. 235 et 253)**

Dans une très longue inscription du temple Awām de Marib, les rois sabéens Ilīsharāḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān commémorent l'offrande de neuf (ou sept) statuettes d'argent à Almaḡah pour le remercier de son aide dans toute une série d'épreuves et d'opérations militaires (Ja 576+577). Cette inscription qui ne mentionne pas la victoire de dhu-Ḥurmat est certainement antérieure à juillet 253, date d'un texte rédigé peu après la bataille.

Les rois de Saba' sont alors en guerre non seulement contre Ḥimyar au sud, mais aussi contre les Ḥabashites et leurs alliés à l'ouest et au nord. Dans leur lutte contre ces derniers, ils font porter leurs efforts sur Nagrān, déjà occupée par les Ḥabashites sous le règne de Sha'ar^{um} Awtar (Ja 635 déjà évoquée ci-dessus, paragraphe 6). Après de violents affrontements, ils en reprennent le contrôle et installent un gouverneur sabéen à la place du ḥabashite (Ja 577/8-15⁴⁴). C'est sans doute alors qu'ils envoient Ibn Hamdān et dhu-Ghaymān pour reconquérir Khawlān. Le chef Ṣaḥb^{um} b. Gaysh^{um} est défait et tué. Sa tête et ses mains sont rapportés comme trophées (Ja 577/6-8 = Appendice, Texte 9).

10. Un gouverneur sabéen à Ṣa'dat^{um} (entre 235 et 255 environ)

Une femme nommée Ltwf fait une offrande à Almaḡah dans le temple Awām à Marib en remerciement parce que son mari, Ibn Bata', est revenu en bonne santé «de la ville de Ṣa'dat^{um} et du pays de Khawlān Gudād^{um}» où il était gouverneur (Ja 2109 = CIAS 39.11/03 n° 8 = Appendice, Texte 10) pour les rois Ilīsharāḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān. La mention de ces deux rois implique une date postérieure à c. 235 et antérieure à c. 255.

11. Des banū Sukhaym^{um} chargé par le roi de rétablir l'ordre dans les communes et les tribus de Khawlān (entre 260 et 275 environ)

Sous le règne de Nasha'karib Ya'man Yuharḥib (de 260 à 275 environ), Khawlān connaît encore des désordres. Des officiers du roi, issus des banū Sukhaym^{um}, «princes de la commune Yarsum de Sam'ī, le tiers dhu-Hagar^{um}», font une offrande à Almaḡah dans le temple Awām de Marib après le succès de leur mission dans «les communes et les tribus de Khawlān» (Ja 616 = Appendice, Texte 11). Khawlān finit par se soumettre et remet en otages ses chefs ('ḥrr, «hommes libres») qui sont amenés à Ṣan'ā'.

Lors de cette même mission, alors que les Sukhaymides se trouvaient dans la ville de Rḥbm^m du pays de Khawlān (non identifiée), une troupe comptant 26 cavaliers et 300 hommes appartenant à Yarsum, à la garde du roi (nḡr mlkⁿ) et à Khawlān se heurte aux tribus de Daw'at ('s²b Dw'^t⁴⁵) dans Sahratān. Les Sukhaymides énumèrent treize de ces tribus. Daw'at est donc une vaste — et sans doute puissante — confédération tribale. À l'époque d'Ibn al-

Kalbī, en revanche, il n'en subsiste qu'un groupe minuscule qui se rattache à al-Ḥakam: Dawwa b. Ḥurab b. Sufyān [= Mazza] b. Silhim b. al-Ḥakam b. Sa'd al-'Ashīra b. Mālik [= Madhḥij] (Caskel 1966: I, tableau 266). Il est intéressant de souligner une curieuse inversion: dans l'antiquité, Ḥakam^{um} est une fraction de Daw'at tandis que, à l'époque islamique, Dawwa est un rameau d'al-Ḥakam. Si une telle inversion ne s'observe que rarement, il est fréquent qu'un groupe d'importance majeure soit réduit à un rameau secondaire: voir par exemple la puissante commune préislamique Radmān qui devient un rameau de Murād (Radmān b. Nājiya b. Murād – Caskel 1966: I, tableau 271).

Parmi les treize tribus appartenant à la fédération Daw'at (Il. 23-26, bn 's²r Dw'^t (24) 's²rt 'b's' w-'yd^m w-Ḥkm^m w-Ḥdgnt w-Ḡmd^m w-K⁽²⁵⁾hl^m w-'hlny w-Gdlt w-S'bs^m w-Ḥrm^m w-Ḥgr Lmd w-(26) 'wm^m w-Rḡhtⁿ bn Ḥrt), plusieurs sont identifiées de façon assurée dans la zone du 'Asīr et plus loin vers le nord:

— Ḥakam^{um} (Ḥkm^m): fraction de Daw'at qui devient un rameau de Madhḥij à l'époque islamique, al-Ḥakam b. Sa'd al-'Ashīra b. Mālik [= Madhḥij] (Caskel 1966: I, tableau 266), ou Ḥakam (sans article) b. Sa'd al-'Ashīra (al-Hamdānī *Ṣifa*: 113/7), dont le territoire est borné au sud par le wādī Mawr (qui se jette dans la mer Rouge à 100 km au nord d'al-Ḥudayda) et au nord par 'Athr (à 40 km au nord-ouest de Jāzān) (al-Hamdānī *Ṣifa*: 119/24-120/8).

— Ḥidginat (Ḥdgnt): fraction de Daw'at qui devient un rameau d'al-Asd (ou al-Azd, Azd Shanū'a) à l'époque islamique, Ḥidjina b. 'Amr b. Dir' [= al-Azd] (Caskel 1966: I, tableau 176).

— Ghāmid^{um} (Ḡmd^m): fraction de Daw'at qui devient, à l'époque islamique, un rameau d'al-Azd, 'Amr [= Ghāmid] b. 'Abd Allāh b. Ka'ab b. al-Ḥārith b. Ka'b b. 'Abd Allāh b. Mālik b. Naṣr b. Dir' [= al-Azd] (Caskel 1966: I, tableaux 210 et 218); c'est aujourd'hui une importante région d'Arabie saoudite, entre Zahrān et 'Asīr, à 350 km au nord-ouest de Nagrān.

— Ahl-Nāh ('hlny): ce nom d'apparence énigmatique peut être identifié avec Nāh, rameau d'al-Azd qu'al-Hamdānī mentionne avec Ghāmid. Voir al-Hamdānī *Ṣifa*: 70/23 (*thumma sarāt Nāh min al-Azd*) et 211/5 (*wa-ammā man sakana al-sarawāt fa-'l-Ḥijr b. al-Hinw wa-Lahib wa-Nāh wa-Ghāmid*).

— Gadīlat (Gdlt): fraction de Daw'at qui devient, à l'époque islamique, un rameau d'al-Ḥakam: Jadīla b. Ḥurab b. Sufyān [= Mazza] b. Silhim b. al-Ḥakam b. Sa'd al-'Ashīra b. Mālik [= Madhḥij] (Caskel 1966: I, tableau 266). Dans cette généalogie, Jadīla est le «frère» de Dawwa.

— Ḥarīm^{um} (Ḥrm^m): fraction de Daw'at qui devient, à l'époque islamique, Ḥarīm b. Ju'fī b. Sa'd al-'Ashīra b. Mālik [= Madhḥij] (Caskel 1966: I, tableaux 258, 266 et 268).

— Ḥaḡūr Lmd et Awām^{um} (Ḥgr Lmd et 'wm^m): la mention jointe de Ḥaḡūr Lmd et d'Awām^{um} permet une identification assurée avec Ḥajūr b. Aslam b. 'Alyān b. Zayd b. 'Arīb b. Jusham b. Ḥāshid ... b. Hamdān et avec Awām b. Ḥajūr (al-Hamdānī *Iklīl* 10: 97-99). Lmd est un nom de tribu (ḥzb) ḥabashite dans al-Mi'sāl 5/11.

— *Radḡatān b. Ḥurra (Rḡhtⁿ b. Ḥrt): le nom de Ḥurra se trouve également dans *CIH* 407/19, Ja 649/17 et Ja 658 [Appendice, Texte 13] /21. À l'époque islamique, Ḥurra est devenu un groupe d'importance mineure que certains généalogistes rattachent à Khawlān (Ḥurra b. Khawlān – al-Hamdānī *Iklīl* 1: 349) ou à 'Abs («Ḥarah» b. 'Abs – al-Hamdānī *Iklīl* 1: 357).

Ces tribus sont poursuivies en aval des wādīs dhu-Ba'rān, Khulab et Tiddaḡān (Il. 26-27, 'wdytⁿ (27) ḡ-B'rⁿ w-Ḥlb w-Tdhⁿ) et subissent de lourdes pertes.

Le wādī Khulab (voir aussi YMN 20/1 et 'Abadān 1/25), qui porte toujours le même nom aujourd'hui, se jette dans la mer Rouge à 35 km au sud-sud-est de Jāzān.

⁴⁴ Voir aussi une allusion dans Ja 579/8.

⁴⁵ Cette confédération tribale est également mentionnée dans deux inscriptions légèrement postérieures, *CIH* 407/19 et Ir 17, par. 3 (règne de Shammar Yuhar'ish roi de Saba' et de dhu-Raydān, entre c. 287 et c. 300).

Dhu-Ba'rān (arabe al-Bār) est un affluent du wādī Khulab (al-Hamdānī *Ṣifa*: 73/12 – *thumma wādī Khulab ... wa-ma'ātī-hi min al-Qufā'a wa-'l-Bār*; voir aussi al-Hamdānī *Ṣifa*: 69/25). Selon Muḥammad al-Akwa', al-Bār est aujourd'hui un site en ruine, à l'ouest de Rāziḥ (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 357, n. 3). À l'époque d'al-Hamdānī, c'était la résidence des banū Sa'd de Rāziḥ (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 357). Pour une localisation approximative, voir la carte dépliant dans von Wissmann 1970 entre les col. 912 et 913.

Quant à Tiddahān (voir aussi Ir 17, par. 3, lieu d'un affrontement avec la tribu 'Akk^{um}), c'est un wādī à rechercher dans la région de Jāzān. L'identification avec l'actuel wādī Tindaḥa du 'Asīr, qui passe à 10 km à l'est de Khamīs Mushayṭ et s'écoule vers le nord où il se jette dans le wādī Bīsha, qui se perd lui-même dans le Najd (*Mawsū'a* 2003: 5, 301, N18°33' E42°44'25'' et N18°23' E42°50'; Cornwallis 1916: carte en début de volume; al-Jāsir 1977: 46, qui vocalise «Tindiḥa»), fait difficulté. Le wādī Tindaḥa est éloigné de Jāzān et des régions côtières; il est inattendu comme champ de bataille contre la tribu 'Akk^{um} dont l'habitat antique, médiéval et contemporain est la Tihāma; enfin, il se trouve dans une région que n'a pas encore atteinte l'expansion sabéenne et ḥimyarite au IIIe siècle. Al-Hamdānī distingue «Tindiḥa/Tandaḥa» qui est «la source des wādīs de Jurash» (al-Hamdānī *Ṣifa*: 118/14) de «Tindāḥa» (avec un *ā* long) qui part de Jurash et se dirige «vers le pays des banū Nahd et Khath'am à l'est et au nord» (al-Hamdānī *Ṣifa*: 119/4); aucun des deux ne semble convenir.

12. Un gouverneur sabéen en poste à Ṣa'dat^{um} pendant 40 ans (de 270 à 310 environ)

Un noble sabéen issu de l'antique lignage dhu-Ḥazfar^{um} (Robin 2013a: 173-174) fait une offrande au dieu Almaḡah dans son temple Awām de Marib pour le remercier, entre autres faveurs, d'être revenu en bonne santé de la ville de Ṣa'dat^{um} dans le pays de Khawlān après y avoir servi le roi Shammar Yuhar'ish comme gouverneur ('*qb*) pendant quarante ans (Sharaf 31 = Appendice Texte 12). Pendant toutes ces années, le dieu lui a accordé des pluies satisfaisantes et une période de paix.

L'inscription qui est rédigée alors que Shammar règne encore date certainement de l'extrême fin du règne, vers 310. Si on accordait une valeur précise au chiffre «quarante», elle suggérerait que Shammar a été associé au trône par son père vers 270, soit quelques années avant 275, date de la première attestation.

13. Nouvelle opération de rétablissement de l'ordre (entre 287 et 311, plus ou moins quelques années)

Deux frères, appartenant au lignage des banū dhu-Ḥufn^{um} et dhu-Dhanam (Robin 2013a: 172-173), princes de la commune Ayfa' (non localisée), manifestent leur reconnaissance à Almaḡah dans le temple Awām de Marib parce que le dieu les a exaucés dans les guerres faites au service du roi Shammar Yuhar'ish (avec la titulature longue au moment de la dédicace) dans le pays de Khawlān Agdūdān (Ja 658 = Appendice, Texte 13). L'un d'eux a pris position dans la ville de Ṣa'dat^{um} pour soumettre les tribus de Khawlān Agdūdān, puis a attaqué les tribus de Ṣinhān dans la vallée Dafa'. Les deux princes enfin participent à une campagne dans Sahratān et Ḥarratān qui les amènent dans la vallée 'Itwad où ils affrontent la tribu *Nashad'il (*Ns'd'l*).

Les tribus de Ṣinhān (l. 15, '*s'r S³nhⁿ*'), dont l'attaque est rapportée par ce texte, sont attestées également dans *CIH 537+RES 4919* = Louvre 121 [Appendice, Texte 15] /3 (*S³nhⁿ*). À l'époque islamique, Ṣinhān est considérée comme l'un des six groupes qui constituent Janb

b. Yazīd b. Ḥarb b. 'Ula b. Jald b. Mālik [*Madhḥij*] (Caskel 1966: 1, tableaux 258+265). Son territoire se trouve alors sur les hauteurs d'où descend notamment le wādī Rīm (à 110 km au nord-nord-ouest de Jāzān – *Mawsū'a* 2003: 5, 374; al-Hamdānī *Ṣifa*: 73/25). Vers le XIIe siècle, elle a fait souche au sud de Ṣan'a' où elle existe encore aujourd'hui (Robin 1999: 35-36). De nos jours, la Ṣinhān du Nord est une fraction de Qaḥṭān qui compte de nombreux rameaux; son territoire (qui est limité au sud par Wāda'a, au nord par Shurayf et Bishr, à l'ouest par Janb et à l'est par Shurayf) est le wādī Rāḥa (17°46'N 42°57'E), affluent du wādī Baysh à une quinzaine de kilomètres au nord du wādī Dafā (al-Jāsir 1980: 319).

Les tribus de Ṣinhān sont attaquées dans la vallée Dafa' (l. 15, '*s'r Df*'). C'est aujourd'hui Dafā, un wādī qui vient du Yémen et s'écoule en Arabie séoudite en direction du nord-nord-ouest, à une centaine de kilomètres à l'ouest de Nagrān (voir ci-dessus, n. 31).

La campagne se poursuit dans Ḥarratān (l. 21, '*Hrtⁿ*'). Grâce à la mention du wādī 'Itwad (l. 22, '*twd*'; voir aussi Ir 17, par. 3) qui se jette dans la mer Rouge à 85 km au nord-nord-ouest de Jāzān (*Mawsū'a* 2003: 5, 427), il est possible d'identifier Ḥarratān, arabe al-Ḥarra, avec la Ḥarra de Kināna (à quelque 130 km au nord-nord-ouest de Jāzān): dans sa description de la Péninsule, al-Hamdānī mentionne successivement le *mikhlaḥ* 'Athr dont l'un des wādīs est 'Itwad (al-Hamdānī *Ṣifa*: 120/8-10), puis le *balad* Ḥirām de Kināna où se trouve «al-Ḥarra, Ḥarrat Kināna» (al-Hamdānī *Ṣifa*: 120/12-13, voir aussi 70/20 et 160/25).

Les tribus de Nashad'il (ll. 21-22, '*s'r N⁽²²⁾s²d'l*') ne sont pas autrement attestées. Cet ensemble tribal n'est plus connu à l'époque islamique.

14. L'intégration dans le domaine des banū Sukhaymid^{um}, qui ajoutent Khawlān à la liste de leurs possessions (entre 360 et 375 environ)

Entre 360 et 375 environ, deux Sukhaymides font une offrande au dieu Almaḡah pour le remercier d'avoir pu mener à bien une importante réfection de la Digue de Marib (Ja 671+788 = Appendice, Texte 14). Pour la première fois, le nom de Khawlān apparaît de manière assurée dans une titulature princière: «[Sharah'athat Ashwa' et son] fils ⁽²⁾Mar[thad^{um}] As'ar banū Su[kh]⁽³⁾aym^{um} maī[tres du palai]s Raymān, princes des deux commu⁽⁴⁾nes Yarsum de Sam'ī, le tiers de Haga⁽⁵⁾r^{um}, et Khawlān Gudādātān». Cela signifie que Khawlān est considérée, désormais, comme une commune sudarabique à part entière, et non plus comme une simple dépendance.

Un siècle plus tard, en août 472, [Khawlān] Gudād^{um} est à nouveau mentionnée dans la titulature de princes Sukhaymides (dont le nom est perdu), qui commémorent des adjonctions à leur palais Raymān (*CIH 537+RES 4919* = Louvre 121 = Appendice, Texte 15).

Essai de reconstruction chronologique

Avant 130 environ	Conquête de Khawlān par Saba'.
Entre c. 120 et 130 (T1 et 2)	Révolte de Khawlān, postérieure à la conquête mentionnée ci-dessus.
Avant 175 environ	Conquête de Nagrān par Saba'.
Entre 160 et 190 environ (T3)	Khawlān, sous domination sabéenne, s'organise pour résister aux Ḥabashites.
205-210 environ (T4 et 5)	Khawlān, qui est attaquée par Saba', a retrouvé son autonomie, sans doute avec le soutien des Ḥabashites. On peut même se

- demander si cette commune (de même que Nagrān) n'a pas fait appel aux Ḥabashites pour contrer l'expansionisme de Saba'. Le chef de Khawlān est alors 'Ammī'anas b. Šinhān. Il envoie S'bt b. 'Aliyān auprès du roi de Ḥimyar pour obtenir de l'aide. Khawlān se soumet finalement à Saba' et livre deux otages, Ashmās b. Raym^{um} et Ḥārith^{um} b. Yad^{um}.
- Entre 210 et 225 environ (T6) Nouvelle guerre sabéenne contre Khawlān, probablement dans les années qui précèdent 225. Un texte qui relate les mêmes événements (Ja 635/22) remplace Khawlān par Baḥr^{um} (un rameau de Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān à l'époque d'al-Hamdānī).
- Entre 210 et 225 environ (T7) Khawlān, alliée aux Ḥabashites et aux Sahratites, participe à une incursion dans les zones occidentales de Ḥāshid^{um}, à dhu-Wa'r^{um}. Saba' recourt aux Arabes pour résister à de telles incursions. Expédition contre les 'zd (gardiens de troupeaux?) de deux chefs khawlānites qui s'appellent l'un Gaysh^{um} et l'autre Ḥarb^{um} b. 'Aliyān.
- Vers 230-234 (T8) Campagne sabéenne contre les Ḥabashites dans le wādī dhu-Ḥaraḍ, avec une armée qui comporte des éléments issus de Khawlān Gudādān.
- Entre c. 235 et 253 (T9) Vers l'époque où les rois sabéens reprennent le contrôle de Nagrān, reconquête de Khawlān par Ibn Hamdān et dhu-Ghaymān, qui tue le chef Ṣaḥb^{um} b. Gaysh^{um}.
- Entre 235 et 255 environ (T10) Rabībnasī^{um} Awḥash ibn Bata' est nommé gouverneur de Ṣa'dat^{um} et du pays de Khawlān par les rois Ilīsharaḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān.
- Entre 260 et 275 environ (T11) Des princes sukhaymides sont chargés de rétablir le calme dans Khawlān; ils ramènent ses chefs ('ḥrr) en otages à Ṣan'ā'. Lors de cette même mission, ils font une incursion dans Sahratān où ils se heurtent à treize tribus de Daw'at en aval des wādīs dhu-Ba'rān, Khulab et Tiddaḥān; leur troupe compte des éléments originaires de Khawlān.
- De 270 à 310 environ (T12) Ibn Ḥazfar^{um}, gouverneur de Ṣa'dat^{um} dans le pays de Khawlān pendant 40 ans, se félicite d'avoir joui de la paix durant la totalité de l'exercice de cette charge.
- Entre 287 et 311 (T13) Un membre des dhu-Ḥufn^{um} et dhu-Dhanam, princes de la commune Ayfā', prend position dans la ville de Ṣa'dat^{um} pour soumettre les tribus de Khawlān Agdūdān.
- Entre 360 et 375 environ (T14) Pour la première fois, Khawlān est mentionnée dans une titulature princière, celle des Sukhaymides. Elle est désormais considérée comme une commune sudarabique.
- Août 472 (T15) [Khawlān] Gudād^{um} est encore mentionnée dans la titulature princière des banū [Sukhaym^{um}].
- Vers 575 Le roi Sayf ibn dhī Yazan confie la défense de Ṣa'da à des Ḥimyarites, originaires du jabal Ṣabir (près de la moderne Ta'izz). Ce

sont notamment deux frères qui se nomment Maymūn et al-Ḥuṣayn (des «qayls avec lesquels Sayf Abū Murra [ibn dhī Yazan] porta secours au pays de Khawlān lors de la guerre de Khawlān avec les Hawāzin et les banū Sulaym», al-Hamdānī *Iklīl* 2: 118; voir aussi al-Hamdānī *Iklīl* 1: 328). Ils y fondent une petite principauté réunissant les Ḥimyarites de Ṣa'da et Khawlān. L'assassinat d'al-Ḥuṣayn par Murr b. 'Āmir⁴⁶ provoqua la première guerre entre Sa'd b. Sa'd b. Khawlān et Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān (al-Hamdānī *Iklīl* 2: 130). Maymūn est le grand-père de Muḥammad b. Abān al-Khanfarī, l'auteur du «Document de Khawlān (*Sijill Khawlān*)».

B. Khawlān et les banū Sukhaym^{um}

Dans cette esquisse du passé préislamique de la Khawlān du Nord, il est frappant que le nom des banū Sukhaym^{um} revienne si fréquemment.

1. Le rôle des banū Sukhaym^{um} dans la conquête de Khawlān

Au IVe siècle, la Khawlān du Nord devient une possession des Sukhaymides, princes de Yarsum. Ce changement est signalé par l'ajout de Khawlān à leur titulature.

C'est l'aboutissement d'interventions répétées dans ce territoire, comme le montre l'identité des auteurs des inscriptions qui évoquent la conquête et la pacification de Khawlān. Ce sont tout d'abord trois rois sabéens du IIIe siècle:

- 'Alhān Nahfān et son fils Sha'r^{um} Awtar: *CIH* 308 = Appendice, Texte 4;
- Sha'r^{um} Awtar: *DAI-Bar'ān* 2000-1 = Appendice, Texte 6;
- Ilīsharaḥ Yaḥḍub: *Ja* 577 = Appendice, Texte 9; pour la réduction de Khawlān, ce roi envoie son officier, le prince Nawf^{um} ibn Hamdān et dhu-Ghaymān.

Ce sont des banū Sukhaym^{um}, au IIe siècle et à la fin du IIIe siècle:

- Ilīrām Yag'ar ibn Sukhaym^{um}: *Ja* 601 et *Ja* 602 = Appendice, Textes 1 et 2;
- Wahab'awām Y'ḍf, son frère Yad^{um} Yadram et ses fils Ḥamā'athat Az'ad, Abīkarib As'ad et Sukhaym^{um} Yaz'an banū Sukhaym^{um}: *Ja* 616 = Appendice, Texte 11.

À ces textes, il faut ajouter Umm Laylā 1 = Appendice, Texte 3, qui invoque «les rois de Saba' et les banū Sukhaym^{um}» (apparemment entre 160 et 190). Un dernier texte, fragmentaire, peut être joint au dossier: selon *Ja* 575/2, un Ibn Sukhaym^{um} dont le nom personnel est perdu (... b/|n S'ḥym^m) commande, avec 'Aliyān ibn *Yaqna'am, une expédition dans le Yémen occidental, au sud de Khawlān.

Ce sont enfin des Sabéens appartenant à quatre lignages différents:

- Des banū dhu-Ḥufn^{um} et dhu-Dhanam: *Ja* 658 = Appendice, Texte 13 (roi: Shammar Yuhar'ish);
- Ibn Bata': *Ja* 2109 = *CIAS* 39.11/03 n° 8 = Appendice, Texte 10 (rois: Ilīsharaḥ Yaḥḍub et son frère Ya'zil Bayān);

⁴⁶ On peut l'identifier avec Murr b. 'Āmir dhī Sukhaym (mentionné dans al-Hamdānī *Iklīl* 1: 282) qui relevait probablement des dhī Sukhaym de Yarsum (al-Hamdānī *Iklīl* 1: 294).

— Ibn Ḥazfar^{um}: Sharaf 31 = Appendice, Texte 12 (roi: Shammar Yuhar'ish);

— Ibn Kibsiy^{um}: Ir 12 = Appendice, Texte 7 (roi: Sha'r^{um} Awtar) et FB-Maḥram Bilqīs 2 = Appendice, Texte 8 (roi: Laḥay'athat Yarkham).

Les graffites inédits de la région de Ḥimā (à une centaine de kilomètres au nord-est de Najrān) qui ont été copiés en 1951-1952 par la Mission Philby-Ryckmans-Lippens⁴⁷ confirment le rôle des Sukhaymides dans la région. Les grands lignages sabéens dont on relève le nom sont tout d'abord les dhu-Gadan^{um} (20 fois) et les dhu-Thu'lubān (12 fois), qui ont autorité sur l'oasis de Nagrān; Sukhaym^{um} vient ensuite avec six mentions⁴⁸, devant Saḥar (2), dhu-Aqyān (1), Hamdān (1), Ma'āhir (1) et Su'rān (1).

Il est manifeste que les banū Sukhaym^{um} ont joué un rôle important dans la conquête et la pacification de Khawlān. Mais il est vrai qu'ils ne furent pas les seuls intervenants. Sous le règne d'Ilīsharaḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān (IIIe siècle), Ṣa'dat^{um} et Khawlān Gudād^{um} ont un gouverneur (*āqib*) issu des banū Bata' (Rabībnasr^{um} Awḥash ibn Bata': Ja 2109 = Appendice, Texte 10/6-7). Un demi-siècle plus tard, c'est un Ibn Ḥazfar^{um} à qui le roi Shammir Yuhar'ish confie le gouvernement de Ṣa'dat^{um} pendant 40 ans (Sharaf 31 = Appendice, Texte 12).

2. L'empreinte des banū Sukhaym^{um} dans l'histoire islamique de Khawlān

Aux premiers siècles de l'ère chrétienne, les banū Sukhaym^{um} sont les princes d'une commune appelée Yarsum (ou dhu-Hagar^{um}) qui s'étend au nord-est de Ṣan'ā', entre le bourg de Shibām-al-Ghirās et le col d'al-Farḍa. Cette Shibām est d'ailleurs appelée dans les textes médiévaux Shibām-Sukhaym (al-Hamdānī *Iktlīl* 8: 83).

Au IVe siècle, les banū Sukhaym^{um} prennent le titre de princes de Yarsum et de Khawlān Gudādātān: on peut en déduire que la Khawlān du Nord, précédemment une simple dépendance, est désormais intégrée au royaume ḥimyarite.

À Ṣa'dat^{um} (arabe Ṣa'da), chef-lieu de Khawlān, la domination sukhaymide a laissé une trace durable: des éléments de la commune Yarsum s'y implantent et font souche. On les retrouve au Xe siècle, à l'époque d'al-Hamdānī (mort après 970), alors que la commune Yarsum a disparu de la région de Ṣan'ā': «Ṣa'da: elle est habitée par les Ukayliyyūn issus des Āl Rabī'a b. Sa'd l'Aīnē b. Khawlān et par Yarsum⁴⁹, un conglomerat de tribus originaires d'al-Kalā', de Hamdān, de Sa'd b. Sa'd, du reste des clans de Khawlān et d'autres, plus un lignage des al-Abnā'⁵⁰» (al-Hamdānī *Ṣifa*: 114/12-15)⁵¹.

⁴⁷ Nous nous fondons sur les planches qui ont été préparées par Gonzague et Jacques Ryckmans et qui sont conservées dans le Fonds Gonzague et Jacques Ryckmans de l'Université de Louvain-la-Neuve, éventuellement complétées par les relevés de la Mission franco-séoudienne de Najrān (depuis 2007).

⁴⁸ R 1999, 2001, 2005, 2012 (?) et 2530.

⁴⁹ La vocalisation «Yursam» retenue par l'éditeur, D.H. Müller (ainsi que par O. Löfgren dans son édition d'*Iktlīl* [al-Hamdānī *Iktlīl* 1 Löfgren: 118/2] et par la carte Robin-Brunner 1997) suppose un passif ou une forme factitive. On ignore si le saba'ique avait un passif; quant à la forme factitive, elle serait orthographiée *Yhrs'm et non Yrs'm. Il semble préférable de vocaliser Yarsum; c'est d'ailleurs la forme retenue par Muḥammad al-Akwa' dans al-Hamdānī *Iktlīl* 2: 2/3 et 3/1.

⁵⁰ Les Abnā' sont les descendants des Perses sāsānides qui occupèrent le Yémen des années 570 à 630: voir Zetterstéen-Lewis 1960: 104-105. Le terme, qui signifie littéralement «des fils», a été utilisé dans divers contextes pour désigner des «immigrés de la seconde génération» comme le signale A.F.L. Beeston (1976: 3, où

Des précisions supplémentaires sont données dans la généalogie de Ḥimyar, qui traite de Khawlān: «(Ces deux savants) furent interrogés à propos des al-Adīm de Khawlān. Ils répondirent: «C'est un groupe qui n'a pas une ascendance charnelle, comme Tanūkh, un groupe dans lequel entrèrent des al-Azd et des Iyād, et comme Yarsum, un groupe composé de treize lignages qui ont pris le nom de Yarsum d'après Yarsum b. Kathīr et d'après Yarsum la première (*Yarsum al-ūlā*)». 'Abd al-Malik b. Yaḥnam précise: «À l'origine de Yarsum, il y a trois lignages. Ce sont al-*Umayrāt de la descendance de Murr dhū Sukhaym, et deux autres lignages de la vieille Yarsum de Ḥimyar. Dans Yarsum, on compte un lignage des Āl *Dhuwād qui relèvent des al-Abnā', un lignage de Hamdān, (plus précisément) de Ḥāshid, un lignage d'al-Khawli, un lignage des banū Hilāl, un lignage de Kināna, un lignage des banū Ḥanīfā, un lignage des gens de Nagrān, un lignage de Madhḥij, un lignage de Quḥāfā qui relève de Khath'am et un lignage de 'Uwayr'. À leur propos, voici ce que dit Rifā'a b. Abān: 3 vers. De ce fait, l'appel (aux armes) de Yarsum va aux banū Sa'd b. Sa'd b. Khawlān. Celui qui ignore ce qu'ils sont croit qu'ils appartiennent à Khawlān, alors qu'il n'y a pas parmi eux de Khawlānites sauf les Khawliyyūn» (al-Hamdānī *Iktlīl* 1: 294-295 [= al-Hamdānī *Iktlīl* 1 Löfgren: 118])⁵².

Il n'est pas difficile de comprendre ce qui s'est passé. À l'origine, la Yarsum de Ṣa'da était composée de Yarsumites de Shibām al-Ghirās que les banū Sukhaym^{um} avaient implantés au cœur de la Khawlān du Nord pour assurer leur sécurité et contrôler ce territoire. On connaît divers exemples comparables. Le plus significatif est offert par les tribus actuelles des environs de Ṣan'ā', Hamdān, Sinḥān et banū 'l-Ḥārith, qui ont leur origine aux environs de Nagrān (Robin 1999: 35-36).

Après l'écroulement du pouvoir sukhaymide à Ṣa'da, probablement à l'époque de Sayf ibn dhī Yaz'an (c. 575), la Yarsum de Ṣa'da a survécu en devenant l'ensemble tribal auquel se rattachaient tous les groupes qui ne relevaient pas de Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān (et de leurs chefs les Ukayliyyūn). C'est pourquoi Yarsum répond à l'appel aux armes des banū Sa'd b. Sa'd b. Khawlān, la tribu jumelle de Rabī'a b. Sa'd b. Khawlān, mais aussi son ennemie jurée. Al-Hamdānī signale un phénomène comparable à Ṣan'ā': «Ṣan'ā' est partagée entre les Shihābites et les al-Abnā'. Ceux qui sont nizārites y rejoignent les Abnā'; quant aux gens du pays et à ceux qui sont qaḥṭānites, ils rejoignent les banū Shihāb»⁵³.

il relève ce terme dans un ouvrage d'al-Jāhiz appliqué à des troupes 'irāqiennes d'ascendance non arabe). Le terme se trouve aussi dans les inscriptions: voir Ir 12 = Appendice, Texte 7, par. 2, 'bnw 'rb'.

⁵¹ Ṣa'da sākinu-hā al-Ukayliyyūn min Āl Rabī'a b. Sa'd al-Akbar b. Khawlān wa-Yarsum (Müller, *Yursam*) jīmā' (ou jummā') qabā'il min al-Kalā' wa-min Hamdān wa-min Sa'd b. Sa'd wa-min bāqī buṭūn Khawlān wa-ghayri-hā wa-fi-hā bayt min al-Abnā'. Voir aussi al-Hamdānī *Ṣifa*: 124/23 – «Noms des agglomérations dont la population se compose de deux parties antagonistes ... Ṣa'da, entre Ukayl et Yarsum» (*asmā' al-qurā al-latī yakūnu aḥlu-hā juz'ayn mutaḥaddayn ... Ṣa'da bayna Ukayl wa-Yarsum*).

⁵² Inna-humā su'alā 'an Adīm min Khawlān fa-qāla: huwa jummā' laysa min wuld al-ṣulb, kamā Tanūkh jummā' mimma dakhala 'alay-hā min al-Azd wa-Iyād, wa-kamā Yarsum jummā', wa-hiya thalāthat 'ashar bayt^{um} tarassamat 'alā Yarsum b. Kathīr, wa-'alā baqiyyat Yarsum al-ūlā. Wa-qāla 'Abd al-Malik b. Yaḥnam: aṣl Yarsum thalāthat abyāt wa-hum: al-*Umayrāt min wuld Murr dhū Sukhaym, wa-baytān ākhirān min Yarsum al-qadīma min Ḥimyar, wa-fi Yarsum bayt min Āl *Dhuwād min al-Abnā', wa-bayt min Hamdān min Ḥāshid, wa-bayt min al-Khawli bi-fath al-khā' wa-taskān al-wāw wa-kasr al-lām, wa-bayt min banī Hilāl, wa-bayt min Kināna, wa-bayt min banī Ḥanīfā, wa-bayt min ahl Najrān, wa-bayt min Madhḥij, wa-bayt min Quḥāfā min Khath'am, wa-bayt min 'Uwayrwa-fi-him yaqūlu Rafā'a b. Abān: 3 vers. Wa-da'wat Yarsum ma'a dhālika ilā banī Sa'd b. Sa'd b. Khawlān, fa-yazunnu-hum al-jāhil bi-him anna-hum min Khawlān, wa-laysa fi-him min Khawlān illā 'l-Khawliyyūn.

⁵³ Ṣan'ā' bayna 'l-Shihābiyyīn wa-'l-Abnā' wa-yadkhulu man tanazzara bi-hā ma'a 'l-Abnā' wa-yadkhulu ahl al-balad wa-man taqaḥṭana bi-hā ma'a banī Shihāb (al-Hamdānī *Ṣifa*: 124/20-21).

Conclusion

Le rôle des banū Sukhaym^{um} dans la conquête de la Khawlān du Nord rappelle celui d'autres lignages dans l'expansion territoriale de Saba' et de Ḥimyar.

Ibn Gadan^{um} ou dhu-Gadan^{um}

À Nagrān, c'est le nom des banū Gadan^{um} (Robin 2013a: 158-159) qui revient régulièrement entre le IIe et le VIe siècle.

Avant l'ère chrétienne, l'oasis est indépendante avec ses propres rois. Vers 175 environ, un aristocrate sabéen issu du lignage de Gadan^{um} rédige une inscription pour commémorer la construction d'un bassin (al-Ukhdūd 35). C'est la plus ancienne preuve que les Sabéens exercent le pouvoir dans l'oasis.

L'autorité dont les banū Gadan^{um} sont investis à Nagrān est à nouveau explicitement mentionnée dans un texte de date incertaine, sans doute le IIe ou le IIIe siècle de l'ère chrétienne d'après la graphie. Deux clients des banū Gadan^{um} font une offrande à Almaḡah maître de Shab'ān à Nash-q^{um} (aujourd'hui al-Bayḡā' dans le Jawf) pour remercier le dieu «d'être revenus en bonne santé⁽⁷⁾ de la ville de Zīrbān et de sa vallée Na⁽⁸⁾grān quand leur ont ordonné leurs seigneurs les banū Gadan^{um} d'exercer la charge d'administrateur aux ordres⁽¹⁰⁾ des banū Gadan^{um} à Nagrān⁽⁵⁴⁾».

Au IVe siècle, le Gadanide Sa'adta'lab Yatluḡ, qui commande les auxiliaires arabes du roi ḥimyarite, dirige une armée qui compte également des Nagrānites, ce qui peut s'expliquer par le fait qu'il a autorité sur l'oasis⁽⁵⁵⁾.

Un peu plus d'un siècle plus tard, une nouvelle mention du rôle des Gadanides est plus allusive. Un texte hagiographique en langue guèze, le *Martyre d'Azqīr*, relate la première répression anti-chrétienne dans l'oasis de Nagrān sous le règne de *Sarābhīl Dānkāf*⁽⁵⁶⁾. On reconnaît aisément dans ce nom le roi ḥimyarite Shuriḡbi'l Yakkuf, qui règne de 468 à 480 environ. Le *Martyre d'Azqīr* indique que l'oasis est alors dirigée par *za-Sā'lābān* et *za-Qēfān*, à savoir dhu-Thu'lubān (Robin 2013a: 203-204) et dhu-Qayfān. Si on consulte les ouvrages qui traitent de la généalogie des Arabes, on découvre que dhu-Qayfān, qui n'est pas attesté dans les inscriptions, est un rameau de dhu-Gadan^{um} (Robin 2010: 90-94).

Enfin, lors de la crise des années 520, le nom de dhu-Gadan^{um} apparaît logiquement dans les inscriptions de la région de Nagrān (Robin 2008: 7, 10 etc.; 2013a: 158-159 et 209-214). Mais il est désormais un vassal de dhu-Yaz'an, comme le montre la titulature des princes yaz'anides⁽⁵⁷⁾.

Ces diverses mentions de l'autorité exercée à Nagrān par les Gadanides⁽⁵⁸⁾ n'impliquent pas qu'ils sont les seuls détenteurs du pouvoir. Le *Martyre d'Azqīr* mentionne aussi dhu-Thu'lubān,

lignage dont le nom revient fréquemment dans les inscriptions et les graffites de la région⁽⁵⁹⁾. Selon la Tradition arabo-islamique, c'est d'ailleurs un membre de ce lignage nommé soit Daws dhū-Thu'lubān (Ibn Hishām *Sīra*: 37-38; traduction – Guillaume 1955: 18-19) soit Nawf dhū-Thu'lubān (Nashwān 1916: 15, racine T'LB; voir aussi Nashwān 1958-59: 157/13), qui va réclamer l'aide du négus d'Aksūm après le massacre des chrétiens de Nagrān par le roi Joseph⁽⁶⁰⁾.

Dhu-Yaz'an

Pour la conquête ḥimyarite de l'Arabie déserte, on considère d'ordinaire que le principal acteur a été la tribu arabe de Kinda (saba'ique Kiddat). La tradition arabo-islamique relate en effet que les rois de Kinda régnèrent sur l'Arabie centrale et orientale. Mais, à y regarder de plus près, cette présentation est trompeuse. La conquête de l'Arabie déserte est entreprise au IVe siècle par les princes du Ḥaḡramawt occidental, les banū Yaz'an ou Yaz'anides.

L'inscription de 'Abadān, datée de juillet 360, relate douze campagnes militaires que dirigent ou auxquelles participent les dhu-Yaz'an (Robin 2012: 90-93). Ce sont les ancêtres du fameux Sayf ibn dhī Yaz'an du VIe siècle qui fit appel aux Perses sāsānides pour chasser les Aksūmites du Yémen. Plusieurs de ces campagnes ne dépassent pas la périphérie du Yémen. Les plus lointaines atteignent l'Arabie orientale, centrale et occidentale, à savoir l'oasis de Yabrīn (Arabie orientale, à 250 km au sud-ouest de l'actuel Qaṭar, campagne n° 4); peut-être le territoire de la tribu Iyādh^{um} (arabe Iyād) en Arabie du nord-est (campagne n° 6); enfin l'Arabie centrale et occidentale (campagnes n° 8 et 12). Ces 4e, 6e, 8e et 12e campagnes qui atteignent diverses parties de l'Arabie déserte peuvent être datées respectivement de c. 340, de c. 345, de c. 350 et des années qui précèdent 360.

La composition des troupes commandées par les Yaz'anides est intéressante: ce sont les communes (c'est-à-dire les tribus sédentaires) sur lesquelles ces Yaz'anides ont autorité à l'ouest et au sud du Ḥaḡramawt, auxquelles se joignent des contingents fournis par la principauté arabe de Kiddat (arabe Kinda), qui inclut Madhḡij^{um} (arabe Madhḡij) et Murād^{um} (arabe Murād)⁽⁶¹⁾.

La finalité de ces expéditions militaires répétées dans diverses régions de l'Arabie déserte n'est pas indiquée. Le texte ne déclare pas explicitement qu'elles sont entreprises sur l'ordre

⁵⁹ Ce sont une inscription du site d'al-Ukhdūd (Twitchell 3) et une douzaine de graffites de la région de Himā (voir ci-dessus B.1).

⁶⁰ Afin d'être complet, il faut rappeler que, vers 240, l'inscription Ja 577/13 mentionne l'installation d'un gouverneur ('qb) nommé par les rois sabéens, après la reconquête de Nagrān occupée par les Habashites. Mais elle n'indique pas si ce gouverneur est issu des banū Gadan^{um}.

⁶¹ Deux arguments permettent d'affirmer que Madhḡij^{um} est une dépendance de Kiddat à partir du règne d'Ilišarah Yaḡḡub (c. 235 – c. 260). Le premier est que, dans la seconde moitié du IIIe siècle, la titulature des rois de Kiddat inclut Madhḡij^{um}. Le second argument est que, par la suite, jamais Madhḡij^{um} (ou l'une de ses fractions) n'est évoquée sans que Kiddat – qui est devenue une principauté intégrée dans l'empire ḥimyarite – le soit d'abord. Noter cependant qu'Ilišarah Yaḡḡub, vers la fin de son règne (puisque l'auteur de 'Inān 75 invoque ce roi sans son frère), dépêche encore un ambassadeur au roi de Madhḡij^{um}: la tribu aurait donc conservé dans un premier temps une certaine autonomie. Le cas de Murād^{um} est un peu moins clair. Ce sont les généalogistes arabes qui nous disent que, à l'aube de l'islam, Murād est l'un des «fils» de Madhḡij ou, si l'on préfère, que Murād était l'une des fractions de Madhḡij, avec Jald, 'Ans et Sa'd al-'Ashīra. En remontant dans le temps, toutes les mentions de Murād^{um} qui se trouvent dans des inscriptions ḥimyarites mentionnent la fourniture de troupes auxiliaires. Or ces auxiliaires sont toujours mentionnés après ceux de Kinda et de Madhḡij. On peut donc en conclure que Murād^{um} était déjà étroitement associée à Madhḡij. Voir déjà Robin 2012: 90-93.

⁵⁴ YM 28 805, ... t'wln b-wfy^{(7)m} bn hgrⁿ Zrbⁿ w-s'r-hw N^{(8)grⁿ} b-kn wqh-hmw 'mr'-hm⁽⁹⁾w bny Gdn^m l-tsfⁿ b-qht⁽¹⁰⁾bny Gdn^m b-Ngrⁿ ...

⁵⁵ Ir 32/13, «pour que parte(nt) en campagne⁽¹¹⁾ et fasse(nt) la guerre Sa'dta'lab dhū-Gadan^{um} et qu'il prenne la tête de la commune⁽¹²⁾ Saba', gens de Marib, et des Arabes du roi de Saba', à savoir Kidda⁽¹³⁾, Nagrān et Suflān», k-l-ys'b'm⁽¹¹⁾ w-db' S'dt'lb d-Gdn^m w-l-yqt^{dmn} s²b^{(12)m} S'b' 'b'l Mrb w-'rb mlk S'b' w-Kd⁽¹³⁾t w-Ngrⁿ w-S'fⁿ.

⁵⁶ Voir en dernier lieu Robin 2010: notamment p. 80-97.

⁵⁷ La plus ancienne mention de la vassalité des Gadanides se trouve dans l'inscription MAFRAY-Abū Thawr 4, datée de juin 486.

⁵⁸ Il faut enfin signaler que le nom du lignage Gadan^{um} a été relevé dans une vingtaine de graffites de la région de Himā, à 100 km au nord-nord-est de Najrān (voir ci-dessus B.1).

du roi. Il ne mentionne ni soumission de tribus ni installation de garnisons. Cependant, il semble difficile d'imaginer que les Yaz'anides se lancent dans des expéditions risquées, loin de chez eux, sans l'assentiment du roi de Ḥimyar. D'ailleurs, pour ce dernier, la conquête de nouveaux territoires contribuait au rétablissement de la paix intérieure (après plusieurs siècles de conflits internes) en offrant aux élites tribales, qui accordent une considération toute particulière aux activités guerrières, un dérivatif à l'extérieur.

Une inscription royale, postérieure de quelques 80 années à celle de 'Abadān, gravée sur la paroi rocheuse d'une vallée aride, à Ma'sal al-Jumḥ, à 200 km à l'ouest de la moderne al-Riyāq, au cœur de l'Arabie séoudite, confirme de façon allusive le rôle des banū Yaz'an. Les rois ḥimyarites Abīkarib As'ad et son fils Ḥaṣṣān Yuha'min: «ont fait graver cette inscription dans le wād⁽⁵⁾ Ma'sal Gumḥān, quand ils sont venus et ont pris possession du Pays⁽⁶⁾ de Ma'add^{um} lors de l'installation de garnisons fournies par certaines de leurs communes, avec leur commune⁽⁷⁾ Ḥaḍramawt et Saba' – les fils de Marib –, les cadets⁽⁸⁾ de leurs qayls, les (plus) jeunes de leurs officiers, leurs ag⁽⁹⁾ents, leurs chasseurs et leurs troupes, ainsi qu'avec leurs Arabes,⁽¹⁰⁾ Kiddat, Sa'd, 'Ulah et H...»⁶².

On notera que sont mentionnés en premier, dans l'inventaire des deux forces sur lesquelles les rois se sont appuyés, le Ḥaḍramawt (c'est-à-dire les banū Yaz'an) et Kiddat, ce qui s'accorde parfaitement avec les données de l'inscription de 'Abadān. La conquête de l'Arabie centrale a bien été l'affaire des princes Yaz'anides et de leurs tributaires arabes, la tribu de Kinda.

La date de l'inscription de Ma'sal al-Jumḥ se situe entre 400 et 450, plutôt vers la fin de cette fourchette. Abīkarib a régné fort longtemps puisqu'il est déjà associé au trône par son père en janvier 384 et qu'il gouverne encore en août 433, soit 50 ans plus tard. Quant à la première mention de son successeur, son fils Shuriḥbi'l Ya'fur, elle remonte à janvier 456.

Le lien qui lie les banū Yaz'an aux Kindites s'observe encore vers le milieu du VIe siècle. La grande inscription dans laquelle le roi Abraha célèbre ses réussites – la stabilisation et la reconnaissance internationale de son régime – à l'occasion de travaux de réfection sur la Digue de Marib, mentionne la réduction d'une révolte de Kinda au Ḥaḍramawt. Cette révolte est dirigée par le Kindite Yazīd ibn Kabshat (Robin 2012: 83): «(Abraha) a écrit cette inscription après que se soit⁽¹⁰⁾ révolté et ait violé son serment Yazīd⁽¹¹⁾ ibn Kabshat, son gouverneur, qu'il avait⁽¹²⁾ nommé sur Kiddat, alors que (cette tribu) n'avait pas⁽¹³⁾ de gouverneur. Il s'est révolté ...»⁶³.

Lors de cette révolte, Kinda est logiquement soutenue par ses alliés traditionnels, les Yaz'anides du Ḥaḍramawt: «(Yazīd ibn Kabshat) s'est révolté et, avec lui,⁽¹⁴⁾ les princes de Saba', les Saḥarides (*Ashūrān*) Murrat,⁽¹⁵⁾ Thumāmat, Ḥanash^{um} et Marthad^{um}, ainsi que Ḥa⁽¹⁶⁾ nīf^{um} dhu-Khalīl et les Yaz'anides (*Az'unān*), les princes⁽¹⁷⁾ Ma'dīkarib b. Sumyafā' et Ha'ān⁽¹⁸⁾ et ses frères, banū Aslam»⁶⁴.

⁶² ... rḡdw ḡn mḡqā' b-wād⁽⁵⁾yⁿ M's'l Gmḥⁿ k-s'ḡb'w w-hllw 'rd⁽⁶⁾ M'd^m (b-)mw nzl^m bn 's'ḡb-hmw w-b-s'ḡb-h⁽⁷⁾mw Ḥḍrmwt w-S'ḡb' [w-]bny Mrb w-ḡ(ḡ)rt⁽⁸⁾ 'qwl-hmw w-(ḡ)lm [kl] mḡwt-hmw w-'t⁽⁹⁾ly-hmw w-ḡyḡ-hmw w-qbd-hmw w-b-'rb-h⁽¹⁰⁾mw Kdt w-S'ḡ(ḡ)d w-(ḡ)lh w-H.[?] (Ma'sal 1 = Ry 509/4-10).

⁶³ w-s'ḡtrw ḡn ms'ndⁿ k-q⁽¹⁰⁾s'd w-hllf b-gzmⁿ Yzd⁽¹¹⁾bn Kbs't hlft-hmw ḡ-s⁽¹²⁾ḡlḡfw 'ly Kdt w-d' kn⁽¹³⁾l-hw hlftⁿ w-ḡs'd ... (Sadd Ma'rib 5 = CIH 541/9-13).

⁶⁴ w-ḡs'd w-'m-hw⁽¹⁴⁾ 'qwl S'ḡb' 's'ḡhrⁿ Mrt w-(15)Tmmt w-Hns^m w-Mrt^m w-H⁽¹⁶⁾nḡ^m ḡ-Hll w-'z'nⁿ 'qwl⁽¹⁷⁾ M'dkrb bn S'myf' w-H'n⁽¹⁸⁾w-'ḡwt-hw bny 's'lm (Sadd Ma'rib 5 = CIH 541/16).

Ibn Sukhaym^{um} comparé à Ibn Gadan^{um} et à dhu-Ya'zan

Après avoir analysé le rôle des Sukhaymides dans la conquête de la Khawlān du Nord et rappelé celui des Gadanides à Nagrān et des Yaz'anides dans l'Arabie déserte, l'idée s'impose que les rois de Ḥimyar ne sont pas à la tête des armées de conquête. Ils confient ce rôle à certains de leurs vassaux. Mais, manifestement, le succès des armes crée des droits à diriger les territoires conquis. C'est ainsi qu'on peut expliquer le rôle prépondérant des Sukhaymides dans la Khawlān du Nord, des Gadanides à Nagrān et des Yaz'anides dans l'Arabie déserte.

On peut supposer, cependant, que les rois de Ḥimyar les plus puissants s'opposaient à cette pratique et cherchaient à restreindre l'autonomie de leurs grands vassaux: le fait que, sous Shammar Yuhar'ish, d'éminentes fonctions dans la commune Khawlān furent confiées à des personnages qui ne sont pas issus des banū Sukhaym^{um} en serait une illustration.

Si on compare les positions acquises par les Sukhaymides et les Gadanides dans Khawlān et à Nagrān, on peut observer une certaine similitude, mais aussi une différence notable. La similitude est que le roi sabéen ou ḥimyarite paraît concéder à un lignage déterminé l'autorité sur les régions que ce lignage a conquise. Mais l'issue diffère: les Sukhaymides finissent par intégrer Khawlān dans leurs possessions alors que rien de tel ne semble se produire à Nagrān.

Pour les Yaz'anides, l'issue diffère également. Si ce lignage joue un rôle décisif dans la conquête de l'Arabie déserte, il ne semble pas y avoir été investi durablement de responsabilités politiques éminentes: en tout cas, aucune contrée de l'Arabie déserte n'apparaît dans sa titulature. Si l'on en croit la tradition arabo-islamique, ce sont ses tributaires kindites qui sont chargés de son gouvernement.

Il n'en demeure pas moins un constat commun: les conquêtes sont effectuées par les grandes familles princières ou nobles, mais non par le roi. Par ailleurs, dans l'administration de ces conquêtes, ces grandes familles jouent manifestement un rôle important et durable, qui souligne sans doute une certaine difficulté du roi à imposer son autorité.

APPENDICE

LES TEXTES MENTIONNANT LA KHAWLĀN DU NORD, CLASSÉS DANS L'ORDRE CHRONOLOGIQUE

Vers 120-130

Watār^{um} Yuha'min, roi de Saba' et de dhu-Raydān, fils d'Ilīsharāḡ Yaḡḡub

Texte 1 — Ja 601

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteur. Ilīrām Yaḡ'ar Ibn Sukhaym^{um}, prince de la commune Sam'ī, tiers dhu-Hagar^{um} (= Yarsum), 'lrm Yḡ'r bn S'ḡym^m [ḡwl] s'ḡbⁿ S'm'y s'ḡlⁿ ḡ-Hḡr^m.

Roi. Watār^{um} Yuha'min roi de Saba' et de dhu-Raydān, fils d'Ilīsharāḡ Yaḡḡub roi de Saba' et de dhu-Raydān (vers 120-130).

Opérations. Soumission des communes Khawlān Gudād^{um} qui s'étaient rebellées contre «les rois de Saba'».

Bibliographie. Beeston 1976: 30.

Lignes 3-12, ... *hmd^m (4)b-dt hwfy 'lmqh 'bd-hw 'lrm b-s'b '(5)y s'b'w 'dy 'rd Hwl^m Gdd^m b-kn wqh-h(6)mw mr'-hmw Wtr^m Yh'mn mlk S'b' w-d-R(7)yd^m bn 'ls²r^h Yhdb mlk S'b' w-d-Ryd^m l-(8)drn b-'m 's²'bⁿ Hwl^m b-h^hty' hht'w b-'m(9)r'-hmw 'mlk S'b' w-y^hbrw w-hlqhn hmt (10)'s²'bⁿ Hwl^m Gdd^m w-d-kyn kwn-hmw w-y'tyw (11)b-wfy^m w-mqh^m w-mngt šdq^m d-hrdw mr'-h(12)mw Wtr^m Yh'mn mlk S'b' w-d-Ryd^m ...*

Lignes 3-12, «... parce qu'a comblé Almaqah son serviteur Ilīrām dans les deux expéditions (5)qu'ils ont faites dans le pays de Khawlān Gudādān quand leur a ordonné (6)leur seigneur Watār^{um} Yuha'min roi de Saba' et de dhu-(7)Raydān fils d'Ilīsharāh Yaḥḍub roi de Saba' et de dhu-Raydān de sub(8)juguer les communes Khawlān à cause des manquements qu'ils avaient commis envers leurs (9)seigneurs les rois de Saba', et ils brisèrent et obtinrent la soumission de ces (10)communes Khawlān Gudādān et de ceux qui avaient pris leurs parti et ils revinrent (11)avec réussite, succès et résultats heureux qui donnèrent satisfaction à leur seigneur (12)Watār^{um} Yuha'min roi de Saba' et de dhu-Raydān ...»

Texte 2 — Ja 602 (copie de Ja 601).

Les inscriptions Ja 601 et 602, qui reproduisent le même texte commémorant l'offrande de deux statuette, sont gravées sur deux stèles jumelles qui portaient chacune l'une de ces deux statuette.

Vers 160-170

Wahab'il Yaḥuzz, roi de Saba'

À l'époque de Wahab'il Yaḥuzz, on relève la mention de Khawlān dans la titulature de trois grands personnages, issus du lignage des banū Bata', princes de Ḥumlān: *S' 'dt'lb Yhtb w-Hwf' m Yzl w-Mht^r[...] [bnw Bt' w-M'hr w-S'hy]m^m w-d-Hwl^m*. Cette titulature n'est attestée que dans trois textes fragmentaires, qui se complètent en grande partie les uns les autres.

— **CIH 220 (Ḥāz)**

- 1 [S' 'dt'lb Yhtb w-Hw] (f) 'm Yzl w-Mh(t)r^(l) [...]
- 2 [bnw Bt' w-M'hr w-S'hy]m^m w-d-Hwl^m w-bnw d-Ġy(m)[^m 'qwl]
- 3 s²'bⁿ Ḥm] (lⁿ) w-Rdmⁿ w-Yrs'm w-(H)wl^m [w-Ġymⁿ ...

Pour la restitution de *Yhtb*, voir GI 1228/14.

— **GI 1228 (Riyām, roi Wahab'il Yaḥuzz)**

- 23 [S' 'dt'lb]w-Hwf' m w-M(h)trⁿ w-b=
- 24 [nw Bt' w-M'] (hr) w-S'hy^m w-d-Hwl^m w-
- 25 [d-Ġymⁿ]

— **GI 1364 (Riyām, roi Wahab'il Yaḥuzz)**

- 4 [... bn]y Bt' w-S' 'dt'lb w-Mht^r w-kl 'hy-hw w-bny-hmw w-d-'dr-hmw bnw B=
- 5 [t' ... Wh]b'l Yhz mlk S'b' l-'dm-hw bny Bt'

Ces trois personnages portent cinq noms de lignage: Bata', Ma'āhir, Sukhaym^{um}, dhu-Khawlān et dhu-Ghaymān. Leur titulature signifie d'une part qu'ils sont issus de Bata' et ont autorité sur Ḥumlān, d'autre part qu'ils ont assujetti les lignages mentionnés ensuite et donc les communes dépendant de ces lignages: Radmān (princes: banū Ma'āhir), Yarsum (princes: banū Sukhaym^{um}), Khawlān (princes banū dhu-Khawlān) et Ghaymān (princes banū dhu-Ghaymān).

Du fait que la commune Khawlān est mentionnée après Yarsum, il n'est pas impossible qu'il s'agisse d'une Khawlān liée aux banū Sukhaym^{um}, à savoir celle du Nord. Cependant, cette hypothèse fait difficulté: aucun texte du IIe siècle n'indique clairement que les banū Sukhaym^{um} aient alors porté le titre de princes de Khawlān (avec une titulature du type *bnw S'hy^m w-d-Hwl^m 'qwl s²'bⁿ Yrs'm w-Hwl^m). Comme les banū Ma'āhir avaient aussi autorité sur une Khawlān, celle du Sud, la vraisemblance est qu'il s'agit de cette dernière.

Date incertaine au IIe siècle (probablement entre 160 et 190)

Texte 3 — Umm Laylā 1

Provenance. Forteresse d'Umm Laylā, sur un gros piton au sommet aplati du Bilād Jumā'a, à mi-chemin entre Majz (ou Majdh) et Bāqim, à près de 50 km au nord-ouest de Ṣa'da.

Auteurs. La commune Khawlān Gudādān et ses alliés.

Rois. Non mentionnés, mais issus des banū Sukhaym^{um}, princes de Yarsum.

Opérations. Construction de fortifications pour se protéger des Ḥabashites qui ont atteint (probablement qui viennent d'atteindre) leur pays.

'tm w-gm s²'bⁿ Hwl^m G(2)dd^m 'hnbⁿ -w- 'bsⁿ w-Ys²bm(3)tⁿ w-kl wlyt-hmw w-s²'bⁿ (4)'bqtⁿ w-S²brqtⁿ s'twddw (5)w-s'tdlln l-tšn 'n bn-Hbs² l-(6)mz'w 'rd-hmw b-mqm 'l-h(7)mw 'ttr d-Rhb^m w-'ttr d-H(8)dr^m w-'ttr d-Kbd^m w-Lhy(9) 't 'lh-Hsf^m w-b-mqm 'mr(10)'-hmw 'mlk S'b' w-bny S'hy(11)m^m w-qht 'mr'-hmw wfy^m w-(12)s'tqhw krfyn Ygl w-Hrⁿ

«L'assemblée plénière de la commune **Khawlān Gu⁽²⁾dādān**, à savoir les 'hnb, les 'bs', les Ys²bm⁽³⁾t et tous leurs protégés, et la commune (4)Abqūrān et S²brqtⁿ, ont consenti (5)et donné leur accord à se retrancher pour se protéger des Ḥabashites qui (6)étaient arrivés dans leur pays, avec le soutien de leur dieu (7)'Athtar dhu-Raḥb^{um}, de 'Athtar dhu-Ḥa(8)drān, de 'Athtar dhu-Kabdān et de Laḥay(9)athat dieu de Khaṣūfān, et avec le soutien de leurs seigneu(10)rs les rois de Saba' et les banū Sukhay(11)m^{um}, et l'ordre excellent de leurs seigneurs. Et (12)ils ont terminé les deux bassins Yaghīl et Hīrān»

1. 5, *bn-Hbs²*: graphie défective pour *bn 'hbs²*.

Peu avant 210

'Alhān Nahfān, roi de Saba', fils de Yarīm Ayman (vers 195-210)

Texte 4 — CIH 308

Provenance. Tur'at, grand temple de Ta'lab Riyām^{um} à Riyām (à près de 50 km au nord de Ṣan'a').

Auteurs. ‘Alhān Nahfān et son fils Sha^r Awtar rois de Saba’, fils de Yarīm Ayman roi de Saba⁶⁵. L’association de Sha^r Awtar suggère une date proche de la fin du règne.

Opérations. Après la conclusion d’une alliance avec «Gadarat roi de Ḥabashatān» (roi des Ḥabashites) et Yada[’]ab Ghaylān roi du Ḥaḍramawt, le roi réduit une révolte de Khawlān conduite par ‘Ammī[’]anas b. Šinhān, qui avait sollicité le soutien de Ḥimyar. Après avoir dévasté Ḥaqlān (sans doute Ḥaql Ṣa[’]da, la plaine de Ṣa[’]da), Khawlān se soumet et livre deux otages.

Bibliographie. Beeston 1976: 23.

- 10 ... w-ḥmd^m b-ḏt nbl w-bltⁿ b-’br-hw
- 11 Gdrt mlk Ḥbs^{2t} l-t’ḥwn b-’m-hw w-s’tkml h’ ḥwnⁿ byn-
- 12 hmw w-byⁿ Gdrt w-mṣr ḥbs^{2t} w-tgzmw k-wḥd ḏr-hmw w-s’lm-h=
- 13 mw b-ly-kl ḏ-yts²ⁿ b-’br-hmw w-k-b-ṣḥ^m w-’mn^m yt’ḥwnn S’lḥn
- 14 w-Zrrn w-’lhⁿ w-Gdrt kl ḥrt-hmw w-ḥmdw b-ḏt s’tkml ḥwn-
- 15 hmw b-’m mlk Ḥbs^{2t} ḥgn s’tkml ḥwn-hmw b-’m Yd[’]b Ḡyl^m
- 16 mlk Ḥḏrmwt b-qdmy ḏt ḥqny^t w-ḥmd^m b-ḏt s’twfy kl ḥwl
- 17 w-mqtⁿ nblw ḥs^{2m} b-’br ḥ-hw b-bḥrⁿ w-ybs^m w-kl ts^{2t} w-zbd
- 18 ys^{1rw} ḥs^{2m} l-’ḥ-hw w-ḥmd^m b-ḏt ts^{2krw} ḥns¹ bn S^{3nh} w-
- 19 s^{2b} Ḥw^l b-ḏr ḥs^{2t} w-w-tḥⁿ b-’br ḥmr[’]-hmw ḥml S^{1b}
- 20 w-b-ḏt bltw S^{2bt} bn ḥyⁿ b-’br ḏ-Ryḏⁿ l-ḥnsrn-hmw l-
- 21 ḏr^m b-’ly ḥmr[’]-hmw ḥml S^{1b} w-s^{1b} w-ḏ-bn ḥs^{2b}=
- 22 ḥ-l-ḏrn b-’m-hmw b-hwt ḏrⁿ ḏ-ḥs^{2t} w-w-qm ḥw/
- 23 ḏ-bn Ḥqlⁿ w-gbḏw kl ḥblt-hw w-b ḏ-hw f-t[’]=
- 24 rbw l-mr[’]-hmw ḥhⁿ mlk S^{1b} w-hys^{1rw} ḥny r=
- 25 bbⁿ ḥs^{2ms} bn Rym^m w-Ḥr^l bn Yd^m ...

- 10 ... et en remerciement parce qu’a dépêché et envoyé une ambassade auprès de lui
- 11 Gadarat roi de Ḥabashatān pour s’allier avec lui et a été conclue cette alliance entre
- 12 eux et entre Gadarat et l’armée des Ḥabashites et ils jurèrent d’être unis dans leur guerre et dans leur paix
- 13 contre tous ceux qui se comporteraient en ennemis avec eux et que, avec loyauté et sécurité, s’allieraient Salhīm
- 14 et Zrrn, ainsi que ‘Alhān et Gadarat, dans tous leurs différents et ils ont loué parce qu’a été conclue leur alliance
- 15 avec le roi de Ḥabashatān comme a été conclue leur alliance avec Yada[’]ab Ghaylān
- 16 roi du Ḥaḍramawt avant cette offrande; et en remerciement parce qu’il a protégé tous les princes
- 17 et les officiers qu’ils ont dépêchés l’un auprès de l’autre sur mer et sur terre et tous les services et les secours
- 18 qu’ils ont envoyés l’un à l’autre; et en remerciement parce qu’ont été vaincus ‘Ammī[’]anas b. Šinhān et

⁶⁵ [ḥhⁿ Ḥh^m w-bny-hw S^{2r} ḥtr mlkfy S^{1b} bny Yr⁽²⁾m ḥym mlk S^{1b}].

- 19 la commune Khawlān dans la guerre qu’ils avaient commencée et provoquée contre leurs seigneurs les rois de Saba[’]
- 20 et parce qu’ils ont envoyé S^{2bt} b. ‘Aliyān auprès de dhu-Raydān pour qu’il les soutienne dans
- 21 une guerre contre leurs seigneurs les rois de Saba[’], et sont parties en campagne un certain nombre de communes
- 22 pour qu’ils se soumettent à eux lors de cette guerre qu’ils avaient commencée et ils ont vaincu
- 23 un certain nombre de ceux de Ḥaqlān et ont dévasté tous ses champs, et ensuite ils ont imploré le pardon à leur seigneur ‘Alhān roi de Saba[’] et ils ont envoyé deux
- 24 otages Ashmās b. Raym^{um} et Ḥārith^{um} b. Yad^{um} ...

Texte 5 = Nāmī NNSQ 9 = Lu 18

Fragment de provenance inconnue, photographié à Ṣan[’]ā. Le nom des auteurs est perdu. La mention de ‘Ammī[’]anas et des communes Khawlān permet de supposer qu’il pourrait s’agir des mêmes événements que dans le texte précédent. Noter cependant que le patronyme de ‘Ammī[’]anas commence ici par un ‘ayn, ce qui interdit de restituer S^{3nh}.

- 1 ...]wym^{2t} w-ḏ-kwn kw[n-hmw
- 2 ...]msⁿ f-hrg ḥns¹ bn ḥl
- 3 ...]tⁿ hmt ḥs^{2b} Ḥw(l)^m ...
- 4 ...] (w)-ḥs^{2b}-hmw w-yḥbrw w-[...]
- 5 ...]m bn hwt ..yn bmf ...

- 1 ...]... .. et ceux qui avaient pris leur parti [...]
- 2 ...] ... et il a tué ‘Ammī[’]anas fils de ḥl [...]
- 3 ...] ... ces communes Khawlān ...
- 4 ...] .. et leurs communes, et ils ont écrasé et [...]
- 5 ...]...de ce ...[

Entre 210 et 225

Sha^r Awtar, roi de Saba[’], puis roi de Saba[’] et de dhu-Raydān, fils de ‘Alhān Nahfān (c. 210-230)

Texte 6 — DAI-Bar[’]ān 2000-1

Provenance. Bar[’]ān, temple d’Almaqah à Marib.

Auteur. Le roi Sha^r Awtar régnant seul (entre 210 et 225).

Opérations. Guerre contre Khawlān, Ash[’]arān, Yarfā[’], Dhakhrān et un certain nombre d’unités de Sahratites, Kiddat et Qaryat^{um}; pillage de Qaryat^{um} dhāt Kahl^{um}; capture du roi Rabī[’]at fils de Mu[’]āwiyat du lignage de Thawr^{um} [ro]ji de Kiddat et de Qaḥṭān (dont la résidence est à Qaryat^{um}), qui est amené à Ṣan[’]ā.

(S²)[ḥ^m wt]r mlk S^{1b} [w-ḏ]⁽²⁾Ryḏⁿ [bn ḥhⁿ Ḥh^m mlk [S¹]⁽³⁾[b] ḥqny ḥmqh b ḥl (M)s¹kt w-(Yt)[w] (B)[r]⁽⁴⁾[ḥ^m ṣlm]⁽ⁿ⁾ [ḏ-ḏhbⁿ ... ...]⁽⁵⁾[.....](n) ḏ-ḥr(s²)[b] (n Qryt)^m ḏt Khl^m y⁽⁶⁾wm ḏb Ḥw^l w-ḥs^{2r} w-Yrfⁿ w-ḏ(ḥr)ⁿ (7)w-ḏ-bn ḥydw S^{1whr} w-Kdt w-

*Oryl^m w-h⁽⁸⁾rg bn hmt 's²bⁿ mhrgr^m w-s¹by^m d-⁽⁹⁾[s¹]m w-h¹tw Rb^t bn M¹wyt d-¹l
Twr⁽¹⁰⁾[^m ml]k Kdt w-Qhtⁿ 'dy hgrⁿ Š(n)⁽¹¹⁾[¹w ... ...*

«(Sha)[^{r^{um}} Awta]r roi de Saba' [et de dhu]-⁽²⁾Raydān [fils de 'Alh]ān Nahfān roi [de Sa]⁽³⁾[ba]' a dédié à Almaqah maître de *Ms¹kt* et *Yt[w]* de Ba[r]⁽⁴⁾[¹ān cette statu]e [de bronze ... ...]⁽⁵⁾[.....].. tiré du pillage [d]e Qaryat^{um} dhāt Kahl^{um} ⁽⁶⁾ quand il a fait la guerre à **Khawlān**, Ash'arān, Yarfa', Dhakhrān ⁽⁷⁾ et à un certain nombre d'unités de Sahratites, de Kiddat et de Qaryat^{um}, et il ⁽⁸⁾ infligea à ces communes tués et prisonniers en grand ⁽⁹⁾ [nom]bre et il ramena Rabi'at fils de Mu'āwiyat du lignage de Thawr^{um} ⁽¹⁰⁾ [ro]ji de Kiddat et de Qaḥtān dans la ville de Šan⁽¹¹⁾ [¹ā' ... ...»

Texte 7 — Ir 12

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteur. Un certain *Wāfiy^{um} Adhraḥ dont le nom de lignage, ici perdu, peut être désormais restitué grâce à FB-Maḥram-Bilqīs 2 = Appendice, Texte 8, ci-dessous : « Ibn Kibsiy^{um} » etc.

Rois. Sha^{r^{um}} Awtar roi de Saba' et de dhu-Raydān et son frère Ḥayaw'athtar Yaḍa' fils de 'Alhān Nahfān roi de Saba'. La règne de Sha^{r^{um}} Awtar dure de 210 à 230 approximativement. Sha^{r^{um}} Awtar associe au trône son frère Ḥayaw'athtar Yaḍa' vers 225.

Opérations. Relation de deux périodes militaires au service du roi :

— la première période est ordonnée par Sha^{r^{um}} Awtar seul (entre 210 et 225 environ) qui envoie le dédicant prendre position sur la frontière occidentale de Ḥāshid^{um} menacée par les Ḥabashites et leurs alliés, les Sahratites et Khawlān. Depuis son arrivée jusqu'à la conclusion de la paix, le rôle du dédicant se limite à repousser une seule incursion: 1100 Ḥabashites qui attaquent des Arabes dans la vallée dhu-Wa^{r^m} à l'ouest de Ḥāshid^{um}. Avec 170 Arabes, le dédicant poursuit les assaillants et les rattrape à Ma'qirān dhu-Sahratān; il attaque leur camp, en massacre un certain nombre, fait 500 captifs et saisit de l'équipement;

— la seconde période est ordonnée par le roi Sha^{r^{um}} Awtar et par son frère Ḥayaw'athtar Yaḍa', sans titre, ce qui la situe vers 225 ou un peu avant. Le dédicant prend la tête d'une troupe de 600 hommes pour attaquer les 'zd de deux chefs khawlānites qui sont écrasés au plateau de Miḥrābān dans Ḥayrān dhu-Sahratān.

Bibliographie. Beeston 1976: 23-24.

- 1 *Wfy^m 'drh bn ...ms¹... hqny 'lmqh Thwⁿ b¹-l¹-wm šlmⁿ w-twrⁿ d-dhbⁿ ywm hwšt-hw mr¹-hw S²r^m 'wtr mlk S¹b¹ w-d-Rydⁿ l-s²r^h w-qrn b¹-w¹n s²bⁿ Hs²d^m b-d^{r^m} drrw 'hbs² w-d-kwn kwn-hmw bn S¹whrⁿ w-Hwlⁿ*
- 2 *w-s¹twfy kl 'w¹n hgrⁿ w-'hl s²bⁿ Hs²d^m w-d-kwn b¹-m-hmw bn d¹-bnw 'rbⁿ b-kl hryft gzy l-tsf w-qrn 'brn 'w¹n Hs²d^m 'dy dt s¹lmw 'hbs² nḥql-mw dr^m d¹-dww w-b¹ww 'hbs² b-hms² mⁿ w-tny 'lfn 's¹d^m w-b¹ww d-bn 'rbⁿ b-s¹r^m d-W^{r^m} b-m¹rb Hs²d^m*
- 3 *w-h¹n b¹-ly-hmw Wfy^m 'drh w-b¹-m-hw s¹b¹y w-m¹n 's¹d^m bn 'rbⁿ w-ydrk-hmw b-llyⁿ 'ntⁿ b-M¹qrⁿ d-S²r^htⁿ w-b¹ww ws¹tⁿ hyrt-hmw b-llyⁿ w-hrgw w-hs¹h¹tn-hmw bn hyrt-hmw w-hqdw 'mn-hmw hms¹ mⁿ s¹by^m w-'s¹m s²r^c w-'lb¹.. tmllyw*
- 4 *w-ywm hwšt-hw mr¹-hw S²r^m 'wtr mlk S¹b¹ w-d-Rydⁿ w-'hy-hw Hyw¹tr Yd^c bny 'lhⁿ Nhfⁿ mlk S¹b¹ l-s¹b¹ w-qt¹dmn mns²r¹ bn hms¹ s¹tⁿ m¹tⁿ 's¹d^m l-hrb 'zd Gys²m w-Hrb^m bn 'lyⁿ 'hw¹*

- 5 *w-yhrbw 'zd-hmw b-ngd Mhrbⁿ b-Hyrⁿ d-S¹hrⁿ w-hmr 'lmqh Thwⁿ b¹-l¹-wm 'bd-hw Wfy^m 'drh w-'s¹d b¹-m-hw t¹wln b-bryt^m w-mhrgr^m w-ḡnm^m w-mlt^m d¹-s¹m*
- 6 *w-kwn mhrgr-hmw 's²r^m w-tty m¹tn bā^m w-tty w-m¹t s¹by^m w-'rb¹-m¹n 'wld^m w-'n¹ d-hrgw w-tltⁿ m¹n 'bl^m w-tltⁿ m¹n w-'hd 'lf^m bqr^m w-s¹b¹y w-tty m¹tn 'hmr^m w-'s²r^t 'lf^m qtn^m*
- 7 *w-l-wz¹ 'lmqh Thwⁿ hmr-hw hzy w-rdqw mr¹-y-hmw S²r^m 'wtr mlk S¹b¹ w-d-Rydⁿ w-'hy-hw Hyw¹tr Yd^c bny 'lhⁿ Nhf^m mlk S¹b¹*
- 8 *w-l-wz¹ 'lmqh b¹-l¹-wm hmr 'bd-hw Wfy^m 'hll^m w-mlt^m 'hn-mw 'brtⁿ ys²w¹nn mr¹-y-hmw S²r^m 'wtr mlk S¹b¹ w-d-Rydⁿ w-'hy-hw Hyw¹tr Yd^c w-'brtⁿ yhs²rn-hmw l-qt¹dmn w-s²r^h b-qrb^m w-rhq^m*
- 9 *w-l-hmr-hw 'lmqh bry¹ 'dn^m w-mqym^m w-l-hryn-hmw 'lmqh b¹-l¹-wm bn nd^c w-s²sy s²n^m d-rhq w-qrb b¹-lmqh b¹-l¹-wm w-b¹-mr¹-y-hmw S²r^m 'wtr mlk S¹b¹ w-d- Rydⁿ w-'hy-hw Hyw¹tr Yd^c bny 'lhⁿ Nhf^m mlk S¹b¹*

- 1 Wāfiy^{um} Adhraḥ ibn ...ms... a dédié à Almaqah Thahwān maître d'Awām la statuette et le taureau de bronze quand l'a chargé son seigneur Shā^{r^{um}} Awtar roi de Saba' et de dhu-Raydān de faire obstacle et de prendre position sur la frontière de la commune Ḥāshid^{um} dans une guerre que les Ḥabashites et ceux qui avaient pris leur parti parmi les Sahratites et **Khawlān** avaient engagée,
- 2 et il assura la protection de toute la frontière des citadins et de la population de la commune Ḥāshid^{um} et de ceux qui étaient avec eux appartenant aux «descendants (*abnā⁶⁶*)» des Arabes pendant toutes les années où il fut désigné pour servir et empêcher le franchissement de la frontière de Ḥāshid^{um} jusqu'à ce que sollicitent la paix les Ḥabashites, à l'exception d'une fois où firent une incursion et passèrent à l'offensive les Ḥabashites avec une armée de deux mille cinq cents hommes et ils attaquèrent des Arabes dans la vallée dhu-Wa^{r^m} à l'ouest de Ḥāshid^{um};
- 3 porta secours contre eux Wāfiy^{um} Adhraḥ avec, sous ses ordres, cent soixante-dix hommes appartenant aux Arabes et il les rattrapa la deuxième nuit dans Ma'qirān dhu-Sahratān et ils s'introduisirent au milieu de leur camp pendant la nuit et ils massacrèrent et mirent en déroute une partie de leur camp et ils en capturèrent cinq cents, beaucoup d'équipement et des lions ... qu'ils avaient capturés;
- 4 et quand l'ont chargé son seigneur Shā^{r^{um}} Awtar roi de Saba' et de dhu-Raydān et son frère Ḥayaw'athtar Yaḍa' fils de 'Alhān Nahfān roi de Saba' de partir en expédition et de prendre la tête d'une unité d'éclaireurs de l'armée royale (comptant) six cents hommes pour attaquer les 'zd de Gaysh^{um} et de Ḥarb^{um} fils de 'Aliyān les **Khawlānites**
- 5 et ils attaquèrent leurs 'zd au plateau de Miḥrābān dans Ḥayrān dhu-Sahratān et accorda Almaqah Thahwān maître-d'Awām à son serviteur Wāfiy^{um} Adhraḥ et aux hommes sous ses ordres de revenir avec succès, massacres, butin et prises en abondance
- 6 et furent les pertes qu'ils infligèrent deux cent dix tués, cent trente captifs, quatre cents enfants et femmes qu'ils tuèrent et trois cents chameaux, mille trois cents bovins, deux cent soixante-dix ânes et dix mille (têtes de) petit (bétail).

⁶⁶ Voir ci-dessus, n. 50.

- 7 Puisse continuer Almaqah Thahwān à lui accorder la faveur et la bienveillance de ses seigneurs, Shaʿr^{um} Awtar roi de Sabaʿ et de dhu-Raydān et son frère Ḥayawʿathtar Yaḍaʿ fils de ʿAlhān Nahfān roi de Sabaʿ,
- 8 et puisse continuer Almaqah maître-dʿAwām à accorder à son serviteur Wāfiy^{um} des trophées et des prises quels que soient les endroits où ils serviront leurs seigneurs Shaʿr^{um} Awtar roi de Sabaʿ et de dhu-Raydān et son frère Ḥayawʿathtar Yaḍaʿ et les endroits où il les enverra pour commander et protéger, à proximité ou au loin,
- 9 et puisse lui accorder Almaqah abondance de pouvoirs et de soutiens et puisse les délivrer Almaqah maître-dʿAwām du tort et de la malveillance de tout ennemi lointain ou proche. Avec Almaqah maître-dʿAwām et avec leurs seigneurs Shaʿr^{um} Awtar roi de Sabaʿ et de dhu-Raydān et son frère Ḥayawʿathtar Yaḍaʿ fils de ʿAlhān Nahfān roi de Sabaʿ

par. 4, ... *l-sʿbʿ w-qtdmn mnsʳrt^m bn hms^m sʿt mʿt^m sʿd^m*: le même terme se retrouve dans FB-Maḥram Bilqīs 2 = Appendice Texte 8/12 (*w-sʳbʿ-hw Tn(ʿ)m^m msʳr^m w-hgr^m*). Le *Dictionnaire sabéen* rend *mnsʳrt^m* par «détachement dʿavant-garde». Le texte FB suggère quʼil sʼagit plutôt de soldats disposant dʼun certain type dʼarmement. Lʼarabe *minsar/mansir* est rendu par «troupe dʼéclaireurs à cheval». Nous retenons le sens dʼéclaireurs, de troupes mobiles, légèrement armées.

Gys^m: ce personnage est probablement le père de *Ṣḥb^m bn Gys^m* (Ja 577 = Appendice, Texte 9/7).

Vers 230-234

Laḥayʿathat Yarkham, roi de Sabaʿ et de dhu-Raydān (c. 230-234)

Texte 8 — FB-Maḥram Bilqīs 2

Provenance. Awām, grand temple dʼAlmaqah à Marib.

Auteur. Un membre du lignage des banū Kibsiy^{um}, princes de la commune de Tanʿim^{um}; ce personnage est également lʼauteur dʼIr 12 = Appendice, Texte 7, déjà examiné ci-dessus.

Roi. Laḥayʿathat Yarkham roi de Sabaʿ et de dhu-Raydān.

Opérations.

— Lʼauteur est chargé par le roi dʼinfliger des représailles aux Ḥabashites qui ont attaqué les serviteurs et les bovins du roi dans le wādī Sihām.

— Le dédicant part aussitôt («dans le même mois») avec une troupe composée de guerriers originaires du Jawf (Nashshān), de la montagne (Ḥāshid^{um} et Tanʿim^{um}), dʼArabes et de Khawlān Gudādān.

— Il exerce ses représailles contre les Ḥabashites dans le wādī dhu-Ḥaraḍ (à près de 200 km au nord), plus précisément contre leurs *ʿzwd*, apparemment des populations serviles, peut-être les bergers ou les gardiens de troupeaux.

- 1 *Wfy^m ʿdrh bn Kbsʿy^m w-Fw^m*
- 2 *w-Ddn ʿqwl sʳbʿ Tnʿm^m w-Tnʿm=*
- 3 *t hqny ʿlmqh Thwⁿ bʿl ʿwm dn ṣlm=*
- 4 *ʳ d-dhb^m hmd^m b-dt hmr-hw ʿlmqh bʿl*
- 5 *ʿwm hwfy-hw b-ʿlm ʿ w-tbsʳrt tbsʳr-h=*

- 6 *w b-kn sʿtydʿ mrʳ-hw Lhyʿtt Yrhm mlk*
- 7 *Sʿbʿ w-d-Rydⁿ l-sʿbʿ w-tq<d>mn b-hrbt hr=*
- 8 *bw ʿhbsʳⁿ ʿdm-hw w-bqr-hw b-Sʿhm w-b-*
- 9 *mw wrhⁿ d-b-hw hrb ʿdm-hw w-bqr-hw*
- 10 *f-sʿbʿ Wfy^m ʿdrh bn Kbsʿy^m w-b-ʿm-hw*
- 11 *Hmlt d-Grf^m w-d-bn ʳsʳʳ^m w-d-bn ʿhl Hsʳ=*
- 12 *d^m w-sʳbʿ-hw Tn(ʿ)m^m msʳr^m w-hgr^m w-d-bn*
- 13 *ʳrbⁿ w-Hwlⁿ Gddⁿ w-hmr-hmw ʿlmqh bʿ=*
- 14 *l ʿwm sʿbʿ sʿbʿt ṣdq^m w-b-mw hwt wr=*
- 15 *hⁿ f-b-hw hrbw ʿdm-hw w-bqr-hw f-tnq=*
- 16 *m Wfy^m ʿdrh bn Kbys^m ʳzwd ʿhbsʳ=*
- 17 *ʳ b-wdyⁿ d-Hrd b-ʳs^m d-ysʳmyn Rydt^m w-l=*
- 18 *fjw b-hw ʿhl^m w-sʿby^m w-ḡnm^m d-hrd=*
- 19 *w-hmw w-tʿwl Wfy^m ʿdrh w-gysʳ-hw b-wfy=*
- 20 *ʳ w-hmd hyl w-mqm ʿlmqh bʿl ʿwm b-dt*
- 21 *hwfy-hw b-kl ʳrh sʿtry b-dt hqny^t*
- 22 *w-l-wzʳ ʿlmqh hwfy-hw b-kl ʳml ʳysʳtm=*
- 23 *lʿn b-ʳm-hw w-l-sʳd-hw ʿlmqh hzy w-rdqw*
- 24 *mrʳ-hw Lhyʿtt Yrhm mlk Sʿbʿ w-d-Rydⁿ*
- 25 *w-l-hryn-hw ʿlmqh bn ndʿ w-sʳsy sʳn^m/*
- 26 *qrb w-rhq b-ʿlmqh Thwⁿ bʿl ʿwm*

- 1 Wafiy^{um} Adhraḥ ibn Kibsiy^{um}, *Fawl^{um}
- 2 et *Dadān, princes de la commune Tanʿim^{um} et Tanʿimat,
- 3 a dédié à Almaqah Thahwān maître dʿAwām cette statuette
- 4 en bronze en remerciements parce quʼa accordé Almaqah maître
- 5 dʿAwām de lʼexaucer dans les consultations oraculaires et annonces quʼil
- 6 a obtenues de Lui
- 7 quand lui a fait savoir son seigneur Laḥayʿathat Yarkham roi
- 8 de Sabaʿ et de dhu-Raydān de partir en expédition et de prendre le commandement
- 9 à cause des attaques
- 10 que faisaient les Ḥabashites contre ses serviteurs et ses bovins dans Sihām, et
- 11 le mois même où étaient attaqués ses serviteurs et ses bovins,
- 12 partit en expédition Wāfiy^{um} Adhraḥ ibn Kibsiy^{um}, accompagné de
- 13 Ḥamāllāt dhu-*Garaf^{um}, dʼun certain nombre de Nashshānites, de gens de Ḥāshid^{um},
- 14 de sa commune Tanʿim^{um} – éclaireurs et défenseurs –, dʼun certain nombre
- 15 dʼArabes et de Khawlān Gudādān, et leur a accordé Almaqah maî-
- 16 tre dʿAwām de faire une expédition réussie; et le mois même
- 17 où ils avaient attaqué ses serviteurs et ses bovins, exerça des représailles
- 18 Wāfiy^{um} Adhraḥ ibn Kibsiy^{um} sur le bétail des Ḥabashites
- 19 dans le wādī dhu-Ḥaraḍ (qui étaient) avec un individu nommé Raydat^{um} et ils
- 20 y obtinrent des dépouilles, des captifs et du butin qui leur donnèrent satisfaction;
- 21 et revinrent Wāfiy^{um} Adhraḥ et sa troupe en bonne santé
- 22 et il loua la puissance et le pouvoir dʼAlmaqah maître dʿAwām parce que
- 23 Il lʼa exaucé dans tous les événements qui sont consignés dans cette dédicace.

- 22 Puisse continuer Almaqah à l'exaucer dans toutes les consultations oraculaires qu'il solli-
- 23 citera de Lui et puisse lui accorder Almaqah la faveur et la bienveillance
- 24 de son seigneur Laḥay'athat Yarkham roi de Saba' et de dhu-Raydān,
- 25 et puisse le protéger Almaqah du maléfice et du mauvais œil de tout ennemi,
- 26 proche et lointain. Avec Almaqah Thahwān maître d'Awām

1. 12, *ms^{3r}m w-hgr^m*: le terme *ms^{3r}* peut être rapproché de *mns^{3rt}* dans Ir 12 = Appendice Texte 7/(4) (*mns^{3rt}m bn hms^m*), «éclaireurs». Nous rendons *hgr* par «défenseurs» en nous fondant sur le sens de la racine HGR en arabe et en sudarabique. Les *ms^{3r}* pourraient être des guerriers légèrement armés, au contraire des *hgr*, lourdement équipés.

Il. 16-17, *'zwd 'ḥbs^{2l}*: comparer avec Ir 12/(4) (ci-dessus Texte 7), *'zd Gys^{2m} w-Hrb^m bn 'lyⁿ 'hw^m*. Ce sont apparemment des populations serviles, peut-être les bergers ou les gardiens de troupeaux.

Vers 240-245

Ilīsharah Yaḥḍub II et son frère Ya'zil Bayān, rois de Saba' et de dhu-Raydān, fils de Fāri^{um} Yanhub (c. 236-255)

Texte 9 — Ja 577/6-7

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteurs. Ilīsharah Yaḥḍub II et s(on frère) [Ya'zil Bayān, rois de Saba'] et de dhu-Raydān, fils de Fāri^{um} Yanhub roi de Saba'.

Opérations. Ja 576 et le début de Ja 577 relatent une série de campagnes contre Ḥimyar et ses alliés, Radmān et Maḥḥā^m, et contre les Ḥabashites. Avant d'attaquer Nagrān et de reprendre l'oasis aux Ḥabashites, les rois lancent une expédition contre Khawlān.

Expédition contre Khawlān-Ṣa'da:

... *w-hmd^m b-dt hws^{2c}-hmw 'lmqh b-s^{2kr} 'ys^m Ṣhb^m bn [Gys^{2m} ... ...]⁽⁷⁾ys^l bn mlk 'lmqh w-yḥys^lrw mqtwy-hmw Nwf^m bn Hmd^m w-d-Ġymⁿ w-b-'m-hmw d-bn mqtwt-hmw w-d-bn s^{2c}bynhn Ḥs^{2d}m w-Ġymⁿ w-hmr-hmw 'lmqh t'wln mqtwy-hmw Nwf^m b-wfy^m w-'s^ld s^lttqf b-'m-hw w-s^{2kr} hwt 'ys^m Ṣhb^m bn Gys^{2m} w-'wlv r^s'-hw w-y[dy-hw w...]⁽⁸⁾s^{2c}bⁿ Hwl^m Gdd^m ...*

«... et en remerciement parce que Almaqah lui a fait la faveur de vaincre le chef Ṣaḥb^{um} b. [Gaysh^{um} ... ...] ⁽⁷⁾... du domaine d'Almaqah et ils dépêchèrent leur officier Nawf^{um} ibn Hamdān et dhu-Ghaymān et avec eux un certain nombre de leurs officiers et des (troupes fournies) par les deux communes Ḥāshid^{um} et Ghaymān et Almaqah leur accorda que revienne leur officier Nawf^{um} en bonne santé ainsi que les hommes qui se joignirent à lui et il vainquit ce chef Ṣaḥb^{um} b. Gaysh^{um} et ils ramenèrent sa tête et ses m[ains ... ...] ⁽⁸⁾la commune **Khawlān Gudād^{um}**...»

Ṣhb^m: on peut vocaliser Ṣaḥb^{um}, Ṣāḥib^{um} ou Ṣuḥb^{um}.

Gys^{2m}: il s'agit probablement du personnage mentionné dans Ir 12, par. 4 (ci-dessus, Texte 7).

Entre 235 et 250

Texte 10 — Ja 2109 = CIAS 39.11/o3 n° 8

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteur. Une femme qui remercie le dieu pour sa bienveillance envers son mari

Rabībnasr^{um} Awḥash ibn Bata'

Rois. Ilīsharah Yaḥḍub et son frère Ya'zil Bayān rois de Saba' et de dhu-Raydān.

Faits marquants. Ṣa'dat^{um} et Khawlān Gudād^{um} ont un gouverneur ('*āqib*) sabéen nommé Rabībnasr^{um} Awḥash ibn Bata'.

- 1 *Ltwf N[...] hqnyt 'lmqh-Thwⁿ-b 'l-' =*
- 2 *wm dn ṣlmⁿ d-dhbⁿ hmd^m b-dt hmr-*
- 3 *hw t'wln 'ys^l-hw Rbbns^lr^m 'wḥs² bn Bt' b-wfy^m*
- 4 *[bn]hgrⁿ Ṣ'dt^m w-'rd Hwl^m Gdd^m b-kn wqh-hw [mr'] =*
- 5 *[y-hmw 'l]s^{2rh} Yḥḍb w-'hy-hw Y'zl Byn mlky S'b' [w-]*
- 6 *[d-Rydⁿ]bny Fr^{um} Ynhb mlk S'b' l-'qb w-tnsfn*
- 7 *hgrⁿ Ṣ'dt^m w-'rd Hwl^m Gdd^m ...*

«*Ltwf N[...]* (nom féminin) *a* dédié à Almaqah-Thahwān-maître d'A⁽²⁾wām cette statuette de bronze en remerciement parce qu'Il lui a ac⁽³⁾cordé le retour de son mari (maître) Rabībnasr^{um} Awḥash ibn Bata' en bonne santé ⁽⁴⁾de la ville de Ṣa'dat^{um} et du **pays de Khawlān Gudād^{um}** quand lui ont ordonné [ses sei⁽⁵⁾gneurs Ilī]sharah Yaḥḍub et son frère Ya'zil Bayān rois de Saba' [et ⁽⁶⁾de dhu-Raydān]fils de Fāri^{um} Yanhub roi de Saba' de diriger et administrer ⁽⁷⁾la ville de Ṣa'dat^{um} et du **pays de Khawlān Gudād^{um}**... » etc.

Vers 260-275

Nasha'karib Ya'man Yuharḥib, roi de Saba' et de dhu-Raydān, fils de Ilīsharah Yaḥḍub II et son frère Ya'zil Bayān (c. 260-275)

Texte 11 — Ja 616

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteurs. Des banū Sukhaym^{um}.

Roi. Nasha'karib Ya'man Yuharḥib roi de Saba' et de dhu-Raydān, fils de Ilīsharah Yaḥḍub et Ya'zil Bayān rois de Saba' et de dhu-Raydān.

Opérations.

— Les auteurs partent en expédition et s'acquittent de leurs obligations envers les communes et les tribus de Khawlān Gudād^{um}.

— Ils ramènent tous leurs hommes libres et d'autres comme garants à Ṣan'a'.

— Des éclaireurs les informent sur Daw'at dans la ville de Rḥbm^m du pays de Khawlān.

— Un raid est lancé contre Daw'at avec affrontement en aval des wādīs dhu- Ba'rān, Khulab et Tiddahān.

Bibliographie. Beeston 1976: 29-30 (Il. 7-31).

- 1 *Whb 'wm Y'df w-'hy-hw Ydm Ydrm w-bny-hw*
- 2 *Ḥm'tt 'z'd w-'bkrb 's^l'd w-S'hym^m Yz'(n)*

3 *bnw Shym^m 'b'l bylⁿ Rymⁿ 'qwl s²'bⁿ Yrsm d-S¹=*
 4 *m'y tltⁿ d-Hgr^m mqtⁿ Ns²'krb Y'mn Yhrh^b mlk*
 5 *S¹'b' w-d-Rydⁿ bn 'ls²r^h Yh^qdb w-Y'zl Byn mlky S¹=*
 6 *(b)' w-d-Rydⁿ hqnyw mr²-h^mw 'lmqh-T^hwⁿ-b¹-l³-wm d=*
 7 *(n) slmⁿ d-dhbⁿ hmd^m b-dt hwfy 'bdy-hw Hm¹tt*
 8 *['](z)'d w-'bkrb 's¹'d bny S¹hym^m b-kl 'ml' w-t=*
 9 *(bs²r)w-sry s¹tmlⁿw w-tbs²rn w-s¹tryn b-'m-hw b-kn*
 10 *[w](q)h-hm(y)mr²-h^my Ns²'krb Y'mn Yhrh^b mlk S¹[b]'*
 11 *w-d-R(ydⁿ b)n 'ls²r^h Yh^qdb w-Y'zl Byn mlky S¹'b'*
 12 *[w-d]-Rydⁿ l-s¹'b(w)w-fyn 's²'b w-'s²r Hwlⁿ Gdd^m w-hm=*
 13 *[dw] hyl w-mqm mr²-(hm)w( )'lmqh-T^hwⁿ-b¹-l³-wm b-dt t'=*
 14 *[t]mw [Beeston: t'[d]mw] w-qtⁿkl 's²'b w-'(s²r)Hwlⁿ Gdd^m w-'wlv kl*
 15 *( )hrr-hmw 'wtⁿq^m w-hbt-hmw w-(kl) d-wqh-hmw mr²-hm=*
 16 *w Ns²'krb Y'mn Yhrh^b mlk S¹'b' w-(d-Ry)dⁿ 'dy hgr=*
 17 *"Šn' w w-b-mw hwt wfyⁿ ys¹rw bh¹'t-hm(w l-bh)' l-h=*
 18 *mw S¹hrtⁿ w-t^hb-hmw bh¹'t-hmw 'dy hgrⁿ R^hbm^m d)-*
 19 *'rd Hwlⁿ k-r' k-h¹bw l-hmw 's²'b Dw¹t w-b-mw y=*
 20 *wmⁿ d-b-hw t^hb-hmw bh¹'t-hmw nz 'w gys²-hmw w-hbr=*
 21 *yw 'wf-hmw w-t¹tm gys²-hmw s¹tⁿ w-'s²ry 'frs^m w-tl=*
 22 *t¹mⁿ 's¹d^m bn s²'b-hmw Yrs¹m w-bn n²r mlkⁿ*
 23 *w-d-bn Hwlⁿ w-hgrw w-šb^hn w-hrb bn 's²r Dw¹t*
 24 *'s²rt 'b's¹ w-'ydⁿ w-Hkm^m w-Hdgnt w-G¹md^m w-K=*
 25 *hl^m w-'hlⁿy w-Gdl^t w-S¹bs^m w-H¹rm^m w-Hgr Lmd w-*
 26 *'wm^m w-Rd^htⁿ bn Hrt w-hrb-hmw b-s¹fl 'wdytⁿ*
 27 *d-B¹rⁿ w-Hlb w-Td^hn w-hmdw hyl w-mqm mr²-hmw*
 28 *'lmqh-T^hwⁿ-b¹-l³-wm b-dt hmr-hmw t¹wln hmw w-*
 29 *'frs¹-hmw w-gys²-hmw b-wfy^m w-hmd^m w-yhr^m w-'hll=*
 30 *'m w-'hyd^tm w-mhrg^tm w-s¹by^m w-ml^m w-ḡnm^m s²fq=*
 31 *'m d-hrdw mr²-hmw w-d-hrdw-hmw w-l-wz¹ 'lmqh-T^hw=*
 32 *'-b¹-l³-wm šdq w-hwfyⁿ 'dm-hw bny S¹hym^m b-k=*
 33 *l¹'ml' w-tbs²r w-sry yz¹nn s¹tmlⁿ w-tbs²rn w-*
 34 *s¹tryn b-'m-hw w-l-s¹'d-hmw mr²-hmw 'lmqh-T^hwⁿ b=*
 35 *'l³-wm hzy w-rdw mr²-hmw Ns²'krb Y'mn Yhrh^b*
 36 *mlk S¹'b' w-d-Rydⁿ bn 'ls²r^h Yh^qdb w-Y'zl Byn m=*
 37 *lky S¹'b' w-d-Rydⁿ w-bry 'dn^m w-mqym^m w-n¹'d '=*
 38 *t¹mr^m w-l-hryn-hmw 'lmqh-T^hwⁿ-b¹-l³-wm bn b¹'s¹=*
 39 *t¹m w-nkyt^m w-bn n¹d¹ w-s²sy w-tt¹t w-tw¹'s²n^m d-rh^q*
 40 *w-qrb d-bn-hw d¹'w w-d-bn-hw 'l d¹'w b-'lmqh-T^hwⁿ-b¹-l³-wm*

1 Wahab'awām Y'df, son frère Yad^{um} Yadram et ses fils
 2 Ḥamā'athat Az'ad, Abīkarib As'ad et Sukhaym^{um} Yaz'an
 3 banū Sukhaym^{um}, maîtres du palais Raymān, princes de la commune Yarsum de
 4 Sam'ī, le tiers dhu-Hagar^{um}, officiers de Nasha'karib Ya'man Yuharhib roi
 5 de Saba' et de dhu-Raydān, fils de Ilīsharaḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān rois de
 6 Saba' et de dhu-Raydān, ont dédié à leur seigneur Almaḡah-Thahwān-maître-d'Awām

7 cette statue de bronze, en remerciement parce qu'Il a exaucé ses deux serviteurs
 Ḥamā'athat
 8 Az'ad et Abīkarib As'ad banū Sukhaym^{um} dans toutes les consultations oraculaires,
 9 les annonces favorables et les protections qu'ils ont demandées, sollicitées et
 quémandées auprès de Lui quand
 10 leur a ordonné leur seigneur Nasha'karib Ya'man Yuharhib roi de Saba'
 11 et de dhu-Raydān, fils de Ilīsharaḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān rois de Saba'
 12 et de dhu-Raydān, de se mettre en campagne pour une mission dans les
 communes et les tribus de **Khawlān Gudād^{um}**; ils ont loué
 13 la puissance et le soutien de leur seigneur Almaḡah-Thahwān-maître-d'Awām
 parce qu'ils ont réu-
 14 ni et contraint à se soumettre toutes les communes et les tribus de **Khawlān**
Gudād^{um} et ont ramené tous
 15 leurs hommes libres comme garants et ils les ont retenus, ainsi que tous ceux que
 leur avait ordonné (de retenir) leur seigneur
 16 Nasha'karib Ya'man Yuharhib roi de Saba' et de dhu-Raydān, dans la ville de
 17 Ṣan'ā'; lors de cette même mission, ils envoyèrent des éclaireurs pour les guider
 18 dans Sahratān et ces éclaireurs leurs rapportèrent dans la ville de *Rḥbm^m* du
 19 **pays de Khawlān** que, justement, étaient bien disposées envers eux les
 communes de Daw'at; et, ce même
 20 jour où leurs éclaireurs leurs avaient fait leur rapport, ils (Daw'at) se heurtèrent
 à leur troupe et anéan-
 21 tirent leur escouade de fourrageurs (?) alors que leur troupe comptait 26 cavaliers
 et trois
 22 cents hommes de la commune Yarsum, de la garde du roi
 23 et de **Khawlān**; le (lendemain) matin, ils lancèrent un raid et combattirent
 diverses tribus de Daw'at
 24 les tribus de 'b's¹, Ayda'ān, Ḥakam^{um}, Ḥidginat, Ghāmid^{um}, Kahl^{um},
 25 Ahl-Nāh, Gadīlat, Sibbis^{um} (arabe Sinbis), Ḥarīm^{um}, Ḥaḡūr Lmd,
 26 Awām^{um} et Rd^htⁿ b. Ḥurraṭ; ils les combattirent en aval des wādīs
 27 dhu-Ba'rān, Khulab et Tiddaḥān; ils ont loué la puissance et le soutien de leur
 seigneur
 28 Almaḡah-Thahwān-maître-d'Awām parce qu'Il leur a accordé de revenir – eux,
 29 leurs cavaliers et leur troupe – en bonne condition et avec de la gloire, de la
 renommée, des dépouilles,
 30 des prisonniers, des tués, des captifs, du bétail et du butin à satiété
 31 qui plaisent à leur seigneur et aussi à eux. Puisse continuer Almaḡah-Thahwān-maî-
 32 tre-d'Awām à rétribuer équitablement et à gratifier ses serviteurs les banū
 Sukhaym^{um} dans toutes
 33 les consultations oraculaires, les annonces favorables et les protections qu'ils
 continueront à demander, solliciter et
 34 quémander auprès de Lui et que leur accorde leur seigneur Almaḡah-Thahwān-maî-
 35 tre-d'Awām la bienveillance et la faveur de leur seigneur Nasha'karib Ya'man
 Yuharhib
 36 roi de Saba' et de dhu-Raydān, fils de Ilīsharaḥ Yaḥḍub et Ya'zil Bayān

- 37 rois de Saba' et de dhu-Raydān, ainsi qu'abondance de pouvoirs et de soutiens, et surabondance
 38 de récoltes, et que les délivre Almaqah-Thahwān-maître-d'Awām du mal
 39 et de la méchanceté, des maléfices, du mauvais œil, de la calomnie et de la dépendance de tout ennemi, lointain
 40 et proche, connu et inconnu. Avec Almaqah-Thahwān-maître-d'Awām.

270-310

Shammar Yuhar'ish, roi de Saba' et de dhu-Raydān, puis roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamnat, fils de Yāsir^{um} Yuhan'im (c. 287-311)

Texte 12 — Sharaf 31

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteur. Raymān dhu-Ḥazfar^{um} et 'Inānān. Ce personnage, bien qu'il soit issu de la haute noblesse sabéenne, ne donne ni épithète ni patronyme.

Roi. Shammar Yuhar'ish roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamnat.

Actions. L'auteur évoque successivement:

- Une guerre contre Sahratān, où il est au service de Shammar Yuhar'ish avec la titulature longue, ce qui implique une date postérieure à c. 300.
- Une ambassade envoyée par Shammar Yuhar'ish (sans titulature) auprès du roi d'al-Asd (= al-Azd) à deux reprises, ainsi qu'à Ctésiphon et Séleucie (villes royales de Perse) et dans le Pays de Tanūkh.
- L'exercice de la fonction de gouverneur de Ṣa'dat^{um}, pendant 40 ans, où le même roi l'a nommé.

Bibliographie. Müller 1974.

Rymⁿ d-Ḥzfr^m w-ⁿnnⁿ hqny 'l⁽²⁾mgh Thwⁿ b'l 'wm ṣlmⁿ d-dh⁽³⁾bⁿ [d-s²]ft-hw hmd^m b-dt hmr-hw⁽⁴⁾ [tw b]n d-S'hr^m b-wfy^m w-mhrgt^m / (5) [w-s¹b]y^m w-ḡnm^m b-kl s¹b^t s²w¹w¹ (6)mr¹-hmw S²mr Yhr¹s² mlk S¹b¹ w-d⁽⁷⁾Rydⁿ w-Ḥdrmw^t w-Ymnt w-hmd^m b-(8)[dt] tw b-wfy^m b-kl blt-hw mr¹-(9)[h]w S²mr Yhr¹s² b-br Mlk^m bn K⁽¹⁰⁾[b]m mlk-l¹s¹d w-s¹b¹ t¹ty s¹b¹ty⁽¹¹⁾[n]w-wz¹ mz¹ dy Q¹wsf w-Kwk m⁽¹²⁾mlkty Frs¹ w-rd Tnh¹ w-hmr-h⁽¹³⁾w 'lmqh 'tw b-wfy^m w-hfs²hn b-(14)[n]kl d-blh¹hw mr¹-hw w-hmd^m b-(15)dt 'tw b-wfy^m bn hgrⁿ S¹dt⁽¹⁶⁾ b-rd Hwl^m b-kl wqh-hw mr¹-(17)hw S²mr Yhr¹s² l-qb b-hw 'rb¹y/ (18)hryft^m w-hmr-hw 'lmqh 'brq/ (19)ṣdq^m w-s¹lm^m b-kl hryft^m 'qb b-(20)hw w-l-wz¹ 'lmqh s²rh w-mt¹n/ (21) 'bd-hw Rymⁿ d-Ḥzfr^m w-ⁿnnⁿ

«Raymān dhu-Ḥazfar^{um} et 'Inānān a dédié à Al⁽²⁾maqah Thahwān maître d'Awām cette statue de bron⁽³⁾ze qu'il lui avait promise en remerciement parce qu'il lui a accordé de re⁽⁴⁾[venir d]e dhu-Sahrāt^{um} avec les honneurs, des tués, ⁽⁵⁾[des capt]ifs et du butin dans toutes les expéditions (dans lesquelles) ils ont été au service ⁽⁶⁾de leur seigneur Shammar Yuhar'ish, roi de Saba', de dhu-⁽⁷⁾Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamnat, et en remerciement par⁽⁸⁾ce qu'il est revenu avec les honneurs quand l'a envoyé son seigneur ⁽⁹⁾Shammar Yuhar'ish auprès de Mālik^m fils de ⁽¹⁰⁾K[a¹b]^{um} roi d'al-Asd et qu'il a fait deux expéditions, ⁽¹¹⁾se rendant aussi jusqu'à Ctésiphon et Séleucie, les deux ⁽¹²⁾cités royales de Perse, et au pays de Tanūkh; et lui a accordé

⁽¹³⁾Almaqah de revenir avec les honneurs et d'avoir des motifs de réjouissance par⁽¹⁴⁾tout où l'a envoyé son seigneur; et en reconnaissance par⁽¹⁵⁾ce qu'il est revenu avec les honneurs de la ville de Sa¹dat^{um} ⁽¹⁶⁾dans le **pays de Khawlān** quand lui a ordonné son sei⁽¹⁷⁾gneur Shammar Yuhar'ish d'y être gouverneur (pendant) quarante ⁽¹⁸⁾années et lui a accordé Almaqah des pluies ⁽¹⁹⁾satisfaisantes et la paix pendant toutes les années où il y a été gouverneur; ⁽²⁰⁾et qu'Almaqah aussi protège et sauve ⁽²¹⁾son serviteur Raymān dhu-Ḥazfar^{um} et 'Inānān»

Texte 13 — Ja 658

Provenance. Awām, grand temple d'Almaqah à Marib.

Auteurs. Abīshamar Awlaṭ et Rafa' Ash[waš] banū dhu-Ḥufn^{um} et dhu-Dhanam, princes de la commune Ayfa' (non localisée). Un lignage *Hfn^m* est attesté dans la commune Ḥāshid^{um} (Ir 71/2, ... 'lht Fw⁽²⁾qmⁿ w-Ḥfn^m w-'qb d-Hmdⁿ w-kbr Gbrⁿ); quant au lignage *d-Dnm^m* qui apparaît dans Sadd Ma'rib 6 (= Ja 547+546+544+545), il est en relation avec Ḥāshid^{um} et Bakīl^{um}; mais il n'est pas sûr que ce soient les mêmes⁶⁷. Le texte Ir Suppl. B3 a les mêmes auteurs, avec une titulature plus longue: «Abīshamar Awlaṭ et son frère Rafa' ⁽²⁾Ashwaš banū Ḥufn^{um}, Dhanam, ⁽³⁾Yatha'karib, Khawliyān, dhū-Awlaṭ⁽⁴⁾ān et Wa'liyān, Fayshānites, princes de la commune ⁽⁵⁾Ayfa', officiers de Shammar Yuhar'ish roi de ⁽⁶⁾Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamna⁽⁷⁾t»⁶⁸; il rapporte que Abīshamar Awlaṭ organise le pèlerinage de Sayīn à Shabwat et que son frère Rafa' Ashwaš reçoit la charge de 'aqib dans la ville de Marib et le palais Salḥīn.

Roi. Shammar Yuhar'ish roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamnat.

Actions. Le dédicant relate sa participation à trois opérations:

- Il prend position dans la ville de Ṣa'dat^{um} pendant que le roi est en campagne contre les tribus de Khawlān Agdūdān.
- Il participe à une campagne contre Sīnḥān dans la vallée Dafa'.
- Il participe à la campagne que les princes mène dans Sahratān et Ḥarratān contre les tribus de Nashadīl, notamment dans la vallée 'Itwad.

Bibliographie. Beeston 1976: 32-33.

- 1 Sym- 'bs²mr 'wl¹ w-Rf¹ s²[ws³]
- 2 bole bnw d-Ḥfn^m w-d-Dnm '[q]=
- 3 wl s²b¹ 'yf¹ hqny[y m]=
- 4 r²-hmw 'lmqh-Thwⁿ-b¹-l¹-w[m]
- 5 ṣlm^m d-dhbⁿ d-s²ft-hw hmd=
- 6 ^m b-dt hwy¹ 'bdy-hw 'bs²mr
- 7 w-Rf¹ bn kl s¹b¹t^m w-db¹=

⁶⁷ Voir aussi Ry 542 = CIAS 39.11/06 n°7 (bny Dnm^m de Hnn) et al-Hamdānī *Mushtabih*: 1297 (dhū Dhanam b. Qays).

⁶⁸ 'bs²mr 'wl¹ w-'hy-hw Rf¹/ ⁽²⁾s²ws³ bnw Hfn^m w-Dnm ⁽³⁾w-Yt¹krb w-Hwlyⁿ w-d-'wlm⁽⁴⁾□ w-W¹lyⁿ 'fys² 'qwl s²b¹/ ⁽⁵⁾yf¹ mqtwyw S²mr Yhr¹s² mlk/ ⁽⁶⁾S¹b¹ w-d-Rydⁿ w-Ḥdrmt w-Ymn⁽⁷⁾t. On ignore si les noms de lignage *Hwlyⁿ* et *W¹lyⁿ* ont un rapport avec l'une des communes Khawlān et avec la ville de Wa'laṅ.

8 *t s²w'y mr²-hmw S²mr Yhr's²*
 9 *mlk S'b' w-d-Ryd' w-Hḏrmwt w-*
 10 *Ymnt 'dy 'rd Hwl' 'gdd'*
 11 *w-wqh-hw mr²-hw S²mr Yhr's² l-r=*
 12 *t' s²rht^m b-hgrⁿ S'dl^m w-l-*
 13 *l'mn 's²r Hwl' 'gdd<ⁿ> b'd hr=*
 14 *bt mlkⁿ [..]w-b'dn-hwf-db'w b-*
 15 *'ly 's²r S³nhⁿ b-s¹rⁿ Df^w w-*
 16 *hmr-hmw mr²-hmw 'lmqh h=*
 17 *md^m w-mhrgt^m w-'hydt w-s¹=*
 18 *by^m w-mlt^m w-ḡnm^m d-'s¹m*
 19 *w-b-kn s¹b'w w-db' b-'m'q=*
 20 *w(l wqh) mr²-hmw S²mr Yhr's² l-*
 21 *db' S¹hrⁿ w-Hrtⁿ w-hrbw 's²r N=*
 22 *s²d'l b-s¹rⁿ 'twd b-S²'(mt)w-*
 23 *hmdw hyl w-mqm 'lmqh-Thw=*
 24 *'-b'l-'wm b-d-hmr 'bdy-hw*
 25 *'bs²mr w-Rf^w bnw Hfn^m w-*
 26 *d-Dnm 'hll^m w-'hydt^m w-s¹=*
 27 *by^m w-ḡnm^m d-'s¹m w-l-wz' h=*
 28 *mr-hmw 'lmqh-Thwⁿ-b'l-'wm*
 29 *'wld^m hn^m w-bry' 'ḡn^m*
 30 *w-mqymt w-hzy w-rdw mr²-h=*
 31 *mw S²mr Yhr's² mlk S'b' w-d-R=*
 32 *ydⁿ w-Hḏrmwt w-Ymnt w-'s¹m*
 33 *'tm^m w-'brq sdq^m d-yhrdy=*
 34 *n-hmw b-'lmqh-Thwⁿ-b'l-'wm*

1 Abīshamar Awlaṭ et Rafa' Ash[waš]
 2 banū dhu-Ḥufn^{um} et dhu-Dhanam, prin-
 3 ces de la commune Ayfa' ont dédié à leur
 4 seigneur Almaḡah-Thahwān-mātre-d'Awām
 5 une statue de bronze qu'ils Lui avaient promise, en reconnaissance
 6 parce qu'Il a exaucé ses deux serviteurs Abīshamar
 7 et Rafa' dans toutes les expéditions et les guerres
 8 qu'ils ont faites au service de leur seigneur Shammar Yuhar'ish
 9 roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḏramawt et de
 10 Yamnat dans le **pays de Khawlān Agdūdān**
 11 alors que lui avait ordonné son seigneur Shammar Yuhar'ish de
 12 prendre position pour défendre la ville de Ṣa'dat^{um} et pour
 13 soumettre (faire la paix avec) **les tribus de Khawlān Agdūdān** après la cam-
 14 pagne faite par le roi <...>. Après cela, ils firent la guerre contre
 15 les tribus de Ṣinhān dans la vallée Dafā', et
 16 leur a accordé leur seigneur Almaḡah
 17 de la gloire, des massacres, des prisonniers, des cap-

18 tifs, du bétail et du butin en grandes quantités;
 19 et quand ils sont partis en campagne et ont fait la guerre avec les prin-
 20 ces auxquels avait ordonné leur seigneur Shammar Yuhar'ish de
 21 faire la guerre dans Sahrātān et Ḥarrātān et ils ont combattu les tribus de
 22 Nashad'īl dans la vallée 'Itwad dans la Sha'mat;
 23 ils ont loué la puissance et le soutien d'Almaḡah-Thahwān
 24 maître d'Awām parce qu'Il a accordé à ses deux serviteurs
 25 Abīshamar et Rafa' banū Ḥufn^{um} et
 26 Dhanam des dépouilles, des captifs, des pri-
 27 sonniers et du butin en grandes quantités. Puisse continuer à leur ac-
 28 corder Almaḡah-Thahwān-mātre-d'Awām
 29 des enfants bien portants, abondance de pouvoirs
 30 et de soutiens, la bienveillance et la faveur de leur seigneur
 31 Shammar Yuhar'ish roi de Saba', de dhu-Ray-
 32 dān, du Ḥaḏramawt et de Yamnat, et abondance
 33 de produits et de saisons pluvieuses satisfaisantes qui leur
 34 plaisent. Avec Almaḡah-Thahwān-mātre-d'Awām.

l. 13, *l'mn*: lecture proposée par Beeston 1976: 33 (de préférence à *g'mn*), «pacifier».

Vers 370-375

Tha'rān Yuhan'im, roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḏramawt et de Yamnat, fils de Dhamar'alī Yuhabirr

Texte 14 — Ja 671+788

Provenance. Awām, grand temple d'Almaḡah à Marib.

Auteurs. Des banū Sukhaym^{um}, dont le nom peut être restitué grâce à Ja 670 (*S²rh'tt' s²w' w-bn⁽²⁾hw Mrtd^m bny S¹hym^{(3)m} 'b'l bytⁿ Rymⁿ '4)qwl s²bⁿ Yrs'm d-S¹m'y d⁽⁵⁾tlⁿ d-Hgr^m*).

Rois. Tha'rān Yuhan'im et son fils Malkīkarib Yu'min rois de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḏramawt et de Yamnat.

Actions. Les auteurs ont été chargés par les rois de réparer de gros dégâts sur la Digue de Marib, dont c'est la première mention dans les inscriptions. Les destructions concernent l'écluse méridionale et le mur de retenue, emporté sur une longueur de 70 *shawḡaṭ* (hypothétiquement, environ 140 m; voir Darles-Robin-Schiettecatte 2013). La main d'œuvre est fournie par l'armée royale (*hms'*) et les Arabes. Les travaux qui durèrent trois mois (dhu-Saba', dhu-il'ilāt et dhu-abhī) ne sont pas gênés par la crue qui, grâce à la faveur divine, a été tardive cette année-là; on peut en déduire que dhu-Saba', (dhu)-Il'ilāt et (dhu)-Abhī correspondent approximativement à mai, juin et juillet. C'est la plus longue campagne de réparation que l'on connaisse: celles de *CIH* 540 et 541 dont on connaît la durée s'étendent sur 27 (Il. 28-29) et 58 jours (Il. 131-132) respectivement.

Titulature. L'intérêt de ce texte réside dans la titulature des banū Sukhaym^{um}, qui inclut explicitement la Khawlān du Nord pour la première fois. Cette dernière est donc désormais intégrée dans le territoire ḥimyarite (sous l'autorité des princes de Yarsum).

- 1 Sym- [S²r^h 'tt 's²w' w-]bny-[hw]
- 2 bole M(r)[t^d]'s¹'r bnw (S')[h]=
- 3 ym^m 'b[^l byt]ⁿ Rymⁿ 'qwl s²b=
- 4 nhn Yrs¹m (d-)S¹m 'y il^l d-Hg=
- 5 r^m w-Hw^l Gdd^m hqnyw m=
- 6 [r'-]h^mw 'lmqhw T^hwⁿ b¹ 'wm
- 7 /šlm^m d-dhb^m b-kn wqh-hw mr'-
- 8 hmw T^r'ⁿ Yhn 'm w-bn-hw Mlkk=
- 9 rb Y^mmn mlky S¹b' w-d-Rydⁿ w-H=
- 10 drmt w-Ymnt l-qt^dmn hms^m b-'rbⁿ
- 11 b-kn tbrt 'rmⁿ b-Hbbd w-Rhb^m ...

«[Sharaḥ'athat Ashwa' et son] fils ⁽²⁾Mar[thad^{um}] As'ar banū Su[kh]⁽³⁾aym^{um} maī[tres du palais] Raymān, princes des deux commu⁽⁴⁾nes Yarsum de Sam'ī, le tiers de Haga⁽⁵⁾r^{um}, et **Khawlān Gudādātān**, ont dédié à leur sei⁽⁶⁾[gneur] Almaqahū Thahwān maître d'Awām ⁽⁷⁾une statue de bronze quand lui ordonnèrent ses (deux) sei⁽⁸⁾gneurs Tha'rān Yuhan'im et son fils Malkīka⁽⁹⁾rib Yu'min, rois de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥa⁽¹⁰⁾ḍramawt et de Yamnat, de prendre la direction de l'armée avec les Arabes ⁽¹¹⁾quand s'était rompu la Digue à Ḥabābiḍ et Raḥb^{um} ...»

Août 472

Shuriḥbi 'īl Yakkuf, roi de Saba', de dhu-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamnat, et de leurs Arabes dans le Haut Pays et sur le Littoral (c. 468-480)

Texte 15 — CIH 537+RES 4919 = Louvre 121

Date. Dhu-khirāfān (d-hr^f) 582 de l'ère ḥimyarite (août 472).

Provenance. Inconnue.

Auteurs. Probablement des banū Sukhaym^{um}, comme l'indiquent la mention du palais Raymān et celle de la commune [Khawlān] Gudād^{um}.

Rois. Shuriḥbi['īl Yakkuf et ses fils Abīshimr] Nawf^{um}, Laḥay'at Yanūf et Ma'adīkarib Yun'im, rois de Saba', de [dhū-Raydān, du Ḥaḍramawt et de Yamna]t, et de leurs Arabes dans le Haut Pays et sur le Littoral.

Action. Reconstruction ou rénovation de Raymān, le palais des banū Sukhaym^{um}, princes de Yarsum, appelé ici Raymān Aḥram.

Titulature. Elle confirme l'intégration dans le royaume ḥimyarite non seulement de la Khawlān du Nord, mais aussi de Śinhān, tribu dont le territoire s'étend plus loin vers le nord (voir Ja 658/15, ci-dessus Texte 13).

Bibliographie. Voir en dernier lieu Calvet-Robin 1997: 203-205; Müller 2010: 83-84.

- 1 ... .. w-b] (ny-)h^mw (M)[.]. 'm Yḥmd bn(w)[S¹hym^m ... ..
- 2 ... ..]Kw(k)bⁿ w-(N')mⁿ w-Yf^m w-d-W[... ..]...[...]
- 3 ... .. **Hw^l**] Gdd^m w-S³nhⁿ w-sḡrt w-[kbwr-](h)mw S¹nfrtⁿ br(=)
- 4 [w ... .. by]t-h^mw Rymⁿ 'ḥrm 's¹qf^m grb^m w-mnhmt^m bn mwt=
- 5 [r-hw 'dy tfr'-hw b-rd']Rḥmnⁿ b¹l S¹myⁿ w-(b-rd)' 'mr'-h^mw 'mlkⁿ S²rḥb=
- 6 [l Ykf w-bny-hw 'bs²mr] Nwf^m) w-Lḥy't Ynwf w-M¹d^{krb} Yn'm 'mlk S¹b' w-

- 7 [d-Rydⁿ w-Ḥḍrmwt w-Ymn]t w-'rb-hmw T^hw^m w-Thmt w-'rbw w-s¹tqfw/
- 8 ... ..](h)mw w-b-hmd-hw h(km)lw w-hqmw byt-hmw w-kl/
- 9 ... ..]htm l-yṣlḥn l-hm(w) Rḥmnⁿ (w-)r¹tdw byt-hmw w-'f=
- 10 [s¹-h^mw w-'lwd-hmw Rḥm]nⁿ b¹l S¹myⁿ wrḥ-hw d-hrfⁿ d-l-tny w-tmnyy w-hms¹ m¹t^m

- 1 ... .. et leur f]ils Ma[... 'um Yaḥmad, banū[Sukhaym^{um} ... ..
- 2 ... ..] Kawkabān, Ni'mān, Yāfi'ān et dhū-Wa[... ..].....[.....]
- 3 ... .. **Khawlān] Gudād^{um}** et Śinhān, leurs subordonnés et leurs [chefs], Sanāfirites, ont construit
- 4 ... .. leur pal]ais Raymān Aḥram, en pierres brutes et taillées, depuis les fonda-
- 5 [tions jusqu'au faite. Avec l'aide]de Raḥmānān, maître du Ciel, et avec l'aide de leurs seigneurs, les rois Shuriḥbi-
- 6 ['īl Yakkuf et ses fils Abīshimr] Nawf^{um}, Laḥay'at Yanūf et Ma'adīkarib Yun'im, rois de Saba',
- 7 [de dhū-Raydān, du Ḥaḍramawt, de Yamna]t, et de leurs Arabes dans le Haut Pays et sur le Littoral. Ils ont construit et muni d'étages
- 8 ... .. leur ...]et, en le louant, ils ont achevé et élevé leur palais et tout
- 9 ... ..]... pour que Raḥmānān leur soit favorable. Ils ont confié leur palais, leurs per-
- 10 [sonnes et leurs enfants à Raḥmā]nān, maître du Ciel. Au mois de dhū-khirāfān de l'an cinq cent quatre-vingt-deux.

BIBLIOGRAPHIE

- ‘Abd Allāh 2004 – ‘Abd Allāh Y.M. “Naqsh al-Wāqir, naqsh jadīd min al-‘aṣr al-saba’ī al-qaḍīm” // *al-Musnad* 2. [Ṣan‘ā’], p. 2-6 (inscription YMN 20)
- al-‘Alawī 1972 – al-‘Alawī, ‘Alī b. Muḥammad b. ‘Ubayd Allāh al-‘Abbāsī. *Sīrat al-Hādī ilā ‘l-Ḥaqq Yahyā b. al-Husayn*. Taḥqīq Suhayl Zakkār. Bayrūt (1392 h)
- Arbach-Audouin 2007 – Arbach M., Audouin R. *Ṣan‘ā’ National Museum. Collection of Epigraphic and Archaeological Artifacts from al-Jawf Sites*. Part II. Ṣan‘ā’
- Bāfaqīh-Robin 1978 – Bāfaqīh M.‘A., Robin Chr. “Min nuqūsh maḥram Bilqīs” // *Raydān* 1, p. 11-56
- Beaucamp-Briquel-Chatonnet-Robin 2010 – Beaucamp J., Briquel-Chatonnet F., Robin Chr. Juifs et chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources. Paris
- Beeston 1973 – Beeston A.F.L. “Notes on Old South Arabian lexicography, VIII” // *Le Muséon* 86, p. 443-453
- Beeston 1976 – Beeston A.F.L. *Warfare in Ancient South Arabia (2nd – 3rd centuries A.D.)*. London
- Bernard 2000 – Bernard E. *Recueil des inscriptions de l’Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite. Tome III: Traductions et commentaires. A. Les inscriptions grecques*. Paris
- Bernard-Drewes-Schneider 1991 – Bernard E., Drewes A.J., Schneider R. *Recueil des inscriptions de l’Éthiopie des périodes pré-axoumite et axoumite. Tome I: Les documents. Tome II: Les planches*. Paris
- Bron 2012 – Bron F. “Une nouvelle inscription sabéenne du règne de Laḥay’athat Yarkham, roi de Saba’ et dhū-Raydān” // *Semitica* 54, p. 81-89
- Calvet-Robin 1997 – Calvet Y., Robin Chr. *Arabie heureuse, Arabie déserte, les antiquités arabiques du Musée du Louvre*. Paris
- Caskel 1966 – Caskel W. *Ġamharat an-nasab. Das genealogische Werk des Hiṣām ibn Muḥammad al-Kalbī*. Volumes I-II. Leiden
- Cornwallis 1916 – Cornwallis K. *Asir before World War I*. New York/Cambridge/S. Maria la Bruna (ré-édition de l’édition de 1916)
- Daghfous 1995 – Dagfous R. *Le Yaman islāmique des origines jusqu’à l’avènement des dynasties autonomes (Ier-IIIème s./VIIème-IXème s.)*. 2 tomes avec pagination continue. Tunis
- Darles-Robin-Schiettecatte 2013 – Darles Chr., Robin Chr.J., Schiettecatte J. avec une contribution de Ghassan el Masri. “Contribution à une meilleure compréhension de l’histoire de la Digue de Ma’rib au Yémen” // F. Baratte, Chr.J. Robin, E. Rocca (éds.). *Regards croisés d’Orient et d’Occident. Les barrages dans l’Antiquité tardive. Actes du colloque tenu à Paris, Fondation Simone et Cino del Duca, 7-8 janvier 2011, organisé dans le cadre du programme ANR EauMaghreb*. Paris, p. 9-70
- Dictionnaire sabéen 1984 – Beeston A.F.L., Ghul M.A., Müller W.W., Ryckmans J. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic) — Dictionnaire sabéen (anglais-français-arabe) — al-Mu’jam al-saba’ī (bi-’l-injilīziyya wa-’l-firansiyya wa-’l-‘arabiyya)*. Louvain-la-Neuve/Beyrouth
- Gajda 2013 – Gajda I. “Rabbshamsum roi de Saba’ et dhū-Raydān et les guerres du IIe siècle de l’ère chrétienne” // F. Briquel-Chatonnet, C. Fauveaud, I. Gajda (éds.). *Entre Carthage et l’Arabie heureuse. Mélanges offerts à François Bron*. Paris, p. 63-72
- Gajda-Hajj-Schiettecatte 2009 – Gajda I., al-Hajj Kh., Schiettecatte J. “Two inscriptions commemorating the construction of a mountain pass, by Yda’ab Dhubyān son of Shahr mukarrib of Qatabān, and by the qayls of the Maḍhī tribe” // *EVO* 32, p. 165-181
- Guillaume 1955 – Guillaume A. *The Life of Muhammad*. a Translation of Ibn Ishāq’s *Sīrat Rasūl Allāh*. With Introduction and Notes by A. Guillaume. Oxford
- al-Hamdānī *Iklīl* 1 Löfgren – al-Hamdānī. *al-Iklīl*. Erstes Buch herausgegeben von O. Löfgren. Heft 1/2. Uppsala, 1954/1965
- al-Hamdānī *Iklīl* 1 – al-Hamdānī, Abū Muḥammad al-Ḥasan b. Aḥmad b. Ya’qūb. *Kitāb al-Iklīl. Al-juz’ al-awwal, li-Lisān al-Yaman Abī Muḥammad al-Ḥasan b. Aḥmad b. Ya’qūb al-Hamdānī, ḥaqqaqah-hu wa-‘allaqa ḥawāshīyah-hu Muḥammad b. ‘Alī ‘l-Akwa’ al-Ḥiwālī*. al-Qāhira, 1963 (1383 h) (l’index de cet ouvrage est annexé au suivant)

- al-Hamdānī *Iklīl* 2 – al-Hamdānī, Abū Muḥammad al-Ḥasan b. Aḥmad b. Ya’qūb. *Kitāb al-Iklīl. Al-juz’ al-thānī, li-Lisān al-Yaman Abī Muḥammad al-Ḥasan b. Aḥmad b. Ya’qūb al-Hamdānī*. Éd. Muḥammad b. ‘Alī ‘l-Akwa’ al-Ḥiwālī. al-Qāhira, 1967 (1386 h)
- al-Hamdānī *Iklīl* 8 – *al-Iklīl (al-juz’ al-thāmin)*, by al-Ḥasan ibn Aḥmad al-Hamdānī. Ed. with linguistic, geographic and historic notes by Nabīh Amīn Fāris. Princeton, 1940
- al-Hamdānī *Iklīl* 10 – *al-Iklīl min akhbār al-Yaman wa-ansāb Ḥimyar. Taṣnīf Lisān al-Yaman Abī Muḥammad al-Ḥasan b. Aḥmad al-Hamdānī*. al-Kitāb al-‘āshir, ḥaqqaha-hu wa-‘allaqa ḥawāshī-hi ... Muḥibb al-Dīn al-Khaḥīb. Le Caire, 1948-1949 (1368 h)
- al-Hamdānī *Mushtabih* – al-Hamdānī. *Südarabisches Muštābih: Verzeichnis homonymer und homographischer Eigennamen*. Ed. By O. Löfgren. Uppsala, 1953
- al-Hamdānī *Ṣifa* –D.H. Müller. *al-Hamdānī’s Geographie der arabischen Halbinsel*. 2 vol. Leiden, 1884-1891 (reprise par le même éditeur, 1968)
- Ibn al-Ḥusayn 1968 – Ibn al-Ḥusayn, Yaḥyā b. al-Ḥusayn b. al-Qāsim b. Muḥammad b.m’Alī. *Ghāyat al-amānī fī akhbār al-quṭr al-Yamānī*. 2 vol. Ed. by Sa’īd ‘Abd al-Fattāḥ ‘Ashūr et Muḥammad Muṣṭafā Ziyāda. al-Qāhira
- Ibn Hishām *Sīra* – *al-Sīra al-nabawiyya li-Ibn Hishām*. Ed. by Muṣṭafā ‘l-Saqqā, Ibrāhīm al-Abyārī, ‘Abd al-Ḥāfiẓ Shalabī (Turāth al-Islām). 2 vol. Bayrūt, s.d.
- Jamme 1981 – Jamme A. “Pre-Islamic Arabian Miscellanea” // R.G. Stiegner (Hrsg.). *al-Hudhud*. Festschrift Maria Höfner zum 80. Geburtstag. Graz, p. 95-110 et pl. 1-2
- al-Jāsir 1977 – al-Jāsir Ḥ. *Fī sarāṭ Ghāmid wa-Zahrān, Nuṣūṣ, mushāhadāt, inṭibā’āt*. al-Riyāḍ (1397 h; première impression 1971)
- al-Jāsir 1980 – al-Jāsir Ḥ. *Mu’jam qabā’il al-Mamlaka al-‘arabiyya al-sa’ūdiyya*. 2 vol. en pagination continue. al-Riyāḍ
- Kitchen 2000 – Kitchen K.A. *Documentation for Ancient Arabia. Part II. Bibliographical Catalogue of Texts*. Liverpool
- al-Maḥḥafī 2002 – al-Maḥḥafī I.A. *Mu’jam al-buldān wa-’l-qabā’il al-yamaniyya*. 2 vol. en pagination continue. Ṣan‘ā’/Bayrūt
- Mawsū’a 2003 – *Mawsū’a asmā’ al-amākin fī ‘l-mamlaka al-‘arabiyya al-sa’ūdiyya*. 6 vol. al-Riyāḍ
- Müller 1966 – Müller W.W. “Recension de Jamme (Albert), *Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqīs (Mārib)* (Publications of the American Foundation for the Study of Man, III), Baltimore (The Johns Hopkins Press), 1962” // *Archiv für Orientforschung* 21, S. 104-109
- Müller 1974 – Müller W.W. “Eine sabäische Gesandtschaft in Ktesiphon und Seleukeia” // *Neue Ephemeris für Semitische Epigraphik* 2, S. 155-165
- Müller 2010 – Müller W.W. *Sabäische Inschriften nach Ären datiert. Bibliographie, Texte und Glossar*. Wiesbaden
- Nashwān 1916 – *Shams al-‘ulūm. Die auf Südarabien bezüglichen Angaben Naṣwān’s im Šams al-‘ulūm*. Gesammelt, alphabetisch geordnet und herausgegeben von ‘Azīmuddīn Aḥmad. Leyden/London
- Nashwān 1958-59 – *Mulūk Ḥimyar wa-aqyāl al-Yaman*. Qaṣīdat Nashwān b. Sa’īd al-Ḥimyarī wa-sharḥu-hā l-musammā *Khulāṣat al-sīra al-jāmi’a li-‘ajā’ib akhbār al-mulūk al-tabābī’a*, ḥaqqaqah-hā wa-‘allaqa ‘alay-hā ‘Alī b. Ismā’il al-Mu’ayyad wa-Ismā’il b. Aḥmad al-Jirāfī. al-Qāhira
- Nebes 2004 – Nebes N. “Ein Feldzugsbericht des Šā’irum Awtar in einer neuen Widmungsinschrift aus dem Bar’ān-Tempel” // A.V. Sedov (ed.). *Scripta Yemenica. Issledovanija po Yuzhnoj Aravii. Sbornik nauchnyh statej v chest’ 60-letija M.B. Piotrovskogo*. Moscow, p. 273-288
- Prioletta 2013 – Prioletta A. *Inscriptions from the Southern Highlands of Yemen. The Epigraphic Collections of the Museums of Baynūn and Dhamār*. Roma
- Robin 1982 – Robin Chr.J. *Les Hautes-Terres du Nord-Yémen avant l’Islam*. 2 vol. Istanbul
- Robin 1989 – Robin Chr.J. “La première intervention abyssine en Arabie méridionale (de 200 à 270 de l’ère chrétienne environ)” // T. Beyene (ed.). *Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies*. Vol. 2. Addis Ababa, p. 147-162
- Robin 1999 – Robin Chr.J. “La mosquée al-‘Abbās et l’histoire du Yémen” // S. Ory (ed.). *De l’or du sultan à la lumière d’Allah. La mosquée al-‘Abbās à Asnāf (Yémen)*. Damas, p. 15-40

- Robin 2005 – Robin Chr.J. “Les banū Ḥaṣḥaḥ, princes de la commune de Maḍḥām” // *Arabia* 3, p. 31-110
- Robin 2006 – Robin Chr.J. “Muhaqra^{um} (arabe Muqrā), une tribu ḥimyarite méconnue” // Chr.J, Robin, M.‘A. Jāzim (eds.). *Le pèlerin des forteresses du savoir. Hommage au qāḍī Ismā‘īl b. ‘Alī al-Akwa’ à l’occasion de son 85e anniversaire*. Ṣan‘ā’, p. 93-135.
- Robin 2008 – Robin Chr.J. “Joseph, dernier roi de Ḥimyar (de 522 à 525, ou une des années suivantes)” // *Jerusalem Studies on Arabic and Islam* 34, p. 1-124
- Robin 2009 – Robin Chr.J. “‘Ammī‘anas, dieu de Khawlān (Yémen)” // M.-A. Amir-Moezzi, J.-D. Dubois, C. Jullien, F. Jullien (eds.). *Pensée grecque et sagesse d’Orient, Hommage à Michel Tardieu*. Turnhout, p. 537-560
- Robin 2010 – Robin Chr.J. “Nagrān vers l’époque du massacre: notes sur l’histoire politique, économique et institutionnelle et sur l’introduction du christianisme (avec un réexamen du *Martyre d’Azqīr*)” // J. Beaucamp, F. Briquel-Chatonnet, Chr. Robin (éds.). *Juifs et chrétiens en Arabie aux Ve et VIe siècles: regards croisés sur les sources*. Paris, p. 39-106
- Robin 2012 – Robin Chr.J. “Les rois de Kinda” // A. Al-Helabi, D.G. Letsios, M. Al-Moraekhi, A. Al-Abduljabbar (eds.). *Arabia, Greece and Byzantium. Cultural Contacts in Ancient and Medieval Times*. Riyadh, p. 59-129
- Robin 2013a – Robin Chr.J. “Matériaux pour une prosopographie de l’Arabie antique: les noblesses sabéenne et ḥimyarite avant et après l’Islam” // Chr.J. Robin, J. Schiettecatte (eds.). *Les préludes de l’Islam. Ruptures et continuités dans les civilisations du Proche-Orient, de l’Afrique orientale, de l’Arabie et de l’Inde à la veille de l’Islam*. Paris, p. 127-270
- Robin 2013b – Robin Chr.J. “Les religions pratiquées par les membres de la tribu de Kinda (Arabie) à la veille de l’Islam” // *Judaïsme ancien/Ancient Judaism* 1, p. 203-261
- Robin-Brunner 1997 – Robin Chr., Brunner U. *Map of Ancient Yemen — Carte du Yémen antique*, 1:1000000. München
- Robin-Garoo à paraître – Robin Chr.J., al-Garoo A. “Les poètes de Ḥimyar dans les ouvrages d’al-Ḥasan al-Ḥamdānī (Yémen, Xe s. è. chr.). De la fiction à l’illusion” // M. Gorea, M. Tardieu (éds.). *Autorité des auteurs antiques: entre anonymat, masques et authenticité*. Turnhout, p. 245-343
- Robin-Vogt 1997 – Robin Chr.J., Vogt B. (eds.). *Yémen, au pays de la Reine de Saba’. Exposition présentée à l’Institut du monde arabe du 25 octobre 1997 au 28 février 1998*. Paris
- Sayyid 1974 – Sayyid A.F. *Sources de l’histoire du Yémen à l’époque musulmane*. Le Caire
- Schiettecatte 2011 – Schiettecatte J. *D’Aden à Zafar. Villes d’Arabie du Sud préislamique*. Paris
- Sima 1989 – Sima A. “Anmerkungen zu einigen jüngst publizierten Felsinschriften aus Saudi-Arabien” // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 88, p. 229-259
- Van Arendonk 1960 – Van Arendonk C. *Les débuts de l’imāmat zaidite au Yémen*. Traduction française par Jacques Ryckmans. Leiden
- Wilson 1982 – Wilson R.T.O. “The fortification of North-West Yemen (The émergence of the modern administrative centres)” // *PSAS* 12, p. 95-103
- Wilson 1989 – Wilson R.T.O. *Gazetteer of Historical North-West Yemen*. Hildesheim/Zürich/New York
- von Wissmann 1970 – von Wissmann H. “Ōphīr und Ḥawīla (Ma‘mal und Ḥawlān), das westarabische Goldland; Dedan und Hegra” // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Supplementband XII. Stuttgart, col. 906-980, carte dépliant entre les col. 912 et 913
- Zetterstéen-Lewis 1960 – Zetterstéen K.V., Lewis B. “al-Abnā’” // *Encyclopédie de l’Islam*. Nouvelle édition, I. Leiden, p. 104-105

- DAI-Bar‘ān 2000-1: Nebes 2004
- FB-Mahram Bilqīs 2: Bron 2012
- ‘Inān 75: Bāfaqīh-Robin 1978: 51-54 de la partie en langue arabe
- Louvre: Calvet-Robin 1997
- RIÉth*: Bernand-Drewes-Schneider 1991
- MAFRAY-Abū Thawr 4: voir en dernier lieu Müller 2010: 85
- Al-Mi‘ṣāl 5: voir en dernier lieu Müller 2010: 28-31
- Sharaf: Müller 1974
- Al-Ukhdūd 35: Sima 1989, à compléter avec Robin 2010: 90-93
- YM 18 307: Gajda 2013
- YM 28 805: Arbach-Audouin 2007: 36-37
- YMN 20: ‘Abd Allāh 2004

Sigles d’inscription

Pour les publications antérieures à 2000, on se reportera à Kitchen 2000 (soit sous le sigle donné par l’éditeur soit sous le nom du site).

‘Aqabat Bura’ 1: Gajda-Hajj-Schiettecatte 2009
 BynM 3: Prioletta 2013: 80-82

Alexander V. SEDOV
(Moscow)

SOUTH ARABIAN COINS IN THE STATE HERMITAGE MUSEUM

The State Hermitage Museum, St.-Petersburg, possessed a small but rather representative collection of pre-Islamic South Arabian coins – 22 pieces. Most likely, that all of them were surfaced at the museum in the late 19th – early 20th century as a result of occasional acquisitions¹. The collection was properly attributed and classified in the 1930th, supposedly by A.N. Zograf, the keeper of antique coins of the Numismatic Department of the State Hermitage Museum at that time, and in the *Catalogue* below we tried to preserve this typology². According to the modern tendency in scientific literature, the described coin series could be attributed now as Sabaeen and Ḥimyarite coinages³.

Coinage of Saba'

Sixteen pieces in the Hermitage collection represent Sabaeen coinage, which is characterised by typological series with strong both Athenian and Roman influences in their iconography. Like in other South Arabian kingdoms, the oldest series can be considered as accurate imitation of the Attic coins of the so-called 'old style' (see *Catalogue*, no. 1).

¹ It seems that at least one piece (see *Catalogue*, no 12) came from the famous Ṣan'ā' hoard found in 1879 in the area of Mārib.

² Cf. manuscript in the Numismatic Department of the State Hermitage Museum «Nauchnyy katalog kabineta antichnykh monet "Araviya i Mesopotamiya"», inventory book 2584.

³ For a long period the numismatic material from South Arabia was (and still is) classified in general terms as Ancient South Arabian (ASA) coinage, and definitions such as 'Sabaeen coinage', 'Ḥimyarite coinage', 'Qatabanian coinage' or 'Ḥaḍramautic coinage' were used very rarely (Kubitschek 1899; Hill 1922; Walker 1937; Mitchiner 1985). However, in recent studies the 'national' coinages of different South Arabian kingdoms have started to be defined now more precisely. The names *hrb*, *rydn* and *s²qr* on the reverse of the coins – the names of the royal residences in Qatabān, Ḥimyar and Ḥaḍramawt respectively – can be considered as the names of the royal mints, denoting at the same time the 'nationality' of coinage or the mintage of different South Arabian kingdoms. Rectangular sign (sign A), the so-called 'sceptre' or 'royal sign' (sign C), as well as 'twisted symbol' of *'lmqh*, the 'federal' Sabaeen deity (sign D) and the so-called 'signs of Sabaeen *mukarribs*' (sign B) may have had additionally similar function for Qatabanian, Ḥimyarite and Sabaeen coinages (Sedov 1998: 32; 2005: 359; Sedov-'Aydarus 1995: 49; 'Abdullah-Ghaleb-Sedov 1997: 211-218; now see also Robin 2010: 358-359).

These early 'Sabaeen owls' were minted from the second half of the 4th to the mid-2nd centuries BC⁴, and then were replaced by completely new series with reverse imitating the 'new style' Athenian coinage, which had begun to appear in the 160s BC. The flan of these new series was larger and thinner than in the previous ones. The obverse bears now a beardless male head with what is called the 'South Arabian hair-style'. The reverse shows an owl sitting on a lying amphora as on Attic coins of the 'new style'. Value-marks in form of South Arabian letters, the pseudo-Greek legend AΘE with wrongly rendered characters (one can presume that the inscription has lost its real meaning and become a purely decorative one), and the symbol of the 'federal' Sabaeen god *'lmqh* (sign D) accompany it. There are more characteristic features on the reverse of the coins: symbols indicating the political and religious power of the Sabaeen *mukarribs* in the 5th – 4th centuries BC (sign B) and South Arabian monograms, of which the specific relation to coins is not yet clear, as they might be considered as mint-names or signs of 'magistrates' (see *Catalogue*, nos. 6-11).

Coins of one of such series bear on the reverse a legend in cursive script, which was formerly identified as 'Aramaic' or 'Lihyanite' (legend E), instead of a pair of South Arabian monograms (see *Catalogue*, nos. 2-5). The reading and interpretation of the legend have raised many questions and prompted extensive studies. Generally it was identified as the name of a Qatabanian king, a certain *s²hr hll*, but there is no understandable reason why the Qatabanian royal name was written on Sabaeen coins and in such a script. Recently, relying on the so-called 'minuscule script', P. Stein and his co-author M. Huth proposed the new reading as *s¹mh 'ly*, and, with the combination of monogram 5 in monumental script considering to be a cognomen *ynf*, attributed all series containing such legend, which include both 'Old style' and 'New style' owls, to «a Sabaeen ruler of the fourth or (early) third century BCE» (Huth-Stein 2010: 345-356). It should be noted that such attribution raised many difficulties for typology and chronology of Sabaeen imitative series.

The last series of Sabaeen imitations show Roman influence, obviously reflecting the establishment of close commercial and political ties between the Roman Empire and the Sabaeen kingdom (see *Catalogue*, nos. 12-15). A portrait very similar to that of the Roman Emperor Augustus or one of his successors now replaced the obverse male head with 'South Arabian hair-style'. The reverse still bears an owl sitting on the amphora, associated with pairs of South Arabian monograms and symbol of *'lmqh* (sign D). It has been suggested that the mintage of these coins might have been triggered by the military campaign of Aelius Gallus against Arabia Felix in 26/25 BC, and could be dated to the period immediately following the event.

According to the weight of the coins there were several denominations of 'Sabaeen owls', and value marks in form of South Arabian letters were placed on obverse or reverse of pieces. Since the publications of Kubitschek (1899: 66) and Hill (1922: lxxix-lxxxii), the weight standard of Sabaeen coins has generally been assumed to be rather similar, if not identical, to one which was common in Persia and Asia Minor, and was based on a unit of 5.6 g. We can suppose that such a standard was close to the local Sabaeen weight system, which is still unknown to us⁵.

⁴ The recent opinion on chronology of 'Sabaeen owls' see van Alfen 2010: 257-302.

⁵ About the weight standard of South Arabian coinages and meaning of value marks on coins in form of South Arabian letters see now van Alfen 2010: 257-302; Stein 2010: 303-343.

It seems that Sabaean coinage with an owl on the reverse was minted until the turn of our era or the beginning of the 1st century AD when the kingdom was absorbed into a new state whose rulers bore the title 'kings of Saba' and dhu-Raydān' and struck the coins described below as Ḥimyarite coinage⁶. The revival of independent Sabaean kingdom in the early 2nd century AD was reflected by the introduction of a new type of coinage characterised by strictly indigenous elements (the so-called 'series with Bucranium' according to Hill's classification: Hill 1922: 64-67), and the State Hermitage Museum probably possesses one of the earliest issues of such series (see *Catalogue*, no. 16). The obverse of this unique coin shows a beardless male head with 'South Arabian hair-style', rather similar to the portrait on the previous series with owl as well as on the new 'series with Bucranium'. There are two monograms on the reverse, one of which is known on the series with 'Augustan' head (monogram 3), and symbol of 'lmqh (sign D) and symbols of Sabaean mukarribs (sign B).

Coinage of Ḥimyar

The Ḥimyarite Kingdom seems to have started minting its coins in the very late 2nd century BC copying details of the contemporary Qatabanian series with male head with curly hair on the obverse and male head with 'chignon' on the reverse. The year 110 BC may have marked not only the beginning of the so-called 'Ḥimyarite era' but also a starting point for the new coinage. Rather soon, and again like in Qatabān, the early Ḥimyarite series were replaced by the 'series with two heads' and royal names in the legend on the reverse (Hill 1922: 68-74). The obverse displays a beardless male head with 'South Arabian hair-style', probably the king's portrait, sometimes accompanied by a monogram. The reverse shows a similar but smaller head with the name of *rydn* in the exergue, king's name on top around, another monogram or symbol, and a symbol of the ruling dynasty (sign C) on either side. The State Hermitage Museum collection has such coins with the names of two kings: '*mdn byn* and *t'rn y'b*' (see *Catalogue*, nos. 17-22).

Both names occurring in the coin legends can be related to Ḥimyarite rulers of the early 2nd – early 3rd centuries AD, known from the South Arabian inscriptions. It is quite certain that coins with the name of '*mdn byn*' were struck by 'Amdān Bayān Yuhaqbiḍ, king of Saba' and dhu-Raydān (c. AD 100-120) (Robin 2010: 375). On the other hand, these coins are very numerous, and this fact may indeed indicate that they enjoyed a high popularity and were minted without any iconographic changes during the reigns of several Ḥimyarite rulers of the 2nd and, probably, even the 3rd centuries AD. Moreover, during the last years bronze fractions of the coins with the name of '*mdn byn*' on the reverse were identified in South Arabian numismatic collections (Munro-Hay 2003: 157-171). Along with small crude bronze fractions of the 'series with Bucranium' they are the smallest and lightest coins ever minted in South Arabia (Munro-Hay 2003: 151-155). Coins with the name of *t'rn y'b* are associated with Tha'rān Ya'ūb Yuhan'im, king of Saba' and dhu-Raydān, who probably reigned in the late 2nd – early 3rd centuries AD (?175-215? AD according to Robin 2010: 376). It appears that his coins were the latest in the Ḥimyarite 'pre-Imperial' issues bearing the king's name.

BIBLIOGRAPHY:

- 'Abdullah-Ghaleb-Sedov 1997 – 'Abdullah Yu.M., Ghaleb 'A.O., Sedov A.V. "Early Qatabanian Coinage: the as-Surayrah Coin Hoard" // *AAE*. Vol. 8, no. 2, p. 203-229
- van Alfen 2010 – van Alfen P.G. "Die Studies of the Earliest Qatabanian and Sabaean Coinages" // M. Huth, P.G. van Alfen (eds.). *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetization*. New York, p. 257-302 (The American Numismatic Society. Numismatic Studies 25)
- Hill 1922 – Hill G.F. *Catalogue of the Greek coins of Arabia, Mesopotamia and Persia*. London (reprint Bologne, 1965)
- Huth-Stein 2010 – Huth M., Stein P. "The So-Called Cursive Legend Reconsidered" // M. Huth, P.G. van Alfen (eds.). *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetization*. New York, p. 345-356 (The American Numismatic Society. Numismatic Studies 25)
- Kubitschek 1899 – Kubitschek J.W. "Münzen" // Müller D.H. *Südarabische Altertümer im Kunsthistorischen Hofmuseum*. Wien, S. 67-78
- Mitchiner 1985 – Mitchiner M. "Unusual Early South Arabian Coins of the Himyarite-Katabanian Series" // *Coin Hoards*. Vol. 7. London, p. 75-77
- Munro-Hay 2003 – Munro-Hay S. *Coinage of Arabia Felix. The Pre-Islamic Coinage of the Yemen*. Milano (Nomismata 5)
- Robin 2010 – Robin Ch. "Ḥimyarite Kings on Coinage" // M. Huth, P.G. van Alfen (eds.). *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetization*. New York, p. 357-381 (The American Numismatic Society. Numismatic Studies 25)
- Schlumberger 1880 – Schlumberger G. *Trésor de San 'ā (monnaies himyaritiques)*. Paris
- Sedov 1998 – Sedov A.V. *Moneti drevnego Hadramauta (The Coinage of Ancient Hadramawt)*. Moscow
- Sedov 2005 – Sedov A.V. *Drevniy Hadramaut. Ocherki arheologii i numizmatiki (Ancient Ḥadramawt. Essays on Archaeology and Numismatics)*. Moscow
- Sedov-'Aydarus 1995 – Sedov A.V., 'Aydarus 'U. "The Coinage of Ancient Hadramawt: The Pre-Islamic Coins in the al-Mukalla Museum" // *AAE*. Vol. 6, no. 1, p. 15-60
- Stein 2010 – Stein P. "The Monetary Terminology of Ancient South Arabia in Light of New Epigraphic Evidence" // M. Huth, P.G. van Alfen (eds.). *Coinage of the Caravan Kingdoms. Studies in Ancient Arabian Monetization*. New York, p. 303-343 (The American Numismatic Society. Numismatic Studies 25)
- Walker 1937 – Walker J. "A New Type of South Arabian Coinage" // *Numismatic Chronicle*. Vol. XVII, 5th ser., p. 260-279

⁶A short overview on the relations of Ḥimyarite and Sabaean rulers in the first centuries AD see Robin 2010: 359-363 and table 1.

CATALOGUE

In the description of each coin we have noted metal, weight, diameter or size, die-axis according to the clockwise, characteristic of the flan. The numbers in the coin illustrations refer to the catalogue numbers below. The coins were reproduced in scale 1:1.5. S.V. Suetova from the State Hermitage Museum made all photos of the collection (credit for photos © *The State Hermitage, St.-Petersburg, 2014*)

Series *head of Athena/owl*

Obv.: head of Athena r., wearing crested helmet adorned with olive-leaves and scroll, and circular ear-ring, SA letter on the cheek

Rev.: owl sitting r., head facing, olive-spray and crescent with horns down in upper l. corner, pseudo-Greek legend ΑΘΕ on r. downward

1. *Obv.*: as above, SA letter *n* (reversed) on cheek; *rev.*: olive-spray and part of the last letter of legend off the field
Silver; 5.28 g; diam. 15 mm; die-axis is 8.30; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19580

Series *'Arab' head/owl, monogram, signs and cursive legend*

Obv.: within a wreath, beardless laureate male head with long hair in ringlets r. or l.

Rev.: within degraded fillet-border, owl sitting r. on amphora, legend on top round, monogram and SA letter on l., pseudo-Greek legend ΑΘΕ and signs on r.

2. *Obv.*: as above, head r.; *rev.*: as above, cursive legend E on top round, monogram 5 and SA letter *n* on l., pseudo-Greek legend, signs B and D on r.
Silver; 5.15 g; size 26x28 mm; die-axis is 12.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19582
3. *Obv.*: as above, head r.; *rev.*: as above, cursive legend E on top round, monogram 5 and SA letter *n* on l., pseudo-Greek legend, signs B and D on r.
Silver; 5.47 g; diam. 25,5 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19583
4. *Obv.*: as above, head r.; *rev.*: as above, cursive legend E on top round, traces of monogram 5 and SA letter *n* on l., pseudo-Greek legend, signs B and D on r.
Silver; 4.26 g; size 23x26 mm; die-axis is 12.00; broken flan (part of the coin is missing)
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19581
5. *Obv.*: as above, head l.; *rev.*: as above, traces of cursive legend E on top round, traces of monogram 5 on l., no SA letter on l., signs B and D on r., no pseudo-Greek legend on r.
Silver; 2.76 g; diam. 18 mm; die-axis is 2.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19584

Series *'Arab' head/owl, monograms and signs*

Obv.: within a wreath, beardless laureate male head with long hair in ringlets r.

Rev.: within a border formed of degraded handleless amphorae, owl sitting r. on amphora, monograms, signs and letters on l. and r.

6. *Obv.*: as above, crescent with pellet on top above head interrupting a wreath; *rev.*: as above, monogram 7 and SA letter *n* on l., monogram 4 and sign D on r.
Silver; 5.44 g; diam. 24 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19585
7. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, monogram 4 and sign D on r., traces of border on r.
Silver; 4.41 g; size 20x26 mm; die-axis is 3.00; broken flan (almost half of the coin is missing)
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19589
8. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, monogram 8 and SA letter *g* (reversed) on l., monogram 4 and sign D on r.
Silver; 2.73 g; diam. 18 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19586
9. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, monogram 2 and traces of SA letter *n* on l., monogram 4 and sign D on r., traces of border on top and r.
Silver; 2.63 g; diam. 18 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19590
10. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, monogram 2 and SA letter *n* on l., monogram 4 and sign D on r., traces of border on r.
Silver; 5.45 g; diam. 24 mm; die-axis is 5.00; regular flan
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19587
11. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, SA letter *n* on l., monograms and signs on l. and r. obscure
Silver; 4.42 g; size 22x27 mm; die-axis is 3.00; broken, heavy corroded flan (part of the coin is missing)
ΓΘ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19588

Series *'Augustan' head/owl, monograms and signs*

Obv.: within a wreath, beardless laureate male head, resembling Augustus, r. or l.

Rev.: within a border formed of degraded handleless amphorae, owl sitting r. on amphora, monograms and signs on l. and r.

12. *Obv.*: as above, head r.; *rev.*: as above, monogram 6 on l., monogram 3 and traces of sign D on r.
Silver; 4.89 g; diam. 26 mm; die-axis is 6.00; broken flan (part of the coin is missing), double struck on *rev.*
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19592
No doubt from the Şan‘ā’ 1879 hoard (cf. Schlumberger 1880: pl. II, 38)
13. *Obv.*: as above, head r., crescent with pellet interrupted a wreath, tied below with X, on top r., SA letter *n* on l.; *rev.*: as above, monogram 6 on l., monogram 3 and sign D on r.
Silver; 5.38 g; diam. 28,5; die-axis is 6.00; regular flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19591
14. *Obv.*: as above, head r., a wreath tied below with X (traces); *rev.*: as above, monogram 6 on l., monogram 3 and sign D on r.
Silver; 2.81 g; diam. 20.5 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19593
15. *Obv.*: as above, head l., crescent with pellet interrupted a wreath, tied below with X, on top, SA letter *g* on r.; *rev.*: as above, monogram 6 on l., monogram 3 and sign D on r.
Silver; 2.65 g; diam. 20 mm; die-axis is 6.00; regular flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19594
Very similar to the piece from the Şan‘ā’ 1879 hoard (cf. Schlumberger 1880: pl. III, 57)

Series male head/monograms, signs

Obv.: within a dotted border, diademed (?) male head with long hair in ringlets r.
Rev.: within a border formed of degraded handleless amphorae, monograms and signs

16. *Obv.*: as above; *rev.*: as above, monogram 3 in the centre, monogram 8 and horizontally placed sign D (?) below on l., sign B on r.
Silver; 2.10 g; diam. 17 mm; die-axis is 7.00; regular flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19595

Series male head/male head, king's name

Obv.: within linear or dotted border, beardless male head with long hair in ringlets r.
Rev.: same head as on *obv.*, but smaller r., monograms and signs on l. and r., SA legends on top round and in the exergue

17. *Obv.*: as above, no border around, SA letter *d* on cheek; *rev.*: as above, monogram on l. obscure (partially off the field), sign C on r., legend on top off the field (?), legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 1.25 g; diam. 12 mm; die-axis is 12.00; irregular thick flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19601

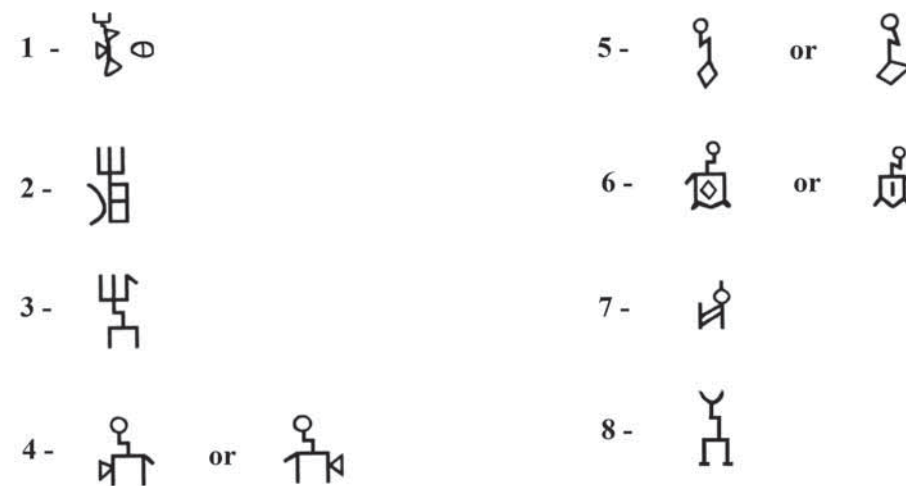
18. *Obv.*: as above, linear border interrupted on top with SA letter *y*, ends with arrows; *rev.*: as above, monogram 5 on l., sign C on r., legend on top round from 2.00 o'clock reads '*mdn/byn*', legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 1.25 g; diam. 15 mm; die-axis is 9.00; regular scyphate flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19596
19. *Obv.*: as above, linear border around interrupted on top (?); *rev.*: as above, monogram 5 on l., sign C on r., legend on top round from 2.00 o'clock reads '*mdn/byn*', legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 1.25 g; diam. 15 mm; die-axis is 9.00; regular slightly scyphate broken flan, traces of attached hook on *rev.*
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19597
20. *Obv.*: as above, dotted border around interrupted by monogram 2 (partially off the field) on l.; *rev.*: as above, sign C on r., legend on top round from 2.00 o'clock reads '*mdn/byn*', legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 1.17 g; diam. 15 mm; die-axis is 11.00; regular scyphate flan
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19598
21. *Obv.*: as above, dotted border around interrupted by monogram 2 on l.; *rev.*: as above, sign C on r., legend on top round from 2.00 o'clock reads '*mdn/byn*', legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 0.92 g; diam. 13.5 mm; die-axis is 4.00; regular scyphate flan, double struck on *obv.* (?)
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19599
22. *Obv.*: as above, dotted border around interrupted by monogram 1 on l.; *rev.*: as above, sign A on l., sign C on r., legend on top round reads *t'rn/y'b*, legend in the exergue reads *rydn*
Silver; 1.45 g; diam. 15 mm; die-axis is 2.00; regular very slightly scyphate flan with secondary hole on top r.
ГЭ, inv. book 2976, OH-A-ДГ, sheet 30, inv. # 19600

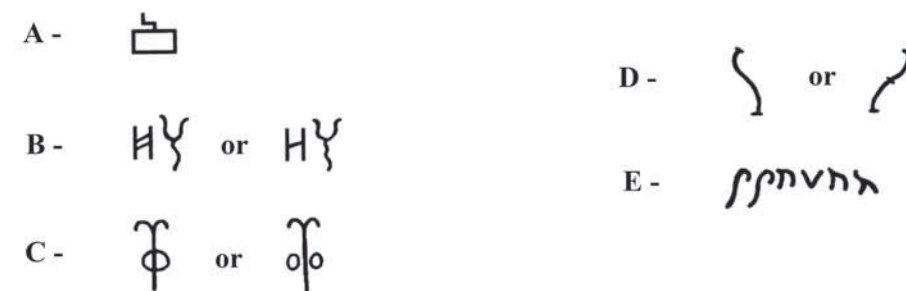

MONOGRAMS

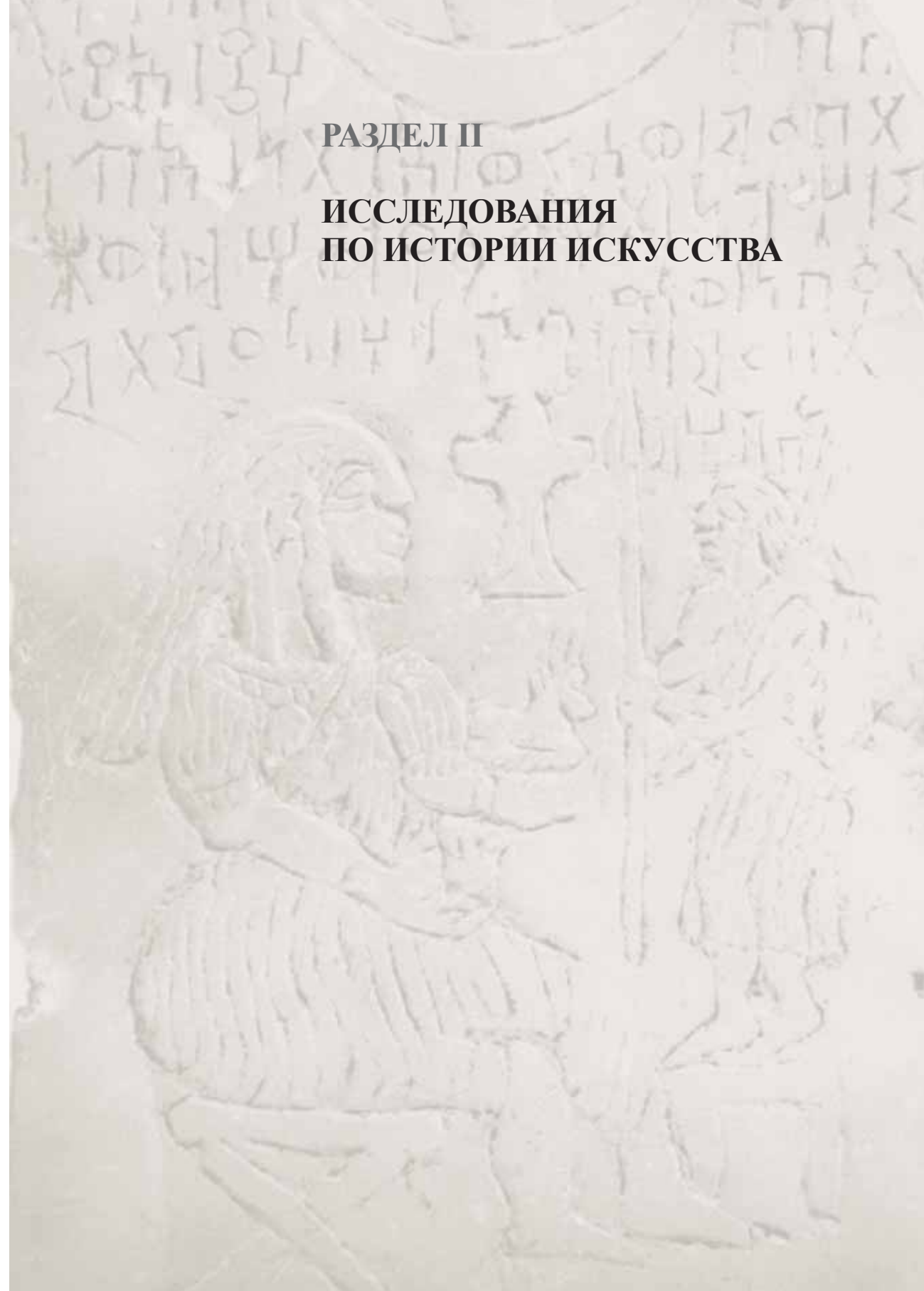

SIGNS AND CURSIVE LEGEND

РАЗДЕЛ II

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА**

Адель Тиграновна АДАМОВА
(Санкт-Петербург)

«ШАХНАМЕ» ПРИ ИЛЬХАНАХ

Основателем династии Ильханов в Иране был внук Чингиз-хана Хулагу-хан, разгромивший и опустошивший Багдад в 1258 г. Титул *ильхана* был пожалован ему Великим ханом Кубилаем одновременно с инвеститурой на все завоеванные монголами территории в Иране. Иран стал одним из улусов монгольской империи, простиравшейся от Тихого океана до Черного и Средиземного морей. Предшествовавшие воцарению Ильханов монгольские вторжения в Иран в 20–50-х гг. XIII в. были катастрофическими по своим последствиям и надолго затормозили развитие культуры.

Как показывают сохранившиеся памятники, культурная жизнь в стране постепенно оживает в 1260-1270-х гг. В городах по всей стране разворачивается строительство, а в Кашане, который был крупнейшим центром керамики в домонгольское время, возрождается производство керамических изделий. Ближе к концу столетия в Багдаде, Мараге, Тебризе и других центрах возобновляется переписка книг. В живописи главные события происходили в XIV в. в Тебризе, столице Ильханов. Именно этому городу было суждено сыграть выдающуюся роль в судьбе персидской живописи в период, когда у власти в стране были правители-чужеземцы. Здесь в результате столкновения старых традиционных представлений и эстетических норм, с одной стороны, и привнесенного, часто чуждого персам, видения, с другой, произошло формирование и рождение нового искусства. Главную роль в этом процессе сыграла поэма Фирдоуси «Шахнаме».

Выдающиеся памятники, созданные в Иране в течение столетнего правления монгольской династии в Иране, включая признанные шедеврами персидской живописи миниатюры из знаменитой рукописи «Шахнаме», созданной в придворной мастерской Ильхана Абу Саида (1317-1335) в Тебризе в 1328-1335-х гг., были впервые собраны и представлены на выставке «Наследие Чингиз-хана. Придворное искусство и культура в Западной Азии. 1256-1353», состоявшейся в 2002-2003 гг. в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Каталог выставки (Komaroff-Carboni 2002) содержит серьезные исследования отдельных групп памятников, как и проблем, касающихся развития культуры и искусства в период правления Ильханов. Однако трудно согласиться с оценкой роли монгольского завоевания в истории искусства Ирана, содержащейся во введении к каталогу и в статье, его открывающей, особенно учитывая те бедствия и разрушения, которым подверглась страна, утрату книжных собраний и художественных памятников. «В отношении культуры, – читаем в каталоге, – монгольские завоевания и так называемый *Rax Mongolica* име-

ли эффект движущей силы иранского искусства (*had the effect of energizing Iranian art*), наполнив его новыми формами, смыслами и мотивами, которые затем распространились в исламском мире. Объединив восточную и западную Азию на столетие, монголы создали уникальную возможность для неограниченного культурного обмена, изменившего лицо искусства в Иране, и предопределили инновации и синтез для следующих трех столетий (*made it a focal point of innovation and synthesis for the next three hundred years*)» (Komaroff-Carboni 2002: 7). Статья «Монголы и их наследие» начинается так: «Широко распространенный образ монголов как варваров-разрушителей, нацеленных на убийства и разрушения, основывается, главным образом, на китайских, персидских и русских хрониках XIII и XIV столетий. Эти современные описания делают упор на быстроте и безжалостности, с которыми под командованием их свирепого (*dreaded*) предводителя Темучина (Чингиз-хан, ок. 1162-1227) монголы создали самую протяженную в мировой истории империю (*carved out the largest contiguous land empire in world history*). Мало внимания, однако, обращалось на тот значительный вклад, который эти люди степей внесли как покровители искусства на протяжении XIII и XIV столетий». Заканчивается статья тем, что в конечном счете наследие Чингиз-хана и его преемников не в их военных деяниях, а в унификации большей части Азии, и в культурном и художественном расцвете, который был результатом этой унификации (Rossabi 2002: 13, 35). А предисловие к сборнику докладов международного симпозиума 2003 г. (Komaroff 2006) связывает события XIII в. с современностью: «Путем войн и завоеваний Чингиз-хан и монголы создали величайшую в истории империю, простиравшуюся от Венгрии до Кореи. Типы культурных столкновений (*cultural collisions*), ставших результатом создания этой империи, особенно впечатляют в сегодняшнем веке глобализма». Отмечается, что открытие выставки в Лос-Анджелесе (9 апреля 2003 г.) совпало с вторжением американских войск в Ирак и что все газеты сочли это совпадение символическим. Одна из газет писала: «Кульминацией монгольского завоевания было падение Багдада в 1258 г., а выставка открылась, когда американские войска завладели Тикритом, освободив несколькими днями ранее Багдад» (Komaroff 2006: 1-2).

В этой статье я попытаюсь показать, что упомянутая выше иллюстрированная рукопись «Шахнаме», выдающееся произведение эпохи монгольского правления в Иране, была создана не «благодаря» монгольскому завоеванию, а скорее в результате возрождения национального самосознания иранцев после постигшей их катастрофы. Эту рукопись долго называли «Демоттовской» по имени разрознившего ее на отдельные листы дельца, теперь за ней закрепилось имя «The Great Mongol Shahnama» (Grabar-Blair 1980; Blair-Bloom 2001; Hillenbrand 2002: 155-167).

Самая древняя сохранившаяся рукопись «Шахнаме», датированная 614 г.х. /1217 г. (Florence, Biblioteca Nazionale Centrale), не иллюстрирована, но о существовании в домонгольское время иллюстрированной «Шахнаме» говорит стих Сузани Самарканди, прочитанный А.С. Меликьяном-Ширвани (Melikian-Chirvani 1988: 43-44). Многочисленные письменные свидетельства и археологические материалы дают основания считать, что на стенах дворцов правителей и домов знати изображались эпизоды эпических сказаний, включенных Фирдоуси в поэму (Melikian-Chirvani 1988; Sims 2002: 32-33; Adamova 2008: 1-5). Знакомые по «Шахнаме» сюжеты часто появляются на керамических и металлических изделиях XII – начала XIII вв. (Шукуров 1983: 12-53; Simpson 1981; 1985; 2013; Schmitz 1994). Ясно, что поэма Фирдоуси стала известна и популярна сразу после

Рис. 1. Фрагменты крестовидного изразца из мавзолея Имам-заде Яхья в Верамине

Рис. 2. Изразец (Британский музей, Лондон; Гюзальян 1949: рис. 5)

Рис. 3. Изразец (бывшая коллекция Годмана; Гюзальян 1949: рис. 6)

ее написания в 1010 г., а беспрецедентное распространение ее сюжетов на изделиях прикладного искусства, включая ткани, говорит о том, что в XII – начале XIII вв. творение Фирдоуси проникает в самые широкие слои общества.

Известные теперь многочисленные изразцы с написанными на них фрагментами текста из «Шахнаме» свидетельствуют о том, что и при монголах поэма Фирдоуси не была забыта. Интерьеры мавзолеев, построенных в разных городах страны во второй половине XIII в., украшали панно, составленные из люстровых изразцов в виде восьмилучевых звезд и равноконечных крестов. По изломанному наружному краю изразцов каламом скорописью нанесены надписи, содержащие выписки из Корана. В ряде мавзолеев среди изразцов с кораническими текстами были обнаружены изразцы, на которых написаны стихи лирического содержания, а также отрывки из «Шахнаме». Самые ранние зафиксированные изразцы со стихами из поэмы происходят из мавзолея Имам-заде Яхья в Верамине, многие из которых датированы 660-661 г.х./1262 г. (Гюзальян 1961) (рис. 1). Изразцы с выписками из «Шахнаме», как и в Верамине среди изразцов с преимущественно кораническими текстами, были выявлены не только в ряде мавзолеев конца XIII в., но и в мечети Али в Кухруде начала XIV в. (Watson 1975). К вопросу о том, по какой причине изразцы с поэтическими текстами были включены в убранство культовых зданий, в последние годы широко обсуждавшемуся, вернемся позже.

Другой тип изразцов, на которых также часто встречаются отрывки из поэмы Фирдоуси, это прямоугольные плитки, где надписи (как и узоры) выполнены в рельефе и располагаются либо по периметру трехлопастных арок, либо же горизонтальными полосами. На таких изразцах, в отличие от рассмотренных выше фигурных, надписи играют главную роль. Из прямоугольных плиток составлялись фризы, предназначавшиеся для украшения как религиозных, так и светских построек. Возможно, впервые такой изразцовый фриз был использован для украшения дворца Тахт-е Сулейман, построенного в 1270-х гг. (см. о нем ниже).

Рис. 4. Изразец (Walters Art Gallery, Baltimore; Гюзальян 1949: рис. 4)

Первым, кто распознал строчки из «Шахнаме» на фризových изразцах, был Л.Т. Гюзальян. В статьях, опубликованных в период с 1949 по 1985 г., он не только прочитал отрывки из поэмы на всякого рода керамических изделиях, но и показал огромное значение этих поэтических фрагментов на керамике, «открыв, – как писал О. Грабар, – новое направление в изучении произведений искусства, до него не существовавшее в научной литературе» (Grabar 1957: 550-551; см. также Melikian-Chirvani 1991: 88; 1996: 35, 42; Grube 1976: 199, note 6; Watson 1985: 152; Simpson 1985: 139).

Поскольку выводы и наблюдения Л.Т. Гюзальяна не утратили своего значения и сейчас, а некоторые из них важны для рассмотрения нашей темы, напомним кратко некоторые из них. В статье 1949 г. на семи фризových изразцах разного типа Л.Т. Гюзальяном были прочитаны отрывки из «Шахнаме» (Гюзальян 1949). На одном из них были первые строчки поэмы, восхваляющие Бога (Гюзальян 1949: 75, рис. 1), встречающиеся, как выяснится впоследствии, особенно часто; есть они и на изразце из мечети Али в Кухруде (Watson 1975: 66, pl. IVa). Полустишие из лирического отступления (в начале главы об Исфендиаре и Рустеме) «*теперь настала пора, когда нужно пить приятное на вкус вино...*», прочитанное Л.Т. Гюзальяном на изразце из Британского музея, также обнаружилось и на других изделиях (Гюзальян 1949: 78-79; Watson 1975: 66, pl. IVc) (рис. 2). Еще на одном изразце написан фрагмент стиха из беседы Ануширвана с Бузургмихром, содержащий сентенцию «*дабир должен быть мудрым...*» (Гюзальян 1949: 79) (рис. 3). Особенно интересен изразец с изображением Феридуна, едущего верхом на вскормившей его корове, по нижнему краю которого каламом написаны стихи из «Шахнаме», с изображением не связанные. Это лирическое отступление из вступления к сказанию о Бижане и Маниже: «*Земля под тем покрывалом цвета смолы, ты сказал бы, погрузилась в сон; у мира сердце преисполнилось ужаса за себя и ночной страж схватился за колокольчик*» (Гюзальян 1949: 77-78) (рис. 4). На другом изразце с почти идентичным изображением надпись внизу содержит начальные строки поэмы (Simpson 1985: 140, fig. 16). Одна из часто повторяющихся в поэме сентенций: «*О, мир, ты целиком [лишь] досада и ветер*», относящаяся к заключительной части царствования Феридуна, написана на люстровом изразце из мавзолея Имам-заде Яхья в Верамине (Гюзальян 1961).

Рассказ об охоте Рустема на онагров и пленении его коня Рахша туранцами (начало повести о Сохрабе), начинающийся словами «*со слов дехкана – древнее сказание*», в более или менее полном виде Л.Т. Гюзальян обнаружил на многих керамических изделиях (девять восьмилучевых звезд, два люстровых кувшина и две прямоугольные плитки), исполненных в период от 1270 по 1339 гг., что само по себе говорит о популярности рассказа (Гюзальян 1951a; 1951b). Самые длинные фрагменты этого текста оказались на двух кувшинах, и, как заметил Л.Т. Гюзальян, в обоих случаях тексты на них написаны весь-

ма витиевато. На люстровом сосуде, датированном 889 г.х./1270-71 гг. (Гюзальян 1951a: рис. 5-6; Survey of Persian Art 1939: pl. 718B), текст помещен в узкие полосы, покрывающие сеткой сосуд, и при этом стихи из «Шахнаме» чередуются здесь с любовными четверостишиями и поучениями, ни между собой, ни с назначением кувшина не связанными, а часть стихов читается при опрокинутом положении кувшина. На другом кувшине (рис. 5) надпись располагается в 16 горизонтальных полосах, при этом, как пишет Л.Т. Гюзальян, «ее приходится читать не в порядке последовательного перехода от одной полосы к другой, а попеременно, минуя очередную». Сначала ее следует читать в темных полосах, где она оставлена резервом, затем в светлых, где она исполнена кистью (Гюзальян 1951a: 46-47). Строки из этого рассказа были позднее выявлены на многих изразцах, в том числе на восьми изразцах мечети Али в Кухруде (Watson 1975: 66, pl. IVb; см. также Watson 1985: pl. 5; Carboni-Masuya 1993: рис. 8).

Рис. 5. Кувшин (Музей искусств Грузии; Гюзальян 1951: рис. 8)

ма витиевато. На люстровом сосуде, датированном 889 г.х./1270-71 гг. (Гюзальян 1951a: рис. 5-6; Survey of Persian Art 1939: pl. 718B), текст помещен в узкие полосы, покрывающие сеткой сосуд, и при этом стихи из «Шахнаме» чередуются здесь с любовными четверостишиями и поучениями, ни между собой, ни с назначением кувшина не связанными, а часть стихов читается при опрокинутом положении кувшина. На другом кувшине (рис. 5) надпись располагается в 16 горизонтальных полосах, при этом, как пишет Л.Т. Гюзальян, «ее приходится читать не в порядке последовательного перехода от одной полосы к другой, а попеременно, минуя очередную». Сначала ее следует читать в темных полосах, где она оставлена резервом, затем в светлых, где она исполнена кистью (Гюзальян 1951a: 46-47). Строки из этого рассказа были позднее выявлены на многих изразцах, в том числе на восьми изразцах мечети Али в Кухруде (Watson 1975: 66, pl. IVb; см. также Watson 1985: pl. 5; Carboni-Masuya 1993: рис. 8).

Особенно важным в связи с нашей темой является открытие, сделанное Л.Т. Гюзальяном в статье об иранских изразцах на купольном барабане храма Богородицы в Егварде (Гюзальян 1984). Здесь на каждой плитке было помещено по одному стиху, и все они – из «Шахнаме». Когда при реставрации храма изразцы были сняты со стены, на обороте плиток были обнаружены пометки на персидском языке, причем на четырех из них было написано «сорок три», «сорок четыре», «сорок шесть», «сорок семь», т.е. здесь оказался последовательный ряд с одним недостающим порядковым номером. Очевидно, что на своем первоначальном месте плитки находились рядом друг с другом, однако текст на них представлял собой произвольное сочетание стихов из «Шахнаме». На плитке 43 написан стих, которым завершается царствование Ардашира, призывающий придерживаться добра и не предаваться злу (рис. 6). Стихи на трех других плитках взяты из раз-

Рис. 6. Изразец из Егварда с пометкой «сорок три» (Гюзальян 1984: рис. 3)

ных мест царствования Бахрама Гура: в них говорится о наступлении весны, о природе, о чаше с вином. На плитках, не входящих в этот ряд, также содержались стихи с описанием природы. Это стих (вернее второе полустишие) из начала царствования Кауса «[в садах – улаждающие слух соловьи], на взгорьях – выступающие горделиво газели», строка из начала повести о Бижане и Маниже «От когтей гепардов по всему полю – горные бараны с растерзанным телом...», и др. (Гюзальян 1984: 166-171) Л.Т. Гюзальян отмечает, что такое же сочетание взятых из разных мест «Шахнаме» стихов известно по датированному 665 г.х./1266 г.

изразцу в форме восьмилучевой звезды из Лувра. Здесь помещены лирические стихи, взятые из разных мест повествования об Исфендиаре: «настало время пить вино...», «в садах цветут нарциссы и гиацинты», «в цветнике стонет соловей», «когда проснешься взгляни на мир» (первый и последний из стихов написаны и на плитках из Егварда). Л.Т. Гюзальян делает очень важный вывод о том, что как на луврском изразце, где надпись выполнена от руки, так и на отформованных в матрицах изразцах из Егварда тексты являются отступлениями от исторического повествования и подобраны по единому принципу, преследующему цель создать из стихов «Шахнаме» сочетания, которые бы отвечали душевному состоянию людей, занятых приятным препровождением времени (Гюзальян 1984: 166).

В результате огромной работы, проделанной А.С. Меликьяном-Ширвани и многими другими исследователями, круг памятников с отрывками из «Шахнаме» расширился, но не изменилось их содержание. Исследователи отмечают, что стихи из «Шахнаме», зафиксированные на изразцах, это чаще всего начало поэмы (стихи, восхваляющие Бога), либо же это взятые из разных мест поэмы всякого рода лирические отступления, особенно часто описание природы, описание красавицы, приглашение выпить хорошее вино или сетования на судьбу и быстротечность жизни, и, наконец, разного рода максимы (Masuya 2002: 99-102; Watson 1975: 65-67).

Интересно, что на изразцах из Егварда и из Британского музея написано одно и то же полустишие – *shavadh aseman hamcho posht-e palang*, т.е. «небо обретет вид шкуры гепарда» (см. Melikian-Chirvani 1996: figs. 2 and 3.), – но изразцы были изготовлены в разных матрицах, что указывает на то, что некоторые фрагменты из поэмы были особенно популярны.

Очень важно наблюдение О. Ватсона о том, что изразцы в виде звезд и крестов с поэтическими надписями, включая стихи из «Шахнаме», которые обнаружены в зданиях религиозного назначения, изначально входили в состав их декора и находились на стенах зданий среди изразцов с кораническими текстами (рис. 7). Это и мавзолей Имам-заде Яхья в Верамине с изразцами, датированными 660-661 г.х./1262 г., и мавзолей Имам-заде Джафара в Дамгане с серией изразцов с датами 664-665 г.х./1266-1267 г., и ханака Пир-

Рис. 7. Изразец в форме восьмилучевой звезды (ГЭ, инв. № ИР-1231)

Хусейна в Азербайджане, где на изразцах написаны даты от 682 до 684 г.х. (от 1283 до 1285 гг.). Убедительны аргументы О. Ватсона, показывающие, что поэтические тексты, включая стихи из «Шахнаме», на кашанских изразцах из мечети Али в Кухруде начала XIV в. (есть изразцы с датой 707 г.х./1307 г.) также предназначались для этого здания (Watson 1975: 59-74; 1985: 154-156)¹.

Продолжали обсуждаться вопросы, связанные с ролью и назначением отрывков из «Шахнаме» на керамике, использованной в декоре как культовых, так и общественных зданий. Здесь особенно важен открытый между 1959 и 1978 гг. при раскопках дворец, получивший название Тахт-е Сулейман. Дворец был построен для монгольского правителя Абака-хана (1265-1282) на руинах зороастрийского святилища сасанидской эпохи (Masuya 2002: 84-103). Среди большого количества найденных там обломков изразцов А.С. Меликян-Ширвани идентифицировал большой люстровый изразец со стихом из «Шахнаме» в трехлопастной арке (Melikian-Chirvani 1984: 276, fig. 3). Это открытие послужило основанием для отнесения к этому памятнику большого количества изразцов такого же типа, хранящихся в музейных и частных коллекциях. Был реконструирован фриз из более чем 20 изразцов со стихами из «Шахнаме» в арках (Melikian-Chirvani

¹ См. также Крачковская 1946: 68-70 о том, что и изразцы с изображениями животных входили в первоначальный декор ханаки Пир-Хусейна.

1984). Эти изразцы, а также изразцы в виде восьмиконечных звезд и крестов, на которых А.С. Меликян-Ширвани также распознал и прочитал стихи из поэмы (Melikian-Chirvani 1991: 83-87), значительно расширили репертуар цитат из поэмы Фирдоуси на керамике. Поскольку один и тот же стих появлялся на нескольких фризовых изразцах, да и размер, как и декоративные элементы на них различались, в своей работе 1996 г. А.С. Меликян-Ширвани уже различал по меньшей мере 9 фризов с надписями в арках (Melikian-Chirvani 1996: 9-13). Серии составляли и изразцы с надписями, идущими горизонтально (Melikian-Chirvani 1996: 35-76). Стало ясно, что в конце XIII – первой половине XIV вв., особенно в 1320-30-х гг., многие дворцы и богатые дома в Иране были украшены фризами с цитатами из «Шахнаме».

Что касается Тахт-е Сулейман, многие авторы самому факту появления стихов из персидского национального эпоса во дворце, построенном для Ильхана, стали придавать некое символическое значение, считая, что отрывки, взятые из царствований Феридуна, Кей-Хосрова, Бахрам Гура или Александра, должны были представить монгольских правителей в качестве законных наследников древних царей Ирана (Melikian-Chirvani 1984: 292-312; 1991; 1997: 149-167; Blair 1993: 243-244; Melville 2002: 54). Но сразу же возникает вопрос – почему в таком случае не были выбраны строчки поэмы, где рассказывалось бы о деяниях царей, почему отсутствуют их имена. Ответ очевиден: источник стихов не должен был быть узан. Эти стихи были адресованы персам, которые знали поэму наизусть и могли легко распознать, откуда взяты строки. Повсюду, во дворцах, мавзолеях и мечетях, на предметах они встречали напоминания о великом творении Фирдоуси.

В связи с этим чрезвычайно интересно предположение А.С. Меликяна-Ширвани о том, что идея сооружения дворца для монгольского правителя на городище сасанидского святилища (символическая его реконструкция) и концепция его декоративной программы принадлежала знаменитому историку Ала ад-Дину Ата Малику Джувейни (1226-1283) и его брату Шамс ад-Дину Мухаммаду Джувейни, который был главным везирем трех первых монгольских ханов в Иране в 1262-1284 гг. (Melikian-Chirvani 1984). По заказу монгольских правителей Ата Малик Джувейни написал большой исторический труд «Тарих-и Джахангуша» («История покорителя мира», т.е. Чингиз-хана), который был завершен около 1260 г. В своем сочинении Джувейни часто цитирует стихи из «Шахнаме»; только Коран им цитируется чаще. А.С. Меликян-Ширвани, анализируя многочисленные отрывки из поэмы Фирдоуси в «Тарих-и Джахангуша», отмечает, что во многих случаях стихи, которые Джувейни приводит в своем труде, появляются и на изразцах из Тахт-е Сулейман, причем в специфическом варианте, который отличается от того, что представлен в рукописях поэмы (Melikian-Chirvani 1991: 34 ff)². Стихи, которые Джувейни включает в свое повествование, как и те, что встречаются на керамике, по большей части, морализирующего характера. Это также рассуждения о быстротечности жизни и превратностях судьбы, описания природы. Не менее 50 цитат из поэмы встречается в истории Джувейни, и, что самое интересное, стихи, которые Джувейни цитирует в своем сочинении, не содержат имен царей и героев (Simpson 1979: 313-320).

А.С. Меликян-Ширвани дает также ключ к пониманию того, кому адресованы выдержки из «Шахнаме» как в историческом труде Джувейни, так и на фризовых изразцах.

Он обращает внимание на то, что Джувейни в своем труде обычно избегает упоминания имени автора «Шахнаме» (лишь один раз уточнив «Фирдоуси говорит»), объясняя это тем, что стихи поэмы были легко узнаваемы иранцами, которым они и были адресованы (Melikian-Chirvani 1997: 154; см. также Masuya 2002: 99-102).

В этом утверждении содержится и ответ на вопрос, почему выбраны стихи нейтральные и без упоминания конкретных событий и имен царей, по которым можно было бы легко идентифицировать источник цитирования. Можно предположить, что поэма Фирдоуси не была популярна среди монголов и не признавалась на официальном уровне. Она не стала частью придворной культуры и, возможно, не была разрешена. Эта гипотеза, в свою очередь, помогает объяснить, почему цитаты из «Шахнаме» стали популярны на керамике именно в период правления Ильханов, в то время как на керамике второй половины XII и начала XIII вв. писали преимущественно благопожелания или любовные четверостишия, большая часть которых происходила из репертуара поэтов и мастеров-керамистов Кашана (Bahrami 1949: 116-123; Гюзальян 1956). Это также объясняет, почему стихи из поэмы, когда они написаны на сосудах или изразцах в виде звезд и крестов, перемежаются благопожеланиями, любовными четверостишиями и т.п., написаны витиевато, «спрятаны» среди изразцов с кораническими текстами в мавзолеях и мечетях, а также почему сцена с изображением Феридуна, на упомянутом выше изразце, сопровождается текстом, не имеющим отношения к этому сюжету, а представляющим собой нейтральные строчки, взятые из другого места поэмы, и почему изображения на центральном поле фигурных изразцов никогда не иллюстрируют стихи, написанные по краю. Возможно, этими же соображениями руководствовались создатели маленького иллюстрированного списка «Калила и Димна» конца XIII в., когда на фронтисписе в полосах над и под изображениями, видимо, автора и заказчика, поместили начальные строки поэмы Фирдоуси³.

Здесь уместно также привести наблюдения многих авторов о том, что до воцарения Газан-хана в 1295 г. покровительство культуре, как и само художественное творчество, почти не существовали (Melville 2002: 50 – “*cultural patronage and artistic production were almost nonexistent*”); что Джувейни был в отчаянии (“*distressed*”) от новой гибридной культуры Ирана при Ильханах и оплакивал уничтожение монголами центров учености (Fitzherbert 1996: 72); что Ильханы, включая Олджейту (1304-1316) и Абу Саида (1316-1335), продолжали монгольскую практику сезонных миграций и что главные события их придворной жизни (восшествие на трон, празднества) происходили, главным образом, в шатрах (Masuya 2002: 77-84).

Видимо, и в начале XIV в., при Газан-хане, принявшем ислам в 1295 г., как и при его преемнике Олджейту, «Шахнаме» все еще не стала частью придворной культуры. Газан-хана интересовали история и генеалогия, и его визирь Рашид ад-Дин составил по его заказу «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей»), своего рода всемирную историю. В этом труде, законченном уже при Олджейту в 1310-1311 гг., была поставлена политическая задача интегрировать историю монголов в историю народов мира и обосновать легитимность их правления в Иране. Знаменитый арабский список это-

³ См. Simpson 2006: 240-242, col.pl.15, где появление этих строк на фронтисписе книги басен рассматривается как свидетельство того, что «Шахнаме» приобретает особую популярность ок. 1300 г.

² См. также Melikian-Chirvani 1997: 152, где автор высказывает предположение, что стихи для фриза Тахт-е Сулейман отбирал лично Ата Малик Джувейни.

Рис. 8. Миниатюра «Лухрасб на троне» из рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина (Survey of Persian Art 1939: pl. 827 A)

го труда, созданный в придворной мастерской в Тебризе в 714 г.х./1314-1315 гг., одна часть которого хранится в библиотеке Эдинбургского университета, а другая – в коллекции Халили в Лондоне (Komaroff-Carboni 2002: cat. no. 6, 7; Blair 1995), содержит вторую часть второго тома труда Рашид ад-дина, где рассказывается о древних иранских и арабских правителях, пророке Мухаммаде и халифах, евреях, франках, индийцах и китайцах.

В иллюстрациях к этому списку проявляется в развитом виде стиль, заказчиком и вдохновителем которого выступают правящая династия Ильханов и монгольская знать. Иллюстрации объединяет одна общая черта – они очень мало похожи на произведения персидской живописи (рис. 8). В качестве образцов при их создании были использованы китайские свитки, византийские и еврейские книги и другие источники (Blair 1995: 46-54). Для характеристики этого стиля употребляют слова «гибридный» и «cosmopolitan». Наиболее яркой их особенностью является сильное влияние чужеземных культур, особенно дальневосточной, в первую очередь китайской. В миниатюрах преобладает монгольский тип лица, монгольские и китайские одежды, вооружение. В них множество дальневосточных мотивов, заимствованных большей частью из Китая, таких как дракон, феникс, цветок лотоса, стилизованные облака. Несомненно, с китайским влиянием следует связать и характерную для этих миниатюр графичную, линейную манеру, ограниченное использование цвета, а также очевидный интерес к передаче глубины пространства, объема, движения, что делает их резко отличными как от иллюстраций в единственной сохранившейся домонгольской рукописи «Варка и Гульшах», абсолютно плоскостных, ярких и декоративных, так и от миниатюр почти современной им ширазской «Калила и Димна»

Рис. 9. Миниатюра «Зав на троне» из рукописи «Шахнаме» 1328-1335 гг. (Grabar-Blair 1980: 85)

1307-1308 гг. с их широкой свободной манерой письма, быстрым размашистым рисунком (Adamova 2008: 9).

Примечательно, что и немонгольские народы (в том числе цари Ирана) представлены на этих иллюстрациях в облике монголов, что, по мнению некоторых исследователей, как бы связывает всю мировую историю с историей монголов (Komaroff-Carboni 2002: 245-246, cat. no. 7).

Миниатюры «Антологии персидской поэзии», созданной в это же время, в 713-714 г.х./1314-1315 гг. (хранится в Лондоне, в The India Office Library; см. Robinson 1976: 4-10), и явно в том же скриптории Рашид ад-дина, исполнены в таком же неиранском стиле, графичной линейной манере, с ограниченным использованием цвета.

Персы при виде этих произведений должны были чувствовать, что их собственная культура исчезает, что почва как будто ускользает у них из под ног. Они поняли, что возникла опасность ее полного поглощения новой космополитичной культурой, усиленно в своих политических интересах насаждавшейся монгольской элитой. Сдерживающей силой, которая была противопоставлена разрушительному влиянию насаждаемой культуры, стала поэма «Шахнаме», в которой идеи величия прошлого страны звучат с особой силой и с которой связывалась идея преемственности и непрерывности ее культуры. Видимо, в 20-30-е годы XIV в. в разных художественных центрах почти одновременно обращаются к созданию иллюстрированных списков поэмы.

Как известно, в 1318 г. происходят трагические события: казнь Рашид ад-дина, разорение созданного им скриптория, сожжение книг. Когда десятью годами позднее, в 1328 г. Абу Саид назначает своим визирем Гияс ад-дина, сына Рашид ад-дина, работа скриптория возобновляется и в придворной мастерской Абу-Саида в Тебризе создается неоднократно уже упоминавшийся список «Шахнаме». Видимо, это был первый список поэмы, созданный для Ильхана в придворной мастерской.

Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на миниатюры этого списка – это их отчетливо персидский характер; второе – это постоянное обращение к традиции (Adamova 2008: 15-25). Тронные сцены, полные торжественности, демонстрируют возврат к типу официального царского портрета, который существовал до монголов (рис. 9). Лицо крестьянина в миниатюре «Бахрам Гур в доме крестьянина» (Grabar-Blair 1980: no. 50) удивительно похоже на лицо человека на фрагменте росписи, найденном при раскопках Нишапура, разрушенного монголами (Wilkinson 1986: 248). Многие исследователи отмечали, как мало общего имеют иллюстрации этой рукописи с предшествовавшим стилем миниатюр, и на этом основании переносили рукопись то в иную эпоху, то в другой регион, не допуская даже мысли о том, что она возникла не как продолжение гибридного и космополитичного стиля, а как протест против него.

Поскольку этот список, как теперь общепринято считать, был создан в придворной мастерской Абу Саида в конце его правления, значит, таков был политический заказ. По прошествии ста лет после завоевания Ирана очередной Ильхан почувствовал себя персом или по крайней мере должен был это продемонстрировать. Так еще до конца правления Ильханов поэма Фирдоуси вернулась в сферу придворного искусства. Несомненно, это случилось благодаря тому, что персы, от Джувейни до мастеров керамики, не позволили забыть поэму, бережно сохраняя темы и образы, напоминающие о величии национальной культуры. Пока не вполне ясно, была ли это воля заказчиков – монгольских правителей и их окружения – или это было явление лишь художественной жизни, но в любом случае одно из самых великих произведений этой эпохи свидетельствует о том, что искусство в Иране, по крайней мере в этот период, не было безучастным. Оно по-своему боролось и даже вышло победителем из этой борьбы.

Дальнейшее развитие персидской живописи XIV в. связано уже с поэмой «Шахнаме». К середине XIV в., когда традиция создания иллюстрированных списков поэмы закрепилась, уже не было необходимости распространять стихи и образы поэмы Фирдоуси на изразцах и сосудах.

Но это еще не все. По предположению А. Судава, рукопись «Шахнаме», созданная для Абу Саида, была иллюстрирована не как история царей Ирана, а скорее как «эпи-

ческая история монголов», и при иллюстрировании рукописи были отобраны те сюжеты поэмы, которые вызывали в памяти события монгольской истории и историю семьи Ильханов (Soudavar 1996)⁴. Это делает весьма убедительной идентификацию А. Судава этой рукописи с иллюстрированной художником по имени Ахмад Муса рукописью «Абу Саид-наме», упомянутой Дуст Мухаммадом в его знаменитом предисловии к альбому, созданному им для сефевидского принца Бахрам Мирзы в 951 г.х./1544 г. (Istanbul. Topkapı Palace Library, H. 2154), тем более что литературного произведения с таким названием не существует.

Догадка А. Судава о подлинном содержании живописного цикла этой рукописи выглядит очень убедительной, как и, соответственно, отнесение ее иллюстраций к работам Ахмада Мусы. В предисловии Дуст Мухаммада об этом художнике сказано: «Во времена правления Абу Саида мастер (*устад*) Ахмад Муса, он ученик своего отца, снял завесу (покрывало) с лика изображения (с лица живописи) (*нарда гуша-йи чихра-йи тасвири шуд*) и живопись, которая сейчас в ходу (существует сейчас) создана им» (*ва тасвири ки хала мутадавил аст у ихтира кард*) (Thackston 1989: 345). Без этой загадочной фразы не обходится ни одна общая работа по персидской живописи. Обычно при переводе добавляют слово «стиль» («стиль живописи, который сейчас в ходу»), но Дуст Мухаммад не мог не знать, что за прошедшие два столетия стиль менялся не раз, и он явно не это имел в виду. Очевидно, когда Дуст Мухаммад написал, что Ахмад Муса «снял завесу с лица изображения», он имел в виду, что художник «освободил» живопись от всего чужого, наносного, в то время как продолжение этой фразы означает, что Ахмад Муса стал создателем новой, «национальной», собственно персидской живописи, которая продолжала существовать и в середине XVI в., когда Дуст Мухаммад писал свое предисловие.

Ахмад Муса создал в этой рукописи не просто иллюстрации, следующие за текстом, но картины, интерпретирующие текст, способные вместить глубокий смысл. Оказалось, что в иллюстрациях к литературным сюжетам можно изобразить события и историю своего времени. Заказчики поняли, что с помощью иллюстрированной рукописи можно поднять свой престиж. Это определило отношение к искусству книги, которому с этого времени отдают предпочтение. Миниатюра осознала себя как самостоятельное искусство и приобрела статус ведущего вида изобразительного искусства Ирана.

⁴ См. также Grabar-Blair 1980: 49-52, где высказывается догадка о том, что иллюстрации этой рукописи отражают реальные события из придворной жизни последних Ильханов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гюзальян 1949 – Л.Т. Гюзальян. “Фризковые изразцы XIII в. с поэтическими фрагментами” // *ЭВ* III, с. 72-81
- Гюзальян 1951a – Л.Т. Гюзальян. “Отрывок из Шахнамэ на глиняных изделиях XIII-XIV вв.” // *ЭВ* IV, с. 39-55
- Гюзальян 1951b – Л.Т. Гюзальян. “Отрывок из Шахнамэ на глиняных изделиях XIII-XIV вв.” // *ЭВ* V, с. 33-50
- Гюзальян 1956 – Л.Т. Гюзальян. “Надпись на люстровом изразце 624/1227 г. из Киевского музея” // *ЭВ* XI, с. 33-43
- Гюзальян 1961 – Л.Т. Гюзальян. “Несколько поэтических текстов на вераминских изразцах Эрмитажа” // *ЭВ* XIV, с. 36-43
- Гюзальян 1984 – Л.Т. Гюзальян. “Иранские средневековые изразцы на купольном барабане храма Богородицы в Егварде” // *Историко-филологический журнал. Академия наук Армянской ССР*. № 2 (105), с. 153-174
- Крачковская 1946 – В.А.Крачковская. *Изразцы мавзолея Пир-Хусейна*. Тбилиси
- Шукуров 1983 – Ш.М. Шукуров. «*Шах-наме*» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М.
- Adamova 2008 – А.Т. Adamova. *Mediaeval Persian Painting: The Evolution of an Artistic Vision*. Translated from the Russian and Edited by J.M. Rogers. New York
- Bahrami 1949 – Mehdi Bahrami. *Gurgan Faïences*. Cairo
- Blair 1993 – Sheila S. Blair. “The Ilkhanid Palace” // *Ars Orientalis*, vol. 23, p. 239-248
- Blair 1995 – Sheila S. Blair. *A Compendium of Chronicles*. Oxford
- Blair-Bloom 2001 – Sheila S. Blair, Jonathan M. Bloom. “Epic Images and Contemporary History: The Legacy of the Great Mongol Shahnama” // *Islamic Art* 5, p. 41-52
- Carboni-Masuya 1993 – S. Carboni, T. Masuya. *Persian Tiles. Exhibition Catalogue*. New York
- Fitzherbert 1996 – T. Fitzherbert. “Portrait of a Lost Leader. Jalal al-Din Khwarazmshah and Juvaini” // *The Court of the Ilkhans. 1290-1340*. Ed. by J. Raby and T. Fitzherbert. Oxford, p. 63-77
- Grabar 1957 – O. Grabar. “Review of Epigraphica Vostoka” // *Ars Orientalis* 2, p. 550-551
- Grabar-Blair 1980 – O. Grabar, Sh. Blair. *Epic Images and Contemporary History: The Illustrations of the Great Mongol Shahnama*. Chicago
- Grube 1976 – Ernst J. Grube. *Islamic Pottery of the Eighth to the Fifteenth Century in the Keir Collection*. London
- Hillenbrand 2002 – R. Hillenbrand. “The Arts of the Book in Ilkhanid Iran” // Linda Komaroff and Stefano Carboni (eds.). *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York, p.134-167
- Komaroff 2006 – Linda Komaroff (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden/Boston
- Komaroff-Carboni 2002 – Linda Komaroff and Stefano Carboni (eds.). *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York
- Masuya 2002 – T. Masuya. “Ilkhanid Courtly Life” // Linda Komaroff and Stefano Carboni (eds.). *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York, p.74-103
- Melikian-Chirvani 1984 – A.S. Melikian-Chirvani. “Le Shah-name, la gnose soufie et le pouvoir mongole” // *Journal Asiatique*, tome CCLXXII, no. 3-4, p. 249-337
- Melikian-Chirvani 1988 – A.S. Melikian-Chirvani. “Le livre des Rois, Miroir du destin” // *Studia Iranica* 17, p. 7-46
- Melikian-Chirvani 1991 – A.S. Melikian-Chirvani. “Le livre des Rois, Miroir du destin II: Takht-e Soleyman et la symbolique du Shah-name” // *Studia Iranica* 20, p. 33-148
- Melikian-Chirvani 1996 – A.S. Melikian-Chirvani. “Les friezes du Shahname dans l’architecture Iranienne sous les Ilkhan” // *Studia Iranica* 18, p. 35-72
- Melikian-Chirvani 1997 – A.S. Melikian-Chirvani. “Conscience du passé et resistance culturelle dans l’Iran mongol” // *L’Iran face a la domination mongole. Etudes reunites et presentees par Denise Aigle*. Tehran, p. 137-177
- Melville 2002 – Charles Melville. “The Mongols in Iran” // Linda Komaroff and Stefano Carboni (eds.). *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York, p.36-61
- Robinson 1976 – B.W. Robinson. *Persian Paintings in the Indian Office Library*. London
- Rossabi 2002 – Morris Rossabi. “The Mongols and Their Legacy” // Linda Komaroff and Stefano Carboni (eds.). *The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353*. New York, p.12-35
- Schmitz 1994 – B. Schmitz. “A Fragmentary Mina’i Bowl with Scenes from the Shahnama” // *The Arts of the Saljuqs in Iran and Anatolia*. Ed. by R. Hillenbrand. Costa Mesa, p. 156-162
- Sims 2002 – Eleanor Sims with Boris I. Marshak and Ernst J. Grube. *Peerless Images. Persian Painting and its Sources*. New Haven/London
- Simpson 1979 – M.S. Simpson. *The Illustration of an Epic: The Earliest Shahnama Manuscripts*. New York/London
- Simpson 1981 – M.S. Simpson. “The Narrative Structure of a Medieval Iranian Beaker” // *Ars Orientalis* 12, p. 15-24
- Simpson 1985 – M.S. Simpson. “Narrative Allusion and Metaphor in the Decoration of Medieval Islamic Objects” // *Studies in the History of Art. Vol. 16. Pictorial Narrative in Antiquity and the Middle Ages*. Ed. by Herbert L. Kessler and Marianna Shreve Simpson. Washington, p. 131-149
- Simpson 2006 – M.S. Simpson. “In the Beginning: Frontispieces and Front Matter in Ilkhanid and Injuid Manuscripts” // Linda Komaroff (ed.). *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden/Boston, p. 213-247
- Simpson 2013 – M.S. Simpson. “Shahnama Images and Shahnama Settings in Medieval Iran” // *Ferdowsi’s Shahnama. Millenial Perspectives*. Ed. By Olga M. Davidson and Marianna Shreve Simpson. Cambridge/London, p. 72-85
- Soudavar 1996 – A. Soudavar. “The Saga of Abu-Sa’id Bahador Khan” // *The Court of the Ilkhans. 1290-1340*. Ed. by J. Raby and T. Fitzherbert. Oxford, p. 95-218
- Survey of Persian Art 1939 – *A Survey of Persian Art*. Ed. by A.U. Pope. 6 vols. Oxford
- Thackston 1989 – W.M. Thackston. *A Century of Princes: Sources of Timurid History and Art*. Cambridge, Mass.
- Watson 1975 – O. Watson. “The Masjid-i ‘Ali, Quhrud: An Architectural and Epigraphic Survey” // *Iran* XIII, p. 59-74
- Watson 1985 – O. Watson. *Persian Lustre Ware*. London/Boston
- Wilkinson 1986 – Charles K. Wilkinson. *Nishapur: Some Early Islamic Buildings and Their Decoration*. New York

Sabina ANTONINI DE MAIGRET
(Rome)

A WINGED DEITY IN SOUTHERN ARABIA

There is continued uncertainty and significant debate regarding the iconographic representations of South Arabian divinities. Famous examples are the Ma'dikarib's statue and two other bronze statues (6th century BC) excavated from the temple Awām in Marib and associated with either the representation of the god Almaqah or a Sabaean warrior protected by the god (Garbini 1974; Pirenne 1972). Another equivocal case is exemplified by the stela depicting a female figure in relief that Jaqueline Pirenne identified as the goddess dhāt-Ḥimyam (Pirenne 1960; 1962; 1965) on the basis of an engraved inscription on the plinth of another artwork, the famous *Lady Ba'rat* – a bronze statue in the round excavated from Tamna' in which the dedication reads «*Ba'rat, priestess of the god 'Amm of Rabhu, the goddess dhāt Ḥamym*»¹.

Nevertheless, there is no doubt that in the inscriptions number of symbols are linked to specific deities dating back to the most remote era of the Kingdom of Saba' and Jawf States (first half of the 1st millennium BC)². The most striking example of a divine attribute is the staff of Almaqah, the chief god of Saba' – a symbol that lasted for centuries (Grohmann 1914: 17-19; Robin 2012: 81; Gajda 2012: 447; Antonini de Maigret 2012a: 370).

Let us consider some South Arabian votive stelae with the inscriptions mentioning the name of Shams and with the related figurative representations. These stelae date from the early centuries AD (1st- 3rd centuries AD). According to Christian Robin, Shams is a “non-institutional” deity – a *Fortuna* responsible for the protection of the individual, the family, the palace and the temple (Robin 2012: 15-17, 72-76). The noun Shams, which derived from the theonym of the Sun goddess, was used in the singular form as a feminine given name or epithet/nickname. According to Robin's interpretation, the *shams* (“fortune”) were minor deities – a relatively undifferentiated category of supernatural beings acting as intermediaries between god (Heaven) and man (Earth), as well as the Banāt ʾĪl in the Jawf temple of al-Sawdā' (8th century BC) (Robin 2012: 72). The Banāt ʾĪl are depicted as dancing female figures with long free-flowing hair and dresses that fall in ample folds. They are holding curved sickle-swords and ears of wheat.

An inscription carved between the figures bearing the name of the Banāt ʾĪl. So, how was Shams represented in South Arabian art? The most famous stela bearing the name of Shams was found in the Sabaean-Ḥimyarite settlement of Tan'im,

¹ Cf. 'Alī 'Aqīl-Antonini 2007: 37-38, 134 and related bibliography.

² The meaning of other symbols can be generic and could refer to more than one divinity or to sacred symbols related to the regal power.

Fig. 1. Stela bearing the name of Shams found in the Sabaean-Ḥimyarite settlement of Tan'im (San'a' National Museum, YM 386)

Fig. 2. Funerary stela with the hunters: camel-rider (upper register) and on foot with two dogs (lower register) (Şan'ā' National Museum, YM 10885)

The inscription reads «*Work of Lahay'athat, the Sabaean, for Shams, goddess of Abībahath, wife of Tab^{sum}; they drew for the goddess their offering, conforming to that which they pledged, promised and vowed. That [Shams] accords her [Abībahath] prosperity. Tab^{sum} son of Subh*» and indicates that the hunter is offering the prey he has won to the goddess Shams, a divinity venerated by his wife Abībahath, in order to ensure her prosperity.

It can be assumed that the female figure may just be the representation of Shams. In this relief, the divinity of Shams might be expressed through her size (larger than the hunter/devotee), her hieratic position, the divine symbols (the crescent moon and the astral disc), the altar where the purifying incense is burned, the dedication that specifically mentions her name, and the gazelle. Indeed, this sacred animal is present in the earliest representations of the South Arabian Banāt 'Ād of the *intra-muros* temple dedicated to the god Aranyada' in as-Sawda' / *Nashshān*, where two gazelles are held in upraised hands by the gods Yada'ismuh and Hiwār (Arbach-Audouin 2004; Arbach-Audouin-Robin 2004; Antonini de Maigret 2012a: 361-363). The seats of the gods are also identical to Shams' chair.

³ The German Archaeological Institute of Şan'ā' has recently conducted investigations and excavations in Tan'im (cf. Hitgen 2012; Japp 2012).

a few kilometers East of Şan'ā', and is presently in the Şan'ā' National Museum (fig. 1)³. This alabaster stela (dated to the 2nd century AD) is of particular interest due to its original narrative and unusual dedication. The stela depicts a female figure seated on a folding chair, holding sacred objects – a pomegranate or an incense-burner in her right hand and a small crouching gazelle in the left hand. A hunter, standing on a stool in front of her, is armed with a spear and bow and carries a quiver of arrows on his shoulder. This is the iconography of the hunter, already known from many coeval reliefs (Antonini de Maigret 2012c: 103-104, fig. 92, 94-95), as seen in the unpublished example kept in the Şan'ā' National Museum (fig. 2): he dressed in a short skirt with thick folds and provided with bow and quiver at its side. Two vertical stripes are on the chest. The two figures in the stela from Tan'im are separated by an altar on which stands a cubic incense burner with a pyramidal foot. The divine symbols, the crescent moon and the astral disc, are depicted in the upper part of the scene.

Fig. 3a-b. Stelae with the representation of the winged deity kept at the Şan'ā' National Museum (on the left, YM 16658) and at the Şan'ā' Military Museum (on the right, MSM 213)

Let us now examine a peculiar South Arabian depiction sculpted on votive stelae, i.e. a winged figure with the dedication to Shams. A remarkable example is shown in an alabaster stela kept at the Şan'ā' National Museum (YM 16658), and a similar example is at the Şan'ā' Military Museum (MSM 213) (fig. 3a-b) (Antonini de Maigret 2012c: 105-106; Robin 2012: 75)⁴. The first exemplar is of unknown provenance, the second one was found in Marib. Both stelae are dedicated to Shams and specifically an invocation to «*Shams the most high (S²ms¹m 'lyt)*» is incised on the upper frame of the stela of the Şan'ā' National Museum. An expression «*The protection of Shams upon you (s²rh S²ms¹ b-'l(-k))*» is inscribed on the stela from Marib⁵.

The winged figure, depicted with two long braids hanging on the chest and loose hair on the shoulders, holds in the right hand a round object (that crosses the frame of the relief), with a quite long appendage which falls downward, that could be a garland, wreath or rope⁶, and in the left hand a bow. A quiver peeks out from below the left arm. The figure is dressed exactly like the hunter of the South Arabian reliefs described above (see fig. 1-2). The wings, framed by a broad edge, are represented in profile, with two or three rows of thick and wide plumage

⁴ Although the archaeological context of the pieces is unknown, I think they are genuine. The fact that there are two similar exemplars does not necessarily imply that they are not authentic. There are many examples of South Arabian works sculpted in series, with both votive and funerary functions. In addition, the inscriptions sculpted on the upper frame of both reliefs are authentic, and the iconography, quite original, has several elements (for examples clothing and attributes) that are common in other South Arabian sculptures. The rigidity of the robe's folds, the rough rendering of the wing feathers and the wooden stance of the figures are stylistic features in common with many contemporary local works.

⁵ I would like to thank Dr. Alessio Agostini for the epigraphical comments.

⁶ A rope maybe to be intended as a lasso or a slingshot, used in hunting, as it is visible in some graffiti in the Arabian Peninsula (cf. Al-Ma'mary 2012). This would be the first time of such representation in the South Arabian figurative production.

Fig. 4a-c. The Victory represented on three fragmentary reliefs (Zafār Museum)

and long feathers roughly shaped. The wings bear a close resemblance to contemporary Ḥimyarite images of eagles (Yule 2013: fig. 7.28b)⁷.

In the South Arabian context, the winged figure could be inherited from the Classical iconography of Victory (*Nike*)⁸, as it was represented in the coeval architectural decorations (lintels, keystones, etc.) in the Provinces of the Roman Empire (1st-3rd centuries AD). Actually in Southern Arabia the Victory itself was represented in some reliefs from Zafār (fig. 4a-c) (Yule 2007: pl. 5, fig. 2a-2b; 2008: 15, fig. 21)⁹.

If Shams is represented as a female figure with the specific sacred attributes we already mentioned for the stela from

Tan'im, how to identify the winged figure with different attributes and accompanied by dedications to Shams? Certainly it is not an iconographic evolution, since the artworks are contemporaneous. Is there any relation between the inscription and the image? If there isn't, the sacred figure would remain nameless, but it would symbolise simply a sacred intermediary, intercessor between the dedicator/devotee and the deity invoked. Alternatively the image could

⁷ The eagle is sculpted on a Ḥimyarite relief from Bayt al-Ashwal (cf. Antonini de Maigret 2012c: 124, fig. 126); the eagle is on a relief from Al-Lisān.

⁸ As the messenger of the gods, the Nike is depicted as a young winged woman, with a long tunic close to the body and flowing back as if moved by the wind providing her the illusion of flight. Victory's hair is styled in a low bun, with locks held by a tiara. The Victory's attributes are the earth globe under her feet (universal symbol of power), a palm tree branch in her left arm and a garland of leaves in her right hand — these latter attributes are symbols of success.

⁹ The cited examples present different styles: one naturalistic and closer to the original Roman model, the other instead presents a conventional local style.

Fig. 5. Stela with the representation of the winged Shams and two winged cherubs to the sides over the shoulders (Ṣan'a' National Museum, YM 16667)

be considered itself the deity mentioned in the inscription, and in this sense Shams is being represented in different aspects¹⁰. In this case the sacred image could refer to the role of Shams as a hunters' guardian-angel.

Another unpublished relief on stone dedicated to Shams (fig. 5)¹¹ represents the goddess "apotheosis". Unfortunately the inscription is damaged and difficult to read, but the name of Shams is quoted at the beginning of the three-line long dedication. The winged female figure is represented frontally, wearing a wide pleated tunic and crown or *polos*. A bow is held in the right hand and a garland in the left. Diagonally across her chest and the left side of the body, lies

Fig. 6a-c. Fragments of reliefs representing winged cherubs with garlands (Zafār Museum)

a quiver. Standing on each shoulder there are two winged cherubs, similar to "acolyte genies", right hands outstretched, offering a crown to the goddess. Due to the damage to the relief, it is not sure whether or not they both hold another crown in their left hands – this detail seems

¹⁰ Regarding the iconography, the hairstyle with two long braids occurs only on female figures (see also figs 7-8) (cf. Antonini de Maigret 2012b: 35-36, fig. 5-8). The female figures are represented on small Himyarite stelae, which I described in a recent publication. Among these stelae, only one, the stela from Baynūn, suggests the representation of a South Arabian deity depicted with the iconographic attributes of the goddess Atargatis (the combination of a few elements on the crown, the dove, and perhaps the hair styled in two lateral braids), expressed in a local, simplified style. The clothes, however, are the main characteristics of South Arabian men, as seen – beside the images of hunters – also in a funerary stela showing a farmer ploughing with oxen (Louvre Museum, AO20893) (cf. Antonini de Maigret 2012c: 103, fig. 93).

¹¹ I wish to thank Christian Robin who informed me about this relief. I am particularly indebted to Ibrahim Al-Hadi, Director of the Ṣan'ā' National Museum for allowing me to study this artwork, to Ibrahim Al-Hudayd having photographed the relief, and finally to Khalid Al-Ansi who provided me the image.

clearer for the cherub on the left side of the goddess. The multiplicity of attributes – the crown, the wings, the garland and the additional coronation by the putti – identify the figure as the goddess Shams mentioned in the inscription. A similar composition with putti can be appreciated in a fragmented relief from Zafār depicting a figure, probably a man, holding a sceptre (fig. 6a) (Yule 2008: 15, fig. 20). The figure is flanked on his right side by an extended arm, probably of a winged putto, now broken-off, holding a garland. Other reliefs from the same site, depict winged cherubs, in the act of crowning a figure with a garland of leaves (fig. 6b-c).

The style of the relief, both in the composition and the formal qualities, can certainly be ascribed to the local figurative production, as we have seen in many coeval South Arabian works. Both the symmetry of the composition and the frontality of the goddess, together with a predilection for simplified rather than naturalistic forms – for example, the relief is flat, the folds of the goddess' robe are stiff and simple – convey the desire for a direct and immediate communication, rather than distracting the eye through an elaborate and realistic aesthetic.

There is another South Arabian example of a winged feminine figure, published by Walter Dostal in 1967 (fig. 7)¹². This is a relief in alabaster found in Ḥuṣn al-Rannād near Tarīm, in Ḥaḍramawt. Unfortunately the lower part of the stela, that might have included an inscribed dedication, is missing. The female figure is represented in frontal view (it is preserved up to the chest), with two locks or braids that frame the face and fall to the shoulders, and rising from the back short and high wings.

Another well-known image of a South Arabian winged divinity, depicted in a relief with the head surrounded by a halo and holding a cornucopia (Ingrams Collection, 3rd- 4th cen-

¹² I am thankful to Christian Robin for lending me the drawing of D. Ky.

Fig. 7. A winged feminine figure from Ḥuṣn al-Rannād (Tarīm, Ḥaḍramawt)

Fig. 8a-b. South Arabian winged divinity with the head surrounded by a halo and holding a cornucopia (Ingrams Collection), and a relief with feminine figure with cornucopia and bunch of ears (Zafār Museum)

turies AD) was published by Jacques Rykmans in 1976 (fig. 8a). Even the winged figure of the Ingrams Collection is fragmentary and has no inscription, but the cornucopia is a more specific attribute for its identification as a deity. Indeed Ryckmans believed that this figure was most likely the representation of a South Arabian deity derived from the goddess Fortuna. This is similar to another known figure with cornucopia and bunch of ears on a relief in the Zafār Museum (5th century AD). The iconography of this latter figure (fig. 8b) could be the zodiac sign of Virgo, and the inscription “the Ear” (symbol of fertility of the earth) confirms her synthetic representation as the goddess of Fertility combined with the goddess of Fortune.

In conclusion, a scant category of Sabaean-Himyarite stelae shows a winged figure with a dedication to Shams. The figure is characterized by attributes (bow and quiver) related to a specific context that is hunting, as seen in coeval reliefs. In the stelae analysed above, Shams, being a minor deity or semi-deity as Robin affirms, could be considered a sort of angel-deity protector of the specific person cited in the inscription. In the other South Arabian known images of winged figures unfortunately the dedications are missing. Therefore, we cannot state conclusively if such iconography was the sole prerogative of Shams, or common to other South Arabian divinities.

BIBLIOGRAPHY

- Al-Ma‘mary 2012 – Al-Ma‘mary, Abdarrazzaq A. R. “Non-Traditional Hunting Tools in the Prehistory of the Arabian Peninsula: An Archaeological, Experimental and Ethno-Archaeological Study” // *Jordan Journal of History and Archaeology*. Vol. 6, issue 3, p. 139-173 (in Arabic)
- ‘Alī ‘Aqīl-Antonini 2007 – ‘Alī ‘Aqīl A., Antonini S. *I bronzi sudarabici di periodo pre-islamico*. Roma (Repertorio Iconografico Sudarabico. Tomo III)
- Antonini de Maigret 2012a – Antonini de Maigret S. “South Arabian Religious Iconography: The Language of Symbols and the Representation of Deities” // I. Sachet, C.J. Robin (éd.). *Dieux et déesses d’Arabie. Images et représentations. Proceedings of the Seminar held in Paris, Collège de France, on October 1st and 2nd 2007*. Paris, p. 361-379 (Orient & Méditerranée 7)
- Antonini de Maigret 2012b – Antonini S. “Small female funerary stelae” // A.V. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its Neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th – 27th, 2011*. Moscow, p. 27-36
- Antonini de Maigret 2012c – Antonini de Maigret S. *South Arabian Art. Art History in Pre-Islamic Yemen*. Paris (Orient & Méditerranée 10)
- Arbach-Audouin 2004 – Arbach M., Audouin R. *Nouvelles découvertes archéologiques dans le Jawf (République du Yémen). Opération de sauvetage franco-yéménite du site d’as-Sawdá’ (l’antique Nashshân), Temple intra-muros I. Rapport préliminaire*. Sanaa (in French and Arabic)
- Arbach-Audouin-Robin 2004 – Arbach M., Audouin R., Robin C.J. “La découverte du temple d’Aranyada’ à Nashshân et la chronologie des Labu’ides” // *Arabia* 2, p. 23-41, fig. 20-41; p. 205-216, fig. 70; p. 234
- Gajda 2012 – Gajda I. “Liens entre symboles et divinités dans les inscriptions sudarabiques” // I. Sachet, C.J. Robin (éd.). *Dieux et déesses d’Arabie. Images et représentations. Proceedings of the Seminar held in Paris, Collège de France, on October 1st and 2nd 2007*. Paris, p. 447-459 (Orient & Méditerranée 7)
- Garbini 1974 – Garbini G. “Il dio sabeo Almaqah” // *RSO* XLVIII, p. 15-22, pl. I-VI
- Grohmann 1914 – Grohmann A. *Göttersymbole und Symboltiere auf Südarabischen Denkmälern*. Wien (Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien. Bd. 58. Abh. I)
- Hitgen 2012 – Hitgen H. “Tan’im – A Sabaeen Center in the Ḥawlān” // A.V. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its Neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th – 27th, 2011*. Moscow, p. 259-278
- Japp 2012 – Japp S. “Himyarite Tan’im (Khawlan) in the Highlands of Yemen – Preliminary Considerations” // A.V. Sedov (ed.). *New Research in Archaeology and Epigraphy of South Arabia and its Neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th – 27th, 2011*. Moscow, p. 279-296
- Pirenne 1960 – Pirenne J. “Notes d’archéologie sud-arabe, I: Stèles à la déesse Dhât Ḥimyam (Ḥamîm)” // *Syria* XXXVII, p. 326-347, pl. XIV-XV
- Pirenne 1962 – Pirenne J. “Notes d’archéologie sud-arabe, III. Stèles à la déesse du musée d’Aden” // *Syria* XXXIX, p. 257-262, pl. XV-XVI
- Pirenne 1965 – Pirenne J. “Notes d’archéologie sud-arabe, IV. La déesse sur des reliefs sabéens” // *Syria* XLII, p. 109-136, pl. VIII-IX
- Pirenne 1972 – Pirenne J. “Notes d’archéologie sud-arabe, VIII. La représentation du jeune dieu” // *Syria* XLIX, p. 193-217
- Pirenne 1977 – Pirenne J. “Plaque à la déesse en Atargatis à la colombe” // *CIAS. Tome I, Section 2: Antiquités*. Louvain, p. 445
- Robin 2012 – Robin C.J. “Matériaux pour une typologie des divinités arabiques et de leurs représentations” // I. Sachet, C.J. Robin (éd.). *Dieux et déesses d’Arabie. Images et représentations. Proceedings of the Seminar held in Paris, Collège de France, on October 1st and 2nd 2007*. Paris, p. 7-118 (Orient & Méditerranée 7)
- Ryckmans 1976 – Ryckmans J. “A Bust of a South Arabian Winged Goddess with Nimbus in the possession of Miss Leila Ingrams” // *Arabian Studies* 3, p. 67-78
- Yule 2007 – Yule P. “Zafār, Capital of Ḥimyar. Ibb Province, Yemen. Preliminary Reports 1-4, Summer 1998 until Spring 2004” // *ABADY* 11, p. 479-547
- Yule 2008 – Yule P. “Zafār, Capital of Ḥimyar. Seventh Preliminary Report, 2007 and 2008” // <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/propylaeumdok/volltexte/2009/303/>
- Yule 2013 – Yule P. *Late Antique Arabia. Zafār, Capital of Ḥimyar. Rehabilitation of a ‘Decadent’ Society. Excavations of the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 1998-2010 in the Highland of Yemen*. Wiesbaden (Abhandlungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Band 29)

Holger HITGEN
(Berlin)

ĞABAL AL-‘AWD – SOME REMARKS ON THE ART AND TYPES OF BUILDINGS DURING EARLY ĦIMYARITE TIMES

Between 1998 and 2006 the Şan‘ā’ branch of the Orient Department of the German Archaeological Institute (DAI) conducted six excavation campaigns at an early Ħimyarite settlement located upon the Ğabal al-‘Awd in the southern highlands of Yemen¹. This work which was carried out at the request of the General Organization of Antiquities and Museums (GOAM), originally had the character of a rescue excavation, as it was meant to clarify the find contexts of bronze objects that stemmed from illegal diggings (Vogt 1999). The excavation however soon developed into a large scale research project, which is devoted to elucidating the material culture of this region during the first centuries of the Common Era (Vogt *et al.* 1998-99; Hitgen 1999; 2003; 2005a).

Compared to the large oasis cultures settled on the periphery of the Ramlat as-Sab‘atayn, for example with the centres of Mārib, Tamna‘ and Shabwa, which have been the subject of many studies, the South Arabian highlands during the pre-Islamic Iron Age has been scarcely researched. Scientific excavations in Yemen already began in the 1920s with investigations by Hermann von Wissmann and Carl Rathjens at a sanctuary in al-Huqqa located north of Şan‘ā’ (von Wissmann-Rathjens 1932: 13-97), it was only much later in the 1980s that interest in archaeological research in the highlands gradually awakened. Nonetheless, few long-term excavation projects have been carried out, and the investigations mostly involve survey activities or small soundings. The most important information about this region during the slow establishment of the Ħimyarite kingdom during the first three centuries AD – a time span recently designated as ‘early Ħimyarite’² –, was provided by only few scientific undertakings: Russian excavations in Shuka (Hitgen 2002: 165, fn. 1), in which a temple and numerous graves were

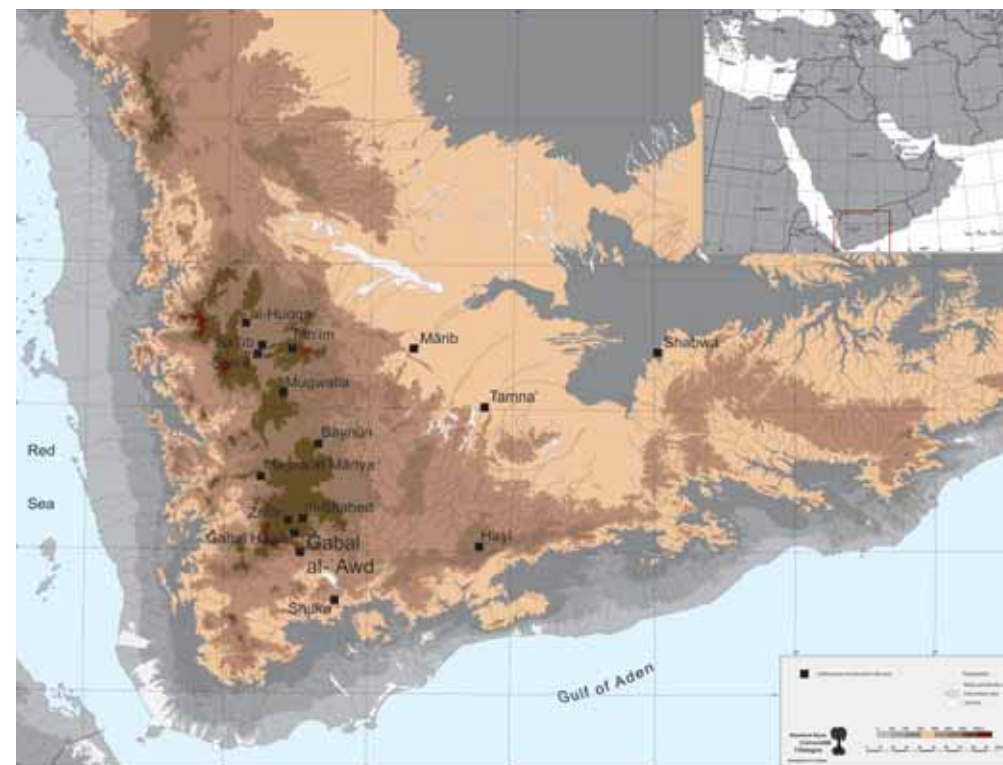

Fig. 1. Map of South Arabia showing the settlements mentioned in the text (© DAI, H. Hitgen after R. Szydlak)

investigated; Italian investigations in Kharabat al-Ahjār near Dhamār, where two hypogea (de Maigret 1985; 1986: 377-380; Antonini 1992; 2005) were revealed and a ceramic survey was carried out (Antonini 1989); the German-Yemen excavations at the cemetery of Şa‘ūb (Gerlach-Vogt 2003) in Şan‘ā’ and in Tan‘im (Hitgen 2012; Japp 2012b) in the western Khawlān; the German excavations in the Ħimyarite capital of Zafār (Yule 2007; 2013; Yule *et al.* 2007; Franke *et al.* 2008); the French excavations in Ḥaṣī (Dridi 2006; Charlux *et al.* 2009), and the intensive surveys conducted by the Oriental Institute of Chicago in the Dhamār region (Gibson-Wikinson 1995; Wikinson *et al.* 1997; Wikinson-Edens 1999; Barbanes 2000; Edens 2009)³ as well as the field surveys by the Netherlands in Baynūn (Wendrich *et al.* 1999). Yet, due to the methods employed, all of this information is limited to that which a survey can generate: concerned in these cases are mostly settlement history and land use in the region; only on occasion were questions pursued about material culture, organisational forms of the infrastructure of settlements or the social order of communities in early Ħimyarite and Ħimyarite times. Small-scale soundings furthered the state of knowledge about these aspects insignificantly, because – among other things – the finds that were secured, usually almost exclusively ceramics,

³ Also to mention in this reference is the project in Masn‘at Māryāh, which developed directly out of a survey project of the Oriental Institute of Chicago: Lewis 2005; Lewis-Khalidi 2008; Lewis *et al.* 2010.

¹ Excavations were largely financed by the Fritz-Thyssen Foundation and by private donors. Our gratitude is extended to the Yemen General Organization of Antiquities and Museums (GOAM) for the granting permission to excavate, for its support at the site and in general the cooperative work. Thereby, special thanks are extended to the representatives Prof. Dr. Yussuf Abdullah, Ahmed Shamsan, Chalid al-Ansi and Musleh al-Qubati. The agreement between the GOAM and the DAI pertains not only to the study and publication of the newly excavated finds and find contexts, but also explicitly to those objects that were looted during the preceding illegal diggings and are now stored in the museum at Ibb.

² Different terminologies and chronological models are employed for the entire period of time in South Arabia. A renewed and more in-depth discussion concerning corresponding definitions will not be undertaken here (cf. at first, for example: Hitgen 2005b: 45-47).

Fig. 2. View from the Ġabal al-‘Awd southwards (© DAI, D. Petzold)

Fig. 3. View from the Acropolis on the settlement area on the Ġabal al-‘Awd (© DAI, J. Kramer)

can be considered representative only with reserve, as long as the results cannot be correlated with contexts from large-scaled excavation. And only few such large-scale excavations have been accomplished until now. In this regard, the French project in Ḥaṣī and excavations on the Ġabal al-‘Awd are exceptions. Further excavations of the University of Ṣan‘ā’ in Muġwalla near Ṣan‘ā’ and the work of GOAM in Rada, on the Ġabal Ḥajjāj north of Wādī Banā or in al-Shahed⁴, some 7.5 km east of Zafār, will certainly contribute to filling the gaps in the state of research (fig. 1).

Despite this presently rather confined situation in research, a distinction can nevertheless be made between the material culture of early Ḥimyarite times and that from preceding and from subsequent periods in South Arabia (Hitgen 2005b). In this reference the excavation contexts in Ġabal al-‘Awd recently supplied important information. Two completely different aspects of this cultural horizon in South Arabia during early Ḥimyarite times will be shown here as example. Aside from some remarks on art history, the secular architecture will be more closely elucidated, as here in particular areas are touched upon, which concern all of

⁴ The site of Shahad, at which excavations have been conducted since 2013 (see paper of K. al-Ansi “Results of the first season of excavations at the site of al-Shahad. Qatabānian-Ḥimyarite site” at the 18th Rencontres sabéennes held in St. Petersburg in June 4-7, 2014) concerns *sic hum* site DS 295 of the Dhamār Survey Project of the Oriental Institute of Chicago.

society of that time and which do not apply expressly to the upper class or elite, as so often defined. This was repeatedly postulated for bronze sculpture of South Arabia⁵, which adapted Graeco-Roman elements in its iconography as of the late 1st century BC (cf. recently: Hitgen 2013).

The early Ḥimyarite settlement on the Ġabal al-‘Awd

The mountain Ġabal al-‘Awd rises almost 3000 m south above the Wādī Banā and at a straight distance of ca. 25 km from Zafār, the capital of Ḥimyar in the southern highlands of Yemen (fig. 2). Seen from the South this mountains presents a landmark visible from afar; but seen from Wādī Banā it is can hardly be recognised, due to the inconsequential high plains located inbetween. Only ca. 4 km long and even less in width, the east-west situated plateau offers an unhindered view in all directions of the region and embraces the highest point of the mountain. In the west of the plateau are further building structures, among them a small cistern and some walls, which cannot be identified exactly due to their poor state of preservations. The largest area on the plateau east of the settlement was reserved for agriculture. Aside from the carefully positioned terrace walls, no further built structures are present in the area.

⁵ Named here as representative of this theory, cf. Will 1998: 282-283.

The plateau is closed off in the West and in the East by a city wall of the ca. 300x150 m large settlement (fig. 3). A wall is absent in the North as well as in the South, for there the steep cliffs provided sufficient protection from possible attacks, thus making the laborious construction of fortifications unnecessary. Several ancient ascending paths lead to the gates to the settlement, three of which are definitely attested. The settlement area lies upon several terraces that decline towards the West; some are of natural origin, while some were artificially laid out field surfaces. These man-made terraces stem from times after that cannot be dated exactly, but in any case after the abandonment of the early Himyarite settlement⁶. Despite the later reshaping of the site, today the dense settlement is still recognisable, foremost in the north and west of the enwalled area. Located there at the foot of the almost entirely destroyed acropolis are a large, a free-standing podium, in all probability once a temple (fig. 4) built in a prominent position and possessing an unusual ground plan, and a larger area that was presumably once a cistern. Furthermore, excavations revealed there a monumental building complex, at least part of which was likely of public use, as well as a row of stores and four dwellings.

Historical documentation about this site is extremely sparse. The settlement upon the Ġabal al-‘Awd is almost unknown in inscriptions. Inscribed evidence, that was retrieved from excavations and correspond with the habitation of the place during the first three centuries AD, do not supply any name for the site. Although the hitherto unknown sanctuary *Harif* of the deity *Ragaban* and of *Yasrum* of ‘*Amm* are named, these were at best components of the settlement, but do not identify it as a whole⁷. Solely in the famed report of deeds of Karib’il Watar (*RES* 3945) (Müller 1985: 651–658; Nebes 1998) from the early 7th century BC is mention made of the al-‘Awd in the description of a military expedition: Accordingly, the locality that belonged to a small kingdom was conquered by the ruler and left to Qatabān, his ally at that time. Although the identification of the al-‘Awd conquered by Karib’il Watar as the site upon the mountain is not wholly or securely proven, the other areas that were conquered in the same military campaign lie in the same region, a fact that strengthens this theory. Several short inscriptions that are of early date and can be classified as Sabaeen were found on the Ġabal al-‘Awd, which, however, do not provide any further clues to the settlement itself. Also numerous graffiti cover a rock on the high plateau, which are likely of early date too.

The largest inscription on the Ġabal al-‘Awd, a rock inscription (*RES* 3858) (Rhodokanakis 1922: 41-46) on the ancient descent to the village of Ṣanā’, informs about a war between Qatabān and Saba’ concerning the rule over the north of the Wādī Banā, but it does not explicitly specify the settlement’s name. The inscription, contrarily dated to the late 6th century BC (Avanzini 1998: 171) or first quarter of the 4th century BC (von Wissmann-Müller 1982: 366-367) is thus the last inscription known that refers to the Ġabal al-‘Awd; it was not found in the excavations. Moreover, all of the inscriptions date to the early and the middle of the 1st millennium BC. Hence, they are related to a time that is clearly prior to the archaeologically attested settlement on the mountain.

Fig. 4. Ġabal al-‘Awd. Podium temple (© DAI, J. Kramer)

In conclusion, it can be stated that the settlement cannot be named with certainty. Historical information and clues about this site are completely absent. The erection of such an expansive complex in such a prominent yet at the same time remote, inaccessible and climatically unfavourable location does not necessarily call for a special explanation, as sufficient water was present as well as land for crop cultivation which could supply the inhabitants’ needs. The architecture and the find contexts that have archaeologically proven until now are more indicative of a settlement, at least such as those attested in inscriptions for South Arabia, rather than a mountain sanctuary (Vogt *et al.* 1998-1999: 148). Further, the finds recovered – despite the many luxurious goods – do not claim an interpretation as a site for pilgrimage or as a sanctuary; namely, they appeared in dwellings alone with objects associated with daily life and activities in agriculture, such as grinding stones and pounders.

Art historical observations

Viewing the entire collection of the finds recovered from the Ġabal al-‘Awd, compared to the simple everyday objects the spectacular bronze finds, which were excavated and also prior to that plundered in great numbers, are particularly outstanding. Aside from the individual pieces themselves, it is the different styles and artistic character, typical for the early Himyarite period, as already demonstrated for example in lectures on the finds from Ġabal al-‘Awd. The archaeological finds enable insight in the astonishingly multifaceted artistic creation and ap-

⁶ Up until a few decades ago, large areas of the plateau were used for agriculture. Due to military operations during the conflicts between North and South Yemen as well as the land disputes between the inhabitants of surrounding villages, the fields are fallow and not cultivated.

⁷ For this information about the inscriptions, the author is grateful to N. Nebes, in whose hands the study and publication lie.

preciation of art that was present at the beginning of the Common Era in Old South Arabia. Besides objects whose stylistic traditions were passed down over centuries' time, there are also products that display completely different styles and formal conceptions (for details cf.: Hitgen 2013).

Among the pieces that in view of their stylistic and iconographic features can be regarded as South Arabia productions are – first of all – fragments of relief-like architectural elements in the form of stone friezes displaying ibexes, which with their severe stylisation stand directly in the tradition of Old South Arabian statuary of the second half of the 1st millennium BC (cf., for example,; Vogt *et al.* 1998-1999: 149; Hitgen 2013: 290-291). Bronze statuettes are also among these works, and they as well exhibit the same strongly stylised form of the reliefs, while depicting animals in three-dimensions (fig. 5). Further examples of this group are bronze and stone protomes of bulls and ibexes, which are likewise very stylised and some even with dedicatory inscriptions. Inscribed plaques, tableware and vessels, all made of bronze and used for other purposes, are also among the pieces in genuine Old South Arabian origin. Another group of South Arabian objects comprises anthropomorphic and zoomorphic statuettes, whose severe stylisation and execution that resembles woodcarving exhibit a style that differs in many details from other South Arabian sculpture (fig. 6). Despite the predominance of such pieces distributed in the southern highlands, they cannot be considered as a representative a local style⁸; their marked features are due far more to the material, from which they are made, namely artificially produced magnesium hydroxycarbonate (Hitgen 2002).

On the other hand, there was an equal abundance of original Roman-Hellenistic objects, that is, small bronze objects made by itinerant artisans on site⁹. They comprise above all small statuettes, appliques and breast-like fittings of bronze; women and goddesses predominate. The objects can be stylistically assigned to the Hellenistic-Roman world; elements of Ptolemaic and Roman Egypt are also present as well as the eastern Mediterranean sphere: a sphinx, an Isis Fortuna and a life-sized masked helmet (fig. 7) of the so-called Alexander or Herzogenburg type (Fleischer-Schulz 2012: 48-52).

A further group represent locally made objects, whose style or motif display Mediterranean elements that were adapted to the own needs and tastes (Vogt *et al.* 1998-1999: 149-150; Hitgen 2013: 291-292). Thus, favourite Old South Arabian motifs such as bulls and ibexes are found in a foreign, namely Roman-Hellenistic style. Examples to note here are the almost life-sized protome of a bull's head and the small statuette of a reclining ibex (fig. 8). On the other hand, only the motif of the prototype was chosen; the object itself was executed in local style.

A view of the archaeological finds and the excavation contexts under chronological aspects reveals a confined picture, which embraces the first three centuries of the Common Era. As mentioned above, solely the rock inscriptions date to an earlier phase, which until now has not been archaeologically attested. A dedicatory inscription in bronze, dated to the late 1st century AD, which was affixed to the exterior wall of a building, gives an early clue to the temporal assignment of the settlement. Another inscribed plaque of bronze dates securely to the second half of the 2nd century AD in Himyarite chronology, namely, the year 267. This temporal assignment is confirmed by the other finds, especially the pottery.

Fig. 5. Ġabal al-‘Awd. Three-dimensional bronze statuette of an ibex in old South Arabian style, application of a vessel (© DAI, J. Kramer)

Fig. 6. Ġabal al-‘Awd. Statuette of a seated woman made of magnesium hydroxycarbonate (© DAI, J. Kramer)

The sudden and absolute end of the building and with it the entire settlement resulted from a conflagration that occurred towards the end of the 3rd century AD. Massive traces of burning were noted in all areas of the excavation, including massive layers of ash as well as collapsed roof constructions, stones destroyed by heat and molten bronze objects. The numerous luxury goods retrieved in excavation were not limited to one area or and not hidden anywhere, but obviously scattered throughout, which points to the probability that the fiery destruction came relatively suddenly and as a surprise to the inhabitants. Remains of some victims of the catastrophe were discovered during excavation. A particularly dramatic event occurred in a dwelling, in which two inhabitants had possibly retreated from assailants and thereby lost their life in the collapsing burning house (fig. 9). Found with these victims was a bag of valuable things which they had likely hurriedly packed, including Roman glass vessels, silver bracelets and several gold earrings as well as gold seal rings and Roman gems. The destruction of the settlement is possibly associated with Abyssinian military campaigns, which reached the South Arabian sphere during the 3rd century AD. The conquest of the Himyarite capital Zafar, at a dis-

⁸ Cf. again at the beginning Vogt *et al.* 1998-1999: 149 or Hitgen 2002: 180.

⁹ In more detail: Fleischer-Schulz 2012; see also recently Hitgen 2013: 286-290.

Fig. 7. Ġabal al-'Awd. Roman masked helmet of the so-called Alexander or Herzogenburg type (from Fleischer-Schulz 2012: 49, Abb. 43)

tance of only 25 km away in a straight line, is attested by inscriptions; nonetheless, a destruction in the course of inner Arabian conflicts cannot be excluded.

Secular architecture

Whereas particularly the sculpture of early Himyarite times obviously accepted fundamental, new elements and underwent developments, changes in architecture are not easily recognised. Quite the opposite, here it must be stated that older building traditions were continued with only a gradual advancement. In this case as well, a view of the settlement contexts on the Ġabal al-'Awd is very helpful. Some of the contextual details, in specific those that stand in direct South Arabian tradition as well as those that can be interpreted as peculiarities or innovations, should be inspected more closely.

Aside from the temple, which has been excavated in part until now and a city gate, whose ground plan is defined primarily by its function, there were basically two different types of buildings on the Ġabal al-'Awd: the so-called dwell-

ings and one representative monumental structure. Both types of buildings display common features, which will be explained in the following.

The representative building (House 1, Area 1) (Hitgen 1999: 249-251; 2003: 110-112; Vogt *et al.* 1998-1999: 146-148) lies in the approximate centre of the settlement and as of yet ranks as the most carefully constructed edifice in the entire settlement (fig. 10). Large parts of its façade were made from finely hewn and smoothed stone ashlar. The same precision was applied in the choice of material and finishing of the design of parts of the stairway and the courtyard. Without going into detail about the different building phases (Vogt *et al.* 1998-1999: 146-148), it can be stated that the building was clearly divided – functionally and spatially – into three different areas: an official area, a private area and a working area (fig. 11).

The official area comprises the main entrance to the complex in the South, a directly adjoining paved courtyard with colonnades on two sides, onto which a large hall-like room opens that was once supported by pillars. For the erection of this official area only high-quality and elaborately finished building material was utilised (fig. 12). The interior of the hall was not only plastered, but was also dressed with wall plaques – possibly reliefs – with ornamental inlaid work. The courtyard, hall and entrance form one unit; they were not separated from one another.

Conversely, the other two functional areas in the building are optically clearly separate from the representative area, even though they were accessed by the central courtyard. This access was a narrow passageway led from the court to the economic area, in which presumably a kitchen and work- and storage rooms were located (fig. 13, 14). A narrow

Fig. 8. Ġabal al-'Awd. Bronze statuette of a reclining ibex (© DAI, J. Kramer)

central staircase led directly from the economic tract to the upper storey of the building. A further passageway in the west of the building led to a door through which this part of the building could be entered without passing through the official area. Three more rooms in the east opened only towards the exterior, to the streets and pathways of the settlement; they do not show any kind of connection to other parts of the building. Compared with similarly arranged rooms in other buildings in the settlement, the impression rises that these were stalls.

The third functional area of the building, the private sphere in which the inhabitants presumably lived, was in the upper storey¹⁰. This was reached by means of two stairways. Whereas the centrally located stairs consisted of a simple functional construction, which offered access only to the economic area, the second stairway was of very representational design in its size and choice of building material. It led from the official courtyard area directly to the upper storey. A great number of the luxury articles found in the building complex stem from

¹⁰ In view of the preserved remains, the exact number of stories cannot be reconstructed. The huge amount of preserved building debris and the massiveness of the walls securely confirm a first upper storey, and aside from that theoretically at least one more storey.

Fig. 9. Ġabal al-‘Awd, area 1, house 3. Victims of the fire disaster (© DAI, J. Kramer)

this storey. They include numerous fittings for furniture, that is, objects that can be assigned to interior furnishings. Objects that were concerned with work processes and storage, such as grinding stones, kitchen utensils and storage vessels, on the contrary, could not be discerned in the private sphere.

The type of building preceded by a gallery-like courtyard in front is not at all unknown in South Arabia¹¹. This architectural element is present primarily in public or official buildings, including sanctuaries such as the Bar’an Temple in Mārib (Vogt *et al.* 2000), the sanctuary in Huqqa (Wissmann-Rathjens 1932: 13-97), as well as the palace and administrative buildings in Shabwa, Tamna‘ and Širwāḥ (Gerlach 2003: 100; 2009: 262-263; Japp 2012a). The function of other buildings of similar construction, for example in Ġabal Ḥajjāj, Building 74 (Breton 1998; Loreto 2011: 162-165) in Shabwa and the monumental structure in sector A in Ḥaṣī (Charloux *et al.* 2009: 230-233), by contrast, cannot be clearly defined yet¹². It is only remarkable that apart from one exception, the Bar’an Temple, all of these buildings were erected either around or after the turn of eras. This applies to the palace “TT1” in Tamna‘ as well (Breton *et al.* 1997; Loreto 2011: 178-202). The core of that structure is distinctly older, but

the courtyard was added only a considerable time later. In his compilation of monuments of this building type, Jean-François Breton recently did not wish to make any general functional ascription. In my opinion he rightly excluded the possibility that such courtyard complexes were used foremost for ritual feasts or at least communal banquets (Breton-Weber 2009: 75).

¹¹ Initial compilations of comparable buildings, partly with detailed descriptions, are found among others in: Hitgen 2005b: 48-54; Breton-Weber 2009: 75; Japp 2012a: 313-316. Cf. also Loreto 2011: 178-222.

¹² The same applies to the so-called ‘stone building’ in Zafār, which presumably belongs to the same type of building. However, the published ground plan and accompanying description are difficult to interpret (cf. Yule 2013: 51-81).

Fig. 10. Ġabal al-‘Awd. Representative building (area 1, house 1) in the centre of the settlement (© DAI, J. Kramer)

Known examples of banquet areas, for example in the Nakraḥ Temple in Barāqīš (Maigret-Robin 1993) or in the ‘Almaqah Temple in Širwāḥ (Röring 2004; 2008; Gerlach *et al.* 2011; Gerlach-Schnelle 2013), display the common detail – aside from a large, closed-off space – the presence of benches and tables. These benches and tables can be arranged in the central part of the temple, as in Barāqīš, or in part of the courtyard, as in Širwāḥ¹³. However, both of these examples date to early Sabaeen times and, therefore, can be compared in their function only contingently with courtyard complexes of clearly later date. Nevertheless, the cautiously formulated theory that corresponding courtyards were basically used as public gathering places seems much more probable. They could have served in a civil as well as in religious context, which would explain their presence in sanctuaries as well as secular buildings, which were likely administrative buildings and residences.

Finally, it should be noted that despite the infrequency of forerunners such as the Bar’an Temple, the building type with courtyard and colonnades had become widespread in South Arabia towards the end of the 1st millennium BC, and, thus, may be judged as a typical building

¹³ For a basic discussion on the phenomenon of the ritual meal, cf. Robin-Breton 1982: 624-627; Loreto 2012; Gerlach-Schnelle 2013: 215, 219, fig. 12; Bentz-Bumke 2013.

Fig. 11. Ġabal al-'Awd. Schematic ground plan with functional areas of building 1, area 1 (© DAI, H. Hitgen)

type for the early Ĥimyarite period. This type was used both in the sacred as well as the secular context and served as a place of assembly on certain occasions and for groups of persons, which have not been defined until now.

Unpretentious dwellings in Ġabal-al-'Awd stand in an essentially longer architectural tradition¹⁴. They are characteristically multi-storied, whereby the ground floor was

¹⁴ The earliest examples are found in Yalā (de Maigret 2002; Loreto 2011: 229-290) and Raybūn (Loreto 2011: 149-153) in South Arabia. Thus, this type of building can be traced back into the 8th/7th century BC. Loreto presents a multitude of well known buildings (Loreto 2011: 99-177). He rightly divides them into two types: the "case torri" and the "case su basamento". The buildings upon the Ġabal-al-'Awd basically fall in the category of "case torri", although this name seems confusing. Namely, a tower is defined as an accessible building, whose height is the multiple of its diameter or its width/length. Thereby, a tower (here, in the present case) could be a free-standing building or however part of a larger building. So, this conventional definition of a tower does not apply to this group of described buildings. Nevertheless, their characteristics of "case torri" do correspond with the dwellings upon the Ġabal-al-'Awd.

Fig. 12. Ġabal al-'Awd, house 1, area 1. Courtyard and staircase (as construction materials only carefully dressed facade stones were used) (© DAI, H. Hitgen)

always reserved for work purposes (cf. Hitgen 2003: 112; 2005b: 49)¹⁵. Usually rectangular in plan, these buildings were connected by a central corridor that usually ran lengthwise (fig. 15). It provided access to most rooms and to the stairs that led to the living areas in the upper stories. In the central corridor as well as in the other rooms on the ground floor objects were discovered, which are associated with agricultural production, storage and processing of products. Some rooms, however, could not be entered from the building; they were probably small stalls, accessed only from outside. They were practically absent of finds: only a small amount of pottery and animal bones was documented there. When examining these buildings from the outside divisions in the façade are clearly recognisable. It is characteristically divided into three sections, whereby the surfaces of the walls alternate between protruding and recessed sections, emphasised by stones of varying finish in the wall (fig. 16). The entrances to the buildings were built

¹⁵ The tradition of this type of building has continued in its fundamental characteristics, in urban as well as in rural contexts, in modern dwellings of the early 20th century in Yemen.

Fig. 13. Ġabal al-ʿAwd, house 1, area 1. Western wing of the working area (© DAI, H. Hitgen)

Fig. 14. Ġabal al-ʿAwd. Detail of storage vessels in situ (© DAI, H. Hitgen)

with carefully hewn and finished stones, a speciality that is also attested in the Ḥimyarite epoch, for example the building inscription of an Abyssinian ambassador from Zafār (Zafār Museum ZM 597)¹⁶.

Whereas the design of the façade has been attested solely in the highlands as of yet, the ground plan with a central corridor and the specific use of rooms in the ground floor are oppositely widespread in South Arabia. Likewise dating to early Ḥimyarite times, this ground plan is present, for example, in Wādī Dura (Breton *et al.* 1998), numerous such houses in Tamnaʿ that follow this scheme date somewhat earlier (cf., for example, de Maigret 2005a; Loreto 2011: 106-149); and this kind of building is confirmed for the 8th century BC in Wādī Yala. While most of the aforementioned structures correspond typologically with the “*case su basamento*”, the house in Yalā can be viewed as the earliest forerunner. Considering these contexts leads to the conjecture that on the Ġabal al-ʿAwd possibly at least one floor followed above the archaeologically verified first floor. Alessandro de Maigret proposed – in view of comparisons of the

¹⁶ Cf. Garbini 1970: 546-547; Seipel 1998: 379 no. 436: “...und haben in ihm einen Eingang aus polierten und behauenen Steinen erbaut”.

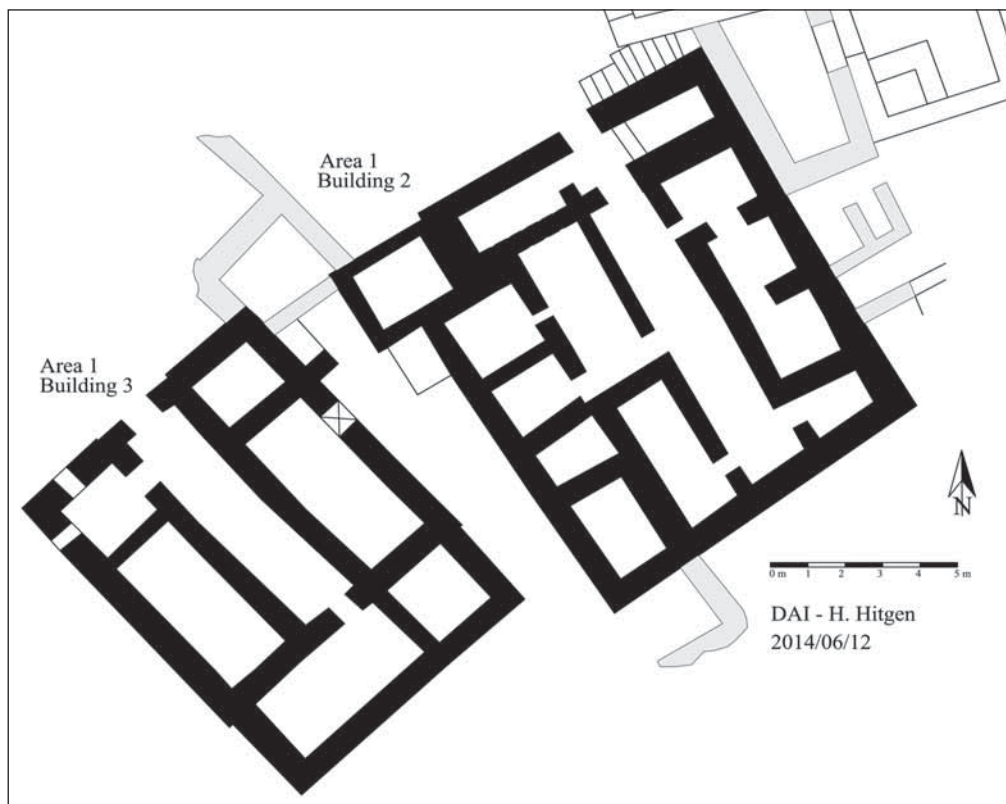

Fig. 15. Ġabal al-'Awd, area 1. Schematic ground plan of the houses 2 and 3 (© DAI, H. Hitgen)

Fig. 16. Ġabal al-'Awd, house 2, area 3. The entrance to the houses was emphasized by the use of carefully processed stone materials (© DAI, J. Kramer)

2nd millennium BC in the Levant –, that this ground-plan model could have spread from there to South Arabia (de Maigret 2005b).

When observing the distribution of houses situated upon the Ġabal al-'Awd, it is recognisable that they were seldom designed to be free-standing structures: many buildings adjoin one another and form larger complexes. Nonetheless, the individual houses are functionally separate and are not linked by doors or passageways. This phenomenon can also be observed in the large, representational structure: It too does not stand alone as a solitary monument in the settlement. Two simple dwellings directly adjoin its outer walls to the Southwest, without forming any uniformity in building. It seems far more that the settlement evolved organically, whereby new buildings were erected on the place of older extant ones, possibly due to lack of space.

Observing the representational building (house 1, area 1) once again reveals that this structure as well is the result of several phases of adding on extensions. The original core is a simple building of the so-called 'tower house' type (fig. 17). Its dimensions are not greater than those of other dwellings in the settlement, and its ground plan follows the same scheme as the others. The building experienced an addition in the western part of the work section and in public area in the south only in a later phase. In the course of these extensions parts

of the oldest wall of the original core of the house were reinforced, thereby completely closing off some rooms. Possibly this measure was necessary in order to raise the building one storey higher. It also changed the form of the ground floor into a kind of podium, as is common among monumental structures with an adjoining courtyard. Nonetheless, the individual rooms retained their original function, whereby all entrances in the front side were closed. Entrance to the private sphere of the building, which was surely used for representational purposes as well, was gained solely through the newly added, monumental stairway from the courtyard.

Basically, however, the 'tower house' type of building on the Ġabal al-'Awd was the most common architectural model¹⁷. Even obviously more elaborate structures, which served public purposes in addition to working and dwelling, based upon the 'tower house' at their core. If enlargement was necessary, due to the duties of the house owner in public and representation spheres, this did not involve a completely new building; instead, the old building was architecturally designed with new functional areas. It is quite obvious that the owner of the house,

¹⁷ Divergences in form observed in temples or fortification complexes can, by contrast, be functionally explained.

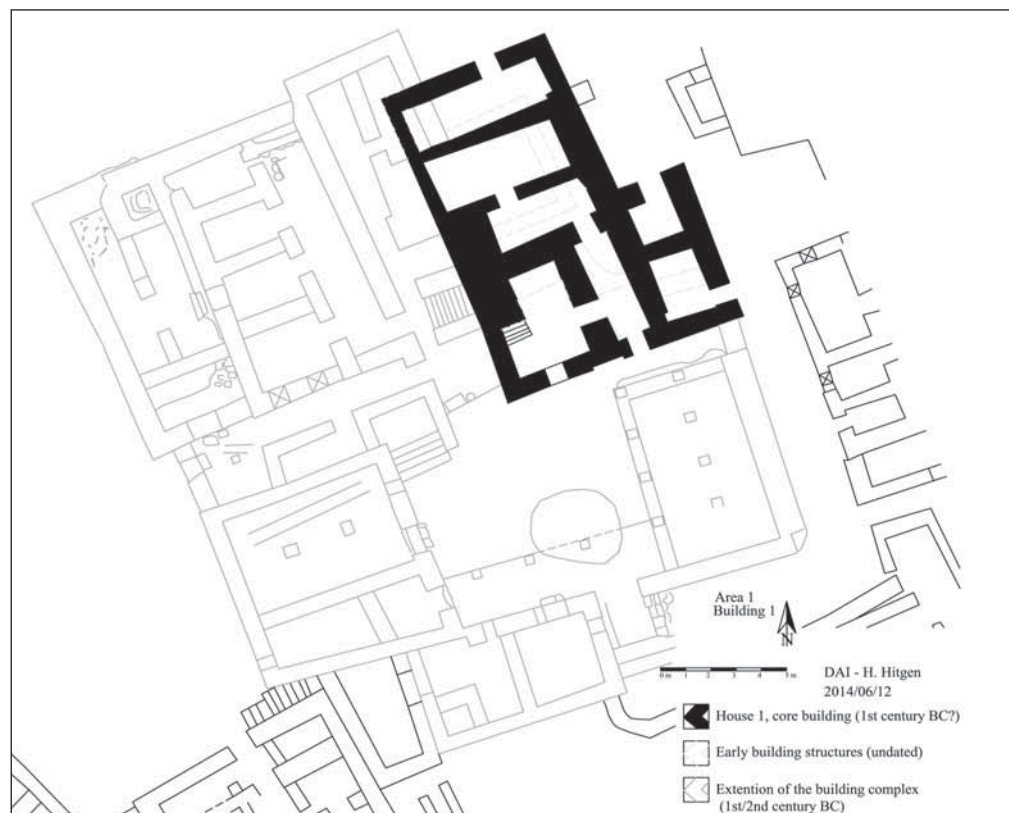

Fig. 17. Schematic ground plan. The core and first building phase of house 1, area 1 is comparable with the so-called 'tower house' (© DAI, Hitgen)

probably the head of a clan or a tribe in the region, adhered to prototypes like those in cities in the leading South Arabian communities for these additions. At the same time, however, this example on the Ġabal al-‘Awd clearly shows that the residences of the South Arabian aristocracy of early Ĥimyarite times did not develop as a completely new type of building, but carried on older building models, in this case the tower-house type dwelling. As mentioned above, there were already examples of monumental structures with a courtyard enclosed by pillars in early Sabaeen times; but these, as the Bar‘an Temple in Mārib shows, were exceptional phenomena. Only in early Ĥimyarite times did monumental structures increase in number. It is indeed significant that older tower- or podium-houses were often supplemented with a corresponding courtyard complex in a later phase. Here suggested comparisons are, for example, the palace of Shabwa, “TT1” in Tamna‘ and the so-called administration building in Širwāh.

Whether or not these new architectural forms, which – by the way – were combined with absolutely new architectural ornamentation hitherto unknown in South Arabia, can also be attributed to influences from the Mediterranean world, cannot be excluded, but it cannot be confirmed either (cf., for example, Hitgen 2005b; 2013). Yet, there is no question that this new form of sovereign representation of the South Arabian ruling elite is associated with a change in self-awareness in members of this level in society (Hitgen 2005b: 67).

A cultural change in early Ĥimyarite times is evidenced not only in the comprehension of art, architectural ornamentation and individual architectural elements and forms, but also in burial customs (Hitgen 2005b: 54-60), sacred iconography and temple offerings in South Arabia. Compared to the preceding centuries, in early Ĥimyarite times South Arabia underwent profound social and political changes, which also had an immense impact upon the material culture of that region. Yet, at the same time these changes did not lead to a complete break from old traditions in culture, society and religion. Instead, they led far more to a cautious modification of long-known forms and values.

BIBLIOGRAPHY

- Antonini 1989 – S. Antonini. “The site of Madinat al-Ahġur and a first typological study of classical South-Arabian pottery from the Yemen plateau” // *Oriens antiquus* 28, p. 41-81
- Antonini 1992 – S. Antonini. “Oggetti d’importazione dalle tombe di Kharabat al-Ahġār (Dhamār)” // *Yemen* 1. Roma, p. 3-12
- Antonini 2005 – S. Antonini. “The Hypogean Tombs of Kharibat al-Ahġur” // A. de Maigret, S. Antonini (eds.). *South Arabian necropolises. Italian excavations at Al-Makhdarah and Kharibat al-Ahġur (Republic of Yemen)*. Roma, p. 53-90
- Avanzini 1998 – A. Avanzini. “Die Hegemonie des Reiches Qatabān” // W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien 1998/1999*. Wien/Milano, S. 169-171
- Barbanes 2000 – E. Barbanes. “Domestic and defensive architecture on the Yemen plateau: eight century BCE - sixth century CE” // *AAE* 11, p. 207-222
- Bentz-Bumke 2013 – M. Bentz, H. Bumke. “Mahlzeiten in rituellen Kontexten. Basierend auf den Projektdarstellungen von Martin Bentz, Helga Bumke, Ute Effland, Iris Gerlach, Achim Heiden, Ivonne Kaiser, Norbert Nebes, Dietrich Raue und Gabriel Zuchtriegel” // I. Gerlach, D. Raue (Hrsg.). *Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund. Forschungscluster 4. Heiligtümer, Gestalt und Ritual, Kontinuität und Veränderung*. Rahden/Westf., S. 275-290
- Breton 1998 – J.-F. Breton. “Le bâtiment 74” // J.-F. Breton (ed.). *Fouilles de Shabwa III. Architecture et techniques de construction*. Beyrouth, p. 49-55
- Breton-Weber 2009 – J.-F. Breton, T. Weber. “Les édifices à banquettes d’Arabie et de Syrie du Sud” // J.-F. Breton (ed.). *Fouilles de Shabwa IV. Shabwa et son contexte architectural et artistique du Ier siècle av. J.-C au IVe siècle ap. J.-C.* Beyrouth, p. 73-82
- Breton et al. 1997 – J.-F. Breton, C. Darles, C. Robin, J. L. Swauger. “Le grand monument de Tamna‘ (Yémen). Architecture et identification” // *Syria* 74, p. 33-72
- Breton et al. 1998 – J.-F. Breton, A.M. McMahon, D. A. Warburton. “Two Seasons at Hajar Am-Dhaybiyya, Yemen” // *AAE* 9, p. 90-111
- Charloux et al. 2009 – G. Charloux, H. Dridi, C. J. Robin, M. Arbach, L. Baqué, Š. al-Basīrī, J. Charbonnier, J. Cuny, A. Émery, I. Gajda, K. al-Hājj, Y. al-Našīrī, M. Niveleau. “Troisième et quatrième campagnes de la mission Qatabān à Ḥašī, Yémen” // *Semitica et Classica* 2, p. 227-246
- Dridi 2006 – H. Dridi. “Rapport préliminaire sur les deux premières campagnes de fouilles sur le site de Ḥašī (al-Baydā, Yémen)” // *Arabia* 3, p. 11-16
- Edens 2009 – C. Edens. “Exploring early agriculture in the highlands of Yemen” // A. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaeen studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Yusuf M. Abdallah, Alessandro de Maigret, Christian J. Robin on the occasion of their sixtieth birthdays*. Paris, p. 185-211
- Fleischer-Schulz 2012 – R. Fleischer, R. Schulz. “Figurale Bronzen ägyptischer und griechisch-römischer Art vom Jabal al-‘Awd” // *ABADY* 13, S. 1-90
- Franke et al. 2008 – K.A. Franke, M. Rösch, C. Ruppert, P. Yule. “Zafār, Capital of Ĥimyar. Sixth Preliminary Report. February – March 2006” // *ZORA* 1, S. 208-245
- Garbini 1970 – G. Garbini. “Antichità yemenite” // *AION* 30, p. 537-548

- Gerlach 2003 – I. Gerlach. “Die archäologisch-bauhistorischen Untersuchungen in der sabäischen Stadtanlage und Oase von Širwāh” // I. Gerlach (Hrsg.). *25 Jahre Ausgrabungen und Forschungen im Jemen – 1978-2003*. Šan‘ā’, S. 96-105
- Gerlach 2009 – I. Gerlach. “Culture Transfer in South Arabia during Pre-Islamic Times: Evidence for mobility?” // A. Sholan, S. Antonini, M. Arbach (eds.). *Sabaeen studies. Archaeological, epigraphical and historical studies in honour of Yusuf M. Abdallah, Alessandro de Maigret, Christian J. Robin on the occasion of their sixtieth birthdays*. Paris, p. 259-278
- Gerlach-Schnelle 2013 – I. Gerlach, M. Schnelle. “Sabäische Sakralarchitektur in Südarabien (Jemen)” // I. Gerlach, D. Raue (Hrsg.). *Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund. Forschungscluster 4. Heiligtümer, Gestalt und Ritual, Kontinuität und Veränderung*. Rahden/Westf., S. 209-220
- Gerlach-Vogt 2003 – I. Gerlach, B. Vogt. “Scha‘ub: Notgrabungen in einem frühhimyarischen Friedhof in Šan‘ā’” // I. Gerlach (Hrsg.). *25 Jahre Ausgrabungen und Forschungen im Jemen – 1978-2003*. Šan‘ā’, S. 116-123
- Gerlach et al. 2011 – I. Gerlach, M. Schnelle, C. Weiss. “Die Restaurierung der Pfeilerpropyla des Almaqah-Tempels von Širwāh (Jemen)” // M. Müller, T. Otten, U. Wulf-Rheidt (Hrsg.). *Schutzbauten und Rekonstruktionen in der Archäologie. Von der Ausgrabung zur Präsentation, Xanten, 21.–23. Oktober 2009*. Darmstadt, S. 223-243
- Gibson-Wikinson 1995 – M. Gibson, T. J. Wikinson. “The Dhamār Plain, Yemen. A preliminary study of the archaeological landscape” // *PSAS* 25, p. 159-183
- Hitgen 1999 – H. Hitgen. “Jabal al-‘Awd. Ein Fundplatz der Spätzeit in Hochland des Jemen” // *Im Land der Königin von Saba. Kunstschatze aus dem antiken Jemen*. Germering/München, S. 247-253
- Hitgen 2002 – H. Hitgen. “Magnesiumhydroxycarbonat. Ein wiederentdeckter Werkstoff in der altsüdarabischen Kunst” // *ABADY* 9, S. 165-184
- Hitgen 2003 – H. Hitgen. “Eine frühhimyarische Bergsiedlung auf dem Dschabal al-‘Awd” // I. Gerlach (Hrsg.). *25 Jahre Ausgrabungen und Forschungen im Jemen – 1978-2003*. Šan‘ā’, S. 106-115
- Hitgen 2005a – H. Hitgen. “Jabal al-Lawdh. An Early Himyarite Mountain Settlement” // A.C. Gunter (ed.). *Caravan kingdoms. Yemen and the ancient incense trade*. Washington, DC, p. 42-47
- Hitgen 2005b – H. Hitgen. “The age of the fighting kingdoms in South Arabia (1. century B.C. - 3. century A.D.). Aspects of the material culture in a period of change” // *ABADY* 10, S. 45-67
- Hitgen 2012 – H. Hitgen. “Tan‘im – A Sabaeen Center in the Ḥawlān” // A. Sedov (ed.). *New research in archaeology and epigraphy of South Arabia and its neighbours. Proceedings of the “Rencontres Sabéenes 15” held in Moscow, May 25th - 27th, 2011*. Moscow, p. 259-278
- Hitgen 2013 – H. Hitgen. “Aspects of mediterranean influence on the material culture of South Arabia during the Early Himyarite Period (1st century BC – 3rd century AD) on example of Ḡabal al-‘Awd” // *ZOrA* 6, S. 278-298
- Japp 2012a – S. Japp. “Der sogenannte Verwaltungsbau in Širwāh. Vertreter eines besonderen Bautypus in Südarabien” // *ZOrA* 5, S. 296-319
- Japp 2012b – S. Japp. “Himyarite Tan‘im (Khawlān) in the Highlands of Yemen – Preliminary Considerations” // A. Sedov (ed.). *New research in archaeology and epigraphy of South Arabia and its neighbours. Proceedings of the “Rencontres Sabéenes 15” held in Moscow, May 25th - 27th, 2011*. Moscow, p. 279-296
- Lewis 2005 – K. Lewis. “The Himyarite site of al-Adhla and its implications for the economy and chronology of Early Historic highland Yemen” // *PSAS* 35, p. 129-141
- Lewis-Khalidi 2008 – K. Lewis, L. Khalidi. “From prehistoric landscapes to urban sprawl: the Maṣn‘at Māryah region of highland Yemen” // *PSAS* 38, p. 215-230
- Lewis et al. 2010 – K. Lewis, L. Khalidi, W. Isenberger, A. Sanabani. “Mapping Maṣn‘at Māryah: using GIS to reconstruct the development of a multi-period site in the highlands of Yemen” // *PSAS* 40, p. 213-226
- Loreto 2011 – R. Loreto. *L'architettura domestica e i Palazzi Reali di epoca sud arabica nello Yemen pre-islamico (VII sec. a.C. - VI sec. d.C.)*. Roma
- Loreto 2012 – R. Loreto. “I luoghi del banchetto nell'Arabia meridionale antica” // L. Milano (ed.). *Mangiare divinamente. Pratiche e simbologie alimentari nell'antico Oriente*. Firenze, p. 355-377
- de Maigret 1985 – A. de Maigret. “Archaeological activities in the Yemen Arab Republic, 1985” // *EW* 35, p. 337-395
- de Maigret 1986 – A. de Maigret. “Archaeological Activities in the Yemen Arab Republic, 1986” // *EW* 36, p. 376-422
- de Maigret 2002 – A. de Maigret. *Arabia Felix. An exploration of the archaeological history of Yemen*. London
- de Maigret 2005a – A. de Maigret. “Recent discoveries in the “Market Square” of Tamna” // A.V. Sedov, I.M. Smilianskaia (eds.). *Arabia Vitalis. Studies on the Arab Orient, Islam and Ancient Arabia in Honour of V.V. Naumkin*. Moscow, p. 346-353
- de Maigret 2005b – A. de Maigret. “Some reflections on the South Arabian bayt” // *ABADY* 10, S. 101-109
- de Maigret-Robin 1993 – A. de Maigret, C. Robin. “Le temple de Nakrah à Yathill (aujourd'hui Baraqish), Yémen. Résultats des deux premières campagnes de fouilles de la mission italienne” // *CRAIBL*, p. 427-496
- Müller 1985 – W.W. Müller. “Altsüdarabische und frühnordarabische Inschriften” // O. Kaiser (Hrsg.). *Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte. Lieferung 6: Historisch-chronologische Texte III*. Gütersloh, S. 651-668
- Nebes 1998 – N. Nebes. “Der Tatenbericht des Karib'il Watar in Širwāh” // W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien 1998/1999*. Wien/Milano, S. 165-167
- Rhodokanakis 1922 – N. Rhodokanakis. *Katabanische Texte zur Bodenwirtschaft (zweite Folge)*. Wien
- Robin-Breton 1982 – C. Robin, J.-F. Breton. “Le sanctuaire préislamique du Jabal al-Lawdh (Nord-Yémen)” // *CRAIBL*, p. 590-629
- Röring 2004 – N. Röring. “Heiligtum der sabäischen Vereiniger: politische Macht an einem peripheren Ort” // E.-L. Schwandner, K. Rheidt (Hrsg.). *Macht der Architektur – Architektur der Macht. Bauforschungskolloquium in Berlin vom 30. Oktober bis 2. November 2002 veranstaltet vom Architektur-Referat des DAI*. Mainz am Rhein, S. 55-62
- Röring 2008 – N. Röring. “Bauhistorische Untersuchungen am Almaqah-Heiligtum von Širwāh” // *Im Land der Königin von Saba. Vom Kultuplatz zum Heiligtum*. Saarbrücken
- Seipel 1998 – W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien 1998/1999*. Wien/Milano
- Vogt 1999 – B. Vogt. “Ein Schatzfund und seine unabsehbaren Folgen – Alpinarchäologische Forschungen auf dem Jabal al-‘Awd” // *Jemen Report* 30, S. 5-7
- Vogt et al. 1998-1999 – B. Vogt, I. Gerlach, H. Hitgen. “Die Erforschung Altsüdarabiens. Das Deutsche Archäologische Institut Sana'a auf den Spuren des Sabäerherrschers Karib'il Watar” // *Nürnberger Blätter zur Archäologie* 15, S. 133-152
- Vogt et al. 2000 – B. Vogt, W. Herberg, N. Röring. «*Arsh Bilqis*». *Der Tempel des Almaqah von Bar'an in Marib*. Šan‘ā'
- Wendrich et al. 1999 – W. Wendrich, H. Barnard, R. M. Bridgman. *Report of the Baynun Mapping Project. Yemen 1998*. Leiden
- Wikinson-Edens 1999 – T. J. Wikinson, C. Edens. “Survey and excavation in the central highlands of Yemen: results of the Dhamar Survey Project” // *AAE* 10, p. 1-33
- Wikinson et al. 1997 – T. J. Wikinson, C. Edens, M. Gibson. “The archaeology of the Yemen high plains: A preliminary chronology” // *AAE* 8, p. 99-142
- Will 1998 – E. Will. “Die Kunst Südarabiens unter dem Einfluß Griechenlands und Roms” // W. Seipel (Hrsg.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba'. Ausstellungskatalog des Kunsthistorischen Museums Wien 1998/1999*. Wien/Milano, S. 281-283
- von Wissmann-Müller 1982 – H. von Wissmann, W. W. Müller. *Die Geschichte von Saba' II. Das Großreich der Sabäer bis zu seinem Ende im frühen 4. Jh. v. Chr. Sitzungsberichte*. Wien
- von Wissmann-Rathjens 1932 – H. von Wissmann, C. Rathjens. *Vorislamische Altertümer. Rathjens-v. Wissmannsche Südarabien-Reise*. Band 2. Hamburg
- Yule 2007 – P. Yule. “Zafār, capital of Himyar. Fifth Preliminary Report, February-March 2005” // *Zeitschrift für Archäologie außereuropäischer Kulturen* 2. Bonn, S. 105-120
- Yule 2013 – P. Yule. *Late antique Arabia. Zafār, Capital of Himyar: rehabilitation of a “decadent” society. Excavations of the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 1998-2010 in the highland of Yemen*. Heidelberg
- Yule et al. 2007 – P. Yule, K. Franke, C. Meyer, G. W. Nebe, C. Robin, C. Witzel. “Zafār, Capital of Himyar, Ibb Province, Yemen. Preliminary Reports 1-4, Summer 1998 until Spring 2004” // *ABADY* 11, S. 479-547

Sarah JAPP
(Berlin)

ROSETTE-DECORATED STONE BLOCKS FROM ZAFĀR: SOME IDEAS ON THEIR ORIGINS

One of the most frequent find objects in Zafār, the capital of the Himyarite kingdom in the highlands of South Arabia, are stone reliefs. The site museum of Zafār contains more than 1200 fragments of sculptured stones (Yule 2007: 123-151; 2013: 125; Yule *et al.* 2007: 510-512; Pecchioli *et al.* 2012;). The majority are reliefs; the others comprise statues in the round. Most of the fragments derive from the surface of the ancient city and its vicinity. Others were uncovered during the excavations in Zafār conducted by the University of Heidelberg under the guidance of P. Yule¹.

The reliefs can be separated into groups according to function as well as decorative pattern. Pillars and capitals, arched blocks, friezes, wall revetments and statues are extant. The majority of the pieces show a fragmentary condition. The decorative patterns allow a subdivision of items with geometric designs, with vegetal ornaments and with figural motifs. Geometric designs are dentil friezes, Vitruvian scrolls, meander stripes, egg and dart and false windows or doors with recessed panels. Vegetal ornaments assemble different kinds of rosettes, leaves, tendrils, pomegranates and vine branches with clusters of grapes. Figural motifs typically consist of animals such as bulls, ibexes, diverse birds as well as big cats and griffins. Human figures, mostly faces, are extant in smaller quantities. The stone material used most frequently is limestone; other reliefs were executed in so called Yemenite alabaster². A few specimens might be identified as marble, revealing a probable foreign import.

¹ See the annual reports and especially the final report of P. Yule (Yule 2013). In the beginning the finds of the excavations were kept in the magazines of the museum and labelled with museum numbers. Later on uncovered stone reliefs and sculptures were stored in new magazines and labelled according to their find complexes. P. Yule provided the opportunity to publish the relief material of the Site Museum of Zafār, for which I would like to thank him sincerely. Recent recording of the material has taken place when possible. Currently the scientific analysis is in preparation. I. Gerlach (Šan‘ā’ branch of the German Archaeological Institute) in support of the investigations kindly offered publication of the research in “Archäologische Berichte aus dem Yemen”.

² According to Christian Weiss, geologist (University of Erlangen), working on excavations of the Šan‘ā’ branch of the German Archaeological Institute, the term Yemenite alabaster is used for a calcite sinter formed in hydrothermal vents (cf. Weiss *et al.* in preparation).

Fig. 1. Rosette-decorated stone block in the Zafār Museum, limestone (ZM0859) (© Zafār project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Fig. 2. Rosette-decorated stone block in the Zafār Museum, limestone (ZM0850) (© Zafār project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Reliefs with rosette-decoration

Within the stone relief material stored in the museum of Zafār there are more than 140 pieces decorated with rosettes. The rosettes occur in four different types. The main group depicts an eight-petalled rosette in the center of an almost square-shaped stone block (around 80 pieces)³. In smaller numbers an elaborated reticular system of blossom-like rosettes with tendrils and leaves is extant (around 15 pieces) (Costa 1973: pl. 6, nos. 6-7). Thirdly, rosettes often appear as part of relief bands showing different rosette types or alternating rosettes and bull's heads (around 25 pieces)⁴, or they were used as space fillers of meander friezes (around 5 pieces)⁵. And in the fourth group small rosettes are inserted into other relief depictions as a kind of filling motif (around 10 pieces).

In this article the blocks with one rosette in the center and the relief stripes with rosettes will be analyzed in detail.

Description of stone blocks with single rosettes

The vast majority of the pieces were made of limestone of a white to grey color (more than 90%); only a few fragments consist of the Yemenite alabaster showing a whitish to yellowish color.

Most of the blocks display a single rosette with four heart-shaped and four lancet-shaped leaves arranged alternatingly, with the lancet-shaped leaves extending towards the corners of the block (fig. 1, 2). The rosette seems to be attached onto the block; however, the relief

³ See published comparisons for example in: Fakhry 1952: 130, fig. 85; Radt 1973: 12, no. 43a, pl. 15; 19, no. 101, pl. 37; Seipel 1999: 379, cat. nos. 434-435.

⁴ See published comparisons in: Radt 1973: 10, no. 25, pl. 9; Costa 1973: pl. 15, no. 4; pl. 18, no. 6; pl. 22, no. 3; 1976: pl. 2, no. 114; pl. 21, no. 160 (part of a column base depicted in the relief); pl. 24, no. 166 (abacus decoration of a capital).

⁵ See published comparisons in: Radt 1973: 12, no. 48, pl. 18.

Fig. 3. Rosette-decorated stone block in the Zafar Museum, limestone (ZM0146) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Fig. 4. Rosette-decorated stone block in the Zafar Museum, limestone (ZM0183) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Fig. 5. Rosette-decorated stone block in the Zafar Museum, limestone (ZM0298) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

itself is rather flat. The interior of the rosette is circular and usually consists of one or two concentric bulges with a raised central point. The lancet-shaped leaves show one convexly curved central vein running from the beginning onto the tip of the leaf. The leaf edge is not accentuated and the interior of the leaf is plain, while the central vein is sometimes accompanied by a depression. The heart-shaped leaves are separated into two drop-like halves, where each half is surrounded by more or less pronounced bulges. The interior of the leaf is either flat or slightly curved. Only minor variations are visible in this composition. Sometimes the center has not only two but three surrounding bulges (fig. 2) or the central raised point is missing. On a few examples the center is divided into different triangular-shaped sections. Very rarely the interior of the heart-shaped leaves displays a second bulge, again shaped like a drop (fig. 3), or the edges of the lancet-shaped leaves are also surrounded by a bulge (fig. 4). The relief is almost not differentiated; details such as interior veins or lobes are not depicted and curved structures are used only rarely. Three-dimensionality and naturalism were not aimed for.

Some isolated fragments hold a more delicate version of this rosette type (fig. 5). Here the center consists of two bulges and a central depression. The heart-shaped leaves are surrounded by one heart-shaped bulge, while in each of the halves another bulge shaped like a drop is inserted. The lancet-shaped leaves display a central vein with two side veins on each side. The side veins are additionally structured with incised lines. Additionally, the leaf contour is adorned with a kind of circle at the interior edge that probably symbolizes leaf eyes. The lancet-leaf contour as well as the veins and the rosette's center are not curved but flattened in contrast to the curved bulges of the heart-shaped leaves.

Fig. 6. Stone block with two rosettes in the Zafar Museum, limestone (ZM0980) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

All blocks are equipped with a frame showing a plain surface. Sometimes this frame is wider on one side than on the other but mostly the size of the frames is identical. In some cases the frame is decorated with moldings along the interior and exterior side (fig. 2), although they are in the minority.

In rare cases – within the material of the Zafar Museum just four examples are extant – two rosettes are depicted on one stone block separated by a frame. The frame can be composed differently; sometimes the borders of the blocks have small flat ledges while between the two rosettes the ledge is divided by incised lines (fig. 6) or consists of three bulges. Sometimes frames that have a curved surface and accentuated edges border the rosette (fig. 7).

The stone blocks have a rectangular shape. As neither top nor the bottom sides can be defined without doubt, it is hard to decide which is the longer one. Based on the specimens with two rosettes depicted it might be supposed that the width is less than the

Fig. 7. Stone block with two rosettes in the Zafar Museum, Yemenite alabaster (ZM0773) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Fig. 8. Relief stripe with rosettes in the Zafar Museum, limestone (ZM0942) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Fig. 10. Meander stripe with inserted rosettes in the Zafar Museum, Yemenite alabaster (ZM0621) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

height. The measurements range between 13x19 cm and 35x40 cm. One third is almost square-shaped such as 22x23 cm or 35x36 cm. The depth of the blocks measures between 6 and 21 cm due to their preservation. The bigger sized blocks can have a depth up to 40 cm. The sides including the rear are often only roughly treated while the front is well smoothed; therefore it can be assumed that the blocks were inserted into a wall with only the front visible.

a simple raised frame. The single fields are rectangular to square-shaped and measure between 6 to 10 cm in width and 8 to 10 cm in height. Only in rare cases are the motifs lined up beside each other. However, these stripes always seem to be part of complex ornamentations such

Fig. 9. Relief with a decorative stripe consisting of alternating rosettes and bucrania in the Zafar Museum, Yemenite alabaster (ZM0833) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

Description of relief stripes with rosettes

Two major types can be distinguished: alternating rosettes (fig. 8)⁶ and alternating rosettes and bull's heads (fig. 9). Additionally, meander friezes exist, where rosettes are inserted (fig. 10).

The rosette stripes show two different rosette types. One is similar to the above-mentioned rosettes: four lancet-like leaves stretch towards the corners and with four heart-shaped leaves in between. The second type has six, eight – or rarely 16 – drop-like leaves displaying a bulge along the contour and a slightly curved interior while the center is not accentuated. In one case the rosette displays wedge-shaped petals. Commonly each rosette is surrounded on all four sides by

Fig. 11. Base with alternating Vitruvian scrolls and rosette stripes in the Zafar Museum, limestone (ZM0765) (© Zafar project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

⁶ Published in: Costa 1973: pl. 22 no. 3.

as series of different friezes and are probably restricted to architectural bases such as column bases (fig. 11) (Radt 1973: 10, no. 25, pl. 9).

Within the stripes with bull's heads the rosettes are again reminiscent of the aforementioned examples with lancet- and heart-shaped leaves. The bull's head is shown frontally in a stylized manner of representation. Most depictions are surrounded by a double molding with rounded corners. Each field is almost square-shaped, and the average dimension is 14x14 cm. All the rosette-bucephalia stripes presumably belong to larger relief slabs with floral or figural decoration or with inscriptions where they constitute the decorative frame (Radt 1973: 12, no. 48, pl. 18).

The rosettes included in meander friezes represent often the lancet- and heart-shaped type. Where two rosettes are preserved one gets the impression that the second one would have been equipped with four or six drop-like or wedge-shaped leaves (fig. 10). Similar to the rosette-bucephalia stripes this ornamental motif is always part of a larger composition and was used as a decorative frame. The meander itself has a height of 6 to 10 cm, and the rosettes measure between 4 and 7 cm.

These stripes do not differ from the aforementioned relief blocks regarding technical and artistic execution. The bas-reliefs are without a vivid or naturalistic appearance or any detail specification.

Current research points to the number of rosette-bucephalia stripes being larger than the one of the pure rosette stripes or the meander-rosette stripes. Nevertheless a difference in function can be assumed as the rosette-bucephalia and the meander stripes were integrated into figural and floral relief slabs while the rosette stripes could have been used as a dividing element within the mural design.

The examination of Zafār reliefs with rosettes has shown that a very limited repertoire regarding the form of rosettes is extant. In principal one type was typically used and only sometimes another type was added. This seems to be peculiar having in mind the abundant variety of rosettes in ancient art.

Considerations concerning the location of blocks with rosette decoration in Ḥimyarite architecture

Almost all reliefs depicting rosettes in Zafār were not found in situ. However, fortunately within the excavations in Zafār some remains of walls with relief decoration were uncovered in the so called stone building (Yule 2007-2008: 3-16; 2009: 1-5; 2013: 51-81, 126, fig. 7,1-2, 222-227, 242-244, 250; Yule *et al.* 2008: 214-218)⁷. Above two rows of ashlar, a layer with rectangular blocks adorned with bucephalia is located separated from each other by frames. This

layer is followed by a small protruding row decorated with a vine scroll of grapes and leaves⁸. After a recess two layers of plain stone ashlar are arranged. On top of them long rectangular stone blocks with zoomorphic depictions are visible. The animals are arranged antithetically in pairs with a floral element between them. Above them a relief stripe with rosettes is observable with two alternating rosette types. One shows eight drop-like petals and the second one has four heart-shaped and four lancet-shaped leaves, the latter stretching towards the corners. How many more layers once followed above cannot be reconstructed as only one additional plain row is preserved.

This relief wall with a height of about 2 m is able to give hints to the original location of the reliefs in question. The stripes with alternating rosettes might have been used as a separating line within the mural system similar to the relief stripe with the vine scroll in Zafār. Such dividing stripes were probably located in the lower as well as in the middle part of the wall, perhaps even in the upper part if the relief decoration extended towards the ceiling. For the single or double rosette blocks an in-situ example unfortunately has not yet been published. It seems plausible that they may have been arranged in rows similar to the small relief bands; however, in the absence of extant examples an exact location of the rows has to stay hypothetical. Possibly they may have been arranged similar to the bucephalia frieze in the relief wall of the "stone building" in Zafār. The size of the single bucephalia fields is comparable to those of the rosettes; however, in Zafār one block contains several bucephalia. Nevertheless, a linear composition somewhere within the wall system seems to be most conceivable for the rosette blocks.

Rosettes in the ancient world

In old South Arabian art there is no comparison available for rosette-decorated stone blocks. Therefore one has to look for models elsewhere. Intensive trade connections between the Ḥimyarite kingdom and surrounding regions and even areas further away such as Italy and India makes it probable that new motifs arrived in Ḥimyar via such connections⁹. Moreover, other art objects uncovered in South Arabia prove the possibility of travelling artists bringing new impressions with them¹⁰. As the relief wall of the "stone building" is dated to the 1st century AD, which marks almost the same period as the beginning of the intensive cultural transfer it seems most reasonable to look for contemporaneous comparisons.

In Hellenistic-Roman art rosettes are generally blossoms seen from above; however, they do not represent a botanical flower but a stylized ornament. Rosettes are known in several different types depicted according to the number, arrangement and form of the leaves. They can be differentiated into simple rosettes (one row of leaves), double rosettes (two rows of leaves that can be formed differently), and whirling rosettes (one row of leaves turning with the tips towards one side). Typical leaf forms are pointed to lancet-shaped and rounded to oval-shaped. Heart-shaped leaves seem to have come up in the late Republican/early Imperial period. Rosettes can have three, four, six, eight, twelve and sixteen petals. The idea of rosettes as ornamental seems to prevail at this time and influenced the stylistic execution of

⁸ For the following description see: Yule 2007-2008: 10-11; 2013: 126.

⁹ See on South Arabian trade connections for example: Casson 1989; Groom 2005; Schiettecatte 2008; Hitgen 2013: 283.

¹⁰ See on foreign artists in South Arabia for example: Will 1998: 281-282; Hitgen 2005: 63; 2013: 290, 295; Japp 2013: 313.

⁷ The so called stone building in Zafār consists of a paved courtyard with some remains of columns, steps and surrounding walls while at the interior façade of the eastern wall (z502) reliefs are preserved. Different building phases and building states have been observed. The first phase of the "stone building" – including the wall with the reliefs – is dated by stratigraphy and 14C-samples to the first decades of the 1st century AD. Changes including the insertion of a relief with a crowned male figure into the relief wall are assigned to the first half of the 6th century AD. After the mid-6th century the "stone building" lost its original functions. The material and the building technique of the stone building should speak to a representative function. The excavator entertained an interpretation as temple (Yule 2007-2008: 19; 2013: 243).

the motif. Only a few rosettes display a more three-dimensional blossom-like character¹¹. However, even here one has to bear in mind the difference between naturalistic appearance and plasticity.

While comparing rosettes with heart-shaped and lancet-shaped leaves to the ones in South Arabia it is immediately apparent that outside South Arabia heart-shaped leaves are always oriented towards the corners while the South Arabian examples in contrast direct the pointed leaves towards the corners. Furthermore the dominance of this rosette type cannot be observed outside South Arabia; here single rosettes with identical leaves are predominant.

Given this background one wonders why South Arabian artists transferred only two types of rosettes out of a wide range of different types and why they changed the composition of one of the types.

Bigger rosettes can be found on metopes¹² and wall friezes¹³ and in the interspaces of garlands¹⁴. Small-scale rosettes were inserted into tendrils¹⁵ and were used as fillings for coffered ceilings and cornices¹⁶ and in meander friezes¹⁷. Often the shafts of pillars, pilasters and antae display two or more rosettes arranged as a frieze directly below the entablature or the capital¹⁸. Different types of rosettes were not restricted in their use and could be found in varying locations.

The arrangement of one rosette within a frame on a rectangular or square-shaped block is reminiscent of the decoration of metopes in a metope-triglyph frieze of the Doric order. The Doric frieze consists of square-shaped parts alternating with rectangular parts that were structured with three glyphs. The metopes could have been open or filled with slabs that were empty or decorated with

painted images or reliefs. Therefore the metopes are often separate blocks inserted into the triglyph frieze. From their beginning in the Archaic period the reliefs adorning the metopes usually depict single scenes with figures belonging to a greater narrative context. However, when the Doric frieze was revitalized in the Hellenistic and early Republican period the metopes were often decorated with ornaments such as rosettes, phialae and bucrania. The earliest example is the Tholos of Epidaurus dated to the mid-4th century BC, where the metopes display rosette-like egg phialae (Roux 1961: pl. 43, pl. 52.1)¹⁹. However, on monumental architecture this Doric frieze type was not common in Greece, whereas on minor monuments it was found more frequently²⁰. This was especially true for the 3rd and 2nd centuries BC in marginal areas such as Boeotia. Tombs, grave stelae and ossuaries often displayed rosette-decorated Doric friezes (Fraser-Rönne 1957:48-50). Altars from the Late Hellenistic period show rosettes in a kind of Doric frieze composition, while the triglyphs are missing²¹. However, even if in Hellenistic Greek architecture rosettes are not common as filling of metopes it is assumed that this ornamentation was invented there (Fraser-Rönne 1957: 50).

From the later 2nd century BC onwards the Doric frieze is found in Italy on minor architecture such as podia, bases and altars²² and on funerary objects²³. The method of transfer is not clear as Greek monumental architecture was probably not the source. Often the metopes were left empty, although since the 1st century BC rosettes and other motifs such as arms, helmets, figures, bucrania and phialae were inserted. These rosette-decorated Doric friezes were used predominantly on monuments of the sepulchral and sacred sphere²⁴.

However, this version of the Doric frieze was not restricted to the Italian area as in the Hellenistic and early Imperial Near East many Doric friezes can be found, for example in Ptolemaic Egypt, in the Nabataean kingdom, in Judaea and in Syria²⁵. Because of the closeness to South Arabia and the known trade connections between these areas a closer look at the situation seems advisable.

Often Doric friezes with rosettes, phialae and bucephalia were inserted into the building decoration of grave monuments. One prominent example is the Qasr al-Bint in Petra displaying a metope-triglyph-frieze at the exterior entablature above a Corinthian order²⁶. The metopes are filled with blossom-like double rosettes (alternating lancet-shaped and

¹¹ For example the rosettes at the pilaster shaft of the 2nd century BC propylon of the Athena sanctuary in Pergamon (Rumscheid 1994: pl. 112, no. 5), the opulent rosettes of a cassette block of the Augustan Mars Ultor Temple in Rome (Ganzert 1996: pl. 71, no. 3-4, pl. 72, no. 1, pl. 79, no. 2), the three-dimensional rosette of the cassettes of the early 1st century AD Concordia Temple in Rome (Toebelmann 1923: 46, fig. 43) and the rosettes on an early 2nd century AD soffite frieze in Rome (Wegner 1957: pl. 16b).

¹² For example on the late Hellenistic *proscenion* of the theatre in Ephesos (Rumscheid 1994: pl. 41, no. 3).

¹³ For example on a rosette-bucranion frieze fragment from the probably late Hellenistic or early Roman altar of Apollon Isotimos in Alabanda (Rumscheid 1994: pl. 3, no. 4). A similar system is shown on a frieze of the early 3rd century BC Ptolemaion in Samothrace (Rumscheid 1994: pl. 204, nos. 4-5).

¹⁴ For example on a probably late Hellenistic frieze from Alinda with laurel garlands hanging at bucephalia with rosettes inserted above the garlands (Rumscheid 1994: pl. 3, no. 5).

¹⁵ Here rosettes are shown together with other kinds of blossoms, for example on a *sima* frieze of the Temple of Apollon Smintheus in Chryse (Rumscheid 1994: pl. 19, nos. 1-2).

¹⁶ According to T. Mattern the idea of adorning coffered ceilings and cornices with rosettes stems from the metopes decorated with central rosettes and was then transferred (Mattern 2001: 70). Coffered ceilings filled with rosettes seem to be rare in Greek architecture but more typical for later Hellenistic and Roman architecture (von Hesberg 1980: 56). See for example the late Hellenistic coffered ceiling of the Octogon in Ephesos, completely filled with rosettes (Rumscheid 1994: pl. 42, no. 3) or the coffered ceiling of the Augustan Temple of Athena in Ilion, where differently formed rosettes were used as filling (Rumscheid 1994: pl. 52, nos. 1-10). In the coffered cornice of the interior part of the early Roman Temple of Apollon Sosianus in Rome (Mattern 2001: pl. 7, no. 2) and the coffered cornice of the so called Colonnacce of the Imperial Forum of Nerva in Rome (Mattern 2001: pl. 26, nos. 1-2) differently shaped rosettes were inserted.

¹⁷ For example on a probably early Roman block of the *scene* of the theatre in Ephesos (Rumscheid 2004: pl. 36, no. 4).

¹⁸ For example on a pillar shaft on the theatre terrace in Aigai (Rumscheid 1994: pl. 2, no. 5), on a Hellenistic antae shaft from Euromos (Rumscheid 1994: pl. 46, no. 3) and on the Hellenistic Maussolleion at Halikarnassos (Rumscheid 1994: pl. 48, no. 6).

¹⁹ On this monument rosettes were a decorative element in different areas, not only in the frieze but also below the capitals of the door pilasters (Roux 1961: pl. 44.3).

²⁰ According to V. Saladino: «...bei den Griechen Rosetten als unbefriedigende Lösung für Metopenfüllung empfunden wurden...» (Saladino 1970: 6).

²¹ See for example: Berges 1986: fig. 17-20, 25, 29, 47-52, 63-64, 69, 71-72, 81-83, 116, 132, 145-146; 1996. The rosettes were used often together with phialae and bucrania in a frieze or as filling above garlands.

²² For example the podium of the lower apsed hall in the sanctuary of Praeneste (Kraus 1976: 456, fig. 2).

²³ At the sarcophagus of Lucius Cornelius Scipio Barbatus a metope-triglyph-frieze is depicted with different kinds of rosettes on the metopes (Saladino 1970: 6-10; Kraus 1976: 456-457).

²⁴ One of the few known profane examples is the painted Doric frieze displaying rosettes in the *oecus* of the villa at Boscoreale (Barbet-Verbanck-Pièrard 2003: 57, fig. 35b).

²⁵ Examples in Asia Minor see footnotes 11-18. Even in northern Africa some metope-triglyph-friezes have been recorded such as on the late Republican temple in Thysdrus (Ferchiou 1989: 279, fig. 48), however here an Italic influence is observable. Rosette friezes were recorded for example on a door lintel in Djem Mansour (Ferchiou 1989: 348-349, pl. 45 c). Fillings of coffered ceilings can be detected for example on a 1st century AD specimen in Carthago (Ferchiou 1989: 379-380, pl. 55 c).

²⁶ It is dated to the last third of the 1st century BC (Freyberger 1998: 6-12, pl. 1c. 4a; Zayadine *et al.* 2003: 54, 163, pl. 29, 194, pl. 7).

heart-shaped leaves in the inner circle and broad heart-shaped leaves with small separating leaves in the exterior row). Several door-frames of tombs in Nabataean Hegra were adorned with a metope-triglyph-frieze above the architrave²⁷. Here the rosettes consist of a round disc with six inscribed lancet-shaped or heart-shaped leaves. In Judaea also the facades in particular of tombs of the 1st century BC and 1st century AD were decorated with metope-triglyph-friezes, while on the metopes rosettes or phialae were depicted²⁸. Nevertheless, in the Near East buildings other than sepulchral ones show rosettes. During the Herodian period in Judaea several parts of building decorations were decorated with rosettes, such as Doric friezes, coffered cornices and meander friezes²⁹. These rosettes are adorned predominantly with pointed and drop-like leaves or alternating lancet- and heart-shaped leaves. The interior courtyard walls of the sanctuary of Zeus in Gerasa were equipped with a Doric frieze, where the metopes are filled with different motifs some of them multi-petalled rosettes³⁰. The frieze of the Ptolemaion and the postaments of the Arsinoeion, both Ptolemaic architecture located on Samothrace, display well-carved rosettes alternating with bucrania³¹. With regard to some other Ptolemaic-influenced building decorations it has been assumed that this style of ornamenting a Doric frieze was invented in Alexandria (Kraus 1976: 457). However, the material evidence is too meagre to be sure. Nevertheless the late Hellenistic and early Roman funerary monuments from Greece, Italy and Asia Minor in all likelihood influence Near Eastern tomb decoration, and this effect was probably transferred even to sacred and profane architecture.

While looking at the rosette-decoration in the Hellenistic-Roman orient another element should be mentioned too. In Zafār there are some extant blocks (7 pieces) that bear a phiale as a single decoration (fig. 12). The phialae consist of a raised center surrounded by differently shaped moldings. They are situated in the center of the stone block, but in contrast to the rosette blocks a pronounced frame around the phialae is not extant. The size of these limestone blocks is almost square-shaped with measurements ranging between 10x13 cm and 20x20 cm. Due to the comparable size and composition a usage of both ornamental elements, phialae and rosettes, in a frieze as building decoration –

perhaps even together – is plausible. This thesis is supported by comparisons from the Near East, as for example the Doric friezes with phialae decoration in Nabataean and Judaeen architecture³².

However, rosettes were not only used in Doric friezes in the Near East but also as filling of coffered cornices and ceilings³³, as decorative frieze below the upper end of pilasters and pillars³⁴, and as the filling of meander friezes³⁵.

Interestingly, especially in the Near East the combination of lancet- and heart-shaped leaves seems to be more observed than in the other regions mentioned.

Although an approximate date for the use of rosette decoration is given by the relief wall of the “stone building” in Zafār it should be mentioned that during the later Roman Imperial period Doric friezes with metopes are not common, as the Ionic and Corinthian order are predominant. Nevertheless, rosettes are still extant especially as filling of coffered ceilings³⁶ and of friezes with tendril decoration³⁷. Even in the late antique and Byzantine periods rosettes were used as decorative elements as they appear as part of figural and ornamental friezes of building decoration often together with other motifs³⁸.

Regarding the combination of bull’s heads and rosettes in the smaller relief stripes the situation of influence and transfer seems to be different as the bull’s heads stem doubtlessly from old South Arabian art. During this period they were used for adorning the front of offering tables³⁹ as well as spouts for gutters⁴⁰, on stelae⁴¹ and even as frieze on relief slabs⁴². Friezes with a line of antelope and ibex heads are also typical for the old South Arabian period⁴³. Therefore

Fig. 12. Stone block with a phiale in the Zafār Museum, limestone (ZM0761) (© Zafār project Heidelberg, P. Yule/M. Schicht)

²⁷ In Hegra (Medain Saleh) see for example tombs A5. B1. B5-7. B22-23. E18. F4 (McKenzie 1990: pl. 2-4). In Petra as well as in Hegra metopes are often filled only with empty discs. It is still not appointed whether the discs were meant to show rosettes and stayed unfinished or whether this “emptiness” was planned.

²⁸ Tomb of Herod the Great in the Upper Herodeion (Netzer 1999: 107, fig. 152-153; Rozenberg-Mevorah 2013: 245). The probably late 1st century BC tomb of Umm el-‘Amed displays a Doric frieze with regularly inserted rosettes on the metopes (Avigad 1975: 20; Kloner-Zissu 2007: 443-444). At the early 1st century AD Absalom’s Tomb in Jerusalem the corner pilasters are decorated with a row of rosettes right below the capital (Avigad 1975: 17-18; Kloner-Zissu 2007: 242-243). In Judaea of the Second Temple Period a lot of ossuaries and sarcophagi were decorated with multi-petalled rosettes (Hachlili 1988). Rosettes with alternating lancet- and heart-shaped leaves are observable too (Hachlili 1988: 19, no. 15; 20, no. 24).

²⁹ See some examples in Mazar 1975: 28-29; Rozenberg-Mevorah 2013: 102 upper right (coffered ceiling with rosettes), 124 (cornice with meander and rosette), 245 (metope-triglyph-friezes with rosettes), 252 (cornice with rosettes), 266 (sarcophagus with rosette decoration). The bath building of Herod’s palace on Masada displays a Doric frieze with different kinds of rather schematic and simple rosettes (Foerster 1995: 123-129).

³⁰ It is dated to the late 1st century BC/1st century AD (Freyberger 1998: 26-30, pl. 17a).

³¹ Both buildings are dated to the 1st half of the 3rd century BC. Ptolemaion see: Hauser 1880: 41, pl. 39; Lawrence 1996: 154, fig. 244; Arsinoeion see: Niemann 1875: 81, pl. 61.

³² For example the Lion Triclinium in Petra (McKenzie 1990: 158-159, pl. 135-136), the Betyl in the Siq in Petra (McKenzie 1990: 159, pl. 137), the Tomb of Absalom in Jerusalem (Avigad 1975: 1-18) and the Tomb of Queen Helena of Adiabene in Jerusalem (Avigad 1975: 18-19).

³³ For example on the southern *thalamos* in Palmyra (Freyberger 1998: pl. 56c).

³⁴ For example on pillars of the Bel Sanctuary in Palmyra (Freyberger 1998: pl. 53d).

³⁵ For example on the meander frieze of the sanctuary in Mušannaf (Freyberger 1998: pl. 42a).

³⁶ See for example the coffered ceiling of the 3rd century AD grave temple in Side (Gliwitsky 2010: fig. 243) or the 2nd and 3rd century AD coffered entablature of the Propylon of the South Thermae in Perge (Gliwitsky 2010: fig. 303-307). These examples bear the typical *Zeitstil* with prominent drilling holes.

³⁷ See for example the tendril decoration at the entablature of the Severan propylon of the north-eastern area in Milet in Asia Minor (Gliwitsky 2010: fig. 358).

³⁸ For example on lintels and friezes in the Golan (Hachlili 1995: 201, no. 33; 207, no. 50. 55).

³⁹ See for example Seipel 1999: 97, no. 45, 289-290, no. 149, 347, no. 330.

⁴⁰ See for example Seipel 1999: 289-290, no. 149, 315, no. 223, 322, no. 236.

⁴¹ See for example Seipel 1999: 293, no. 160, 341, no. 313, 355, no. 354.

⁴² See for example Seipel 1999: 315, no. 222 (probably 2nd/3rd century AD).

⁴³ See for example Seipel 1999: 321, no. 232, 322, no. 237.

only the combination of bull's heads and rosettes in a frieze seems to be a new detail. During Hellenistic and Roman times especially, bucephalion (bull's head) and bucranium (bull's skull) were used as ornament stemming from the sacred sphere where the bulls were used as sacrifice and their heads were hung up in the sanctuaries (Börker 1975)⁴⁴. Often the skulls or heads were combined with garlands. Less often they were depicted together with alternating rosettes/phialae in a frieze. Possibly the idea of a Doric frieze with filled metopes was the model here with the triglyphs eliminated⁴⁵. And – as far as can be currently known – series of bucephalia without any ornament in between are unknown. Therefore the arrangement of bull's heads and rosettes in South Arabia was presumably developed from a local tradition combined with a foreign element while the composition of the elements might also have been a foreign adoption.

Resumee

All in all it is not easy to find striking models for the single rosette-relief blocks in Zafar, although rosettes were a popular decorative motif in Hellenistic-Roman building decoration. The later version of Doric friezes with rosettes and phialae in the metopes are the closest parallels. The more frequent use in the Near East during the 1st century BC and the 1st century AD – that fits well with the assumed date for the motif transfer – speak in favor of the Hellenistic-Roman Orient as the source for this decoration. And one has to bear in mind two aspects. First of all trade was the connecting string between these regions especially in the centuries around the turn of the millennium when the Nabataeans and the Syrian caravan cities were involved in trade with South Arabia. On the other hand one can also detect other Near Eastern influences in the Himyarite relief art such as the Corinthian-like capitals⁴⁶.

Nevertheless, three issues have to be stated clearly. The South Arabians made a specific selection, they adapted the motif and they changed the location of its installation⁴⁷. Only one type of rosette was chosen to be depicted on South Arabian reliefs in greater numbers, the variant with lancet- and heart-shaped leaves. The simple rosettes with six or eight almost wedge-shaped leaves that have been rather popular in ancient art can only be found merely on the small rosette stripes and the meander stripes. The numerous variants of rosettes known in Hellenistic and Roman building decoration were neglected. Nevertheless, this reduction of the depiction of rosettes to one aspect out of an abundant variety is not really astonishing as it can be observed in other Himyarite building decorations too. For example, the assortment of floral scrolls in Hellenistic-Roman as well as Byzantine and Persian building decoration is rather

⁴⁴ Due to their origin the bucrania and bucephalia-garland friezes were often depicted on cultic buildings, altars and on sarcophagi. For example on the frieze of the late Hellenistic courtyard sanctuary in Milet (Rumscheid 1994: 44-45, pl. 98.4), on the halls or the altar of the Augusteum in Antiochia ad Pisidiam (Rumscheid 1994: 5, pl. 8.3-4) and on capitals of the 2nd century AD Apollon Smintheus temple in Chryse (Rumscheid 1994: 9-10, pl. 16.4). For altars see Berges 1986 with several examples. For sarcophagi see Herdejürgen 1996 with several examples.

⁴⁵ For example the frieze at the Ptolemaion and the Arsinoeion in Samothrace (Rumscheid 1994: 94-95, pl. 201.4, pl. 204.4-5).

⁴⁶ Here especially the introduction of vine scrolls and grape bunches into the Corinthian-like capitals as well as the rod-like separation between capital and column was presumably motivated by foreign models from the Levant (Japp 2012: 284; 2013: 308-311).

⁴⁷ For the system of adaption and reinterpretation observable on other groups of art products see especially Hitgen 2013: 292-293.

widespread, nevertheless in Himyarite art almost only the vine scrolls were adopted⁴⁸. But not only that, in adapting the rosette motif the Himyarite artists changed the direction and the appearance of the lancet- and heart-shaped leaves. The lancet-formed leaves were now oriented towards the corners of the blocks and, moreover all leaves extended towards the borders or frames of the block, while the Hellenistic and Roman rosettes were restricted to their circular form leaving free space around them. And in case one accept the arrangement of the relief wall in the “stone building” in Zafar as general model, additionally the location of the relief blocks was changed: The rosette blocks were not restricted to the transition of wall and ceiling as in Hellenistic and Roman art. It stays even unclear whether they were used in the upper part of the wall. Presumably they were located in the lower and middle part of the wall as a kind of horizontal structural element.

The smaller alternating rosette stripes might have been a derivation of Doric friezes with rosette-filled metopes or of the frieze-like series of rosettes at the upper end of pilasters and pillars found for example in the Hellenistic-Roman Near East.

The same is true for the bucephalion-rosette stripes as they were probably transferred from Doric friezes (with and without separating triglyphs) and not from garland friezes. However, a mixture of traditional local and foreign elements is visible.

The relief stripes displaying meander friezes with rosettes are widespread in Hellenistic-Roman art; therefore the number of forerunners is large. Nevertheless, the Hellenistic-Roman Near East could again be a fruitful source of models.

The rosette decoration of Zafar reliefs is obviously a result of cultural transfer taking place probably during the 1st century AD. As with several other foreign elements in Himyarite art not only simple copying took place but also an adaption that points to the unique development of Himyarite art.

⁴⁸ Japp 2012: 283-284; 2013: 311.

BIBLIOGRAPHY

- Avigad 1975 – Avigad N. “The Architecture of Jerusalem in the Second Temple Period” // Y. Yadin (ed.). *Jerusalem Revealed. Archaeology in the Holy City 1968-1974*. Jerusalem, p. 14-24
- Berges 1986 – Berges D. *Hellenistische Rundaltäre Kleinasiens*. Freiburg i. Br.
- Berges 1996 – Berges D. *Rundaltäre aus Kos und Rhodos*. Berlin
- Börker 1975 – Börker C. “Bukranion und Bukephalion” // *Archäologischer Anzeiger*. S. 244-250
- Casson 1989 – Casson L. “South Arabia’s Maritime Trade in the First Century A.D.” // T. Fahd (ed.). *L’Arabie préislamique et son environnement historique et culturel*. Leiden, p. 187-194
- Costa 1973 – Costa P. “Antiquities from Zafār (Yemen)” // *AION* 33, p. 185-206
- Costa 1976 – Costa P. “Antiquities from Zafār (Yemen) II” // *AION* 36, p. 445-456
- Fakhry 1951 – Fakhry A. *An archaeological journey to Yemen*. Cairo
- Ferchiou 1989 – Ferchiou N. *L’évolution du décor architectonique en Afrique proconsulaire des derniers temps de Charthage aux Antoinins. L’hellénisme africain, son déclin, ses mutations et le triomphe de l’art romano-africain*. S.I.
- Fraser-Rönne 1957 – Fraser P. M., Rönne T. *Boeotian and West Greek Tombstones*. Lund
- Freyberger 1998 – Freyberger S. *Die frühkaiserzeitlichen Heiligtümer der Karawanestationen im hellenisierten Osten*. Mainz (Damaszener Forschungen 6)
- Ganzert 1996 – Ganzert J. *Der Mars-Ulto-Tempel auf dem Augustusforum in Rom*. Mainz
- Gliwitsky 2010 – Gliwitsky C. *Späte Blüte in Side und Perge. Die pamphyllische Bauornamentik des 3. Jahrhunderts n. Chr.* Bern
- Groom 2005 – Groom N. “Trade, Incense and Perfume” // A.C. Gunter (ed.). *Caravan Kingdoms. Yemen and the ancient incense trade*. Washington D.C., p. 104-113
- Hachlili 1988 – Hachlili R. *Jewish ornamented ossuaries of the late Second Temple Period*. Haifa
- Hachlili 1995 – Hachlili R. “Late antique Jewish art from the Golan” // J. H. Humphrey (ed.). *The Roman and Byzantine Near East: Some recent archaeological research*. Ann Arbor, p. 183-212 (Journal of Roman Archaeology. Supp. 14)
- Hauser 1880 – Hauser A. “Das Ptolemaion und das Große Stadthor” // *Archäologische Untersuchungen auf Samothrace II*. Wien, S. 33-46
- Herdejürgen 1996 – Herdejürgen H. *Stadtrömische und italische Girlandensarkophag. Die Sarkophag des ersten und zweiten Jahrhunderts*. Berlin
- von Hesberg 1980 – von Hesberg H. *Konsolengeisa des Hellenismus und der frühen Kaiserzeit*. Mainz (Römische Mitteilungen. Erg. 24)
- Hitgen 2005 – Hitgen H. “«The Age of the Fighting Kingdoms» in South Arabia (1. Century B.C. – 3. Century A.D.). Aspects of the material culture in a period of change” // *ABADY* 10, S. 45-68
- Hitgen 2013 – Hitgen H. “Aspects of Mediterranean influence on the material culture of South Arabia during the early Himyarite period (1st century BC-3rd century AD) on example of Ġabal al-‘Awd” // *ZOrA* 6, S. 278-296
- Japp 2012 – Japp S. “Himyarite Tan‘im (Khawlan) in the highlands of Yemen – preliminary considerations” // A. Sedov (ed.). *New research in archaeology and epigraphy in South Arabia and its neighbors. Proceedings of the “Rencontres Sabéennes 15” held in Moscow, May 25th – 27th, 2011*. Moscow, p. 279-296
- Japp 2013 – Japp S. “Cultural transfer in South Arabia during the first half of the first millennium CE” // *ZOrA* 6, S. 300-319
- Kloner-Zissu 2007 – Kloner A., Zissu B. *The necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period*. Leuven/Dudley MA
- Kraus 1976 – Kraus T. “Überlegungen zum Bauornament” // P. Zanker (Hrsg.). *Hellenismus in Mittelitalien, Kolloquium in Göttingen vom 5. bis 9. Juni 1974*. Göttingen, S. 455-470
- Lawrence 1996 – Lawrence A.W. *Greek Architecture*. New York
- Lehmann 1953 – Lehmann P.W. *Roman Wall Paintings from Boscoreale in the Metropolitan Museum of Art*. Cambridge
- Mattern 2001 – Mattern T. *Gesims und Ornament. Zur stadtrömischen Architektur von der Republik bis Septimius Severus*. Münster
- Mazar 1975 – Mazar A. “The Archaeological Excavations near the Temple Mount” // Y. Yadin (ed.). *Jerusalem Revealed. Archaeology in the Holy City 1968-1974*. Jerusalem, p. 25-40
- McKenzie 1990 – McKenzie J. *The architecture of Petra*. New York
- Netzer 1999 – Netzer E. *Die Paläste der Hasmonäer und Herodes’ des Großen*. Mainz
- Niemann 1875 – Niemann G. “Der Rundbau der Arsinoe” // *Archäologische Untersuchungen auf Samothrace I*. Wien, S. 77-85
- Pecchioli et al. 2012 – Pecchioli L., Yule P., Mohamed F. “Das durch ISEE kreierte Zafar Virtual Museum (ZVM), Jemen” // *Forum Archaeologiae* 62/III; <http://farch.net> (23.06.2014)
- Radt 1973 – Radt W. *Katalog der Staatlichen Antikensammlung von Šan‘ā’ und anderer Antiken im Jemen*. Berlin
- Roux 1961 – Roux G. *L’architecture de l’Argolide aux IVe et IIIe siècles avant J.-C.* Paris
- Rozenberg-Mevorah 2013 – Rozenberg S., Mevorah D. *Herod the Great. The King’s Final Journey*. Jerusalem
- Rumscheid 1994 – Rumscheid F. *Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus*. Mainz
- Saladino 1970 – Saladino V. *Der Sarkophag des Lucius Cornelius Scipio Barbatus*. Würzburg
- Schiettecatte 2008 – Schiettecatte J. “Ports et commerce maritime dans l’Arabie du Sud préislamique” // *Chroniques yéménites* 15; <http://cy.revues.org/1671> (23.06.2014)
- Seipel 1999 – Seipel W. *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba’*. Wien/Mailand
- von Sydow 1984 – von Sydow W. “Die hellenistischen Gebälke in Sizilien” // *Römische Mitteilungen* 91, S. 239-358
- Toebelman 1923 – Toebelman F. *Römische Gebälke*. Heidelberg
- Wegner 1957 – Wegner M. *Ornamente kaiserzeitlicher Bauten Roms*. Köln/Graz
- Weiss et al. in preparation – Weiss Ch., Koch R., Gerlach I. “A microfacial and geochemical provenance study of calcareous sinter from Yeha/Northern Ethiopia” // *ABADY* 14
- Will 1998 – Will E. “Die Kunst Südarabiens unter dem Einfluß Griechenlands und Roms” // W. Seipel (ed.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba’*. Wien/Mailand, S. 281-283
- Yule 2007 – Yule P. *Ḥimyar. Spätantike im Jemen*. Aichwald
- Yule 2007-2008 – Yule P. “Zafār, Capital of Ḥimyar. Seventh Preliminary Report, 2007 and 2008” // <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/propylaeumdok/volltexte/2009/303> (23.06.2014)
- Yule 2009 – Yule P. “Zafār, Capital of Ḥimyar. Eighth Preliminary Report, February-March 2009” // <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/propylaeumdok/volltexte/2009/302> (23.06.2014)
- Yule 2013 – Yule P. *Late Antique Arabia Zafār, Capital of Ḥimyar. Rehabilitation of a ‘Decadent’ Society. Excavations of the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 1998-2010 in the Highland of the Yemen*. Wiesbaden
- Yule et al. 2007 – Yule P., Franke K.A., Meyer C., Nebe G., Robin C., Witzel C. “Zafār. Capital of Ḥimyar, Ibb Province, Yemen” // *ABADY* 11, S. 479-547
- Yule et al. 2008 – Yule P., Franke K.A., Rösch M., Ruppert C. “Zafār, Capital of Ḥimyar. Sixth Preliminary Report, February – March 2006” // *ZOrA* 1, p. 208-245
- Zayadine et al. 2003 – Zayadine F., Larché F., Dentzer-Feydy J. *Le Qasr al-Bint de Pétra. L’architecture, le décor, la chronologie et le dieux*. Paris

Юрий Александрович ПЯТНИЦКИЙ
(Санкт-Петербург)

АНТИОХИЙСКИЙ ПАТРИАРХ ГРИГОРИЙ IV И РОССИЯ: 1909–1914 ГОДЫ

В истории многовековых взаимоотношений между Россией и Антиохийским патриархатом есть интересный период, связанный с весьма своеобразной «культурной» активностью «патриарха Антиохийского и Всего Востока» Григория IV (Хаддада), занимавшего кафедру с 5/18 июня 1906 по 12 декабря 1928 г. Период этот охватывает 1909-1914 гг. и тесно связан с церковно-политическими и финансовыми проблемами Антиохийского патриархата и русской политикой на Православном Востоке. Несмотря на интерес к данным проблемам историков¹, некоторые аспекты, в частности, касающиеся древних рукописей и памятников искусства, оставались малоизвестными. Речь идет о проекте создания в России специального музея Антиохийского патриархата, куда предполагалось перевезти древности патриархии и монастырей, а также о дарах патриарха Григория IV русскому императору Николаю II в 1909 и в 1913-1914 гг. В обоих случаях инициатива принадлежала Антиохийскому патриарху и, бесспорно, была инспирирована той политической ситуацией, в которой пребывали несколько лет и сам Григорий IV, и возглавляемая им патриархия.

По длительной традиции, существовавшей на Православном Востоке, патриаршие престолы в Антиохии, Александрии, Иерусалиме и Константинополе занимали, как правило, иерархи-греки. Эту политику греческой ксенократии поддерживала Блистательная Порта, возложив, таким образом, именно на греческое духовенство поддержание своей политики в отношении христианских общин Османской империи. Для Антиохийской патриархии эта ситуация была особенно напряженной, поскольку значительную часть православного населения составляли арабо-сирийцы, которые хотели бы видеть патриарха из своей среды. И такие случаи имели место. Например, известный патриарх Макарий, дважды посетивший Россию в XVII в., был родом араб из Алеппо. Сирийцем по национальности был патриарх Мелетий II (Думани), занимавший престол с 15/27 апреля 1899 г. по 26 января/8 февраля 1906 г.² Неожиданная смерть Его Блаженства патриарха Мелетия II потрясла и взбудоражила Православный Восток, поскольку он был первым выходцем из среды сиро-арабского народа, занявшим Антиохийский престол после многолетнего «греческого патриаршества». Его кончина

вновь поставила перед Антиохийской церковью болезненный вопрос о национальности будущего пастыря. Все еще живо помнили ту упорную и страстную борьбу между греками и сиро-арабами, которая сопровождала поставление покойного патриарха Мелетия в 1899 г. (Якушев 2013: 202-208). Действительно, в Афинах, Иерусалиме и Александрии после смерти Мелетия вспыхнуло движение за «торжество эллинизма на всем Православном Востоке», и в частности в Антиохийской патриархии. Патриархи Александрийский Фотий и Иерусалимский Дамиан обратились к Вселенскому патриарху Иоакиму III с посланиями по этому вопросу. Однако последний не поддержал их. Он ответил грамотой, которая, как писал в своей статье И. Померанцев, «должна служить образцом мирных архипастырских посланий нашего времени, так как по проникающему ее духу любви и согласия, по ровности и спокойствию тона и по убедительности аргументации приближается к типу древних патриарших энциклик, благовествовавших повсюду мир, братство, любовь» (Померанцев 1907: 121). Это послание, радостно встреченное православным населением Сирии, вызвало резко негативную реакцию среди сторонников панэллинизма.

Между тем Антиохийская церковь, руководствуясь Уставом Православной Антиохийской церкви, выработанным при патриархе Мелетии II, выбрала 6 февраля 1906 года местоблюстителя (*каймакана*) патриаршего престола. Им стал эмесский митрополит Афанасий, старейший по архипастырскому служению в Антиохийской церкви (сиро-араб по происхождению). Затем в течение апреля – июня состоялись выборы нового патриарха. Было проведено два заседания (20 апреля и 5 июня), а также утверждение первоначального списка кандидатов турецкими властями в Стамбуле. В результате этой процедуры новым Антиохийским патриархом был избран Григорий Хаддад, митрополит Триполи. Информация об этом была отправлена в Стамбул, и 6 августа 1906 года было получено *ираде* султана, утверждавшее Григория в звании патриарха, а также *берат* о его правах и привилегиях. В Дамаске в кафедральном соборе Успения Богородицы 13 августа был проведен обряд интронизации «Блаженнейшего, Божественного и Святейшего Григория IV, патриарха Великого Божия града Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии, Месопотамии и Всего Востока, отца отцов, пастыря пастырей, архиерея архиереев, тринадцатого из апостолов»³ (рис. 1).

Рис. 1. Портрет Антиохийского патриарха Григория IV. Фото 1910-х гг. из архива автора

¹ В первую очередь следует отметить фундаментальное исследование Якушева, 2013.

² О патриархе Мелетии см. Померанцев 1906: 246-288.

³ Таков официальный титул Антиохийского патриарха (см. Соколов 1913: 147, 161-162).

Патриарх Григорий IV Хаддад (1859-1928)

Григорий IV родился 1 июля 1859 г. в деревне Абэйэ. Он носил мирское имя Игнатий и происходил из простой сельской арабской семьи. Увидев, что мальчик имеет склонность к учению, родители поместили его в местную начальную школу, принадлежавшую американской протестантской миссии. Там способного мальчика заметил Гавриил, митрополит Бейрута, который взял его под свое покровительство, а в 1872 г., по достижению тринадцатилетнего возраста, сделал своим воспитанником и поместил в духовную школу в Бейруте. Эта школа была единственным духовно-учебным заведением во всей Сирии. Окончанием ее закончилось образование будущего патриарха. Но в течение всей своей жизни он продолжал самообразование, активно интересуясь богословием, философией, литературой. Шестнадцатилетнего Игнатия Хаддада митрополит Гавриил сделал своим секретарем. В восемнадцать лет Игнатий постригся в монахи с именем Григорий и некоторое время жил в монастыре Аль-Нурийэт (Нурия). Затем он вошел в состав клира митрополита Гавриила в Бейруте и в 1879 г. был посвящен в сан иеродиакона. Григорий проявлял большую активность во всех делах епархии, был председателем религиозно-просветительного общества «Апостол Павел», писал статьи религиозно-нравственного характера для православной газеты «Дар» (*Al-Haddiyah*), а с 1883 г. редактировал ее. Несмотря на молодость, иеродиакон Григорий своей образованностью, красноречием и энергией завоевал симпатии местного населения и в 1890 г. был избран на пустовавшую митрополичью кафедру в Триполи. Вначале, 6 мая 1890 г., он был рукоположен в сан иеромонаха, а затем *хиротонисан* в епископы и возведен в сан митрополита Герасимом, патриархом Антиохийским. В течение пятнадцати лет Григорий Хаддад успешно управлял епархией. Он уделял большое внимание религиозно-нравственному просвещению своей паствы, боролся с католической и протестантской пропагандой, развивал благотворительную деятельность, учредив для помощи бедным несколько братств при церквях. Он пользовался любовью и уважением в Триполи, а активная деятельность и моральные качества сделали его весьма популярным в Сирии.

Вступив 13 августа 1906 г. в управление Антиохийской церковью, Григорий IV согласно традиции отправил мирные «Послания» всем главам автокефальных церквей Востока, прося «принять его в братское общение и взаимное молитвенное единение». Первыми на это послание откликнулись главы славянских православных церквей. Отношения с греческими патриархами оставались весьма непростыми (Померанцев 1907: 115-159; Соколов 1913: 158-161, 177-180). В 1908 г. в журнале «Сообщения Императорского Православного Палестинского общества» в разделе «Вести с Православного Востока» говорилось: «новый Антиохийский патриарх Блаженнейший Григорий IV все еще пребывает вне канонического общения с остальными патриархами Православного Востока – константинопольским, иерусалимским и александрийским. Мирное послание [Григория IV] и теперь остается без ответа. Это значит, что греческие патриархи не признают избрания Григория IV законным <...> и не хотят вступать в братское с ним общение. <...> Лишь церковь русская, да предстоятели [руководители. – П.Ю.] славянских церквей <...> признали его законным патриархом Православной Антиохийской церкви» (Световостоков 1908: 176). Митрополиты Антиохийской церкви обратились с особым посланием к греческим патриархам, отмечая каноничность избрания Григория IV и ненормальность его изолированного положения. В ответ Синоды Иерусалимский

и Константинопольской церковью предложили некоторые примирительные действия для урегулирования ситуации, в то время как Александрийский патриарх Фотий занял категорически негативную позицию. Он заявил, что восстановит общение с Антиохийской церковью «только тогда, когда на патриаршем престоле будет восседать грек, а не сириец» (Световостоков 1908: 177-179).

В этой непростой ситуации активную помощь и поддержку Григорию IV оказал Святейший Синод Русской Православной церкви⁴. В русской прессе писали с большой симпатией об Антиохийском патриархе. Например, в Санкт-Петербургском еженедельнике «Голос Истины» в январе 1909 г. появилась статья, где сообщалось: «Антиохийский патриарх Блаженнейший Григорий IV, избранный на престол в 1906 году, все еще пребывает вне канонического общения с остальными греческими патриархами Православного Востока, так как они, по причинам национального свойства, не признают его избрания законным. Но это не препятствует Блаженнейшему Григорию с успехом руководить делами Антиохийской церкви. Так он, при содействии Священного Синода, заместил достойными кандидатами почти все свободные архиерейские кафедры в Сирии, приступил к преобразованию Белементской духовной семинарии, в курс которой намерен ввести и преподавание русского языка, устроил при патриархии типографию <...>»⁵.

Сложная ситуация разрешилась только летом 1909 г., через три года после интронизации Григория IV. Примирение Константинопольского Вселенского патриарха Иоакима III с Антиохийским патриархом состоялось 25 июля 1909 г., когда последний наконец-то был признан законно избранным главою Антиохийской церкви. Небезынтересно заметить, что в положительном разрешении вопроса значительную роль сыграл новый посол России в Стамбуле Н.В. Чарыков. Он нанес свой первый официальный визит Вселенскому патриарху 23 июля 1909 г. и в беседе обсудил проблему взаимоотношений Константинопольского патриарха с Антиохийским, отметив интерес России к делам Православного Востока. После беседы с русским послом патриарх Иоаким устроил экстренное заседание Константинопольского Синода, а на следующий день нанес ответный визит Н.В. Чарыкову. Очередное заседание Синода, на котором был рассмотрен «антиохийский вопрос», состоялось 25 июля. Выяснилось, что все основные разногласия между Антиохийской и Вселенской патриархиями уже были урегулированы. В частности, в богослужениях Антиохийской церкви наряду с арабским должен был употребляться и греческий язык. Поэтому, заслушав всю информацию, Константинопольский патриарх и члены Синода единогласно решили признать Григория IV каноническим патриархом. Соответствующая телеграмма за подписью Иоакима III была отправлена в Дамаск. Через несколько дней, 29 июня, был получен благодарственный ответ Григория IV. Обмен телеграммами состоялся также между Григорием IV и Иерусалимским патриархом Дамианом. Немного позднее, 14 августа, по настоянию Александрийского Синода патриарх Фотий также присоединился к положительному решению относительно «антиохийского вопроса» (Померанцев 1909: 568-572, 583-584, 589-599). Примирение патриархов произвело самое благоприятное впечатление во всем Православном мире. Его рассматривали как начало новых церковно-общественных отношений, о чем писали и дамаский

⁴ Названия учреждений, титулов и должностей даются в их историческом написании на первые полтора десятилетия XX в.

⁵ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 25об.

журнал «Благодать» (*Al-Ni'man*), и греческие газеты 'Πρόδος' и 'Το Κράτος', и русский «Православный Вестник».

В позитивном разрешении этой сложной ситуации, несомненно, большую положительную роль сыграла поддержка Григория IV русскими церковными и светскими властями. Сам патриарх не скрывал своего русофильства и стремления к более тесным контактам с Россией, как церковным, так и политическим. Примером особого покровительства Григория IV русским может служить факт специального соглашения, которое было заключено им 12 июля 1912 г. с отцом Геннадием, представителем русской Крестовоздвиженской келлии на Афоне. Игумену *келлии* отцу Пантелеймону сдавался в аренду патриарший монастырь Святого Ильи в Шуайя (Шувейре) в Горном Ливане. Патриарх сохранял за собою право жить в монастыре в летнее время, получал от обители ежегодно обычное количество церковного вина и денежную сумму в наполеонах (200 – первые три года, 250 – вторые три года, 300 – следующие четыре года и далее по 400 наполеонов). Монахи могли пользоваться имуществом монастыря на вечные времена, строить новые здания, приобретать новые владения, принимать в монашество всех православных независимо от национальности. В Бейруте монастырю было выделено специальное помещение для приезжающих туда монахов (Герд 2010: 113-114)⁶.

Еще с 1890-х гг. Григорий Хаддад стал сотрудничать с Императорским Православным Палестинским обществом. Он оказывал поддержку в открытии школ Общества в Триполийской епархии и в целом на территории Ливана и Сирии. В период 1895 – 1910 гг. было открыто 77 образовательных школ для 10 000 учащихся: 27 в Северной Сирии, 45 в Южной Сирии и 5 в Бейруте. На общем годовом собрании Императорского Православного Палестинского общества 17 декабря 1906 г. Григорий IV был избран почетным членом: «По произведенной баллотировке оказались избранными: 1. В Почетные члены: Его Блаженство Григорий, Патриарх Антиохийский» (Годовое собрание 1907: 115). Позднее, во время визита Григория IV в Россию в 1913 г., патриарх был тепло принят в Императорском Православном Палестинском обществе в Санкт-Петербурге. Он посетил Канцелярию Общества 21 марта 1913 г. в сопровождении митрополита Триполи Александра, который прекрасно говорил по-русски. В вестибюле Григорий IV был встречен вице-председателем Общества князем А.А. Ширинским-Шихматовым, секретарем Общества профессором А.А. Дмитриевским, помощником секретаря камергером Императорского Двора Д.В. Истоминым. В главном зале Общества для высокого гостя было организовано импровизированное собрание с приветственными речами князя А.А. Ширинского-Шихматова (на русском языке) и профессора А.А. Дмитриевского (на греческом языке). Последний, в частности, сказал: «Ваше Блаженство! Обычаем Вашей страны дорогому гостю предлагается прежде всего холодная вода с вареньем (*глико-неро*) и чашка кофе, – мы, встречая Вас в Канцелярии Общества с живейшей радостью, просим принять по обычаю нашей страны чашку горячего чая» (Летопись 1913: 277). В ответной, повосточному изысканно-цветистой речи, произнесенной Григорием IV на арабском языке и переведенной митрополитом Александром на русский, патриарх сравнил деятельность Палестинского общества с «могучим источником живой воды, изобильно изливающимся на обездоленную сирийскую страну». Во время чая с фруктами шла оживленная двухча-

совая неформальная беседа по различным вопросам совместной деятельности Общества и патриархата. Затем Григорий IV осмотрел все помещения и благословил сотрудников (Летопись 1913: 275-279).

Контакты патриарха с Палестинским обществом не ограничивались просветительно-образовательным аспектом. С начала XX столетия Антиохийская патриархия именно через Общество получала солидную финансовую помощь из России: от 20 000 до 40 000 рублей. Эти средства шли на содержание самого патриарха, его причета и штата патриархии, на пособия бедным, на поддержку «школьного дела». Кроме того, в 1902 г. российский посол И.А. Зиновьев добился султанского *фирмана* о признании за учебными заведениями Палестинского общества в Сирии статуса «русских школ», которые полностью финансировались из Санкт-Петербурга (Якушев 2013: 359).

Встав во главе Антиохийского патриархата, Григорий IV продолжил свою активную нравственно-просветительскую деятельность. Еще будучи митрополитом Триполи, он был назначен *епитропом* Баламандской (Белементской) Духовной семинарии, основанной патриархом Мелетием II. Митрополит Григорий Хаддад ревностно наблюдал за обучением и воспитанием в семинарии, заботился о ее экономическом положении и в прямом смысле нес перед Церковью и обществом ответственность за нее во всех аспектах. Став патриархом, Григорий IV еще большее внимание уделял Баламандской семинарии, планировал преобразовать ее в Духовную академию для подготовки высшего духовенства Антиохийской церкви (Померанцев 1907: 156-157; Световостоков 1909а: 116-119). Лучшие ученики Баламандской семинарии посылались для продолжения обучения в духовные институты в Россию и в греческое училище на острове Халки близ Стамбула. Несомненно, что эта семинария, ставшая впоследствии действительно академией, внесла реально огромный вклад в национальное и культурное возрождение Сирии. Патриарх принимал самое живое и непосредственное участие в устройстве и жизни семинарии: «Его Блаженство своими авторитетными указаниями и разъяснениями много содействовал более повышенной организации внутреннего строя в семинарии, установив и тесное духовное общение между начальниками, учащими и учащимися в школе» – сообщалось в периодике (Вести 1913: 102-103). Во многих городах и селах благодаря помощи патриарха были открыты начальные школы. Григорий IV действительно прилагал огромные усилия для религиозно-нравственного просвещения своей паствы.

В 1909 г. патриарх основал журнал «Благодать» (*Al-Ni'man*), который издавался на его средства. Журнал выходил два раза в месяц и носил церковно-богословский характер. В нем публиковались статьи теологического, церковно-исторического, педагогического и нравственного характера, а также давался обзор церковной жизни в Сирии (Световостоков 1909б: 639). При патриархии в Дамаске была учреждена типография, где печатались книги и брошюры религиозно-нравственного содержания для народа. Одновременно Григорий IV вел активную борьбу с католической и протестантской пропагандой. «Благоустройство ставропигиальных [т.е. патриарших. – П.Ю.] монастырей, восстановление и украшение храмов, организация приходов, противодействие масонству и социализму, которые вместе с западно-европейской культурой стали проникать и в Сирию, стремление восстановить и укрепить братские отношения Антиохийской церкви с прочими автокефальными церквями Православного Востока, греческими и славянскими, – вот некоторые из задач архипастырского служения Блаженнейшего Григория IV» (Соколов 1913: 161).

⁶ В 1915 г. из-за разразившейся войны османские власти приказали монахам – российским поданным покинуть монастырь и пределы Османской империи (Якушев 2013: 365).

Вся эта активная благотворительность и просветительная деятельность требовала значительных расходов. Между тем финансовое состояние Антиохийского патриархата было достаточно печальным. Еще при патриархе Мелетии II российское Министерство Иностранных дел приняло решение о «негласной субсидии» и «почетных пособиях» для патриарха и епархиальных архиереев Сирийской церкви. Часть средств и субсидий, как сказано выше, поступало через Палестинское общество. Но средств не хватало. При Григории IV финансовое положение патриархии значительно ухудшилось, благодаря, как писал русский консул князь Б.Н. Шаховской, несостоятельности патриарха в денежных вопросах, его небрежности и расточительности, а также проводимой им традиционной восточной политике «тратить как можно больше и делать долги, чтобы доказать крайнюю бедность и нужду в деньгах, и таким образом, тянуть их из России» (Якушев 2013: 359) (рис. 2).

В 1907 г. Григорий IV обратился непосредственно к императору Николаю II с ходатайством о материальной помощи. Император собственноручно начертал на консульской депеше: «Следует помощь». Через российского генерального консула в Дамаске князя Б.Н. Шаховского была выдана разовая сумма в 30 000 рублей (80 000 франков). Кроме того, с 1908 г. по личному распоряжению Николая II из России в Антиохийскую патриархию стала поступать регулярная ежегодная финансовая субсидия в размере 30 000 рублей (Якушев 2013: 358-363). Еще около 23 500 франков (в среднем) поступали с дохода от имений патриархата в Бессарабии. Внутренние источники Антиохийской казны (доходы от ставропигиальных монастырей, треб, окружного сбора и пожертвований) составляли не более 20 000 франков. Таким образом, с 1908 г. Сирийская церковь стала существовать преимущественно за счет финансовых поступлений из России. Однако уже за первые два года своего патриаршества Григорий IV накопил долг в 30 000 рублей. Его попытка добиться через российского консула увеличения пособия до 80 000 рублей не увенчалась успехом. По мнению консула князя Б.Н. Шаховского, удовлетворение подобной просьбы могло бы привести «к деморализации Патриархии и толкнет ее на путь расточительности и дальнейших вымогательств» (Якушев 2013: 363).

Проект Музея древностей Антиохийской патриархии в России

В конце 1908 – самом начале 1909 г., когда ситуация с официальным признанием Григория IV греческими патриархами оставалась очень сложной и непредсказуемой, он обратился к князю Б.Н. Шаховскому с просьбой о посещении России. Формальным поводом являлось желание высказать «глубокую признательность Антиохийской церкви за все оказанные ей Высочайшие благодеяния, а равно о намерении поднести Его Величеству некоторые местные изделия и старинные рукописные Евангелия»⁷. Реальные причины были намного сложнее: волнения и недовольства в епархиях, долги, финансовая и политическая нестабильность патриарха Григория IV заставляли его искать влиятельные внешние рычаги для разрешения ситуации. И даже задумываться о возможной эмиграции. В России, в русском императоре он видел реальную политическую силу, способную заставить греческих патриархов признать каноничность его избрания на Антиохийский престол. Более того, в случае вынужденной эмиграции

именно богатая Россия могла стать вполне благополучным местом его дальнейшего пребывания. Поэтому Григорий IV пошел на весьма нетривиальный шаг, предложив создать в одном из музеев России специальный «“Отдел древностей Антиохийской патриархии”», куда бы доставлялись главным образом все церковные древности и достопримечательности Антиохийской патриархии, ныне расхищаемые иезуитами, или попираемые мусульманами, а также и исторические древности района Патриархии [то есть Дамаска – П.Ю.] – в каком-то отделе все эти древности были бы доступны для всех изучающих историю Восточных церквей»⁸.

Предложение патриарха поступило через князя Б.Н. Шаховского в Первый (Азиатский) департамент Министерства Иностранных дел. А тот, в свою очередь, запросил мнение министра Императорского Двора барона В.Б. Фредерикса. В письме от 9 января 1909 г. за № 154 Товарищ министра Н.В. Чарыков писал о переданном патриархом Григорием IV «желании повернуть к стопам Его Императорского Величества через посредство особой депутации из некоторых митрополитов и мирян глубокую признательность Антиохийской церкви за все оказанные ей Высочайшие благодеяния, а равно о намерении поднести Его Величеству некоторые местные изделия и старинные рукописные Евангелия. <...> в виду суровости зимы в России Блаженнейший Григорий одновременно ходатайствует о разрешении помянутой депутации прибыть ко дню рождения Его Величества и Священного коронования, чтобы в эти высокаторжественные дни иметь счастье повергнуть к стопам Его Величества признательность и поздравления Антиохийской церкви <...>»⁹. Здесь же сообщалось о пожелании патриарха организовать в одном из музеев России “Отдел древностей”. В целом в России предложения Блаженнейшего Григория IV были встречены весьма доброжелательно.

Вопрос о целесообразности приезда специальной делегации Антиохийского патриархата в Санкт-Петербург возражений в принципе ни у кого не вызвал, а вот проект создания специального “Отдела древностей” посеял некоторые сомнения. По приказанию барона В.Б. Фредерикса Канцелярия Министерства Двора запросила письмом за № 519 от 16 января 1909 г. мнение обер-прокурора Синода П.П. Извольского. Ответ был дан не сразу, поскольку в Святейшем Синоде в этот момент происходила смена обер-прокурора – в феврале 1909 г. на эту должность вместо П.П. Извольского был

Его Императорское Величество
Государь Император Николай Александрович.

Рис. 2. Портрет Императора Николая II.
Фото 1910-х гг. из архива автора

⁸ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 1-1об.

⁹ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 1-1об.

⁷ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 1.

назначен С.М. Лукьянов¹⁰. Поэтому ответ в Министерство Императорского Двора был послан только 19 марта 1909 г. В нем сообщалось, что Святейший Синод, рассмотрев вопрос, «не встретил препятствий к прибытию в Россию депутации от Антиохийского патриарха и к устройству означенного музея»¹¹.

Кроме Синода Канцелярия Министерства Императорского Двора послала аналогичные запросы в различные «профильные» учреждения Санкт-Петербурга: Археологическую Комиссию, Императорский Эрмитаж, Русский музей Императора Александра III, Императорскую Академию художеств и, кроме того, в Русский Археологический институт в Константинополе. Основным вопросом, который ставился в запросе, был сформулирован следующим образом: «представляется ли желательным и возможным устройство указанного Отдела и при каком именно из находящихся в С[анкт]-Петербурге музеев»¹². Вскоре последовала реакция этих учреждений на запрос Министерства Императорского Двора. В частности, Археологическая Комиссия письмом № 520 от 4 апреля 1909 г. сообщила, что вопрос об устройстве «отдела древностей Антиохийской патриархии зависит от характера предметов. Иконы и церковная утварь были бы уместны в Русском музее и Санктпетербургской Духовной Академии, но там были бы лишние древние книги и архивные документы. В вопросе о привозе древностей из Турции есть затруднение, ибо их вывоз из Турции запрещен, но можно сослаться на автономность Антиохийского патриархата»¹³. Русский музей Императора Александра III признал весьма желательным организацию такого Отдела¹⁴. Академия художеств предложила выяснить мнение Русского Археологического института в Константинополе¹⁵.

Директор Императорского Эрмитажа И.А. Всеволожский письмом от 1 апреля 1909 г. практически уклонился от прямого ответа, сообщив, что «Не имея никакого представления ни о составе предполагаемых к передаче предметов, ни даже о приблизительном количестве их, я считаю преждевременным дать какое-либо заключение о желательности и возможности удовлетворить вышеупомянутое всеподданнейшее ходатайство Патриарха Антиохийского Григория»¹⁶.

¹⁰ В своих воспоминаниях Сергей Витте писал о П.П. Извольском: «в феврале [1909 г. – П.Ю.] последовало увольнение от должности обер-прокурора Святейшего Синода [П. П.] Извольского и назначение на его место [С.М.] Лукьянова. Как назначение Извольского обер-прокурором, так назначение затем, вместо него, Лукьянова обер-прокурором представляет собою явление весьма удивительное. [П. П.] Извольский был назначен обер-прокурором после вступления на пост председателя Совета [П.А.] Столыпина и ухода из обер-прокуроров князя [А.А.] Ширинского-Шахматова <...>. Вместо обер-прокурора князя [А.А.] Ширинского-Шахматова был назначен попечитель Петербургского учебного округа [П.П.] Извольский, вероятно, только потому, что он брат [А.П.] Извольского, министра иностранных дел. <...>. Этот [П.П.] Извольский, обер-прокурор, человек очень порядочный, имеет некоторые достоинства, но, конечно, не представляет собою человека, который мог бы с успехом занимать какой бы то ни было государственный пост, а особенно пост обер-прокурора Святейшего Синода, так как [П.П.] Извольский никогда никакого отношения к церковному управлению не имел и по натуре недостаточно широк для поста министра» (Витте 1994: 498-499, 349-350).

¹¹ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 29-30.

¹² Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1909, дело 20, л. 41.

¹³ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 33-33об.

¹⁴ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 36.

¹⁵ РГИА, ф. 472, опись 43 (501/2733), дело 140, л. 35-35об.

¹⁶ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1909, дело 20, л. 42-43.

В то же время в справке, составленной для директора старшим хранителем Эрмитажа Э.Э. Ленцем, указывалось, что в скором времени предполагается поездка двух служащих ведомств Министерства Императорского Двора на Международный археологический конгресс в Каир – хранителя Эрмитажа Е.М. Придика и члена Археологической Комиссии Б.В. Фармаковского. Из Каира они могли бы поехать в Дамаск и лично встретиться с патриархом Григорием IV, чтобы получить от него более детальную информацию. Кстати, в той же справке Э.Э. Ленц также поднимал вопрос о действовавшем в Турции законе, который воспрещал вывоз древностей.

Весной 1909 г. в Каире планировался Второй Международный конгресс классической археологии, в работе которого должны были принять участие вышеупомянутые Е.М. Придик и Б.В. Фармаковский. После Каира оба ученых собирались с научными целями посетить Сирию и Палестину. Узнав об этом, Министерство Императорского Двора попросило директора Эрмитажа И.А. Всеволожского поручить Е.М. Придику собрать более подробную информацию о возможности создания «Отдела древностей Антиохийской патриархии» в России. В письме Канцелярии Министерства от 4 апреля 1909 г. за № 3549 было предложено «Надворному Советнику Придику собрать сведения и выяснить, насколько соответственно с местными условиями и обстоятельствами представляется возможным и приемлемым выраженное Патриархом Григорием желание об учреждении в одном из Российских музеев Отдела под наименованием «Отдел древностей Антиохийской Патриархии»»¹⁷. Как видим, вопрос касался не только неясности состава «Отдела» и количества памятников, но также юридической стороны – насколько подобный вывоз древностей соответствовал (или противоречил) законам Османской империи. Министерство Двора придавало большое значение данному вопросу и возможности получения дополнительной информации непосредственно от самого патриарха, поскольку вслед за письмом Канцелярии в Эрмитаж последовала просьба самого министра барона В.Б. Фредерикса (письмо за № 3581 от 6 апреля 1909 г.). Барон писал директору Эрмитажа И.А. Всеволожскому: «[...] имею честь просить Вас, Милостивый Государь, не оставить распоряжением о том, чтобы командированному от Императорского Эрмитажа на Международный Археологический съезд г[осподину] Придик[у] было поручено озаботиться выяснением, насколько представляется возможным и приемлемым соответственно с местными условиями и обстоятельствами указанное выше желание Патриарха Григория»¹⁸.

Естественно, что не уделить особого внимания подобным обращениям Министерства Двора руководство Эрмитажа не могло, тем более что поручение Е.М. Придику рассматривалось, как «приказание министра Императорского Двора». В письме директора музея И.А. Всеволожского хранителю Е.М. Придику от 7 апреля 1909 г. особо подчеркивалось, что «Его Высокопревосходительство г[осподин] М[инистр] просил меня поручить Вам приложить возможное с Вашей стороны старание к собранию на месте во время пребывания Вашего в г[ороде] Дамаске, частным образом сведений и справок необходимых по этому делу».

Сообщая о таком поручении г[осподина] М[инистр]а Имп[ераторского] Двора, имеющем, конечно, неофициальный характер, покорнейше прошу Вас, М[илостивый]

¹⁷ Архив ГЭ, ф. 1, опись V- 1909 г., дело 20, л. 51.

¹⁸ Архив ГЭ, ф. 1, опись V- 1909 г., дело 20, л. 57.

Г[осударь], в случае достижения Вами каких либо положительных результатов, направить сообщение о сем в Императорский Эрмитаж, на мое имя»¹⁹.

Вместе с тем И.А. Всеволожский посчитал своим долгом проинформировать Канцелярию Министерства Двора письмом за № 189 от 7 апреля 1909 г. о том, что «в виду последних исторических событий в Турецкой империи и вытекающей отсюда возможности, <...> путешествие г[осподина] Придика и других членов Международного Конгресса в намеченные места в Малой Азии может не состояться, от усмотрения Министерства будет зависеть, если только оно придает решающее значение ожидаемым справкам, обратиться с подобным же поручением к находящимся уже на месте и близко знакомым с внутреннею жизнью восточных церквей лицам, состоящим на службе Императорского Православного Палестинского общества»²⁰. О том же письмом № 192 от 9 апреля 1909 г. И.А. Всеволожский сообщил барону В.Б. Фредериксу.

Кроме Е.М. Придика, Министерство Императорского Двора дало аналогичное поручение также второму делегату Каирского конгресса, члену Археологической Комиссии Б.В. Фармаковскому.

Заседания представительного Международного конгресса в Каире проходили с 28 марта по 3 апреля. Кроме того, для участников и сопровождающих их лиц была предложена большая культурная программа, поскольку многие археологи взяли с собою в экзотическую поездку жен, детей и родственников. Б.В. Фармаковский приехал на конгресс в сопровождении двух дам: жены брата Веры Фармаковской и ее сестры Елены Мякотинной. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство сыграло весьма важную роль в одном из дальнейших эпизодов взаимоотношений патриарха Григория IV с Россией. Из русских ученых, кроме Е.М. Придика и Б.В. Фармаковского, участником конгресса был профессор Б.А. Тураев, а из Сирии и Ливана приехал в Каир его ученик молодой арабист И.Ю. Крачковский. Естественно, что последний все время проводил в компании Б.А. Тураева и его друзей, а когда после завершения конгресса археологи отправились в поездку по Верхнему Египту, то обе дамы были оставлены на попечение И.Ю. Крачковского. Каирские прогулки, совместные занятия в библиотеках, долгие разговоры сблизили В.А. Фармаковскую и И.Ю. Крачковского. Их встреча оказалась «роковой» – позднее, когда Вера Александровна развелась с мужем, они навсегда соединили свои судьбы (Долинина 1994: 84-89, 122-128).

Вместе с компанией Фармаковских И.Ю. Крачковский возвратился после конгресса в Сирию. Об этом он написал Б.А. Тураеву в письме от 11 июня 1909 г. из Бейрута: «После своих скитаний (я ведь попал и в Дамаск все в той же компании!) истекших полтора месяца я провел в Бейруте <...>» (Шаров 2009: 10). Судя по замечанию в другом письме тому же Б.А. Тураеву от 1 ноября 1909 г., И.Ю. Крачковский был осведомлен о желании патриарха Григория IV передать в Россию археологические предметы и древние рукописи. Он писал: «Сам я около полтора месяцев сижу уже в зимней резиденции – Бейруте, а лето провел в скитаниях по Северному Ливану и в тщетных поисках в библиотеках многочисленных монастырей. Ничего путного там не попадалось, если не считать некоторых новых произведений известного диакона Павла Алеппского – автора путешествия Макария по России. Обратил внимание дамасского патриарха, чтобы он имел их в виду

при своих жертвованиях в Россию. Авось они еще попадут и к нам» (Шаров 2009: 11). Это пожелание сбылось. Через несколько лет, весной 1913 г., И.Ю. Крачковский будет изучать эти и другие рукописи в столице Российской империи, поскольку они будут преподнесены патриархом Григорием IV в дар императору Николаю II и поступят в библиотеку Зимнего дворца (Ryatnitsky 2011: p. 121-147). Однако об этом несколько позднее.

Как уже было сказано, после окончания конгресса в Каире Б.В. Фармаковский со спутницами и Е.М. Придик отправились в Дамаск. Обстановка в Сирии была далеко не благополучной, и Е.М. Придик рапортом от 22 апреля уведомил директора Эрмитажа: «в виду происходящих в настоящее время в Азиатской Турции политических беспорядков, могущих вызвать самые непредвиденные случайности, мне придется, может быть, запоздать возвращением. В случае какого-либо со мною несчастья покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство не оставить Вашим вниманием мое семейство»²¹.

Однако, несмотря на сложную ситуацию, поездка обоих ученых закончилась благополучно. Возвратившись в Санкт-Петербург, хранитель Е.М. Придик представил директору Эрмитажа весьма обстоятельный рапорт о переговорах с патриархом Григорием IV в Дамаске. Он написан прекрасным литературным языком и настолько интересен, что весьма целесообразно привести его, тем самым предоставив слово Е.М. Придику.

«Приехав в Дамаск, мы обратились к тамошнему Императорскому русскому консулу князю Борису Николаевичу Шаховскому с просьбою устроить нам аудиенцию у Его Блаженства патриарха Григория IV. Оказалось, что Его Блаженство возбудил вопрос о передаче древностей на хранение в Россию именно через князя Шаховского и что князем было сообщено в Министерство Иностранных Дел первое о том сведение. Так как Его Блаженство свободно говорит только по-арабски, а мы этим языком не владеем, нам пришлось прибегнуть к посредничеству лица, знающего арабский язык, чтобы вполне освоиться с идеями Его Блаженства. Князь Борис Николаевич с удивительною любезностью сам выразил готовность быть нашим посредником, что для нас было весьма приятно, так как привлечение какого-либо другого лица постороннего немедленно повлекло бы за собою возможность опубликования цели нашей командировки и содержания нашего разговора с Его Блаженством в местной печати.

Аудиенция у Патриарха продолжалась около трех часов, и в течение ее Его Блаженством была изложена приблизительно такая мотивировка его ходатайства: Его Блаженство сказал, что ему весьма прискорбно видеть, как памятники православной церкви и памятники старины вообще, находящиеся в его патриархии, гибнут вследствие невежества самих пастырей и хищнических покушений на них иезуитов, американских миссионеров и западноевропейских коллекционеров, не говоря уже о мусульманах. Так, напр[имер], в Седнайском монастыре была сожжена масса сирийских рукописей из боязни, что сирийцы могли бы предъявить свои права на монастырь. Далее из прекрасной рукописи XII века вырезаны были миниатюры, хранимые теперь в иезуитской коллегии в Бейруте, и только поврежденную таким образом рукопись удалось сохранить в патриархии. Далее Его Блаженство указывало на то, что права православной церкви на владение известными участками земли в Сирии могут быть доказаны только благодаря заметкам, записанным в книги, принадлежавшие церквям, от которых теперь и следа не осталось после ужасного истребления христиан в 60-х годах прошлого века в Сирии. Все эти дра-

¹⁹ Архив ГЭ, фонд 1, опись V- 1909 г., дело 20, л. 54-55.

²⁰ Архив ГЭ, ф. 1, опись V- 1909 г., дело 20, л. 53-53об.

²¹ Архив ГЭ, ф. 1, опись IX, д.33 (Личное дело Е.М. Придика), л. 102.

гоценные документы подвергаются опасности быть уничтоженными, так как христиане в Сирии, как говорил Его Блаженство, как овцы, всегда в опасности погибнуть от огня или меча. Если Его Величеству угодно будет прийти на помощь православной церкви и разрешить хранение предметов древности Антиохийской патриархии в одном из Императорских русских музеев, то православная церковь в Сирии весьма рада будет такой Царской милости. Все это Его Блаженством было изложено по-арабски и потом им же кратко резюмировано по-гречески, так что мы, владея греческим языком, имели возможность и сами проверить верность передаваемого нам князем Шаховским изложения Его Блаженства. Вещей пока собрано еще очень мало. Его Блаженство нам показал пергаментное Евангелие выше упомянутое, из которого вырезаны были миниатюры; далее арабское Евангелие, писанное сыном патриарха Иоакима Павлом в Коломне при царе Алексее Михайловиче и переплетенное в русский переплет того времени с серебряным окладом; далее Евангелие из несуществующей более церкви, античное стекло и несколько других предметов древности. Но Его Блаженство уже сделало распоряжение по всем метрополиям по патриархии собрать все древности, которые только попадутся, и по получении милостивейшего Его Величества согласия на хранение древностей в России все эти вещи будут присланы в Россию, так что Его Блаженство надеется собрать их довольно много. В конце аудиенции Его Блаженство выразило желание послать через нас собственноручное послание Его Величеству и ящик с некоторыми предметами древности. На следующий день Его Блаженство заехал к нам и в течение двухчасового визита еще раз просил нас ходатайствовать в России за исполнение его просьбы, передал нам письмо на имя Его Величества, а в день нашего отъезда через каваса и архидиакона прислал к отходу поезда ящик с просьбой доставить его в Петербург Его Величеству. И письмо, и ящик привезены нами в Петербург; в ящике при вскрытии его в Императорском Эрмитаже в присутствии старшего хранителя Э.Э. Ленца и хранителей барона П.Ф. Мейендорфа, Я.И. Смирнова, К.А. Иностранцева и С.Н. Троицкого оказались 51 стеклянный предмет и 7 глиняных.

Получив от Его Блаженства собственноручное послание к Его Императорскому Величеству, мы, конечно, не могли настаивать на сообщении нам подробностей относительно условий, которыми будет обставлена передача древностей в русский музей. В виду сего мое личное мнение о желательности и возможности удовлетворить ходатайство патриарха Антиохийского сводится к следующему.

Ограждение церковных и исторических древностей патриархии от покушений на них как любителей старины, так и враждебно настроенных мусульман – безусловно желательно. Что же касается избранного патриархом Григорием IV пути к тому: принесения в дар Его Императорскому Величеству или передачи на временное хранение в одном из русских музеев (об этом, надо полагать, сказано в собственноручном послании Его Блаженства) – то обсуждению компетентных лиц подлежали бы два вопроса: 1) насколько передача церковного имущества может совершаться по единоличной инициативе патриарха, если в данном случае он не является уполномоченным на сие подчиненными ему духовными властями и установлениями и 2) не могут ли последовать нарекания турецкого правительства на поощрение таких действий патриарха, которые сопряжены с явным нарушением местных законов, воспрепятствующих вывозу памятников старины.

В заключение обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству с просьбой, не отказать поблагодарить Его Сиятельство князя [Б.Н.] Шаховского от имени Император-

ского Эрмитажа за любезное внимание и всяческое вспомоществование при выполнении возложенного на нас поручения»²².

Следует отметить, что князь Б.Н. Шаховской был востоковедом по образованию и в молодости занимался клинописью – отсюда прекрасное знание языка. О князе с большой симпатией отзывался И.Ю. Крачковский: «Худенький старичок, по внешности не имеющий ничего княжеского и держащийся очень просто <...>. Всем живо интересуется, хорошо знает страну, умеет ладить с самыми разнообразными слоями населения, не роняя достоинства России <...>» (Долинина 1994: 92). Директор Эрмитажа внимательно отнесся к просьбе своего хранителя и в письме министру Двора барону В.Б. Фредериксу писал: «имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не изволите ли признать возможным выразить Императорскому Российскому консулу в Дамаске, князю [Б.Н.] Шаховскому от Министерства Императорского Двора благодарность за оказанное им г[осподину] Придику содействие при сношениях с Антиохийским Патриархом»²³.

Не был обойден вниманием и хранитель Эрмитажа Е.М. Придик. Ему была компенсирована сумма в 300 рублей в связи с перерасходом командировочных денег из-за поездки в Дамаск²⁴. А за успешно выполненное поручение министра Двора он был «Всемилоостивейше награжден орденом Св[ятой] Анны 2-й ст[епени] 18 апреля 1910 года»²⁵.

По сути вопроса об организации «Отдела Антиохийских древностей» директор Эрмитажа И.А. Всеволожский вновь дал весьма уклончивый ответ, который при необходимости мог трактоваться Министерством Двора как в позитивном, так и негативном смысле: «считаю своим долгом доложить, что с заключением г[осподина] Придика изложенным в его рапорте как о желательности ограждения церковных и исторических древностей Патриархии от расхищения их любителями старины и истребления враждебно настроенными мусульманами, так равно и о могущих встретиться к тому затруднениях – я совершенно согласен»²⁶.

По-видимому, такой уклончивый ответ директора ведущего музея России сыграл определенную роль в решении барона В.Б. Фредерикса отказаться от предложения Антиохийского патриарха и вернуть дело в Министерство Иностранных дел. В этом решении сказались и позиция российского посольства в Константинополе, которое обязалось (как и другие аккредитованные в Османской столице посольства) соблюдать статью VIII закона от 1907 г., запрещавшего вывоз древностей с территории империи (Якушев 2013: 363-364).

Однако на этом история с древностями патриарха Григория IV не закончилась. Напомним, что Е.М. Придик привез в Россию в подарок императору Николаю II ящик с древними археологическими предметами. Первоначально он находился в Эрмитаже, затем был передан в Министерство Двора для представления Николаю II. Судьба этих древностей напрямую зависела от решения министра Двора по вопросу об организации «Отдела древностей Антиохийской патриархии». После того как этот вопрос был решен отрицательно, наступила очередь и ящика с артефактами. Канцелярия Министерства Двора 10 февраля 1910 г. препроводила его в Эрмитаж вместе с письмом за № 1889, в котором

²² Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1909 г., дело 20, л. 90-91.

²³ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1909 г., дело 20, л. 79.

²⁴ Архив ГЭ, ф. 1, опись IX, д.33 (Личное дело Е.М. Придика), л. 104-107.

²⁵ Архив ГЭ, ф. 1, опись IX, д.33. Из Послужного списка Е.М. Придика.

²⁶ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1909 г., дело 20, л. 78-79.

просила: «не отказать в сообщении <...> отзыва об историческом, художественном и археологическом значении означенных древностей, а также в выяснении вопроса, где оно бы наиболее соответственным поместить означенное подношение»²⁷. Для решения вопроса вновь был привлечен хранитель Е.М. Придик, который в рапорте от 13 февраля 1910 г. на имя нового директора музея графа Д.И. Толстого писал: «предметы представляют собою весьма ценную коллекцию античных стеклянных предметов в количестве 51 или 52 экземпляров, кроме 3 вещей, безукоризненной сохранности, весьма интересной фигуры из раскрашенного гипса, вероятно кипрского изделия, 3 предмета из египетского фаянса (бог Bes, ушепти и сосуд, и 3 глиняных лампы). Эти вещи представляют ценность около 2000 рублей, если не больше; в особенности стеклянные предметы весьма интересны, как, например, сосуд со стеклянными нитями внутри, 2 больших блюда и т.д., и особенно ценно то, что все вещи найдены в Сирии. Так как предметы, принесенные Его Блаженством, могли бы служить ценным пополнением коллекции Эрмитажа, весьма желательно было бы помещение их в Отделение древностей в случае принятия коллекции Его Величеством»²⁸. Это мнение директор Эрмитажа граф Д.И. Толстой письмом за № 131 от 13 февраля 1910 г. довел до сведения Министерства Императорского Двора. Бесспорно, что благодаря такому отзыву вопрос был решен в пользу музея и 20 мая 1910 г. письмом за № 6083 сообщалось, что императору Николаю II «благоугодно было Всемилостивейше соизволить на принятие Императорским Эрмитажем доставленных Антиохийским Патриархом Григорием для поднесения Его Императорскому Величеству некоторых местных изделий и старинных рукописных Евангелий, препровожденных Канцелярией Министерства Императорского Двора при отношении от 10 февраля сего года за № 1889»²⁹. Весьма примечательно, что в своем ответе Канцелярия Министерства использовала первоначальное письмо патриарха Григория IV, где как раз говорилось о «местных изделиях и старинных рукописных Евангелиях». Возможно, в какой-то степени это было связано с несколько щекотливой ситуацией привоза этих древностей в обход законов Османской империи.

На письме Канцелярии есть несколько помет, рассказывающих о дальнейшей судьбе древностей. Одна из них принадлежала директору Эрмитажа: «Е.М. Придику – внести в опись. Граф Д. Толстой»; другая – хранителю Е.М. Придику: «Означенные предметы древности, поднесенные Его Императорскому Величеству Антиохийским Патриархом, мною приняты, записаны на приход ст. 15614-15672. Старш[ий] хран[итель] Евг[ений] Придик. 9.VI. [19]10»; еще одна сообщала: «Предъявлено по книге записей 16 июня 1910 Контр[олер] Л. Киселев».

Предметы, подаренные патриархом Григорием IV в 1909 г. императору Николаю II, сохранились в коллекции Эрмитажа до сегодняшнего дня. Правда, хранятся они в разных отделах музея. Вся коллекция стекла находится в Отделе Античного мира. В своей великолепной монографии «Античное стекло в собрании Эрмитажа» (является практически первым каталогом древнего эрмитажного стекла) покойная ныне Н.З. Кунина упомянула, что из коллекции патриарха Григория IV сохранилось 52 предмета. Она также отметила, что большей частью это произведения Сиро-Палестинского региона. Три стеклянных предмета из этой коллекции были ею опубликованы в этой книге. Это сирий-

кий сосуд в виде двуликой головы, кон. II – нач. III вв. (инв. № Е-1402), большое блюдо прозрачного аквамаринного стекла III-IV вв. из Восточного Средиземноморья (Инв. Е-1408)³⁰ и сирийский флакон голубоватого стекла IV в. (Инв. Е-1407) (Кунина 1997: 282, 283, 333-335, 338, 339; №№ 158, 412, 430). Позднее блюдо и флакон были включены В.Н. Залесской в ее каталог «Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков» (Залесская 2006: 255, 256, 258, 259; №№ 628, 637), где она весьма точно повторила текст Н.З. Куниной.

В эрмитажной коллекции Древнего Востока хранится семь предметов, чье происхождение связывают по учетной документации с поднесением патриарха Григория IV в 1909 г. Некоторые из них легко опознаются по упоминанию в рапорте Е.М. Придика, но несколько предметов, по-видимому, попали в него ошибочно. Возможно, они также были подарены патриархом Григорием IV, однако не в 1909 г. Этот вопрос требует дополнительных исследований, поэтому в данной статье мы приведем весь список:

1. Кувшинчик из желтоватой глины, покрытый сверху зеленой поливой; форма яйцевидная с плоским дном, вверху заканчивается небольшим горлышком с расширяющимся венчиком; ручки маленькие, плоские. Глина, полива. Высота 14,3 см. Инв. № S-457 (№ 15666 по инвентарю Отдела древностей; Г. 704.а – на предмете).
2. Полуфигура женская, плоская, прямолинейная. В грудь вставлен круглый кусок стекла, обведенный черной чертой в виде квадрата. В ушах круглые отверстия. По белому фону обозначены черной краской: глаза, брови, линия, отделяющая волосы ото лба, ряд точек и полос. Гипс. Высота 1,4 см. Инв. № ДВ-3663 (№ 15670 по инвентарю Отдела древностей).
3. Ушепти мумиевидный, прислоненный к пилястру, с бородкой, без надписи. Фаянс, зеленая пожелтевшая глазурь. Высота 8,7 см. Инв. № ДВ-3664 (№ 15671 по инвентарю Отдела древностей).
4. Статуэтка Бэса в высоком головном уборе из перьев со сквозным отверстием. Фаянс, светло-зеленая глазурь. Высота 6,7 см. Инв. № ДВ-3665 (№ 15672 по инвентарю Отдела древностей).
5. Палестинская жертвенная доска с двумя курильницами. Глина. Размеры: 13,5 x 41 см. Инв. № ДВ-3950 (А.13. – номер по описи).
6. Рельеф с изображением горного козла (подлинность сомнительна). Зеленый камень. Размеры: 9,5 x 17 см. Инв. № ДВ-3951 (А.14 – номер по описи).
7. Рельеф с изображением воинов и башни (подлинность сомнительна). Мрамор. Размеры (длина и диаметр): 33 см и 25,5 см. Инв. № ДВ-3952 (А.15 – номер по описи).

Совершенно четко опознаются первые четыре предмета нашего списка. «Весьма интересная фигура из раскрашенного гипса, вероятно кипрского изделия» – это женская полуфигура высотой 1,4 см (№ 2 по списку), в грудь которой вставлен круглый кусок стекла, обведенный черной чертой в виде квадрата (инв. № ДВ-3663). Памятник еще не нашел своей атрибуции, поэтому указание Е.М. Придика на возможную связь этого предмета с искусством Кипра представляется интересным. Опознаются

²⁷ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1910-1911гг., дело 19, л. 34.

²⁸ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1910-1911гг., дело 19, л. 37.

²⁹ Архив ГЭ, ф. 1, опись V-1910-1911гг., дело 19, л. 103.

³⁰ Сегодня это блюдо экспонируется на постоянной экспозиции «Искусство Византии IV-XV веков» с той же датировкой III-IV вв., но с отнесением к сирийским мастерским.

и «3 предмета из египетского фаянса – бог Bes, ушепти и сосуд». По нашему списку сосуд – это № 1: глиняный кувшинчик зеленой поливы, высотой 14,3 см (инв. № S-457); № 3: ушебти мумиевидный из фаянса с зеленой пожелтевшей глазурью, высотой 8,7 см (инв. № ДВ-3664) и № 4: статуэтка Бэса в высоком головном уборе из перьев со сквозным отверстием, фаянс и светло-зеленая глазурь, высотой 6,7 см (инв. № ДВ-3665). Соответствуют эти памятники и номерам Инвентаря Отделения древностей, указанным в записи хранителя Е.М. Придика от 09.06.1910 г. – №№ 15666, 15670, 15671, 15672. Поскольку инв. № 15672 – это номер последней записи в Инвентаре при оформлении коллекции Григория IV, подаренной в 1909 г., то это дает основания считать, что три следующих предмета нашего списка не имеют отношения к поступлению 1909 г.

Интересна судьба двух глиняных светильников («лампочек») (№№ 15667-15668 по Инвентарю Отделения древностей), которые довольно сложным путем в конце концов попали в византийскую коллекцию музея. К сожалению, изданный в 2006 г. В.Н. Залесской каталог ранневизантийских предметов Эрмитажа не очень может быть нам полезен из-за своего весьма «специфического» научного уровня. С именем патриарха Григория IV В.Н. Залесская связала два сирийских светильника: один IV в., второй IV-V вв. Оба они, по ее «сведениям», поступили в Эрмитаж в 1921 г. из музея Петроградской Духовной Академии, куда они, опять-таки по ее «мнению», поступили в 1913 г. как дар Антиохийского патриарха. При этом один из светильников (инв. № w-241), как указано В.Н. Залесской, до революции был опубликован дважды: в 1909 г. Н.В. Покровским в книге «Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии» (СПб., 1909) на страницах 1-2 и воспроизведен на таблице I, рис. 1; кроме того, по ее утверждению, этот же светильник был опубликован в 1915 г. в книге Н.Н. Петрова «Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии» (Киев, 1915) на странице 10 и воспроизведен на таблице VI, рис. 5 (Залесская 2006: 194, 195, № 433). Как Н.В. Покровский мог опубликовать в 1909 г. сирийский светильник, якобы подаренный в музей Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1913 г. патриархом Григорием IV, остается явной «эзотерической загадкой». Не меньшей загадкой является и указание на нахождение одного и того же предмета в музейных собраниях двух разных Духовных Академий – Санкт-Петербургской и Киевской. Трудно предположить, что мы имеем дело с «раздвоением личности» сирийского светильника w-241, скорее вопрос в другом... При этом весьма примечательно, что оба предмета в 1998 г. экспонировались на эрмитажной временной выставке «Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан» и были опубликованы и воспроизведены в каталоге выставки. Научным редактором каталога был директор Эрмитажа М.Б. Пиотровский, а авторами концепции выставки и составителями каталога – В.Н. Залесская, Ю.А. Пятницкий и И.Н. Уханова. Первыми экспонатами, с которых начинается каталог, как раз и являются два сирийских светильника (инв. №№ w-241 и w-240), о происхождении которых сказано: «поступили в дар от Антиохийского патриарха Григория IV в 1909 году» (Христиане на Востоке 1998: 23, №№ 1, 2.). Весьма вероятно, что именно эти сведения являются более достоверными и светильники под инв. №№ w-241 и w-240 – это как раз те самые, которые были присланы Антиохийским патриархом в 1909 г. Однако необходимо отметить, что если изображения светильника под инв. № w-241 совпадают и в каталоге выставки, и в «фундаментальном издании» В.Н. Залесской, то иллюстрации

светильника с инв. № w-240 представляют собой совершенно разные предметы³¹. К сожалению, судьба третьего светильника, присланного Григорием IV, остается пока неясной. Он, конечно, хранится в Эрмитаже, но, утратив свой первоначальный «провенанс», затерялся среди многочисленных аналогичных предметов.

Такова история поступления в Эрмитаж довольно значительной коллекции сирийского стекла II-IV вв. и семи мелких глиняных предметов разного времени, присланных Антиохийским патриархом Григорием IV в 1909 г. в подарок российскому императору Николаю II. А также история несостоявшегося проекта организации в России специального «Отдела древностей Антиохийской патриархии».

Приезд патриарха Григория IV на празднование 300-летия Дома Романовых

Мечта патриарха Григория IV посетить Россию и, добавим, лично выхлопотать существенную субсидию от российского императора Николая II все-таки осуществилась. В декабре 1912 г. в связи с предстоящим празднованием 300-летия Дома Романовых он возбудил вопрос о поездке «для выражения признательности за милости, оказанные в разное время бедной Сирийской церкви» (Вести 1913: 105). Переговоры о визите патриарха вновь велись через русского консула в Дамаске князя Б.Н. Шаховского. Ходатайство поддержал посол в Константинополе М.Н. Гирс (назначен указом от 29 февраля 1912 г.), который считал, что «Приезд патриарха Григория весьма желателен и произведет выгодное для [российских – П.Ю.] <...> интересов впечатление на местное население Сирии» (цит. по Якушев 2013: 364). Император Николай II дал согласие на приезд патриарха, и по рекомендации Министерства Иностранных дел Григорию IV было послано официальное приглашение. Его текст гласил: «Поскольку существовали тесные исторические связи между нашими предшественниками, царями России и патриархами Антиохии, мы считали своим долгом пригласить Его Блаженство патриарха Григория Антиохийского принять участие в церковной церемонии, которая будет проходить 21 февраля 1913 г. в связи с 300-летием Дома Романовых» (de Tarrazi 1997: 16).

Рис. 3. Петропавловский собор в Санкт-Петербурге.
Фото автора

³¹ В качестве комментария к данному факту следует добавить, что в библиографии «фундаментального научного каталога» В.Н. Залесская не преминула указать, что именно она является автором каталожных описаний светильников в «Христианах на Востоке». Вместе с тем она не обратила внимание на столь серьезное расхождение сведений.

У Казанского собора.
Торжественное празднование 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, 21 февраля с. г., въ С.-Петербургѣ. По фот. А. Одуна.

Рис. 4. Празднование 300-летия Дома Романовых у Казанского собора. Санкт-Петербург, 21 февраля 1913 г. (открытка 1913 г.)

В свою очередь, Григорий IV, как подданный Турции, получил разрешение оттоманского правительства на свой визит в Россию. Более того, во время путешествия патриарх имел в Стамбуле специальную аудиенцию у султана Мухаммеда V. В турецкую столицу из России был направлен специальный пароход «Царь» для доставки патриарха и его свиты в Одессу, где их ждала специальная делегация Святейшего Синода Русской Православной церкви. По указаниям посла М.Н. Гирса и обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера градоначальник города Одессы устроил 18 февраля 1913 г. торжественную встречу с колокольным звоном. Состав свиты патриарха известен из официальной телеграммы, направленной из Одессы директору Канцелярии обер-прокурора Синода Владимиру Яцкевичу. В Россию, кроме самого патриарха Григория IV, прибыли: митрополит Триполи Александр, архимандрит Гавриил Кардус, *эзарх* (протоиерей) Николай Шхади (белый священник), священник Игнатий, архидиакон Фома Дибо, диакон Софроний Хурий, диакон Иосиф Абу-Габар, врач Давид Абушар, протопсалтий Дмитрий Мурр, мастер по перламутру Абдо Нахат, левантійский купец Иван Абуфарах, *кавас* (переводчик) Георгий и девица Сусанна Хаддад, сестра патриарха³². Кроме того, его сопровождал консул князь Б.Н. Шаховской. Поездку из Одессы в Санкт-Петербург патриарх со свитой

³² РГИА, ф. 797, опись 83 (2 отделение, 3 стол), дело 46, л. 23, 30.

Отбытіе Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ Казанскаго собора послѣ торжественнаго богослуженія.

Рис. 5. Празднование 300-летия Дома Романовых у Казанского собора. Отъезд императора после молебна. Санкт-Петербург, 21 февраля 1913 г. (открытка 1913 г.)

совершили по железной дороге, в специально выделенном ими вагоне. Во время пути многочисленные делегации русского духовенства торжественно приветствовали высокого гостя на станциях.

Патриарх Григорий IV прибыл в Санкт-Петербург 20 февраля 1913 г., где его встречало высшее духовенство русской столицы во главе с митрополитом Владимиром (Богоявленским), министры и городские власти. Для него были подготовлены специальные апартаменты в Лавре Александра Невского, куда торжественной процессией в специальных колясках и каретах направились с вокзала патриарх и встречающие. В Лавре он посетил собор, приложился к мощам святого Александра Невского и встретился с членами Святейшего Синода. После короткого отдыха в 15.00 патриарх присутствовал на торжественной панихиде в соборе Святых Петра и Павла в крепости, где была Императорская Фамилия.

Официальная хроника празднования 300-летия Дома Романовых сообщала, что когда 20 февраля Императорская Фамилия прибыла в Петропавловский собор (рис. 3), их встречало высшее духовенство во главе с Его Святейшеством Григорием IV, патриархом Антиохійским и Всего Востока. Он был облачен в серебряные парчовые ризы, держал в руках крест и выступил вперед навстречу прибывшему императору, окропляя все вокруг святою водою. По проходу стояли двумя рядами в белых блестящих

ризах митрополиты: Санкт-Петербургский Владимир, Киевский Флавиан, прибывший с патриархом Триполийский владыка Александр, Антоний Волынский, Сергей архиепископ Финляндский, Николай Варшавский, Евсей Владивостокский, Михаил епископ Гродно, Агарий владыка Екатеринославской епархии, епископы Владимир из Омска и Никон из Вологды (Романовские дни 1913: 9-10). Сопровождающие патриарха Григория IV вспоминали, что «после панихиды Его Блаженство отправился в резиденцию премьер-министра, где он встретился с представителями патриархов Константинопольского и Иерусалимского, членами Государственной Думы и с русским высшим обществом» (de Taggazi 1997: 22). Любопытно, что присутствие на панихиде Антиохийского патриарха не было отмечено в дневнике Николая II, который лишь кратко записал: «к 3 часам все семейство собралось в крепости. Там была отслужена торжественная панихида по всем царям и государям Дома Романовых. Вернулся домой в 4 часа» (Дневники 1991: 384).

Антиохийский патриарх принимал участие в официальных церемониях, связанных с празднованием 300-летия, а также несколько раз был на аудиенциях у императора Николая II в Зимнем дворце и в Царском Селе. Сведения об этом сохранились в различных официальных архивных документах, а также в личном дневнике императора Николая II (Дневники 1991: 384, 387, 393).

В четверг 21 февраля 1913 г. патриарх был на торжественном молебне в соборе иконы Казанской Богоматери. Впоследствии после возвращения в Дамаск он напечатал в журнале «Благодать» подробное и красочное описание богослужения в Казанском соборе. С особым трогательным умилением он писал о чудотворной иконе Казанской Богоматери: «<...> икону эту верующие украсили одеждою, соответствующею славе Великой Царицы и Матери Приснодевы, совмещающие в себе искусство, величественность вида и великолепие, – золото, серебро и драгоценные камни» (Вести 1914: 130, 131). Для столь торжественной церемонии в Казанский собор были перенесены на время многие почитаемые образы: чудотворный «Нерукотворный Спас» из домика Петра Великого, «Петр и Павел» из собора Петропавловской крепости, «Святой Александр Невский» из Лавры, а с Украины была специально привезена чудотворная икона «Богоматерь Почаевская».

Официальная хроника сообщала, что 21 февраля еще не было 10 часов утра, как высшее духовенство прибыло из Александро-Невской Лавры в Казанский собор. В алтарь вошли: Его Святейшество патриарх Антиохийский, митрополиты Владимир, Флавиан и Димитрий Белградский, Александр Триполийский, архиепископы и члены Святейшего Синода. В 11 часов утра Владимир, митрополит Санкт-Петербургский, начал Святую литургию. В ней участвовал хор Придворной капеллы. Великие князья и княгини прибыли к началу литургии. В 13 часов³³ Их Величество выехал из Зимнего дворца и направился к Казанскому собору (рис. 4, 5). Все высшее духовенство во главе с Его Святейшеством Григорием IV и митрополитом Владимиром принимало участие в торжественном богослужении, которое последовало при прибытии императора

Рис. 6. Зимний дворец на набережной Невы в Санкт-Петербурге. Фото 1980-х годов из архива автора

и Фамилии. Зрелище было незабываемое. Особенно эффектно выглядел клир, выстроившийся от алтаря до кафедры двумя серебряными лентами (Романовские дни 1913: 17-19). В конце царского молебна вместо обычной молитвы была прочитана специальная «К 300-летию благополучного царствования Богохранимого Дома Романовых», составленная по поручению Святейшего Синода владыкой Антонием (Храповицким) (Фирсов 2007: 350).

Во второй половине дня 21 февраля патриарх Григорий IV вместе с митрополитом Александром, архимандритами Антонием и Гавриилом, архидьяконом Фомой направились в Зимний дворец, где императорская семья принимала официальные поздравления (рис. 6). Великий князь Гавриил Константинович вспоминал об этой церемонии: «Очень было интересно смотреть на принесение поздравлений Их Величествам свитой, придворными и разными депутациями. Поздравление происходило в [Концертной. – П.Ю.] зале рядом с Малахитовой гостиной. Семейство стояло за Государем и государынями. Мы делились друг с другом впечатлениями. Поздравляющих было очень много; каждый из них подходил сначала к императрице Александре Федоровне, делая поклон, целовал ей руку и снова делал поклон. Затем он таким же образом подходил к императрице Марии Федоровне и затем уже к Государю. Александра Федоровна сидела, но Мария Федоровна все время стояла» (Гавриил Константинович 2001: 163) (рис. 7, 8). О присутствии

³³ В дневнике Николая II указано другое время: «В 12 ¼ часа я с Алексеем в коляске, Мама и Аликс в русской карете и наконец все дочери в ландо – тронулись в Казанский собор. Впереди сотня Конвоя и сзади тоже сотня. В соборе был прочитан манифест и затем отслужен торжественный молебен. Вернулись в Зимний тем же порядком в 1½» (Дневники 1991: 384).

Рис. 7. К.А. Ухтомский. «Концертный зал Зимнего дворца», акварель. Государственный Эрмитаж

Рис. 8. К.А. Ухтомский. «Малахитовая гостиная Зимнего дворца», акварель. Государственный Эрмитаж

Антиохийского патриарха великий князь Гавриил не упоминает, так же как об этом не пишет в своем дневнике и император Николай II. Последний кратко записал: «В 3.45 все собрались в Малахитовой [гостиной], а в Концертной [зале] принимали поздравления до 5.1/2 часа – прошло около 1500 ч[еловек]» (Дневники 1991: 384). Напротив, патриарх Григорий IV оставил весьма подробное описание церемонии: «по правилам безопасности только два человека могли одновременно находиться на встрече с русским царем. Соответственно это были Его Блаженство и митрополит Александр. В зале находились Его Императорское Величество, царица, наследник-цесаревич, вдовствующая императрица – мать царя, четыре царские дочери и другие члены Императорской Фамилии. Царь Николай сидел на троне, наверху которого находилась икона Богородицы. Патриарх взглянул на нее, затем поклонился и запел гимн в ее честь «Приидите, возрадуемся Госпоже нашей Приснодеве Марии...»³⁴. Затем он почтительно приветствовал царя, который сошел со своего трона навстречу патриарху и склонился перед ним. Его Блаженство благословил и поцеловал его в плечо согласно русской традиции. Царь в свою очередь поцеловал патриарха вначале в голову, а затем его правую руку. Стоя царь поздравил патриарха с благополучным путешес-

твием и затем пригласил его сесть напротив трона. Переводчик перевел его слова, после чего царь сказал: «Я слышал, что Вы хотели видеть меня, и я тоже желал очень сильно видеть Вас. Я также знаю Вашу набожность и благочестие. Пожалуйста, помолитесь за меня». «Я только грешник, мой господин», - отвечал патриарх. «Бог вознаградит Вас в соответствии с Вашей верой и искренностью; Он исполнит все Ваши надежды и всегда защитит Ваш трон». Услышав это, царь умилился и поцеловал вновь правую руку патриарха. Затем патриарх представил царю несколько подарков, которые включали: часть Честного Древа, елей, Библию, икону, ладан, часть мощей Иоанна Предтечи, шелковую плащаницу. Царь выразил свою благодарность, затем патриарх с уважением простился с присутствующими и удалился. Во время аудиенции патриарх прочитал короткую речь по-арабски, которая была переведена на русский язык митрополитом Александром. Речь была записана на пергамене, на котором также было изображение Святых Петра и Павла. Когда патриарх закончил речь, он преподнес этот пергамен царю. Царь в свою очередь возложил на патриарха орден Святого Александра Невского первого класса³⁵ и вручил ему золотой крест, украшен-

³⁴ Псалом 94 (см. Христианские песнопения 1990: 159-160).

³⁵ В действительности орден Святого Александра Невского степеней не имел (см. Piatnitsky et al. 2000: 352-353, no. R-124).

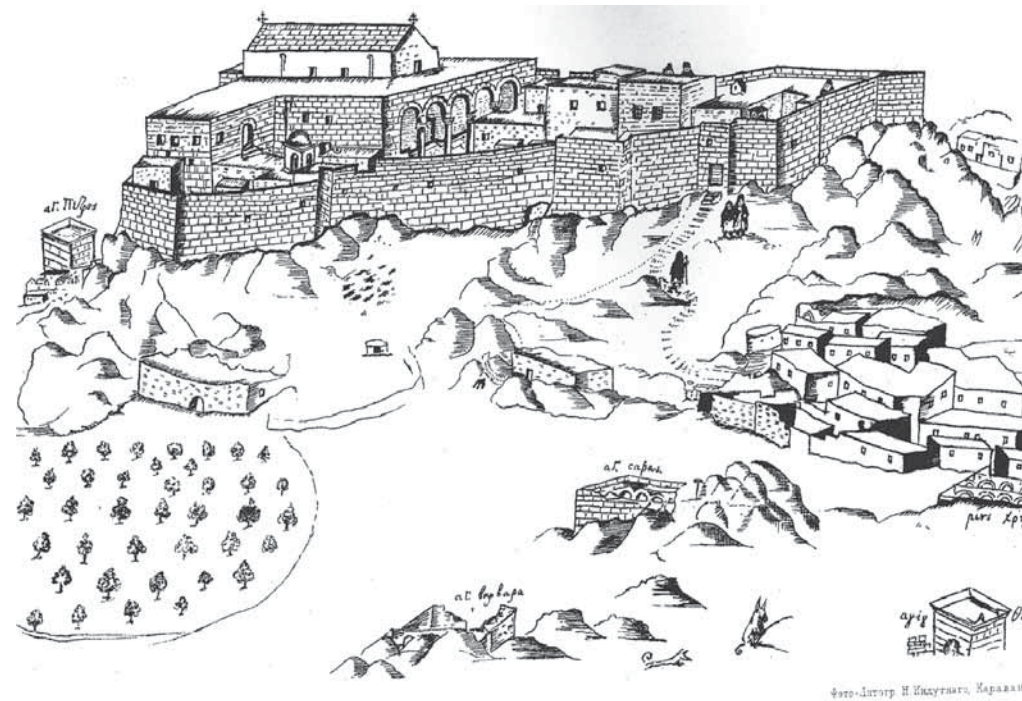
Рис. 9. В. Серов. Портрет императора Николая II. 1900 г. Государственная Третьяковская галерея. Фото из архива автора

(рис. 9). И вновь в дневнике Николая II об этом нет упоминаний. Царь кратко записал: «Чудный светлый день. В 11 часов на пути в церковь, все наши люди конюшенной части и загородных дворцовых управлений поднесли нам иконы и хлеб-соль. После завтрака поехал в Народный дом <...>. До 7 часов собрались в Малахитовой [гостиной Зимнего дворца] и пошли выходом. В Николаевской зале стояло много крестьян разных союзов. Парадный обед был в трех залах и галерее 1812 года» (Дневники 1991: 385). Однако совершенно естественно, что патриарх Григорий IV присутствовал на официальном парадном обеде. Правда, его рассказ об этом событии носит несколько «восточно-преувеличенный характер»: «<...> патриарх [Григорий. – П.Ю.] отслужил Божественную литургию. Он читал Библию и молился за царя по-арабски. Затем, после Божественной литургии, был дан обед в императорском дворце, куда было приглашено 2 500 человек. Царь сидел во главе стола, справа от него сидела царица, а слева – вдовствующая императрица, мать царя. За столом сидели так же члены Императорской Фамилии и министры. Патриарх сидел прямо напротив царя, в то время как его сопровождающие и духовенство расположились по сторонам от него. Меню было написано на бумаге с изображением двуглавого орла по традициям пиров шестнадцатого века. Три тоста были провозглашены. Первый был за здоровье царя, царицы и вдовствующей императрицы. Второй – за наследника-цесаревича

ный бриллиантами. Когда патриарх и митрополит прощались с царицей, наследником-цесаревичем и другими лицами, все они целовали их руки» (de Tarrazi 1997: 22-23).

На следующий день, 22 февраля 1913 г., митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир устроил в Лавре Александра Невского торжественный обед в честь Антиохийского патриарха. В митрополичьих палатах собрались в этот день видные русские иерархи, высшие церковные и светские чиновники. По традиции того времени столь высокие гости и радушные хозяева были запечатлены фотографом известного столичного фотоателье Буллы³⁶.

В последний день официального празднования 300-летия Дома Романовых, в воскресенье 24 февраля, Антиохийский патриарх вновь имел встречу с русским императором

Монастырь Сейдняя Оливь Дамвска.

Рис. 10. Сайданайский монастырь в 1728 г. Рисунок из книги В. Григоровича-Барского «Странствования по Святым местам Востока с 1723 по 1747 гг.». Часть 2. СПб., 1886, ил. между стр. 100 и 101 (Научная библиотека Государственного Эрмитажа)

и Императорскую Фамилию, и третий тост был за патриарха Антиохийского и духовенство. Музыка играла после каждого тоста» (de Tarrazi 1997: 23)³⁷.

³⁷ Следует добавить, что оформление меню парадного обеда в Зимнем дворце 24 февраля 1913 г. было сделано известным русским художником И. Билибиным. Оно имеет прямоугольный, вытянутый по вертикали формат. Внутри имеются два картуша. В верхнем, украшенном двуглавым орлом, помещена «роспись кушаньям», а в нижнем, украшенном двумя фигурами воинов в древнерусском одеянии, – программа музыки, исполняемой придворным оркестром во время обеда. Меню обеда выглядит очень красивым и праздничным и, бесспорно, является одним из высокохудожественных образцов графики в древнерусском стиле. Весьма любопытно его содержание. Во время царского обеда подавали следующие блюда: суп черепаховый и суп из дичи (оба с разнообразными пирожками), стерлядь двинская, приготовленная в шампанском, филе московской телятины, холодное из уток с апельсиновым соусом, пунш Виктория, жаркое – пилярды французские и фазаны - с зеленым салатом и свежими огурцами, трюфели в шампанском, персики по-императорски и мороженое. В начале обеда прозвучал гимн Дому Романовых композитора Броневского, затем концертная увертюра Львова, хор поселян из оперы «Князь Игорь» Бородина, элегия и вальс Чайковского, музыкальный фрагмент («Расцвет на Москве реке») из оперы «Хованщина» Мусоргского, концертный вальс Глазунова, был исполнен дуэт из оперы «Дубровский» Направника, хор девиц из оперы «Рогдана» Даргомыжского, а в заключение прозвучали два музыкальных фрагмента из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова.

³⁶ Негативы хранятся в ЦГАКФФД СПб. (№ Е-13433, Ж- 242), были опубликованы в Щеглов 2012.

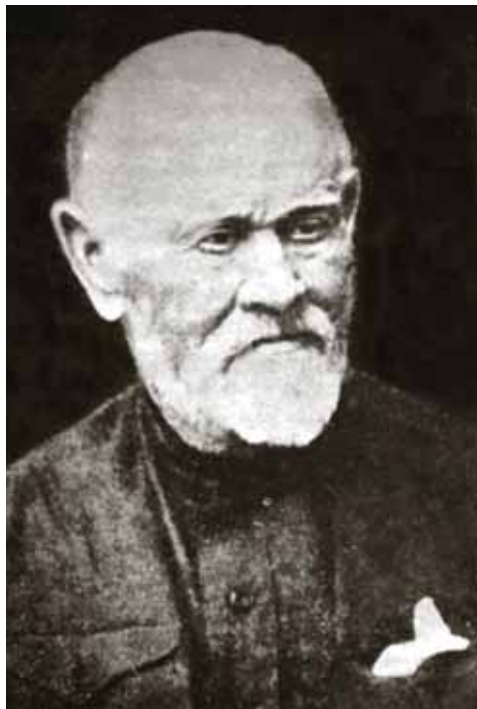

Рис. 11. Портрет Ф.И. Успенского, директора Русского Археологического Института в Константинополе. Фото 1910-х гг. из архива автора

Известно, что даже во время этих официальных приемов император Николай II имел доверительную беседу с патриархом Григорием IV, уединившись с ним (и переводчиком) в Малахитовую гостиную Зимнего дворца. Скорее всего, речь шла о возрождении патриаршества в России. Вопрос об этом активно обсуждался в церковных и административных кругах Российской империи, а со стороны Государственной Думы было даже открытое давление. Проблема церковного обновления и восстановления патриаршего правления довольно остро встала перед Николаем II, который, однако, понимал, взаимосвязанность церковной реформы с общим политическим и экономическим реформированием страны. В атмосфере внешнеполитической нестабильности и приближающейся войны церковные реформы (а также и другие), по мнению императора, были нецелесообразны и невозможны. Таким образом, Николай II вынужден был проводить политику лавирования и затягивания решения вопроса о возврате к патриаршему правлению. С одной стороны, в конце февраля 1912 г. он согласился на созыв Предсоборного Сопровождающего Собрания, с другой – 2 марта просил обер-прокурора В.К. Саблера не касаться в Государственной Думе вопроса о сроках созыва Поместного Собора и не обсуждать его ни с председателем Совета министров В.Н. Коковцовым, ни с министром Внутренних дел А.А. Макаровым. Вместе с тем политика проволочек и противоречивых решений не могла длиться бесконечно (Фирсов 2007: 63-70). Церковная реформа была не только российским внутренним вопросом, она должна была иметь важное внешнеполитическое значение. Остро вставал вопрос о принятии этой реформы остальными патриархиями, взаимоотношения с Вселенским патриархом, вопрос о роли Московского патриарха в восточных делах, его иерархическая подчиненность и множество других крупных и мелких, но не менее важных проблем. В этом аспекте проводимая Антиохийским патриархом политика, его поддержка и его русофильство были весьма кстати.

Сайданайский триптих и Баламанская плащаница

Во время первой аудиенции в Зимнем дворце 21 февраля 1913 г. патриарх поднес российскому императору несколько церковных реликвий: «часть Честного Древа, елей, Библию, икону, ладан, часть мощей Иоанна Предтечи, шелковую плащаницу». К сожалению, пока еще не все из этих вещей могут быть опознаны, а их судьба прослежена. Поднесенные патриархом православные реликвии считались личной собственностью

Рис. 12. Византийский триптих в Сайданайском монастыре. Фото Н. Успенской, 1900 г., из книги Ф.И. Успенского «Археологические памятники Сирии» (София, 1902)

императора Николая II и поэтому по его воле поступили в личные комнаты императорской семьи в Александровском дворце в Царском Селе, а плащаница – в подземный храм-крипту Святого Серафима Саровского в соборе Федоровской Божьей Матери в так называемом Федоровском городке.

Первым в списке подношений патриарха значится «Часть Честного Древа». Удалось установить, что речь идет о знаменитом Сайданайском триптихе – драгоценном византийском триптихе-реликварии с пластинками перегородчатой эмали. Внутри действительно находится небольшой фрагмент «Честного Древа».

Сайданайский триптих был хорошо известен русским ученым дореволюционного времени. В начале XX столетия два крупнейших русских византиниста – Ф.И. Успенский и Н.П. Кондаков – независимо друг от друга ввели этот триптих в научный оборот. Они дали его описание и атрибуцию, а также опубликовали фотографии.

В 1900 г. Русский Археологический институт в Константинополе с помощью Императорского Православного Палестинского общества совершил археологическую экспедицию по Сирии³⁸. Среди обследованных экспедицией мест был греческий монастырь Сайданайя, посвященный Богоматери (η μονή της Παναγίας Σευδεναίας). В ризнице

³⁸ В состав экспедиции входили: директор института византинист Ф.И. Успенский, художник Николай Клуге, фотограф Надежда Успенская (жена директора) и драгоман Российского генерального консульства в Иерусалиме Я.И. Хури.

Рис. 13. Портрет Н.П. Кондакова.
Фото 1900-х гг. из архива автора

что «внешняя сторона складня представляет крест с медальоном и с четырьмя отверстиями на концах» (Успенский 1902: 105-106). Судя по последнему замечанию и фотографии, Ф.И. Успенский имел возможность внимательно рассмотреть триптих. Тем более странно, что он не сделал описания оборотной стороны триптиха с чеканным изображением Богоматери с младенцем³⁹.

Более подробно триптих из Сайданайского монастыря был описан и проанализирован Н.П. Кондаковым (рис. 13) во втором томе его знаменитой книги «Иконография Богоматери», опубликованном Императорской Академией наук в 1915 г. Следует отметить, что Кондаков готовил исследование по иконографии Богоматери в течение многих лет. По первоначальному проекту предполагалось, что оно войдет в серию «Иконописный подлинник», издававшийся Комитетом Попечительства Русской иконописи (в 1905 г. там была издана книга Н.П. Кондакова об иконографии Иисуса Христа) (Кондаков 1905)⁴⁰. Однако по разным обстоятельствам, в том числе из-за интриг в Комитете, Н.П. Кондаков вынужден был перенести продолжение своей работы по изучению иконографии Марии в Императорскую Академию наук, членом которой он состоял с 1892 г.⁴¹ По некоторым сведениям, Н.П. Кондаков получил фотографии Сайданайского триптиха до 1900 г., то есть еще до экспедиции Ф.И. Успенского в Сирию.

³⁹ Возможно, Ф.И. Успенский при публикации больше основывался на фотографии триптиха, чем на свои записи.

⁴⁰ В 1900 г. Н.П. Кондаков был назначен постоянным членом, управляющим делами и помощником председателя Комитета Попечительства Русской иконописи.

⁴¹ В 1892 г. Н.П. Кондаков был избран членом-корреспондентом, а в 1898 г. ординарным академиком (сверх штата) по историко-филологическому отделению Академии наук, и в 1900 г. – ординарным академиком по отделению Русского языка и словесности.

монастыря Ф.И. Успенский обнаружил несколько замечательных византийских памятников, среди которых наиболее редким был триптих с перегородчатыми эмалями (рис. 10, 11). Ф.И. Успенский дал подробное описание лицевой стороны этого памятника и воспроизвел прекрасный фотографический снимок в натуральную величину триптиха в отчете экспедиции (Успенский 1902: 105-106, табл. 4) (рис. 12). По его мнению, эмалевые пластины с изображениями Иоанна Предтечи и Христа на троне являлись лучшими образцами византийской перегородчатой эмали. Он датировал их X-XI вв. Важное наблюдение было сделано также относительно чеканной пластины с фигурой Богоматери в рост: «боковая пластина с изображением Богородицы и по технике, и по материалу выдает свое позднейшее происхождение и принадлежность другому мастеру и другой эпохе». Он также отметил,

Н.П. Кондаков посвятил довольно обстоятельный пассаж Сайданайскому триптиху, хотя в первую очередь его интересовало чеканное изображение Богоматери с младенцем на выдвигной крышке. Он опубликовал две фотографии раскрытого триптиха – лицевой стороны и оборотной, посетовав, что «снимки, к сожалению, сняты наскоро стереоскопическим аппаратом», и заметил, что «для точного хронологического определения складня в настоящее время не достает удовлетворительного снимка» (Кондаков 1915: 253). Последнее замечание немного странно, поскольку Кондаков в сносках упоминает публикацию Ф.И. Успенского, где был воспроизведен великолепный по качеству снимок триптиха в натуральную величину. Н.П. Кондаков дал очень подробное описание триптиха, и его текст содержит такие детали, которые отсутствуют у Ф.И. Успенского. Из текста можно сделать вывод: ученый не видел лично самого триптиха, но основывался на очень подробном описании очевидца. Скорее всего, фотографии и описание были сделаны по просьбе Н.П. Кондакова кем-то из русской дипломатической миссии в Дамаске.

Возвратимся к анализу Сайданайского триптиха в «Иконографии Богоматери». Н.П. Кондаков считал, что триптих следует датировать X в. или, самое большее, первой половиной XI в. Такая датировка доказывалась, по его мнению, «эмалевыми образками и гранатовыми украшениями по каймам, которые являются тождественными с окладом в библиотеке Святого Марка в Венеции». Верным и важным было наблюдение, что крест на внешних створках триптиха напоминает так называемый крест царицы Тамары в монастыре Гелати в Грузии. Не менее важные наблюдения были сделаны о чеканной пластинке «Богоматерь с младенцем» на выдвигной крышке триптиха. По мнению Н.П. Кондакова, она заменила утраченную эмалевую иконку и, вероятно, воспроизводила чудотворную икону Богоматери с младенцем, хранящуюся в Сайданайском монастыре. Он считал «на основании всех соображений о стиле и времени», что пластина с изображением Богоматери с младенцем «не может быть позже X столетия, но может еще относиться к VIII-IX векам». Таким образом, Н.П. Кондаков датировал триптих с эмалями X – первой половиной XI вв., а чеканную пластинку Богоматери с младенцем – VIII-IX вв. (Кондаков 1915: 251-253).

После публикаций Ф.И. Успенского и Н.П. Кондакова Сайданайский триптих на долгие годы исчез из поля зрения специалистов. Путешественники и ученые, посещавшие монастырь Сайданай в XX в., не упоминали о нем. В этом нет ничего удивительного, поскольку с 1913 г. триптих уже не находился в сирийском монастыре – он был привезен в далекую Россию в подарок Николаю II.

Рис. 14. Портрет А.В. Банк,
хранителя Византийской коллекции
Государственного Эрмитажа.
Фото 1970-х гг. из архива автора

В 1980-х гг. по просьбе моего учителя А.В. Банк (рис. 14) я долго и безуспешно пытался найти архивные документы, подтверждающие привоз Сайданайского триптиха Антиохийским патриархом во время празднования 300-летия Дома Романовых. В конце концов судьба улыбнулась (к сожалению, уже после смерти Алисы Владимировны), и мое внимание привлекло «доверительное» письмо за № 576 от 6 июня 1913 г. тайного советника Министерства Иностранных дел России Константина Аргиropуло обер-прокурору Святейшего Синода В.К. Саблеру. В нем шла речь о награждении российскими орденами духовных лиц Антиохийского патриархата. В частности, Константин Аргиropуло писал: «Министерство Иностранных дел полагает, однако, весьма желательным награждение золотым наперстным крестом начальницы Седнайского Пресвятой Богородицы монастыря, матери Марии, из какового монастыря дана была Блаженнейшему Григорию древняя и ценная икона Богоматери, поднесенная патриархом государю императору»⁴². Просьба была удовлетворена, и мать Мария, настоятельница Сайданайского монастыря близ Дамаска, была награждена «наперстным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым»⁴³. Таким образом, удалось подтвердить, что именно благодаря визиту в 1913 г. патриарха Григория IV уникальный византийский триптих с перегородчатыми эмальями попал в Россию (Пятницкий 1999: 51-54).

Находясь в личных комнатах императорской резиденции, этот памятник на долгие годы выпал из поля зрения специалистов. Не изменилась ситуация и после большевистской революции 1917 года, когда Александровский дворец стал музеем. Триптих затерялся среди многочисленных церковных предметов разной художественной ценности и достоинства, наполнявших историко-бытовую экспозицию бывшей резиденции последнего русского царя (рис. 15, 16). Однако он не пропал и не был продан за границу, а 24 августа 1955 г. поступил на временное хранение в византийское собрание Государственного Эрмитажа из Центрального Хранилища Музейных Фондов Пригородных Дворцов⁴⁴. С 18 июля 1956 г. он был переведен на постоянное хранение⁴⁵. Поступив в Эрмитаж, Сайданайский триптих, как выдающийся памятник византийского искусства, сразу же привлек внимание А.В. Банк, хранителя византийской коллекции. Она упоминала его в нескольких своих публикациях (Банк 1956: 344; 1966: 311-312, 365; Банк 1967: 239, pl. 5), а также посвятила триптиху специальную статью, изданную в 1969 г. (Банк 1969: 177-182). Несмотря на предпринятые А.В. Банк архивные разыскания, время и пути поступления триптиха в Россию так и остались ей неизвестными. В своем знаменитом альбоме «Византийское искусство в собраниях Советского Союза», вышедшем в 1966 г. и переизданном в 1975-1987 гг. несколько раз на русском, английском, французском и других языках, А.В. Банк опубликовала цветное воспроизведение Сайданайского триптиха, датировала его XI в. и указала в качестве параллелей эмалевый складень из Мартвили в Грузии и так называемый Ставелот реликварий в библиотеке П. Моргана в Нью-Йорке (Банк 1966: 311-312, 365). Более детально свои основные наблюдения А.В. Банк изложила в статье 1969 г., специально посвященной Сайданайскому триптиху (Банк 1969: 177-182). После публикаций А.В. Банк триптих

Рис. 15. Александровский дворец в Царском Селе, резиденция императора Николая II. Фото автора, 2012 г.

часто упоминался в исследованиях, посвященных византийским и грузинским перегородчатым эмальям, например, в книгах Лейлы Хускивадзе, а также в каталогах выставок «Искусство Византии в собраниях СССР» (Ленинград – Москва, 1975-1977), «Христиане на Востоке» (Санкт-Петербург, 1998), «Синай, Византия, Русь» (Санкт-Петербург, 2000) (Хускивадзе 1981: 47-48, 86; Chuskivadze 1984: 29; Искусство Византии 1977:

Рис. 16. Императорская спальня в Александровском дворце. Видны многочисленные иконы и образки, поднесенные императорской чете. Фото 1910-х гг. из архива автора

⁴² РГИА, ф. 797, опись 83 (III отделение, 4 стол), дело 18, л. 202.

⁴³ РГИА, ф. 797, опись 83 (III отделение, 4 стол), дело 18, л. 211.

⁴⁴ Архив Отдела Востока ГЭ. Акт № 165 от 24 августа 1955 г.

⁴⁵ Архив Отдела Востока ГЭ. Акт № 149 от 18 июля 1956 г.

Рис. 17. Сайданайский триптих в закрытом виде. Государственный Эрмитаж, фото автора

78, № 537; Христиане на Востоке 1998: 49, № 59; Piatnitsky *et al.* 2000: 71, no. В-38) (рис. 17-24). В 2004 г. вышла монография Хольгера Кляйна, посвященная византийским реликвариям, где автор активно привлекал Сайданайский триптих в связи с исследованием Ставелот реликвария. Он также уделил большое внимание решетчатому оформлению эрмитажного триптиха, приведя многочисленные аналогии (Klein 2004: 151, 211, 249). Следует упомянуть и публикации автора данной статьи, посвященные триптиху и истории его поступления в Россию (Пятницкий 2008: 182-203; Piatnitsky 2010: 87-118).

Складень из монастыря Сайданая был не единственным древним памятником, подаренным патриархом Григорием IV. Им была привезена также редкая плащаница, некогда принадлежавшая прославленному монастырю Баламанд

в Сирии (рис. 25). Плащаница размером 110 x 93 см вышита шелковыми, серебряными и золотыми нитями по красно-малиновому атласу. Лицевая композиция воспроизводит текст Евангелия о приготовлении тела Христа к погребению: Иосиф и Никодим обвили тело Иисуса чистою плащаницею с благовониями (состав из смирны и алая), а Иоанн и святые жены смотрели на эти приготовления и оплакивали Иисуса Христа (Матфей, 27, 59-60; Марк 15,6; Лука, 23, 53; Иоанн 19,40). По углам плащаницы вышиты медальоны с символами евангелистов, а по бордюру идут греческие тексты страстных тропарей. Вверху: «Благопристойный Иосиф, с древа сняв тело Твое, плащаницей чисто обернув и ароматами, в новом гробе погребя». Слева: «перед женами-мироносицами у гроба представ, ангел вскричал: для смертных благовония подходят, Христос...». Справа: «вверху тебе на троне, внизу в могиле благопристойнейше Спаситель мой потрясен был». Внизу: «Господи, Боже мой, гимн исхода и погребальную песнь воспеваю тебе, могилой Своей жизни мне пути проложившему». Наиболее интересной и важной является вкладная арабская надпись, вышитая на фоне, под погребальной плитой, на которой лежит тело Христа. Она гласит: «Позаботился и побеспокоился об изготовлении этой благословенной плащаницы господин патриарх Кир Кириллос Антиохийский Алеппский, и он даровал ее в вакф монастырю Госпожи, известному как монастырь Баламанд и относящийся к [области] Триполи, стремясь к воздаянию и награде за доброе дело. И было это в архиепископство священника Абд ал-Масиха Трипольского в 1712 христианском году. Изготовила ее Вустин, дочь Ханы»⁴⁶.

⁴⁶ Искренне благодарю за перевод с арабского и редактуру текста М.Б. Пиотровского.

Рис. 18. Сайданайский триптих в открытом виде. Государственный Эрмитаж, фото автора

При изготовлении шитых церковных изделий, как правило, имело место разделение процессов: вначале художник-знаменщик наносил рисунок, а затем вышивальщицы накладывали шелковые, серебряные и золоченые нити. Если в древнерусской практике вышиванием занимались преимущественно женщины, то на христианском Востоке, напротив, это обычно были мужчины. Тем любопытнее для нас указание на Баламандской плащанице об ее исполнении Вустин, дочерью Ханы. Хотя имя Хана чрезвычайно распространенное на Востоке, все же есть некоторые основания увидеть здесь известного иконописца Хана аль Кудши, работавшего в Триполи в первой трети XVIII столетия. Одной из особенностей художественного стиля этого мастера была явная ориентация на греческую иконопись XV-XVI вв. Весьма возможно, что именно Хана аль Кудши был знаменщиком плащаницы, которую затем вышила его дочь Вустин по заказу патриарха Кирилла Антиохийского.

Как уже упоминалось, плащаница по воле Николая II была помещена в личную царскую крипту-молельню в Федоровском соборе. В коллекции музея в Царском Селе имеется картина художника Л. Сурнева, изображающая молельню императрицы Александры Федоровны в подземной крипте в честь святого Серафима Саровского. На этой картине, исполненной в 1914 г., хорошо видна Баламандская плащаница, размещенная над дверным проемом (Bobrov 2007: 4-9, fig. 11). После революции 1917 года она попала в Государственный Музейный фонд, откуда в 1934 г. и была передана в Эрмитаж как важный памятник восточно-христианского искусства. Долгое время она не привлекала внимание ни востоковедов, ни искусствоведов. И только с 1990-х гг., благодаря серии эрмитажных выставок

Рис. 19. Сайданайский триптих, оборотная сторона. Государственный Эрмитаж, фото автора

и публикаций, посвященных искусству «Святой Земли», она была введена в широкий научный оборот (Христиане на Востоке 1998: 124-125, № 161; Pilgrim Treasures 2005: cat no. 110; Пятницкий 1996: 44-46; 1998: 110-111; Piatnitsky 2005: 52-55; 2006: 112-113, pl. 11; Ryatnitsky-Zourmatzis in print).

Коллекция арабо-христианских рукописей патриарха Григория IV

На Востоке (и не только) ходили легенды о знаменитой личной библиотеке книг и манускриптов патриарха Григория IV. Ее начало он положил, еще будучи митрополитом Триполи. Особенно активно Григорий Хаддад собирал рукописи, когда стал патриархом. Он даже посылал для их розыска специальных людей в отдаленные монастыри, церкви и частные библиотеки Православного Востока. Правда, ни точных сведений о самих рукописях, ни инвентаря его знаменитого собрания не было, поскольку лишь редким счастливицам удавалось увидеть эти сокровища патриарха. Григорий Хаддад любил древние рукописи и хорошо разбирался в них, умея определить истинное историческое и научное значение манускриптов. Он даже сам принимал участие в разборке, описании и систематизации монастырских библиотек, как сообщала российская периодика. В частности, летом и осенью 1912 г. он провел в монастыре Баламанд пять месяцев, принимая личное участие в приведении в порядок библиотеки Баламандской Духовной семинарии, где «имеются и древние арабские рукописи» (Вести 1913: 102-103). Однако вряд ли кто-то тогда мог предполагать, что лучшая часть патриаршего собрания окажется на берегах Невы в столице далекой Российской империи.

Рис. 20. Сайданайский триптих с открытой крышкой (в центре видна частица Честного Древа). Государственный Эрмитаж, фото автора

После официальных торжеств в честь 300-летия Дома Романовых патриарх Григорий IV имел еще несколько аудиенций у Николая II. Одна из них была назначена на 7 марта 1913 г. Первоначально предполагалось, что она будет проходить в Зимнем дворце и будет «прощальной», поскольку патриарх собирался покинуть Санкт-Петербург⁴⁷. Но в действительности аудиенция состоялась в Александровском дворце Царского Села и не была последней⁴⁸. Уехал патриарх Григорий IV из столицы России только в апреле 1913 г. и, как свидетельствует запись в дневнике Николая II, прощальную аудиенцию он имел

⁴⁷ РГИА, ф. 472, опись 49, дело 1203, л. 65.

⁴⁸ Патриарх Григорий IV затягивал отъезд, добиваясь получения значительного материального пособия для Антиохийской епархии. Так, 27 марта 1913 г. он подал на имя Николая II ходатайство о покрытии финансового дефицита и выдачи помощи, которое было удовлетворено. Из казны было отпущено 50 000 рублей в качестве единовременной помощи (Якушев 2013: 364-365, 437-441 <документ № 20>).

Рис. 21. «Богоматерь с Младенцем». Серебряная чеканная пластинка на оборотной стороне Сайданайского триптиха. Государственный Эрмитаж, фото автора

митрополита Триполийского. Получили от него подарки арабского изделия и много древних ценных рукописей и книг» (Дневники 1991: 387). Под «арабскими изделиями» имелись в виду шкатулки, рамки и мебель в традиционном восточном вкусе, исполненные из дерева с инкрустацией перламутром. Краткий список этих подношений сохранился в архивных документах. Он датирован 5 марта 1913 г.: «Императору Николаю II – круглый стол; императрице Александре Федоровне – туалетный стол; императрице Марии

в Царском Селе 16 апреля: «Было последнее христосование – с единоверцами, старообрядцами и волостными старш[инами] трех здешних уездов. Затем приняли Патриарха Антиохийского; простились с ним, так как он уезжает» (Дневники 1991: 393).

Итак, 7 марта 1913 г. в Александровском дворце Царского Села, резиденции российского императора, состоялась аудиенция патриарха Григория IV. Прием был назначен Николаем II на 12 часов дня. Он также согласился, что патриарха будут сопровождать консул в Дамаске князь Б.Н. Шаховской и митрополит Триполи Александр. Митрополит знал русский язык и был переводчиком при особо важных или частных переговорах патриарха⁴⁹. О предстоящей аудиенции обер-прокурор Синода В.К. Саблер сообщил министру императорского двора графу В.Б. Фредериксу в официальном письме за № 23561 от 2 марта 1913 г.⁵⁰ В своем дневнике русский император сделал запись вечером 7 марта 1913 года: «между докладами приняли вдвоем [с императрицей Александрой Федоровной – П.Ю.] патриарха Антиохийского и сопровождающего его

Федоровне – библиотечный шкаф; наследнику – этажерку; Великой княжне Ольге Николаевне – туалетную шкатулку с зеркалом и потайным замком; Великой княжне Татьяне Николаевне – альбом; Великим князьям Марии и Анастасии – по рамке»⁵¹.

В архиве находится и список «рукописей и книг», которые патриарх Григорий IV подарил императору Николаю II. Он также датирован 5 марта 1913 г., имеет заголовок «Список книг, поднесенным Блаженнейшим Патриархом Антиохийским Григорием» и состоит из 41 номера, но при этом пять номеров в списке пропущены (№№ 6, 11, 29, 30, 33)⁵². Аналогичный список рукописей сохранился в архиве Государственного Эрмитажа, поскольку по воле императора Николая II коллекция рукописей патриарха Григория IV поступила на хранение в «Собственные Его Величества Библиотеки в Зимнем дворце» в Санкт-Петербурге⁵³. Вышеупомянутый список был составлен на основе двух других списков коллекции рукописей Григория IV, сделанных немного ранее, в то время, когда Министерством императорского двора еще только готовилась аудиенция 7 марта 1913 г. Это видно из заголовков этих двух документов, где употреблен глагол «подносимых»⁵⁴, тогда как в более позднем списке от 5 марта употреблен глагол «поднесенным». Два ранних списка являются более интересными и информативными. Первый включает 36 номеров рукописей, а второй – 6. Они содержат название рукописей, автора, дату и иногда важные замечания. Воспроизводим эти два списка по оригиналам, хранящимся в архиве Эрмитажа.

Рис. 22 «Богоматерь в рост из Деисуса». Серебряная чеканная пластинка на правой створке Сайданайского триптиха. Государственный Эрмитаж, фото автора

⁴⁹ Митрополит Александр был родом из Дамаска, первоначальное образование получил в патриаршей школе. В 1886 г. он постригся в монахи и был направлен в греческую богословскую школу на острове Халки, где в совершенстве изучил французский, турецкий, греческий и латинский языки. После окончания школы в Халке в 1891 г. Александр был посвящен в сан иеродиакона и вернулся в Сирию в Эмесскую епархию. Пользуясь покровительством митрополита Афанасия Эмесского, он получил разрешение Святейшего Синода России поступить в Киевскую Духовную академию в 1897 г. Через три года, в 1900 г., Александр был вызван в Дамаск, посвящен в сан иеромонаха и назначен настоятелем Антиохийского подворья в Москве, где в 1902 г. был возведен в сан архимандрита и избран митрополитом Киликии. В 1903 г. он возвратился в Сирию, но в епархию отправился лишь в начале 1905 г. и был там отрицательно встречен греческим населением. Летом 1907 г. он был вынужден добровольно отказаться от управления Киликийской епархией, а в январе 1908 г. был избран на вакантную кафедру Триполи (см. Вести 1908: 323-326).

⁵⁰ РГИА, ф. 797, опись 83 (3 отделение, 4 стол), дело 4, л. 29.

⁵¹ РГИА, ф. 472, опись 49, дело 1203, л. 66.

⁵² РГИА, ф. 472, опись 49, дело 1203, л. 61-63.

⁵³ Архив ГЭ, ф. 2, опись XIV-A, 1913 год, дело 1- часть I, л. 55-57.

⁵⁴ «Список книг, подносимых Государю Императору Блаженнейшим Григорием, Патриархом Антиохийским».

Рис. 23. «Христос на троне из Деисуса». Перегородчатая эмаль на золоте в центральной части Сайданайского триптиха. Государственный Эрмитаж, фото автора

Первый документ

«Список книг, подносимых Государю Императору Блаженнейшим Григорием, Патриархом Антиохийским.

1. Ветхий Завет, часть I. Дата: 6744 г. от сотворения мира (1236 г. по Р[ождеству] Хр[истову])
2. Ветхий Завет, часть II. Дата: 6745 г. от сотворения мира (1237 г. по Р[ождеству] Хр[истову])
3. Новый Завет и часть Ветхого Завета, без даты, но с указанием, что книга переписана в Дамаске до перенесения Патриархии в этот город.
4. Четыре Евангелия на греческом языке на 308 листах пергамента. Книга была пожертвована Кафедральной церкви Св[ятых] Сергия, Вакха, Левандия в Босре в 6864 г. от сотворения мира (1356 г. по Р[ождеству] Хр[истову] и в 1418 г. подновлена патриархом Иоакимом).
5. Евангелие (каллиграфический экземпляр) без даты. По палеографическим признакам можно отнести его к IX веку.
6. Евангелие. Дата 6744 г. от сотворения мира (1236 [г.] по Р[ождеству] Хр[истову]).
7. Деяния и послания Апостолов (без разделения на главы). Книга пожертвована в 837 г. по Р[ождеству] Хр[истову] церкви Св[ятых] Сергия и Вакха в Сададе.
8. Деяния и послания Апостолов. Дата 742 г. Гижры (1341 г. по Р[ождеству] Хр[истову]). Из библиотеки консула Ясома (вероятно Генуэзского).
9. Псалтырь на 168 листах пергамента, параллельный арабско-греческий текст. Дата XI века.
10. Толкование на Псалтырь, соч[инение] Абдаллаха Абуль-Фараджа сына Аттайеба.
11. Толкование Св[ятого] Иоанна Златоуста о книге Бытия, названное по начальным словам «Шестоднев». Книга написана рукой Антиохийского патриарха Иоакима, посетившего Россию и содействовавшего установлению в ней патриаршества и поставившего первого Патриарха Иова (1579 г. по Р[ождеству] Хр[истову]).
12. Лестница добродетелей, соч[инение] Св[ятого] Иоанна Лественика, и трактат Св[ятого] Варсонофия о монашестве. Дата 574 г. Гиджры (1178 г. по Р[ождеству] Хр[истову]).
13. Сборник апологетических трактатов, содержащий: 1) Послание Св[ятого] Софрония, патриарха Иерусалимского о христианской вере и 2) Послание Св[ятого] Кирилла Александрийского к Иоанну, патриарху Антиохийскому и к Несторию и другие его трактаты против Нестория.
14. Послание Геннадия Схолария к завоевателю Константинополя Магомету II-му о христианской вере и сборник апологетических и догматических статей, принадлежащих перу Павла, епископа Сидонского и др[угие].

15. Догматический трактат, сочин[ение] Абдаллаха, сына Аль-Фадла (В конце приведена хронология Антиохийских патриархов). Почерк архидиакона Павла Алепского. Дата 1062 г.
16. Противокатолический трактат (Ответ на энциклику папы Римского конца XIV века). Книга написана рукой знаменитого архид[иакона] Павла Алепского. В конце ее изложена история пожара церкви Св[ятой] Богородицы в Дамаске (в 1052 г.).
17. Уникум. Малый сборник, соч[инение] Св[ятого] Никона игумена монастыря Св[ятого] Симеона близ Антиохии. Дата 1088 г. по Р[ождеству] Хр[истову].
18. Трактат против католиков, соч[инение] Илии Фахра, Лагофета 1744 г. по Р[ождеству] Хр[истову].
19. Трактат об исхождении Св[ятого] Духа от Отца (против католического учения о Filioque), соч[инение] Илии Фахра (XVIII в.).
20. Трактат об исхождении Св[ятого] Духа от Отца (против католического учения о Filioque), соч[инение] Лагофета Антиохийского Патриархата Илии Фахра (1760 [г.] по Р[ождеству] Хр[истову]).
21. О св[ятых] Таинствах. Соч[инение] Илии Фахра, Лагофета Антиохийского Патриарха, дата 1747 г.
22. Противокатолическое послание Герасима, патриарха Александрийского к жителям Триполи и Алеппо. Дата 1702 г.
23. Переписка Алепского⁵⁵ митрополита Кирилла с католическим монахом ордена Св[ятого] Лазаря Павлом (по материалы к истории пропаганды католицизма в Сирии в XIX веке).
24. «Сад Веры» - Трактат религиозно-нравственного содержания, соч[инение] Абдаллаха, сына Аль-Фадла.
25. Тактикон и разные поучения панегириколог (изданы доминиканцами без даты).
26. «Радость верующего», соч[инение] Абдаллаха, сына Аль-Фадла. Дата 1052 г. по Р[ождеству] Хр[истову].
27. Сборник статей по Богословию, словесности и истории (содержит, между прочим, историю Антиохийского Патриархата).

Рис. 24. «Святой Иоанн Предтеча в рост из Деисуса». Перегородчатая эмаль на золоте на левой створке Сайданайского триптиха. Государственный Эрмитаж, фото автора

⁵⁵ Написано поверх зачеркнутого «Александрийского».

28. Путешествие Патриарха Антиохийского Макария в Россию в 1765 г. (фототип рукописи Лондонского музея, с которого сделан русский перевод, проф[ессора] Муркоса) в двух томах.
29. Большое путешествие в Хиджаз, соч[инение] Шейха Абдул-Гани Набулуси.
30. Арабский толковый словарь Германа Фархата, написан рукою Бейрутского митрополита Акакия. Дата 1773 г. по Р[ождеству] Хр[истову].
31. Руководство к изучению Арабского языка, соч[инение] исхака Тарабулуси.
32. Толкование Шейха Радия на сочинение «Алькафият» - грамматический трактат. Дата 739 г. Хижры (1338 г. по Р[ождеству] Хр[истову]).
33. Сборник стихов Сулеймана, сына Хасана из Газы. Дата 1556 г. по Р[ождеству] Хр[истову].
34. Толкование Сеида Шерифа на Тавали Али Исфагани, - мусульманское схоластическое богословие (Уникум).
35. Атмосферические влияния, соч[инение] Абдаллаха Антаки. Дата 7156 г. от сотворения мира (1648 г. по Р[ождеству] Хр[истову]).
36. Медицинский трактат, соч[инение] Архидиакона Саида, сына Абдуль-Хайра»⁵⁶.

Второй документ

«Список книг, подносимых Государю Императору Блаженнейшим Григорием, Патриархом Антиохийским.

1. Евангелие. Дата 7163 г. от сотворения мира (1655 г. по Р[ождеству] Хр[истову]). Почерк архидиакона Павла Алепского. Переписано им в каменной крепости, называемой Коломна, близ столицы (Москвы) в год похода В[еликого]К[нязя]Алексея Михайловича на ляхов.
2. Псалтырь на 301 листе, параллельный арабско-греческий текст. Дата XI века.
3. Важный уникал – Историч[еские]сведения об Антиохийском Патриархате и о Грузии. Книга написана рукой патриарха Макария и его внука патриарха Кирилла (XVIII в.).
4. Уникум: 1) Хронология Антиохийских патриархов и Митрополитов от Св[ятого] Апостола Петра до Патриарха Макария (XVII в.), 2) Рассказ Св[ятого]Иоанна Дамаскина об Иоасафе и Варлааме. Книга написана рукой архидиакона Павла Алепского.
5. Путешествие Патриарха Антиохийского Макария в Россию (оригинал, с которого сняты копии, имеющиеся в русских библиотеках). Дата 7208 г. от сотворения мира (1700 г. по Р[ождеству] Хр[истову]).
6. Десять медицинских трактатов, соч[инения] Али, внука Бахтишу, Галена, Хунейна, Яхьи, сына Масавейхи, Фабета, сына Курры и др[угих]. Книга написана в 551 г. Гиджры (1157 г. по Р[ождеству] Хр[истову])»⁵⁷.

Таким образом, коллекция древних рукописей, поднесенная патриархом Григорием IV русскому императору Николаю II, была включена в состав «Собственной Его Величества Библиотеки в Зимнем дворце»⁵⁸, где хранилась до февраля 1919 года.

⁵⁶ Архив ГЭ, ф. 2, опись XIV-A, 1913 год, дело 1- часть I, л. 52-53.

⁵⁷ Архив ГЭ, ф. 2, опись XIV-A, 1913 год, дело 1- часть I, л. 54.

⁵⁸ В Зимнем дворце имелось несколько разных императорских библиотек, которые были объединены единой системой управления, и поэтому в официальном названии употреблялось множественное число – «библиотеки».

Рис. 25. Плащаница из монастыря Баламанд, Ливан, 1712 г. Государственный Эрмитаж, фото автора

Следует упомянуть один весьма любопытный аспект, связанный с коллекцией рукописей, подаренной патриархом Григорием IV. Известный русский ученый филолог-ориенталист А.Е. Крымский упомянул об этом в книге «История Новой Арабской Литературы: XIX – начало XX века». Во время своих путешествий по Востоку он неоднократно лично встречался с патриархом Григорием IV, и, видимо, иногда патриарх был весьма откровенен с русским ученым. В частности, А.Е. Крымский, написав в своей книге, что лучшую часть библиотеки патриарх подарил в 1913 г. русскому царю, добавил: «сверх ожидания министр [Императорского] Двора оплатил этот дар скудно, так, по крайней мере, мне сообщил патриарх по секрету» (Крымский 1971: 619, примеч. 38). В данном случае Григорий IV был, несомненно, прав. Благодаря его дару Россия обогатилась такими духовными сокровищами, которые невозможно оценить

денежным эквивалентом⁵⁹, и, как писал впоследствии И.Ю. Крачковский, именно этот дар поставил Петербург на один уровень с библиотеками Парижа и Ватикана.

Первым, кто оценил научную значимость этого подарка, был В.В. Щеглов, заведующий «Собственной Его Величества Библиотеки в Зимнем дворце». Он включил сведения о рукописях в свою книгу 1917 г., посвященную библиотеке, где писал: «В 1913 г. Собственные Его Императорского Величества Библиотеки обогатились весьма ценными подношениями Антиохийского патриарха Григория, представившего Государю Императору значительное количество рукописей, писанных на арабском языке, как-то: Евангелия, Деяния Святых Апостолов, Послания, трактаты духовно-нравственного содержания, путешествия и т.п., среди которых несколько редких списков. Например, Хронология Антиохийских патриархов и митрополитов, Малый сборник сочинений святого Никона, рассказ святого Иоанна Дамаскина об Иоасафе и Варлааме, писанный рукою архидиакона Павла Алепского и др[угие]». В.В. Щеглов сообщил также о довольно важном факте, который, насколько я осведомлен, остался неизвестным ученым-востоковедам: «С наиболее редких рукописей, по воле Государя Императора, были сделаны фотографические снимки, переплетены в переплеты с подражанием подлинным, и препровождены Патриарху [Григорию IV – П.Ю.]» (Щеглов 1917: 80-81).

После поступления этой коллекции арабо-христианских рукописей в библиотеку Зимнего дворца она сразу же привлекла внимание русских ученых. Первой, еще в 1913 г., с нею ознакомилась графиня П. Уварова, председатель Императорского Московского Археологического общества (Щеглов 1917: 162)⁶⁰. Вторым ученым, который добился возможности изучать эти рукописи, был И.Ю. Крачковский, в то время приват-доцент Санкт-Петербургского университета. Бесспорно, что именно им было сделано первое научное описание этой коллекции рукописей. Но об этом несколько позднее.

⁵⁹ Для ясности ситуации необходимо сказать о традициях Российского Императорского Двора, согласно которым император не принимал от частных лиц бесплатно никаких подарков. Когда частное лицо или даже прибывшее с официальной миссией высказывало желание поднести дар русскому правителю, то его просьба в письменном виде направлялась в Министерство Императорского Двора. Министр докладывал об этом лично царю и получал Высочайшее согласие на принятие дара или отказ в этом. Однако перед тем, как докладывать царю, министерство обычно собирало сведения и о лице, желавшем поднести подарок, и о ценности дара. Компетентные эксперты давали свое заключение не только о научной и художественной значимости подносимого дара, но также определяли его коммерческую (финансовую) стоимость. Если император соглашался принять подношение, тогда Министерством Двора, определялась стоимость «царской милости» - своеобразный финансовый эквивалент принимаемого дара. В качестве такой милости обычно давались перстни с бриллиантами или другими драгоценными камнями, табакерки и часы, декорированные драгоценными камнями, портреты царя в богатых оправках из золота и серебра с бриллиантами или другие драгоценные «безделушки». Все эти драгоценности для подарков специально ежегодно закупались министерством. При желании вместо драгоценной вещи даритель мог получить его денежный эквивалент в соответствии с оценкой, произведенной экспертами. Министерство очень строго следило, чтобы не было отступлений от вышеописанной процедуры. Не был исключением и Антиохийский патриарх Григорий IV. В архивных документах есть упоминания о подобных компенсациях лицам, сопровождавшим патриарха, а также тем церковным деятелям (священникам и настоятелям монастырей), которые послали с патриархом Григорием дары российскому императору. К сожалению, нам пока не встретился документ относительно точной суммы компенсации, полученной патриархом за подаренные им древние рукописи.

⁶⁰ В архивных документах нам пока не удалось обнаружить сведения о научных занятиях графини П. Уваровой.

Рис. 26. Два пальмирских рельефа. Государственный Эрмитаж, фото автора

Пальмирские рельефы патриарха Григория IV

Последний дар Антиохийского патриарха поступил в наш музей уже после его отъезда из России. Директор Императорского Эрмитажа граф Д.И. Толстой 1 февраля 1914 г. послал рапорт под № 80 министру Императорского Двора: «Его Блаженство патриарх Антиохийский Григорий, будучи в прошлом году в Санкт-Петербурге, доставил в Императорский Эрмитаж подносимые им Его Императорскому Величеству, для хранения в Эрмитаже, два пальмирских надгробных рельефа с арамейскими надписями. Оба эти рельефа исполнены весьма тщательно и прекрасной сохранности, а так как в коллекции древностей Эрмитажа до сих пор хранился только один надгробный рельеф из Пальмиры, то дар патриарха Григория является очень ценным приращением коллекции. В виду сего имею честь обратиться к Вашему Сиятельству с почтительнейшею просьбою об исходатайствовании соизволения Его Императорского Величества на принятие этого щедрого дара патриарха и Высочайшей благодарности Его Блаженству. 2-й Обер-Церемониймейстер граф Д. Толстой»⁶¹.

Министр представил доклад императору Николаю II 5 февраля 1914 г., на котором тот собственноручно начертал «Согласен»⁶². И уже 14 февраля 1914 г. патриарху Григорию IV было послано письмо за № 2072 с благодарностью за поднесенные им два пальмирских рельефа⁶³. Оба предмета сохранились до наших дней в коллекции Эрмитажа. Один памятник – это стела (высотой 49 см) с изображением мужчины (инв. № ДВ-4175). Второй – стела (высотой 53 см) с изображением женщины с ребенком (инв. № ДВ-4176) (рис. 26). Во время Первой мировой войны и революционных событий, когда большинс-

⁶¹ РГИА, ф. 472, опись 43 (511/2840), дело 120, л. 84.

⁶² РГИА, ф. 472, опись 43 (511/2840), дело 120, л. 85.

⁶³ РГИА, ф. 472, опись 43 (511/2840), дело 120, л. 87.

тво эрмитажных сокровищ было эвакуировано в Москву, эти пальмирские стелы оставались в кладовых музея. Когда в 1918 г. Эрмитаж открыл для публики несколько залов, выставив неэвакуированные памятники, то дар патриарха Григория IV как раз пришелся кстати. В Отчете музея за 1918 г. сообщалось: «из предметов, хранившихся в кладовых Отдела [древностей], были выставлены для обозрения пальмирские надгробные плиты, пожертвованные патриархом Антиохийским, египетские стелы христинской эпохи из собрания В. Г. Бока; <...>» (цит. по Мавлеев 2005: 32). С тех пор они постоянно находятся на экспозиции Отдела Востока Эрмитажа.

И.Ю. Крачковский и коллекция арабо-христианских рукописей Григория IV

Отдельный, весьма важный и интересный сюжет – судьба и история изучения рукописей, подаренных Антиохийским патриархом (рис. 27).

Еще во время своей научной поездки на Восток в 1908-1909 гг. для изучения арабского языка и древних рукописей И.Ю. Крачковский предпринял неудачную попытку ознакомиться с прославленной библиотекой патриарха Григория IV. Вот как он сам описал это в книге «Над арабскими рукописями»: «про нее [библиотеку Антиохийского патриарха Григория IV. – П.Ю.] ходили самые фантастические слухи и многие называли всякие диковинки, которые якобы там имелись, но всегда с какой-то усмешкой добавляли, что Хаддад хитер и перехитрит всякого, лишь бы не показать своих сокровищ. <...> Моя первая поездка в Дамаск все же оказалась неудачной; патриарх находился где-то в отъезде. Злые языки передавали мне потом, что он вернулся в тот самый день, как [я] уехал».

Летом 1909 г. И.Ю. Крачковский предпринял вторую поездку в Дамаск, специально для встречи с патриархом Григорием IV и в надежде ознакомиться с рукописями его библиотеки. Поездка эта была не совсем случайной. Как мы уже знаем, весной 1909 г. в Каире на Международном археологическом съезде И.Ю. Крачковский встретился с Е.М. Придилом и Б.В. Фармаковским, которые имели специальное поручение от министра императорского двора барона В.Б. Фредерикса. Поручение касалось их поездки в Дамаск для неофициальной встречи с Антиохийским патриархом Григорием IV. Судя по замечанию в письме Б.А. Тураеву от 1 ноября 1909 г., И.Ю. Крачковский был осведомлен как о миссии Б.В. Фармаковского и Е.М. Придика, так и о желании патриарха Григория IV передать в Россию археологические предметы и древние рукописи (Шаров 2009: 11). И насколько мог – он способствовал своими советами успешному выполнению миссии.

Приехав в Дамаск летом 1909 г., И.Ю. Крачковский обратился за содействием к русскому консулу князю Б.Н. Шаховскому и с его помощью получил официальную аудиенцию у патриарха. На ней он добился второго, уже частного приема, во время которого смог поговорить о знаменитой библиотеке патриарха. «От разговора о рукописях на этот раз он [патриарх Григорий IV. – П.Ю.] все же уклониться не мог и, беседуя о них, обнаруживал несомненное знакомство с литературой, главным образом арабов-христиан, что в тот момент было для меня особенно важно. На вопросы, которые я ставил по временам в упор, он отвечал все-таки уклончиво, иногда с какой-то очень мне не нравившейся скрытой усмешкой: «Кажется, у меня это есть», «Слышал я, что имеется как будто бы в Алеппо», «Кто-то мне показывал», говорил он. Когда я, не утерпев, сказал, какие слухи ходят у нас о рукописи путешествия [патриарха. – П.Ю.] Макария 1700 года, [рукопись считалась сгоревшей во время резни христиан в Дамаске в 1860 г. – П.Ю.] опять на его устах промелькнула сдержанная улыбка, и он полузагадочно заметил: «Ну что ж, не все

рукописи тогда сгорели». Так и в этот день ничего мне не было показано: во внутреннем помещении шел якобы ремонт и книги были сложены в ящиках». Однако И.Ю. Крачковскому все же удалось добиться от патриарха обещания ознакомиться с его библиотекой. Патриарх пообещал: «я скажу, чтобы завтра ящики открыли, и в четверг вам покажут все, чем наградил Аллах дом этого бедняка [то есть патриарха Григория IV]». Но Григория Хаддада недаром называли большим хитрецом. Когда в назначенный день И.Ю. Крачковский пришел в резиденцию патриарха, ему любезно сообщили: «Его Блаженство вчера уехал на север патриархии и боялся, что без него вам не сумеют по-настоящему показать рукописи, так что не велел их раскрывать» (Крачковский 1955: 40-42). Трудно достоверно сказать, чем было вызвано такое поведение патриарха, который именно в это время вел переговоры с князем Б.Н. Шаховским, Е.М. Придилом и Б.В. Фармаковским о передаче рукописей из своей библиотеки на хранение в Россию. Возможно, патриарх действительно не желал преждевременной огласке сведений о «своих дипломатических козырях», как это предположил В.В. Полосин (Полосин 2009: 86, примеч. 65). Однако, скорее всего, осторожный патриарх не желал огласки, боясь противодействия турецких властей, поскольку планируемая передача древних рукописей не была легальной.

Когда в 1913 г. патриарх Григорий IV приехал в Санкт-Петербург на празднование 300-летия Дома Романовых, он неоднократно высказывал желание встретиться с И.Ю. Крачковским. Однако последний, помня историю в Дамаске, не ответил на приглашение. После отъезда Григория IV из Санкт-Петербурга стали настойчиво циркулировать слухи, что патриарх подарил русскому царю какие-то книги и рукописи, которые поступили в библиотеку Зимнего дворца. Как мы уже знаем, слухи эти были правдивы. В своей книге «Над арабскими рукописями» И.Ю. Крачковский написал: «Нелегко было мне – молодому приват-доценту – проникнуть туда [в библиотеку Зимнего дворца – П.Ю.]; все же настойчивость Академии наук, поддержавшей мои стремления, помогла преодолеть все препоны, чинимые Министерством Двора, полицией и дворцовой охраной. Я получил разрешение являться в определенные часы, конечно, если царской семьи не было в Петербурге. Сложными подвальными переходами, в сопровождении особой охраны доставляли меня в помещение библиотеки, где я поступал уже под наблюдение библиотечного штата. Во главе библиотеки стоял тогда сановник-камергер [гофмейстер В.В. Щеглов. – П.Ю.], бывавший не каждый день; его помощником являлся какой-то полковник [помощником заведующего был Л.А. Богданович, а сотрудником – подполковник И.Н. Останков; видимо именно последнего имеет в виду И.Ю. Крачковский. – П.Ю.]; обоим цель моих

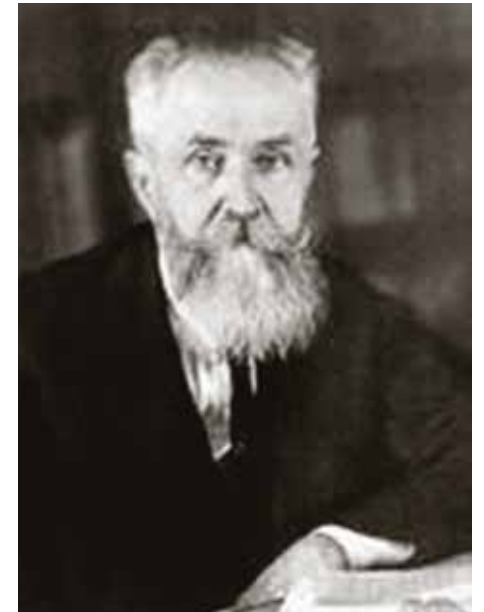

Рис. 27. Портрет востоковеда И.Ю. Крачковского (1883-1951). Фото из архива автора

занятий казалась недостаточно ясной. Может быть, поэтому за стол напротив меня сидел чиновник с французским романом, внимательно следивший за тем, что я делаю. Условия работы были мало удобны: выдавалось не более одной рукописи, и вторично ту, которая уже просматривалась раньше, нельзя было получить. Листы были, конечно, не перенумерованы, что крайне усложняло ссылки; почему-то не разрешалось даже измерять формат рукописи. Никаких пособий в библиотеке не было, и приносить с собой ничего не позволялось. Все сделанные заметки тщательно просматривались и не всегда сразу выдавались, как я потом случайно узнал, чтобы иметь срок для проверки экспертом, не кроется ли в моих арабских записях какого-нибудь шифра. Все эти стеснения мною были, однако, забыты почти с того момента, как в руки попала первая рукопись, и я стал лихорадочно торопиться с просмотром, чтобы поскорее узнать, какую неожиданность таит следующая. <...> Работа в Зимнем дворце двигалась медленно: она часто прерывалась приездами царской семьи или невозможностью являться в те часы, которые для меня назначались каждый раз по-иному. Все же <...> к лету 1914 года предварительный список дворцовой коллекции был в общем закончен; каждую минуту я чувствовал, что ей в Зимнем дворце совсем неподходящее место» (Крачковский 1955: 42-43).

Архивные документы показывают реальную ситуацию с получением И.Ю. Крачковским разрешения для работы над рукописями в Зимнем дворце. Они свидетельствуют, что особых сложностей с получением разрешения не было. Однако бюрократическая процедура прохождения документов по инстанциям действительно заняла более месяца. Императорская Академия наук обратилась 20 января 1914 г. к министру Императорского Двора с просьбой допустить И.Ю. Крачковского к описанию восточных рукописей патриарха Григория IV (рис. 28, 29). В свою очередь, Канцелярия Министерства Императорского Двора 30 января направило прошение Академии наук к В.В. Щеглову, заведующему Собственными Его Величества Библиотеками в Зимнем дворце, и уже 1 февраля получила его положительный ответ. Кроме того, по существующему правилу, министр императорского двора должен был получить специальное разрешение императора Николая II на описание рукописей И.Ю. Крачковским, поскольку они составляли личную собственность императора. О полученном от Николая II разрешении было сообщено 11 февраля в Канцелярию Министерства Двора и одновременно в Академию наук. В соответствии с этим 13 февраля было отдано распоряжение полицмейстеру Зимнего дворца князю И. Ратиеву о допуске И.Ю. Крачковского к занятиям в библиотеке. Затем, 4 марта 1914 г., Академия наук выдала удостоверение о командировании И.Ю. Крачковского для работы в библиотеках Зимнего дворца. Наконец весной 1914 г. он смог приступить к изучению рукописей (Pyatnitsky 2011: 143-144, Appendix 1).

В результате занятий И.Ю. Крачковского в библиотеке Зимнего дворца весной 1914 г. им было составлено предварительное описание коллекции. «Выдающееся значение коллекции тогда же убедило меня, – писал он позднее, – в желательности дать обстоятельный каталог с анализом каждой рукописи в отдельности и с более или менее обширными выписками из наиболее ценных. В частности, целый ряд неизвестных или малоизвестных сочинений патриарха Макария (рис. 30, 31) побудил меня собрать сведения о других его произведениях, находящихся в Западной Европе. Воспользовавшись летней командировкой 1914 г. за границу, я в июне месяце обследовал отдельные рукописи Макария, сохранившиеся в Лейпциге и Халле» (Крачковский 1960: 427-428). Над составлением каталога И.Ю. Крачковский работал в «скромном помещении Deutsche Morgenländische

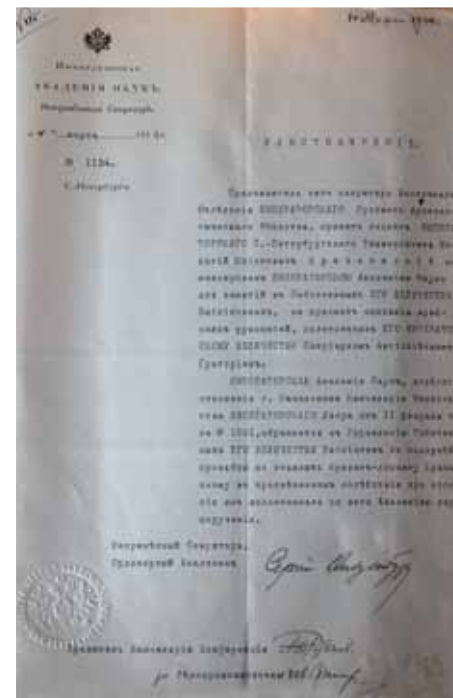

Рис. 28. Ходатайство Академии наук о допуске И.Ю. Крачковского к работе над рукописями из коллекции патриарха Григория IV. Январь 1914 г. Архив Государственного Эрмитажа, фото автора

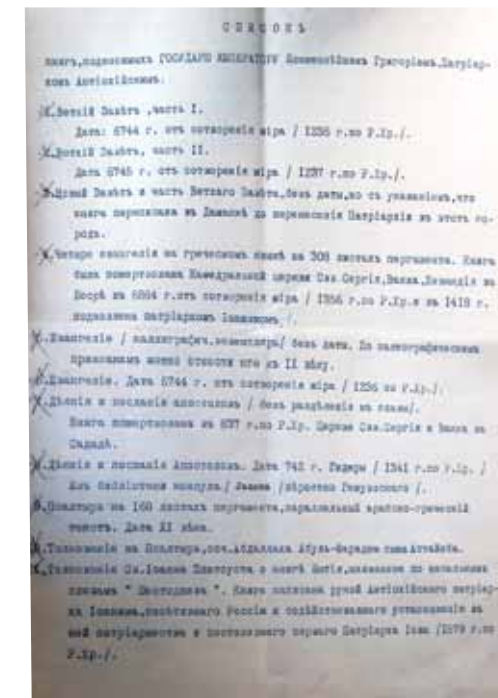

Рис. 29. Список арабо-христианских рукописей, поднесенных патриархом Григорием IV императору Николаю II. Архив Государственного Эрмитажа, фото автора

Gesellschaft в Халле, где – как он вспоминал – часто бывал единственным посетителем и должен был уходя класть ключ на условленное место, и [работал. – П.Ю.] в уютной тихой комнате университетского Legati Warneriani в Лейдене» (Крачковский 1955: 45). «К половине июля во время пребывания в Лейдене каталог был совершенно закончен, но обстоятельства военного времени заставили оставить его вместе со всем багажом и другими работами в Голландии» (Крачковский 1960: 427-428).

Известие о войне застало Крачковского с женою в Гааге. Они вынуждены были вернуться в Лейден, поселиться в пансионе и искать способы возвратиться на родину. Решив финансовые проблемы, супруги Крачковские 10 августа 1914 г. выехали из Лейдена в Стокгольм через Лондон, Нью-Касл и Берген. Книги и рукописи они вынуждены были оставить в Лейдене у слависта Ван Вейка (Долинина 1994: 133). Не очень понятно, были ли или нет в последствии переправлены в Россию рукописи И.Ю. Крачковского. Однако в архиве ученого следов каталога, о котором он упоминает, обнаружено не было (Полосин 2009: 74, примеч.11).

К вопросу о значении коллекции патриарха Григория IV и ее судьбе И.Ю. Крачковский вернулся в революционный период 1917-1918 гг. Он написал специальную записку-рапорт в Академию наук, которая в 1914 г. ходатайствовала о его допуске к изучению

этих рукописей в резиденции императора. На заседании отделения исторических наук и филологии Академии наук 8 марта 1917 г. академик Н.В. Марр зачитал эту записку. Приведем ее текст:

«В 1913 году патриарх Антиохийский Григорий IV, приезжавший на празднование юбилея Дома Романовых, поднес в дар императору Николаю II собрание арабских рукописей. Это собрание было передано в Собственные Его Величества Библиотеки в Зимнем дворце и до последнего времени было доступно лишь с большими затруднениями даже для специалистов, тем более что работа усложнялась отсутствием каких бы то ни было пособий в упомянутой библиотеке.

Собрание не богато количественно, - оно включает около 40 томов, - но составляет единственную в мире коллекцию памятников христианско-арабской письменности. Рукописи собирались в течение всей жизни самим патриархом, большим знатоком этой литературы, и только этим обстоятельством можно объяснить то, что в качественном отношении собрание оставляет позади себя берлинскую, лондонскую и парижскую библиотеки, не уступая даже единственным в своем роде собраниям Ватикана и Бейрута.

Среди рукописей представлены почти все отрасли христианско-арабской письменности. В отделе Священного Писания заслуживает особого упоминания трехтомная Библия 11 века – первая по времени полная редакция среди всех известных специалистам. Одна рукопись Евангелия – автограф Павла Алепского, автора описания путешествия патриарха Макария, приезжавшего в Россию при [царе] Алексее Михайловиче. Среди сочинений богословских выделяется целый ряд произведений писателя 11 века Абдаллаха Антиохийского, в большинстве случаев неизвестных до сих пор. Столь же важен перевод «тактикона» Никона Черногорца, существующий только в одной ватиканской рукописи. К более позднему времени относятся богословско-полюемические трактаты Ильяса Фахра, деятеля антиохийского патриархата эпохи унии с Римом. Еще богаче представлена историко-географическая литература, среди которых имеется описание путешествия в Россию патриарха Макария – древнейшая рукопись, считавшаяся погибшей при пожаре Дамаска в 1860 году. Другой сборник историко-географических сочинений того же патриарха Макария по некоторым соображениям можно считать автографом. Впервые благодаря этому собранию поступают в Россию старые рукописи некоторых сочинений, над которыми работал епископ Порфирий Успенский: история Михаила Брека и др[угие]. Гомилетика представлена хорошей рукописью проповедей несторианского патриарха Абу Халима III; духовная поэзия – собранием стихотворений митрополита Сулеймана газского, произведения которого до сих пор не попали в Европу. Светская литература христиан тоже не забыта: в собрании есть несколько филологических сочинений маронитского митрополита Германа Фархата, и в высшей степени важный сборник трактатов по окулистике, составленный одним христианским врачом и заключающий несколько уникалов.

Выдающаяся научная ценность собрания настоятельно требует от русской науки помещения его в условиях, благоприятных для исследования специалистами. Таким условиям наиболее удовлетворяют, конечно, Азиатский музей Академии наук, Публичная библиотека и Университет»⁶⁴.

По просьбе И.Ю. Крачковского академик Н.В. Марр поднял вопрос о возможности передачи коллекции восточных рукописей патриарха Григория IV из библиотеки Зимне-

Рис. 30. Портрет Макария, патриарха Антиохийского. Фото с литографии XIX в. из архива автора

Рис. 31. Обложка книги «Путешествие патриарха Антиохийского Макария в Россию»

го дворца «в одно из национальных хранилищ восточных рукописей» – Азиатский музей или Публичную библиотеку. Академия наук приняла решение «просить Временное правительство о передаче указанных рукописей в Азиатский музей». Соответствующее письмо за № 941 было направлено 15 апреля 1917 г. Непременным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом Временному правительству.

На заседании отделения исторических наук и филологии Академии наук 19 апреля 1917 г. был зачитан ответ на это обращение: «Комиссар Временного Правительства над бывшим Министерством [Императорского. – П.Ю.] Двора и Уделов письмом от 17 апреля за № 0911 сообщил Непременному секретарю: <...> считаю своим долгом Вас

⁶⁴ СПФ АРАН, ф. 1, опись 1а-1917 г., дело 164, протоколы 5 заседания 8 марта 1917 г.

уведомить, что просьба Ваша относительно передачи арабских рукописей из библиотек б[ывшего] Государя в Азиатский музей Академии наук и о включении в состав комиссии по разбору библиотек библиотекаря Академии г[осподина А.И.] Срезневского будет мною своевременно принята во внимание, когда решится вопрос о судьбе названных библиотек»⁶⁵. Однако никаких реальных действий со стороны Временного правительства не последовало.

После большевистской революции 1917 года (или «октябрьского переворота», как официально называли это событие в Академии наук вплоть до 1924 г.), Академия повторила свое ходатайство осенью 1918 г. и оно, наконец, было удовлетворено (Крачковский 1960: 424). По решению Библиотечной секции Комиссариата по охране памятников искусства и старины от 8 февраля 1919 г. за № 183/15 арабские рукописи были переданы из Зимнего дворца в Азиатский музей Академии наук. Передача проводилась по списку, составленному И.Ю. Крачковским, который сохранился в архиве Эрмитажа⁶⁶. В начале февраля 1919 г. рукописи были перевезены в Азиатский музей И.Ю. Крачковским, который в это время уже был хранителем Ближневосточного отдела Азиатского музея. В своей книге «Над арабскими рукописями» И.Ю. Крачковский писал об этом: «в морозный зимний день, в феврале 1919 года, я самолично с одним учеником и помощником на саночках по опустевшим улицам безлюдного Петрограда перевез все сорок рукописей, бережно закутав их в тулупы, в старое помещение Азиатского музея у академического здания с колоннами» (Крачковский 1955: 45). Вскоре Азиатский музей был переведен в новое здание Библиотеки Академии наук на Биржевой линии Васильевского острова, а впоследствии музей был преобразован в Институт востоковедения Академии наук и перемещен в новое помещение на Дворцовой набережной, 18, недалеко от Зимнего дворца. Там, в Институте востоковедения (ныне – Институт восточных рукописей) Академии наук, в бывшем великокняжеском Новомихайловском дворце, коллекция рукописей патриарха Григория IV хранится и сегодня (Арабские рукописи 1986; Polosin *et al.* in print).

В Азиатском музее в 1919 г. И.Ю. Крачковский вновь вернулся к изучению арабо-христианских рукописей Григория IV. Он вспоминал: «...все манускрипты теперь прошли вновь уже буквально через мои руки. Я мог работать над ними досыта и не спеша, совершенно в других условиях, чем в Зимнем дворце. <...> Радость моя омрачалась только тем, что первоначальный список со всеми извлечениями остался в Голландии и <...> другие работы не позволили мне продолжить намеченный Catalogue raisonné, и я опубликовал только краткую опись» (Крачковский 1955: 45). В предисловии к описи И.Ю. Крачковский объяснил причины, по которым он не смог вернуться к составлению подробного научного каталога: «проделать вторично ту же самую работу было слишком тяжело по психологическим условиям, и, кроме того, она при всех усилиях оказалась бы неполной без материалов, оставленных в Голландии» (Крачковский 1960: 428). Однако и в кратком виде публикация И.Ю. Крачковского имела большое научное значение, как первое сообщение в печати о редких памятниках христиано-арабской письменности.

Текст «краткой описи» предназначался для публикации в 7-м томе журнала «Христианский Восток», который должен был выйти в 1924 г. Существовал корректурный экземпляр тома, но он так и не вышел из типографии. Однако И.Ю. Крачковский имел 95

оттисков своей статьи из этого неопубликованного тома. Позднее, в 1927 г., он отдал этот же текст для публикации во 2-й том журнала «Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе». Затем статья была включена в Собрание избранных сочинений И.Ю. Крачковского, изданное Академией наук СССР в 1955-1960 гг. Для последней публикации текст был исправлен и дополнен по заметкам самого И.Ю. Крачковского, сделанным на полях оттиска статьи 1924 г., сохранившегося в личной библиотеке ученого (Крачковский 1960а: 423-444, 626).

И.Ю. Крачковский высоко оценивал дар патриарха Григория IV. Он считал, что благодаря ему Санкт-Петербург стал обладателем уникальной коллекции арабо-христианских манускриптов, равной коллекциям Парижа и Ватикана. Особый интерес представляют произведения Абдаллаха ибн ал-Фадла Антиохийского и рукописи, связанные с Антиохийским патриархом Макарием. В коллекции Григория IV есть одна греческая пергаментная рукопись Евангелия (современный шифр D 227), по-видимому, XI в., которая имеет приписку 1344 г. о пожертвовании ее в церковь Святых Сергия, Вакха и Леонтия в Босре, а также приписку 1418 года о реставрации этой рукописи патриархом Иоакимом.

В арабской части коллекции можно выделить несколько рукописных сборников, содержащих как христианские, так и мусульманские сочинения. В этом аспекте особую ценность представляет сборник № 42 (современный шифр С 875), содержащий трактаты по окулистике. Сборник был составлен иерусалимским врачом в 551 г.х./1155 г. Собственно мусульманская часть коллекции немногочисленна и включает комментарий Ради ад-дина Астрабадского на грамматический трактат «Ал-Кафию» Ибн ал-Хаджиба (современный шифр С 873), который датируется 739 г.х./1287 г.; описание путешествия дамасского мистика Абд ал-Гани ан-Набулуси по Сирии, Египту и Аравии (современный шифр В 1231), рукопись датируется 1204 г.х./1789 г.; синонимический словарь Абу Исхака Ибрахима ал-Аджадби (современный шифр В 1232), рукопись XIX в.; примечания ал-Джурджани на комментарий ал-Исфакани к метафизике ал-Байдави (современный шифр В 123), рукопись XIX в.

Наиболее важной и ценной является христианская часть коллекции. В ней представлены Библия, догматика, апологетика, церковная история и география, духовная поэзия, филология, естественная история, медицина. Следует подчеркнуть, что преобладают датированные рукописи и это чрезвычайно важно для арабско-христианской палеографии. Одним из уникалов является трехтомная Библия (современный шифр D 226) (Арабские рукописи 1986, № 10367), которая была написана в 1235-1238 гг. в Дамаске Саввой Лавриотом (в миру Пимен Дамасский). Он копировал более древний оригинал – Библию 1022 г., написанную в Антиохии. Савва Лавриот (Пимен Дамасский) сделал на листах Библии несколько записей с датами окончания работы (переписки текста). В конце книги Бытия (том 1, лист 35) есть запись с датой 17 декабря 6744/1235 г.; в конце книги Левит (том 1, лист 76) имеется аналогичная запись с датой 4 января 6744/1236 г.; в книге Пророков (том 2, лист 144) – запись 24 января 6745/1237 г.; в книге Иова (том 2, лист 158) – запись середины февраля 6745/1237 г.; в конце второй книги Маккавеев (том 3, лист 16 оборот) – запись от февраля 6746/1238 г. Большая часть третьего тома Библии, начиная с книги Товия и почти весь Новый Завет, написаны другим писцом, который в двух недатированных записях на листах 214 и 258 третьего тома Библии также называет себя «жителем Дамаска». Кроме того, на листах этой трехтомной рукописной Библии есть не-

⁶⁵ СПФ АРАН, ф. 1, опись 1а-1917 г., дело 164, протоколы 7 заседания 19 апреля 1917 г.

⁶⁶ Архив ГЭ, ф. 2, опись XIV-А, 1919 год, дело 1, л. 1-2об. Подлинник.

сколько интересных записей XVI-XVII вв., которые сообщают, что рукопись в XVI – начале XVII вв. находилась в Триполи в собственности одного местного «магната», а затем его рода. В 1-м томе эти надписи находятся на листе 59 оборот (две записи 7047/1539 г. и 7069/1561 г.), во 2-м томе – на листе 222 (запись 7117/1609 г.), а в 3-м томе – на листе 145 оборот (две записи 7061/1553 г. и 7116/1608 г.). Запись во 2-м томе на листе 1а сообщает, что в январе 7126/1618 г. Библия была пожертвована в монастырь Баламанд Сулейманом Джурджи, секретарем Юсуфа Паши Сифа и родоначальником знаменитой литературной фамилии ал-Йазиджи. Во 2-м томе имеются также две интересные записи: на листах 144-145 расположена большая надпись о междоусобиях в Дамаске в 7196/1688 г., а на обороте листа 158 – надпись о событиях в монастыре Баламанд в 7198/1690 г. В целом на листах трех томов Библии имеется много надписей и автографов исторических лиц, представляющих большой интерес как для истории этой Библии на протяжении XIII – начала XX вв., так и для истории Антиохийской патриархии. В частности, можно упомянуть, что в 1-м томе на листе 99 имеется запись 7180/1672 г., представляющая собой автограф Ханани, внука знаменитого Антиохийского патриарха Макария. В 1-м томе, который включает тексты от Книги Бытия до Псалтири, имеются несколько грубоватых по исполнению миниатюр: на листах 77 оборот, 100, 219 оборот, 236 оборот. Этой Библии И.Ю. Крачковский посвятил специальную статью, опубликованную в 1925 г. и переизданную в 1960 г. (Крачковский 1925: 84-87; переиздано Крачковский 1960а: 472-477, 627). В статье он поставил вопрос о том, что именно эта трехтомная Библия была источником для арабской Библии, написанной в 7087/1579 г. в Триполи *цереем* Давидом по поручению посланного в Сирию иезуита Джованни Баттиста Элиано. Рукопись 1579 г. хранится в Ватикане, и по ней в 1671 г. была напечатана первая полная Библия на арабском языке (Крачковский 1925: 84; переиздано Крачковский 1960а: 472). Дискуссия, поднятая в этой статье И.Ю. Крачковским, недавно была продолжена российским востоковедом из Санкт-Петербурга В.В. Полосиным (Полосин 2009: 71-91). Следует отметить, что именно И.Ю. Крачковский в своей статье дал первую сводку сведений о Савве Лавриоте (Пимене Дамасском), которая была дополнена В.В. Полосиным (Полосин 2009: 76-78).

Несомненно, большой интерес представляют роскошный экземпляр «Послания и деяния апостольские» 742/1341 г. с заставками и золотым декором, написанный для европейского, вероятно генуэзского, консула Ясома (современный шифр D 228), и пергаментная псалтирь с параллельным греко-арабским текстом, вероятно XI в. (современный шифр C 868). Несколько рукописей связаны с именами патриарха Макария Антиохийского и его сына Павла Алеппского. В первую очередь это дамасская рукопись 1700 г. «Путешествия патриарха Макария в Россию», та самая, которая считалась сгоревшей во время резни в Дамаске в 1860 г. (современный шифр B 1230). Четвероевангелие № 6 (современный шифр B 1214) – изящная рукопись, переписанная Павлом Алеппским в 1654 г. в Коломне, где он вместе с патриархом Макарием вынужден был находиться несколько месяцев из-за чумы в Москве. Переплет рукописи имеет серебряный декор русской работы XVII столетия (Морозов 2009: 275-286). Рукою Павла Алеппского был переписан Сборник сочинений Абдаллаха Антиохийского (современный шифр B 1219), в котором содержатся приписки о деятельности патриарха Макария и по истории Антиохийской патриархии. Сочинение Абдаллаха Антиохийского имеется и в другом сборнике, составленном и переписанном Павлом Алеппским (современный шифр B 12120). Его руке принадлежит также копия сборника Никона Дивногогорца (современный шифр B 1221) и сборник

7164/1656 г. с отрывками по истории Антиохийских и Александрийских патриархов и Сказанием о Варлааме и Иоасафе (современный шифр B 1228).

Опубликованная на русском языке статья И.Ю. Крачковского не очень широко известна среди западных ученых. Еще менее была известна изложенная выше история поступления коллекции рукописей Антиохийского патриарха Григория IV в Россию (Ryatnitsky 2011: 121-147). Можно надеяться, что данная публикация и находящийся в печати каталог арабо-христианских рукописей, подготовленный сотрудниками Института востоковедения и Института восточных рукописей РАН, устранил эту историческую несправедливость (Polosin *et al.* in print).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арабские рукописи 1986 – *Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог.* Под ред. А.Б. Халидова. Часть 1. М.
- Банк 1956 – А.В. Банк. “Выставка византийских материалов в Государственном Эрмитаже” // *Византийский Временник.* Том XI. СПб., с. 340-348
- Банк 1966 – А.В. Банк. *Византийское искусство в собраниях Советского Союза.* Л.-М.
- Банк 1969 – А.В. Банк. “Византийский складень с перегородчатыми эмальями из Сайданайского монастыря” // *Палестинский сборник.* Вып. 19 (82). СПб., с. 177-182
- Вести 1908 – “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества.* Том XIX. Вып. 2. СПб., с. 323-326
- Вести 1913 – “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества.* Том XXIV. Вып. 1. СПб., с. 102-128
- Вести 1914 – “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества.* Том XXV. Вып. 1. СПб., с. 126-141
- Витте 1994 – С.Ю. Витте. *Воспоминания. Том III. (17 октября 1905-1911. Царствование Николая II).* Таллин-М.
- Гавриил Константинович 2001 – Гавриил Константинович, великий князь. *В Мраморном дворце.* М.
- Герд 2010 – Л.А. Герд. *Русский Афон 1878-1914 гг. Очерки церковно-политической истории.* М.
- Годовое собрание 1907 – “Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 17 декабря 1906 года” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества.* Том XVIII. Вып. 1. СПб.
- Дневники 1991 – *Дневники императора Николая II.* М.
- Долинина 1994 – А.А. Долинина. *Невольник долга.* СПб.
- Залесская 2006 – В.Н. Залесская. *Памятники византийского прикладного искусства IV-VII веков. Каталог коллекции.* СПб.
- Искусство Византии 1977 – *Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки.* Т. 1-3. М.
- Кондаков 1905 – Н.П. Кондаков. *Лицевой иконописный подлинник. Т. 1. Иконография Господа Нашего Иисуса Христа.* СПб.
- Кондаков 1915 – Н.П. Кондаков. *Иконография Богоматери.* Том 2. Петроград
- Крачковский 1925 – И.Ю. Крачковский. “Оригинал Ватиканской рукописи арабского перевода Библии” // *Доклады Академии наук СССР.* Серия В. М., с. 84-87
- Крачковский 1955 – Крачковский И.Ю. “Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях” // *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения.* Том 1. М.-Л., с. 11-148
- Крачковский 1960 – Крачковский И.Ю. “Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха Антиохийского (Краткая опись)” // *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения.* Том VI. М.-Л., с. 423-444
- Крачковский 1960а – И.Ю. Крачковский. *Избранные сочинения.* Том VI. М.-Л.

- Крымский 1971 – А.Е. Крымский. *История новой арабской литературы: XIX – начало XX века*. М. Кунина 1997 – Н.З. Кунина. *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. СПб.
- Летопись 1913 – “Летопись Палестинского Общества” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XXIV. Вып. 2. СПб.
- Мавлеев 2005 – Е.В. Мавлеев. *Вальдгауер*. СПб.
- Морозов 2009 – Д.А. Морозов. “Арабские источники XVII в. из Коломны” // *Коломна и коломенская земля. История и культура. Сборник статей*. Составители А.Г. Мельник, С.В. Сазонов. Коломна, с. 275-286
- Полосин 2009 – Вал.В. Полосин. “Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (Возвращение к давнишней дискуссии)” // *Христианский Восток*. Том 5 (XI). Новая серия. М.
- Померанцев 1906 – И. Померанцев. “Блаженнейший Мелетий, патриарх Антиохийский. Некролог” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XVII. Вып. 2. СПб., с. 246-288
- Померанцев 1907 – И. Померанцев. “Блаженнейший Григорий IV, новый патриарх Антиохийский” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XVIII. Вып. 1. СПб., с. 115-159
- Померанцев 1909 – И. Померанцев. Примирение восточных патриархов // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XX. Вып. 4. СПб., с. 568-599
- Пятницкий 1996 – Ю.А. Пятницкий. “Мелькитские иконы в собрании Эрмитажа” // *Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга. Тезисы докладов*. СПб., с. 44-46
- Пятницкий 1998 – Ю.А. Пятницкий. “Живопись Сиро-Палестинского региона” // *Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. [Каталог выставки]*. СПб., с. 108-117
- Пятницкий 1999 – Ю.А. Пятницкий. “К истории поступления в Эрмитаж византийского триптиха из монастыря Сайданая” // *Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга*. СПб., с. 51-54
- Пятницкий 2008 – Ю.А. Пятницкий. “Византийский эмалевый триптих из монастыря Сайданая в коллекции Государственного Эрмитажа. Происхождение и история изучения” // *Византия в контексте мировой культуры. К 100-летию со дня рождения Алисы Владимировны Банк. 1906-1984. Материалы конференции*. СПб., с. 182-203
- Романовские дни 1913 – “Романовские юбилейные дни (хроника празднеств 21-23 февраля 1913 года)” // *Исторический Вестник*. Март 1913. СПб., с. 9-46
- Световостоков 1908 – И. Световостоков. “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XIX. Вып. 1. СПб., с. 142-181
- Световостоков 1909а – И. Световостоков. “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XX. Вып. 1. СПб., с. 101-153
- Световостоков 1909б – И. Световостоков. “Вести с Православного Востока” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XX. Вып. 4. СПб., с. 633-639
- Соколов 1913 – И.И. Соколов. “Антиохийская церковь. Очерк современного её состояния” // *Сообщения Императорского Православного Палестинского общества*. Том XXIV. Вып. 2. СПб., с. 145-148
- Успенский 1902 – Ф.И. Успенский. “Археологические памятники Сирии” // *Известия Русского Археологического Института в Константинополе*. Том VII. София, с. 93-212
- Фирсов 2007 – С. Фирсов. *Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II*. СПб.
- Христиане на Востоке 1998 – *Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. [Каталог выставки]*. Научн. ред. М.Б. Пиотровский. Авторы концепции и составители В.Н. Залеская, Ю.А. Пятницкий, И.Н. Уханова. СПб.
- Христианские песнопения 1990 – *Христианские песнопения Пресвятой Царице Небесной, Приснодеве Марии Богородице*. Изд. 3-е. М.
- Хускивадзе 1981 – Л. Хускивадзе. *Грузинские эмали*. Тбилиси
- Шаров 2009 – А.В. Шаров. “Из переписки И.Ю. Крачковского с Б.А. Тураевым” // *Христианский Восток*. Том 5 (XI). Новая серия. М., с. 3-20

- Щеглов 1917 – В.В. Щеглов. *Собственные Его Императорского Величества Библиотеки и Арсеналы. Краткий исторический очерк: 1715-1915*. Петроград
- Щеглов 2012 – Г.Э. Щеглов. *Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова*. Минск
- Якушев 2013 – М.И. Якушев. *Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века*. М.
- Bank 1967 – A.V. Bank. “Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle” // *Proceedings of the XIIIth Congress of Byzantine Studies. Oxford, 5-10 September 1966*. London, p. 235-241
- Bobrov 2007 – Yu. Bobrov. “Late icons as Symbols of Holy Russia: Icons in the Everyday Life of the Russian Royal Family” // *Temple R. The Temple gallery. Russian Icons. Summer 2007*. London, p. 4-9
- Chuskivadze 1984 – L.Z. Chuskivadze. *Medieval Cloisonné enamels at Georgian State Museum of Fine Arts*. Tbilisi
- Klein 2004 – H.A. Klein. *Byzanz, der Westen und das “wahre” Kreuz. Die Geschichte einer Reliquie und ihrer künstlerischen Fassung in Byzanz und im Abendland*. Wiesbaden
- Piatnitsky 2005 – Yu. Piatnitsky. “The Divine light of the Faith and Power” // *Pilgrim Treasures from the Hermitage: Byzantium-Jerusalem. [Exhibition catalogue]*. Amsterdam, p. 18-71
- Piatnitsky 2006 – Yu. Piatnitsky. “Pilgrims’ Eulogias from the Holy Land in the Hermitage Museum Collection, St Petersburg” // *Eastern Christian Art in its Late Antique and Islamic Contexts*. Vol. 2. Leiden, p. 105-119
- Pyatnitsky 2010 – Yu. Pyatnitsky. “A Byzantine Cloisonné triptych in the State Hermitage Museum: From the Monastery of Saydnaya to St Petersburg” // *Eastern Christian Art in its Late Antique and Islamic Contexts*. Vol. 6. Leiden, p. 87-118
- Piatnitsky et al. 2000 – Yu. Piatnitsky, O. Baddeley, E. Brunner, M. Mundell Mango (eds.). *Sinai, Byzantium, Russia. Orthodox Art from the Sixth to the Twentieth Century. [Exhibition catalogue]*. London
- Pyatnitsky 2011 – Yu. Pyatnitsky. “«...Will have their day»: The collection of the Christian Arabic manuscripts of Gregory IV of Antioch in St Petersburg” // *Eastern Christian Art in its Late Antique and Islamic Contexts*. Vol. 8. Leiden, p. 121-147
- Pyatnitsky-Zournatzis in print – Yu. Pyatnitsky, V. Zournatzis. *Epitaphios from the Balamand monastery*. (in print)
- Pilgrim Treasures 2005 – *Pilgrim Treasures from the Hermitage: Byzantium-Jerusalem. [Exhibition catalogue]*. Amsterdam
- Polosin et al. in print – Val. Polosin, VI. Polosin, S. Frantsouzoff, N. Serikoff. *A descriptive catalogue of the Christian Arabic Manuscripts preserved in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Leuven (in print)
- de Tarrazi 1997 – P. de Tarrazi. “Patriarch Gregory IV of Antioch” // *The Word Magazine*. December 1997, p. 15-23

Reinhard STUPPERICH, Paul Alan YULE
(Heidelberg)

ḤIMYARITE PERIOD BRONZE SCULPTURAL GROUPS FROM THE YEMENITE HIGHLANDS

One Ḥimyarite bronze oversized sculptural pair in Greco-Roman style from the Yemenite highlands continually comes to the fore in discussions of the art history of the period, usually embedded in discussions of Hellenistic influence in Arabia. These bronzes identified by their inscriptions as donations by the kings, “Dhamar‘alīy Yuhabirr and his son”, members of the Ḥimyarite clan of Dharānīḥ, have been dated variously by means of palaeography, regnal chronology, but rarely by ‘style’. Others also exist: A pair of nearly life-size heads with elaborate, obviously female hairdos. In addition there is a third, reconstructed, under-life-size equestrian pair. These all came to light in one or more amateur recovery operations. Fragmentary, disjointed, contradictory, unprofessional find accounts must be reconciled with each other. Since the salvaging of fragments of both groups in 1932, the discussion surrounding them has been anarchic with little building on previous knowledge. C. Rathjens’s *Sabaieca*, is our preferred source regarding the provenance of the Ḥimyarite Period large bronzes to be discussed; that author sorted out the contradictory provenance information available to him.

These masterpieces can be re-contextualised, their literature updated. Moreover, not only the sculptural style, but also bronze sculpture’s special style or technique should be considered. The first sculptural group reminds the viewer at first sight of features of some portrait types of members of the Severan dynasty. In any case, Roman imperial portraits provide the best control for the regnal chronology and are commonly used for their dating. The reconstructions of the second and third groups (*infra*) are uncertain. New documentation of the bronze groups requires a methodological shift toward the actual identifying of the models.

The following study is dedicated to colleague of rare personal and academic talent whose publications and vision paved the way for Ḥimyarite studies.

Part 1. The Coregent Sculptural Bronze Pair of Dhamar‘alīy Yuhabirr and His Son Tha’rān

Provenance

Curiously, the statues under discussion have remained largely outside the Mediterranean archaeological discussion, and usually are limited to the local historical context of Old South Arabia. Their erratic documentation, especially provenance, scares off specialists, although they

belong to mainstream classical archaeology. Conflicting versions for the find circumstances can only be partially resolved (Rathjens 1950: 32). The geographer, C. Rathjens’s visits to the Yemenite highlands in 1927/8, 1931, 1934, and 1937/8, provided first information in which he documented in a detailed way archaeological sites and their settings with the means available to him. However, our story begins far earlier.

The 10th century Yemenite writer al-Hamdani described Ġaimān as, “a wonderful castle ... also the necropolis of the famous kings of Ḥimyar” which centuries later remained a topic of much local discussion. With this in mind, in September of 1932 the Imām Yaḥyā ibn Muḥammed Ḥamīd ad-Dīn requested C. Rathjens to excavate at the Ḥimyarite site of Ġaimān in order to establish whether the six *Tabābi‘a* kings (counting from Shammar Yuhar‘ish onward) were buried there (Rathjens 1953: 50). Were all Jewish or just the last one – Yūsuf As‘ar Yath‘ar (Dhū Nuwās)? – a time span, as we today know, of either some 230 or 30 years (Rathjens 1950: 35; 1953: 85).

But before Rathjens could begin, the crown prince, Sayf al-Islām Qāssim, began excavations at Ḥuṣn Ġaimān supported by 300 soldiers (Rathjens 1953: 52-53, fig. 35-36; 121-122, fig. 132). The 1931 date for the excavation (Rathjens 1950: 34) contradicts the 1932 one named in later publications (Rathjens 1953: 50). The crown prince believed to have excavated the tomb of *Tubba‘* As‘ad Kāmil. According to Arab and Jewish traditions, this king was Jewish, which, however, was disputed by the Yemenite Jews of C. Rathjens’s day (Rathjens 1950: 35). In fact, the king Abīkarib As‘ad was Jewish (Robin unpublished a: 197). Complaints by Jewish citizens about the desecration of the tombs of their ancestors were wryly parried by the Imām Yaḥyā who replied that only heathens were identified. But Ḥaḥam Bāshī, upper rabi of the congregation in Ṣan‘ā’, reported that he had definite evidence to the contrary (Rathjens 1953: 85). One wonders what kinds of evidence might have been offered.

When the National Museum in Sharārah Square was established around 1934, the Yemenite royal family donated its collection including most of the bronzes. In this same year H. Schlobies or C. Ansaldi first published pictures of the two coregent bronzes (Schlobies 1934: 243, Abb. 2, 3; Ansaldi 1933: 41-2, fig. 12-4); others followed (*e.g.* Rathjens 1950: Taf. II, Abb. 13, Taf III, Abb. 14) in small, contrast-poor photos of shadowy silhouettes purporting to be bronze statues (fig. 1, 2). For many years their cultural and historical value remained camouflaged for want of adequate documentation and convincing dating criteria. Not textually individually identified was which of the two coregent statues was the father and which the son.

As the information reached him in piecemeal fashion from 1932 to 1938 in different contradictory versions, C. Rathjens described the find circumstances of the two sculptural groups. His final version appears translated as follows: “The large bronze statue and its broken counterpart, both of which are lodged in the museum in Ṣan‘ā’, allegedly were found in Nakhlat al-Ḥamrā’. The two very unique bronze heads of a man and a woman were also once located in the museum in Ṣan‘ā’, of which the latter is now on loan from the British royal family to the British Museum in London [*infra* 2nd part]; on the other hand, these came to light at the crown prince’s second digging site in al-Silā’. Regarding the find-spots of the objects stored in the Ṣan‘ā’ National Museum, disharmony prevailed, whereby the name Silā’, which was now suddenly named to me, only few knew” (Rathjens 1953: 121). However, in a footnote C. Rathjens added subsequently (at the time of publication in 1955), “A study which only now

Fig. 1. Earliest publication of bronze fragments of statue A (Şan‘ā’ National Museum, YM 196; from Schlobies 1934: 243, Abb. 3)

became known to me identifies the ruin landscape of Silā [he writes Zīlah] that he visited in 1938 with Nakhlat al-Ḥamrā’ (cf. Rossi 1938: 280-297). This information emends the 1931 date which Rathjens cited in his first article (Rathjens 1950: 34).

In June of 1938, departing from the north, C. Rossi described the find-spot of the bronzes in the following manner (translated): “At nine o’clock we finally leave the mountain Kanin, at ten o’clock we descend into the valley of Zīlah and at 10:30 arrive in the town of that name. It is a small village on low hill, at whose feet stand some stone houses with shelters for caravans and travelers, the plain runs a *ghail*, which gives rise to numerous gardens and production of fodder crops and cereals, there are plants and acacia shrubs as well. To the south of that hill rises the reddish Nakhlet al- Ḥamrā’ that I go to visit”.

On the flat top of the rise there was a fortified village, traces remain of major foundations, and a subterranean cistern. In 1932 Aḥmad Sayf al-Islām, heir to the throne, performed non-methodical excavations, each of which yielded magnificent bronze statuary of Hellenistic workmanship with a South-Arabian inscription, and various heads and bronze inscriptions, now preserved in the National Museum in Şan‘ā’. In the following volume of *Sabaeica* C. Rathjens reaffirmed this provenance for the coregent statues (Rathjens 1955: 103, 105), casting doubt also on the different provenance of the two bronze heads of our second group.

However, C. Rathjens previously also recounted, “two life-size statues found” in a two-chamber tomb at Ḥuṣn Ġaimān (Rathjens 1950: 34; 1953: 85), evidently a later conflated version regarding the excavation of the two over-life-size statues which we shall discuss shortly. A confirmation of the names of the find-spot (al-Nakhlat al-Ḥamrā’ (the red palms) = al-Zīlah, located close to Şuna‘) followed in yet another commentary (Höfner 1966: 31,

note 61). P. Costa, once archaeological advisor to the government in Şan‘ā’, in his thoughtful study of 1974 regarding the bronze fragments, did not commit himself to the provenance of the two heads of our third group (*infra*), which appear to be a separate find-event, regardless of their find-spot (Costa 1974: 285).

C. Rathjens’s writings are cast in the conceited style of his time (*supra*): complex dependent clauses interdicted with interjected thoughts, double negatives, passive voice, very indirect pronominal references and obfuscating footnote formats – a challenge to follow with an arguable indifference toward the reader. Since subsequently most experts either ignored his rare reports (e.g. Pirenne 1977) or cited them without giving exact page references, it seems that few actually took it upon themselves to penetrate his pithy prose. Again, the war upset the flow of communication, forcing C. Rathjens to publish his account years, even decades, after the fact.

Although the two Ḥimyarite coregents, the two heads of our second bronze group and other related finds are often attributed to the crown prince’s first excavation at Ġaimān or his second excavation at al-Zīlah, we prefer C. Rathjens’s final provenance of al-Zīlah = al-Nakhlat al-Ḥamrā’ over others for both groups. This is because of its nearness to the source, its critical stance toward the sources and its copious detail. C.

Rathjens returned often to the Yemen where he could verify his sources and included maps and plans to elucidate his ideas (for Ġaimān: Rathjens 1953: 121-122, fig. 132; 1955: 245-246). The ancient town (*hgr*) Ykl’ in Sabaic has been identified with al-Nakhlat al-Ḥamrā’ (al-Sheiba 1987: 62). Today Yaklā is the name of a stream (*ḡail*) which irrigates the long valley al-Nakhlat al-Ḥamrā’ (Robin 1987: 136).

Ḥuṣn Ġaimān (Google Earth, UTM 38P, 430734 m e, 16885934 m n alt. 2495 m) lies 17 air km ESE of the centre of Şan‘ā’ and al-Nakhlat al-Ḥamrā’ lies 36 air km south-east of Şan‘ā’ centre (Google Earth, UTM 38P, 426597 m e, 1664078 m n alt. 2616 m). The two lay 25 air km apart, in the 1930s a three hour car trip. Regarding the origin of the finds, authors generally relied on nebulous dealer or non-academic provenances (*infra*). The geographic position of

Fig. 2. Earliest publication of bronze statue B (Şan‘ā’ National Museum, YM 306; from Schlobies 1934: 243, Abb. 2)

Fig. 3. Frontal scan of statue A, h. 2.37 m (RGZM/i3mainz)

Fig. 4. Frontal scan of statue B, h. 2.38 m (RGZM/i3mainz)

al-Hamdani's Himyarite palace site can be located on the archaeological map (Robin-Brunner 1997), refined by means of consulting C. Rathjens's map (Rathjens 1953: 122, fig. 132) together with Google Earth. In 1985 C. Robin visited al-Nakhl al-Ḥamrā' and made photos of the socle of the palace Ṣana' (Robin 1987: pl. 14-15).

These bronze statues of the coregent pair have an exotic air in their area of provenance; but at the same time they are perhaps the most important ancient images of Arabia because, as we will show, they are its two most readily datable ones. Moreover, they are the only Old South Arabian kings' portraits that give individual physiognomy. Otherwise, native Arabian sculptures are hardly intentional portrait likenesses, but rather are general, non-individual and

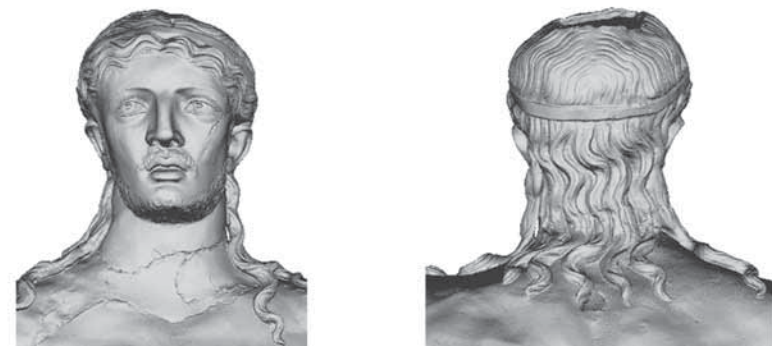
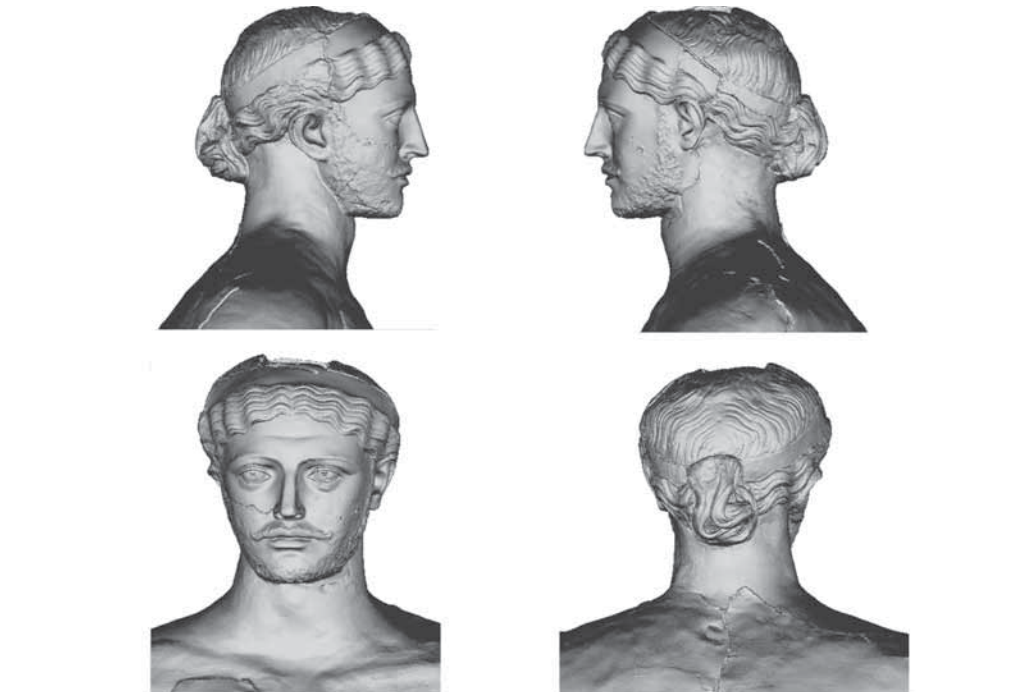

Fig. 5. Scan views of heads of statues A and B (RGZM/i3mainz)

offer the scholar few attributes for a chronology. Although both bronzes were produced for the Himyarite royal house, culturally they are Greco-Roman. Ideal nudity was foreign to Arabian culture (*infra*), not to omit that circumcision was universally practiced in the entire region (Rathjens 1955: 104), but it is missing here.

Over the years after the first publication of 1934, a few more comments accumulated regarding the co-regent statues. C. Rathjens equivocated about the dating of the statues, suggesting a post 3rd century stylistic date, an historic one at the beginning of the 2nd century, as well as the remark that the inscription was “*in sehr spätem Duktus*” (Rathjens 1950: 34). Hardly noticeable in his description, he mentioned a wooden crate which contained the fragments of a second large bronze which he tersely and incorrectly describes as “*spiegelbildlich*” (Rathjens 1955: 103-104). In her *tour de force* (Pirenne 1955) which prescribes a low chronology with all of its consequences for the palaeography of Old South Arabian script, J. Pirenne ignores the inscribed coregent statues which would contradict her proposal. In 1963 the well-known Semitist and historian A. Grohmann summed up the basic information and bibliography regarding the provenance in a more general handbook (Grohmann 1963: 235-236, Anm. 10, Taf. xxii.1 shows only the face of statue A). Other authors commented on the statues which can be noted in passing at least *honoris causa* (Doe 1971: pl. 40, 42; Radt 1973: 15, cat. no. 70a-c, Taf. 25-26; 15, cat. no. 71, Taf. 26-27). Their main contribution lies in raising an awareness of the statues which culminated in the excellent restoration project of the late 1970s, fostered by Wolfgang Radt and Kurt Bittel (pers. comm. from W.W. Müller).

Intuitively, in the first major publication of the coregent statues K. Weidemann first ventured an identification of the figure with shorter hair knotted at the neck and a moustache as the older king (our statue A), the other with long hair and no moustache as the son (Weidemann 1983: 17). In 1977 their bronze fragments reached the Römisch-Germanisches Zentralmuseum in Mainz where they were restored, reconstructed additionally in bronze and copied in a plastic material – an enormously complicated and expensive project (Weidemann 1983). There seem to have been no material analyses of the statues since the necessary instruments were lacking at that time (pers. comm. from Barbara Pferdehirt, 19.09.2013). The 4th century dating cited for the coregents in this influential study derives from an unpublished study of W.W. Müller which appeared abridged in 1979. W.W. Müller corrected the text inscribed on the statues in four places, registered in the RES publication under the number 4708. During the restoration in Mainz a further fragmentary two-line inscription came to light on a bronze “plate” – evidence for a third non-extant statue (Müller 1979: 79). Further W.W. Müller, Dhamar‘alīy Yuhabirr also donated this one. Like the first two statues, the recipients were also members of the clan Dharāniḥ. Whereas this third statue was destined for the house, Aḥram, the first two stood in their palace, Ṣanā‘ (Müller 1979: 79).

Weidemann’s 1983 publication does not mention the possibility of the existence of fragments of a third statue or give a different interpretation of the inscription and excluded a third statue; nor does it comment on the question whether the third statue was just a replica of one of the pair for the palace, Ṣanā‘.

In 1983 with the return of the restored originals (not assembled) and in addition two bronze casts to the Yemen, diplomatic relations between German and the Yemen blossomed. Rumours about the original fragments remaining in Germany are ill-founded.

Fig. 6. Statue A, inscription RES 4708a (RGZM/i3mainz)

Fig. 7. Statue B, inscription RES 4708a (RGZM/i3mainz)

Difficulties in the discussion of the chronology of the coregent pair reflect also a yawning gap between epigraphic/historic and stylistic chronologies. Epigraphically speaking, one knows a good bit about Dhamar‘alīy of the 2nd century but little about his son, Tha‘rān. On the other hand, for the 4th century father and son co-regents just the opposite holds. Reliable catalogue information first appeared in the 1970s (Radt 1973; Costa 1978) which ordered the knowledge which had accumulated regarding the statue pair. Usable photos first became available with Weidemann’s monograph of 1983. That more existed of statue A than just its face (Weidemann 1983: 5, text figure, p. 7, 20 and 26; but cf. Radt 1973: Taf. 25, Abb. 70a-c), became entirely clear with this publication.

A few years later K. Parlasca again summed up the art historical knowledge for our two statues which since had grown considerably (bibliography: Parlasca 1989: 283, note 10). He rightfully excluded a 4th century dating for the two statues: Nude statues were no longer in production at that time.

In the great travelling exhibition on the culture and art of the Yemen of the late 1980s and 1990s, one again finds in the catalogue the identification of the coregents confirmed as Dhamar‘alīy Yuhabirr and his son Tha‘rān. Here W.W. Müller’s original dating has been emended to the “2. oder 4. Jh.” (Seipel 1998: 385-387, cat. nos. 456-457) which reflects the epigraphical mentions of two co-regent pairs with similar names but without regard to their artistic style. More recently S. Antonini re-dated them in the course of a general discussion to between the 2nd and 3rd centuries, based on the, “artistic rendering of the short beard in separated locks shaped as small flames” (Antonini 2012: 112). P. Yule first dated the statues by means of their land titles, using Robin’s regnal chronology as of 2006 and parallels with Severan portraiture to the early 3rd century (Yule 2005; 2007: 127-128; unpublished a: 131).

Fig. 8. Statue B, inscription RES 4708b and Greek inscription

In 2009 B. Jändl re-examined both statue inscriptions (after restoration) in her catalogue study of Old South Arabian metallic inscriptions and updated the recent literature regarding all aspects of the statues (Jändl 2009: 157-158). In 2011 high resolution images of the reconstructed statues casts became available by means of 3D scanning enabled by a cooperation with the Römisch-Germanisches Zentralmuseum in Mainz and the Institute for Spatial Information and Surveying Technology, University of Applied Sciences in Mainz (fig. 3-8). In 2012 they premiered in the Heidelberg travelling exhibition “*Himjar das vergessene Reich in Südarabien*”. The new scans were superior to K. Weidemann’s photos with their reflections and uneven contrast. Moreover, the scan measured all surfaces allowing a better view of the two statues from any angle. Their documentation thus advanced to the point that today they belong to the best documented large Greco-Roman statues available. New superior imagery re-kindled the discussion (Yule 2013a: 130, 138, fig. 7.12a-d).

Most recently, C. Robin did not set out to date the statues, but rather their inscriptions by means of the titles and palaeography, these to the 2nd century (Robin unpublished c: 74-76). He gives to thought (translated), “It should however be noted that two inscriptions of the 4th century are written by individuals using the short titular”. Thus the contradiction of stylistic and 4th century historic datings themselves need to be reconciled. In addition, the palaeographic style of the 2nd/3rd and the 4th centuries differ appreciably (Robin pers. comm.). C. Robin also understands the palaeography of our coregents to clearly predate that of artefacts from Wadi Dura’ in Ḥaḍramawt (Breton–Bāfaqīh 1993: e.g. pl. 11.26, 15.39, 16.44 & 45), late 2nd-3rd century, in any case prior to 300 (Robin pers. comm.).

To date, characterisations of the two bronzes and their properties include “hellenistisch-römisch” (Schlobies 1934: 243), “*hellenistische Kleidertracht*” (Rathjens 1955: 105); “*unrömische Haar- und Bartracht*” (Parlasca 1989: 284); strangely enough “*visage... négroïde*” (Pirenne 1961: 302), “*de type négroïde*” (Ryckmans 1973: 60, Anm. 25); or “*starke negroïde Züge*” (Grohmann 1963: 26), “*in stilistischer Hinsicht... parthisch*” (Parlasca 1989: 285). The main source for this dissension lies in the poor quality and small size of the old published photos (Costa 1974: 286), the newness of the statue pair, and the lack of comparanda (usually epigraphers) which led scholars to rush to judgement on an ethereal ‘influence’. As a result of a front-over fall, the nose of statue B was smashed into the face broadening it and evoking unintentionally what came to be known as a ‘negroid’ physiognomy. Moreover, the moustache of statue A corroded together with the upper lip, thickening it and reinforcing this impression. Its physiognomy and moustache seemed also to reflect Parthian/Iranian taste which along with such clothing and military tactics were *en vogue* in the early centuries of the Common Era (as long established e.g. Yule 2013b: 17).

The Inscriptions on the two Coregent Statues

The chests of both of the bronzes bear the same inscription which enables an identification as the ruling coregents Dhamar’alīy Yuhabirr and Tha’rān, but that of statue A is incomplete (fig. 6) (Jändl 2009: 158-159, citing Robin 1987: 134).

The Sabaic inscription of statue B (fig. 7), *siglum* R 4708a, reads:

1. *ḍmr’ly / yhbr / w-bnhw / ṭ’rn / mlky / sb’ / w-ḍ-rydn / šmy / ḍ-ḥmry / m’ dbt*
2. *hmy / bhl / ’ḥṭr / w-šrḥsmyd / w-mgdm / bny / drnḥ / l-mšwd / bythmw / šn’*

Translation

“Dhamar’alī Yuhabirr and his son, kings of Saba’ and Dhu-Raydān, have had [the two statues] erected, which they have given their clients Bahīl ’Aḥṭar, Šaraḥsumyad and Magdum of the tribe Dharānṭḥ for the reception hall of their house Šana’.”

The first images of the two inscriptions engraved on the knees of statue B appear in Weidemann 1983: 19 in the lowermost two figures:

Siglum R 4708b (fig. 8):

Engraved on the right knee of statue B, Sabaic:

1. *lḥy’ m*
2. *hnšg*

Translation

“Luḥayy’amm has assembled (them)”

Engraved on the left knee of statue B, Greek:

ΦΟΚΑΣ ΕΠΟΙΕΙ

Translation

“Phokas made (this)”

The artist names Phokas and Luḥay’amm, inscribed on the knees of statue B, witness a cooperation of a Greek and a Ḥimyarite in the creation of the two bronzes. Since the inscription states that Luḥay’amm “wove” it, it is clear that he was not just a foundry assistant. More likely he assembled the different parts of the statues (Robert Fleischer, pers. comm.). Otherwise, were he a simple labourer, there would be no reason to mention him. The probable Ḥimyarite identity of the second master and the Sabaic inscription points to a local production for the two statues or at least to the local assembling of the statues. One assumes that two individuals are meant, but they might as well be the same person with a Greek and a second Sabaic name.

Unfortunately there are no indications of the original position in the “reception hall” of the palace, nor of the disposition of the two statues to one another. If there were just these two statues, the most probable position would have been one next to the other, like honorary statues in the Roman world. Assuming that statue A in fact represents the father, as K. Weidemann assumed, it should have had the position of honour on the right hand side. As statue A has a slightly stronger beard, this seems to be the more probable interpretation. The different posture of the two statues does not indicate any difference in status, any hierarchy. Statue B with the right arm behind the back follows the scheme of the Hellenistic so-called ruler from the Museo delle terme, compared already by K. Weidemann (Weidemann 1983: 22), the stance of A being even more common among ruler portraits following classical tradition.

The identification of the two statues with Dhamar’alīy Yuhabirr and a coregent son, Tha’rān is undisputed. C. Robin most recently updated his chronology for the Ḥimyarite dynasties

(Robin unpublished b, which updates Yule 2007: 186, based on Robin unpublished a). Four possible reigns of these coregents have been reduced to two. Important for the chronology is the manner of citing the titles on our two bronzes which evince two land titles: kings of Saba' and Dhu-Raydān. Thus, they must predate Shammar Yuhar'ish (Table 1).

Table 1. Schematic development of selected royal Ḥimyarite titles

King's name	Dating (according to Robin unpublished b)	Titles
'Amdān Bayān Yuhaqbid	?100-120?	King of Saba' and dū Raydān
Dhamar'alī Yuhabirr	?135-175?	King of Saba' and dū Raydān
Tha'rān Yuhan'im	?175-215?	King of Saba' and dū Raydān
Shammar Yuhar'ish	c. 287-311	King of Saba' and dū Raydān and Ḥaḍramawt and Yamnat
Abīkarib As'ad	c. 400-440	King of Saba' and dū Raydān and Ḥaḍramawt and Yamnat and the nomads from Ṭawd and the Tihāma

Coin dating of the coregent statues: Neither the royal names Dhamar'alīy Yuhabirr nor Tha'rān Yuhan'im appear on Ḥimyarite coins, notwithstanding the assertions of C. Ansaldi (Ansaldi 1933: 42) and H. Schlobies (Schlobies 1934: 243) to this effect. The faint resemblances of the figures under discussion and their hairdos with coin images are not suitable for dating purposes (on Ḥimyarite coin chronology see: Yule 2007: 154-155; Kirfel *et al.* 2011) (Table 2; to date none of the authors except P. Yule considered comparisons with Roman portraiture).

Table 2. Development of the arguments for the dating of the two coregent statues or their king

Dating	Author	Argument
"115a.C...e il 270 dopo Cristo"	Ansaldi 1933: 42	not articulated
"2. bis 3. Jh." (both kings)	Schlobies 1934: 243	regnal chronology, coin inscriptions
"Anfang des 2. Jh.", "nach dem 3. Jh.", "sehr später Duktus" for the inscription (both kings)	Rathjens 1950: 34	not articulated
"Mitte des 2. Jhts." (both kings)	Rathjens 1955: 105	Persian-Hellenistic style
"n'existe aucune raison... après le IIIe siècle" (both kings)	Pirenne 1961: 300, 309	historical interpretation, comparison of moustaches
"190-205" (both kings)	Grohmann 1963: 235	regnal chronology
incorrect citation (Parlasca 1989: 284: "320") (both kings)	Garbini 1970: 286-287	regnal chronology
"the beginning 4th century" (both kings)	Costa 1978: 39	regnal chronology
"terminus ante quem non...294 A.D."	Müller 1979: 80	regnal chronology
"Wende vom 3. zum 4. Jh." (Dhamar'alīy Yuhabirr)	Weidemann 1983: 27	regnal chronology

"pre 250" (both kings)	Parlasca 1989: 284	style, type
"c. 145-160" (Dhamar'alīy Yuhabirr)	Kitchen 1994: 209	inscription
"c. 160-170" (Tha'rān)	Kitchen 1994: 210	inscription
"2. oder 4. Jh." (both kings)	Seipel 1989: 385-387	not articulated
"?140-160? & ?160-180? and ?180-200? & ?200-220?" (both kings)	Robin unpublished a: 65	regnal chronology
"?180-200? & ?200-220?" (both kings)	Yule 2007: 127-128	following Robin unpublished a (figural style)
"3rd-4th century" (both kings)	'Aqīl-Antonini 2007: 147-148	not articulated
"Anfang 4. Jh." (both kings)	Jändl 2009: 157-158	following Müller 1979: 79-80
"1st-3rd quarter of 3rd century" (both kings)	Yule 2013: 131	regnal chronology, style, portrait comparisons
"IIe siècle" (Tha'rān)	Robin unpublished c: 74-76	regnal chronology, palaeography
"2nd-3rd century"	Gunter 2005: 171, fig. 37	not articulated

Table 2 shows that rarely are grounds articulated for the dating of the two statues. None are stylistic in the present-day sense of comparing very similar objects and detecting the differences. Table 2 shows that most experts use the regnal chronology first, but few consider a second factor such as portrait style, a special science itself (*infra*).

At first the half-shaven beards of both statues (fig. 5) remind one of the 3rd century so-called soldier emperors' military beard style indicating the emperor's closeness to the common soldiers or even reflecting the imperial propaganda that the emperor was entirely absorbed in defeating invading tribes and did not even have enough time to shave. The two faces appear at first typical of Severan Period portrait sculpture from the time of Caracalla to Severus Alexander, the last Severan emperor (222-235). However, certain details point to an earlier date.

In order to date Roman bronze portraits, normally one would compare the style of hairdo with that of a reigning emperor followed or even imitated by most of his subjects. But the two Ḥimyarite kings are represented with a different hair style that neither reflects that of contemporary Roman emperors nor the tradition of Hellenistic kings except for the royal insignia of the *tainia*, a hair filet, which should have ended in a loop at the back – as the artist probably did not really know this royal sign, he just omitted the loop, as can be seen in the back view of statue B (fig. 5, below).

The hair of both differs completely from that of Roman male portraiture, the artist having borrowed from female or rather from classical Greek hairdo rendering. The front hair is divided in the middle, floating in regular waves to the sides, as witnessed in some copies of late 5th century BCE statues. The strands are marked by continuing grooves with shorter ones in between. In the case of B, the waves are decreasingly regular. But A has a knot which reminds a bit, though not exactly, of the *krabylos* of late archaic athletes still continued in depictions of early

classical gods. Whereas A's long hair ends in this knot, B's hair falls on shoulders and back in long wavy strands, as with statues of Apollo.

Probably the artist intended to create a representation of the traditional hairdo of the Himyarite rulers – which would explain why archaeologists have difficulty with the dating of the coregents. The short hair of the beard was indicated by short slightly irregular strokes, shorter on A, a little bit longer with B; nevertheless the beard of B resembles more a teenager's starting beard than that with upward-pointing moustache's ends of A. In addition, the lower part of A's forehead protrudes slightly, marked by a horizontal crease/groove, which is missing in B. But there are differences in the shape of the nose, the mouth and lips as well.

The mode of rendering the eye pupils is standard for the dating of Roman bronze statues. First during Hadrian's reign did the representation of the eyes in bronze engraved with iris and pupils come into regular use instead by coloured inlays of ivory, glass, marble, or other stones (Lahusen-Formigli 2001: 463, 466-467. For the best images of Roman bronze portraiture are to be found, see p. 462-465, coloured photographs of the many bronze statues' eyes for comparison see p. 466-470). The lunula or better put, bean shape depression is smaller in A, larger in B. These forms do not turn up among the few pre-Hadrianic nor early Antonine portraits, but are common around the reign of Marcus Aurelius up to the beginning of the Severan age, with only a few examples after the turn of the century (Lahusen-Formigli 2001: 463 <cf. e.g. 227ff., no. 139-140, 143-145; a single dated later example is the Macrinus, cf. 273-275, no. 171>); Septimius Severus's own portraits have already slightly different eye forms, some of them have even the circular depressions that were common thereafter. This is the case with the bronze portraits of Severus Alexander as well. A's brows are somewhat prominent and show faint strokes perhaps intended as a herringbone pattern, whereas there are only oblique strokes on B (cf. Lahusen-Formigli 2001: 464-465).

If our two Himyarite coregent bronzes would show the stylistic characteristics of Elagabalus (ruled 218-227), then according to the newest chronology of C. Robin, they then would post-date the reign of Dhamar'alīy Yuhabirr. This means that the two statues were produced during the latter part of the reign of the second king, Tha'rān. However, as they are about the time of Marcus Aurelius (50-60 years prior to this), the most likely solution – to judge from the rendering of the eyes – is that there is no contradiction between historical and archaeological datings. The technical and stylistic small difference between the two figures and especially heads might have been caused by the slightly later finishing of the second of the two statues. But actually the artist(s) must have cooperated, as common traits are evident e.g. the overlapping of the upper lid in the outer edge of the eye.

Part 2. The Sculptural Equestrian Pair. The Dumbarton Oaks Horse

The state of research regarding our second Himyarite sculptural group differs qualitatively from that of the coregent group (recent catalogue information: Jändl 2009: 156). As mentioned above, two of the most important finds are often attributed to the crown prince's dig of 1932 (Simpson 2002: 128-129). Fragments of what turned out to be braced metre-high horses also

may have come to light in these amateur diggings – or – before or possibly after in clandestine scavenging (*infra*).

In H. Schlobies's first article of 1934 on p. 243 he mentioned the find of the BM head (fig. 12) and a “*lebensgroße Bronzefigur eines Pferdes*” at that time in an American gallery (fig. 9-11). Mildred and Robert Bliss bought the piece from the Joseph Brummer Gallery (New York) in 1938. “They acquired a fair number of objects from Brummer in both Paris and New York. Brummer, according to our acquisition history, purchased it from the dealer Maurice Nahman of Cairo”. (J. Hanson, pers. comm. 09.11.2013, based on acquisition records at Dumbarton Oaks; cf. Ryckmans 1973: 38). The Egyptian dealer who first sold the horse fragments attested vaguely enough, so as not to get incriminated for illegal art trafficking, that they turned up first in 1929 at a “site south of Ṣan'ā'”. How the bronze fragments reached Cairo is obscure. In 1938 from some 80 bronze fragments, Brummer had the horse reconstituted. This took place after H. Schlobies's publication and the transfer to the Blisses in 1938. The restorer was capable. Paul Jett (restorer, Freer Gallery, Washington, D.C.) speculated that the restorer might have been Joseph Turnbach. However, the latter arrived in the States in March of 1939 (Merhav 1981: 10), too late for this attribution. The restored horse first appeared in print in 1949 (Pijoán 1949: 10, fig. 20).

The head and neck of the Dumbarton Oaks horse are hinged at the throat with the torso. Missing are the tail, saddle, part of the saddle girth and small fragments (Richter 1956: 28) and – the rider. A gaping hole in the horse's back shows the latter's original position. There appears no mechanism to attach a tail to the horse from some other material. Nearly intact are the head, belly and right shoulder.

The restoration is not documented. Enough fragments were extant to reconstruct one horse (Ryckmans 1973: 47, fig. 5; 66-67, fig. 13a-c), but leftovers eventually reached the National Museum in Ṣan'ā'. These include large bronze fragments (back, shin, breast, hind leg) which belong to this complex of an ungulate griffin and/or a rampant horse (Radt 1973: Taf. 31, Abb. 76-78; Costa 1974: 287, e.g. YM 208). The musculature of a lower horse leg is flexed (Costa 1974: tav. b, c) and has the same proportions as the piece in Washington. Bronze fragments reproduced in W. Radt's catalogue identical in size and shape with the Dumbarton Oaks horse seem to be from a very similar second animal (Radt 1973: Taf. 31 below). P. Costa felt unable to confirm that the fragments belonged to the Dumbarton Oaks horse. He wrote that a provenance in Ġaimān or al-Zīlah was equally acceptable. Regarding the horses's original appearance, published photos show some nine main fragments, less than 80 fragments first reported (Ryckmans 1973: 47, fig. 5; a few more: 67, fig. 13). B. Jändl expresses the similarity to the original appearance of the sculpture as “*äußerst zweifelhaft*” (Jändl 2009: 156). Her main objection centres on the horse and that no identifiable fragments have survived of the bodies of the two riders and saddles.

To judge from the splayed corners of the horse's mouth, a bit and reins once existed. On both shoulders saddle girths extend from the saddle toward the front of the animal, but break off abruptly after some 15 cm. The appearance with the tack can be hypothetically reconstructed e.g. on the basis of bits and bridles reconstructed from another Himyarite tomb, al-'Arāfah Ar I (Yule *et al.* 2007: 541-542, pl. 46.1-6).

Within a short time writers suggested several datings “IIIe s. av. J.-C. ... *pas avant le IIIe s. ap. J.-C.*” (Ryckmans 1973: 49) for the Dumbarton Oaks horse.

Table 3. Dates assigned the Dumbarton Oaks horse (DO 38.12)

Dating	Author	Argument
“end of the 5 th or beg. of the 6 th century”	Jamme 1954: 330	palaeography, emended name R̥m̥nn
none	Rathjens 1955	horses not mentioned
“du debut de V ^e siècle av. Chr.”	Pirenne 1955: 65	palaeography, figural comparisons
“late fifth or sixth century”	Richter 1956: 26-28	Jamme’s palaeography, figural style
“5. nachchristliche Jh.”	Roques de Maumont 1958: 74	figural style
“ce texte date...réemploi postérieur de la statue à l’époque chrétienne”	Ryckmans 1973: 74	palaeography
“late 2 nd cent. A.D.”	Ryckmans 1975: 292-294	introduction of horse to Arabia
“entre le III ^e s. av. J.-C. jusqu’au III ^e s. siècle après”	Pirenne 1977: I.380	not articulated
“corps du cheval: II ^e -III ^e s. de notre ère”	Pirenne 1977: I.384	historic grounds
“2 nd -3 rd century”	Gunter 2005: 171, fig. 37	not articulated
“early centuries AD – 4 th century”	Yule 2007: 147, fig. 108	inscriptions

Horse’s Posture

J. Pirenne considered the Dumbarton Oaks horse to be depicted in a gallop, for example to judge from a Roman bronze statuette from Herculaneum (pre 79 CE) now in the National Archaeological Museum in Naples which shows a rider on a rearing horse (Pirenne 1977: I.379-I.380 without a footnote = Ryckmans 1973: 49, fig. 6). However, its pose actually is intended to show a dramatic moment for the heroic rider, and is not a plausible veristic riding sequence. J. Pirenne’s comparison with horses in the Alexander Mosaic from Pompei (Andreae 1977: Abb. 25) also is irrelevant as a parallel because it is impossible to ascertain spatially whether the artist intended jumping or galloping. Two rare attempts at a stylistic dating (see Table 3) resulted in 5th or 6th century dating of the Dumbarton Oaks horse, are hardly articulated (Richter 1956: 28; Roques de Maumont 1958: 74). The horse’s ornamental bands could range over different periods (Richter 1956: 28).

Clear representations of galloping occur e.g. in the Panathenaic procession depicted in the Parthenon friezes (442-438 BCE) which only superficially resemble the pose of the Dumbarton Oaks horse (Richter 1965: 106, fig. 141). The difference is that the hind-legs of the Dumbarton Oaks horse are parallel to each other and not staggered, as in conventional gallop representations.

Beginning with its provenance, the rearing Dumbarton Oaks horse is surrounded by bizarre misunderstandings fostered by incomplete citations. Two examples: According to J. Ryckmans the animal’s ears are turned backward because it is listening to the rider’s commands (Ryckmans 1975: 290). The horse’s turned back ears, and the tension in the facial muscles are

Fig. 9. Bronze horse, left side, h. 102 cm (the rectangle shows the place of the inscriptions) (©Dumbarton Oaks, Byzantine Collection, Washington, D.C. DO 38.12; from Yule 2014: 140, fig. 80)

signs of attentiveness, but of strong emotion as well. However, Greek and Roman artists strove to give the horse’s facial expression a pathos, by means of wide open eyes, splayed nostrils, and gaping mouths. In reality, in rider terminology, the animal is depicted at the point of greatest collectedness in a pesade or a levade – a lesson in classical dressage in which the horse places its weight on its flexed hind legs, its chest in an angle of less than 45° in relation to the ground and lifts the forehands toward the body. The animal prances on the hind-legs at the same time (cf. Müseler 1977: 59, Abb. 28). J. Ryckmans (Ryckmans 1975: 292) already effectively rebutted J. Pirenne’s description of the horse shown in a gallop which relies on representations such as the Parthenon frieze. On the other hand, the levade is known to any dressage rider. This riding lesson is first mentioned around 400 BCE by the Greek writer and general, Xenophon in his *Art of Riding* (Widra 1965: 67 = Xenophon, chap. 11 line 3, transl. into German by Widra): “After a description of the suitable body build of the horse and its musculature Xenophon

Fig. 10. Inscriptions A and B (Ja 489) of the Dumbarton Oaks horse (©Dumbarton Oaks, Byzantine Collection, Washington, D.C.)

continues, „One gives the horse a (half) parade [a signal to the horse by means of the reins] so that he sinks the hind-legs, in that it bends its jumping joints and raises its foreparts so that one, viewing from the front, can see the belly and the (male) genitals. While one does this, one must slacken the reins so that the horse does his most beautiful (effort) voluntarily. He awakens this impression among the viewers.” The vocabulary indicates that the rider mounted a stallion. The Dumbarton Oaks horse belongs to the first known depictions [parallel: Ryckmans 1973: 45, fig. 4] of a pesade or a levade.”

The levade appears as standard pose with several more complete Roman marble horsemen statues, as well as on many coins depicting rider monuments (Bergemann 1990: pl. 82-63 <statues P53, P54, P63>; pl. 89-94 <coins>). Just as it must have been done with Greek examples already, as e.g. the bronze statuette of Alexander the Great at Naples shows (Bergemann 1990: 75, pl. 33c, d).

Horse's Style and Iconography

Given a lack of late antique large scale horse sculptures, a proposed Late Antique dating is based on its presumed lack of verisimilitude. J. Ryckmans suggested that G. Richter's dating was influenced by the original mention of *Rhmn* name in inscription A (*infra*) which subsequently neither he nor A. Jamme accepted (Ryckmans 1973: 42). The horse's mouth gapes wide open, as if in pain – Hellenistic pathos. A second large cast horse head from Herculaneum has a reliable provenance and dates to pre 79 CE (Ryckmans 1973: 84, Abb. 43). It is expertly rendered and shows stylisations of the nostrils and mouth more abstract than those of the

Fig. 11. Dumbarton Oaks horse, frontal view (©Dumbarton Oaks, Byzantine Collection, Washington, D.C.)

Dumbarton Oaks horse. The animal's forelock and also the back mane are strictly stylized. This reminds one at first of later classical and the Hellenistic horses such as *e.g.* the horses of San Marco (which are not ridden, but belong to a quadriga; see: Visenti *et al.* 1982: 82 ff.), but it turns up with Roman equestrian statues (Visenti *et al.* 1982: 189ff., no. 93-94, 97-100; Bergemann 1990: P35, pl. 68, 71 <from Pompeii>) and might as well be a retrospective feature. Otherwise the modelling is naturalistic and for instance is comparable with a bronze head found reportedly in Augusta Vindelicorum, today's Augsburg, (Roques de Maumont 1958: 72, 74, Abb. 38; Uelsberg *et al.* 2014: 40-43). But other horse statues show a greater verisimilitude. Even the small grooves on the horse's hooves repeat a natural feature and recall other horses as *e.g.* the fragments from Kempten (Uelsberg *et al.* 2014: 44-45). A comparison of the rendering of details such as the nostrils shows that the Dumbarton Oaks horse, even if more stylized, is closer to the Capitoline horse of Marcus Aurelius than to the already mentioned horses of Augustan times (Parisi Presicce 1990: 62ff). In spite of its severe style and its tradition in horse statuary since classical times, the erect short mane along the back of the neck can still be found, as mentioned above, on several other Roman horse statues and points to an earlier imperial Roman date. That the tuft of hair standing up between the ears does not find a ready parallel, does not count against this.

Roman equestrian statues were often fitted with real harnesses, as in this case for the head gear, but especially for the frontal breast girth. Here the side part was cast together with the horse and is therefore preserved. The frontal belt that continued in a horseshoe shape around the breast, must have been cast as a separate bronze part. This is the case as well with Marcus Aurelius' horse on the Capitole in Rome (Parisi Presicce 1990: pls. on p. 17ff., 62ff.). In the case of the quadriga horses from San Marco (Visentii *et al.* 1982) these separately worked parts are extant. Roman equestrian statues frequently show decorated girths. Here it was most probably ornamented in the same way as the short side parts and the belly belt or even richer, as the frontal part of the belt which must have been broader. It seems that one can still recognise faint traces of the wavy outline of the area where the *pectoral* covered the Dumbarton Oaks horse's breast. Obviously it had slipped slightly to the left of the centre, probably due to the depicted movement of the horse. The eccentric position of the pectoral might *e.g.* indicate that the horse belonged to a chariot, perhaps even was one of the outer horses, although the gap in its back accommodates a rider.

Normally the centre of such a pectoral belt is decorated by scrolls or other vegetal ornament (for fine examples cf. Bergemann 1990: pl. 13 <statue P4 from Melos>, pl. 4, 74f <statues P44 from Sentinum>; Janietz Schwarz-Rouillier 2000; Uelsberg *et al.* 2014: 46-47 <fragments of two horses from Augst, which seem both to have had the separate pectoral part>). But in some instances the decoration consists of figural applications which on bronze statues can be represented by applications of figures forming a complete battle scene (*e.g.* the horses found in Brescia: Uelsberg *et al.* 2014: 23-24, fig. 5 with literature). In the case of the Dumbarton Oaks horse the belt had the additional function to seal off the untidy visible joint between throat and breast.

Early imperial horse statues evince *phalerae* in the form of a mask and other figural decoration for the horse's head, *e.g.* those from Augsburg, Waldgirmes, Cartoceto (Gattai-Poma 1987: 50ff.; Bergemann 1990: pl. 11, 19 <statues P1 and P9>; Uelsberg *et al.* 2014: 28ff., fig. 4, 40-43, 49-51). Others have even heavier applications on the horses's head, such as the one from Pollentia at Madrid (Bergemann 1990: pl. 55 <statue P29>). Normally only some part of the

Fig. 12. Bronze head of a woman, h. 20.8 cm (British Museum, BM 1937-6-16.1)

harnessing is worked separately, *e.g.* the Capitoline Marcus Aurelius has lost the applications on the *phalerae* (Parisi Presicce 1990: pls. on p. 64ff.). The Dumbarton Oaks horse seems to have lost the complete harnessing of the head, which must have been worked separately, and this fact may be taken as a further sign of the high quality workmanship. Maybe the missing parts of the harnessing and belt were not recognised as belonging to horse equipment during

Fig. 13. Bronze head of a woman, h. 15.5 cm (as preserved) (Şan'ā' National Museum, YM 212; from Costa 1978: pl. xxi)

excavation. But we cannot be sure that all this was needed. So what the details of the harness looked like we do not know.

The Inscriptions (fig. 10) (Ryckmans 1975: 301 emended by Jändl 2009: 156)

Inscription A (cast)

1. *hwf'tt / yh' [.....] ġymn / qwl / š'*
2. *bn / ġ[ymn /] bn [/ .] rh'l / [']šw' / d-m' dn[m / h]*
3. *qn[y /] [dt / b'd]n[m] / frsy[nh]n / w-rkbhmy /'*
4. *[.....] [dy] [mđ]qntn / d-mđrħm / l-wf*
5. *[y] [.....] / b-ħr / ġymn / w-[kl'] / d*
6. *[qny /] [.....] 'b[y]thmw / w-ql[hmw / .]*
7. *[.....] [w-l-w]fy / kl / d-qnyw / w-[.....]*
8. *[.....] [hwf]t / rdw / lbh / [.....]*
9. *[.....] t / w-l / yd' / dħh[.....]*
10. *[...] h [...] m [...]*

Fig. 14. Bronze head of a woman, Qaryat al-Faw, h. 40 cm (King Saud University, Dept. of Archaeology Mus. 119F 13; from al-Ghabban et al. 2010: 333, no. 153)

Translation

“Hawf'att YH' [...] Ġaymān, qayl of the clan Ġ[aymān], the son of [.] RH'L ['A]šwa' of (the clan) Ma'dinum [has dedicated to dāt Ba'dānim] the two horses and their two riders i[n the cult-] site of Mađraħum for the well-[being] [...] in the plain of Ġaymān and [all that

but it gives rise to thought. We will see later how to use this conclusion” (Pirenne 1977: I.374). Despite this, J. Pirenne concludes that, “it is strongly possible that it may be a different bronze” regarding the origin of the horse’s head and body (Pirenne 1977: I.378).

On the other hand, the head and the body of the Dumbarton Oaks horse are similar in their modelling and manner of stylisation. In light of the style of the modelling and the dating of inscription A, an estimate in the Antonine Period best fits our preserved parallels.

Considering the high quality of the Dumbarton Oaks horse’s modelling, especially so in the light of its under-life-size, as well as the slightly severe classicizing style of the rendering of head and hair, there are many similarities and comparanda with early to middle imperial time equestrian statues both in marble as in bronze – good examples of which as have been quoted above. Thus the suggested early Byzantine dating seems impossible for the Dumbarton Oaks horse itself. The authors find an earlier date to conform better with the style of the horse. Without personal inspection it is difficult to say anything definite, but a date in about the second century might be not far from reality.

Part 3. Pair of Bronze Heads from ‘Ġaimān’

The now famous head excavated from ‘Ġaimān’, was a present of Imām Yahyā for the coronation of King George VI. The royal family lent it to the British Museum in 1937 (fig. 12). A second one from the same excavation appeared in a catalogue of the National Museum in Ṣan‘ā’ in 1978 (fig. 13) (Costa 1978: pl. xxi). The two heads are nearly identical in form and size, but not preservation. It is difficult to make close comparisons for them as being vaguely “*fast lebensgroß*” (Rathjens 1950: 32); in fact, the BM head is 20.8 cm in height, and is identically proportioned with its fragmentary counterpart in Ṣan‘ā’, of which 15.5 cm height has survived. Sadly, most of the left part of the Ṣan‘ā’ face is missing. The differential preservation of the two heads bespeaks a complicated survival history. P. Costa explains the differences between the two to result from their casting process, the reason for which is difficult to understand and probably misses the point (Costa 1978: 75).

P. Costa did not commit to a local production or importation for the heads which he dated to the 2nd century. Suitably vaguely and without explanation, J. Pirenne dated the BM head as “*hellenisme tardif*” (Pirenne 1955: 66, pl. ixb). Experts are far less articulate in their discussion of the two heads than for other bronzes under discussion: H. Schloblies (Schloblies 1934: 243) and C. Rathjens (Rathjens 1955: 106) agree on a 1st to 2nd century dating (*supra*). Recently one author suggested a possible 2nd century date (Simpson 2002: 128).

A striking feature of the bronze head from the British Museum is the golden surface of the face, in contrast with the black patinated hair. Close examination reveals selective stripping of the face which has resulted in a golden sheen not intended in antiquity (Craddock *et al.* 1993: 31). The face was also once heavily patinated. This by no means indicates that metallic polychromy was uncommon in Greek and Roman antiquity – it is known from a variety of textual and other sources.

A similar third bronze head excavated from Qaryat al-Faw (Central Province of Saudi Arabia) cannot be dated by its context (fig. 14). But at least it seems to have come to light in a regular excavation (Demange 2010: 332). Despite its larger size, it is remarkably similar to the two heads under discussion. The hairdo, treatment of the lips and eyelids all correspond

nicely. This head can be included together with the two just mentioned. Recently F. Demange wrote lapidarily that several such fragmentary heads exist in the National Museum in Ṣan‘ā’, without giving a source (Demange 2010: 332).

Although some authors have described the BM head as a depiction of a woman (Schloblies 1934: 243; Rathjens 1950: 32; 1955: 106), most understand it as one of a man (Simpson 2002: 128). This appears to be a result of comparison with Ḥimyarite images of the dhū Raydān coin series (Yule 2007: 153, fig. 116). In 2005, P. Yule rekindled the identification of the two heads as female depictions by mean of comparisons with Greek sculptures with a so-called melon-hairdo of braded rows, like the coloured striations of a watermelon. Both heads show a kind of hairdo which for women and girls came into fashion during the 4th century BCE, then not yet in a tubular form. The latter innovation became current in Roman imperial times, for instance at least up to the second century for youthful female portraits.

The iris of the eyes was originally inlaid with a contrasting coloured material, as is normal with first century bronze portraits (Lahusen-Formigli 2001: 463). Although K. Parlasca refers to the BM head as a portrait (Parlasca 1989: 285), this term is typologically incorrect; both heads deviate from the norms of Roman portraiture. On the contrary, these heads are all stylized in a very general way that precludes individual physiognomy: The beardless regular oval face without any wrinkles is surrounded by symmetrical hair curls. Yet they are too stylized for even the normal portrait melon-hairdo. What they resemble most closely, are life-size bronze versions of theatre masks, although we do not know any exact bronze parallels aside from these three heads from Arabia. Theatre masks normally do not show this hairdo, but yet there are parallels for them, and they look like those of actresses and more closely even certain types of mostly beardless tragedy masks, which actually show the same renering of the curls in perpendicular stripes. Though depictions of masks normally are characterized by wide open mouth, this does not contradict smaller openings in big masks; moreover a lot of these masks have the same hanging curls further down on both sides of the face. As we do not know the exact find-context of the heads, it is difficult to judge their original function und use. And this does not enhance the identification of their purpose.

The Two ‘Ġaimān’ Heads Combined with the Two Horses – A Group?

K. Parlasca first connected the two bronze heads with the original two horses as a sculptural group without going into detail (Parlasca 1989: 285). B. Jändl (citing Simpson 2002: 128) also mentions that the two heads (see fig. 12 and 13) might belong to the riders. But the difference in relative size excludes this possibility.

If one were to argue for an association for the two heads, they originally being associated with the two bronze horses, the first problem is that the heads belong to figures which are larger in size relative to the horses. Unfortunately, no antique women rider sculptures have survived, except *e.g.* the wounded falling Amazon in the Naples National Museum. A few representations of female riders include Amazons, for example in vase painting. Stylistically our bronze heads are more readily datable than the Dumbarton Oaks horse. A ball park estimate of the 2nd – early 3rd century can serve as a hypothesis, or our best guess. The phase analyses of the Dumbarton Oaks horse fit roughly with those of the BM head just discussed (see *Table 4*), but do not compellingly show a relation between the two.

The increase of Greco-Roman presence in the 2nd century is abundantly clear for strategic parts of the Arabian world. For the Himyarite dominated region this point has not yet been noticed (cf. Marek 2013: 164–5). A strange conflict between academic discussions of influence and manifest indifference to connoisseurship of the statues is evident.

All in all, the discussion of our three groups of bronzes discussed, which cannot be considered to belong together, are separate documents of Roman influence into the south of Arabia. All of them taken together point strongly to a considerable influx in around the late 2nd century CE.

Acknowledgements/comments

Our thanks go to the *Deutsche Forschungsgemeinschaft* (grant AR 231/9-1-2), which supported much of the research from 2006 to 2010. For the images we thank St. John Simpson of The British Museum in London and Barbara Pferdehirt of the Römisch-Germanisches Zentralmuseum in Mainz for permission to publish the 3D scans and virtual model of the coregent statue, the Bachelorarbeit of F. Roth, FH Mainz, 2010. John Hanson of the Dumbarton Oaks Collection kindly supplied the original phase analyses of the bronze horse. Marta Zlotnik organized the photos exactly as we requested. Walter W. Müller kindly made suggestions for a version of our text.

If not otherwise specified, all of the dates cited are of the Common Era. Not all of the numerous arguments regarding the horse group can be commented on. The place-names appear below in standard Arabic, or as they are cited, not in local dialect.

BIBLIOGRAPHY

- ‘Aqīl-Antonini 2007 – ‘Aqīl A., Antonini S. *Bronzi sudarabici di periodo pre-islamico*. Rome
 Andrae 1977 – Andrae B. *Das Alexandermosaik aus Pompeji*. Recklinghausen
 Ansaldo 1933 – Ansaldo C. *Il Yemen nella storia e nella leggenda*. Rome
 Antonini de Maigret 2012 – Antonini de Maigret S. *South Arabian Art. Art History in Pre-Islamic Yemen*. Paris
 Bergemann 1990 – Bergemann J. *Römische Reiterstatuen. Ehrendenkmäler im öffentlichen Bereich*. Mainz
 Breton-Bāfaqīh 1993 – Breton J.-F., Bāfaqīh M.A. *Trésors du Wādī Dura*. Paris
 Costa 1974 – Costa P. “Note su alcuni pezzi del Museo Nazionale dello Yemen a Ṣan‘a” // *AION* 34, p. 283–290, tav. i–viii
 Costa 1978 – Costa P. *The Pre-Islamic Antiquities at the Yemen National Museum*. Rome
 Craddock *et al.* 1993 – Craddock P., Giunlia-Mair A. “Beauty is only Skin Deep: Evidence for the Original Appearance of Classical Statuary” // La Niece S., Craddock P. (eds.). *Metal Plating & Patination. Cultural, Technical and Historical Developments*. London, p. 30-38
 Demange 2010 – Demange F. “Head of a Man” // A. al-Ghabban, B. André-Salvini, F. Demange, C. Juvin, M. Cotty (eds.). *Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kingdom of Saudi Arabia*. Paris
 Doe 1971 – Doe B. *Southern Arabia*. London
 Faris 1938 – Faris N. A. *The Antiquities of South Arabia being a Translation from the Arabic with Linguistic, Geographic and Historic Notes of the Eight Book of al-Hamdānī’s al-Iklīl*. Princeton
 Gajda 2001 – Gajda I. “Coupe en argent portant une inscription sudarabique” // *Semitica* 50, p. 99-111
 Garbini 1970 – Garbini G. “Antichità Yemenite” // *AION* 30, p. 400-404
 Gattai-Poma 1987 – Gattai R., Poma R. *I bronzi di Cartoceto*. Firenze
 al-Ghabban *et al.* 2010 – al-Ghabban A. *et al. Roads of Arabia*. Paris
 Grohmann 1963 – Grohmann A. *Arabien. Handbuch der Altertumswissenschaften. 3. Abteilung. 4. Band. 3. Abschnitt*. München
 Gunter 2005 – Gunter A. (ed.). *Caravan Kingdoms: Yemen and the Ancient Incense Trade*. Washington, D.C.
 Hinks 1937 – Hinks R. “A Bronze Head from the Yemen lent by H.M. the King” // *BMQ* 11.4, p. 153-154
 Höfner 1966 – Höfner M. 3. - *Bearbeitung der von Carl Rathjens in Sabaeica I und II in Abbildungen veröffentlichten altsüdarabischen Inschriften, sowie einiger sonstiger von ihm gesammelter Inschriftensteine*. Hamburg
 Jändl 2009 – Jändl B. *Altsüdarabische Inschriften auf Metall*. Tübingen
 Jamme 1954 – Jamme A. “Inscriptions on the Sabaeen Bronze Horse of the Dumbarton Oaks Collection” // *Dumbarton Oaks Papers* 8, p. 315, 317-330, fig. 37-42
 Janietz Schwarz-Rouillier 2000 – Janietz Schwarz B., Rouillier D. *Ein Depot zerschlagener Großbronzen aus Augusta Raurica*. (Forschungen in Augst. Bd. 20)
 Kirfel *et al.* 2011 – Kirfel A., Kockelmann W., Yule P. “Non-destructive Chemical Analysis of Old South Arabian Coins 4th Century BCE–3rd Century CE” // *Archaeometry* 53,5, p. 930-949
 Kitchen 2000 – Kitchen K. *Documentation for Ancient Arabia. Part II. Bibliographical Catalogue of Texts*. Liverpool
 Lahusen-Formigli 2001 – Lahusen G., Formigli E. *Römische Bildnisse aus Bronze: Kunst und Technik*. München
 Lyttleton 1991 – Lyttleton M. “The Pre-Islamic South Arabian Bronze Horse in the Dumbarton Oaks Collection Reconsidered” // *PSAS* 21, p. 147–157
 Marek 2013 – Marek C. “A Roman Period Inscription in South Arabia” // P. Yule. *Zafār, Capital of Himyar. Rehabilitation of a ‘Decadent’ Society. Excavations of the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 1998–2010 in the Highlands of the Yemen*. Wiesbaden, p. 163-164
 Merhav 1981 – Merhav R. *A Glimpse into the Past. The Joseph Ternbach Collection*. Jerusalem
 Müller 1979 – Müller W.W. “The Inscriptions on the Hellenistic Bronze Statues from Nakhlat al-Ḥamrā” // *PSAS* 9, p. 79–80

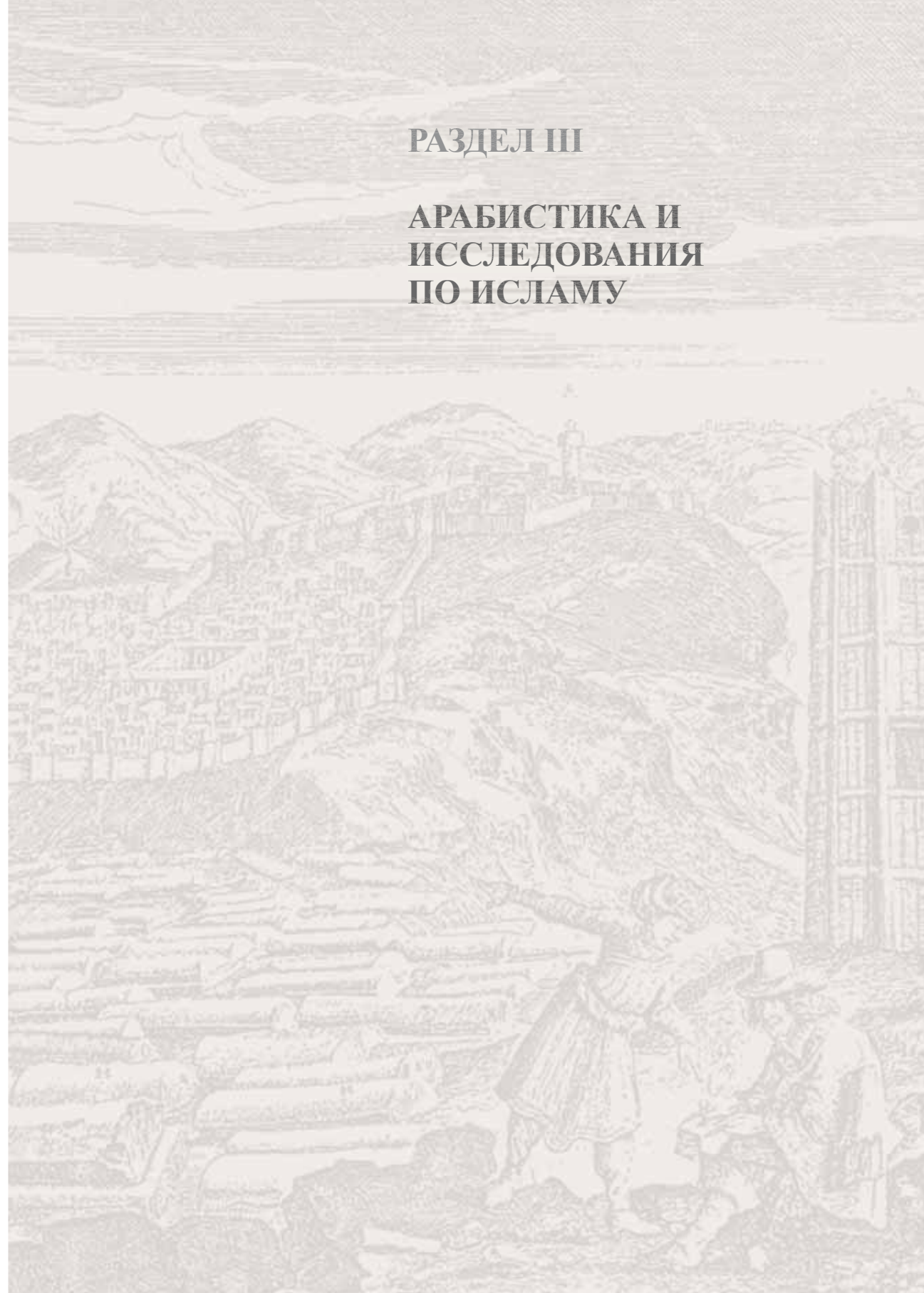
- Müseler 1977 – Müseler W. *Reitlehre*. Berlin
- Parisi Presicce 1990 – Parisi Presicce C. *Il Marco Aurelio di Campidoglio*. Milano
- Parlasca 1989 – Parlasca K. “Bemerkungen zu den archäologischen Beziehungen zwischen Südarabien und dem griechisch-römischen Kulturkreis” // T. Fahd (ed.). *L’Arabie préislamique et son environnement historique et culturel. Actes du Colloque de Strasbourg 24–27 juin 1987*. Strasbourg, p. 281-287
- Pijoán 1949 – Pijoán J. *Summa artis*. Madrid
- Pirenne 1955 – Pirenne J. *La Grèce et Saba, une nouvelle base pour la chronologie sud-arabe*. Paris
- Pirenne 1961 – Pirenne J. “Notes d’archéologie sud-arabe. II” // *Syria* 38, p. 284-310
- Pirenne 1977 – Pirenne J. “Cheval de bronze hellénistique à tête sud-arabe” // *CIAS. T. 1. Section 2: Antiquités*, p. 1.373-386
- Radt 1973 – Radt W. *Katalog der staatlichen Antikensammlung von Ṣan‘ā’ und anderer Antiken im Jemen*. Berlin
- Rathjens 1950 – Rathjens C. *Kulturelle Einflüsse in Südarabien von den ältesten Zeiten bis zum Islam unter besonderer Berücksichtigung des Hellenismus. Jahrb. f. kleinasiatische Forschung, 1*. Heidelberg, S. 1-42
- Rathjens 1953 – Rathjens C. *Sabaeica I. Der Reisebericht*. Hamburg
- Rathjens 1955 – Rathjens C. *Sabaeica II. Die unlokalisierten Funde*. Hamburg
- Richter 1956 – Richter G. *Catalogue of Greek and Roman Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Cambridge
- Richter 1965 – Richter G. *A Handbook of Greek Art*. London
- Robin 1987 – Robin C. “L’Inscription Ir 40 de Bayt Ḍab‘ān et la tribu ḌMRY” // C. Robin, M. Bāfaqīh (eds.). *Ṣayhadica. Recherches sur les inscriptions de l’Arabie préislamique offertes par ses collègues au Professeur A.F.L. Beeston*. Paris, p. 113-164
- Robin unpublished a – Robin C. *Seconde partie Ḥimyar mode d’emploi*. Manuscript dated 08.02.2006, p. 131-202
- Robin unpublished b – Robin C. *Appendice II. Les dix-huit dynasties ḥimyarites (i^{er}-vi^e s. è. chr.)*. Manuscript dated 03.08.2013, 6 pages
- Robin unpublished c – Robin C. *Le roi ḥimyarite Tha`rān Yuhan`im (v. 324 – v. 375) stabilisation politique et réforme religieuse*. Manuscript dated 03.08.2013, 103 pages
- Robin-Brunner 1997 – Robin C., Brunner U. *Map of Ancient Yemen/Carte du Yémen antique*. Munich
- Roques de Maumont 1958 – v. Roques de Maumont H. *Antike Reiterstandbilder*. Berlin
- Rossi 1938 – Rossi C. “Itinerari yemeniti” // *Bolletino della Società geografica Italiana*. Ser. vii, vol. iii, p. 280-297
- Ryckmans 1973 – Ryckmans J. “Notes sur le cheval de bronze de Dumbarton Oaks” // *Revue d’archéologues et historiens d’art de Louvain* 6, p. 38-74
- Ryckmans 1975 – Ryckmans J. “The Pre-Islamic South Arabian Bronze Horse in the Dumbarton Oaks Collection with Technical Remarks by I. Vandevivere” // *Dumbarton Oaks Papers* 29. Washington, D.C., p. 287-303, pl. 1-6
- Schlobies 1934 – Schlobies H. “Hellenistisch-römische Denkmäler in Südarabien” // *Forschungen und Fortschritte* 10, S. 242-243
- Seipel 1998 – Seipel W. (ed.). *Jemen. Kunst und Archäologie im Lande der Königin von Saba’*. Wien, Künstlerhaus, 9. November 1998 bis 21. Februar 1999. Vienna
- al-Sheiba 1987 – al-Sheiba A.H. “Die Ortsnamen in den altsüdarabischen Inschriften” // *ABADY* 4, S. 1-62
- Simpson 2002 – Simpson St.J. (ed.). *Queen of Sheba. Treasures from Ancient Yemen*. London
- Uelsberg et al. 2014 – Uelsberg G., Heiligmann J., Brouwer M. (Hrsg.). *Gebrochener Glanz. Römische Großbronzen am UNESCO-Welterbe Limes*. Bonn
- Visenti et al. 1982 – Visenti B. et al. *Die Pferde von San Marco*. Berlin
- Weidemann 1983 – Weidemann K. *Könige aus dem Jemen*. Mainz
- Widra 1965 – Widra K. *Xenophon Reitkunst. Griechisch und Deutsch*. Darmstadt
- Yule 2005 – Yule P. “Toward a Chronology for Himyarite Sculpture” // *Paper presented on “Rencontres Sabéennes 9”, May 25-27, 2005, Jena*

- Yule 2007 – Yule P. *Himyar – Die Spätantike im Jemen/Late Antique Yemen*. Aichwald
- Yule 2013a – Yule P. *Zafār, Capital of Ḥimyar. Rehabilitation of a ‘Decadent’ Society. Excavations of the Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg 1998–2010 in the Highlands of the Yemen*. Wiesbaden
- Yule 2013b – Yule P. “Late Pre-Islamic Oman: The Inner Evidence – the Outside View” // Hoffmann-Ruf M., al-Salmi A. (eds.). *Oman and Overseas*. Hildesheim, p. 13-33
- Yule 2014 – Yule P. *Himyar – Late Antique Yemen*. 2nd revised English edition, 1st Arabic edition. Aichwald
- Yule et al. 2007 – Yule P., Franke K., Meyer C., Nebe G., Robin C., Witzel C. “Zafār, Capital of Ḥimyar, Ibb Province, Yemen. First Preliminary Report: 1998 and 2000; Second Preliminary Report: 2002; Third Preliminary Report: 2003; Fourth Preliminary Report: 2004” // *ABADY* 11, p. 479-547

РАЗДЕЛ III

АРАБИСТИКА И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСЛАМУ

Аликбер Калабекович АЛИКБЕРОВ
(Москва)

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС КЫРХЛЯР В ДЕРБЕНТЕ: УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СОРОКА «МУЧЕНИКАХ ЗА ВЕРУ»

В мире не так много памятников, которые представляют собой живую ткань истории, непосредственную и осязаемую связь времен, неразрывную нить преемственности древних традиций и современных обрядов. Культурный комплекс Кырхляр в старой части Дербента (араб. *Баб ал-абваб*, «Врата ворот») как раз относится к их числу. Признанный в советское время памятником архитектуры, охраняемым государством, он получил широкую известность как место захоронения сорока «мучеников за веру». Это действительно необычный памятник, одно из наиболее древних и почитаемых мусульманами Дагестана и Азербайджана культовых мест, значение которого с каждым годом все больше возрастает по мере усиления процессов возрождения ислама на Кавказе (рис. 1).

С Кырхляром связано множество легенд и преданий, в которых удивительным образом перекликаются исторические события различных эпох. Всю совокупность этих устных историй можно условно разделить на три группы. Легенды первой группы, появившиеся еще в средние века, рассказывают об арабском происхождении «шахидов», павших за веру в VII в. Вторую группу составляют предания, связывающие Кырхляр с тюрками-огузами и перекликающиеся с древнетюркским эпосом «Дедем Коркут». Отдельно выделяется предание XVII в., в котором могильник предстает как памятник 40 русским «святым мученикам». Наконец, в последние годы набирает силу легенда о том, что Кырхляр является местом погребения курайшитов, участвовавших в походе на Дербент, или даже сподвижников пророка Мухаммада, павших в сражениях с «неверующими» (*ал-куффар*) на начальном этапе арабских завоеваний.

Памятник Кырхляр представляет собой огороженный комплекс надмогильных саркофагов полуцилиндрической формы, высеченных из цельных каменных блоков, и небольшой по размерам квадратной постройки в виде башенки чуть больше 2 м. в высоту, сложенной из тесаного белого камня. На вершине стрельчатой крыши постройки, выкрашенной в зеленый цвет, закреплено зеленое знамя. Общая площадь комплекса приблизительно составляет 20x18 м. Саркофаги имеют разные размеры, расположены в четыре ряда и ориентированы по оси Запад–Восток. Среди них заметно выделяется группа саркофагов, более крупных по сравнению с остальными.

Расположен Кырхляр на территории старинного кладбища, на которое давно распространилось его название, в 500-550 м к северо-востоку от Кырхляр-капы (араб. *Баб ал-джихад*, «Врата джихада») – главных ворот в северной оборонительной стене города

Рис 1. Могильник Кырхляр (фото М.С. Гаджиева, 2014 г.)

(рис. 2). Неподалеку от Кырхляр-капы, уже на территории самого города (*шахристана*), находится Кырхляр-мечеть. Таким образом, топоним «кырхляр» зафиксирован в названиях сразу нескольких значимых исторических объектов Дербента¹.

Названия памятника

Название Кырхляр является искаженной формой тюркского Кырклар. Адам Олеарий, побывавший в Дербенте в первой половине XVII в., воспроизвел в своей книге это название как *Керхлер* (Олеарий 1906: 110). В переводе с тюркского *кырк* означает «сорок»; эта цифра подразумевает число похороненных в этом могильнике «мучеников за веру». *Кырклар* (тюрк. *كركلار* мн.ч. от *كرك* *кырк*) переводится как «сорок погребенных», в местных арабографических источниках чаще всего встречается именно такая форма этого названия.

Адам Олеарий сохранил для нас и персидское название могильника, хоть и в искаженной форме – *Джилтанан* (Олеарий 1906: 110). Эта арабизированная форма *جیلتنان* *Джилтанан* персидского топонима *Чехелтанан* или *Чилтанан*; последнее представляет собой комбинацию из слитного написания числительного с существительным во множественном числе, где *чил/чел* представляет сокращенную форму от числительного *чехел* – «сорок», *тан* – «тело», «плоть», «человек», а «-ан» – суффикс множественного числа.

¹ Общие сведения о памятнике изложены в статье Аликберов 2001: 62–63.

Рис. 2. Ворота Кырхляр-капы (араб. Баб ал-джихад) в северной стене города (фото автора, 2013 г.)

Рис. 3. Общий вид на южную стену крепости Дербента (фото автора, 2013 г.)

Наконец, более раннее арабское название могильника зафиксировал турецкий путешественник Эвлия Челеби во время своего пребывания в Дербенте – جبل الاربعين *Джибл (или джибил) ал-арба'ин* (Челеби 1983: 176). Второе слово в этой конструкции переводится как «сорок», в данном контексте – «сорок человек», а слово *джибл/джибил*, согласно Лейну, – как «компания», в смысле «компания людей» (Lane 1968: 376). В Коране (36:62) слово *джибил* упоминается в суре *Йа син* и обычно переводится как «народы»:

وَلَقَدْ أَضَلَّ مِنْكُمْ جِبِلًّا كَثِيرًا أَفَلَمْ تَكُونُوا تَعْقِلُونَ
 «Он сбил с пути многие народы. Разве вы не уразумели?» (в переводе И. Ю. Крачковского). В таком случае арабское название могильника *Джибл ал-арба'ин* является почти полной калькой тюркского *Кырклар* и персидского *Чехелтанан/Чилтанан* и переводится как «компания сорока» или «сороковник».

Предания о первых арабских войнах-миссионерах

Легенды об арабском происхождении могильника наиболее разнообразны. Самая распространенная из них – это рассказ о 40 первых мусульманских войнах-миссионерах, которые пришли сюда распространять ислам, однако погибли на «пути Аллаха» (*сабил Аллах*) в войне за веру. Наиболее распространенная версия этой легенды связывает 40 могил Кырхляра с арабскими предводителями, павшими в войне с хазарами. Здесь, как и в любой подобной истории, не обходится без чудес, которые служат манифестацией истинной святости данного места, а также чудодейственной благодати, которая от него исходит. История повествует о том, что тела павших воинов даже после их долгого нахождения под палящими лучами солнца не портились и не истлевали, а, напротив, источали приятный аромат. Местные жители якобы восприняли это как чудо и приняли ислам. По другой версии, после гибели арабского отряда на город обрушились немыслимые несчастья, эпидемии и неурядицы. Жители обратились к провидцам, которые посоветовали им с почестями захоронить 40 «шахидов» и принять ислам. И только после этого несчастья разом прекратились. Еще в одной версии легенды фигурируют птицы, которые легко подняли «шахидов» в небо и перенесли их в это место, где они и были захоронены.

Многое из того, что описывается в устных преданиях, в письменных источниках обретает реальную основу. Проблема, однако, заключается в том, что письменные источники либо противоречивы, либо компилятивны, повторяют друг друга, либо предлагают искаженную версию событий, в которой достоверной может быть лишь часть информации.

Дагестанская хроника «Дербенд-наме» датирует возникновение Кырхляра в пределах VII в. Вслед за ал-Балазури автор проаглабидского протографа этого сочинения, входящего к XI в. (Аликберов 1991а: 63-64), сообщает, что здесь похоронено 40 арабских мучеников во главе с Салманом б. Раби'а. Однако ряд других неточностей, содержащихся в тексте источника, выдают его компилятивность и снижают к нему доверие. Так, например, согласно «Дербенд-наме», в Дербенте покоится прах сына Харуна ар-Рашида, Мухаммада ал-Амина (Derbend-Nameh 1851). В данном пассаже явственно присутствует отзвук реальных событий, имевших место в Дербенте, но в искаженной форме. Если верить куфической надписи 176 года *хиджры* (792/793 гг.), не так давно обнаруженной на одном могильнике в районе Горной стены², то *Мухаммад ал-Амин б. амир ал-му'минин вали 'ахд ал-муслимин*, судя по имени и титулу отца, действительно сын *халифа* ар-Рашида, занимался административной деятельностью в этом городе (Gadjiev-Shikhsaidov 2002: 3-10). Как известно, впоследствии он сам стал *халифом* и погребен совсем в другом месте, где-то под Багдадом, после того, как был казнен в 813 г. (at-Tabari 1879-1901: III, 603-974; Ibn al-Athir 1864: 152-207; Gabrieli 2007: 437-438).

Мусульманская историография на все лады прославляла службу на «пограничье» Халифата (*ас-сагр*, или во мн.ч. *ас-сугур*). *Баб ал-абваб* со своими мощными стенами, закрывающими узкий проход от моря до гор, был центром «пограничной области» и основным элементом мощного оборонительного комплекса, который сдерживал неослабевающий натиск кочевников с севера, в первую очередь хазар (рис. 3). В книге «Рисале-йи Бабийе», составленной в Дербенте в XV в., приводится *хадис* о том, что якобы пророк Мухаммад говорил, что молитва, совершенная на оборонительной стене у ворот *Баб ал-джихад* (совр. Кырхляр-капы) сразу после стрельбы из лука, очевидно, имеет в виду – в целях обороны *ал-ислам*, приравнивается к 60 молитвам, совершенным в Мекке³.

Попытка критического анализа историй об арабском происхождении могильника заставляет нас обратиться к эпохе ранних арабских завоеваний, а именно – к известному походу 'Абд ар-Рахмана и Салмана б. Раби'а ал-Бахили на Баланджар, состоявшийся якобы в 22 году *хиджры* (643 г.), который завершился первым серьезным поражением арабов. Обстоятельства этого похода, а также противоречия в источниках детально разобраны О.Г. Большаковым в его специальной статье в юбилейном сборнике, посвященном А.Р. Шихсаидову (Большаков 2010: 15-21). Исследователь завершает свою статью тем, что «материалы о завоевании Дербента и сражении под Баланджаром интересны и с чисто источниковедческой точки зрения для иллюстрации процесса формирования исторических легенд. Но этот сюжет увел бы нас слишком далеко от основной темы» (Большаков 2010: 22). Поскольку именно такая иллюстрация является нашей основной темой, рассмотрим еще раз, но уже под этим углом, некоторые основные моменты арабской экспедиции ал-Бахили.

Как явствует из ранних арабских источников, в 22 году *хиджры* Салман занял Дербент и двинулся дальше на север. Как только арабы покинули город, чтобы завоевать Баланджар, жители Дербента заперли за ними ворота, отрезав путь назад, поскольку определенно находились на стороне хазар. Халифа б. Хаййат (ум. в 854/5 г.) первым приводит сведения о том, что Салман б. Раби'а погиб около Баланджара, успев заключить перед этим договор-гарантию с жителями Маската (восточная часть Северного Азербайджана) (ал-'Усфури 1967: 139). Ту же информацию повторяет ал-Йа'куби, дополняя, что после Маската, на пути к Дербенту, Салман б. Раби'а заключил мирные договоры с Шибираном (Ширван, с запада примыкал к Маскату), Лакзом (Южный Дагестан) и Филаном (Нагорный Дагестан) (Большаков 2010: 18).

По сообщению ал-Балазури (ум. в 889 г.), хазарский *хакан* со своей конницей встретил Салмана «за рекой Баланджар, и был он, да помилует его Аллах, убит с четырьмя тысячами мусульман, и слышались *такбир*⁴ в их безвыходном положении». Тут же он сообщает о том, что на месте гибели Салмана б. Раби'а ал-Бахили появилась его могила:

*«Есть две у нас могилы: могила в Баланджаре
И есть могила в Синистане – что за могилы!
Тот, что в Китае, тот завершил свои завоеванья,
Другим же зывают дождь, чтоб орошал колосья»⁵.*

Легенды о принадлежности саркофагов на старых кладбищах Дербента арабским воинам, павшим в битвах с хазарами, не лишены оснований: за вратами *Баб ал-джихад*, вплоть до моря находилось обширное кладбище саркофагов, которые отчасти до сих пор сохранились в окрестностях дербентской крепости. Ясно также, что первые захоронения на этом кладбище появились еще на начальном этапе арабских завоеваний. К сожалению, подавляющее большинство саркофагов – как цельных, так и полых изнутри, высеченных из единого блока, – никогда не имели на себе никаких надписей. Редкие тексты, сохранившиеся на отдельных саркофагах, высеченных, как правило, из местного песчаника, читаются с трудом или не читаются вовсе, поскольку за без малого тысячу лет оказались в значительной степени стертые из-за воздействия на них разрушительных сил природы – осадков, выветривания, растительности (мха) и микроорганизмов. Здесь отчетливо фиксируется лишь одна закономерность: саркофаги, которые обычно не имели на себе надписей, ставились на могилах павших воинов, а прямоугольные стелы с эпитафиями – на могилах религиозных авторитетов.

Основным источником по истории ранних арабских завоеваний на Восточном Кавказе является «Та'рих» Абу Джа'фара Мухаммада б. Джарира ат-Табари (ум. в 923 г.), в котором содержится наиболее детальное изложение событий, происходивших под Баланджаром. Переводы этих разделов источника были впервые опубликованы А.Р. Шихсаидовым (Ат-Табари 1986: 66-67). В своей специальной статье О.Г. Большаков предло-

⁴ *Такбир* – устойчивая религиозная формула «Аллах велик» (араб. الله أكبر *Аллах акбар*).

⁵ В этом фрагменте текста впервые упомянуто и сакральное число 40: ал-Балазури сообщает, что Салман занимал должность судьи (кади) в Куфе в течение 40 дней и за это время «не пришел к нему ни один тяжущийся» (см.: al-Beladsori 1866: 203–204; текст источника цитируется по изданию Большаков 2010: 17).

² Горная стена (Даг-бары) наряду с крепостью Дербента и двумя городскими стенами представляла собой часть мощной оборонительной системы в районе дербентского прохода. Укрепленная встроеными в стену фортами и отдельными укреплениями по обе стороны стены, имея протяженность более 40 км, она начиналась от стены крепости и доходила до труднодоступного горного хребта в историческом Табарсаране. Более подробно о Горной стене см.: Хан-Магомедов 1966; 2002.

³ Рисале-йи Бабийе. Сборная рукопись Ms. 9 (Ms. orient. octav. 321) из Берлинской библиотеки (Der koeniglichen Bibliothek zu Berlin), секция 2, л. 73а–98а. Разумеется, в числе «достоверных» (*ас-сахих*) *хадисов* этого предания нет.

жил разграничить два наложившихся друг на друга в исторических источниках события – арабский поход на Барда‘а и Шабиран в 22 г.х./643 г. под предводительством ‘Абд ар-Рахмана и Салмана ал-Бахили, и их совместный поход на Баланджар через 10 лет, в 32 г.х., т.е. между 12.08.652 – 1.08. 653 гг. (Большаков 2010: 19).

В исторических сведениях ат-Табари особенно важны три сообщения, имеющих отношение к обстоятельствам второго похода, т.е. похода на Баланджар, который на самом деле состоялся в 653 г. Первое: Салман б. Раби‘а был послан в поход в Баб ал-абваб Са‘идом б. ал-Асом, наместником халифа в Куфе. Второе: ‘Абд ар-Рахман б. Раби‘а в это время уже находился в *Баб ал-абвабе* – по ат-Табари, он возглавлял авангард Сураки б. ‘Амра, назначенного халифом ‘Умаром в ал-Баб как раз после их первой экспедиции в 22 г.х. (at-Tabari 1879-1901: 2663). Согласно Ибн Халдуну, именно ‘Абд ар-Рахман б. Раби‘а вел переговоры с Шахрибаразом, комендантом города, в ходе которых тот выразил ему свою покорность (Ibn Khaldun 1980: 290). После смерти Сураки наместником Дербента стал ‘Абд ар-Рахман б. Раби‘а. Приказ выступить против хазар он получал непосредственно от халифа (at-Tabari 1879-1901: 2665-2666). Собственно, Салман спешил на помощь старшему брату. Наконец, третье: непосредственно под Баланджаром погиб не Салман, а его брат ‘Абд ар-Рахман, не внявший предостережениям Са‘ида б. ал-Аса не горопиться с осадой Баланджара. Помимо ат-Табари, этот факт подтверждают и другие источники⁶. Мы также узнаем, что в Баланджаре арабы столкнулись с мощными камнемётными машинами, установленными на стенах города (at-Tabari 1879-1901: 2669).

Вероятно, поход на Баланджар не был в достаточной степени скоординирован, и Салман присоединился к военной кампании на севере в самом ее разгаре. Отсюда понятны ссылки источников на то, что это был совместный поход братьев ал-Бахили. Становятся понятны и причины первого серьезного поражения мусульман.

Арабские источники, отразившие события похода братьев ал-Бахили, сами также не лишены некоторой легендарности. Так, ат-Табари, повествуя о смерти ‘Абд ар-Рахмана ал-Бахили на поле брани под Баланджаром, передает легенду о том, что «*те люди* взяли тело ‘Абд ар-Рахмана и положили в корзину, и оно осталось у них, и они с его помощью испрашивали дождь и победу» (at-Tabari 1879-1901: 2889-2890). О.Г. Большаков предположил, что это могли быть тюрки, и поставил знак вопроса (Большаков 2010: 19). Действительно, арабские источники часто путали хазар, тюркютов, которых они собирательно называли «тюрками», и гунно-савиров (местных тюрков), полностью или частично отождествляя их друг с другом. Абу-л-Хасан ал-Мас‘уди (ум. в 956/7 г.) не раз объяснял различия между этими разными по сути этнонимами, народами и их языками (al-Masudi 1967: 83), но путаница в названиях тюркских кочевников в средневековой мусульманской историографии сохранилась и после него.

В «Истории албан» Мовсеса Каланкатуаци, относящейся к VIII в., отмечается, что гунны «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались удивительными», при этом князь гуннов Алп-Илитвер назван вассалом хазарского кагана, который был «царем севера» (Каланкатуаци 1984: 131). Наконец, под 32 г.х. (652/653 гг.) Ибн ал-Асир сообщает о союзе тюрков с хазарами: «В этом, 32 году хазары и тюрки одержали победу над мусульманами. Дело в том, что когда участились походы против них, хазары стали совещаться и говорить:

“Раньше никто не мог противостоять нам, пока не появился этот немногочисленный народ, а теперь мы не можем устоять против него”.

“Эти люди не подвержены смерти”, – говорили некоторые из хазар, ибо никто из них не пострадал во время их походов. Действительно, хотя до этого похода мусульмане совершали еще несколько походов (против хазар), однако никто из них не был убит, и поэтому они (хазары) подумали, что они (мусульмане) не умирают. “Не попытаться ли нам (убить их)”, – сказали некоторые из них, и они устроили им (мусульманам) засаду в лесу <...>. Тем временем тюрки объединились с хазарами и вступили с мусульманами в кровопролитную войну, в которой был убит ‘Абд ар-Рахман, носивший прозвище Зу-н-Нун, название его меча <...>» (Ibn El Athiri 1869: 102-103; Ибн ал-Асир 1966: 54). Ат-Табари, однако, приводит другое имя – Зу-н-Нур, «Обладатель света» (at-Tabari 1879-1901: 2663), которое в большей степени коррелирует с легендами о благочестивом «святом воине».

Таким образом, есть все основания предположить, что арабы в 653 г. потерпели поражение не от гуннов, а от объединенных сил тюркютов и гунно-савиров Северного Кавказа. Причина, по которой ‘Абд ар-Рахман пошел на хазар, уповаю на Салмана и его отряды из Куфы, заключается в том, что арабы ожидали встретить одних тюрков (гунно-савиров), а встретили совсем других – мощный межплеменной союз, с которыми они будут воевать еще около трех столетий, так и не сумев сколько-нибудь продвинуться на север от Дербента. А «теми людьми», очевидно, были как раз то самые гунно-савиры (по ал-Мас‘уди – савиры; al-Masudi 1967: 83), обычай которых так красочно описал Мовсэс Каланкатуаци, рассказывая о миссии албанского епископа Исраэля к северокавказским гуннам зимой 681/682 гг. (Каланкатуаци 1984: 131).

Предания о курайшитах и сподвижниках Пророка

В новых версиях легенды, стремительно набирающих силу в последнее время, говорится об аравийском происхождении могил Кырхляра. Людей, погребенных на могильнике, называют курайшитами и даже сподвижниками пророка Мухаммада. После выхода в свет в 2000 г. книги А.Р. Шихсаидова и М.Г. Магомедова «Калакорейш (крепость курейшитов)», посвященной одноименному укреплению в Кайтагском районе Дагестана (примыкает с запада к Дербентскому району), на котором сохранились арабские куфические тексты X–XII вв. (Шихсаидов-Магомедов 2000), саркофаги с куфическими надписями еще больше стали ассоциироваться с курайшитами – представителями арабского племени, из которого происходил сам пророк Мухаммад.

Безусловно, предания о могилах сподвижников Пророка на Кырхляре также не могли появиться на пустом месте. Источники называют сподвижником Пророка старшего из братьев ал-Бахили – ‘Абд ар-Рахмана б. Раби‘а⁷, однако он не был похоронен в самом Дербенте или за его северной стеной, поскольку оказался талисманом в руках у тюрков (см. об этом выше).

Из «Та`рих» ат-Табари мы узнаем, что в походе ‘Абд ар-Рахмана и Салмана ал-Бахили на Баланджар участвовали и другие известные сподвижники Пророка, в том числе Салман ал-Фариси и Абу Хурайра. После кровопролитного сражения они даже возглавили один из отрядов, отступавших под натиском хазар в сторону гор, в то время как Салман б. Раби‘а вводил другой отряд назад в Дербент: «Одну часть остатков разгром-

⁶ Подробнее об этом см.: Dunlop 1954: 47-57.

الإصابة في تميز الصحابة. جلد 2, ص 349.

ленного войска Салман вывел через ал-Баб, другую Салман ал-Фариси и Абу Хурайра вывели через горы» (at-Tabari 1879-1901: 2889–2890).

Среди участников похода братьев ал-Бахили было также много известных людей из поколения *ат-таби 'ун*, к числу которых относился и Салман ал-Бахили. Ал-Балазури отмечал, что Салман передавал *хадисы* со слов «праведного» *халифа* 'Умара ал-Хаттаба. Список сподвижников Пророка и представителей поколения *ат-таби 'ун* у ат-Табари гораздо более внушительен. Многие из них, как сообщает источник, «погибли в день Баланджара», в том числе Йазид б. Му'авийа ан-Наха'и, 'Амр б. 'Утба, и Ми'дад: «А за день до поражения поутру Ми'дад сказал 'Алкеме: “Дай мне твой плащ, я обвяжу им голову”. И тот дал. Он подошел к той башне, у которой был убит Йазид, он стрелял в них и убил [нескольких] из них, и выстрелили камнем из катапульты и раздробили ему макушку. Товарищи оттащили его и похоронили рядом с Йазидом» (Большаков 2010: 20).

Таким образом, мы узнаем, что Йазид похоронили рядом с 'Амром б. 'Утбой и Ми'дадом, т.е. в одном месте. Ясно, что это было не поле брани, откуда арабы бежали, восклицая от безысходности «*такбирь*». Вопрос лишь, где это место?

Среди перечисленных громких имен обращает на себя внимание личность 'Амра б. 'Утбы. 'Амр (вариант имени: 'Умайр) б. 'Утба ал-Ансари, который не просто был одним из сподвижников Пророка, а представлял узкий круг ближайших соратников. Ал-Вакиди в своем «Китаб ал-магази» пишет, что он участвовал вместе с Пророком в великом сражении (*газва*) при Бадре 17 марта 624 г., когда мусульмане дали бой курайшитам и победили их, положив тем самым начало триумфальному шествию ислама по Хиджазу (The Life of Muhammad 2011: 487). *Хадис* о молитве, переданный 'Амром б. 'Утбой ал-Ансари со слов Абу Хурайры, с которым он принимал участие в своей последней битве с хазарами, относится к числу «достоверных» и упоминается во многих сборниках *хадисов*, в том числе в «Сахих Муслим». Ранняя смерть под Баланджаром не позволила ему передать большое число *хадисов*, как Абу Хурайре.

Как мы уже знаем, часть отступавших из-под Баланджара войск вывел Салман б. Раби'а, причем, как утверждается, через Дербент. В таком случае именно он и должен был забрать с собой тела погибших – не только потому, что возглавлял поход, но и по той причине, что другая часть отряда отступала через горы. Кроме того, в этом случае он должен был войти в город через Кырхляр-капы – самые большие ворота в северной стене.

Здесь мы оказываемся на зыбкой почве гипотез и предположений. С одной стороны, наиболее логичным местом для захоронения павших является пространство перед воротами, т.е. территория кладбища Кырхляр: маловероятно, чтобы арабы пронесли многочисленных погибших через весь город, чтобы похоронить их в другом месте. На гравюре Олеария многочисленные саркофаги размещены как раз перед Кырхляр-капы, выше огороженного могильника. С другой стороны, южное кладбище, защищенное от хазар крепостными стенами, в большей степени подходит для захоронения сподвижников Пророка, особенно в свете того, как противник поступил с телом 'Абд ар-Рахмана ал-Бахили. Однако необходимо также учитывать и этику ранних мусульманских завоеваний, а именно – отсутствие социального неравенства среди участников похода. В погребальной культуре раннего ислама равенство мусульман перед Аллахом было важнее существовавшей в то время военной иерархии или неформальной власти духовных авторитетов. Иными словами, вероятность того, что сподвижник Пророка 'Амр б. 'Утба ал-Ансари,

участник битвы при Бадре, а также его товарищи, гибель которых подтверждает ат-Табари, могли быть похоронены на кладбище Кырхляр, достаточно высока.

Не менее интересна личность 'Алкамы б. Кайса ан-Наха'и ал-Куфи, который не только принадлежал к поколению *ат-таби 'ун*, но и входил в почетное число *ал-мухадрамун* – людей, заставших доисламскую эпоху, времена Пророка и эпоху после него. 'Алкама встречался со многими сподвижниками Пророка, передавал *хадисы* от «праведных» *халифов* Абу Бакра, 'Умара, 'Усмана и 'Али, а также от 'А'ишы бинт Аби Бакр, жены Пророка, и Салмана ал-Фариси, с которым он вместе участвовал в походе на хазар.

В истории о сражении арабов с хазарами под Баланджаром имя 'Алкамы б. Кайса встречается чаще всего. Так, мы узнаем, что в лагере под Баланджаром он жил в одной палатке с Йазидом б. Му'авией, Ми'дадом аш-Шайбани и Абу Музаффаром ат-Тамими. В голову Ми'дада, которую он обернул платком 'Алкамы, попал осколок камня из катапульты. 'Алкама снял с погибшего Ми'дада свой плащ и постирал его, но кровь не отошла. Позже, когда 'Алкама посещал в этом плаще пятничные молитвы, ему приходилось слышать упреки о том, что на нем кровь Ми'дада (Ат-Табари 1986: 66-67; Большаков 2010: 20).

Сведения ат-Табари об участии в походе на Баланджар 'Алкамы б. Кайса примечательны тем, что врата Дербента, ведущие к крепости, сохранили название *Баб ал-'Алкама*. Сам 'Алкама б. Кайс скончался гораздо позже, в 681 г., причем далеко от Дербента, так что его могила никак не может находиться на Кырхляре. Однако за воротами крепости Дербента закрепилось именно это имя, а не имена более известных в то время людей. Очевидно, это произошло потому, что первоисточником истории завоевания Дербента, записанной ат-Табари, со всеми обстоятельствами и событиями похода арабов на Баланджар, был некий Йазид, от которого передавали его сыновья. О.Г. Большаков полагает, что под этим именем скрывается либо Йазид, сын 'Алкамы, либо его племянник Йазид б. ал-Асвад, «хорошо известный передатчик *хадисов*, активный участник политических событий середины VII в., в том числе битвы при Сиффине» (Большаков 2010: 21).

Предание о 40 русских «святых мучениках»

Связь Кырхляра с русскими «святими мучениками» выглядит фантастической, если не сказать больше, но именно эта связь раскрывает истинную природу мусульманской легенды о сорока «мучениках за веру». Предание об этом зафиксировал московский купец Федот Котов, побывавший в Дербенте в 1623 г. на пути из Москвы в Персию, в своем сочинении «О хождении с Москвы в Персидское царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят»: «Около моря недалеко от Дербента наверху огорожено каменными плитами место, где лежат сорок мучеников, а мусульмане и армяне говорят, что это-де русские 40 святых мучеников. Все проезжие русские люди ходят к ним на поклонение, а некоторые служат им молебны. Они лежат каждый в своей гробнице, и на них положено по большому белому камню с вырезанной надписью. Никто эту надпись не может прочитать: ни мусульмане, ни армяне, ни турки. А вырезанная надпись очень большая. Здесь над гробницами выросло три деревца» (Русские путешественники 1958: 71). Отдельно пишет он обо всем кладбище Кырхляр и о другом старинном могильнике, расположенном рядом: «К той же ограде примыкает огороженное камнем мусульманское кладбище, и здесь два сторожа-мусульманина. Около этого кладбища есть и другие большие

старые кладбища с гробницами и надписями на них. Говорят, что надписи греческие» (Русские путешественники 1958: 71).

Единственным историческим оправданием русской версии легенды в письменных источниках могли бы стать сведения дербентской хроники «Та`рих ал-Баб», написанной в конце XI в. Маммусом ал-Лакзи, официальным историографом династии местных *амиров* Хашимидов (Аликберов 1991б: 119-121). Хроника содержит информацию о том, что после 987 г. в качестве личной гвардии дербентского *амира* Маймуна, управлявшего всей «пограничной областью» до Маската, Лакза и Ширвана, служили русы, которых он сам призвал на помощь (Минорский 1963: арабский текст, раздел 38). Известно также, что Хашимида часто сами возглавляли рейды *газиев* за пределы «пограничной области», направленные против «неверующих» (*ал-куффар*). Русы вполне могли принимать участие в этих рейдах, тем более что на деле это были не столько походы за веру, сколько ради добычи военных трофеев. Однако, во-первых, вряд ли правомерно отождествлять русов XI в., спускавшихся на «своих 18 ладьях» вниз по Волге, с русскими, как это понимал Федор Котов. А во-вторых, крайне сомнительно, чтобы мусульмане почитали язычников, неумеренно употреблявших вино, как «святых», особенно если учитывать напряженные отношения религиозной элиты с Хашимидами и их окружением именно по этому поводу. Уже в 987 г. мусульманская община города, подстрекаемая неким Мусой ат-Тузи, *хатибом* из Гиляна, выступила против *амира* Маймуна, требуя с него обета не употреблять вино (Минорский 1963: арабский текст, раздел 38). Восставшие потребовали от *амира* выдать им русов, чтобы предложить им «ислам или смерть», но Маймун предпочел отречься от власти в пользу другого члена династии взамен гарантий безопасности для себя и своего окружения и укрыться с русами в Табарсаране.

Арабские куфические тексты на некоторых из саркофагов могильника, выполненные в высоком рельефе, не оставляют сомнений в мусульманском происхождении памятника, хотя они действительно чрезвычайно сложны для обывателя, причем настолько, что даже арабы принимают их за неизвестные древние письма. Отсюда и предположения о «греческих надписях», которые, несомненно, не имеют под собой никаких реальных оснований. Исходя из этого, можно предложить три объяснения: либо Федот Котов записал искаженную версию предания со слов своего информатора, либо он специально приукрасил его в угоду своим читателям. Мусульманские путешественники, писавшие в жанре «чудес» (*ал-`аджа`иб*), поступали именно таким образом, сознательно смешивая в своем повествовании реальные факты и события со всевозможными чужеземными диковинками, чтобы поднять интерес к своим книгам. Наконец, автор мог записать одну из интерпретаций этой истории и передать ее общий смысл, основываясь на собственном, православном понимании легенды о «сорока мучениках». По всей видимости, это как раз тот самый случай, когда письменный источник фиксирует устное предание, но придает ему новое звучание в соответствии с совершенно иной традицией.

Дело в том, что во всех версиях преданий Кърхляра можно найти прямые параллели с восточнохристианской легендой о 40 православных мучениках и «святых воинах». Легенда повествует о воинах, принявших в 320 г. мученическую смерть за веру в Христа около города Себастья/Севастия, административного центра Малой Армении⁸. Молодые христиане из Каппадокии, находясь в составе римского войска, отказались выполнить

приказ своего военачальника, требовавшего от них принести жертвы языческим богам. Чего только не делали римляне, чтобы добиться их повиновения и отречения от Христа: заставляли всех раздеться и оставляли на всю ночь мерзнуть в ледяной воде Севастийского озера, искушали теплой баней, специально построенной по этому случаю. Утром, увидев, что дух воинов не сломлен даже перед угрозой смерти, перебили им колени и всех сожгли. Особый драматизм героической истории придают детали, придающие ей черты достоверности: один из каппадокийцев, не выдержав испытаний, все же отрекся от христианской веры в пользу римских богов, но, добравшись до бани, сразу умер. В то же время один из римлян, по имени Аглай, добровольно присоединился к мученикам и в конечном итоге разделил их участь. В литургических книгах Минеи восточнохристианской церкви приводятся имена всех 40 «мучеников», где Аглай фигурирует под другим, восточнохристианским именем (Menaion 1996: 57).

Впервые о духовном подвиге каппадокийцев поведал один из отцов церкви Василий Кесарийский (ум. в 379 г.), прозванный Великим, в своей вдохновенной проповеди, произнесенной им 22 марта в праздник Сорока мучеников. В панегирике, сохранившемся до нашего времени как «Беседа на день святых сорока мучеников», он так охарактеризовал мужественных отроков: «Святой лик! Священная дружина! Непокоримый полк! Общие хранители человеческого рода! Добрые сообщники в заботах, споспешники в молитве, самые сильные ходатаи, светила вселенной, цвет Церкви (как думаю, и духовный, и чувственный)! Вас не земля сокрыла, но прияло небо; вам отверзлись врата рая» (Василий Великий 1911: 229-237)⁹.

Здесь примечательны по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, идея ходатайства, споспешничества «мучеников» за всех верующих, которая звучит в устах Василия Великого, перекликается с идеей заступничества «мучеников за веру» в народном исламе, т.н. «практическом» суфизме, как и идея рая, которая ждет мучеников после добровольного акта самопожертвования во имя веры. Во-вторых, день весеннего равноденствия 22 марта был практически у всех земледельческих народов одним из важнейших праздников народного календаря с глубокой древности, праздником Святых мучеников в православии он стал на определенном этапе исторического развития. В 395 г. после распада Римской империи на восточную и западную образуется Византийская, или Восточная Римская империя, Каппадокия становится ее частью. Из Византии вместе с христианством праздник Святых мучеников получил широкое распространение и на Руси. Так, блестящий знаток русского язычества К.М. Гальковский подчеркивал, что название православного праздника «Сороки» (с ударением на первом слоге) произошло от 40 севастийских мучеников, хотя само празднество не имеет с ними ничего общего; на Руси этот день, известный с древних времен как Жаворонки, был приурочен к церковному дню памяти Сорока Севастийских мучеников и стал православным праздником» (Гальковский 2000: 91).

В Византии легенда о 40 православных мучениках и «святых воинах» приобрела большое идеологическое значение именно после того, как она во второй половине XI в. столкнулась лицом к лицу с тюрками-сельджуками, поскольку территориальные войны в то время приобретали форму войн религиозных. Столкновение двух совершенно разных миров, один из которых олицетворял собой восточное христианство, а другой – суннитс-

⁸ Совр. г. Сивас в Турции.

⁹ О влиянии его творчества на древнеармянскую литературу см.: Мурадян 1970.

кий ислам, актуализировало проблему самопожертвования во имя высших целей, причем как с той, так и с этой стороны. В эпоху Крестовых походов, начавшихся как раз в конце XI в., идеи христианского мира стали зеркально отражаться в мире ислама, и наоборот. Так, «мученик» по-гречески – *mártis* (μάρτυς), а на латинском языке – *mártir* (*martyr*), что означает «свидетель». Арабское слово *шахид* (شاهد) с ударением на первом слоге означает «свидетель», а на втором (شهيد) – «мученик», в том числе «мученик за веру».

Севастийские «мученики за веру» были канонизированы как православной, так и армянской церковью в качестве «святых». В Государственном Эрмитаже экспонируется византийский триптих конца XI – начала XII вв., выполненный из слоновой кости, в центральной части которого размещаются 40 Севастийских «мучеников». Резные объемные фигуры стоят рядами по 10 человек, бедра их едва прикрыты одеждой, по положению рук хорошо видно, что они мерзнут от холода. Ясно также, что стоят они в воде – Севастийское озеро изображено сзади «мучеников» методом раскраски слоновой кости, на переднем плане вода не видна. В центре композиции в первом ряду один из «мучеников» (пятый слева) потерял сознание, его поддерживает сосед (пятый справа). Над головами «мучеников» изображен Бог в окружении ангелов, которые символизируют рай.

Этот наполненный драматизмом сюжет популярен в различных видах церковного искусства: иконографии, книжной миниатюре, фресках, мозаике и др. Севастийским «мученикам» посвящено множество храмов и часовень по всему миру, в том числе часовня в Иерусалиме, армянский храм в Алеппо (Сирия), православный храм в Болгарии. Изображения этих «святых» можно найти также и в интерьере Софийского собора, построенного Ярославом Мудрым в Киеве в XI в.¹⁰

В первоначальной версии «Дарбанд-нама», написанной в начале XII в., говорится о 50 мучениках, похороненных в могильнике, однако в других списках это число снижено до 40. Число 40 сакральное и в христианстве, и в исламе: во многих религиозных системах считается, что на 40-й день после смерти душа окончательно отделяется от тела. Таким образом, мусульманская легенда о 40 мучениках, скорее всего, зеркально повторяет более древнюю христианскую легенду, восходящую к IV в., в силу определенных идеологических причин.

Рассуждения о возможности существования в районе Кырхляра христианского кладбища в албанский период истории города, или языческого святилища, превращенного впоследствии мусульманами в «святое место», так же как и версии о бытовании здесь каких-либо местных легенд и преданий, связанных с сакральным числом 40, во многом гипотетичны, хотя и не так безосновательны, как могут показаться на первый взгляд, но из-за отсутствия достаточно надежных данных оставляем их за пределами внимания.

Предания о тюрках-огузах

Адам Олеарий не только в подробностях описал предание об огузском происхождении могильника, но и оставил превосходную гравюру средневекового Дербента, на которой Кырхляр изображен в сравнительно большем масштабе на почетном переднем плане, вместе с обширным тогда кладбищем из саркофагов (рис. 4). Путешественник связывал происхождение «многих тысяч» саркофагов этого кладбища с «царем Кассаном» из пле-

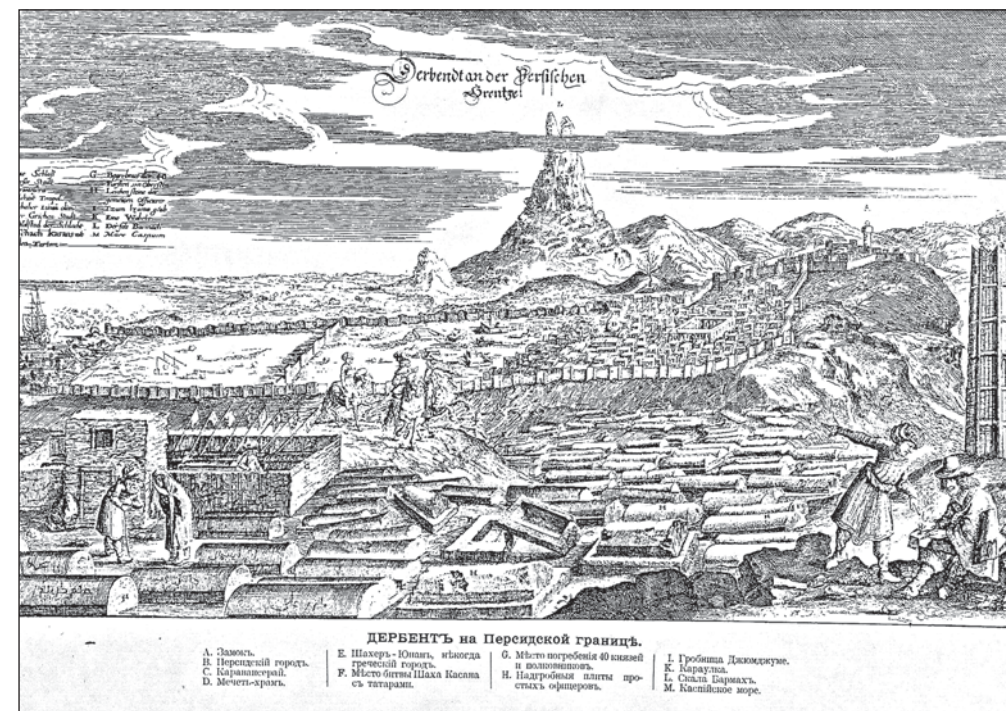

Рис. 4. Адам Олеарий. Могильник Кырхляр на фоне старого Дербента. Гравюра. 1636 г.

мени «окус», у которого «была ожесточенная битва с дагестанскими татарами, которых они зовут *лезги*, в этом самом месте. Он победил их, убив несколько тысяч человек. <...> Среди других мест погребения еще особое, окруженное стеною, находилось в сторону моря. Здесь лежали рядом сорок подобных, длинных, огромных надгробных плит и были водружены многие флаги <...> Здесь, как говорят, погребены 40 князей, святых мужей, погибших в той же битве» (Олеарий 1906: 110).

Памятные места обозначены на гравюре буквами латинского алфавита. Дореволюционный русский перевод текста Олеария снабжен примечательными пояснениями: буквой F на гравюре обозначено место сражения «шаха Кассана», буквой G – место погребения «40 князей и полковников», т.е. сам Кырхляр, буквой H – «надгробные плиты простых офицеров», т.е. саркофаги за пределами огражденной территории Кырхляра.

Племя «окус» можно было бы сопоставлять с огузским племенем сельджуков, а царя Кассана – с влиятельным сельджукским *вазиром* Низам ал-Мулком, или *хаджи* Хасаном, как его уважительно называл Малик-шах, поскольку еще с 1075 г. в Дербенте было установлено прямое сельджукское правление. Однако Низам ал-Мулк был убит ассасином в 1092 г., в то время как «царь Кассан», как пишет Олеарий, умер «позже своею смертью, похоронен у Тавриза при реке Аджи («горькая вода»). Там и теперь можно видеть его гробницу». Далее, он был женат на Бурлэ, и «место погребения его супруги царицы Бурлэ показывают у крепости Уруми. Говорят, что могила в 40 фут длиной» (Олеарий 1906: 111).

¹⁰ Подробнее об этом см: Комеч 1987; Никитенко 2004.

В. В. Бартольд идентифицировал личность «царя Кассана» из книги Олеария с Казаном из эпоса «Книга о моем деде Коркуде, на языке племени огузов»: «Путешественник Олеарий в 1638 г. слышал рассказ об «имаме Коркуде», могилу которого тогда показывали близ Дербента. Однако Коркуд и в XVII в. оставался эпическим певцом, и с его именем связывались имена героев нашего памятника, «Имам Коркуд», по словам Олеария, играл на лютне (Laute), пел песни царю «Кассану» и побуждал его к войне с лезгинами, в то время язычниками; от руки тех же лезгин, которым он проповедовал ислам, он потом пал. Кассан, т.е. Салор-Казан нашего памятника, умер своей смертью и был похоронен в Тебризе; могилу его жены Burlae, или Burloe (нигде, кроме нашего памятника и рассказа Олеария, этого имени нет), показывали в Урмии. Теперь этих могил никто не знает; давно забыты как рассказы, вошедшие в «Книгу о Коркуде», так и имена героев этих рассказов» (Бартольд 1962, с. 120).¹¹

Очевидно, нельзя не учитывать сложный исторический контекст условий, в которых происходила передачи этого сказания. Адам Олеарий прибыл в Дербент в тот период, когда политическая и религиозная элита города усилиями сефевидского шаха Аббаса и его преемника представляла почти исключительно тюркско-алавитскую среду; в условиях религиозных войн Сефевидов сунниты оказались вытеснены на обочину общественной жизни, а эпические истории о героических предках огузов стали чрезвычайно популярными. По этой причине нет никаких оснований полагать, что истории о «царе Кассане» действительно имеют какое-то отношение к могильнику, кроме мифического. Новейшие исследования показывают, что сказания, вошедшие в состав «Китаб-и дедем Коркут», появились в пределах XI в., однако записаны они были только в XIV в. (Аникеева 2005: 7). Исследователи полагают, что это было связано с началом завоеваний Османа, основателя династии султанов Османской империи (Васильев, Аникеева 2014: 38). Более того, обе редакции рукописи «Китаб-и дедем Коркут», которыми располагают исследователи — Дрезденская и Ватиканская, датируются XVI в. (Аникеева 2005: 7). Поэтому, как мне представляется, рассказ Олеария свидетельствует о наложении друг на друга двух различных историй об огузах — устных сказаний об эпических огузах из «Дедем Коркут», записанных как раз в предшествующий период, и исторических огузов-сельджуков, тем более что Дербент входил как в зону формирования этого эпоса,¹² так и в состав Сельджукской империи.

Дмитрий Кантемир, побывавший в Дербенте в начале XVIII в. во время Персидского похода Петра I, обстоятельно изучал древности города. Он также зафиксировал предание об огузском происхождении могил Кырхляра. Таким образом, сефевидская перекодировка культурно-исторической и конфессиональной идентичности влиятельной части городского населения Восточного Кавказа привела к тому, что героический эпос тюрков-огузов практически полностью затмил их триумфальную историю, прежде всего историю огузского племени сельджуков. Вероятно, потому, что более массивная по сравнению с другими группа саркофагов могильника напоминала им об их мифических

предках — могучих богатырях из древнего эпоса, который, как мы видим, остается популярным и спустя долгие годы.

А между тем Румянцевский список «Дербенд-наме» содержит ряд имен погребенных здесь предводителей отрядов *газиев* с соответствующими титулами: *султан* Пир-‘Али ад-Димашки, *султан* Чумга, *султан* Кух-хан (?), *султан хаджжи* Шамс ад-дин, *султан* Баба, *султан* Кучек и др. (The Derbend-Nameh 1851: 86-90). Как явствует из источника, в могильнике Кырхляр хоронили не просто *газиев*, а их предводителей, иначе говоря, местных *сарлашкар*ов, которых в сельджукскую эпоху почетно титуловали *султанами*. Имена, как видим, не все огузские, среди них встречаются имена арабские и персидские, но важно то, что после 1075 г. все *газии* «пограничной области» находились на службе Сельджукидов.

Сопоставление имен *султанов*, предводителей отрядов *газиев*, с местной топонимикой позволило установить, во-первых, происхождение одного из названий крепостей, а во-вторых, тот факт, с каким из военных укреплений связывать имя *султана* Пир-‘Али ад-Димашки. В «Дербенд-наме» упомянуто одно из ближайших к Дербенду военных поселений мусульман — Пир-Димашки (Пирдамешки). В другой местной хронике «Та’рих ал-Баб», написанной в конце XI в., зафиксирован топоним, по написанию напоминающий Пир-Димашки. Текст источника сообщает, что в 1055 г. владетель Сарира, собрав сводный отряд, в составе которого были и тюрки, двинулся на *Баб ал-абваб* на помощь *ра’исам*, но расположился лагерем у Димишка. Затем он отправил людей к *Баб ал-джи-хад* (совр. Кырхляр-капы), откуда они угнали скот (Минорский 1963). Помимо всего прочего данное сообщение предлагает нижнюю датировку Кырхлярского могильника: не все его памятники относятся к концу XI в. ‘Али ад-Димашки, руководивший военным гарнизоном ближайшего к средневековому Дербенду военного укрепления, за которым впоследствии закрепилось его имя с почетной приставкой *пир* (т.е. «святой»), явно скончался задолго до этого времени.

Захоронение под стенами цитадели *ал-Баба* в специально огороженном мемориальном комплексе «*шахидов*» с тюркскими именами, которые были к тому же и предводителями отрядов *газиев*, исторически возможно лишь в последней четверти XI в.: при Йагме, представителе Сельджукидов в *Баб ал-абвабе*, и при Сау Тегине, *хаджибе* Сельджукидов, под руководством которого город превратился в военно-политический аванпост Сельджукидов на Кавказе.

Эпиграфические свидетельства

По ряду признаков, в том числе по устным преданиям и сведениям письменных источников, Кырхляр может быть памятником по крайней мере двух эпох — ранней арабской (середина VII в.) и ранней сельджукской (последняя четверть XI в.). Иными словами, влиятельные местные *султаны* сельджукского времени, предводители отрядов *газиев* пограничной области, могли быть захоронены на наиболее значимом участке северного кладбища, заложенного на самой начальной стадии арабо-хазарских войн, где нашли покой первые мусульманские «мученики за веру», т.е. Кырхляре. На это косвенно указывают два типа памятников святилища. Первый тип — архаичные, цельные, маленькие по размерам и без надписей, характерные для более ранней эпохи; и второй тип — гораздо более крупные по размерам, среди которых встречаются и полые, высеченные изнутри, и имеющие по бокам вдоль памятника и на торцах эпиграфические тексты. Признание раз-

¹¹ Выражаю свою благодарность Ш. Мустафаеву и Т. Аникеевой, которые обратили мое внимание не только на древнетюркский эпос «Дедем Коркут», но и обширную литературу о нем.

¹² См. карту географических названий, упомянутых в «Китаб-и дедем Коркут», которая приводится в приложении к книге: Dedem 2006.

новременности этого могильника объясняет все многообразие исторических преданий, которые с ним связаны. Тем не менее, для окончательных выводов памятник нуждается в специальном археологическом изучении, которое существенно осложняется его высоким культовым статусом. До проведения таких исследований предположения, касающиеся раннеарабского периода существования данного конкретного святилища, являются предварительными.

В качестве важного датирующего материала для определения времени окончательного формирования Кырхляра в качестве культового погребального комплекса выступают эпиграфические тексты на отдельных саркофагообразных памятниках. Все они выполнены в характерном для сельджукской эпохи стиле, – куфическим шрифтом с ясно выраженными элементами «цветения». По своим палеографическим признакам надписи датируются в пределах XI–XII вв., причем эти датировки подтверждаются одним из сохранившихся куфических текстов на саркофаге, который гласит: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Это могила Махмуда б. Аби-л-Хасана, сына убитого за веру... Да помилует его Аллах... Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Далее надпись продолжается на южной и северной сторонах памятника: «Боже, когда соберешь первых и последних, то прости раба твоего, бедного обладателя этой могилы, да помилует его Аллах! Год четыреста шестьдесят девятый»¹³. 469 год *хиджры* начался 5 августа 1076 г. и закончился 24 июля 1077 г.

Сопоставление сведений нарративных источников с эпиграфическими данными не всегда возможно. С одной стороны, потому, что единичные лапидарные тексты, которые читаются, как эпитафия Махмуда б. Аби-л-Хасана, не позволяют идентифицировать людей, похороненных в могилах, если они не упоминаются в письменных источниках. С другой стороны, упоминание в надписях на саркофагах полного имени с *нисбой*, как в случае с ‘Али ад-Димашки, является скорее исключением, чем правилом. В сочинении «Дербенд-наме» большинство предводителей отрядов *газиев*, прежде всего огузского происхождения, в основном упоминаются под звучными прозвищами. Например, имя Чумга прямо коррелирует с названием гагаровой птицы чомги, которая еще у древних тюрков наделялась сакральной силой. По данным «Древнетюркского словаря», это слово происходит от *чомгук* (Древнетюркский словарь 1969: 153). Махмуд Кашгари, ссылаясь на огузов, называл *чомгу* «белоногой вороной» (ал-Кашгари 2005: 437). Прозвище Кучек определенно указывает на рост или возраст (от *кучик*, «маленький», «небольшой», «малый», «молодой») (Этимологический словарь 1997: 75–77), а Баба – на суфийский путь его носителя и его тюркские (огузские) корни. Имя Кух (от *кух*, «гора») персидского происхождения. Шамс ад-дин – почетное прозвище, означающее «Солнце веры», под этим прозвищем мог прятаться араб или перс, но обязательно авторитетный представитель религиозных наук. Пир-‘Али Дишамки, по всей видимости, был арабом из Шама, но имя его приводится по нормам распространенной на Восточном Кавказе персидской традиции.

Полуцилиндрические саркофаги на другом местном мемориальном комплексе – Джумджум – также относятся к периоду сельджукского присутствия в ал-Бабе: так, эпи-

тафия Махмуда б. Аби-л-Хасана датируется 469 г.х./1076–77 гг. (Шихсаидов 1984: 15–21), а *султана* Йусуфа – 479 г.х./1086–87 гг. (Лавров 1966: 61–62), что косвенно свидетельствует о продолжительности прямого сельджукского правления в городе. Таким образом, Адам Олеарий был прав, когда относил происхождение обоих могильников на старом кладбище Дербента, особо почитаемых среди местного населения, а именно Кырхляра и Джумджума, ко времени сельджукских завоеваний.

Эпитафия *газия*, похороненного неподалеку от Кырхляра, высеченная высоким рельефом по бокам саркофага т.н. «сельджукским стилем», т.е. крупным куфическим шрифтом с характерными для тюрков орнаментальными элементами, гласит: «Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха, ‘Али – святой Аллаха (*вали*). Это могила павшего *шахида султана хваджи* Шамс ад-дина б. *хваджи* Рукн ад-дина. В почитаемом месяце *раджаб* пятьсот тридцатого года *хиджры* Пророка». Указанная в эпитафии дата, относящаяся к периоду между 5 апреля и 4 мая 1136 г., соответствует более позднему времени, когда формирование культового комплекса Кырхляр уже завершилось.

Значение памятника

Впервые религиозные обряды и ритуалы, связанные с памятником Кырхляр, также описал Адам Олеарий. Он заметил, что «персы и татары ежедневно приходят сюда молиться. Прежде здесь учреждена была выдача богатой милостыни. Теперь же это место стережется лишь одним стариком, живущим здесь; он сам живет милостыней от тех, кто приходит для посещения могил». В праздник жертвоприношения ‘*Ид аль-адха*’ Олеарий стал очевидцем церемонии, которую дербентские шииты проводили на святилище: «13 апреля сюда прибыли 60 татар: мужчин и женщин. На следующий день, 10 зилхадже 307, когда праздновалось жертвоприношение Авраама, они пришли к керхлеру, чтобы по своему обычаю принести жертву. Они шли друг за другом, целовали надгробные плиты, держали руки над ними и молились» (Олеарий 1906: 111).

Значение Кырхляра как объекта культового поклонения временами падало, но традиции, связанные с памятником, никогда не прерывались. П.И. Спасский, создававший в середине 1920-х гг. краеведческий музей Дербента, отмечал, что мусульмане-сунниты свято чтут эти могилы и верят в их чудодейственную силу: заступничество погребенных в них «святых» вызывает обильный дождь, бездетные женщины с молитвой подвязывают небольшие лоскутки к веткам растущих на Кырхляре кустов, веря, что у них будут рождаться дети.

По нашим наблюдениям, в настоящее время этому «святому месту» поклоняются и сунниты, и шииты, представители азербайджанской общины города, хотя в Дербенте сохранилось немало святынь, связанных исключительно с шиитским исламом. Таким образом, культовый комплекс Кырхляр – один из немногих памятников, наряду с Джумамечетью, до сих пор имеющих ярко выраженное общеисламское значение.

На примере Кырхляра можно увидеть всю сложность, противоречивость и синкретизм исламских традиций современного Дагестана, которые имеют глубокие исторические корни. Паломничество к «святым местам» (*аз-зийара*), культ «святых» и вера в чудеса «святых» (*карамат ал-аулийа*) представляют собой суфийскую традицию, восходящую в данной местности к периоду раннего суфизма, по меньшей мере к X–XI вв. (Аликберов 2003: 539–543). Далее, *арба’инийа* – сорокадневное подвижничество, продолжительный

¹³ Эпиграфические тексты саркофагообразных памятников на этом кладбище изучены и опубликованы Л. И. Лавровым и А. Р. Шихсаидовым (Лавров 1966; Шихсаидов 1984).

обряд очищения, также является суфийским, более того, этому обряду посвящен отдельный раздел сочинения «Райхан ал-хака'ик» местного автора Абу Бакра ад-Дарбанди (см. о нем выше), написанного на рубеже XI-XII вв. Наибольшего распространения в Дербенте суфизм достиг как раз после сельджукского завоевания города, после 1075 г., хотя до этого здесь тоже жили мистики.

С другой стороны, сельджукские *султаны*, руководившие крепостями, как и туркоманские *гази*, были суннитами. Их патроны, Великие Сельджуки, изначально выступали в качестве защитников суннитского ислама перед угрозой исламского призыва (*да'ва*) со стороны Фатимидов Египта, соперничавших с 'Аббасидами, а затем и связанной с этим внутренней смуты в лице *ассасинов* Хасана ал-Саббаха. В сефевидскую эпоху азербайджанцы, потомки тюрков-огузов, осевших на Кавказе, преимущественно стали шиитами. Поэтому памятник, как и Джума-мечеть, заложенная Масламой б. Мухаммадом еще в 735 г., является своим и для суннитов – по признаку конфессиональной принадлежности, и для шиитов – из-за этнического родства. Такое положение дел возвращает нас к межконфессиональному миру и согласию, которые царили в *Баб ал-абвабе* в период формирования Кырхляра – в последней четверти XI в. В своем сочинении Абу Бакр ад-Дарбанди не только называет шиитов, в частности, сыновей Ахмада б. ал-Хусайна ал-Гада'ири, верховного *кади* «пограничной области», своими учителями, но и приводит имя *шайха ат-Та'ифа* Абу Джа'фара ат-Туси, основоположника имамитской религиозно-правовой школы (*мазхаба*), называемой по его *кунье* джа'фаритской, в числе выдающихся суфийских «святых» в разделе «Табакат ал-аулийа'» (Аликберов 2003: 668-670).

За последние десятилетия в сфере организации службы на Кырхляре произошли определенные изменения. Святыню обрело добровольных смотрителей, ухаживающих за памятником; в качестве хранителей этого культового места традиционно выступают пожилые женщины, принадлежащие к шиитской общине города. Они регулируют поток желающих прикоснуться к божественной благодати (*ал-барака*), исходящей от могил «мучеников за веру».

Новые элементы появились и в сфере ритуала. В частности, паломники льют воду на памятник из искусственной выемки в одном из саркофагов, где она накапливается после дождей. Если выемка пуста, воду льют из специального сосуда, чтобы добиться исполнения своих сокровенных помыслов и желаний. Некоторым из паломников дают чудодейственную землю, завернутую в лоскуток белой ткани, которая якобы спасает от сглаза и других подобных напастей.

Бездетные женщины приходят на могильник в надежде на то, что Всевышний ниспослет им детей благодаря заступничеству «святых мучеников». Для этого недостаточно привязать кусок материи к ветке одного из дикорастущих здесь деревьев: смотрительница подскажет, что надо еще качать небольшую по размерам, высотой 40 см, «люльку», высеченную из камня, воображая, будто там лежит будущий ребенок. «Люлька» находится внутри огороженного пространства памятника, на отдельном замощенном участке, на левой стороне после входа.

Рассказывают, что эту «люльку» принесли с какого-то другого «святого места», а именно – с шиитского святилища *Дюльдюль Али* на южном кладбище, известном тем, что там якобы сохранились камни со следами копыт Дулдул, небезызвестного коня 'Али б. Аби Талиба. Это святилище известно также несколькими «люльками» из камня, куда

местные жители укладывали своих больных детей в надежде на их чудесное исцеление. (Месхидзе 1999, 35-36). Другие рассказчики, напротив, настаивают на том, что «люлька» на Кырхляре была всегда, по крайней мере, с конца 1960-х гг.¹⁴.

Не обошли стороной Кырхляр и новейшие религиозно-политические веяния, связанные с возрождением ислама в регионе. Помимо таблички советских времен с надписью «Группа могил Кырхляр. Памятник архитектуры. Реставрирован на средства Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» совсем недавно на ограде комплекса появилась еще одна, предупредительная, с «убедительной просьбой» к «посетителям женского пола, при входе на кладбище Кырхляр и в святыню сорока мучеников одеваться в соответствии с Шариатом» (орфография и пунктуация текста сохранены). Речь идет о требовании к паломницам закрывать все части тела, кроме лица и кистей рук.

Нередко на Кырхляре и возле него на одноименном кладбище раздают милостыню (*садака*) в виде сладостей, как правило, в память о своих усопших родственниках. Среди паломников сложился обычай отдавать небольшие добровольные пожертвования на содержание этого «святого места» и помощь страждущим.

Не так давно Кырхляр был включен в число туристических достопримечательностей Дербента. Значение его как исторического памятника и культового места с каждым годом растет и будет расти, особенно в связи с 2000-летием со дня основания города, которое празднуется в 2015 г.

¹⁴ Записано со слов проф. М.С. Гаджиева, руководителя Дербентской археологической экспедиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аликберов 1991а – Аликберов А.К. “О протографе «Дарбанд-нама» и его авторе” // *Восток: прошлое и современное народов (новые подходы в теории и методиках исследований)*. IV Всесоюзная конференция востоковедов. М., с. 63-65
- Аликберов 1991б – Аликберов А.К. “Об авторе исторической хроники XI в. «Та’рих Баб ал-абваб ва-Ширван»” // *Рукописная и книжная культура в Дагестане*. Махачкала, с. 119-121
- Аликберов 2001 – Аликберов А.К. “Кырхляр” // *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Вып. 3. М., с. 62-64
- Аликберов 2003 – Аликберов А.К. *Эпоха классического ислама на Кавказе*. М.
- Аникеева 2005 – Аникеева Т. А. Элементы древнетюркской картины мира (на примере огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркут») // *Тюркологический сборник 2003-2004*. Тюркские народы в древности и средневековье / Ин-т востоковедения. Санкт-Петербургский филиал. М.: Вост. лит. РАН, 2005. С. 6–29.
- Ибн ал-Асир 1966 – Ибн ал-Асир. *Китаб ал-камил фи-т-та’рих*. I-XIV. Бейрут
- Бартольд 1962 – Бартольд В. В. “Турецкий эпос и Кавказ” // *Книга Коркута*. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. С. 109-120.
- Большаков 2010 – Большаков О.Г. “К истории завоевания Дербента арабами” // *Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей в честь профессора Амри Рзаевича Шихсаидова*. Сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., с. 15-22
- Василий Великий 1911 – Василий Великий. “Беседа на день святых четырехдесяти мучеников” // *Творения ... Василия Великого ...* Т. 2. СПб.
- Васильев, Аникеева 2014 – Васильев Д. Д., Аникеева Т. А. «Книга моего деда Коркута» как памятник огузского эпоса // *Альманах «Тюркский мир»*. Астана: Тюркская академия, С. 36-43
- Гальковский 2000 – Гальковский К.М. *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси*. М.
- Древнетюркский словарь 1969 – *Древнетюркский словарь*. Редакторы В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.
- Каланкатуаци 1984 – Каланкатуаци Мовсэс. *История страны Алуанк*. Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш.В. Смбабяна. Ереван
- ал-Кашгари 2005 – Махмуд ал-Кашгари. *Диван лугат ат-Тюрк*. Пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы
- Комеч 1987 – Комеч А.И. *Древнерусское зодчество конца X – начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции*. М.
- Лавров 1966 – Лавров Л.И. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*. Ч. I. М.
- Месхидзе 1999 – Месхидзе Дж. “Дюльдюль Али” // *Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь*. Вып. 2. М., с. 35-36
- Минорский 1963 – Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербенда X–XI вв.* М.
- Мурадян 1970 – Мурадян К.М. *Василий Кесарийский и его «Шестоднев» в древнеармянской литературе*. Автореф. дисс. ... к.филол.н. Ереван
- Никитенко 2004 – Никитенко Н.Н. *Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Историческая проблематика*. 2-е изд. Киев
- Олеарий 1906 – Олеарий Адам. *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно*. СПб.
- Русские путешественники 1958 – *Русские путешественники в странах Востока. Хождение купца Федота Котова в Персию*. Публикация Н. А. Кузнецовой. Отв. ред. А.А. Кузнецов. М.
- Ат-Табари 1986 – Ат-Табари. *История пророков и царей*. Пер. и коммент. А.Р. Шихсаидова. М. (Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма)
- ал-‘Усфури 1967 – *Та’рих Халифа б. Хаййат ал-‘Усфури*. Изд. А.Д. ал-‘Умари. Ан-Наджаф
- Хан-Магомедов 1966 – Хан-Магомедов С.О. “Раннесредневековая Горная стена в Дагестане” // *Советская археология* № 1, с. 227-243
- Хан-Магомедов 2002 – Хан-Магомедов С.О. *Дербентская крепость и Даг-бары*. М.
- Челеби 1983 – Челеби Эвлия. *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века)*. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Перевод и комментарии. Сост. и отв. ред. А.Д.Желтяков. М.
- Шихсаидов 1984 – Шихсаидов А.Р. *Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник*. М.
- Шихсаидов-Магомедов 2000 – Шихсаидов А.Р., Магомедов М.Г. *Калакорейши (крепость курейшиитов)*. Махачкала
- Этимологический словарь 1997 – *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “К”, “Қ”*. Авт. слов. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М.
- al-Beladsori 1866 – *Liber expugnationis regionum auctore imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori*. Ed. by M. De Jong. Lugduni Batavorum [Leiden]
- Dedem 2006 – *Dedem Korkudun Kitabı*. Hazırlayan Orhan Şaik Gökyay. İstanbul.
- Derbend-Nameh 1851 – *The Derbend-Nameh, or the history of Derbend, translated from a select Turkish version and published with the text and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities etc. occurring throughout the work by Mirza Kazem-Beg*. Spb.
- Dunlop 1954 – Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton
- Ibn El Athiri 1869 – Ibn El Athiri. *Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Volumn tertium. Annos H. 21–59 continens, ad fidem codicum Londinensium et Parisinorum*. Edidit Carlos Johannes Tornberg. Lugduni Batavorum [Leiden]
- Gabrieli 2007 – Gabrieli F. “Al-Amin” // *The Encyclopaedia of Islam. 3rd Edition*. Edited by Kate Fleet, Gudrun Krämer, Denis Matringe, John Nawas and Everett Rowson. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, p. 437-438
- Gadjiev-Shikhsaidov 2002 – Gadjiev M.S., Shikhsaidov A.R. “The Darband-nama on Harun al-Rashid and a Newly Discovered Arabic Inscription from A.H. 176” // *Manuscripta Orientalia*. Vol. 8. No. 3, p. 3-10
- Ibn Khaldun 1980 – Abd ar-Rahman b. Muhammad Ibn Khaldun. *The Muqaddimah: an introduction to history*. Vol. I. Trasl. by Franz Rosenthal. N.Y./Princeton
- Lane 1968 – Lane W. *An Arabic-English Lexicon*. Part 2. Beirut
- The Life of Muhammad 2011 – *The Life of Muhammad. Al-Wakidi’s Kitab al-Maghazi*. Ed. By Rizwi Faizer. Translated by Rizwi Faizer, Amal Ismail and AbdulKader Tayob. N.Y.
- al-Masudi 1967 – *Kitab at-tanbih wa’l-ischraf auctore al-Masudi*. Ed. by M.J. de Goeje. Leiden (BGA VIII)
- Menaion 1996 – *Menaion of the Orthodox Church. Vol. VII: March*. Transl. by Isaac E. Lambertsen. Liberty TN
- at-Tabari 1879-1901 – *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*. I-IV. Ed. by M.J. de Goeje. Leiden

Тауфик Камель ИБРАГИМ
(Москва)

О ВЕЧНОСТИ АДА СОГЛАСНО КОРАНУ

Мусульманская теология, подобно иудейско-христианской, учит о вечности Ада. Правда, в отношении мусульман (и единобожников вообще) доминирует оптимистическая установка: все обреченные на адские муки грешники из числа исповедников монотеизма рано или поздно высвободятся из Геенны и перейдут в райскую обитель.

Сам же Коран, хотя в нем и есть немало число *айатов*, звучащих в смысле вековечности Геенны, тем не менее представляет солидную основу для широчайшего оптимизма, даруя надежду на универсальность счастливого исхода, на осенение Божьей милостью всех без исключения людей. В смысле всеобщего спасения высказывались ряд видных сподвижников-*сахабитов* Пророка и их последователей-*табиитов*. К этой точке зрения склонялся имам аль-Газали (ум. 1111). Среди тех, кто обстоятельно обосновал такую установку, были философы Ибн-Сина (Авиценна, ум. 1037) и Садррадин аш-Ширази (Мулла Садра, ум. 1641), суфии Ибн-Араби (ум. 1240) и аль-Джили (ум. 1448), ханбалиты Ибн-Таймийя (ум. 1328) и Ибн-аль-Каййим (ум. 1350). В Новое и Новейшее время ее разделяли крупные теологи и мыслители, такие как Джамаляддин аль-Афгани (ум. 1897), Мухаммад Абдо (ум. 1905), Рашид Рида (ум. 1935) и Махмуд Шальгут (ум. 1963), индо-пакистанский поэт-философ Мухаммад Икбал (ум. 1938), татарский реформатор Муса Бигиев (ум. 1949).

Ниже освещаются коранические и другие основы концепции о всеобщем спасении. Предварительно дается разбор доводов мусульманских богословов-этерналистов (от латин. *aeternus*, «перманентный», «вечный»)¹.

¹ Коран, Сунна и другие источники на арабском языке цитируются в авторском переводе (если не оговорено иное). При ссылке на Коран указывается номер суры-главы и через двоеточие номер айата-стиха. Сунна цитируется по номеру хадиса-предания в соответствующем своде. Номера хадисов из шести канонических сводов предваряются буквой, обозначающей составителя: Б (аль-Бухари), М (Муслим), Д (Абу-Дауд), Ж (Ибн-Маджа), Н (ан-Насаи) и Т (ат-Тирмизи). Буквой «Х» маркирован свод Ибн-Ханбалы. Если хадис фигурирует и у аль-Бухари, и у Муслима, своды которых считаются наиболее надежными, то при ссылке на каноническую Сунну указываются лишь эти два источника. В арабских словах нижним подчеркиванием выделяется подударная буква.

1. Критика этерналистских доводов

Сторонники бесконечности/вечности мучений в Аду преимущественно ссылаются на традиционные свидетельства – коранические откровения и *хадисы*.

От Корана и Сунны

С точки зрения ригористов-этерналистов, о вечности адских мук свидетельствуют коранические угрозы в адрес неверных: «таковые суть обитатели Ада, и пребудут там навеки (*халидуни*)» (2:39), «навечно вечные (*халидина фи-ха абада*)» (4:169); для них адова кара «неотступна (*гарам*)» (25:65), «продолжительна (*муьым*)» (9:68), «необлегчаема (*ля-йуфаттар*)» (43:75); «из Ада им не выйти» (2:167); «каждый раз, когда они восхотят вырваться..., ввергнут их туда снова» (22:22); «с ними не покончат, не умертвят их» (35:36); «им не вступить в Рай, пока верблюд не пройдет сквозь игольное ушко» (7:40).

О вечности Ада учит и Сунна. Согласно одному *хадису*, «те люди Ада, которые обречены, не будут там умирать и оживляться» (М 185). А в другом *хадисе* рассказывается, как в Судный день смерть приводится в образе барана, и животное заколят, что символизирует нетленное пребывание людей в Раю и Аду (Б 4730; М 2849). Ссылаются также на тот факт, что Сунна возвещает о выведении из Ада тех, в чьем сердце есть «хотя бы крупица веры», но не о выведении оттуда неверных (*куффар*). Равным образом во всех *хадисах* о заступничестве (*шафа'а*) явно говорится о вызволении из адского пламени именно грешников из числа единобожников: ведь если бы из Ада освободились также неверные, не было бы у правоверных никакого преимущества!

Отвечая на эти аргументы, финитисты (сторонники конечности Ада, от латин. *finis*, «конец», «предел») отмечают, во-первых (Ибн-аль-Каййим. *Хадис*: I, 76, 82; Садыкы. *Тафсир*: К 78:23), что фигурирующие в означенных *айатах* арабские слова *халид/хулюд* и *абад*, которые оппоненты понимают в смысле вечности как бесконечной продолжительности, не обязательно имеют такой смысл, но лишь смысл «долгое пребывание» (*мукс тавиль*). Ибо подобные слова арабы употребляют, говоря, например, о пожизненном заключении (*кайд мухалляд, хабс му'аббад*) или при пожелании долголетия. Эпитет *хавалид* (мн. ч. от *халид*) прилагается к горам и камням для установки котелка (*асафи*), поскольку они долговечны. И в самом Коране слово *абад* – а оно еще сильнее слова *хулюд* выражает идею долговечности – часто фигурирует в значении «пожизненно» (например, 2:95; 5:24; 9:83, 84, 108).

Во-вторых (Ибн-аль-Каййим. *Хадис*: II, 783-784), в тех же грозных выражениях Коран и Сунна увещивают и грешников из числа самих мусульман. Так, разъясняя в начальных *айатах* суры 4 некоторые правила касательно брака и раздела имущества, Всевышний далее предупреждает: «Таковы предписания Божии... // Кто же ослушается Бога и посланника Его, // Преступая законы Его, // Того Он ввергнет в Ад, // Где ему пребывать вечно» (4:14). А мусульманину, совершившему преднамеренное убийство, та же сура обещает: «Возмездие тому будет Геенна, // И там вечно он пребудет» (4:93). Равным образом Сунна увещивает, что самоубийце Рай заповедан (Б 3463; М 113), и таковому – вечное мучение в Геенне (Б 5778; М 109).

«Сектанты» (хариджиты и мутазилиты) настаивают на Божьем исполнении такой угрозы, на вечном наказании великогрешных мусульман. «Ортодоксальные» же сунниты-

кие богословы единогласно отвергают буквальное толкование этих *айатов*, полагая, что после соответствующего срока пребывания в Аду все согрешившие мусульмане Божьей волей выйдут оттуда и вступят в Рай. По мнению финитистов, в том же «педагогическом», воспитательно-устрашающем ключе следует понимать *айаты* и *хадисы*, обращенные к неверным.

В-третьих (Ибн-Таймийа. *Раод*: 73; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 749), указанные свидетельства Корана и Сунны говорят лишь о том, что обреченные неверные остаются в Аду, откуда тот существует – доколе он есть, таковым не выйти оттуда, как выходят оттуда единобожники. Ведь это не одно и то же: выйти из тюрьмы, притом тюрьма остается тюрьмой, или освободиться из тюрьмы вместе с ее разрушением.

От консенсуса

Этерналисты полагают, будто имеется консенсус (*иджма'*) среди представителей первых поколений мусульман в отношении вечности/непрестанности как Рая, так и Ада. Они считают также, что положение о конечности Ада представляет собой позднее догматическое новшество (*бид'а*), выдвинутое сектантами, такими как джахмиты (последователи Джахма ибн Сафвана, ум. 745) и мутазилит аль-Алляф (ум. ок. 840), которые учили о конечности обоих обиталищ – и Ада, и Рая².

В действительности же, возражают финитисты, никакого консенсуса по этому поводу не было. Что же касается сахабитов, то с ними дело скорее обстоит совсем наоборот: ряд видных сахабитов – Умар, Ибн-Масуд, Абу-Хурайра и другие³ – однозначно высказывались в смысле конечности Ада, тогда как неизвестно, чтобы кто-либо из сахабитов выступал против этого! Разногласия во мнениях о конечности-бесконечности адского наказания наблюдается лишь со времен табиитов. Отсюда следует ошибочность утверждения о чисто сектантском происхождении учения о конечности Ада. Более того, упомянутые сектанты – джахмиты и последователи аль-Алляфа – не проводят различия между Раем и Адом в плане конечности-перманентности. И еще, не всякое учение сектантов непременно является ложным! (Ибн-Таймийа. *Раод*: 71–72; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 748, 750–751).

От укорененности зла в душах неверных

По мнению этерналистов, вечность кары обусловлена тем обстоятельством, что воззрения и другие дурные свойства душ неверных людей перманентно присущи им и никогда эти души не избавятся от таковых. И сам Коран указывает, что даже если они при виде наказания высказывают сожаление, то это не вследствие осознания неблагоприятности данных качеств и их неуютности Божьей воле: сними с них наказание, те тут же возьмутся за старое (6:27–28). В том же духе свидетельствуют и следующие *айаты*: «Кто был слеп в [жизни] этой, // Слеп будет и в будущей» (17:72); «Если бы Бог знал о чем-

либо добром в них, // Донес бы Он до их слуха [слова водительства]; // И даже если даст Он таковым услышать [это], // Те непременно отвернутся» (8:23).

К тому же из *хадиса*, по которому Бог повелевает вывести из Ада всякого, в чьем сердце имелось хоть с крупинку благого (Б 22; М 183), следует, что в таких неверных нет ничего хорошего.

С точки зрения финитистов, подобные свидетельства – и это прямо видно из *айата* 6:27 – относятся к начальному этапу потустороннего бытия, до прохождения через очистительную кару.

Нельзя забывать и тот факт, что по своей сути/субстанции человеческая природа благая⁴. Поэтому каким бы прочным ни было неверие/дурное, оно все равно останется чем-то вторичным, привходящим, а значит, устранимым (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 747, 756–760).

От аналогии с Раем

В обоснование перманентности адского наказания этерналисты апеллируют к аналогии с райским блаженством: раз последнее вечно, бесконечно, то таковым должно быть и первое.

Финитисты же считают, что ни в Коране, ни в Сунне нет ни одного довода, который свидетельствовал бы в пользу равенства Рая и Ада в плане вечности и бесконечности. Совсем наоборот, священные тексты дают достаточное основание для различения двух жилищ в указанном аспекте. К такому различию склоняется и разум, исходя из всеблагости Господа и из доминирования Божьей милости над Его гневом (Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 498–503; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 752–792).

На сей счет приверженцы учения о всеобщем спасении приводят три десятка доказательств⁵, основные мотивы которых будут отражены в нижеследующих параграфах.

2. Традиционные свидетельства конечности Ада

Как отмечают финитисты, Коран весьма четко дает нам знать о конечности Ада, называя временные сроки наказания в нем или ставя их в зависимость от суверенной воли Господа.

Айаты о всеобщем спасении

На временной характер адских мук прежде всего указывают *айаты*: «Воистину Геенна ожидает грешников, // Пристанищем будет для таковых, // Где обитать им веками» (78:21–23). Ведь «век» (*хукб*, мн.ч. *ахкаб*), по различным оценкам, варьируется от нескольких десятков лет до нескольких тысяч лет. Значит, наказанию определен конкретный срок, пусть и долгий, но все равно он имеет конец.

О конечности срока, определенного в данном *айате*, свидетельствуют и слова сахабита Ибн-Масуда: «Для Геенны непременно грядет время, когда из людей, обитавших

⁴ Подробнее об этом будет сказано ниже, в третьем разделе.

⁵ В относительно полной форме эти доказательства собраны и систематизированы Ибн-аль-Каййимом, на сочинения которого мы преимущественно будем ориентироваться ниже.

там веками, в ней никто не останется». В близком смысле высказался и сахабит Абу-Хурайра (Ибн-Таймийя. *Рада*: 61; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 739).

Другое кораническое свидетельство в пользу конечности Ада представляет *айат* 11:107, в котором говорится что несчастные/отверженные (*аллязина шаку*) будут томиться в Аду «столько длиться будут небеса и земля». Но ведь сами небеса и земля, как учит само Писание (14:48), не вечны!

Примечательно и то, что Коран, описывая ожидающее благоверных райское блаженство, ни разу не ассоциирует его с определенным днем. Страдания же обреченных часто привязываются к конкретному дню: «страдания дня мучительного» (11:26; 43:65), «страдания дня страшного» (6:15; 7:59), «страдания дня всеобъемлющего» (11:84) и т.п. А в одном из *хадисов* продолжительность Судного дня определяется в 50 тысяч лет (М 987; Д 1658; Н 2442).

Еще более явные указания на относительность/условность приговора неверным дают *айаты* 6:128 и 11:107. Согласно первому *айату*, в Судный день неверным будет объявлено: «Обиталище для вас – огонь [Ада], // И постоянно (*халидина*) пребудете вы в нем, // Если только Бог не пожелает иначе; // Воистину Господь премудр и всеведущ». Также и во втором *айате*, после угрозы о пребывании отверженных в Аду «столько длиться будут небеса и земля» следует оговорка: «Если только Господь не пожелает иначе; // Воистину Он вершит, что пожелает».

Знаменательно также, что оговорка «Если только Господь твой не пожелает иначе» фигурирует в *айате* 11:107, касающемся обитателей Ада, и в последующем *айате* 11:108, в котором говорится об обитателях Рая. Но во втором случае следует уточнение, возвестующее о бесконечности райского блаженства как о «даре неотъемлемом» (*'ama' gair madjuz*), а в отношении наказания для грешников соответствующее уточнение/угроза совершенно отсутствует!

Несостоятельность этерналистской интерпретации означенных айатов

Приведенные выше *айаты*, дающие надежду на спасение всем грешникам, весьма некорректно толкуются этерналистами⁶. В частности, они необоснованно сужают круг лиц, на которых распространяется благовествование этих коранических откровений, относя их исключительно к грешникам из числа мусульман/единобожников. Эксклюзивисты-ригористы словно не замечают, что фигурирующие в *айатах* 78:21–23 «грешники» (*тагун*), – это те, о которых там же, в последующих *айатах* 27–28, сказано: «Ведь они полагали, что не будет Суда, // Упорно отвергали Наше послание».

Точно так же в *айате* 6:128 говорится о людях, которые в друзья-покровители (*аулийа'*, ед.ч. *вали*) брали себе злых духов (*джинн*). А к таким отверженным прежде всего относятся неверные (*куффар*), ибо к друзьям-сторонникам (*аулийа'*) Сатаны более подобает причислять неверных/многобожников, нежели ослушников из числа мусульман. И об этом свидетельствует само Писание, указывающее, что для мусульман друзья-сторонники Сатаны суть враги (4:76; 6:121; 18:50; 58:19); что демоны выступают друзьями-покровителями именно для неверующих (*ля-йу'минун*, 7:27); что Сатана и его воинство подлинно властны над неверными/многобожниками, а не над правоверными/мусульманами (16:99-100; 7:202).

⁶ Об этих интерпретациях и их критике финитистами см.: Ибн-Таймийя. *Рада*: 58-67; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 735–745.

Столь же некорректно иные эксклюзивисты-этерналисты пытаются «нейтрализовать» коранические откровения о всеобщем спасении, тенденциозно истолковывая слова оговорки *цлля ма ша'а Ллах / цлля ма ша'а Раббу-ка* в *айатах* 6:128 и 11:107. Эта формула, переведенная нами выше как «если только Бог/Господь не пожелает иначе», буквально гласит: «за исключением того, что восхочет Бог/Господь». Местоимение *ма* («то, что»), обычно прилагающееся к неодушевленным/неразумным предметам и существам, некоторые приверженцы вечности Ада, понимают в смысле местоимения *ман* («то, кто»), прилагающегося к людям: «за исключением тех, кого Бог/Господь восхочет [вывести из Ада]»!

Отметим, что схожая интерпретация воспроизводится и в известном современном комментарии к Корану – «аль-Мунтахаб», подготовленном под эгидой аль-Азхара и переведенном на русский язык. Указанной формуле из *айата* 6:128 здесь дается такое толкование: «кроме тех, которых Аллах пожелает спасти из тех, кто не отрицал Послания Аллаху» (*аль-Мунтахаб* 2000: к *айату* 6:128). Но даже если и принять такую интерпретацию, то нет никаких оснований для ограничения круга спасенных одними только мусульманами/правоверными. Значит, на милость Божью может надеяться любой из обитателей Ада.

Любопытно также, что идентичная формула, фигурирующая в *айате* 11:107, авторами «аль-Мунтахаб» истолковывается иначе: «Они выйдут оттуда только тогда, когда Аллах пожелает вывести их, чтобы подвергнуть их другому наказанию» (*аль-Мунтахаб* 2000: к *айату* 11:107). Данное толкование идет в русле иной традиционной этерналистской интерпретации, по которой исключение в означенной формуле понимается в смысле дополнения: «кроме того, что восхочет Бог прибавить им из наказания иного вида». В качестве же альтернативной кары обычно называют наказание грешников стужей (*замхарир*).

Но такого рода толкование, как замечают финитисты, уязвимо уже с чисто филологической точки зрения. Ибо арабская манера употребления частицы исключения *цлля* предполагает, что исключаемое выделялось из множества/понятия, о котором идет речь до этой частицы: в данном случае – из множества грешников или из перманентного пребывания в Аду/Геенне.

В содержательном же плане некорректность данной интерпретации связана с тем, что она идет вразрез с доминирующими среди мусульман представлениями об Аде/Геенне как месте наказания для грешников. По авторам же «аль-Мунтахаба» выходит, что помимо Ада/Геенны есть еще другое такое место! А богословы, выдвигающие тезис о стуже как альтернативной каре, словно забывают, что мучение стужей традиционно включается в виды наказания в Аду/Геенне. Напомним, что в классических комментариях к *айату* 76:13, по которому обитатели Рая не ведают ни жары, ни стужи, обычно говорится, что здесь Рай противопоставляется Аду, в котором сочетаются оба вида наказания. И каноническая Сунна сообщает о двух «дыханиях» Ада/Геенны – жарком и студеном. Широко распространены также *хадисы* о Замхарире («Стужа») как одном из уголков Геенны и о молитвенном воззвании Пророка: «Упаси меня, Боже, от стужи Геенны!»

В еще большей степени несостоятельна интерпретация, при которой исключение в указанной формуле означает, что грешники будут пребывать в Аду вечно, «кроме времени, предшествующего вступлению в него – времени [нахождения в] Барзахе и/или

Мауқыфе»⁷. Ведь из самого *айата* 6:128 четко явствует, что речь идет о приговоре грешникам, произнесенном на Суде, а значит – после Барзаха и Мауқыфа! И как согласовать такую интерпретацию с господствующим в мусульманской доктрине представлением о могильной/барзахской каре, по которому для грешника могила превращается в адскую яму?!

Что же касается *айата* 78:23, в котором говорится о пребывании грешников в Аду «веками» (*ахкаб*), то этерналисты уверяют, будто в Коране, как у арабов доисламского периода, слово *ахкаб* указывает на вечность, бесконечную длительность. В смысле такой вечности якобы употребляется и фигурирующее в *айате* 11:107 выражение *ма-дамаат ас-самават ва-ль-ард* («столько длиться будут небеса и земля»). Вместе с тем подобные заявления остаются голыми, ничем не подкрепленными декларациями. Это во-первых.

Во-вторых, в действительности дело обстоит совсем наоборот, заявляют финитисты. Ибо в обычном словоупотреблении *абад* (бесконечность в отношении будущего времени) не измеряется (*йукаддар*) длительностью *ахкаб* («века»), подобно тому как ею не выражается *кыдам* (бесконечность в отношении прошедшего времени) (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 745). В-третьих, если верить этерналистскому утверждению об употреблении указанных выражений в смысле вечности/бесконечности, то получается, что о таком словоупотреблении, якобы имевшем хождение у арабов и впоследствии нашедшем отражении в Коране, – о таком словоупотреблении, выходит, не знали представители первых поколений мусульман, такие как Ибн-Масуд и Абу-Хурайра, которые, как было отмечено, говорили о выходе грешников из Ада после пребывания в нем «веками»; о подобном употреблении не знали также те видные сахабиты и табииты, которые учили о конечности Ада (о них см. ниже)! Кроме того, в комментарии к *айату* 11:107 ат-Табари приводит толкование, по которому к указанному здесь сроку («столько длиться будут небеса и земля») Бог может прибавить иную длительность. И такое толкование, заметим, никак не согласуется с этерналистским утверждением о выражении «столько длиться будут небеса и земля» как обозначающем вечность/бесконечность.

Принимая, что в *айате* 78:23 слово *ахкаб* («века») не указывает на бесконечный срок, ряд богословов-этерналистов⁸ предлагают связать этот конечный срок со сказанным в последующих *айатах*, поэтому в их толковании *айаты* 78:21-25 звучат так: «Воистину Геенна ожидает грешников, // Пристанищем будет для таковых, // В ней обитать им веками – // В них (веках)⁹ не вкусить им ни прохлады, ни питья, // Но лишь кипятки да гной».

С этой точки зрения, в продолжение срока, который в *айатах* обозначен как *ахкаб* («века»), грешники обречены на такой вид наказания, но по истечении данного срока последуют другие разновидности Божьей кары, которые уже вечны, бесконечны! Только поборники такого мнения не объясняют, почему в самих *айатах* не упоминается о второй, несравненно более страшной каре. Ведь «Господь твой ни о чем не забывает» (19:64)!

⁷ *Барзах* – интервал между смертью человека и его воскресением для всеобщего Суда; *Мауқыф* – страшное «предстояние» воскресенных людей в ожидании Суда.

⁸ О такой интерпретации см.: ат-Табари. *Тафсир*: к *айатам* 78:21-25. Эту интерпретацию разделяет и сам ат-Табари.

⁹ Т.е. местоимение *ха* («она, они») в слове *фи-ха* эти богословы относят не к слову *Джаханнам* («Геенна»), как это имеет место в третьей строке, а к слову *ахкаб* («века»).

Другие толкователи-этерналисты (в их числе – Мукаиль ибн Хайян, ум. ок. 150 г.х.), также понимающие *ахкаб* в смысле конечного срока, полагают, что *айат* 78:23 («Где обитать им веками») был впоследствии отменен/модифицирован (*насах*) *айатом* 78:30: «Вкусите [наказание Божье], // Вам не прибавим Мы ничего, кроме кары». Сообщая о такой интерпретации, сам ат-Табари отмечает ее несостоятельность, ибо сказанное в *айате* 78:23 – это сообщение (*хабар*), а отмене/модификации может подвергаться не таковое, но только повеление (*амр*) или запрет (*нахи*). Добавим, что обе последние интерпретации слова *ахкаб* из *айата* 78:23 не согласуются с вышеупомянутым утверждением многих этерналистов об общераспространенном употреблении этого слова в значении вечности/бесконечности.

Предания о конечности наказания

Сахабит Джабир ибн Абдаллах рассказывал, как Пророк, однажды прочитав *айат* 11:107 («Пребудут несчастные в Аду, // Столько длиться будут небеса и земля, // Если только Господь не пожелает иначе; // Воистину Он вершит, что пожелает»), отметил: «Если Богу будет угодно вывести из Ада в Рай некоторых из несчастных, Он это сделает» (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 743–744). Более четко о всеобщности спасения возвещают такие изречения Пророка, переданные сахабитом Абу-Умамой аль-Бахили: «Непременно придет день, когда Геенна уподобится вспыхнувшей листве, и ее врата будут свободно болтаться» (Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 491). Другая версия этого *хадиса* гласит: «Придет день, когда в Геенне не останется ни одного человека, и ее врата будут свободно болтаться, словно врата [яруса грешников из числа] единобожников» (Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 491). Согласно еще одному *хадису*, переданному со слов сахабита Абдаллаха ибн Амра ибн аль-Аса, «Геенна совершенно опустеет, так что дно ее порастет диким крессом (*джирджир*)!» (Ибн-Таймийа. *Радд*: 67).

В этом же духе высказывались многие видные сподвижники-сахабиты Пророка и их последователей-табиитов. Так, касательно *айатов* 78:21–23 («Воистину Геенна ожидает грешников, // Пристанищем будет для таковых, // Где обитать им веками») *халиф* Умар/Омар ибн аль-Хаттаб говорил: «Если люди Ада останутся в нем столько времени, сколько песчинок в Алидже¹⁰, то все равно наступит день, когда они оттуда выйдут!». Как отмечают финитисты, такое высказывание приводит один из самых авторитетных богословов-хадисоведов Ибн-Хумайд (ум. ок. 249/863) в своем известном комментарии (*тафсири*) к Корану. Передается оно здесь по двум цепочкам (*иснад*), все звенья которых (не говоря уже о самом Ибн-Хумайде) вполне надежные: первая – Сулайман ибн Харб < Хаммад ибн Саяма < Сабит аль-Бунани < аль-Хасан аль-Басри; вторая – Хадждадж ибн Минхаль < Хаммад ибн Саяма < Хумайд ат-Тавиль < аль-Хасан аль-Басри. И даже если эти слова дошли до аль-Хасана не непосредственно, то несомненно, что тот считал их аутентичными, иначе он не возводил бы их к Умару.

Принципиально важным является и тот факт, что все эти авторитетные богословы, прославившиеся как твердые поборники правовеярия и яростные обличители любых еретических нововведений, все они передавали означенное высказывание без малейшего возражения. Если бы это учение противоречило Писанию Божьему, Сунне

¹⁰ Алидж – обширная песчаная пустыня в Аравии.

Пророка или консенсусу *уммы*, означенные богословы первыми выступали бы против него!

Несомненно также, что в Умаровом изречении под «людьми Ада» (*ахль ан-Нар*) подразумеваются все его обитатели, а не только слушники из числа мусульман/единобожников. Ибо о последних и подавно известно, что те непременно выйдут из Ада и что таковые не будут пребывать там столько времени, сколько песчанок в Алидже (Ибн-Таймийа. *Радд*: 53–55; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 733–735).

Финитисты ссылаются также на комментарий (*тафсир*) табиита Али ибн Абу-Талхи аль-Валиби¹¹ и комментарии ат-Табари, которые в толковании к *айату* 6:128 («Обиталище для вас – огонь Ада, // И постоянно пребудете вы в нем, // Если только Бог не пожелает иначе») передают такое замечание сахабита Ибн-Аббас касательно этого *айата*: «Ни одному смертному не подобает навязывать Богу определенное решение о тварях Своих, помещая их в Рай или в Ад!» (Ибн-Таймийа. *Радд*: 57; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 735).

Сходные мнения высказывали ряд сахабитов и табиитов относительно близкого *айата* 11:107. В частности: «Воистину этот *айат* снимает все [айаты] Корана», т.е. все *айаты*, угрожающие вечным пребыванием в Аду (Джабир ибн Абдаллах, Абу-Саид аль-Худри или кто-то другой из сахабитов; см.: ат-Табари. *Тафсир*: к *айату* 11:107; Ибн-Таймийа. *Радд*: 68; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 739–742); «Для людей Ада нет в Коране более обнадеживающего *айата*, чем этот» (табиит Ибрахим ан-Нахи; см. Суйуты. *Тафсир*: к *айату* 78:23); «Это – Его воздаяние; и коли Бог восхочет, то снимет наказание Свое» (табиит Абу-Миджляз; см. ат-Табари. *Тафсир*: к *айату* 11:107; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 742).

Передают также, что в связи со сказанным в *айате* 78:23 о пребывании грешников в Аду «веками» (*ахкаб*) сахабит Абдаллах ибн Амр ибн аль-Ас заверил: «Непременно придет день, когда врата Геенны будут свободно болтаться, и от людей, побывавших там веками, в нем никто не останется» (Ибн-Таймийа. *Радд*: 69; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 740). В близких выражениях высказывался и сахабит Ибн-Масуд (ат-Табари. *Тафсир*: к *айату* 11:107; Ибн-Таймийа. *Радд*: 69; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 742). Другой видный сахабит, Абу-Хурайра, процитировав *айат* 11:107, однажды заявил: «Не стану я говорить, что никогда не придет время, когда в Геенне никого не останется» (Ибн-Таймийа. *Радд*: 69; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 743; Суйуты. *Тафсир*: к *айату* 11:107). А к табииту аш-Шаби (учителю имама Абу-Ханифы) возводят такие слова: «Из двух обителей, [райской и адовой], быстрее всего будет возведена и разрушена именно Геенна» (ат-Табари. *Тафсир*: к *айату* 11:107; Ибн-Таймийа. *Радд*: 69; Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 743)¹².

Как и в случае с соответствующими кораническими свидетельствами, в отношении приведенных выше преданий этерналисты проявляют явную тенденциозность, все указанные благовестия о спасении прилагая исключительно к грешникам из среды мусульман/единобожников. В рамках такой ориентации порой утверждают, будто Геенна, о конце которой упоминается в означенных преданиях, представляет собой

особое отделение Ада – верхний его ярус, предназначенный для согрешивших мусульман!

Еще два хадиса

Надежду на всеобщее спасение даруют и другие свидетельства Сунны. Ограничимся следующими двумя *хадисами*.

Со слов халифа Умара рассказывают (Б 5999; М 2754), как однажды, проходя мимо женщины, которая кормила дитя грудью, Пророк обратился к бывшим при сем товарищам: «Как вы думаете, бросит ли эта мать дитя своего в огонь? – Нет, конечно, если только это будет в ее силах. – Воистину Бог более милостив к Своим рабам, чем эта мать к своему чаду!» Показательно эксклюзивистское примечание, которым авторы русского издания перевода сокращенной версии свода аль-Бухари снабдили данный *хадис*, утверждая, что в некоторых его версиях говорится о «верующих рабах» (см. аль-Бухари. *Мухтасар*: 767) – у читателя может создаться впечатление, будто у самого аль-Бухари дается такая версия. На самом же деле подобной версии нет не только здесь, но и ни в одном из Шести канонических сводов. Да и в классических комментариях (аль-Аскаляни и ан-Навави) не упоминается о таковой – пусть и внеканонической – версии, а распространение благовестия *хадиса* только на верующих фигурирует лишь как одно из возможных толкований.

Согласно второму *хадису*, переданному со слов Абу-Саид аль-Худри, в Судный день после отправления избранных в Рай и отверженных в Ад Бог повелевает: «Выведите [из Ада в Рай] того, в чьем сердце была [хоть] крупица веры!» (Б 22; М 183–184). В другой версии этого *хадиса*, от Анаса, говорится: «Выведите из Ада того, кто хоть когда-то вспомнил обо Мне или побоялся Меня!» (Т 2594).

И финитисты вопрошают: «А есть ли кто-нибудь, кой за всю свою жизнь, от начала и до конца, ни разу не вспомнил о Боге и никогда Его не побоялся?!» (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 781). Божья всеблагость, повествует далее Сунна, не ограничивается указанным выше актом милосердия. Как говорится в *хадисе* со слов того же аль-Худри, сначала по ходатайству ангелов, пророков и благоверных из Ада освободят не только обладавших крупницей веры, но и содежавших хоть с малую толику добра. Потом Бог заявит: «Осталось [заступничество] Милостивейшего из милосердных!» И дланью Своей Он зачерпнет из Ада горсть грешников, не содежавших вообще никакого добра (Б 7439; М 183).

Жестокосердным ригористам вновь напомним, что пригоршня Бога столь велика, что может вместить в себя все небеса и земли (см. *айат* 39:67)!

3. Доказательства от субстанциальности блага

Конечность наказания следует также из представления о всеблагости/всемилости Бога и об изначальной чистоте природы, которой Он наделил человека.

Сущностная благость человеческой души

Кораническая антропология учит о предвечном вероисповедании человеческих душ (7:172) и о субстанциальном характере этого правоверия: изначально благостная природа (*фитра*) человека существенно не пострадала в результате грехопадения. Именно об этой чистой субстанции говорится в *айате*: «Вот природа (*фитра*), с коей Бог создал

¹¹ На его комментарии ссылаются и ат-Табари (ат-Табари. *Тафсир*: к *айату* 6:128).

¹² Как замечает Ибн-аль-Каййим (Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 494), слова аш-Шаби не означают, что Рай конечен, коли таковым является Ад.

людей, // А такое Его творение неизменяемо» (30:30). О ней же свидетельствует и Сунна: «Каждый младенец рождается согласно фитре» (Б 1358–1359; М 2658); «Господь повелел мне поведать вам: “Воистину всех рабов Моих Я создал правоверными (*хунафа*)”; но демоны, подступая к ним, отводят их от этой веры”» (М 2865).

И сколь бы ни старались демоны, они не в силах субстанциально изменить исконную природу человека, но только способны замутнить ее чистоту. Значит, зло – неверие и прегрешение – есть нечто вторичное, преходящее, акцидентальное, а не первичное, сущностное, субстанциональное. Это словно болезнь, которая поражает здоровый организм. Однако подобная болезнь, будучи привходящей, вполне излечима. И именно на такое излечение, на очищение от зла, нацелено наказание грешников в Аду: дабы они вернулись к тому пречистому состоянию, в каком они вышли из рук Божьих.

Универсальность Божьей милости и ее примат над Его гневом

Имя-эпитет *ар-Рахман* («Всемиловитый») служит вторым (наряду с именем *Аллах*) собственным именем Бога в Коране. Сотни раз Писание описывает Бога как всемиловитого и всепрощающего, как «милостивейшего из милосердных» (*архам ар-рахимин*). Многочисленны и коранические откровения, возвещающие об универсальности Божьей милости, «всякую вещь охватывающей» (например, 7:156; 40:7). И в *айате* 39:53 Всевышний возглашает: «О рабы Мои, усердствующие в прегрешениях, // Не отчаивайтесь в милости Божьей, // Ибо Бог прощает все грехи, // Поистине Он всепрощающ, всемилосерд». Поэтому, наставляет Коран, отчаяние в милости Господней есть великий грех и проявление маловерия (12:87; 15:56).

Также в Коране Бог часто наставляет мусульман прощать обидчиков и врагов (5:13; 24:22; 42:40 и др.). От Пророка Всевышний требовал проявлять к враждующим неверным не просто великодушие, а благородное великодушие (*ас-сафх аль-джамиль* – 15:85). На милость Божью, стало быть, вправе надеяться все грешники, даже неверные.

Сужая круг лиц, на которых распространяется благовестие *айата* 39:53 о возможности отпущения всех грехов, ригористы-этерналисты сылаются на другие *айаты*, исключаяющие из Божьего прощения многобожие (4:48) и неверие (47:34). Толерантные же мыслители относят такого рода *айаты* к разряду «педагогических», имеющих сугубо воспитательно-устрашающее назначение.

В этой связи богословам-ригористам следовало бы хорошо задуматься над *хадисом*, по которому Бог, сотворив милость (*рахма*), разделил ее на сто частей. Одну сотую часть Он распространил в нашем мире – ту, благодаря которой твари являют друг другу милосердие, – остальные же девяносто девять частей оставил у Себя, чтобы осенить ими людей в Судный день. Посему «если бы неверный (*кафир*) знал обо всей имеющейся у Бога милости, он никогда не потерял бы надежды на обретение Рая» (Б 6000, 6469). Понятно также, что даже если принять буквально сказанное в *айатах* 4:48 и 47:34 о непощении многобожников/неверных, то отсюда еще никак не следует перманентность подобающего наказания, его бесконечная продолжительность.

По мнению финитистов, уже само понятие о милости Божьей исключает вечное проклятие – «если предполагать наказание, для которого нет конца, то не было бы никакой милости (*рахма*)» (Ибн-Таймийа. *Раэд*: 82). Перманентное наказание оказывалось бы самоцелью, что, как отмечает аль-Газали, несовместимо с эпитетом «милостивейший из милосердных» (*архам ар-рахимин*) (аль-Газали. *Аль-Максад*: 63). Более того, *айат* 6:54

благовествует: «Господь предписал Себе милость [к людям]». Хорошо известны и слова Пророка, высказанные им в разъяснение этого *айата* – по созданию тварей Бог сделал надпись, которая с тех пор находится при Нем, над Престолом: «Воистину милость Моя превышает (*гдлябат/таглибу*) гнев Мой!» (Б 3194, 7422; М 2751).

Как отмечают финитисты, вознаграждение райским блаженством является выражением Его милости (*рахма*), а наказание адовыми муками – выражением Его гнева (*гддаб*). Было бы большинство людей обреченным на адовы муки, да еще и навечно, гнев Божий доминировал бы над Его милостью!

Имена Бога указывают на акцидентальность Его гнева

Об акцидентальности Божьего гнева и его вторичности сравнительно с Его милостью свидетельствует также тот факт, что только вторая – милость – прилагается к Нему в качестве имени (*исм*) или атрибута (*сыфа*). В Коране Всевышний описывается эпитетами, такими как «милостивый/милосердный» (*ар-рахман/ар-рахим*), великодушный (*аль-карим*), «прощающий» (*аль-гафур*), но никогда не называется, например, «карающим/наказывающим» (*аль-му'акыб*, *аль-му'аззиб*) – описания подобного типа фигурируют не в отношении Его сущности (*зат*)¹³, но лишь применительно к Его деянию (*фи'ль*, мн.ч. *аф'аль*), а точнее – к содеянному Им, к Его созданиям (*маф'улят*, *махлюкат*). Содеянное же есть нечто отделенное (*мунифасыл*) от Всевышнего, от Его сущности.

На такое различие в характеристиках сущности и содеянного указывают, в частности, следующие стихи: «Возвести рабам Моим, // Что препрощающ Я и всемилосерд, // Что наказание Мое мучительно» (15:49–50). Близкие контрастные характеристики фигурируют в других *айатах* (5:98; 6:165; 7:167; 85:12–14).

Для финитистов, действия, вытекающие из имен/атрибутов Бога, делятся столько, сколько длится Его сущность, особенно если эти деяния угодны Ему и сами по себе являются целями. Не может быть времени, когда Господь не являлся бы милостивым – подобно тому, как не может быть времени, когда Он не является живым, ведающим или могущим.

Что касается зла, каковым в данном случае выступает наказание, то оно не причастно Божьим именам/атрибутам. Если же таковое порой и входит в те или иные деяния Его, то лишь акцидентально, ради определенной цели/пользы (*хикма*), по достижении которой оно прекратится и исчезнет. Благо – перманентно, добродетель Божья – вечно, поскольку это предполагают Его имена и атрибуты. Но из таких эпитетов никак не следует, что Всевышний всегда должен быть гневящим, мстящим и карающим (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 761–764, 769–770; Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 484; Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар*: II, 642–643).

Касательно возможного контраргумента этерналистов, апеллирующего к широко распространенному списку 99 Божьих имен, в котором фигурируют и эпитеты типа *аль-мунтакым* (буквально: «мстящий») или *ад-дарр* («вредящий»), то сторонники учения о примате Божьей милости замечают, что подобные наименования не имеют основания не только в Коране, но и в аутентичной Сунне. В частности, *хадис* с указанным списком (Т 3507), как это установлено авторитетными хадисоведами, аутентичным (*сахих*) является лишь отчасти, а именно – в отношении его начала: «воистину у Бога

¹³ Речь идет об эпитетах, которые передаются существительным (а не глаголом), сопровождаются определенным артиклем и т.п. С данной точки зрения, в строгом смысле слова только такие эпитеты считаются именами/атрибутами Бога, характеристиками Его сущности.

девятью имен»¹⁴. Следующий далее перечень имен считается дополнением/разъяснением от передатчика *хадиса*.

Добро исходит от Бога, а зло – от человека

Как учат финитисты, причины (*асбаб*, ед.ч. *сабаб*) наказания кроются в человеческой душе, они нацелены на удовлетворение ее прихоти. Причины же блага/добра восходят к ее Владыке и Творцу, который и выступает конечной целью для них. Таковые – от Него и ориентированы на Него. И именно об этом возвещает Коран: «Все благое (*хасана*), что совершается с тобой, // [Исходит] от Бога, // А всякое дурное (*саййи'а*) – от тебя самого» (4:79); «Все доброе (*ни'ма*), каковое есть у вас, – // Именно от Бога» (16:53).

Действительно, причиной/источником всех благ выступает исключительно милость Господня. Добрые же деяния служат лишь вторичными причинами, ибо это Всевышний возжелал их для человека, указал ему путь к ним и споспешествовал в их достижении. Посему и блага, и их причины исходят от Бога. Что касается творимого людьми зла/дурного, то оно происходит от них самих по причине их невежества. И коли в результате этого их постигнет какое-то несчастье/зло, то как причиной, так и причиненным являются сами люди. Вот почему в дурном воздаянии (*джаза' саййи'*), притом и в этой жизни, и в будущей, нет иной причины, кроме прегрешений человека, исходящих от него самого. Значит, все зло (*шарп*) обусловлено самим человеком, а все добро (*хайр*) – Господом его. Именно такая установка подразумевается в изречении одного из учителей первых веков Ислама (*салиф*): «Да не уповает раб Божий ни на кого, кроме как на Господа своего, и да не опасается он никого, кроме как греха своего!» Данную мысль выражает приведенный выше *айат* 4:79, на это же указывают и известные слова Пророка: «Всякое добро – в длани Твоей, зло же – не от Тебя» (М 771; Д 760; Н 897; Т 3422).

А раз причиной всех благ выступает всевечный Бог, выступающий также в качестве цели для них, то таковые будут длиться сообразно перманентности их причины. Поэтому райское вознаграждение бесконечно.

Напротив, у дурного/зла тленной является и причина, и цель. Значит, оно не длится вечно: всякая причина исчезает по исчезновении ее цели. Адово зло/наказание не служит самоцелью, а лишь средством исцеления человеческой души, восстановления чистоты ее исконно благой природы (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 770–771; Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар*: II, 668–671).

Благородный непременно сдерживает свое обещание, но не угрозу

Бог всеблагий, говорят финитисты, более склонен к милосердию (*рахма*), нежели к наказанию (*'укуба*); к довольству (*рыда*), нежели к гневу (*гадаб*); к благодатному дарению (*фадл*), нежели к справедливому воздаянию (*'адль*). Широко известно и предсмертное завещание Пророка: «Пусть никто из вас не почует без благоупования (*йухсин аз-зани*) на Бога!» (М 2877; Д 3113; Ж 4167). Пророк также передал о благовестии Всевышнего: «Воистину Я буду таковым, каковым Меня полагает (*зани*) раб Мой – так пусть он полагает, что пожелает!» (Б 7405, 7505; М 2675; Х 15586, 16531). И на эту великодушную благодать Господа вправе уповать все без исключения рабы Его.

Такая надежда подкрепляется тем фактом, что Бог в Коране описывается как *карим* («Благородный») (27:40; 82:6) и *акрам* («Наиблагородный») (96:3). У арабов же – а Кораннейшим образом обращается к ним, выражаясь на их языке – понятие *карам* («благородство») традиционно подразумевает неперемное сдерживание обещания (*ва'д*; глаг. *ва'ада*), но никак не угрозы (*ва'ид*, порой – *ми'ад*; глаг. *ау'ада*). Поэтому все *айаты* Корана и *хадисы* Сунны, звучащие в смысле бесконечности адовых мук, подобает квалифицировать как угрозы, которые наиболее благородному Богу свойственно не исполнять.

Как отмечают финитисты, означенный взгляд на *карам* («благородство») нашло отражение в широко распространенном у арабов анонимном стихе, в котором автор гордится исполнением обещания и нарушением угрозы (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 786)¹⁵. В том же духе гласит и максима: «Благородному подобает оставлять на свое усмотрение [исполнение или не исполнение] своей угрозы, даже если об этом он и не заявляет в открытую!» (Марджани 2008: 243). Да и в самом Коране многократно возвещается, что Бог не нарушит (глаг. *ахляфа*) обещание Свое (например, 30:6; 39:20), но нигде не сказано, что угроза Его ненарушима. Примечательно также, что в *айате* 19:54 Всевышний восхваляет пророка Измаила (сына Авраама) именно за его неперемное исполнение обещания (*сыдк аль-ва'д*), а не за его исполнение угрозы (*сыдк аль-ва'ид*). А сахабит Анас ибн Малик передает о таких словах Пророка: «Кому Бог обещал награду (*ва'ада*) за какое-то деяние, для того Он непременно исполнит сие; а кому Он угрожал карой (*ау'ада*) за какое-то деяние, в отношении того за Богом остается выбор – [наказать или помиловать]» (Муснад 1989: № 3316).

Тот же Анас повествовал, как однажды некий бедуин (*а'раби*) обратился к Пророку: «“Скажи, Посланник Божий, кто будет судить людей? – Бог преблагий и всеславный! – Лично Он? – Да”. На этих словах лицо бедуина озарила улыбка. “Чему ты улыбаешься?” – поинтересовался Пророк. “Но ведь благородный снисходителен в случае победы и великодушен при расчете. – Истину изрек этот бедуин! Нет более благородного, чем Бог всевышний; Он – благороднейший из благородных!”» (аль-Газали. *Ихйа'*: 149).

Как разъяснил Йахйя ибн Муаз (ум. 872), и *ва'д* («обещание»), и *ва'ид* («угроза») суть должное/право (*хакк*)¹⁶. *Ва'д* – это право людей перед Богом, который гарантировал им, что если они будут совершать какие-то дела, то получат от Него соответствующую награду, и нет вернее Бога в исполнении обещанного. *Ва'ид* же представляет собой право Бога перед людьми, которым было сказано не поступать определенным образом, а не то будут наказаны. Но люди ослушались, и поэтому Бог, коли пожелает, простит, а коли пожелает, накажет, пользуясь правом Своим. Господу же более подобает явить благородное великодушие: всепрощающ Он и премилосерд (см. Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 786–787).

На такое благородное великодушие Бога можно надеяться в отношении любой угрозы, угрозы вообще (*ва'ид мутлак*). Что тогда сказать, вопрошают финитисты, об угрозе, которая сопровождается оговоркой «Если только Бог/Господь не пожелает иначе», да еще подкрепленной словами «Воистину Он вершит, что пожелает» (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 786–787)?!

В заключение аргументации от субстанциальности блага отметим, что допускать, будто Бог создал часть людей для беспрестанного мучения, будто зло – вечно, значит приравнять

¹⁵ Арабский текст стиха: *Ва-инни ва-ин ау'адту-ху ау ва'адту-ху // Ля-мухлифу и 'ади ва-мунджизу мау'иди*.

¹⁶ Арабское слово *хакк* имеет значение как «право», так и «обязанность».

¹⁴ Именно эту часть *хадиса* передают самые авторитетные хадисоведы – аль-Бухари (№ 2736, 3506) и Муслим (№ 2677).

зло к добру. А это больше соответствует учению дуалистов о двух равночинных божествах – добром и злом, но никак не монотеистическому видению Бога как абсолютно благого.

Ригористам-этерналистам из числа наших богословов, как и среди приверженцев других конфессий и религий, исповедующих всеблагого и всемогущего Бога, следует серьезно подумать и о таком святотатственном и несуразном последствии осуждения ими чуть ли не всех иноверцев на вечное пребывание в Аду: если такая судьба ожидает абсолютное большинство людей, то во всемирно-исторической схватке за их души Бог и Его ангелы проиграют Сатане!

4. Аргументы от премудрости и справедливости

К мотиву о благодати/милости Господа как главному обоснованию учения о всеобщности спасения финитисты присоединяют и доказательства, апеллирующие к Его премудрости и правосудию.

Бессмысленность вечного наказания

Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что в приведенном выше *айате* 6:128, после упоминания о долговечном пребывании грешников в Аду и после оговорки насчет возможности Божьего пожелания иначе, следуют слова: «Воистину Господь премудр и всеведающ». Этим Бог объясняет нам, что и означенное наказание, и означенная воля исходят из Его премудрости/всеведения. Премудрость (*хикма*)¹⁷ же предполагает ориентацию на определенную цель. И, конечно, все действия всеблагого Господа направлены исключительно на благое. Ведь Бог явил мир к бытию, дабы проявить свою благодать. «Именно для милости (*рахма*) Он сотворил людей» – так многие богословы истолковывают *айат* 11:119. О такой благой цели Пророк возвестил в следующих словах: «Воистину, если бы вы не грешили, Бог создал бы других тварей, которые бы грешили, а Он простил бы им!» (М 2748; Т 3539). И все вещи в мире таковы, что они либо сами по себе являются благом, либо служат средствами для достижения блага. Среди творений Божьих нет таких, которые выступали бы в качестве чистого зла, зла как самоцели – подобного рода создания отнюдь не соотносятся с Его всеблагодатью. Поэтому зло/наказание, которому подвергаются грешники в Аду, призвано очистить их, подобно тому как врач огнем прижигает рану или скальпелем удаляет злокачественную опухоль. Причиняемое при этом зло/боль служит необходимым средством для конечного блага/выздоровления. Кара сама по себе Богу не нужна – «что Ему от наказания вашего?!» (4:147) (Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 483).

Что же касается представления о вечном пребывании грешников в адских муках, то оно не соотносится с Божьей премудростью, ибо таковое бессмысленно. Ведь наказание в земной жизни за преступление идет во благо либо самому грешнику, исправляя и очищая его, либо окружающим, ограждая их от преступников и давая им назидание. Но на том свете кара, понятно, может иметь лишь очистительное значение. А если она будет перманентна, то теряется и этот смысл.

Также не подобает предполагать, будто зрелище страданий грешников в Аду призвано преумножить блаженство обитателей Рая. Ведь из сердец, вступивших

в Рай, как говорится в Коране, Бог удалил злобу (7:43; 15:47). Но есть ли злоба страшнее, чем наслаждение чужим страданием, не говоря уже о страдании родных и близких?!

Тем бóльшим кощунством будет приписывание подобного удовлетворения чувством мести самому Богу – Милостивейшему из милосердных, Кто любит рабов Своих более, нежели мать – свое дитя. Ведь подвергая врага пыткам, даже самый злобный из тиранов, в конце концов либо смилостивится над ним, либо умертвит его (Ибн-аль-Каййим. *Хади*: II, 758–761, 772–774, 776–777; Ибн-аль-Каййим. *Шифа*: 483–485; Садыкы. *Тафсир*: к *айату* 78:23)!

Несправедливость вечного наказания

Согласно этому аргументу, перманентность адовой кары несовместима с Божьей справедливостью/правосудием. Ибо жизнь человека, сколь бы она ни была продолжительна, подобна одному мгновению, и даже меньше, сравнительно с бесконечностью. Так справедливо ли за временные преступления присуждать к вечным мукам (Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар*: II, 656–657; Бигиев 2005а: 90–91)?!

В случае с правоверными Божье вознаграждение их бесконечным блаженством в Раю за конечную праведную жизнь объясняется тем, что Всевышний воздает им не только по заслугам, по справедливости (*'адль*), но и по милости (*фадл*) Своей. А скорее – по милости Господней, нежели по Его правосудию. Вспомним хотя бы *хадис* (Б 6463; М 2816), по которому Пророк, увещевая своих товарищей, сказал: «Воистину никто не войдет в Рай благодаря своим деяниям. – Даже ты, о Посланник Божий?! – Даже я, разве что Бог осенит меня милостью и благодатью!» В отношении же обитателей Ада Божья справедливость требует наказания, соразмерного прегрешению¹⁸, а Его милость предполагает смягчение положенной кары, если не прощения ее вообще.

Преобладание милости Всевышнего над Его справедливым судом явно наблюдается в нашем мире. Как гласит *айат* 35:45, «Если бы Бог стал взыскивать с людей по содеянному ими, // Не оставил бы Он на земле ни единого существа живого». И не забудем, что эта милость, проявленная Господом ко всем людям, как праведным/правоверным, так и нечестивым/неверным, не более одной сотой доли Его милости – остальные девяносто девять Он оставил для потусторонней жизни (см.: Б 6000; М. 2752–2753)!

Порой этерналисты высказываются в том смысле, что вечное наказание положено для отверженных за твердость/перманентность их намерения (*ниyyйа*) придерживаться многобожия и неверия (Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар*: II, 656). Возражая таковым, толерантные богословы (Садыкы. *Тафсир*: к *айату* 78:23) ссылаются, среди прочего, на тот факт, что в Коране говорится о наказании за неверие и нечестивые деяния, но не за сами намерения: «Кто вершит дурное, тому воздастся тем же» (4:123); «И воздастся вам только за содеянное вами» (36:54; см. также 27:90; 52:16).

Заметим также, что, согласно Сунне, дурное стремление записывается за человеком лишь при его реализации в виде деяния, и притом как одно дурное деяние, тогда как за само благое стремление полагается награда, а за его осуществление – еще награда, притом десятикратная и более (Б 7501; М 128–130).

¹⁸ «Содеявшему доброе воздастся десятикратно, // А содеявшему дурное – лишь той же мерой, // И не будет им несправедливости» (6:160).

¹⁷ Слово *хикма* (и, соответственно, эпитет *хаким*, «мудрый») обозначает и совершенное знание, и совершенное целесообразное действие.

Ответ на возражения

Возражая сторонникам концепции о конечности Ада и универсальности спасения, богословы-ригористы обычно выдвигают контраргумент, по которому принятие этой концепции за истину равносильно объявлению всеобщей амнистии: какой бы грех ни совершил человек, ему не страшно. Но ведь именно такого рода доводы выставляли экстремисты-хариджиты, но уже против доминирующей/ортодоксальной доктрины касательно потусторонней судьбы великогрешника (*сахиб аль-кабира*) из числа мусульман! Ибо, с хариджитской точки зрения, эта доктрина чревата настоящим распутством, коли убийцам, прелюбодеям и прочим злодеям сулится благополучный – в конечном счете – исход. Ортодоксальные теологи словно забывают, что все указанные выше (в предыдущем разделе) *айаты* и *хадисы* о Божьем прощении могут интерпретироваться в смысле пресловутой амнистии, пусть таковая и распространяется только на моральные прегрешения.

Напомним также о других подобных фактах из Корана и Сунны. Как свидетельствует Писание, в отношении идолопоклонников пророк Авраам взывал к Господу: «Кто последует за мной, тот из моих, // А если кто откажется, // То ведь прощающ Ты и милосерд!» (14:36). О тех же, кто почитает Христа и его мать как божества наряду с Богом, сам Иисус отзывается такими словами: «Восхочешь наказать их, // Они – подвластны Тебе; // А коли [решишь] простить, // То по всемогуществу Твоему и премудрости!» (5:118). Примечательно и то, что как-то пророк Мухаммад целую ночь, до самого утра, беспрестанно повторял эти кроткие слова Иисуса (Ж 1350; Н 1010) и что этими же словами, благовестил он, в Судный день будет ходатайствовать за тех своих сторонников, кто после его ухода из жизни отступил от истинной веры (Б 3349; М 2860).

Вспомним и о *хадисе* (Б 128; М 32), по которому Пророк поведал своему сподвижнику Муазу ибн Джабалу, что Бог запретил адскому огню касаться любого, кто засвидетельствует: «Нет божества кроме Бога, Мухаммад – раб и посланник Его!» Муаз хотел было благовестить народу об этом, но Пророк остановил его, опасаясь, как бы люди не понадеялись на это и не перестали выполнять религиозные обязанности. Вместе с тем позже Муаз обнародовал речь Пророка!

Отметим также, что если в приведенных выше *айатах* (12:87; 15:56) отчаяние в милости Господне объявляется великим грехом, то не менее тяжким грехом, как неоднократно предупреждал Пророк, выступает и приведение других к такому отчаянию, лишение их надежды на Божье прощение. Известен, в частности, *хадис* о праведнике и его приятеле, который часто впадал в грех и которого тот постоянно увещевал. И вот однажды, застав того за греховным действием, праведник в очередной раз потребовал: «Прекрати! – Предоставь меня Господу! Кто тебя поставил надзирателем над мной?! – Ей-богу, Он тебе не простит (или: Он не пустит тебя в Рай)!” Тотчас взяв к Себе души их обоих, Всевышний обратился к праведнику: “Разве тебе ведома [воля] Моя?! Неужели ты властен над распоряжением Моим?!”. И Господь отправил грешника в Рай по милости Своей, а праведника повелел отвести в Ад» (Д 4901; М 2621 – сокращенная версия). Разумеется, в религиозной проповеди, как и в педагогике вообще, не так легко найти «золотую середину» между «кнутом» и «пряником», устрашением (*тархиб*) и прельщением (*таргхиб*). Но мастерство проповедника/воспитателя как раз и состоит в умелом сочетании обеих подходов. В этой связи весьма поучителен следующий рассказ об известном сподвижнике Пророка – Ибн-Аббасе. Однажды к нему явился человек, который стал вы-

яснять, примет ли Бог раскаяние от убийцы души правоверной, на что Ибн-Аббас ответил категорическим отрицанием. По уходе незнакомца, присутствовавшие при разговоре ученики заметили Ибн-Аббасу: «Как же так?! Ведь ты прежде говорил нам, что раскаяние такого убийцы принимается! – [То касалось уже содеявшего убийство]; но по гневу на лице этого человека я понял, что он только собирался убить!» (*Мусаннаф* 1994: 401).

Касательно указанного контраргумента ригористов, по которому конечность Ада может поощрять вседозволенность, М. Бигиев писал: «Свобода совершать преступления происходит не от убежденности во всеобщности спасения, а от того, что спасение распространяется только на последователей определенного учения. Вера в то, что “спасение касается только меня” приводит к тому, что я могу сказать всем остальным людям, исповедующим другие учения, следующее: “Поскольку все вы будете подвергнуты вечным мукам за свои убеждения и веру, то нет смысла вам творить добро, а зло, творимое вами, не ухудшит вашего положения. А посему оставьте добро и совершайте преступления!”» (Бигиев 2005а: 98; 2005б: 142–143).

Татарский реформатор ответил и на другой довод ригористов-экслюзивистов, смысл которого состоит в том, что утверждение о всеобщности спасения лишает ислам присущей ему значимости. Совсем наоборот, указал он: если перед человечеством открыта вся широта коранического универсализма, «это станет украшением лика ислама, еще больше возрастут его ценность и величие среди других религий» (Бигиев 2005а: 98; 2005б: 142–143).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бигиев 2005а – Муса Джаруллах Бигиев. “Доказательства божественного милосердия” // *Избранные труды*. Т. 1. Казань
- Бигиев 2005б – Муса Джаруллах Бигиев. “Взгляд на верование людей в божество” // *Избранные труды*. Т. 1. Казань
- аль-Бухари. *Мухтасар* – Сахих аль-Бухари. *Мухтасар*. Перев. В.А. Нирши. М., 2003
- аль-Газали. *Аль-Максад* – аль-Газали. *Аль-Максад аль-асна фи шарх асма’ Аллах аль-хусна*. Каир, 1984
- аль-Газали. *Ихйа’* – аль-Газали. *Ихйа’* ‘улюм ад-дин. Т. 4. Бейрут, б.г.
- Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар* – Ибн-аль-Каййим. *Мухтасар ас-Сава’ик аль-мурсаля ‘аля аль-джахмиййа ва-ль-му’аттыла*. Т. I-II. Эр-Рияд, 1425 г.х.
- Ибн-аль-Каййим. *Хади* – Ибн-аль-Каййим. *Хади аль-аруах иля бияд аль-афрах*. Т. I-II. Джидда, 1428 г.х.
- Ибн-аль-Каййим. *Шифа* – Ибн-аль-Каййим. *Шифа’ аль-‘алиль фи аль-када’ ва-ль-кадар*. Каир, б.г.
- Ибн-Таймиййа. *Радд* – Ибн-Таймиййа. *Ар-Радд ‘аля ман каль би-фана’ аль-джанна ва-н-нар*. Эр-Рияд, 1995
- Марджани 2008 – Шигабутдин Марджани. *Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи*. Перев. с араб. Д. Шагавиева. Казань
- аль-Мунтахаб 2000 – аль-Мунтахаб: *Толкование Священного Корана*. Каир
- Мусаннаф* 1994 – *Мусаннаф Ибн-Аби-Шайба*. Т. 6. Бейрут
- Муснад* 1989 – *Муснад Аби-Йа’ля аль-Мусыли*. Дамаск
- Садыкы. *Тафсир* – Мухаммад Садыкы-Тахрани. *Аль-Фуркан фи тафсир аль-Кур’ан би-ль-Кур’ан*. Кумм, 1407 г.х.
- Суйуты. *Тафсир* – Суйуты. *Ад-Дурр аль-мансур фи ат-тафсир би-ль-ма’сур*. Бейрут, 1983
- ат-Табари. *Тафсир* – ат-Табари. *Джами’ аль-байан ‘ан та’виль ай аль-Кур’ан*. Бейрут, 1988

Виталий Вячеславович НАУМКИН, Леонид Ефимович КОГАН,
Дмитрий Валентинович ЧЕРКАШИН
(Москва)

ВТОРОЙ ТОМ «КОРПУСА СОКОТРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА»: АННОТИРОВАННЫЙ КАТАЛОГ ТЕКСТОВ И ТРИ ИСТОРИИ ЭТИОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

В 2014 году, отмечая славный юбилей М.Б. Пиотровского, мы вспоминаем и другую, более скромную, но очень важную для нас круглую дату: сорок лет назад, в 1974 году, один из авторов этой статьи впервые ступил на землю острова Сокотра, положив начало многолетнему исследовательскому проекту по археологическому и этнолингвистическому описанию этого заповедного, уникального по своему архаизму и своеобразию уголка ближневосточного культурного ареала. Два юбилея – семидесятилетие М.Б. Пиотровского и сорокалетие отечественных исследований на Сокотре – совсем не чужды друг другу: вплоть до настоящего времени сокотрийские исследования проводятся в рамках Российской комплексной экспедиции в Республике Йемен, в деятельности которой в 1980–1990 годах наш юбиляр, как всем известно, принимал самое энергичное участие. Хочется надеяться, что статья, посвященная новым открытиям в области изучения сокотрийского фольклора, представит интерес для М.Б. Пиотровского, среди научных занятий которого изучение мифов и легенд народов аравийского культурного круга всегда занимало выдающееся место.

В 2010 году российская исследовательская программа на Сокотре получила новый импульс благодаря тесному и плодотворному сотрудничеству, установившемуся между В.В. Наумкиным и группой арабистов и семитологов Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета: Л.Е. Коганом, Д.В. Черкашиным, М.С. Булах. Участникам проекта удалось привлечь к работе двух исключительно одаренных сокотрийских информантов, ‘Ису Гум’ана аль-Да’рхи и Ахмада ‘Ису аль-Да’рхи, с помощью которых был подготовлен первый том «Корпуса сокотрийского фольклора» (*Corpus of the Soqotri Oral Literature*, CSOL), вышедший в свет в декабре 2014 года¹. Большую часть текстов первого тома CSOL составляют архаичные поэтические и прозаические произведения, записанные В.В. Наумкиным в ходе полевых исследований 1970–1990 годов².

¹ Работа над проектом ведется при поддержке грантов РГНФ (14-01-18048, 14-04-00277) и РФФИ (12-06-00182-а). Приятным долгом для нас является выразить искреннюю благодарность этим фондам.

² Аннотированный каталог текстов первого тома CSOL см. в Наумкин–Коган 2013.

В 2012 году участники проекта приступили к формированию корпуса второго тома CSOL. Как и в первом томе, здесь представлены тексты, собранные В.В. Наумкиным в ходе ранних полевых сезонов на острове, но также и ряд «новых» текстов, записанных и исследованных В.В. Наумкиным и другими участниками экспедиции в период с 2010 года по настоящее время. В рамках данной статьи мы публикуем аннотированный каталог текстов второго тома CSOL, в котором приводится краткое содержание включенных в корпус произведений, а также сведения о родственных текстах, представленных в сокотрийском «Венском корпусе» – уникальном собрании сокотрийского фольклора, вышедшем в свет более ста лет назад под редакцией знаменитого австрийского востоковеда Д.Х. Мюллера. Кроме того, вниманию читателя будут предложены комментированные издания трех примечательных текстов необычного для сокотрийского фольклора этиологического содержания и связанные с ними культурно-исторические наблюдения в более широком ближневосточном контексте.

1. Сокотрийские тексты второго тома CSOL: аннотированный каталог

Текст 1. Сын Бычьей Шкуры

Жил человек, один-одинешенек: ни родителей, ни детей, ни жены. Жил он высоко в горах, пас коров, питался молоком да мясом, а из одежды были у него одни шкуры. Так и прозвали его: Бычья Шкура. Однажды пришла к нему прекрасная женщина и говорит: «Я хочу стать твоей женой». Бычья Шкура согласился, но после первой же брачной ночи жена оставила его. Через некоторое время у женщины (а она была *фея*³) родился сын. Когда мальчик подрос, мать сказала ему: «Иди к своему отцу, его зовут Бычья Шкура». После некоторых колебаний отец принял мальчика, и стали они жить вдвоем. Вскоре выяснилось, что юноша обладает чудесной силой и отвагой: даже соскользнувшую в пропасть корову смог он вытащить за хвост! О его удали прослышали прекраснейшие девушки столицы, и все мечтали выйти за него замуж. Одна лишь дочь султана усмехалась: «Никогда не выйду за нищего, за сына Бычьей Шкуры!». В остальной части этого пространного текста (168 сегментов, один из самых длинных образцов в нашем собрании) рассказывается о том, как надменная девушка все-таки полюбила сильного, храброго и смекалистого сына пастуха, и что из этого вышло.

▲ Некоторые мотивы, содержащиеся в этом произведении, находят прецеденты в тексте No. 20 из Müller 1907: 87–96 (“Die gedemütigte Sultanstochter”).

³ Словом *фея* мы обозначаем, вслед за Д.Х. Мюллером, часто упоминающихся в сокотрийских легендах сверхъестественных существ женского пола. Современные сокотрийцы обычно называют их арабским заимствованием *málīka* (искаженная форма женского рода от арабского *malʿak* ‘ангел’), однако структурно тождественную форму на русском языке образовать невозможно. Хорошо известно информантам и древнее, исконное сокотрийское обозначение *ḥadībo* (омонимично названию столицы острова *Ḥadībo* и напрямую не связано с ним), которое они используют сравнительно редко, очевидно из-за связанных с ним языческих коннотаций. Обозначение *джинния* в данном случае не подходит из-за присущей ему негативной окраски (хотя, по представлениям сокотрийцев, *джинния* может поступить с человеком и по-доброму). Термины *волишебница* или *колдунья* также желательно исключить, поскольку речь идет не о людях, общающихся со сверхъестественными силами, но о самих представителях мира сверхъестественного.

Текст 2. *Молоко и масло. Пахта и продукты из нее*

Подробное описание распространенных на Сокотре молочных продуктов и способов их изготовления: свежее молоко (*šlaf*), сквашенное молоко (*héllob*) как сырье для взбивания масла⁴, свежее масло (*kátmahim*), очищенное топленое масло (*hám'ri*), вареная пахта неразмешанная (*hámdeher*), вареная пахта размешанная (*mákdaf*), сильно уваренная и высушенная на солнце пахта, «сыр» (*žábna*).

Текст 3. *Мясные консервы*

Краткое описание традиционных способов консервации мяса. Вареное мясо можно вялить (коптить) у огня, однако такой продукт сохраняется неиспорченным лишь 2-3 дня. Есть и другой способ: предварительно сваренное мясо долго варят в расплавленном жиру. В этом случае оно может простоять около месяца. Такие консервы называют *máksad*.

Текст 4. *Отцовский палец*

Жил да был старик, и был у него единственный сын. Собравшись умирать, дал он мальчику полезный совет: «Когда я умру, отрежь у меня палец и закопай в землю. Через некоторое время на этом месте вырастет дерево. Благодаря ему ты станешь богатым: приглашай к себе гостей и спрашивай их на спор, из чего выросло это дерево. Ни один не догадается, а ты заберешь себе все их добро». Когда отец умер, юноша последовал его совету, и все случилось в точности так, как предсказал старик. Лишь в одном не повезло молодому человеку: его жена оказалась обманщицей и раскрыла своему любовнику тайну чудесного дерева. Герой в отчаянии покидает дом и по дороге встречает прекрасную женщину – Солнце. Узнав о его беде, Солнце обещает юноше посрамить неверную жену и ее любовника: для этого оно, вопреки обыкновению, взойдет не на востоке, а на западе.

Текст 5. *Диалог человека с Богом о пользе жертвоприношения*

Поэтический диалог между человеком и Богом о бессмысленности поминальных трапез, которые противопоставляются жертвоприношениям при молитвах о дожде (*istisqā'*). Тем, кто не верит в силу этого обряда, Бог обещает страшные кары. Человек, поначалу возмущенный неверием своих соплеменников и горько жалующийся Богу на их недостойное поведение, в конце концов умоляет Всевышнего сжалиться над ними. Этот глубоко архаичный текст содержит большое число ранее не известных лексем, в том числе не засвидетельствованный нигде больше в сокотрийском языке рефлекс прасемитского обозначения бога **'il-* (*al*).

▲ Предварительная публикация в Наумкин–Коган 2013.

Текст 6. *Нет, это не прихоти беременной!*

После смерти матери девочка осталась с отцом, который взял себе новую жену. Мачеха возненавидела падчерицу и всеми способами пыталась ее извести. Непосильный труд и плохое питание подорвали здоровье девочки, однако жестокая женщина не удовлетворилась этим: частые недомогания падчерицы она стала объяснять тем, что та

спуталась с соседскими мальчишками, забеременела от одного из них и теперь не может как следует работать. Отец девочки поверил жене и взял за правило жестоко избивать дочь. Предчувствуя близкую смерть, девочка обращается с проникновенным элегическим стихотворением к своим овцам – единственным существам, с которыми она могла поделиться рассказом о своей горькой судьбе.

Текст 7. *Другая корова*

У одного человека была молодая корова. Однажды хозяин заметил, что рядом с тем местом, где его корова ложится отдыхать на ночь, остались следы другой коровы, однако самого животного он не встретил – да ведь и не было никакой другой коровы во всей округе. Так продолжалось несколько дней подряд. Однажды ночью человек не пошел спать, а спрятавшись и стал наблюдать за своей коровой. Посреди ночи рядом с ней внезапно оказалась другая корова, но не из плоти – одна лишь тень, «нечто вроде призрака». Человек подкрался и отсек у коровы-призрака кусочек уха, после чего таинственная тень тут же превратилась в обычное животное. Обрадованный хозяин погнал двух своих коров домой, однако путь ему преградил незнакомец: «Эй ты, близорукий! Куда ты тащишь мою корову?» Тут человек понял, с кем имеет дело – это был джинн (*di-mánnom*), ведь только остроглазые джинны называют людей «близорукими». Но человек не растерялся и выпросил у джинна чудесное животное. Свой подарок джинн сопроводил одним условием: человек ни под каким предлогом не должен выливать молоко волшебной коровы на землю. Придя домой, хозяин коровы принялся доить ее, однако вместо молока из вымени потекла кровь – тяжелые сгустки крови...

▲ Предварительная публикация в Наумкин–Коган 2014. Ключевые мотивы и сюжетные элементы этого текста точно соответствуют рассказам *Die Luftgeister (erste Erzählung)* и *Die Luftgeister (zweite Erzählung)* в Müller 1905: 127–130 (номера 40 и 41). Основное отличие состоит в том, что в текстах Мюллера речь идет не о корове, а о козе: похищенное у джиннов животное считается предком коз особого статуса (*mahžéžo*)⁵. Этот вариант легенды также известен нашим информантам.

Текст 8. *Маленький Иса*

Жили-были два брата. У одного было много сыновей, а у другого – всего один. И вот взяли племянники привычку издеваться над дядей, бить его да отбирать у него коз, а родной брат знай себе смотрит, не вмешивается. Так и свели старика в могилу. Тяжело пришлось Маленькому Исе в доме у дяди: каких только мучений он не претерпел от жестоких братьев! Когда мальчик подрос, для него устроили праздник обрезания, но Маленький Иса решил отметить праздник по-своему: пробрался в дядин загон и перерезал всех коз. Явившись на праздник, Маленький Иса с гордостью выкрикивает стихи о том, как он отомстил за унижения, причиненные его несчастному отцу. Поразмыслив, дядя решил не предавать дело огласке, но подговорил сыновей проучить мальчишку: тайком пробравшись к месту обрезания, они раскалили камень, на котором должен сидеть пациент, да так сильно, что после операции на камне остались следы кожи. Но мужественный юноша и виду не подал, что ему больно.

⁵ Институт «особой» козы *mahžéžo* и сегодня сохраняет свое значение среди сокотрийцев (Наумкин 2012: 250–252).

⁴ Тем же термином обозначается сырая (невареная) пахта, т. е. жидкость, оставшаяся в бурдюке после удаления хлопьев свежего масла.

Текст 9. *Как сажают пальмы и как изготавливают кожаное ведро*

Текст описывает трудоемкий процесс насаждения пальмовой рощи: сначала подходящий участок ограждают каменным забором, затем выкапывают лунки и помещают туда саженцы. После этого ростки начинают приучать к режиму полива. «Отлучение» молодой пальмы от регулярного полива происходит через семь, а то и через десять лет.

Замечательным элементом этого текста является подробный экскурс об изготовлении ведра из дубленой кожи с ободом из стебля крапивы: еще недавно с помощью одних лишь этих ведер, привязанных к веревкам из пальмовых листьев, сокотрийцам удавалось поливать многие сотни пальм.

Текст 10. *Как сушат финики и как готовят финиковую массу*

Небольшой текст этнографического содержания повествует об устройстве площадки для сушки фиников (*māstāh*). В нем также рассказывается о приготовлении финиковой массы: высушенные плоды топчут ногами на особой циновке с загнутыми вверх краями (*mórkit*) до получения однородной массы. Полученной массой плотно набивают бурдюки, в которых она может храниться неограниченно долгое время.

Текст 11. *Финики побережья и финики горных долин*

Пространный, тщательно составленный текст, описывающий различия между двумя традиционными способами ухода за финиковой пальмой. Когда созревают финики на «пальмах побережья» (*dī-mān šéte*), гроздь необходимо укрывать особо сшитыми мешками и подвязывать к верхним ветвям дерева: в противном случае плоды будут сорваны ветрами. «Пальмы горных долин» (*dī-mān šāʿébb*) защищены от ветра естественными условиями и в подобном уходе не нуждаются. Неожиданно для нас приготовление финиковой массы в каждом из этих двух случаев также осуществляется по-разному: «финики побережья» готовят вместе с косточками, в то время как «финики долин» делят пополам, а косточки удаляют.

Текст 12. *Загадки*

В отличие от многих фольклорных жанров, до сих пор бытующих среди островитян практически в первозданном виде, искусство традиционной сокотрийской загадки быстро уходит в прошлое: по своему разнообразию и оригинальности собранные нами тридцать образцов заметно уступают замечательным загадкам (37 единиц), некогда собранным Д.Х. Мюллером (Müller 1905: 358–364)⁶. В то же время многие из наших загадок явно восходят к весьма архаичным прототипам, а некоторые из них, хотя и придуманы сравнительно недавно, успешно имитируют традиционный канон.

▲ Между нашими загадками и корпусом загадок Мюллера устанавливаются следующие соответствия (точные или приблизительные): No. 1 = Müller 1905: 362, No. 17; No. 7 ≈ Müller 1905: 360, No. 5; No. 14 = Müller 1905: 360, No. 7; No. 23 = Müller 1905: 363, No. 28; No. 25 = Müller 1905: 361, No. 10; No. 26 ≈ Müller 1905: 359, No. 1; No. 29 = Müller 1905: 363, No. 4/1.

⁶ Не последнюю роль играет здесь тот факт, что многие из старинных загадок имеют сексуальный, иногда откровенно obscene характер. В современном сокотрийском обществе такого рода загадки практически лишены права на существование.

Немалый интерес вызывает тот факт, что 26 мехрийских загадок, собранных В. Хайном и опубликованных в Hein–Müller 1909: 184–187, практически никогда не совпадают с сокотрийскими ни по формальной организации, ни по содержанию (единственное исключение составляет No. 22: «Ест, но не насыщается — огонь»).

Текст 13. *Как бедняк надменную девушку обманул*

Жила-была девушка, которая мечтала выйти замуж за богача. Многие мужчины сватались к ней, но все получали отказ. И вот однажды деревенский бедняк, в загоне которого давно не видели огня⁷, говорит своим родичам: «А вот за меня она выйдет. Лишь об одной услуге прошу я вас: соберите для меня как можно больше палочек, которыми затыкают рот козлятам⁸». Сказано – сделано: привязал человек себе на пояс сто палочек, пятьдесят справа и пятьдесят слева, и пошел свататься. Увидела его надменная девушка и говорит про себя: «Вот, настал день моей свадьбы!» Свое обещание бедняк исполнил, а дальше-то что делать? Как угодить привередливой жене? В конце концов Бог сжалился над незадачливым бедняком и одарил его богатством.

Текст 14. *Семя дьявола*

У одного человека было правило – никогда не совокупляться со своей женой больше одного раза в день. И вот однажды, когда человека не было дома, явился дьявол, принял его обличье и вошел к его жене. А вечером сам человек решил исполнить свой супружеский долг, но жена говорит ему: «Ты что, забыл?!» Муж отвечал: «Да, извини, я забыл», но сам заподозрил неладное. Через должное время родился у женщины сын. Рос мальчик вместе со своими братьями, но когда отец собрался умирать, вот что сказал он старшим сыновьям: «Ваш младший брат – не мой сын. Не должно быть ему доли в наследстве». После смерти отца между братьями началась тяжба, для разрешения которой они направились к мудрецу. Предложенное мудрецом нехитрое испытание позволило быстро подтвердить правильность предположений умершего отца, после чего братьям оставалось лишь избавиться от дьявольского потомства.

▲ Практически такой же текст мы находим у Мюллера (Müller 1905: 97–99) под названием *Der Teufelsjunge* (*Temtiloh di-šāzeh di-biroh mibrhe min didhe*).

Текст 15. *Ленивая жена*

Рассказ моралистического характера. У одного бедного дровосека была красивая, но злая и ленивая жена. Работать ему она не помогала, домашним хозяйством не занималась, а детей только била да ругала. Зато о своей внешности женщина никогда не забывала – все стояла у зеркала да прихорашивалась. И вот однажды несчастный муж познакомился с другим дровосеком, жена которого являла полную противоположность его собственной: и дрова вместе с ним рубила, и за домом следила, и шитьем да вязанием подрабатывала. Как же исправить негодную жену? Совет товарища был прост: нужно лишь перестать восхищаться ее красотой.

⁷ Сокотрийские пастухи считают, что козы «любят огонь», поэтому в загоне всегда имеется очаг, который разжигают перед дойкой.

⁸ Козлятам-сосункам затыкают рот особой палочкой (*škef*), которую вынимают лишь несколько раз в день. Благодаря этому приспособлению большая часть молока достается людям. Носить при себе большое количество таких палочек значит быть хозяином обширных стад.

Текст 16. *Милосердная джинния*

«История, имевшая место в действительности» (*qiṣṣa ḥaqīqiyya*). Один человек вышел поутру искать одну из своих коз, да так и пробегал за ней почти до полудня. И вдруг навстречу ему женщина: «Что ты тут делаешь? Твои поиски ни к чему не приведут, все люди уже вернулись домой и готовят обед. Да и не стоит ходить здесь в это время, мало ли кого можно встретить... Что же до твоей козы, то она, вероятно, в таком-то месте». Человек вернулся домой и рассказал отцу, где может скрываться коза. И точно – там она и оказалась!

Текст 17. *Как джинния дала добрый совет*

По содержанию этот текст почти идентичен предыдущему, однако отличается от него в лексическом и синтаксическом отношениях.

Текст 18. *Железная нога*

У этого вида джиннии вместо одной из ног — нечто вроде большого железного гвоздя, поэтому она и называется *di-masémir* «Та, что с гвоздями». Когда она прыжками преследует человека, железная нога глубоко вдаётся в землю. Несмотря на это, убежать от нее очень трудно – где ты, там и она, где ты, там и она.

▲ Краткий рассказ о джиннии с железной ногой см. в Müller 1905: 65 (в этом тексте она называется *miṣmiyān*).

Текст 19. *Как появилась дождевая вода*

В дошедшем до нас виде это произведение призвано объяснить появление на Сокотре общедоступных водоемов с пресной водой (*riho di-ʿalla*), однако этиологическая интенция автора имеет здесь довольно поверхностный характер: повествование служит лишь рамкой для двух архаичных заклинаний на вызов дождя.

▲ Предварительное издание текста см. ниже в данной статье. Краткую молитву с просьбой «забрать» слишком обильный дождь см. в Müller 1905: 109.

Текст 20. *Золушка на Сокотре*

У одного рыбака умерла жена, и остался он жить со своей единственной дочерью. Девушка постоянно уговаривала отца жениться вновь, но он не соглашался. Наконец он все-таки взял в дом другую женщину, да еще с двумя дочерьми. Тут бедной девушке белый свет стал не мил от тяжелой работы, оскорблений и издевательств. Однажды султан устроил праздник для своего сына и пригласил туда всех женщин города. Собралась на праздник мачеха со своими дочерьми, а Золушку оставила дома, задав ей невыполнимую работу. Благодаря вмешательству старух-волшебниц Золушка попадает на праздник, где в нее влюбляется принц. Убегая с праздника, девушка теряет сандалий, который попадает в руки принца...

▲ В 1902 году Д. Х. Мюллер опубликовал текст сказки о Золушке на языке мехри с параллельным текстом на арабском диалекте, бытовавшем в то время среди жителей Сокотры, с которыми ему приходилось иметь дело во время посещения острова в 1899 году⁹

(Müller 1902: 117–125). Сокотрийский перевод этой сказки был опубликован в Müller 1905: 35–42, а двумя годами позже вышла в свет джиббалийская версия (Müller 1907: 34–45). В 1918 году М. Битнер соединил вместе все четыре варианта, снабдив их подробным сравнительно-лингвистическим комментарием (Bittner 1918). На протяжении многих десятилетий эта работа считалась своего рода введением в сравнительное изучение современных южноаравийских языков. Мехрийский информант Т.М. Джонстона ретранслировал текст Мюллера, отражающий один из прибрежных диалектов Махры, на диалект Оманского Наджда (Johnstone–Stroemer 1999: 265–274). Имеющийся в нашем распоряжении сокотрийский текст не во всех деталях совпадает с версией Мюллера, однако почти все основные мотивы и элементы сюжета так или иначе присутствуют в нем. Значительный интерес вызывает глубоко оригинальный очерк об истории «Золушки» на Востоке и Западе, опубликованный в Müller 1902: 211–214.

Текст 21. *Как животные перестали разговаривать*

Редкий для нашего корпуса пример подлинно этиологического рассказа. В прежние времена животные умели говорить, поэтому человек даже собственную козу зарезать толком не мог: только подойдет к ней с ножом, она сразу жаловаться начинает, плакать да причитать. В конце концов добрый ангел Дихёко попросил «того, кто лишил дара речи камни и деревья», сделать то же самое с животными. С тех пор одни лишь люди умеют говорить.

▲ Предварительное издание текста см. ниже в данной статье. Тексты 21 и 22 со-вмещены в рамках единого этиологического повествования в Müller 1905: 102–104.

Текст 22. *Почему у коровы четыре соска, а у овцы – два*

Еще один образец этиологического повествования. В прежние времена у коровы было два соска, а у овцы – четыре. Однажды корова и овца паслись вместе, корова насытилась быстро, а овца никак не могла наестся. Когда наступило время возвращаться домой, чтобы покормить детенышей, корова и говорит: «Дай мне на время два твоих соска, я покормлю за тебя твоего ягненка». Овца поверила ей, но обратно свои соски так и не получила.

Текст 23. *Два лжеца*

Шуточный рассказ о состязании двух лжецов. Первый лжец копал вместе с другом лунку для пальмового саженца и наткнулся на корень дерева, который ему никак не удавалось ни выкопать, ни вырубить, ни обойти. Тогда он стал вытягивать его из земли и так прошел несколько километров до соседней деревни. Второй лжец отправился в дальний путь. Перед утренней молитвой он совершил омовение, но вдруг задумался: «А как же я буду молиться вечером? Ведь в том месте, где будет моя следующая остановка, нет воды!» Решил он взять немного воды с собой, но нести ее было не в чем. Не долго думая, второй лжец набрал пальмовых волокон и донес в них воду до места. Обменявшись невероятными историями, два лжеца принялись ругаться, беззастенчиво обвиняя друг друга во лжи.

Текст 24. *Нежеланный ребенок*

Одну девушку против ее воли выдали замуж за богатого старика. Забеременела молодая жена и решила отомстить ненавистному мужу: повадилась ходить в гости к соседке, которая топтала ей живот, чтобы вытравить плод. Застала ее мать за этим занятием, отругала, велела с мужем развестись, а ребенка забрала себе. Когда мальчик

⁹ Заметим, что вплоть до сравнительно недавнего времени знание арабского языка среди сокотрийцев было весьма ограниченным: хорошо говорить по-арабски умели либо немногие образованные люди, либо те островитяне, которые в силу своих занятий часто оказывались за пределами Сокотры (например, матросы).

вырос и узнал о том, как мать пыталась избавиться от него во время беременности, он сильно огорчился и сочинил ей в осуждение гневное стихотворение.

Текст 25. *Забытый младенец и фея*

Муж и жена в спешке покидали свой дом, перебираясь на новое место. По сокотрийскому обычаю, их единственный ребенок спал в узле из тряпки, подвешенном к потолку¹⁰. В суматохе женщина закинула себе за спину другой узел, в который была свернута одежда, а ребенка забыла в доме. Не успели муж с женой отойти от деревни, как к дому подошла фея (*hadībo*) и стала петь младенцу песню. Но проникнуть в дом ей не удалось: по случайности у дверей были брошены несколько веток дерева *só'hor*, которое всегда защищает человека от сверхъестественных сил. А туг и родители опомнились и вернулись домой.

Текст 26. *Как в старину вору руку отрубали*

Красочный рассказ мемуарного характера: повествователь описывает, как в его молодости, в эпоху султанского правления, на Сокотре отрубали руки вору. Султан вершил дознание и суд на общем собрании шейхов племен, куда приводили подозреваемого в воровстве. Шейх племени, к которому принадлежал вор, всячески старался обелить своего товарища, поэтому решение об отрубании руки удавалось принять лишь после неопровержимых свидетельских показаний. Помощник палача хватал кисть осужденного за два пальца и изо всех сил тянул на себя, после чего палач наносил удар. Между тем слуги султана кипятили в котле жир дельфина, куда окунали обрубок, чтобы прекратить кровотечение и предотвратить заражение. Отрубленную же кисть вывешивали на всеобщее обозрение, чтобы вызвать страх у других желающих заняться воровским ремеслом. «А воровали на Сокотре и коров, и овец, и пальмы, и дома...».

Текст 27. *Постройка дома*

Подробное описание строительства различных типов традиционных сокотрийских жилищ и хозяйственных помещений. Текст характеризуется высокой концентрацией ранее неизвестных лексем терминологического характера (вопреки ожиданиям, почти все они являются исконно сокотрийскими, арабские заимствования весьма немногочисленны).

Текст 28. *Гензель и Гретель на Сокотре*

У одного человека была жена и двое детей, мальчик и девочка. Когда жена человека умерла, он женился на другой. И вот однажды мачеха говорит: «А давай зарежем детей!» Девочка услышала эти слова и говорит брату: «Милый братец, что же нам делать? Мачеха предлагает отцу нас резать». Брат ей отвечает: «Давай убежим!» После долгих приключений брат и сестра оказались в безопасном месте вдали от родного дома. В один прекрасный день девушка решила искупаться в ручье. Волос, упавший с ее головы, поплыл вниз по течению и попал в руки к сыну султана. Вскоре принц обнаружил обладательницу прекрасного волоса и женился на ней, но завистливая служанка чуть было не погубила юную принцессу...

▲ Очень близкий по содержанию текст мы находим в Müller 1905: 99–102 (в отличие от нашего варианта, в тексте Мюллера детей решает резать сам отец, а спасает их от

смерти мать — родная, а не приемная). Текст Мюллера подтверждает, что кажущееся искусственным совмещение в рамках этого произведения двух весьма разнородных мотивов и сюжетных линий является древней чертой, а не результатом компилятивной деятельности современных рассказчиков. Похожий по содержанию текст на мехри (с переводом на хадрамаутский диалект арабского) см. в Hein–Müller 1909: 99–105.

Текст 29. *Как мальчик выманил у отца козу*

Один бедуин послал своих детей, мальчика и девочку, на побережье, в Хадибо, чтобы купить для семьи съестных припасов. Нагрузились дети мешками с мукой и пошли в обратный путь. Вдруг мальчик говорит сестре: «Хочу отойти помочиться». Сестра отвечает: «Иди». Помочился брат и говорит: «Сестра, сестра, не могу дальше идти! Пока мочился, выпала у меня кишка! Пока мочился, выпала у меня кишка!» Делать нечего — оставила девочка брата на дороге, взвалила на себя весь груз и пошла к отцу. Рассказала она отцу о том, что случилось с братом. Старик перепугался, побежал к сыну, плачет, кричит: «Сынок, это правда, что у тебя выпала кишка?» А мальчик отвечает: «Да, правда! Да, правда!» Взял старик козу, да и принес ее в жертву Богу за выздоровление сына. Почувствовал мальчик запах вареного мяса и закричал: «Спасибо, отец! Кишка вернулась на место! Спасибо, отец! Кишка вернулась на место!» Значительный интерес в этой истории вызывает обряд жертвоприношения за здоровье (*ššfō'o*): многие современные сокотрийцы осуждают этот обычай как языческий и стараются не упоминать о нем в беседах с чужаками.

Текст 30. *Как погибло племя Этер*

Племя Этер было одним из самых могущественных на острове. Люди этого племени были могучими, но жестокими: всего, чего хотели, добивались силой. В конце концов окружающие племена ополчились на них, да так, что все племя оказалось перебито. Искусно составленный рассказ повествует о том, как неотвратимый рок сводит в могилу последнего представителя племени Этер — ни в чем не повинного юношу, который всеми силами пытается скрыть от окружающих свое происхождение.

▲ Можно предположить, что рассказ о племени Этер некогда пользовался большой популярностью на острове: отголоски содержащихся в нем мотивов мы находим в самых разных произведениях нашего корпуса. Тем не менее, получить связную и достаточно подробную версию этой легенды оказалось непростой задачей. Публикуемый во втором томе CSOL текст был специально «заказан» одному из наиболее известных на Сокотре сказителей, Тануфу Салему Нуху. Отличающийся в некоторых деталях вариант был ранее опубликован в Naumkin–Porkhomovsky 1996 (из-за дефекта аудиозаписи доступным для дешифровки оказалось около двух третей текста). Сравнительно краткий, но весьма содержательный вариант легенды, отражающий почти все характерные для нее мотивы, мы находим в Müller 1905: 118–119.

2. Три истории этиологического содержания

Как уже упоминалось выше, рассказы этиологического характера не характерны для сокотрийского фольклора: в ходе работы над первым томом CSOL мы ни разу не столкнулись с этим широко распространенным жанром устного народного творчества, да и в обширном корпусе Мюллера такого рода тексты практически

¹⁰ См. эффектную иллюстрацию в Наумкин 2012: 394.

полностью отсутствуют¹¹. Тем более удивительным оказалось открытие, сделанное Д.В. Черкашиным летом 2012 года в ходе систематического обследования архивных материалов В.В. Наумкина: на кассете, записанной в один из ранних экспедиционных сезонов, были обнаружены три текста, объединенные этиологической направленностью повествования. Рассказчиком этих текстов был покойный ‘Амер Ахмад аль-Да’рхи — шейх племени Да’рхи и замечательный хранитель сокотрийских традиций, которому мы обязаны очень многими из включенных в CSOL произведений. С помощью сокотрийских информантов (младший из которых является внуком шейха ‘Амера) нам удалось расшифровать и прокомментировать эти глубоко архаичные, местами весьма сложные для понимания тексты, которые несомненно заинтересуют не только специалистов по языкам и культурам Южной Аравии, но и теоретиков фольклора.

2.1. «Как появились водоемы с пресной водой» («Услышанная молитва»)

2.1.1. Сокотрийский текст с русским переводом

‘a“áfa di-šóuma” m3s

1	áwwal tó’o ye’eté’an ‘in é’efo šəybóbbon ha fíne ya’úmor irémo gazire bísi bəs rího di-’álja	Как рассказывают нам старики, давным-давно, в прежние времена, здесь на острове, говорят, не было водоемов с пресной водой.
2	kał tó’o liṭmé di-tími wál’la fa’gób liṭdér wál’la fa’gób lišál yəfó’os la- mése kor yaṭarəb yikən həy rího	Только когда кто-нибудь испытывал жажду, или хотел приготовить еду, или помолиться, тогда он просил, чтобы прошел дождь и была ему вода.
3	‘aṭáf təy yómə ṭaháro diḥéko wa-ṭad di’ye ḥádəm tərédə ṭáhrər wa-lóuyo bəs	И вот однажды Дихеко и его слуга пошли охотиться за дикой козой и поймали её.
4	‘ómor diḥéko e-dí’ye ḥádəm təfó’os hóyki la-mése la-rího	Дихеко сказал слуге: «Попроси для нас дождя, попроси воды!»
5	‘ómor təfó’os e di-yikən hək	Слуга отвечал: «Попроси ты, тебе будет дано!»
6	‘ómor əšérkaḥ təfó’os hóyki	Но Дихеко сказал: «Нет, ты иди и попроси для нас!»
7	šérkaḥ ḥádəm wa-fé’es ‘ómor tése tése ḥakákḥen di-ḳáhrer ‘af l’etóuyo ṭáhrər wa-ḳátən id ṭaḥ	Слуга вышел и попросил: «Пусть прольется дождь, пусть прольется дождь на уступах Ди-Кахрер. Пока не встретятся дикая коза и домашняя на берегу!»
8	wa-líso wa-líso wa-líso wa-líso wa- líso ‘af tó’o síni diḥéko áнна zed mése ‘ómor hə ifúl ‘ámok	И лил дождь, и лил, и лил, и лил, пока не увидел Дихеко, что дождя слишком много. Тогда он сказал слуге: «Эй, что ты сказал?»

9	‘ómor fō’osk la-mése	Тот ответил: «Я попросил дождя».
10	‘eš diḥéko wa-šérkaḥ di-ter ‘ómor la-tése la-tése l’éte rího liṭfákku šólhoḥ liṭté’e a’gémo la-šed la-barḥ la-mése di-ṭábiho	Тут Дихеко встал, вышел наружу и сказал: «Пусть прольется дождь, пусть прольется дождь, пусть соберется вода! Пусть вскроются потоки, пусть разомкнется закрытое От грома, от молнии, от дождя благотворного!»
11	əṭfákku laṭ šólhoḥ wa-kən rího wa- ‘əṭfák l’hén’a arḥ fáhre tó’o kən wa- káno ‘áfíye mən bá’ad ḥa	И вскрылись потоки, и была вода — раскрылась все это, вся земля, как она есть. И стало тогда хорошо.

2.1.2. Филологический комментарий

1. О ключевом для хозяйственного и социального уклада Сокотры понятии *rího di-’álja* ‘вода Бога’ см. подробно в Наумкин 2012: 257.

3. Наделенный сверхъестественными качествами добрый дух Дихеко – один из наиболее популярных героев сокотрийского фольклора, упоминающийся во многих текстах первого и второго томов CSOL (см. уже Наумкин–Порхомовский 1981: 103–105). Современные сокотрийцы, стремящиеся примирить традиционные мифологические представления с нормами распространенных в Йемене ортодоксальных форм ислама, обычно называют Дихеко «ангелом».

7. Форма *tése* ‘пусть пройдет дождь’ отличается от регулярной формы юссива глагола *liso*, которая имеет вид *talśé*. По своему морфологическому облику она напоминает юссив каузативной породы, однако соответствующие формы перфекта и имперфекта нашим информантам не известны; в Венском корпусе формы этого типа вообще не отмечены. Какой-либо семантической или функциональной разницы между *tése* и *talśé* они не отмечают.

Уменьшительная форма *ḥakákḥen* (дв. ч. *ḥakákáni*, мн. *ḥakákḥon*) происходит от существительного *ḥékaḥ* (дв. *ḥakíki*, мн. *ḥékoḥ*). Эта архаичная лексема, отсутствующая в Венском корпусе, недостаточно хорошо известна нашим информантам, которые объясняют ее, возможно *ad hoc*, как ‘впадина в ущелье, где отдыхают дикие козы’: *himaḥk ya’úmor fíne ṭáhrər təšéga*» *bə-ṭíyo wa-zó’om bə-ḥékoḥ di-’éḥi* ‘Я слышал, как люди говорят, что прежде дикая коза паслась в ущелье, а отдыхала во впадинах, в ущельях’, *tó’o tése tšá’in érhon di-ḥékoḥ kor tšk’nén ‘an mése* ‘Когда идет дождь, козы устремляются к горным впадинам, чтобы укрыться от дождя’.

По мнению наших информантов, *di-ḳáhrer* представляет собой топоним. Точное значение элемента *ḳáhrer* им не известно, однако они склонны связывать его с анатомическим термином *ḳahírhir* ‘часть ключицы, прилегающая к шее, впадина под адамовым яблоком’ (см. LS 370, Simeone-Senelle-Lonnet 1991: 1462).

Форма *l’etóuyo* представляет собой юссив 3 л. дв. ч. м. р. от глагола со значением «встречаться». В силу своей семантики этот глагол не употребляется в единственном числе, основные формы двойственного и множественного числа можно представить в виде следующей таблицы.

¹¹ Интересным исключением является рассказ о возникновении менструальной крови в Müller 19505: 106 (No. 23, “Das Blut”).

	Перфект	Имперфект	Юссив
3 л. мн. ч. м. р.	<i>lótā</i>	<i>yétān</i>	<i>létā</i>
3 л. мн. ч. ж. р.	<i>lótā</i>	<i>tétīnen</i>	<i>létīn (tétīn)</i>
1 л. мн. ч.	<i>létīn</i>	<i>nétīn</i>	<i>nétī</i>
3 л. дв. ч. м. р.	<i>lātūyo</i>	<i>yētūyon</i>	<i>lētūyo</i>
3 л. дв. ч. ж. р.	<i>lātūyéto</i>	<i>tētūyon</i>	<i>lētūyo (tētūyo)</i>

Примечательной особенностью форм префиксальных спряжений от этого корня является утрата преконсонантного *l (*lētūyo* < *lētūyo), которая сравнительно редко отмечается в сокотри (в отличие от родственного языка мехри, для которого это явление обычно)¹². Наиболее известными примерами такого рода являются глагольные и именные формы от корня *l-s-y ‘дождить’ (см. выше в данном комментарии).

Термином *ḳātān* обозначают домашнюю козу, в противоположность дикой или одичавшей (*tāḥrār*): *érhon daš di-tagóhom déher díse di-miṣḥar naʿámār ḥās ḳātān* ‘Козы, которые всегда возвращаются в загон, мы называем *ḳātān*, *daš óʿoz di-ḥa ḳātān al-tāḥrār* ‘Эта коза домашняя, не дикая’.

На взгляд западного читателя, «встреча дикой и домашней козы на берегу» не имеет никакого отношения к дождям, будь то сильным или слабым, однако для наших информантов стоящая за этой строкой картина более чем ясна: чрезмерно сильный дождь приводит к тому, что горные потоки-вади попросту смыывают диких и домашних животных и тащат их трупы вместе с землей, камнями и мусором, вниз, на берег. Именно этот, весьма неожиданный для нас образ стоит за упомянутой в тексте «встречей», и именно он призван сообщить слушателю, что дождь, пролившийся по просьбе слуги, не был «благотворным» (*di-tābiho*).

10. Заслуживает внимания употребление в этом архаичном заклинании очевидного арабского заимствования *līftākku*. На первый взгляд, появление этой формы в подобном контексте выглядит неожиданным: хорошо известно, что даже в гораздо более «обычных» фольклорных текстах на сокотрийском языке арабские заимствования встречаются крайне редко. Наблюдение за словарем пространной молитвы, сопровождающей жертвоприношение с просьбой о дожде (текст 23 в CSOL I), показывает, что такое словоупотребление скорее всего не случайно: в этом произведении, также глубоко архаичном и изобилующем древними лексическими и грамматическими особенностями, опять-таки встречается немало арабских слов. Можно предположить, что арабские вкрапления в произведениях этого круга использовались для придания им дополнительного ореола сакральности. Убедительную параллель для подобной практики составляет использование латинских и старославянских слов (нередко искаженных) в западноевропейской и русской заклинательных традициях.

Глагол *ḳatāra* (*yaktāra/likṭāra*) ‘открываться’ представляет собой не засвидетельствованную в Венском корпусе пассивно-рефлексивную породу для хорошо известного

глагола *ḳéʿe* ‘открывать’: *ṣīnik ba-mustāṣfi ʿag di-nūḳas*¹³ *ḥay šab di-ʿažéḥas wa-tóʿo niḳas ḳárab ḳatāra ba-dem wa-dor* ‘Я видел в больнице человека, которому вскрыли на ноге рану, причинявшую боль, когда рану вскрыли, из раны потекли кровь и гной’. В следующем примере отмечено типичное для сокотрийского языка безличное употребление формы третьего лица единственного числа женского рода по отношению к явлению природы (*ḳatāro ba-mése* ‘небеса разверзлись дождем’): *ṣīḳáro ba-gezire ʿaf yiṣam mel wa-féʿas éʿefo díryḥan álḷa ʿaftay šom ḳatāro ba-mése wa-ḳen ḳóšho ba-gezire fáḥre* ‘На острове был голод, так что скот стал умирать. Тогда люди стали умолять своего Бога, и вот однажды небеса разверзлись дождем, и весь остров покрылся травой’.

2.1.3. Сокотрийский текст в арабской графике

صعاقه دشومع ماس

1. أول تَوو يَاتَان عِين أُوو بِيْبِيْن حَاه فَاتِي يَوْمِر إِيْرَامُو جَزِيْرَه بِيْبِي بَاس رِيْهَو.
2. كَالِي تَوو لَطْمِي دَطِيْمِي وَالَا لِعَجَاب لِقَدَار وَالَا لِعَجَاب لَصَالِي يَفَاؤُس لِمَاسِي كَار يَطَارِب بِيْكَن هِيَه رِيْهَو.
3. عَطَاف طِيَه يَوْمِي طَهَارُو دَحَاكُو وَطَاد دَأِيْهَو خَادِم طَرَادُو طَحْرَر وِلْيُو بَاس.
4. عَامِر دَحَاكُو أَدَأِيْهَاه خَادِم: تَفَاؤُس هِيْكَي لِمَاسِي لِيْرِيْهَو!
5. عَامِر: تَفَاؤُس آه دِيْكَن هَاك.
6. عَامِر: أَشْرَقَح تَفَاؤُس هِيْكَي!
7. شَرَقَح خَادِم وَفَانِس عَامِر: تَاسِي تَاسِي حَقَقِيْهِن دَقَحْر عَاف لِنْيُو طَحْرَر وَقَاتِن إِد طَاح!
8. وِلْيَسُو وِلْيَسُو وِلْيَسُو وِلْيَسُو وِلْيَسُو عَاف تَوُو بِيْبِيْن دَحَاكُو أَنَه زَاد مَاسِي عَامِر: هَا إِفْوَلِ عَامَك؟
9. عَامِر: فَاؤُسْكَ لِمَاسِي.
10. عَابِس دَحَاكُو وَشَرَقَح دَتَار. عَامِر: لِنَاسِي لِنَاسِي لَاتِي رِيْهَو لِفَتَكُو صِلْهَلِيْ لِقَتَاعِي أَعْجَامُو لِشِد لِيْرِيْ لِمَاسِي دَطِيْبِيْهَو!
11. أَفْتَكُو لِإِط صِلْهَلِيْ وَكَان رِيْهَو وَأَفْتَك لِهِنْعَه أَرْض فَحْرِي تَوُو كَان وَكَانُو عَافِيَه مِن بَعْد حَاه.

2.1.4. Заклинание о дожде и заклинание для роженицы как рефлексии древнего общего мотива

Употребленное в тексте существительное *aʿgétu* ‘нечто замкнутое’ происходит от глагольного корня *ʿgm* ‘быть закрытым, замкнутым; быть немым’, который хорошо представлен как в Венском корпусе (LS 297–298), так и в речи наших информантов: *ʿégat* (*yaʿagom/laʿgóm*) ‘быть немым’, *ʿéghem* (дв. ч. *ʿagémi*, мн. ч. *ʿagyhem*) ‘немой’, *ʿigéme* (дв. *ʿigemíti*, мн. *ʿaghamétan*) ‘немая’; *sóhor di-ʿégom Šebéreh yáʿrír ʿes wu-bíši órim* ‘Ein Dornenhege umstrickt die Šebéreh, umschließt sie, nicht ist der Zutritt zu finden’ (Müller 1905: 165₁₀₋₁₁), *wu-táher bisen wu-ḳfidísen ʿad géḥi wu-ʿégom ʿórim le-gemáhal be-táirob* ‘Und er zog mit ihnen und ließ sie ins Tal hinabsteigen und sperrte den Zugang zu den Kamelen mit Holz ab’ (Müller 1907: 92₁₈₋₂₁), *laṭaš di-táisek ʿógim* ‘Es möge erfreut werden, der dir weit gemacht die Enge’ (Müller 1902:

¹² В Венском корпусе этот глагол засвидетельствован только в перфекте (LS 230), поэтому описанные здесь формы имперфекта и юссива ранее не были известны.

¹³ *nóḳas* (*yamáḳas/l'inḳás*) ‘выдавливает гной из раны’, пассив *niḳas* (*yanoúḳas/l'inḳás*).

179₁₁), *ʿódin í di-káls teʿódin wa-hó ʿagémhen lešáklat* ‘Singe du, der Gesang ist gegeben, und ich, der Stumme, will es lernen!’ (Müller 1905: 282_{3,4}), *wa-ʿamóren heš id rey hóhi wu-ʿotígem dur* ‘Wir taten ihm Erde auf den Kopf (und) das Blut wurde gestillt’ (Müller 1905: 142₁₄₋₁₅).

Наибольший интерес вызывает, однако, прямая морфологическая параллель к данной форме, которую мы обнаруживаем в Müller 1905: 344₂₆₋₃₀. В этом отрывке информант Мюллера сообщает, что когда коза не может разрешиться от бремени, хозяин садится позади животного и произносит следующие слова¹⁴:

tefórigs Míryam mitfirígoh ‘Öffne sie, Maria, ein Öffnen;
tekáʿa ítror wu-tnéfos ʿaygémo Es mögen sich öffnen die Tore und es gebäre die Verschlussene!’

Опрос наших информантов показал, что очень близкая по смыслу и словоупотреблению формула используется ими по сей день точно в такой же ситуации:

tʿrégš¹⁵ Móryam ‘Пусть разверзнет тебя Мария,
təksʿás aʿgémo Пусть вскроет тебе замкнутое!’¹⁶

Соположение форм от корней *k-ʿ-y* ‘открывать’ и *ʿ-g-m* ‘быть замкнутым’ в сокотрийских заклинаниях о дожде и заклинаниях, связанных с родами у животных, едва ли случайно. Скорее всего мы имеем дело с древним мотивом, в рамках которого раскрытие чрева роженицы сопоставляется с устранением преграды на пути водного потока. Многочисленные свидетельства об этом мотиве мы находим в литературе древней Месопотамии (Stol 2000: 125–126). Особенно значимым представляется недавно опубликованное староассирийское заклинание в помощь рожающей корове (Michel 2004)¹⁷. В этом тексте по отношению к корове употребляется лексема *arāhtum* ‘канал’, а в строках 10–13 мы находим следующий призыв к богиням родовспоможения:

marríkina u tapšukkātíkina lekeānim-ma ‘Возьмите лопаты и корзины для земли,
bāb arāhtim ḥabātum ḥubtā Удалите «ворота» канала!’

¹⁴ *karáme ʾóoz ʾáyeg wāl nūfsoh igódiḥen idís baʿs w-izóʾom mes le-gózir wu-sé tškénizen wa-lóʾ baʿs yeʿámer* ‘Wenn ein Schaf gebären soll und es geht nicht leicht, kommt sein Besitzer und setzt sich zum Hintern, während sie sich drückt, und hierauf sagt ihr Besitzer’.

¹⁵ *Jérog (yafórəg/ʾifrég)* ‘открывать’.

¹⁶ Разумеется, значительный интерес вызывает упоминание в этом заклинании Марии/Марьям. Д.Х. Мюллер с осторожностью предлагал видеть здесь христианскую реминисценцию (“Die Anrufung der Maria geht vielleicht in die christliche Zeit Socotras zurück”). Такое предположение не кажется фантастическим, хотя, как известно, других сколько-нибудь заметных следов христианского прошлого в народных традициях сокотрийцев до сих пор не обнаружено. В то же время, трудно игнорировать тот факт, что подробное описание родовых мук Марии является отличительной особенностью коранической традиции, поэтому обращение к Марии по поводу облегчения родов выглядело бы довольно логичным и в исламском контексте.

¹⁷ Хотя текст заклинания недвусмысленно описывает именно роды коровы, принято считать, что его подлинным объектом является рожающая женщина. Эта дихотомия восходит к мифологическому образу «Коровы бога Сина», о котором см. Stol 2000: 66–69.

Автор заклинания сопоставляет богинь, отвечающих за благополучные роды, с рабочими-землекопами, которые с помощью лопат и корзин для выкопанного грунта должны удалить земляной засов, препятствующей течению воды в канале. Тематическое сходство с приведенными выше сокотрийскими заклинаниями бросается в глаза и едва ли нуждается в дополнительном комментарии.

2.2. «Почему у коровы четыре соска, а у овцы – три» («Четыре соска»)

2.2.1. Сокотрийский текст с русским переводом

érfa ʿ 3rbáʿa

1	ṭaheréto tšəgéšo ste ʾlʿəhe wa-tššfət wa-téʿe ste wa-tébaʿ ste wa-tébaʿ ste wa-tébaʿ	Корова и овца ходили пастись. Корова ела быстро, а овца ела и бляела, ела и бляела, ела и бляела.
2	šibóʿo ʾlʿəhe wa-téʿe ʿédo aḷ-šibóʿo	Корова наелась, а овца была все еще голодна.
3	ʿəméro hay whodšyki əkabéro díʿki əmbórye	Корова сказала: «Пойдем, навестим наших детенышей».
4	ʿəméro ʿak ho aḷ-šébaʿk	Овца ответила: «Я ещё не наелась».
5	ʿəméro bes ṭif ḥe trə ərkiši ləksém həš ilʿi əmbórye	Тогда корова сказала: «Дай мне два твоих соска, чтобы я накормила за тебя твоих детей».
6	ṭéfo téʿe trə ərkiši ṭahéro ʾlʿəhe ʿaf təgodilḥin aʿdégo díʿse ṭéfo díʿse lə-móbrəhe ʿaf yəšábaʿ	Овца отдала ей два соска. Корова пошла и накормила своего детеныша досыта.
7	gədoḥo téʿe ʿəméro hay aḷ-ṭafš əniʿho lə-díʿyho	Тут пришла овца и говорит: «Эй! Ты что, не дала ничего моему детёнышу?»
8	ʿəméro aḷ-ṭafk	Корова сказала: «Нет, не дала».
9	ḥiróʿo təfóʿos tkʿlé həs aḷ-ʿédo kəlóʿo	Овца пыталась уговорить корову вернуть ей соски, но корова так и не вернула.
10	zéʿe ʾlʿəhe díʿse ərbaʿa ərkaš wa-ʿəšbaḥat téʿe wa-ʿəšbaḥat trə bəs ərkiši wa-ʿlʿəhe əšbóḥo bəs ərbaʿa	Вот так корова забрала себе четыре соска. И стало у овцы два соска, а у коровы стало четыре.

2.2.2. Филологический комментарий

1. Глагол каузативно-рефлексивной породы *šégəš (yəšégəš/līšégəš)* ‘пастись, щипать траву’ (= ارتعى) хорошо представлен в венском корпусе (LS 118): *karáme iráʿa héyhi digdəgeh wülle bīstān wa-bélog ilhé kənhóiten wu-šegəšoh be-digdəgeh di-ál dihe* ‘Wenn jemand einen Acker oder Weinberg beweidet, sein Vieh aber frei laufen läßt und dasselbe auf einem fremden Acker etwas frißt’ (Müller 1905: 14_{1,3}), *ál liʿém ál ʿéfo wāl kənhóiten wāl elhiten wāl ʿerehon šī ʿa tšégeš wa-ʿá tíre riho* ‘Es sollen weder Menschen, noch Vieh, weder Rinder noch Schafe etwas kosten, sie sollen weder weiden noch Wasser trinken’ (Müller 1905: 26_{19,21}), *lāḥmod ʿanš Kóko ḥeb rázahš wu-ntāḥriroh ʿa tšégeš* ‘Ich liebe dich, Kóko, wenn du auch müde bist, und die Weid’

auch fliehst und nicht frißt' (Müller 1905: 250^{7,8}), *wa-kón bug ke-fidenhin 'armómoh di-ʿeḫáyroh di-ḥnāzīr tšéǵiṣ* (Bittner 1918: 106₁₁)¹⁸. Ср. также дополнительные примеры, предоставленные нашими информантами: *še ḥumár mál'he¹⁹ aḷ-yašéǵaṣ kaḷ ba-défe di-ká'yaḥer* 'У меня есть прирученный осёл, который пасется только рядом с деревней', *téʿe tóʿod wa-tšéǵaṣ la-ker hádab wa-ši aḷ-yaḳáṣ²⁰ kaḷ tīyo wa-ránhəm* 'Овца ходит и щиплет траву повсюду, и ничто ее не остановит, кроме пропасти или моря'. Соответствующий глагол в каузативной породе *geš* (*veǵós/láǵeš*) 'пасти, выпускать на пастбище' также хорошо представлен в Венском корпусе: *gošk ʿerhon wa-ʿemo(r)k žáʿad* 'Ich trieb die Schafe, plegt' den Lotos' (Müller 1905: 217₁₀), *iném šaiúwekum réhi di-géš kénhoh ʿafyúkar* 'Was bezahlt man denn den Hirten, der die Schafe bis zum Abend weidet?' (Müller 1905: 303₁₀₋₁₁).

2. Глагол *béʿe* (*tébaʿ/taḅá*) 'блеять (об овце)' в Венском корпусе не засвидетельствован: *téʿe déher tébaʿ mánal taʿád* 'Овца всегда блеет, когда идет', *téʿe ke zaʿówa ʿes díʿse ʿifaf tébaʿ* 'Когда у овцы забирают ее ягненка, она блеет'. Звуки, издаваемые коровами и козами, обозначаются глаголами *téba* (*steb/steb*) и *léhe* (*taléhe/talhé*) соответственно. Оба они засвидетельствованы в Венском корпусе, см. LS 438 и 229.

4. Термином *érkaš* (дв. ч. *arkīsi*, мн. ч. *érkaš*) обозначается сосок коровы, в противоположность *átab* 'сосок козы или овцы'. Эта лексема засвидетельствована в Венском корпусе: *wa-izúʿa gad wa-yehaúle nḥaṭ ʿélheh wa-yehaúlob tháris šhof dsé min írkiš* 'Die Haut wird genommen und unter die Kuh gelegt und man melkt auf sie Milch auf ihrem Euter' (Müller 1905: 249^{7,8}), *wu-ʿoiéghen iméžog min írkaš il-gemáhal ke-fileho* 'Und der Jüngling trank von den Eutern der Kamele mit den Jungen' (Müller 1907: 88₁₋₃).

Глагол *ḳésom* (*yaḳásam/likšém*) 'дарить' (LS 379) используется здесь в специфическом частном значении 'передать от имени кого-то' (с бенефактивным предлогом *ha-*, вводящим лицо, от имени которого совершается передача). Согласно нашим информантам, такой узус этого глагола является обычным: *taf he daráham kor akásam hək ill'Ve ambórye* 'Дай мне деньги, чтобы я передал их от твоего имени твоим детям'.

2.2.3. Сокотрийский текст в арабской графике

أرخص أربعة

1. طهاراتو تشاجابو ستي آلهي وتشفنت وتانه ستي وتابع ستي وتابع ستي وتابع.
2. پيباعو آلهي وتانه عادو آل پيباعو.
3. عمارو: هاي وهاديكي أكابارو دأكي أمبريه!

¹⁸ Примеры употребления этого глагола в параллельном тексте из Венского корпуса (SAE VI 21) см. ниже в разделе 2.4.

¹⁹ Домашнее животное мужского пола, прирученное жить в деревне и не убегающее от людей (= أليف), обозначается термином *mál'he* (дв. ч. *mál'ho*, мн. ч. *mál'ho*). Соответствующее обозначение женского рода (гораздо более частотное) имеет вид *mál'he* (дв. ч. *mal'hi*, мн. ч. *mal'hétm*).

²⁰ *keš* (*yaḳásall'akaš*) 'удерживать, задерживать' (LS 216).

4. عمارو: عاك هو آل پيباعك.
5. عمارو: بس طيف حى ترو أرقصي لقسام هاش إلييه أمبريه!
6. طافو تانه ترو أرقصي. طهارو آلهي عاف تجاديحين أعداجو داساه طافو داساه لإمبريه عاف پيباع.
7. جداجو تانه عمارو: هاي آل طفش أنتهو لدايهو؟
8. عمارو: آل طفك.
9. حيراؤو نفاؤس تكليي هاس آل عادو كولاؤو.
10. زاعي آلهي داساه أربعة أرقص أصبحت تانه أصبحت ترو باس أرقصي وآلهي أصبحو باس أربعة.

2.3. «Как животные перестали говорить»

2.3.1. Сокотрийский текст с русским переводом

1	áwwaḷ fšne yəʿúmor tšəmétoḷ óʿoz wa-téʿe wa-ʿóḷʿəhe wa-šérhom wa-ʿóʿobən	Говорят, что давным-давно умели говорить и коза, и овца, и корова, и дерево, и камень.
2	gədəḷ ʿag kor yəšáləb	И вот пошел один человек резать козу.
3	tóʿo l'inkáš diʿál óʿoz di-gədəḷ dəs taʿáməg aʿḥ təšáləb tóyho wa-tḥ ^a zéz tóyho	Только подошел человек к козе, которую собирался резать, она и говорит: «Ты хочешь резать меня, ты хочешь убить меня!»
4	wa-tóboš ʿaʿáf katənalḥ ʿag wa-ʿaḷ-šóḷəb	И стала коза плакать, так что в конце концов человек отказался от своего намерения и не резал козу.
5	wa-kber la-dihéko ʿómor ifú! l'áken ʿaf aḷ-ʿad érhon tšəmetélən	Пошел человек к Дихеко и говорит: «Как бы сделать, чтобы козы перестали говорить?»
6	ʿómor šiʿho sən šiʿho sən	Дихеко сказал: «Они в моей власти, они в моей власти!»
7	wa-šəmtəl diḥéko ʿómor diḥéko ʿómor l'idfəʿkən di-ʿédfə ʿarb wa-ʿóʿobən	И вот что произнес тогда Дихеко: «Пусть сделает вас немыми тот, кто сделал немыми древесину и камень!»
8	wa-sákata di-ʿam sémək wa-šérhom wa-ʿarb wa-šfniš wa-gemíʿ ʿaf yəkéʿe ḥóyhe yəšmétoḷ	И замолчало с тех пор и дерево, и древесина, и животное, и все остальное – один лишь человек остался, кто может разговаривать.

2.3.2. Филологический комментарий

7. Глагол *défə* (*yadófə/lidfé*) 'быть глухонемым' отмечен в Müller 1902: 112₁₄₋₁₅: *dí-fíʿe tšámah* 'Die taub ist und hört'. Дополнительные примеры, предоставленные нашими информантами: *ʿag défə mən áž'ḥar* 'Человек стал глухонемым из-за болезни', *ḥérək laḷáh mən ʿag wa-ʿaḷ-hímaʿ ʿómor ʿad yə défə* 'Я попробовал позвать одного человека, но он не слышал. Тогда другой человек сказал мне: «Эй, да он глухой!»'.

В нашем тексте употреблена каузативная порода *édfā* (*yādōfā/l'ódif*) со значением 'сделать глухим, оглушить': *édfā tan 'árho di-šed* 'Нас оглушил звук грома', *ṭahārən di-šan'á wa-ʔaz'ómən bā-γúrfe di-šāṭáro lā-šérāṭ di-bāyhən ṣa'áre tó'ó láz'am lā-dríše kor áṣtat édfā tho ṣa'áre di-ʔé'efo wa-di-sayyarát wa-di-muwalladát di-káhraba* 'Мы приехали в Сану и остановились в комнате, которая выходила на улицу, полную шума. Не успел я сесть у окна, чтобы посмотреть на улицу, меня оглушил шум людей, машин и электрогенераторов', *éžžāḷ ḥe 'ag dí'ryho ká'yāher wa-dí'ryho basatín wa-kélob arž di-fāžhər 'ámok a'ḥ álla dā 'ag di-gó'or ḥe dí'ryho ká'yāher wa-ʔéžžāḷ ḥe dí'ryho zará'a wa-kélob ḥe dí'ryho ma'áwi 'ámok a'ḥ álla kor dōfāš wa-der 'ag 'af tó'ó kən šibeb défā w-ʔal-'ad yāyháma' kaḷ ke náfnok²¹ ḥay bā-ʔad* 'Один человек разрушил мои дома и мои сады, сравнял с землей все мои насаждения. И я сказал: «О Боже! Этот человек уничтожил мои дома, испортил мои посевы и разорил моё жилище. О Боже! Пошли же ему глухоту!» И вот когда этот человек стал стариком, он оглох и слышал тебя только тогда, когда ты изо всех сил махал ему рукой'.

2.3.3. Сокотрийский текст в арабской графике

1. أول فاني يعومر تشماتل أزر وتانه وألهي وشهرهم وأبن.
2. جادح عاج كار يصالپ.
3. تۆو لنكاع دأل أزر دجادح داس تعامر: أآح تصالپ تيهو وتحرار تيهو.
4. وتابش عطاڤ كتانج عاج وأل صالپ.
5. وكبار لڤدحاكو عامر: إڤول لآكن عاف آل عاد أرهن تشماتالپ؟
6. عامر: شهو سان، شهو سان.
7. وشمتل دحاكو عامر دحاكو عامر: لدفاكن دادفي طرب وأبن!
8. وسكت دعم سامك وشهرهم وطرب وشفانپس وجمع عاف يكائى حيهي يشماتل.

2.3.4. Говорят ли дерево и камень? К истории древнего мотива

Как показывают наблюдения за двумя древнейшими западносемитскими поэтическими традициями, угаритской и ветхозаветной, понятия «дерево» и «камень» образуют глубоко укорененную, устойчивую параллелистическую пару. Некоторые из пассажей, в которых эта пара употребляется, по своей тематике имеют непосредственное отношение к рассматриваемому нами сокотрийскому тексту.

В Ветхом Завете дерево и камень выступают прототипическими носителями свойств глухоты и немоты в связи с важнейшим для Библии топосом неодушевленности сделанных из дерева и камня изображений богов²²:

wa-ʔābadtām sām 'ālohīm ma'āšē yādē 'ādām 'ēš wā-ʔābān 'āšār lō(ʔ) yir'ūn wā-lō(ʔ) yīšma'ūn wā-lō(ʔ) yō(ʔ)kalūn wā-lō(ʔ) yārīhūn

²¹ *nēf* (*yānōfll'ēnef*) 'махать, подавать знак рукой', *nēfnāf* (*yānēfnāfll'ēnef*) 'махать изо всех сил' (لوح).

²² Дополнительные примеры см. в BDB 782, HALOT 863–864.

'Там вы сделаете себе богов, сделанных руками человека, дерево и камень, которые не видят и не слышат, не едят и не чувствуют запаха'

(Второзаконие 4:28),

hōy 'ōmēr lā-ʔēs hākīšā 'Горе тому, кто дереву говорит: «Пробудись!»
'ūrī lā-ʔābān dūmām «Встань!» — немому камню'

(Аввакум 2:19).

В угаритском корпусе яркое проявление этого мотива мы находим в заклинательном тексте KTU 1.82 (строка 43)²³:

k 'šm l ttn Подобно деревьям, которые не подают (голос),
k 'abnm l 'rīgn Подобно камням, которые не могут шептать.

Иной смысл эта пара слов приобретает в знаменитом отрывке из угаритского эпоса о Ба'лу, в котором бог-громовец обращается к богине-воительнице 'Анат (KTU 1.3 iii 20–28):

rgm 'it ly w 'argmk 'У меня есть слово, которое я скажу тебе,
hwt w 'atnyk Речь, которую тебе произнесу:
rgm 'š w llyšt 'abn Слово дерева и шепот камня,
'rānt šmm 'm 'arš Беседа небес с землей,
thmt 'mn kbkbm Морской пучины со звездами,
'abn brk d l tdr šmm Удар молнии, непостижный небесам,
rgm l tdr nšm Слово, неведомое людям,
w l tbn hmlt 'arš И неизвестное земным толпам'.

Не приходится сомневаться, что в этом отрывке деревья и камни не просто говорят, но выступают носителями самой сокровенной вселенской речи, своего рода речевыми органами природы²⁴. Впрочем, их слова понятны богам, но не известны людям – поэтому осмысленным весь пассаж становится опять-таки на фоне топоса «немоты».

²³ Интерпретация этого фрагмента следует del Olmo Lete 2004: 378. К большому сожалению, предыдущие строки текста сильно повреждены, поэтому общий смысл столь важного для нас сравнения остается практически неясным. Еще один угаритский пассаж, где встречается пара *'šm* || *'abnm*, прямого значения для обсуждаемой здесь проблемы не имеет: *tm tgrgr l 'abnm w l 'šm* 'Там ты будешь жить среди камней и деревьев' (1.23:66), т. е. 'среди дикой природы'.

²⁴ Представление, согласно которому под «словом деревьев» здесь имеется в виду шелест листьев, уже давно высказывалось в угаритологической литературе (см. ссылки в Smith 1994: 176–177). М. Смит недоумевает, что в таком случае обозначает «шепот камней», однако, на наш взгляд, ответ на этот вопрос вовсе не затруднителен: шум ударяющихся друг о друга камней во время камнепада или даже при обычной ходьбе, вне всякого сомнения, был и остается одним из наиболее обычных «звуков природы» для всякого жителя ближневосточного региона. «Беседа морской пучины со звездами» – очевидно, плеск волн ночного моря, «удар молнии» – гром. «Беседой небес с землей» можно считать шум ветра. Таким образом, угаритский текст оказывается практически исчерпывающим перечнем «природных звуков», издаваемых существами, лишёнными органов речи. Подробнее об интерпретации этого отрывка см. Smith 1994: 175–179; Smith–Pitard 2009: 226–234.

При обсуждении данной проблемы нельзя не упомянуть о полисемии понятия «дерево». Как известно, во многих языках мира дерево как растение противопоставляется на лексическом уровне дереву как материалу: *arbor* vs. *lignum* в латинском, *tree* vs. *wood* в английском. Прасемитский термин **ʕiṣ-*, напротив, совмещал в себе оба значения (подобно русскому слову *дерево*), и так же обстоит дело в наиболее архаичных в лексическом отношении древнеписьменных семитских языках: аккадском, угаритском, еврейском.

Что именно является «немым» (или, наоборот, «говорящим») — живое дерево или мертвый кусок древесины? Ответ на этот, казалось бы, несложный вопрос вовсе не лежит на поверхности. В КТУ 1.82:43 форма множественного числа *ʕym* однозначно описывает живые деревья. Напротив, в ветхозаветных пассажах слово *ʕiṣ*, по всей видимости, обозначает дерево как материал²⁵. Наконец, в КТУ 1.3 iii 20–28 значение «дерево как растение» представляется нам довольно очевидным, хотя многие угаритологи предпочитают видеть здесь «дерево как материал»²⁶; при этом, как мы только что видели, речь о деревьях представляется как сокровенное знание богов, в то время как людям они, вероятно, кажутся немymi.

Можно заключить, что при определенных допущениях и «дерево как растение», и «дерево как материал» в ханаанейской литературной традиции могут пониматься и как «немые», и как «говорящие». В этой связи немалый интерес вызывают релевантные пассажи сокоотрийского текста. В сегменте 1, говоря о прежних временах, когда дерево и камень говорили, рассказчик употребляет слово *šérhom*, которое в сокоотрийском языке применяется только по отношению к дереву как растению. Напротив, в сегменте 8, где вся природа, в противоположность человеку, описывается как немая, автор употребляет не одно, а два слова: *šérhom wa-ṭarb* ‘дерево и древесина’. Эта оговорка, возможно, не случайна: рассказчик на интуитивном уровне не признает, что «живое» дерево немо, и нуждается в уточняющем приложении, показывающем, что подлинно немым является лишь мертвый кусок древесины²⁷.

2.4. Как три истории соединились вместе

На первый взгляд, три публикуемые здесь истории не объединяет ничто, кроме этиологической направленности сюжета²⁸. Случайно ли то, что ‘Амер Ахмад рассказы-

вает их подряд друг за другом? Убедительный ответ на этот вопрос можно получить, изучив параллели к нашим текстам, содержащиеся в Венском корпусе.

Текст под названием «Корова и овца» (*šallhe wa-téʕe*)²⁹, опубликованный Д.Х. Мюллером (Müller 1905: No. 21), заслуживает того, чтобы привести его здесь полностью³⁰.

1.	də bə-ʕémed di-néšor yəšmētəḷ ḵenhóytən wa-yəšmētəḷ éʕefo	В прежние времена животные умели разговаривать, и люди умели разговаривать.
2.	ʕag ṭad báʕaḷ ʕáze wa-šóyhən ṭəy ʕḷḷəhe wa-šóyhən ṭəy téʕe	Один человек женился на женщине, и была у них корова, и была у них овца.
3.	wa-díno ʕáze di-ʕag wa-ʕḷḷəhe kóuṭof se wa-téʕe ʕášar di-ḷte	Жена человека забеременела. А корову, как и овцу, на ночь оставляли на привязи.
4.	wa-ʕáze idáko wa-se taʕádoḷ móbṛəhe ʕišeṛe ʕšhéro wa-ʕḷḷəhe taʕádoḷ séʕe ʕšhéro	Отяжелела женщина, а в те времена женщина должна была носить ребенка десять месяцев, а корова носила девять месяцев.
5.	wa-ḷə-kaḷ yhómhən ʕáze néfor díʕe ʕḷḷəhe wa-ʕam yənoʕəg ʕes šéher di-ʕišeṛe aḷ-ʕédo ənférot	Каждый день женщина отвязывала свою корову, но вот наступил десятый месяц беременности, и не смогла она больше отвязать ее.
6.	wa-ʕəméro ʕḷḷəhe e-báʕits ʕəméro həs néfir tho	Сказала корова своей хозяйке: «Отвяжи меня!».
7.	wa-ʕáze idáko wa-ʕəméro həs aḷ-ʕáṭamaʕ ḷher lónfərs ʕar édakḵ	А женщина отяжелела – и говорит корове: «Сегодня не могу тебя отвязать, отяжелела я».

²⁹ Перевод ‘Die Kuh und die Ziege’ у Мюллера неправильный. Систематическая путаница понятий «овца» и «коза», являющееся отличительной особенностью переводов Венского корпуса, коренится в неправильном понимании слова *ḡanama* в арабском языке-посреднике: как известно, в арабских диалектах Юга Аравии эта лексема применяется по отношению к козе, а не к овце (как в классическом языке), см. Behnstedt 914. С точки зрения сокоотрийца разница здесь очень существенна: именно овца, по представлениям островитян, является глупым, недалеким животным, которое легко обмануть. Напротив, коза на Сокотре считается средоточием здравого смысла и проницательности. О том, почему у козы все-таки тоже два соска, а не четыре, наша история умалчивает.

³⁰ Приведенная ниже версия получена в ходе адаптации транскрипции Д.Х. Мюллера к нормам передачи сокоотрийских фонем, принятых в нашем авторском коллективе. Методология, стоящая за этой ретрансляцией, довольно проста: исследователь читает сокоотрийский текст по книге Д.Х. Мюллера, информант записывает его арабскими буквами, после чего прочитывает его исследователю, который осуществляет запись в современной научной транскрипции. Значение такого рода ретрансляции для исследования сокоотрийского языка невозможно переоценить: беспрецедентные по содержанию разнообразию, лексическому и грамматическому богатству тексты Венского корпуса становятся доступными современным ученым в лингвистически корректной, фонологически последовательной записи, при этом полностью проверенной и одобренной носителями языка. Отметим также большое культурно-просветительское значение этой процедуры: интерес сокоотрийцев к наиболее ранним опубликованным свидетельствам об их литературном наследии поистине огромен, а тот факт, что тексты на сокоотрийском языке публиковались уже более ста лет назад в одной из самых блестящих европейских столиц, является для них предметом законной гордости.

²⁵ Это представление в действительности менее очевидно, чем кажется на первый взгляд, ср. Nielsen 2001: 272: “Because *ʕiṣ* can mean both ‘tree’ and ‘wood’, it is often hard to decide whether the cultic object is a living tree or, for example, a pole-shaped wooden object, possibly a stylized tree”.

²⁶ См., например, перевод выдающегося американского исследователя Д. Парди: ‘Words regarding wood, whisperings regarding stone’ (Pardee 1997: 244, 251). На наш взгляд, такой подход к интерпретации этого текста разрушает связь между первой строкой и последующими, в которых описание звуков неживой природы является бесспорным (‘Conversings of heaven with earth, of the deer with the stars’ в переводе Парди).

²⁷ Интересно, что в версии этого текста, записанной Д.Х. Мюллером (см. ниже), упоминается лишь *ṭarb* ‘древесина’.

²⁸ В строгом смысле этиологическими следует, вероятно, считать лишь два последних текста. В первом произведении повествование о появлении водоемов с пресной водой служит лишь нарративной рамкой для двух архаичных заклинаний с просьбой о дожде. Такого рода вторичное оформление древних поэтических фрагментов обычно для сокоотрийского фольклора и находит множество прецедентов в обоих томах CSOL.

8.	wa-ʿəméro ʔlʔəhe mən də šəher nǒfog ʿeš ɬer	Корова спрашивает: «А на каком ты сейчас месяце?».
9.	ʿəméro šəher di-ʿišere	Женщина отвечает: «На десятом».
10.	ʿəméro ʔlʔəhe əzʔa ho ʿāš də šəher di-ʿišere wa-néfir tho	Тогда корова говорит: «Давай я заберу у тебя этот десятый месяц, а ты отвяжи меня».
11.	wa-ʿəméro ʿāze sūwa wa-taʿadol ʔlʔəhe ʿišere əshéro wa-ʿāze taʿadol séʿe əshéro	Женщина согласилась, и теперь корова носит десять месяцев, а женщина – девять.
12.	wa-ɬahéro ʿāze diʿāl ʔlʔəhe wa-ʿənférots wa-ʿənféro səs téʿe	Пошла женщина отвязать корову, и вместе с ней отвязала и овцу.
13.	mən gəhát téʿe bəs ərbáʿa áɬyob wa-ʔlʔəhe bəs trǝ áɬbi	Что до овцы, у нее было четыре соска, а у коровы – только два.
14.	wa-ɬaheréto tšəgéšo téʿe wa-ʔlʔəhe	И пошли они вдвоем щипать траву, овца и корова.
15.	wa-šibóʿo ʔlʔəhe wa-gəđóho diʿāl téʿe wa-ʿəméro həs ʿāš əl-šəbaʿš	Корова наелась, пошла к овце и говорит: «Ты еще не насытилась?».
16.	ʿəméro əl-ʿak mólǝk naʃf di-šérǝš	Овца отвечает: «Нет, даже половину желудка еще не наполнила!».
17.	ʿəméro ʔlʔəhe əl-ʿəyyəš tšʿbʿi di-máɬɬe	Тогда корова сказала: «Не хочешь ли научиться, как насытиться быстро?».
18.	ʿəméro ʿəyyək	Овца сказала: «Хочу».
19.	ʿəméro ʔlʔəhe e-téʿe ɬif ɬe ilʔiʿi ərbáʿa áɬyob wa-ho əɬáf ʿeš diʿyho áɬbi	Тут корова говорит овце: «Отдай мне четыре твоих соска, а я дам тебе два моих».
20.	ʿəméro téʿe sūwa	Овца сказала: «Ладно».
21.	wa-koténǝɬ ərbáʿa áɬyob diʿāl ʔlʔəhe wa-trǝ áɬbi diʿāl téʿe	Так и перешли четыре соска к корове, а два – к овце.
22.	wa-šibóʿo téʿe wa-geheméto ʿaf təgediɬon diʿāl baʿɬtši	Тут овца насытилась, и они вдвоем вернулись к хозяйке.
23.	wa-ʿəméro ʿāze e-téʿe óʿo ilʔiʿi áɬyob	Женщина говорит овце: «А где твои соски?».
24.	ʿəméro ɬafk tóyhən ɬə-ʔlʔəhe	Овца отвечает: «Я их отдала корове».
25.	ʿəméro ʿāze ɬóʿo	Женщина говорит: «Зачем?».
26.	ʿəméro téʿe e-báʿɬits ɬahérki mən ɬa ɬə-ʔóšɬi ho wa-ʔlʔəhe kor əšəgéšo wa-šəgéški wa-šibóʿo ʔlʔəhe wa-gəđóho idhi wa-ʿəméro éhni whodʔyki əgehémo ʿámok həs ʿak əmólǝ naʃf di-šérǝš wa-	Тогда овца рассказала своей хозяйке: «Рано утром мы вышли отсюда, чтобы пощипать травы. Пощипали мы травы, корова наелась, подошла ко мне и сказала: ‘Давай вернемся домой’. А я сказала ей: ‘Мне еще половину желудка надо наполнить!’ Тогда она сказала мне: ‘Если хочешь насы-

	ʿəméro éhni ke ʿəyyəš tšʿbʿi ɬif ɬe ilʔiʿi áɬyob wa-se téfo ɬe diʿse áɬbi wa-gedáɬki diʿki di-ɬáʿar	титься, отдай мне твои соски’. А она отдала мне свои два соска, и так мы вернулись домой».
27.	wa-ʿəméro ʿāze žáɬko ʿeš ʔlʔəhe wa-ɬikán əl-ɬa ɬáken ɬaʿgémki tóʿo ʿégəm ɬarb wa-ʔóbən	И сказала женщина: «Посмеялась над тобой корова, но больше так не будет – сделаю я вас немыми, немыми, как дерево и камень!».
28.	wa-ʿəgeméto ʔlʔəhe wa-téʿe	И стали корова и овца немыми.

Основной вывод, который можно сделать после прочтения этого текста, недвусмыслен: этиологические мотивы разного количества сосков у домашних животных и их неспособности говорить были объединены сокотрийской фольклорной традицией по меньшей мере 120 лет назад, а вовсе не по прихоти нашего информанта³¹. Прямая сюжетная связь между ними в его рассказе не отражена, но соположение их в рамках одной короткой записи неопровержимо свидетельствует о том, что реликты древней традиции остаются глубоко укорененными в сознании современных сказителей.

Несколько более сложен вопрос о том, почему к этим двум текстам оказался присоединен рассказ о появлении пресных водоемов. На наш взгляд, здесь сыграли свою роль ассоциации, связанные с концептом «закрытого», «замкнутого», «закупоренного». Как было отмечено выше, «раскрытие замкнутого» является ключевым элементом в заклинаниях для роженицы и заклинаниях с просьбой о дожде. И наоборот, сделать животных немыми значит «замкнуть» их речь. На лексическом уровне эта ассоциация выражается употреблением одного и того же корня ʿ-g-m: *liktéʿe aʿgémoltəksʿāš aʿgém*, с одной стороны, и *ɬaʿgémki tóʿo ʿégəm ɬarb wa-ʔóbən*, с другой.

³¹ Нет нужды подчеркивать, что между двумя версиями имеются существенные различия. Непосредственного значения для обсуждаемой здесь темы они, как кажется, не имеют, поэтому обозначим их лишь вкратце. (1) В тексте Д.Х. Мюллера в повествование влетел еще один этиологический мотив (различные сроки беременности у животных и людей), в наших текстах отсутствующий. (2) Овца лишается двух сосков, чтобы научиться быстрее есть, а не из-за заботы о детеныше. (3) Животные теряют дар речи в наказание за обман друг друга, а не для того, чтобы позволить человеку беспрепятственно резать принадлежащий ему скот. Какое-либо божественное или «ангельское» вмешательство здесь исключено: животные становятся немыми по приказу обычной женщины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Наумкин 2012 – В.В. Наумкин. *Острова архипелага Сокотра. Экспедиции 1974-2010 гг.* М.
- Наумкин–Коган 2013 – В.В. Наумкин, Л.Е. Коган. “Корпус сокотрийского фольклора»: аннотированный каталог текстов первого тома” // *Institutionis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову.* М., с. 179-197
- Наумкин–Коган 2014 – В.В. Наумкин, Л.Е. Коган. “Корова-призрак сто лет спустя. Об одном примечательном сюжете сокотрийского фольклора” // *в печати*
- Наумкин–Порхомовский 1981 – В.В. Наумкин, В.Я. Порхомовский. *Очерки по этнолингвистике Сокотры.* М.
- Behnstedt 1992–2006 – P. Behnstedt. *Die nordjemenitischen Dialekte (Glossar).* Wiesbaden
- Bittner 1918b – M. Bittner. *Vorstudien zur Grammatik und zum Wörterbuche der Soqotri-Sprache. II. Das Märchen vom Aschenputtel in den drei Mahra-Sprachen (Soqotri, Mehri und Šhauri).* Wien
- del Olmo Lete 2004 – G. del Olmo Lete. *Canaanite Religion According to the Liturgical Texts of Ugarit.* Winona Lake
- Hein–Müller 1909 – W. Hein, D.H. Müller. *Mehri- und Ḥaḍrami-Texte gesammelt im Jahre 1902 in Gischin.* Wien.
- Johnstone–Stroomer 1999 – T. M. Johnstone, H. Stroomer. *Mehri Texts from Oman.* Wiesbaden
- LS – W. Leslau. *Lexique soqotri.* Paris
- Michel 2004 – C. Michel. “Deux incantations paléo-assyriennes” // *Assyria and Beyond. Studies Presented to Mogens Trolle Larsen.* Leiden, p. 395–420
- Müller 1902 – D. H. Müller. *Die Mehri- und Soqotri-Sprache. I. Texte.* Wien
- Müller 1905 – D. H. Müller. *Die Mehri- und Soqotri-Sprache. II. Soqotri-Texte.* Wien
- Müller 1907 – D. H. Müller. *Die Mehri- und Soqotri-Sprache. III. Šhauri-Texte.* Wien
- Naumkin–Porkhomovsky 1996 – V.V. Naumkin, V.Ya. Porkhomovsky. “Sheep and Goat in Socotran Mythology” // *PSAS* 26, p. 116–124
- Nielsen 2001 – K. Nielsen. “עֶשׂ. Metaphorical Usage” // *Theological Dictionary of the Old Testament* XI, p. 274–276
- Pardee 1997 – D. Pardee. “The Ba‘lu Myth” // *The Context of Scripture. I. Canonical Compositions from the Biblical World.* Leiden/New York/Köln, p. 241–274
- Simeone-Senelle-Lonnet 1991 – M.-C. Simeone-Senelle, A. Lonnet. “Lexique soqotri: les noms des parties du corps” // *Semitic Studies in Honor of Wolf Leslau.* Wiesbaden, p. 1443–1487
- Smith 1994 – M. Smith. *The Ugaritic Baal Cycle. I. Introduction, with Text, Translation and Commentary of KTU 1.1–1.2.* Leiden
- Smith–Pitard 2009 – M. Smith, W. Pitard. *The Ugaritic Baal Cycle. II. Introduction, with Text, Translation and Commentary of KTU/CAT 1.3–1.4.* Leiden
- Stol 2000 – M. Stol. *Birth in Mesopotamia and the Bible. Its Mediterranean Setting.* Groningen

Efim A. REZVAN
(St. Petersburg)

MYTH AND RITUAL (*HAJJ* AND ANCIENT ARABIAN COSMOGONIC AND ANTHROPOGENETIC LORE)

For an adequate interpretation of the concept of the world as reflected in the Qur'ān it is necessary first of all to understand in what way the Qur'ānic ideas are linked to the corresponding system of notions, traditions, and symbols of the pre-Islamic culture of Arabia. This link but occasionally appears as a direct inclusion of corresponding notions into the system of early Islamic culture. Usually we come across statements negating the foundations of the pagan Arabian culture and at the same time explaining the ideas introduced by the Qur'ān as a restoration of the forgotten creed of the ancestors (Shifman 1984: 36-43). These notions, however, usually contained only a new interpretation of the principal cultural elements of the past. Sometimes this link has a more complicated structure, especially when it comes to the system of cosmogonic and ethnogenetic myths included into the Qur'ān.

The Qur'ānic ideas connected with the origin of mankind have been described, to some extent, in several works (Frankl 1930; Bakker 1965: 1-27; Bouman 1977; Izutzu 1964; Vinnikov 1960; Griaznevich 1982: 75-155). P.A. Gryaznevich, who studied the system of corresponding notions reflected in *jāhiliyya* poetry, in Arabic tribal ethnonyms and in the Qur'ānic text, came to the conclusion that there had never been any common Arabic myth, or any Arabic myth at all dealing with the origin of mankind or of the world as a whole (Griaznevich 1982: 89-90). The available sources allow us to state that in pre-Islamic Arabia there was no notion like the Primal Man or "the primary ancestor" current among the pagan Arabians. The history of every clan or tribe was being derived from a certain, usually deified, ancestor. This determined the discreteness of ethnic consciousness, which was the characteristic feature of the pagan Arabian ideology.

Certainly, Arabian Christians and Jews were familiar with the Old Testament ideas on the origin of the human race and the primary ancestor Ādam. We can take for example the *qaṣīda* ascribed to the poet-Christian 'Adī b. Zayd, which presents a narrative very close to the passages from the Genesis telling about the creation of the world and the mankind¹. 'Adī b. Zayd's text as a whole leaves us no doubt about its pre-Islamic origin. One of its passages is especially noteworthy. Verses 11-12 of the *qaṣīda* correspond to Gen. III. 1: "Now the serpent was more

subtil (*'rum*) than any beast of the field which the Lord God had made". There is, however, a strange deviation from the Old Testament text in 'Adī b. Zayd's poem:

And the serpent was spotted (*raqshā'*, "black-and-white")
when it was created,
Like you see the image of a camel or a she-camel...

It is worth noting that the verses that follow this passage are again close to the verse of the Bible. The Hebrew *'rum* ("more subtil") is replaced in the Arabic text by *raqshā'* ("spotted"), one of the traditional appellatives for a serpent in the pre-Islamic poetry. If we take into account that Arabic *a'ram* corresponding to *'rum* in the text of the Bible meant "spotted (black-and-white)", when applied to a serpent in *jāhiliyya* poetry², it explains the use of the term *raqshā'*, the synonym of a *a'ram* (al-Hutej 1893: no. 89: 5). In this way the "subtil" serpent became "spotted". This transition evidently leads the poet to associate the serpent before its punishment by God with a camel, to whom the appellative *raqshā'* could also be applied³. All this brings us to the conclusion that, first of all, the text ascribed to 'Adī b. Zayd is authentic, and that it goes back directly to the Hebrew text.

Similar "mistakes" might probably explain some other strange features present in the Qur'ānic lore deriving from the Old Testament tradition (Lane 1863-93: 1135)⁴.

So we read in 'Adī b. Zayd's poem:

- (7) He accomplished his creation in six days
And in the last of them created the man.
- (8) And He called to him [rising] his voice: "Ādam!",
and he answered him.
Because into the body created [by Allah] the breath
of life had been placed.
- (9) Then He gave him Paradise, for him to live there,
And made wife for him, creating her from his rib.

To this very tradition Muḥammad appealed in his sermons. The Old Testament image of "Ādam the forefather", which had developed many centuries before due to the victory of monotheism in a different cultural and ethnic environment, featured for a while in the centre of Muḥammad's disputes with his opponents. Muḥammad again and again speaks about

² See, for example, Lewin 1978: 284; also Lane 1863-93: 2026.

³ Curiously, the idea of a serpent-camel exists in the Muslim exegetical tradition, according to which the serpent was, before its enmeshment in Iblīs' schemes, the most beautiful of the beasts of paradise, with a head of red ruby, eyes of green emerald, and a tongue of amber camphor. It moved about on four legs and resembled a proud camel. As a punishment for aiding Iblīs, Allah hurled the serpent from paradise. It fell to earth somewhere around Basra (or Isfahan) – eyeless and legless. It crawled on its belly, filling its stomach with dust (Ibrahim-Efremova 1996: 27-28, 34). If one acknowledges the verses of 'Adī b. Zayd as authentic, one can conclude that they, along with the exegetical tradition cited above, go back to a common pre-Qur'ānic source.

⁴ But comp. *al-mu'tafika* (*al-mu'tafikāt*) the close Qur'ānic (53:53; 9:70; 69:9) rendering of Hebrew *mahpekah* (Deut. 29:22) as designation of the "overthrown cities", Biblical Sodom and Gomorrah (Grünebaum 1893: 134; Speyer 1961: 156).

¹ Cf. al-'Ibādī 1965: No. 103; Gen. I: 1-3, 6, 7, 14, 16, 26, 28, 31; II: 7, 8, 16-18, 22; III: 15-17. See also Abī'l-Ṣalt 1975: 182, 222; Hirshberg 1939: 47-53.

Ādam: Allah endowed Ādam with concealed knowledge, and the angels bowed to him (2:34). Allah had made a covenant with Ādam (20:115), but being urged by Iblīs “Ādam disobeyed his Lord and so he erred” (20:121) and was expelled from Paradise (20:123-123). In His mercy, however, “Thereafter his Lord chose him, and... He guided him” (20:122). The Prophet is speaking about the danger of temptation coming from Iblīs, who said to Allah: “if Thou deferrest me to the Day of Resurrection I shall assuredly master his (Ādam’s) seed (*dhurriyya*), save a few” (17:62)⁵. Muḥammad’s sermons testify to a remarkable change. One common forefather – Ādam, replaces numerous primary ancestors. The very application to this image demonstrates that before Muḥammad’s preaching most of the Meccans had no idea of a common ancestor, i.e. the social notion of “mankind” was also unknown to them. In Muḥammad’s sermons preached not long before the Hijra his audience is more and more frequently addressed as *yā banī Ādam* – “O sons of Ādam!” (7:26; 27, 31, 35; 36:60).

What were the views Muḥammad was arguing against? The extant sources definitely prove that in the pagan environment of pre-Islamic Arabia there were still remnants of the ancient mythological ideas about the origin of the Primal Man from “the root, the sprout of raw clay” (*‘irq al-tharā*), from the “mother-earth” (22:5), from the damp layer of earth (*al-tharā*) feeding the roots of plants; from dust (*turāb*, see 3:52). The motif of the “Primal Man-clay”, which appears in the Qur’ān (6:2), is not present in pre-Islamic poetry.

Most important in connection with the further development of the subject is the notion of a stone being turned into a human being, of the birth of a man from a stone-rock. A number of Arabian tribal ethnonyms connected with the worship of stones symbolizing primal ancestors, as well as of rocks embodying pagan deities, reflect the existence of such ideas (Griaznevich 1982: 84).

It should be mentioned also that the word *npsh* (*nfs*, cf. Arab, *nafs*, “soul”, from *tanaffasa*, “to breathe”) was used in Nabatean and South Arabian epigraphies, in graffiti from Central Arabia, to indicate gravestones, which were expected to “represent the soul, i.e. the personality of the dead” (Shifman 1976: 105; Harding 1975: 333; Veinberg 1986: 88). There is a series of pre-Islamic legends concerning the “reverse process” of a man being transformed into a stone. Comparative mythology testifies that this kind of inversion goes back to a stable idea of the “direct process” of a man originating from a stone.

Most popular is the legend of Isāf and Na’ila⁶. The story tells that a man called Isāf and a woman Na’ila, both of Yemenese origin, made a pilgrimage to Mecca. When they were alone in the sanctuary they became inflamed with passion, sinned, and were immediately turned into stone. They were carried out of the Ka’ba and installed by the sanctuary. Their location is differently indicated in the sources. Most often one of the stones is placed by the Ka’ba, the other one – by the Zamzam well. The shape of the stones vaguely resembled human figures. Sacrificial blood was poured upon them. T. Fahd (Fahd 1968: 103-109) takes this story for a later moralising legend directed against temptations offered to pilgrims by those, who, having no ritually pure dress, performed sacred rites completely or almost naked (Fahd 1966: 128). Basing upon the information provided by al-Azraqī that these stones had formerly been standing on the hills of al-Ṣafā and al-Marwa embodying the cult of Ba’l and Ba’la, the scholar came to the conclusion that the bringing together of these idols by the Zamzam well could mark the foundation of the Meccan sanctuary. The sacrifices formerly made on the hills were offered now by the well, and the two stones could symbolize here the two hills.

⁵ The detailed analysis of the Ādam stories in Qur’ān see Piotrovskii 1991: 30-43.

⁶ On the earliest version cf. *al-Kalbī* 1963: 16.

Among the people of the Ṭayyi’ tribe there was a legend about Ajā’ and Salma, at some points similar to that of Isāf and Na’ila. A man named Aja’ b. al-Ḥayy fell in love with Salma who was a married woman from his own tribe. She had a nurse ‘Awjā’, in whose house they used to meet. Once the husband of Salma and her brothers took the lovers by surprise. Ajā’ and Salma tried to escape, but were caught. Salma was put to death on a mountain which received her name, ‘Awjā’ was killed on another mountain and Ajā’ – on the third one. These mountains, including the third one, black rock, which resembled a human figure, got the names of the murdered (Fahd 1966: 15).

There is another legend of the same kind. According to it, along the road used by pilgrims on the way from Mecca to the mount ‘Arafat there were stones called al-Niswa (“Women”). One woman who was unfaithful to her husband became pregnant. When she was there, on the road, she happened to bear a child in the presence of two other women. The three women immediately turned into stones (Fahd 1966: 16).

The next legend is connected with South Arabia. Ibn al-Mujāwir (al-Mujāwir 1954: 150ff; cf. also Fahd 1966: 15ff) tells that there, at the site called Naqīl, were two stones – two women turned into stone, their reproductive organs could be seen regularly shedding blood. Also, the Ḥaḍramawt idol al-Jalsad was a great white rock with a black top resembling a human face. Al-Jalsad was worshipped in all Arabia, even among the Mahrians. T. Fahd explains the etymology of the idol’s name as derivation from *jalmad* (“rock” – “strong man”) (Fahd 1968: 86; Frantsuzov 1995: 316-317). Although this name easily fits the common metaphoric scheme (cf., for instance, Russian *кремень* “flintstone” – “strong man”), one should take into consideration that for the primitive or magic consciousness a name was not just a conventional sign but the integral part of the object to which it was attached.

The common elements of all these legends, which are widespread over the whole of Arabia (in Hijāz, Najd, in the south of the Arabian Peninsula), are: (i) a criminal coitus; (ii) turning into stone as a punishment for adultery (in the case of Isāf and Na’ila — for the desecration of a shrine); (iii) the worship of the stones which came into being in this miraculous way.

Comparative mythology demonstrates that many anthropogenetic and cosmogonic legends include the story of the “original sin” which fertilised people and all other living beings (Abramian 1983: 112). It is not a mere chance that the element of “criminal coitus” appears in the legends cited above. Before Islam often the process of childbirth itself at its different stages was becoming the object of sanctification. There was the cult of reproductive organs.

On the other hand, the worship of rocks and stones as the dwelling of deities (suffice it to remember the Black Stone of Ka’ba) was certainly related to the worship of stones as primal ancestors, which is confirmed by numerous ethnonyms of the *banū jandal*, “the sons of rock”, type. Comparative mythology testifies to the connection of these views with the myths of creation telling about the origin of man from stone. These myths were widespread in particular among the nomad Semites dwelling in rocky steppes and on plateau⁷. All this brings us to the

⁷ The ideas of the origin of man from stone and of petrification as a punishment for a broken taboo are reflected in particular in Hurrian and Hittite mythology. They are also widely represented in Greek myths (the story of Deucalion and Pyrrha, the myth of Niobe). Reflections of these ideas are present in the Prophetic books of the Bible (Isaiah, LI, 1; cf. Griaznevich 1982: 84). Thompson’s index provides us with abundant comparative material: the motif of a man being turned into a stone or rock for breaking a taboo (Thompson 1956: C 961, D 230), as well as the idea of creating man from stone and of the origin of mankind from a rock (Thompson 1956: A 1245, A 1234.2).

conclusion that the legends cited above possibly go back to the original layer of anthropogenic and ethnogenic mythology of the inhabitants of Arabia, reflecting the stage of its development far gone from the archaic notions connected with the understanding of anthropogenesis as of “spontaneous transformation of stone into man without any participation of the God’s will or action” (Griaznevich 1982: 84).

The idea of man originating from stone is never explicitly stated in the Qur’ān, though there are certain hints present in several passages: “Then your hearts became hardened thereafter and are like stones, or even yet harder; for there are stones from which rivers come gushing, and others split, so that water issues from them, and others crash down in the fear of God” (2:74); “then fear the Fire, whose fuel is men and stones, prepared for unbelievers” (2:24, see also 17:50).

In our opinion, the system of these mythological notions was absorbed both by the Qur’ān and by the ideology of the early Islam, though in a modified form. It is known that Islam inherited the ritual of *hajj*, providing it with a new foundation connected with the Bible history. It is known that ritual is more conservative than mythology, though often with the change of ideology the same ritual could be provided with a new mythological foundation (Abramian 1983: 113). This happened to the system of mythological notions connected with *hajj*.

What is especially interesting is that the pagan ritual connected with the worship of Isāf and Na’ila is taking its roots, as we were trying to demonstrate, in the ethnogenetic mythology of Arabia. The analysis of some of the features of the cult of Isāf and Na’ila, of the appellatives applied to their names, proves that its mythological foundation changed several times. T. Fahd (Fahd 1968: 106-108) demonstrates that at some stage the worship of Isāf, the god of wind and rain, whose appellative was Nahīk Mujāwid al-Rīh (“power which brings abundant rain with wind”) and of Na’ila, the deity of fertility, was related to the agrarian cult. Later Isāf (etymologically — “collector”, “keeper”) and Na’ila (“receiver of gifts”), after their images had been installed by the temple treasury-well Zamzam, became its guardians. According to one of the Muslim traditions, after their expulsion from paradise, Ādam and Ḥawwā’ (Eve) found themselves on the hills of al-Ṣafā and al-Marwa. Eve began to menstruate in Mecca, and there was nowhere for her to obtain water to cleanse her. An angel who suddenly appeared suggested to Ādam that he stamp his foot on the ground. Ādam did this, and a pure spring burst forth. The well of Zamzam was later erected on this spot (Ibrahim-Efremova 1996: 330). They dwelled near ‘Arafat for a while and there their first child was born to them. It is felt that this provided the origin of the pilgrimage tradition of standing (*wuqūf*) on this hill before the face of God. Muzdalifa is also connected with the names of the forefathers (Ibrahim-Efremova 1996: 241, n. 2). The appearance of the Zamzam well and one of the rituals of *hajj* – running (*sa’y*) between the hills of al-Ṣafā and al-Marwa – are connected also with the names of Hajar and of the forefather of northern Arabs, Ismā’īl, the ancestor of their eponym ‘Adnān. According to the Muslim tradition, after the expulsion from paradise, Ādam could no longer hear the prayers of the angels, which they offered in the Inhabited House. Having received permission from Allah to erect an earthly likeness of the heavenly shrine, at the urging of the angels Ādam began to construct the Ka’ba in a place located directly beneath the Inhabited House. By some accounts, this is the centre of the universe and the closest point to heaven on earth (Ibrahim-Efremova 1996: 38). In general it was the realization of the idea that the ritual of *hajj* was connected with a repetition of what had been there at the dawn of human history, that this very place was in some way connected with the

story of the Primal Man and the forefather of the inhabitants of Arabia (let us remember the al-Niswa women turned into stone by the ‘Arafat mount and the connection of the al-Ṣafā and al-Marwa hills with the cult of Isāf and Na’ila).

It is also important to recall A. Hocart’s remark that myth is a part of ritual and ritual – part of myth. Myth is describing the ritual, and the ritual is staging the myth (Hocart 1970: 22). The Qur’ān, when it insists on the necessity of performing *hajj* as a ritual obligation of a Muslim, thus establishes a link between the new ideology and the system of mythological notions which developed around the worship of the Mecca shrine in the *jāhiliyya* time: “Al-Ṣafā and al-Marwa are among the waymarks (*al-mashā’ir*) of God; so whosoever makes the Pilgrimage (*‘umra*) to the House, or the Visitation (*hajj*), it is no fault in him to circumambulate them; and whoso volunteers good, God is All-grateful, All-knowing” (2:158); “but when you press on from Arafat, then remember God at the Holy Waymark (*al-mash‘ar al-ḥarām*), and remember Him as He has guided you, though formerly you were gone astray” (2:198).

It is unknown when the name of Ādam became associated in the people’s minds with these places and with the stages of the *hajj* ritual⁸. As the Old Testament ideas on the origin of man were widespread among monotheistic Arabians, it is quite probable that the *hanīfs*⁹, whose devotion to the performance of the *hajj* ritual is marked by the Muslim tradition, could link some of its steps with the name of Ādam even before Muḥammad’s preaching.

It is noteworthy that such an association indicates the contemporaries of the Prophet to have been familiar only with the echo of the ancient Arabian myths of creation. By the time of the rise of Islam the erosion of the system of ancient Arabian cosmogonic ideas had been almost accomplished. The Qur’ān only reflected the final stage of this long process.

The way the terms *Ādam* and *banū Ādam* are employed in the Qur’ān, as well as a number of other Qur’ānic terms (Rezvan 1984a; 1984b: 59-68), confirm that Qur’ānic ideas on the origin of man, which were gradually developing through the whole period of Muḥammad’s prophetic activities, reflect a complicated process of interaction of different ideological trends, a singular combination of both the Old Testament lore and ideas produced by inter-Christian

⁸ The Muslim tradition identifies *al-mash‘ar al-ḥarām* with a small mound in al-Muzdalifa, six miles from Mecca, between Mecca and ‘Arafat, for more details cf. Pansera 1949: 74-77. There the “Mosque of the sacred grave” is located, cf. Kamal 1964: 84. The term *mash‘ar* had probably been applied to this sacred mound long before the coming of Islam. The same name was also applied to a certain stone between al-Ṣafā and al-Marwa worshipped before Islam as well (Fahd 1968: 238, no. 3). Now the term *al-mashā’ir* is applied to different stages of *hajj*. The connection of some elements of *hajj*, like putting on special garments, ritual trimming, etc. with pre-Islamic ritual practice testifies to the acceptance of *hajj* as a complete ritual system by Islam.

⁹ Ādam as the name of the forefather appears a number of times in verse ascribed to poet-*hanīf* Umayya b. Abī’l-Ṣalt (cf. Abī’l-Ṣalt 1975: nos. 21, 45; no. 50: 1; no. 95: 3). It is noteworthy that the name *‘dm* was widely used in northern Arabia long before Islam (2nd – 5th centuries AD). Lankester Harding recorded 109 cases of its use in Safaite inscriptions (Harding 1975: 32). The stem *‘dm* belongs to the main fund of Semitic roots, it is connected with such notions as “earth”, “red colour”, “skin”, “man” (Diakonoff 1981: 52; 1992: 51-58). In the pre-Islamic poetry the word-form *Ādam*, similar to the Qur’ānic one, could be used to indicate such notions as “dark”, “white”, “brown” (Nöldeke 1952: 14). It is clear in this connection why Arab authors, such as, for example, al-Jawālīqī (Spitta 1879: 208), considered the name Ādam, along with the names Ṣāliḥ, Muḥammad, Shu‘ayb, an original Arabic name, in opposition to the names of other prophets: Ismā’īl, Ibrāhīm, Ishāq, Ilyās, Idrīs. Numerous different etymologies of the name were, however, suggested (Spitta 1879: 215; Goldziher 1870: 12, no. 4).

disputes of that time overlaying the original Arabian ideological stratum. The development of the system of principal Qur'ānic notions which implied God (“Creator”), people (“sons of Ādam”), the sanctuary of Mecca (“the House of Allah”), etc., also turned to be connected with the image of Ādam.

All this took place against a very complicated social and ideological background of Arabia in the sixth and early seventh century (gradual consolidation of Arabian tribes into one nation, transition from the tribal stage of organization to territorial, from paganism to Islam, development of the state, etc.). As early as the end of the 7th – beginning of the 8th century in the works of genealogists and commentators of the Qur'ān there appears a joint genealogy of the tribes of Arabia going back to “forefather Ādam”¹⁰. In this way the Arabs “joined the family” of the other peoples of the Bible, their history became part of the world history, and the Arabs themselves became members of the humankind (*banū Ādam*). In this respect they were becoming no less “civilized” than the peoples conquered by them.

Penetrating beyond the limits of Arabia, Islam entered the field, which for many centuries had been cultivated by different monotheistic systems. There, first of all in Syria and Iraq, under the circumstances of intensive inter-ethnic and inter-confessional contacts, took place the final formation and record of the dogmatic and legal system of Islam and of its “sacred history”. The strong ideological pressure of this all-embracing system of values, which absorbed the cream of the principal cultural elements of the *jāhiliyya* period, its aim being to justify the new role of the Arabs in the “civilised world”, had terminated the long process of disintegration and erasure from the collective memory of the old “barbaric” traditions. First of all, it affected the principal cosmogonic and anthropogenetic myths, the core of all ancient and medieval ideological systems. Due to their significance, however, the ideas of this kind could not vanish without a trace. Their presence is evident in the ritual of the *ḥajj* as it is recorded in the Qur'ān as well as in the Muslim exegetical tradition, which appeared at a significantly later date. The latter was enriched not only by ideas and images from the Judeo-Christian tradition, which grew up around the Bible, but undoubtedly preserved a layer of pre-Islamic images and ideas, which did not enter the text of the Qur'ān in direct fashion.

BIBLIOGRAPHY

- Abī'l-Ṣalt 1975 – Umayya b. Abī'l-Ṣalt. *Dīwān*. Baghdad
 Abramian 1983 – L.A. Abramian. *Pervobytnyi prazdnik i mifologiya (Primitive Feast and Mythology)*. Erevan
 Bakker 1965 – D. Bakker. *Man in the Qur'ān*. Amsterdam
 Bouman 1977 – J. Bouman. *Gott und Mensch im Koran*. Darmstadt
 Diakonoff 1981 – I. Diakonoff. “Earliest Semites in Asia” // *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients*. Berlin
 Diakonoff 1992 – I.M. Diakonov. “Praotets Ādam (Ādam the forefather)” // *Vostok* I. Moscow
 Fahd 1966 – T. Fahd. *La divination arabe. Études religieuses, sociologiques et folkloriques sur le milieu natif de l'Islam*. Strasbourg
 Fahd 1968 – T. Fahd. *La panthéon de l'Arabie Centrale à la veille de l'Hégire*. Paris

- Frankl 1930 – Th. Frankl. *Die Entstehung des Menschen nach den Koran*. Prag
 Frantsuzov 1995 – S.A. Frantsuzov. “Etnoreligioznaia situatsiia v Khadramawt v VI—VII vv. (Ethno-religious situation in Ḥadramawt in the sixth-seventh centuries)” // *Khadramaut. Arkheologicheskie, etnografiicheskie, istoriko-kul'turnye issledovaniia*. Moscow
 Goldziher 1870 – I. Goldziher. *Studen über Tanchum Jeruschalimi*. Leipzig
 Griaznevich 1982 – P.A. Griaznevich. “Razvitie istoricheskogo soznaniia arabov (The development of the historical consciousness of the Arabs)” // *Ocherki istorii arabskoi kul'tury V-XV vv*. Moscow
 Grünebaum 1893 – M. Grünebaum. *Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde*. Leiden
 Harding 1975 – G. Lankester Harding. *An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions*. Toronto
 Hirshberg 1939 – J.W. Hirshberg. *Judische und Christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien*. Krakow
 Hocart 1970 – A.M. Hocart. *The Life-Giving Myth and Other Essays*. London
 al-Ḥutej 1893 – *Der Dīwān des Ḡarwal b. Aus al-Ḥutej'a*. Bearb. von I. Goldziher. Leipzig
 al-'Ibādī 1965 – 'Adī b. Zayd al-'Ibādī. *Dīwān*. Compiled by Muḥammad al-Mu'aybid. Baghdad
 Ibrahim-Efremova 1996 – T. Ibrahim, N. Efremova. *Musul'manskaia Sviashchennaia istoriia. Ot Ādama do Isusa (Muslim Sacred History. From Ādam to Jesus)*. Moscow
 Izutu 1964 – O. Izutu. *God and Man in the Koran*. Tokyo
 al-Kalbī 1963 – *Kitāb al-Aṣnām 'an Abī-l-Mundhir Hishām b. Muḥammad b. al-Sā'ib al-Kalbī bi taḥqīq al-ustādh Aḥmad Zakī*. al-Qāhira
 Kamal 1964 – A. Kamal. *The Sacred Journey. Being Pilgrimage to Makkah*. London
 Lane 1863-93 – E.H. Lane. *An Arabic-English Lexicon*. Pt. 1-8. London
 Lewin 1978 – A. Lewin. “A Vocabulary of the Hudailian Poems” // *Humaniora* XIII. Göteborg
 al-Mujāwir 1954 – [Ibn al-Mujāwir]. *Descriptio Arabiae Meridionalis* (extr. De *Tarīkh al-Mustabṣir*). I. Ed. by O. Lofgreen. Leiden
 Nöldeke 1952 – Th. Nöldeke. *Belegwörterbuch zur klassischen arabischen Sprache*. Bd. 1. Hrsg. von J. Kraemer. Berlin
 Pansera 1949 – C. Pansera. “Alcune precisazioni sull' espressione al-Mash'ar al-Haram” // *RSO* XXXIV/1-5
 Pigulevskaya 1964 – N.V. Pigulevskaya. *Araby u granits Vizantii i Irana v IV-VI vv. (Arabs on the Byzantine and Iranian Frontiers in the Fourth – Sixth Centuries)*. Moscow/Leningrad
 Piotrovskii 1991 – M.B. Piotrovskii. *Koranicheskie skazaniya (Qur'ānic Stories)*. Moscow
 Rezvan 1984a – E.A. Rezvan. *Etnosotsial'naiia terminologiya Korana kak istochnik po istorii i etnografii Aravii na rubezhe VI-VII vv. (Ethno-Social Terminology of the Qur'ān as a Source on the History and Ethnography of Arabia at the Turn of the Sixth – Seventh Centuries)*. PhD Thesis. Leningrad
 Rezvan 1984b – E.A. Rezvan. “Ādam i *banū Ādam* v Korane – k istorii poniatiĭ “pervochelovek” i “chelovechestvo” (Ādam and *banū Ādam* in the Qur'ān — to the history of the notions the “Primal Man” and “mankind”)” // *Islam. Religiiā, obshchestvo, gosudarstvo*. Moscow
 Shifman 1976 – I.Sh. Shifman. *Nabateiskoe gosudarstvo i ego kul'tura (The Nabatean State and Its Culture)*. Moscow
 Shifman 1984 – I.Sh. Shifman. “O nekotorykh ustanovleniakh rannego islama (On some of the regulations of early Islam)” // *Islam. Religiiā, obshchestvo, gosudarstvo*. Moscow
 Speyer 1961 – H. Speyer. *Die biblischen Erzählungen im Koran*. Hildesheim
 Spitta 1879 – W. Spitta. “Die Lucken in Gawaliki's Mu'arrab” // *ZDMG* XXXIII
 Thompson 1956 – St. Thompson. *Motif-Index of Folk Literature*. New enlarged and revised edition. I-V. Bloomington
 Veinberg 1986 – I.P. Veinberg. *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vosloka (Man in the Culture of the Ancient Near East)*. Moscow
 Vinnikov 1960 – I.N. Vinnikov. “Koranicheskie zametki (Qur'ānic notes)” // *Issledovaniia po istorii kul'tury narodov Vostoka*. Moscow/Leningrad

¹⁰ Sozomenes, who lived in the first half of the 5th century, in his “Historia Ecclesiastica”, already mentions that “Arabs are called “Ismailites” after their origin, after their “forefather” Ismail, the son of Abraham” (cited after Pigulevskaya 1964: 41).

Михаил Анатольевич РОДИОНОВ
(Санкт-Петербург)

ГОЛОС ЗАМИЛА НА ЮГЕ АРАВИИ¹

Замил (*zāmil* от *zamāla*, “товарищество”) – это социальная презентация, в которой содержание неотделимо от манеры исполнения. В южноаравийской практике используется словосочетание *ṣawt al-zāmil*, “голос замила”.

В «Очерке развития поэтики у арабов» И.Ю. Крачковский замечает, что, излагая свое учение о слове и литературе в *Китаб ал-байан* («Книге изъяснения») ал-Джахиз (IX в.), допускает смешение содержательных и технических критериев, «правил внешнего и внутреннего характера», например, оговаривая, «какие речи допускают цитаты стихов, какие можно произносить сидя и пр.» (Крачковский 1960: 141-142). Участники южноаравийских презентаций указанные критерии не противопоставляют: в обряде важно все. *Замил* озвучивается под открытым небом, коллективно, хором, в процессии или строю, с оружием в руках. Сидя на ковре, вы можете обнаружить, что гостеприимный хозяин «забыл» слова всех *замилей*, которые тут же вспоминаются, стоит ему выйти наружу к группе соплеменников.

Мое предположение о том, что *замил* по природе своей – это племенной клич ‘*изва*’ (*izwa*), с добавлением еще одного стиха (Rodionov 1997: 115-121)², подтверждается еще и тем, что первый стих двустипхи обычно служит для идентификации своей группы и/или для характеристики чужаков. От этой характеристики и от второго стиха зависит исход встречи, дружба или вражда.

Замил, воодушевляющий единоплеменников-нахдийцев бороться за исконные права пасти свой скот на пастбищах вади-л-Каср и не платить податей султану, приводит Бин Хашим в «Истории Касирийской державы» (Bin Hashim 2002: 62-63). Благодаря ему мы знаем имя стихотворца – вождь нахдийцев Мухаммад б. ‘Али Бин Фарис, время создания текста – 940 г.х./1533-34 г.г., и повод – борьба племен Западного Хадрамаута в вади-л-Каср и Дау‘ане против конных отрядов султана Бадра Бу Тувайрика и его камнеметной

машины, сокрушавшей стены. Однако, как следует из расспросов, текст этого *замила* в конце 1980-х нахдийцы помнили и без обращения к книге Бин Хашима:

sawārihnā fī-l-maǧfar rawāti ‘ // wa-lā yikhras lanā fī-l-kaser mazra ‘
naqātil bader kassār el-marāfi ‘ // nuwaṭī hām rasu ḥīn yirfa ‘

«Нашему скоту в ал-Мафджаре (пастись) удобно, // и не привыкли мы платить в ал-Касре за растения.

Мы будем сражаться с Бадром, сокрушителем высоких, // пригнем макушку его головы, когда он попытается ее возвысить»

Некоторые из информаторов называли Бадра Бу Тувайрика «сокрушителем артиллерийских орудий» (*kassār el-madāfi ‘*), т.к. буквы «ра» и «даль» похожи по начертанию, а «артиллерия» нашему современнику понятней, чем некие «высокие» субъекты или объекты. Однако намек на осаду реальных племенных укреплений, расположенных на вершинах, и особенно переключка однокоренных слов, переданная в переводе как «высоких» и «возвысить», позволяет считать приведенный вариант исходным.

Сохранился *замил* племени ‘авабиса из Восточного Хадрамаута, направленный против эмира Наджи б. ‘Али ал-Бурайки, правившего портовым городом аш-Шихр в середине XIX в. Поводом послужил указ эмира, запрещавший бедуинам вход в городские ворота, если они не вознесут молитву в знак своих мирных намерений (Bin Aqil 1998: 32). Вместо молитвы вооруженные соплеменники скандировали хором:

qūlū li-nāǧī bin ‘alī // māntū er-rabb wa-lā-l-ilā
rās bū ‘uwbath ghalib // mā be‘āhed ‘ā-ṣ-ṣalā

«Скажите Наджи Бин Али: // Ты не Господь Бог.

Старейшины ‘авабиса отказались, // нет договора на молитву»

Этот *замил* племени ‘авабиса, как я уже писал (Родионов 2009а: 46), переключается с южноаравийской «формулой федерации» VII в. до н.э., приводимой в книге А.Г. Лундина (1971: 250): «в день, когда он установил [статут] всем племенам бога и господа, и договора и соглашения». Несколько в другом порядке, но все четыре ключевых элемента древней клятвы употреблены в племенном хадрабийском *замиле* XIX в.: господь, бог, договор и соглашение (соглашаться). Ясно, что локальная поэтика групповой идентификации имеет очень старые корни.

В XIX в. против султанов ал-Касири выступит куда более грозная сила, чем ополчения западного края – федерация йафиитских племен, выразившая свои притязания на Хадрамаут в знаменитом *замиле* (Родионов 1994: 177-178, 194):

ḥadramūt illā li yāfi ‘ // fī-l-ḥuṭūt al-musaṭṭera
kam min walad b-yedu faranjī // rūm ghālī ṣhambara

«Хадрамаут — только для йафиитов. // (Так сказано) в бумагах, исписанных строчками. Сколько (у нас) юношей, в руках которых франкское (оружие) // с ромейской дорогой мушкой»

¹ Этот текст – фрагмент из авторской монографии, обобщающей одно из направлений полевых исследований, которые автор проводил в составе комплексной экспедиции Академии наук, чувствуя дружескую поддержку и внимание со стороны юбиляра.

² В 1992 году я записал в Западном Хадрамауте *замил* «Кахтан, о победитель! // Скольким племенникам мы сломали клыки!», первая строка которого – ‘*изва*’ племени нахд, обращенная к их легендарному предку Кахтану, вторая – самовосхваление-*фахр* (Rodionov 1996: 118-133). Вариант этого *замила* (без имени «Кахтан» в первом стихе) Р. Сарджент приписывает легендарному хилалиту Бу Зайду ал-Хилали (Serjeant 1951: 177 араб. пагинац.).

Прилагательное «ромейский», некогда означавшее «византийский», перенесено на турок, у которых аравитяне позаимствовали обычай золотить мушки мушкетов и ружей, чтобы в сумерках было легче целиться.

Замил тесно связан с классическими арабскими стихотворными жанрами самовосхваления (*fakhr*) и поношения (*hijā*). Оба жанра перетекают друг в друга, как вопрос – ответ, выпад – отражение. Это можно проиллюстрировать обменом *замилами* между двумя племенами, записанным мной двадцать лет назад и с тех пор неоднократно цитировавшимся (Родионов 1994: 177-178, 194).

*nā-l-murshidī nā-l-mōt ezrā'īl // nā ez-zulm fī yōm el-qiyāma
nā el-qabwala bārūthā wa-l-mīl // wa raṣaṣ mā minnu salāma
nā-l-laḥlakī juhḥāl mā qedar kīl // wa elqēt fī rāsak fedāme
nā ghuṣn waled el-fakhl wa enta-l-khīl // wa ez-zeyt fī matyak 'alāme*

«Зачин:

Мы – муршиды, мы – смерть (ангела смерти) 'Азраила, // мы – гнет в День Восстания (мертвых).

Мы – племенная гордость, ее порох и мерка, // и свинец, от коего нет спасения.

Ответ:

Мы – лахлаки, безрассудные и не знающие меры, // а на лицо тебе я надел ослиный намордник.

Мы – пестик мужской пальмы, а вы – тычинки, // а знак (этого) – масло на грозди твоих фиников»

Словом «безрассудные» переведено арабское *juhḥāl*, относящееся в исламской практике к доисламским язычникам периода *джахилии* («неведения»), но у бедуинов сохраняющее исконное значение – не ведающих страха отчаянных храбрецов. Масло на гроздях: отсылка к реальному приему защиты зреющих фиников от вредных насекомых, в переносном смысле намек на мужское насилие над неспособным постоять за себя слабым племенем.

Замилу в Южной Аравии посвящено немало работ (Caton 1985; 1987; 1990; Родионов 1987: 82-96; 1994: 166-178, 189-193; 1995: 123-137; 2008: 145-152; 2009: 32-58; Суворов 1999: 49-54; 2003; Василенко 2008: 380-399; 2010: 139-177; Rodionov 1996; 1997; 2007: 163-200). Большой свод *замилей* собрал современный североийеменский исследователь Салих Ахмад ал-Хариси. Он подробно разбирает поводы для их исполнения и влагаемое в них содержание: приветствие и благодарность, выражение мнения и обмен суждениями, угрозы, прославление и ободрение, совет, поддержка и увещание, помощь при неудаче, жалоба на несправедливость, протест и покровительство, посредничество, моральная оценка и вынесение приговора, месть, похвала, оплакивание, упрек, поношение, насмешка, самовосхваление и панегирик, скорбь, запрос, пристрастие, яркое описание и житейская мудрость, пословицы и символы, образы и загадки (al-Harithi 1990: 474-609). И для всего перечисленного тематического репертуара используется один стих, разделяемый цезурой на два полустишия.

Голос *замила*, согласно традиции, – это племенной голос. Точнее даже, это племенное многоголосье, как в вышеприведенном *зачине* и *ответе* (*bid' wa-jiwāb*) племен муршиды

и лахлаки. При попытке разрешения межплеменного конфликта в коллективной полифонии выделяется голос посредника – третейского судьи *хакама*. В западном Хадрамауте многие помнят обмен *замилами* между йафиитами и *хакамом* из Ка'уды, произошедший при султанах ал-Касири и записанный мной в 1986 г. почти через сорок лет после Р. Сарджента (также см.: Serjeant 1951: 175-176; Bin Aqil 1998: 43). Для разрешения спора между йафиитами и нахдийцами оба племени обратились к знаменитому *хакаму* Ка'уды из бин 'адждадж, т.е. из нахды. Нахдийцы пришли первыми, поэтому йафииты решили, что те успели дать *хакаму* взятку, и йафиитский поэт сочинил *замил*, с пением которого йафииты вошли в Ка'уду:

*mā shī buqesh mā shī buqesh // min lī yuhizzūn en-namesh
yāfi' kamā nāb el-ḥanash // min 'aḍḍatū mā lū ṭabīb
ḥakam qāl
mā fī qa'ūda shī wakhash // wu'āl 'ā rūš el-ḥamash
law taghtadī el-'iḍmān ṭash // naḥkum 'alā l-ḥukm aṣ-ṣalīb*

«Нет ни *букуша*, нет ни *букуша* // у тех, кто потрясает мечами.

Йафииты похожи на зуб змеи, // от ее укуса нет врача.

Хакам ответил:

Нет у Ка'уде никаких злодеяний, // (только) ибексы на вершинах гор.

Если бы даже наши кости раздробились, // мы судим твердым судом»

Букуш – медная монета. О версификаторской находчивости *хакама* свидетельствует то, что он сохранил размер и рифмы зачина, не нарушив правила поэтического поединка. Ибексы, или каменные козлы, на вершинах гор – отсылка к ритуальной охоте, удача в которой свидетельствует о том, что охотники не нарушали правил и моральных норм (Rodionov 1994: 123-128).

О *хакамах* из бин 'адждадж и бин сабит (*bin 'ajjāj wa-bin thābit*) в Западном Хадрамауте ходит множество историй в стихах и прозе (Родионов 2009: 38-39, 111-114, 123-127; Rodionov 2007: 189-194; Rodionov-Schoenig 2011: 42). Например, нахдийцы рассказывают, что их *хакама* Мубарака Бин 'Адждаджа решили однажды испытать на сообразительность люди из бин джалал и бин му'айли – двух подразделений племени 'абида, живущих в Марибе («если назвать их 'абид [т.е. «рабы». – МР], тут же прикончат», шутил рассказчик). Они подали Мубараку стакан воды со словами: «Угощайся, но не угощай, не пей, не выливай и никому не отдавай!» (*jabā' wa-lā tajībīh // wa-lā tashrubūh wa-lā tajfīh // wa-lā le-ḥad ta'īh*). *Хакам* нашелся: опустил в стакан конец своего головного платка-*гутры* и шерсть быстро впитала влагу. Или другая история. Вдова обратилась к *хакаму*, обвиняя соседа в смерти мужа, упавшего с финиковой пальмы на свой топор, испугавшись внезапного соседского приветствия: «Мир тебе!». *Хакама* приветствовала вся деревня, но он не ответил. «Пожелаешь вам мира, а если кто-нибудь умрет, вы скажете, что я убийца», объяснил он. Так *хакам* решил дело, даже не начав разбирательства.

Культурная память Хадрамаута хранит множество стихов и комментариев к ним, связанных с *саййидом* Хусайном б. Хамидом ал-Михдаром (умер в 1927 г.), *вазирем* султанов ал-Ку'ати, который не хуже, чем племенные поэты и *хакамы*, задавал тон на племенных сходках и умело парировал стихотворные выпады против себя как проводника султанской политики (Родионов 2009: 37-39). А поношения (*hijā*) бывали довольно рез-

кими, как то, что прозвучало когда-то на сходке в городе ал-Хаджарайн (сообщено мне поэтом Бу Бешром в 1983 г.):

*yā rā'ī d-dīd el-wala' ikftk // mā qid sharabtuh min laban yuhnāk
qid kunt fī wasaṭ el-mhed rabbīk // wa-l-yom shūrak min jebal yirdāk*

«О, сосущий грудь, хватит тебе усердствовать! // Ты уже насосался молока вдоволь. Когда ты был в колыбели, я воспитывал тебя, // а сегодня помыслы твои с горы свергают тебя»

Особых комментариев к этому *замилу* не требуется. *Вазира* Хусайна ал-Михдара упрекают в том, что, напившись молока султанских милостей, он усердствует в исполнении султанской воли. Обличающий поэт помнит Хусайна с детства, которое тот провел в ал-Кувайре, в том же вади Дау'ан, что и ал-Хаджарайн, но теперь *вазир* не достоин полученного воспитания.

Итак, были продемонстрированы *замилы*, сочиненные представителем племени и обращенные либо к другому племени, либо к представителю власти – судье-арбитру из племенной страты или из *саййидов*, потомков Пророка, причем судьи-*хакамы* или султанские посланники-*саййиды* владеют искусством версификации не хуже племенных поэтов. Приведу в пример *замил* непривилегированной страты ду'афа, направленный против заносчивых йафиитов из племени ал-батати (записан в деревне ал-Джидфира близ ал-Хаджарайна в 1985 г.):

*wa lā nehāb el-qabīli // wa lā naḥsub ḥesābe
nekhāf ellā llī fī-s-sa mā // ellā tamṭur sehābe*

«Не боимся людей из племени // и не считаемся с ними.
Страхимся лишь Того, кто на небе, // изливающего дождем тучи»

Необходимо упомянуть также такую характерную для вади Хадрамаут версию звучащего полилога, как *дана-дан* (*dāna-dān*), или просто *дан*, – музыкально-поэтическую импровизацию, особенно популярную в городах Сейун и Шибам и в вади Дау'ан, откуда она распространилась и в приморские города. Различают медленный *дан*, подражающий ходу верблюда (*al-rayīd*), зародившийся в Вади Бин Рашид (Центральный Хадрамаут); умеренный *al-ḥayqī*, расцветший в вади Дау'ан (Западный Хадрамаут); и быстрый «бединский» *al-habīsh* (al-Sabban 1991: 75-76).

Собираясь в гостиной или во дворе богатого дома за стаканчиком чая, певцы напевают мелодию без слов («дана-дан дан-дана», отсюда и название жанра), поэты импровизируют стих за стихом, суфлеры (ед. ч. *мулаккин*) записывают слова и подсказывают их певцам: так сообщая на глазах слушателей возникает новое произведение (al-Sabban 1978; Ibn Nasir 1983; Суворов 1999: 49-54; Родионов 2009: 40-42). В Хадрамауте и в диаспоре наиболее известны образцы лирического дана, но это не единственная его тематика. Так, знаменитый певец, музыкант и поэт Са'ид Мубарак Марзук (1911-1981), выходец из семьи рабочего-строителя, положил на музыку³ текст 'Аида 'Аббуда Ба-л-

Ва'ла (ум. в 1946 г.), обличающий британское коварство и написанный традиционным для дана восьмистрочником (*mathmūn*) с рифмовкой ab ac ab ac (al-Sabban 1978: 25):

*al-owwaluh dīb dakk 'ā-l-ghanam
wa-th-thānēh qirribet al-marḥale
wa-th-thālethuh jār waqet an-nadam
wa-r-rābi 'uh bī' wa-eshrā wa-taslūm
wa-l-ḥāmesuh yā rijjāl al-himam
wa-s-sādesuh amantū-l-masāle
wa-s-sābi' naḥer yijur bi-dam
wa-th-thāmenuh nakhel bā samah maqlūm*

«Сперва волк постучался к овце,
во-вторых, расстояние сокращается.
В-третьих, (он) сосед, время приятельства,
в-четвертых, продажа, купля и сделка.
В-пятых, о мужи усердия!
В-шестых, ему доверили дела.
В-седьмых, река истекает кровью,
в-восьмых, пальма будет срублена»

Марзук вместе с Мастуром Сулайманом Хамаде (1897—1975), выходцем из семьи ткача, признаны крупнейшими мастерами *дана*. В честь них созываются многолюдные фестивали, их аудиозаписи есть почти в каждом доме, однако голос *дана*, каким бы он ни был виртуозным и артистичным, несравним с голосом *замилы*, ибо изначально рассчитан на камерную городскую аудиторию и связан с культурной памятью лишь опосредованно.

Переход от *замилы* к *касыде* облегчается тем, что у хадрамейских авторов существует жанровое определение *касыда-замил* (Bin Aqil 1998: 145). Оно прилагается, например, к *касыде вазира* Хусайна б. Хамида ал-Михдара, которую он произнес в 1936 г. в городе Шибам, куда прибыл вместе с куайтийским войском, состоявшим из солдат-йафиитов, рабов и пушек, для соединения с касирийскими силами. Цель двух династий, поддержанных британской администрацией, заключалась во взятии ал-Гурфы, мятежные правители которой, Бин 'Абдаты, отказались повиноваться султану ал-Касири. Шибамцы встретили армию групповыми танцами (*shabwānī*) и *замилем*. Было сказано множество мирных слов, но военная операция закончилась безрезультатно, так и не начавшись, из-за взаимного недоверия союзников. Из самой *касыды-замилы* ал-Михдара в локальной культурной памяти живет всего несколько строк, а в его поэтическом наследии больше прозаических комментариев, чем пространных рифмованных текстов (в основном, *замилы* и короткие стихотворения)⁴.

В Южной Аравии жанровые границы *касыды* весьма подвижны (Василенко 2006: 183-197). Этим словом здесь могут назвать стихотворный текст, объем которого превышает семь-восемь бейтов, написанный литературным (*fushā*), полулитературным (*mutafaysah*) или разговорным языком (*dārija*). Система рифмовки и композиция такого текста могут

³ Говорят, что Марзук начал петь с 14 лет и помнил 53 мелодии *дана*, к которым иногда сам подбирал слова.

⁴ См., например, записанные мной стихотворные тексты, связанные с посреднической деятельностью *вазира* ал-Михдара (Родионов 1994: 170-171, 191-192).

в какой-то мере соответствовать определению классической *касыды*, включая плач у следов былой стоянки, тоску в разлуке с возлюбленной, воспевание своего верхового животного и личной доблести, описание путешествия по пустыне, хвалу своим и поношение чужим. Но чаще создатель *касыды* посвящает ее одной из тем, а их диапазон расширяется до перечня, приведенного ал-Хариси относительно *замилей*, к чему можно добавить, например, *касыду*-каталог, рифмующую сорта и качества местных фиников, топонимы и т.д. (Serjeant 1951: 55-57). Помимо объема этот набор разнохарактерных текстов объединяет разве что наличие декларируемой цели (*qaṣīda* от корня *qṣd*, «преследовать цель»).

‘Абдаллах б. Мухаммад ас-Сақкаф, автор пятитомной «Истории хадрабийских поэтов», изданной в 1930-х гг. в Каире (al-Saqqaf 1934-35), ограничил исследование только поэзией на литературном языке, адресуя свою работу общеарабскому образованному читателю, но до сих пор она более известна внутри Хадрамаута, чем за его пределами.

Для локальной культурной памяти *касыды* на литературном языке имеют потенциальную ценность: они входят в *диваны* уважаемых поэтов, стихотворные фрагменты иногда включают в хроники, трактаты или биографии, но редко декламируют вслух. Профессиональные декламаторы-*рави* никогда не исполняют их наизусть; в исключительных случаях текст зачитывают, усыпляя аудиторию монотонностью метра и однообразием сквозной рифмы. Вслух звучат более понятные слушателю поэмы *мутафайсах* или *дариджа* на сходках-*шабвани*, в республиканский период переименованных в фестивали (*mihrajān*), и на паломничествах-*зийарах*, где они составляют важнейшую часть социальной презентации с ее четкими ролями и ясно выраженным игровым характером.

Игровой характер, присущий звучащей поэзии, неоднократно обсуждался хадрабийскими литераторами старшего поколения, получившими традиционное образование (Мухаммад Ба Матраф, ‘Абд ал-Кадир ас-Саббан и Джа‘фар ас-Сақкаф и др.), и более молодыми, ориентированными на современный дискурс (председатель Йеменского союза писателей ‘Абдаллах ал-Бар, ‘Абд ал-‘Азиз Бин ‘Акил, ‘Али Ба Раджа и др.). Некоторые из них – сами авторы драматургических произведений – задавались вопросом о соответствии европейских жанровых критериев арабской литературной практике и теории. Из разных источников, от средневековых арабских трактатов до страстной книги Т.А. Путинцевой «Тысяча и один год арабского театра» и рассказа Борхеса «Поиски Аверроэса» (Путинцева 1977: 10-11; Борхес 1992: 273-280), были извлечены сведения о том, что «трагедию» и «комедию» в «Поэтике» Аристотеля средневековые арабские переводчики соответственно перевели, как *madh* («восхваление», «панегирик») и *hijā’* («поношение», «сатира»)⁵. Родство сатиры и комедии более очевидно, чем связь панегирика и трагедии, однако последнее уподобление становится понятней, если обратиться к некоторым сохранившимся на юге Аравии обрядам, имеющим доисламские корни, прежде всего – к ритуальной охоте на каменного козла (лат. *ibex*; араб. *wa‘l*, мн.ч. *wū‘ūl*).

В 1970-е гг. Р. Сарджент писал, что такая охота, известная на юге Аравии по древним наскальным рисункам и мотивам декора былых цивилизаций, бытовала в первой половине XX в. лишь в Хадрамауте, и он не уверен, что она практикуется и поныне (Serjeant 1976: 4). Наши полевые разыскания 1983-2008 гг. показывают, что локальная традиция пока сохраняется (Bin ‘Aqil 2004), несмотря на ее резкое осуждение со стороны

исламских радикалов. Шествия (*zaff*, мн.ч. *zufūf*) хадрабийских охотников, отмечающих успешную охоту на каменного козла, аналогичны процессиям древнегреческих сатиров в честь Диониса – трагедиям. Напомним, что «трагедия» по-гречески – это «песня козла» (τράγος, «козел», ᾠδή, «песня»). Дифирамбы, которые пел хор, возглавляемый *демиургом*, функционально мало чем отличаются от *замилей*, в которых охотники под предводительством распорядителя-*мукаддама*, хвалят себя: «Добро пожаловать, те, кто охотился на горных вершинах, // Их маузеры громко стреляли, когда они входили на поле битвы!» (Rodionov 1994: 125). На смену луку и стрелам пришли фитильные мушкеты, их сменили маузеровские винтовки, английские карабины, французское, российское и прочее нарезное оружие, но суть церемонии осталась прежней.

Общая природа празднеств в честь счастливой охоты на каменного козла (которые я наблюдал в хадрамаутских деревнях Мадуде, Тарибе, Гурфе и Даммуне близ Тарима) и прототеатральных древнегреческих дионисий подтверждается единством цели (обеспечить удачу общине в новом календарном году), атрибутами (огороженная площадка-*скена*), участниками (*корифей*, процессия-хор, актеры, молчаливо представляющие традиционный срез социума – племенного воина, горожанина, женщину). В Мадуде демонстрировалась инсценировка охоты на каменного козла: изображающий его молодой охотник, пританцовывая, запутывался в сети, звучал выстрел из фитильного мушкета и дичь падала на бок под радостные крики зрителей (Rodionov 1994: 123-129).

Театральный прототекст можно увидеть в одном из древнейших жанров южноаравийской поэзии – охотничьих поэмах *бани мигра* (*banī mighrāh*), где *мигра* – это охотничьи псы, а *бани мигра* – охотники и загонщики. Обширные поэмы, обычно не менее трех десятков строк, почти обязательно включают похвалу (*madh*, «дифирамб», «панегирик») каменному козлу, его благородным рогам, украшающим дома лучших охотников, и/или самим охотникам. Далее может быть и бахвальство поэта, и любовная лирика, и жалобы на быстротекущие годы (Serjeant 1951: 25-26), ибо особенность этого жанра не в содержании, а в характере презентации и поводе для нее. Теперь ясно, что уподобление древнегреческой трагедии южноаравийскому *мадху* имеет некоторые основания и вряд ли является прихотью средневековых переводчиков. Героя трагедии с героем *мадха* роднит бесстрашие перед судьбой, вызов, который они бросают року, зная, что обречены на поражение. Вспомним, что гадательные стрелы запрещали киндиту Имрулькайсу мстить за отца, но царь-поэт не изменил своему долгу.

Зачины *бани мигра* обычно исламизированы, но сразу же за обращением к Аллаху может идти апелляция стихотворца к своему демону Хаджису, т.е. не высшая сила призывает поэта, а поэт призывает ее (ср. Жирмунский 1979: 397-407). Поэма может декламироваться под ритм барабана и танец одной-двух пар охотников. Архаичность обряда подтверждается и тем, что церемония, устраиваемая в случае удачной охоты, включает элементы брачного торжества. Среди свадебных песен нередко встречаются обращения к ибeksu: «О каменный козел, несущий сотню [годовых колец на рогах]! // На холмах будут охотиться на тебя, // а сокол возьмет твоего отца» (*yā wa‘el ḥāmīl mīh // fī-d-duqm bā yiqnaṣūk // wa-ṣ-ṣaqr bā yeshīl abūk*) (Родионов 1994: 179).

На две недели, пока длится праздник охоты, в ее центрах власть переходит в руки *мукаддама* – распорядителя охоты; в Мадуде эту роль в течение многих лет исполняет Мубарак Ахмад Бахдар, получивший ее по наследству. *Мукаддам* может приказать побить палками любого нарушителя правил охоты, будь то *саййид* или *шайх*. Впрочем, на ежегодное проведение охоты требовалась санкция светских властей: сохранились письменные

⁵ Аверроэс не несет ответственности за толкования более ранних переводчиков; о них см. главу «Катарсис в сиро-арабском мире» в книге философа М.М. Позднева (Позднев 2012: 344-360).

документы, в которых правящие султаны из династии ал-Касири запрещали проведение охоты на каменного козла смутьянам из Мадуды, покушавшимся на авторитет *мукаддама* (Rodionov 2005: 215-221; Родионов 2007: 7-11; Rodionov-Schoenig 2011: 39-47, 77-80).

Согласно традиции, вызывая Хаджиса, поэт ждет от него подсказки, в этом и выражается дар импровизации (*irtijāl*), который настоящий поэт обязан регулярно демонстрировать. Из потока слов, посылаемых ему Хаджисом, и образов, открытых ему Халилей (чье имя в стихах упоминается довольно редко), поэт строит свою речь, за которую сам несет ответственность. Но есть разряд *касыд*-диалогов, в которых автор задает вопрос не демонам поэзии, а прошлому, его вещественным свидетельствам.

В двух *касыдах* этого разряда, публиковавшихся мною в арабском оригинале с русским или английским переводом и комментариями (Родионов 1987; 1994: 162-166, 196-200; 2009: 97-102, 127-130; Rodionov 2007: 170-177), человек беседует с развалинами древнего городища Райбун. Поэтическая встреча состоялась лет за двести сорок до начала археологических раскопок, которые ведут здесь российские специалисты с 1983 г. Автор стихов сайид ‘Али б. Хасан б. ‘Абдаллах б. Хусайн б. ‘Умар б. ‘Абд ар-Рахман ал-‘Аттас (1122/1710–1172/1758) из знаменитого рода потомков Пророка, давшего немало выдающихся людей с одинаковыми именами, для различения которых и требуется длинная цепочка предков. Незадолго до смерти ‘Али б. Хасан выбрал место для своей будущей могилы на севере вади Дау‘ан и при поддержке местных племен основал там священный анклав-*хауту* (*hawṭa*) для будущих паломников, получивший имя Машхад-‘Али, или просто ал-Машхад (см. Rodionov 2004: 307-312).

Касыды были прочитаны мне в 1983 г. его тезкой ‘Али б. Ахмадом б. Хасаном ал-‘Аттасом, *мансабом* Хурайды в вади ‘Амд, т.е. хранителем *хауты*, устроенной там в начале XVII в. прапрадедом ‘Али б. Хасана – ‘Умаром б. ‘Абд ар-Рахманом. Тексты сверены по хранящейся в семье *мансаба* рукописи: копия 1302/1884-1885 гг. О паломничестве в ал-Машхад рассказывал также *мансаб хауты* ал-Машхад – ‘Али б. ‘Абдаллах ал-‘Аттас (Родионов 1994: 165-166).

В основе обеих *касыд* – традиционное для арабской поэзии размышление о тщете земной жизни, возникающее у путника при виде развалин былого великолепия. В каждой из них – по 45 строк, причем автор не спешит задавать свой вопрос развалинам Райбуна, который прозвучит в первой *касыде* лишь в 21-22-й строках: «О крепость Рейбун, сообщи мне известие истинное! // Извести нас о твоих жителях, дабы успокоилось мое сердце!»

Во второй *касыде* вопрос начнется почти там же, на 22-й строке: «О крепость Райбун, сообщи мне известие о людях!», но распространится еще на 12 строк, перечисляющих категории древнего населения, упомянутые в первом ответе Райбуна: «И поделись со мной редкостями, время которых прошло, // которые были в тебе во время [древнего] государства и битв. // И как [жил] их седовласый мудрец, и тот, кто был молод, // и пастух на верховом седле, и разводящий мелкий скот, и хозяин вьючного седла, // и охотники, ищущие лежащих антилоп, // и пахавшие на быках желтоногих? // Сколько из них [были] далеки от тяготы, не охвостье, // щедрые в своем богатстве и достигавшие высоких званий. // И белянки, которых скрыли в глубине зданий, // красивые по приметам, подобных им не сыскать, // труднодоступные; сколько влюбленных пропало и отчаялось! // Каково известие об их гибели и какова причина?» Причина гибели этих красивых и щедрых людей, объясняет Райбун, вражда с Богом и Его пророками – Салихом, Мусой, ал-Хидром и Христом.

Обратим внимание на зачины и концовки обеих *касыд*, ориентированные не на читателя, а на слушающую аудиторию. В пяти строках первой *касыды* подчеркнута повторяются характеристики говорения, голоса, напева, речи и языка: «О толкующий по-арабски! Голос, подобный твоему голосу, хороший голос. // Напев твой приятен, и речь твоя – ясного языка. // Голос, когда он соответствует смыслу, – лекарство для раненого. // А когда он не совпадает, становится схожим с медом в неподобающей посуде. // [Это] не любовь наша к песне, течение которой постоянно».

Последняя строка первой *касыды* («О, смотрящий томно и не видящий!») предвзвещает сквозной мотив второй *касыды* – взоры не вразумленных. Он возникает в ее зачине («О люди! Кто в Райбун пришел, увидел чудо. Они смотрели в замешательстве. // В нем крепкие здания. Смотрящий на них задумывается, // и умножает взоры, и [смотрит] четырежды, и утраивает [взгляды], и возвращается») и отдается эхом в ее финале («Остались развалины, как им Господь твой предписал. // Тот, кто смотрит на них во мраке ночи, от них убегают. // Сколько поучительного в сей жизни и сколько удивительного!»).

В обеих *касыдах* подчеркивается: глаза поймут то, что они видят, если на помощь им придет чуткий слух, способный услышать сокровенное слово. Суфийские мотивы отражаются в поэтическом слове *саййида* ‘Али (*al-sirr al-maknūn*, «тайна сокровенная»; *‘ibarāt*, «поучительные примеры» и т.д.), образах («из моря полноводного, на чьем мече драгоценности укреплены»), афористических сентенциях: «голос, когда он соответствует смыслу, – лекарство для раненого», а иначе «он становится схожим с медом в неподобающей посуде»; «прелесть сей жизни – мерзкий соблазн», ибо вся она «не сравнится с комариным крылом»; «усердный в вере подобен козе, поглощающей раздробленные финиковые косточки».

Любая из сентенций, которыми изобилует поэтическое наследие ‘Али б. Хасана ал-‘Аттаса, достойна стать пословицей, если его *касыды* вышли бы за пределы узкого круга знатоков, в основном связанного с семьей *мансабов* Хурайды и ал-Машхада. Правда, ситуация, кажется, начала меняться, и эти *касыды* стали постепенно входить в культурную память Хадрамаута через переводы наших публикаций на арабский язык, а также благодаря экскурсиям, проводимым йеменскими коллегами на городище Райбун. Этому способствуют их лекции в студенческих аудиториях ал-Мукаллы и Сейуна, в клубах литераторов и в других общественных организациях Сейуна, Тарима, Гайл Ба Вазира, аш-Шихра, ал-Мукаллы. После раскопок российских и йеменских археологов имя «Райбун» получило относительно широкую известность. Появились гостиницы с таким названием в ал-Катне, Сейуне, Мукалле и даже в Сане. Но поэтические беседы *саййида* ‘Али с крепостью Райбун, как и многие другие примечательные *касыды* на *мутафайсахе*, еще не удостоились должного «озвучания».

Среди подобных *касыд* – поэма *шайха* Салаха Ахмада Лахмади ал-Ку‘айти, которую называют первой политической *касыдой* Хадрамаута. Она представляет собой рифмованное обращение, направленное автором из Индии в 1937 г. и призывающее племена Хадрамаута к объединению против врагов ислама – британцев. *Касыда* Лахмади вызвала в стране бурную дискуссию, некоторые из ее участников излагали в стихах свои взгляды на британское присутствие (Lahmadi al-Qu‘ayti n.d.: 1–25; Ba Wazir 1980: 16–17; Bin ‘Aqil 1998: 125-135). Через сорок лет после этого в Западном Хадрамауте тайком передавали из рук в руки списки с длинными (до ста строк) *касыдами-мусаррахат* (*musarraḥāt*), в которых Мухаммад Салих Ба Хафи, народный поэт из вади ал-‘Айн, осуждал хадрамийскую *интифаду* (в данном случае переводится как «потрясение») – реквизицию зем-

ли и прочей собственности, проводившуюся социалистическими властями, вдохновленными советским опытом раскулачивания (Ba Wazir 2000: 41-43). Поэт просит Аллаха вмешаться, ибо, призывая к справедливости, лгуны сеют голод, лишая людей средств для пропитания, вешая замки на лавки и мастерские, отнимая у женщин серьги, ожерелья, кольца и браслеты, как будто приплыли с островов Вак-Вак (*yā hiya min jazā'ir wāq wāq*) – легендарной земли к востоку от Китая, родины злых духов, где на деревьях вместо плодов вырастают отрубленные человеческие головы. «Как будто с островов Вак-Вак», – могут сказать в этих местах, критикуя чьи-то поступки.

От больших *касыд* в культурной памяти остаются немногие отрывки, бытующие как пословицы, причем далеко не всегда можно установить, что здесь первично: авторский текст, превратившийся в новую пословицу, или старая пословица, включенная автором в текст и подвергшаяся затем вторичной фольклоризации. Проиллюстрировать это замечание можно на примере универсальной фольклорной связки «волки – овцы», где волки олицетворяют корыстных обманщиков. Вспомним приведенный выше текст 'Аида 'Аб-буда Ба-л-Ва'ла, разоблачающий британских колонизаторов: «Сперва волк постучался к овце» и намекающий на пословицу *dhiyāb taht- eth-thiyāb*, «волки под платьем», которая переключается с новозаветным предостережением «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные; по плодам их узнаете их» (*Матф 7: 15-17*). Волками в овечьей шкуре (и обратное утверждение «хоть шкура овечья, но душа человеческая»), а вернее – волками в одеянии из грубой шерсти, называли ханжей-суфиев (*šūf*, «шерсть») их противники. Ас-Саббан цитирует стихи *саййида* Мухсины б. 'Алави ас-Саккафа, который назвал так святош, прикидывающихся мистиками, а также строки *саййида* 'Али б. 'Абдаллаха Бин Шихаба: *aqwālehum ka-l-'asal < ... > wa-af'ālehum ka-l-'asal*, «Слова их как мед, а дела их как колочка» (al-Sabban 1978: 45).

Но несмотря на неприятие суфийского опыта со стороны законников-правоведов (*fuqahā*) и мусульманских позитивистов, будь то консерваторы или прогрессисты, семантический анализ поэзии Хадрамаута показывает, что ее тексты укладываются в суфийскую дихотомию явного/сокровенного (*zāhir/bāṭin*).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Борхес 1992 – *Борхес, Хорхе Луис*. Письмена Бога. Составление, вступ. статья и прим. И.М. Петровского. М.
- Василенко 2006 – *Василенко М.И.* “Арабская касыда: изменение формы” // *Культура Аравии в Азиатском контексте*. Сб. статей к 60-летию М.А. Родионова. СПб., с. 183-197
- Василенко 2008 – *Василенко М.И.* “Поэты и сочинители в традиционном обществе Аравии” // *Восхваление Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается...* Отв. ред. М.С. Мейер. М., с. 380-399
- Василенко 2010 – *Василенко М.И.* “Типы поэтов и жанровые формы в мире арабской племенной поэзии” // *Поэтика традиции*. Сб. научных статей. Под редакцией Я.В. Василькова и М.Л. Кисилиера. СПб., с. 139-177
- Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Избранные труды. Л.
- Крачковский 1960 – *Крачковский И.Ю.* “Ибн ал-Му'таз” // *Академик И.Ю. Крачковский. Избранные сочинения*. Т. VI. Редактор тома В.И. Беляев. М.-Л., с. 9-330
- Лундин 1971 – *Лундин А.Г.* Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М.
- Позднев 2012 – *Позднев М.М.* Психология искусства. Учение Аристотеля. М./СПб.

- Путинцева 1977 – *Путинцева Т.А.* Тысяча и один год арабского театра. М.
- Родионов 1987 – *Родионов М.А.* “Поэтическое слово. Материалы из Западного Хадрамаута” // *Проблемы арабской культуры*. М., с. 82-96
- Родионов 1994 – *Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в этнической культуре. М.
- Родионов 1995 – *Родионов М.А.* “Поэт в системе властных отношений. Полевой материал из Хадрамаута (Йемен)” // *Этнические аспекты власти*. Сб. статей. СПб., с. 123-137
- Родионов 2007 – *Родионов М.А.* “Сколько кварталов в Мадуде? Смута в документах и рассказах” // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году*. Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб., с. 7-11
- Родионов 2008 – *Родионов М.А.* “Аравийская племенная поэзия: от диалога к многоголосию” // *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году*. Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб., с. 145-152
- Родионов 2009 – *Родионов М.А.* Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб.
- Суворов 1999 – *Суворов М.Н.* “Замил в культуре племен Южной Аравии” // *Вестник Восточного Института*. Т. 5. № 1(9). СПб., с. 49-54
- Суворов 2003 – *Суворов М.Н.* Аль-Урр и Самар чествуют гостей. Праздничная поэзия из Йафи' (Йемен). СПб.
- Ba Wazir 1980 – Bā Wazīr, 'Abdallah. *Al-Waṭaniya fī al-shi'r al-sha'bī*. Al-Mukallā
- Ba Wazir 2000 – Bā Wazīr Bā Muḥammad, Ṣālim Muḥammad. *Mukhtarāt min al-shi'r al-sha'bī al-ḥadramī*. Say'ūn
- Bin Aqil 1998 – Bin 'Aqīl, Badr. *Ash'ār wa-aḥdāth. Ḥadramawt 913 – 1386 h.* Al-Mukallā
- Bin 'Aqil 2004 – Bin 'Aqīl, 'Abd al-Raḥmān. *Qanīṣ al-wa'l fī Ḥadramawt*. Al-Damān
- Bin Hashim 2002 – Bin Hāshim, Muḥammad. *Ḥadramawt. Ta'rīkh al-dawla al-kathīriyya*. Tarīm
- Caton 1985 – Caton S. “The Poetic construction of Self” // *Anthropological Quarterly*. Vol. 58. № 4, p. 141-151
- Caton 1987 – Caton S. “Power, Persuasion, and Language” // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 19, p. 77-101
- Caton 1990 – Caton S. «Peaks of Yemen I summon»: Poetry as Cultural Practice in a North Yemeni Tribe. Berkeley/Los Angeles/Oxford
- al-Harithi 1990 – al-Hārithī, Ṣāliḥ bin Aḥmad bin Nāṣir. *Al-Zāmil fī-l-ḥarb wa-l-munāsabāt*. Dimashq
- Ibn Nasir 1983 – Ibn Nāṣir, Yuslim. *Ash'ār min al-wādī li-Mastūr Ḥamadī*. Say'ūn
- Lahmadi al-Qu'ayti n.d. – Laḥmadī al-Qu'ayfī. *Awwal qaṣīda ḥadramīya siyāsīya bi-l-lughā al-ḥadramīya tabkī min al-tadakhkhul al-brīfānī fī Ḥadramawt*. [Ксерокопия рукописи, с. 1-25. Б.м., б.г.]
- Rodionov 1994 – Rodionov M. “The Ibex Hunt Ceremony in Hadramawt Today” // *New Arabian Studies* 2. Exeter, p. 123-129
- Rodionov 1996 – Rodionov M. “Poetry and Power in Hadramawt” // *New Arabian Studies* 3. Exeter, p. 118-133
- Rodionov 1997 – Rodionov M. “Poetry from 'Alwa/Hadramawt: Self-identification and dialogue” // *Mare Erythraeum* 1. München, S. 115-122
- Rodionov 2005 – Rodionov M. “«Satanic matters»: social conflict in Madudah (Hadramawt), 1357/1938” // *PSAS* 35, p. 215-221
- Rodionov 2007 – Rodionov M. *The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991*. Halle (Saale)
- Rodionov-Schoenig 2011 – Rodionov M., Schoenig H. *The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans*. Beirut
- al-Sabban 1978 – al-Ṣabbān, 'Abd al-Qādir. *Dirāsāt fī al-shi'r al-sha'bī*. Say'ūn
- al-Sabban 1991 – al-Ṣabbān, 'Abd al-Qādir. *Dirāsāt fī al-shi'r al-sha'bī*. Say'ūn
- al-Saqqaf 1934-35 – al-Saqqāf, Abdallah b. Muḥammad. *Ta'rīkh al-shi'arā' al-ḥadramīyīn*. Т. 1-5. Al-Qāhira
- Serjeant 1951 – Serjeant R. *Prose and Poetry from Ḥadramawt*. London <араб. пер.: Muḥammad Daḥī. *Nathr wa-shi'r min Ḥadramawt*. Al-Mukallā, 1980 (Min manshūrāt fir'a al-markaz al-yamanī muḥāfaẓa Ḥadramawt, 6)>
- Serjeant 1976 – Serjeant R. *South Arabian Hunt*. London

Николай Игоревич СЕРИКОВ
(Москва/Лондон)

ПОЧЕМУ ИБН АН-НАДИМ ВЗЯЛСЯ ЗА СОСТАВЛЕНИЕ *КИТАБ АЛ-ФИХРИСТ*?

Арабское название библиографического сочинения – *Китаб ал-фихрист* – принято переводить на русский язык как “опись”, “индекс”, “каталог” (Шуйский 1978) или “реестр” (Шамурин 1955: 56). Этот труд составил и написал образованный мусульманский торговец книгами, по-арабски, *варрак*¹, живший в Багдаде, в X в. Р.Х. Его звали Абу ал-Фарадж Мухаммад ибн аби Йа’куб Исхак, но известен он был как Ибн ан-Надим².

Китаб ал-фихрист содержит важный, порой уникальный, материал по различным отраслям знания: философии, богословию, языкознанию, истории, алхимии, праву, а также включает в себя выдержки из поэтических сочинений арабов, их предания и легенды. Поэтому за ним заслуженно закрепилась репутация одного из важнейших памятников по истории арабской, да и не только арабской, средневековой культуры. Введенный Густавом Флюгелем (ум. в 1870 г.) в научный оборот почти полтора столетия назад (Fihrist 1871-1872), *Китаб ал-фихрист* послужил основой для многих десятков исследований по истории, культуре, религии и литературе как средневековых арабов-мусульман, так и других народов, живших с ними или в одном государстве или сопредельных странах. Однако не только богатство сведений по различным аспектам культуры и истории средневековья заставляют видеть в *Китаб ал-фихрист* сочинение исключительной важности. Его бесспорное значение для развития арабоязычной и арабографической библиографии также переоценить невозможно.

Впервые в истории описания арабских книг был применен новый формат библиографическо-энциклопедической статьи, в которой, в частности, отводилось обязательное место автору сочинения, а заодно и “физическому описанию” содержащей это сочинение рукописной книги. Этот формат оказался настолько удачным, что буквально

выдержал испытание веками: пишущие на арабском языке использовали его без изменений вплоть до недавнего прошлого³.

Самому *Китаб ал-фихрист*, его композиции и источникам ученые новейшего времени посвятили немало страниц⁴. Библиография вопроса, тем не менее, выглядит несколько однобоко: кажется, до сих пор никто обстоятельно не объяснил, почему именно в X в. Р.Х., а не раньше или позже, возникла необходимость в справочнике именно такого формата. Вопрос этот, бесспорно, основополагающий, поэтому попытки ответа на него уже имели место. Однако имеющиеся ответы или строятся на догадках (см. ниже), или крайне расплывчаты, как, например, тот, что дает автор обстоятельного труда на русском языке о *Китаб ал-фихрист* Валерий Вячеславович Полосин⁵. Поэтому вопрос о том, что заставило Ибн ан-Надима приняться за работу, труднее которой, по словам Скалигера, были лишь “подвиги Геракла” (*lexicographis secundus post Herculem labor!*), не может считаться снятым.

Отсутствие обстоятельного ответа на вопрос о причинах составления и написания *Китаб ал-фихрист* обычно оправдывают тем, что доподлинно о жизни Ибн ан-Надима нам известно до обидного мало. Недостаток объективных данных (Полосин 1989: 66-68) неизбежно делает любой труд, посвященный биографии этой выдающейся личности, несвободным от конъюнктур и догадок. Присутствуют они, разумеется, и во введении к авторитетному комментированному английскому переводу *Китаб ал-фихрист*, выполненному в 70-х гг. прошлого века американским востоковедом Баярдом Доджем.

«Вполне вероятно (курсив мой – Н.С.), – пишет Додж о причинах составления *Китаб ал-фихрист*, – что, будучи еще совсем молодым человеком, Ибн ан-Надим приступил к составлению каталога авторов с присовокуплением названий того, что они сочинили, имея целью использовать этот каталог в книжной лавке своего отца» (Fihrist 1970: xvii)⁶. Умопостроение Доджа, хотя и вполне логичное, тем не менее, не может быть взято за аксиому. Так, только на совести американского ученого остается утверждение о том, что Ибн ан-Надим начал свой труд с составления списка авторов (sic!), а не их сочинений, что, если принять во внимание весь ход развития арабо-мусульманской библиографии до X в. Р.Х., представляется маловероятным. Далее, наверное не известно, был ли Ибн ан-Надим на самом деле молодым человеком к моменту, когда он задумал составить *Китаб ал-фихрист*, или уже зрелым и сложившимся книготорговцем с солидным опытом библиографа. Последнее, на мой взгляд, более отвечает логике: ведь новый формат, примененный для написания справочника, скорее – плод долгих раздумий и попыток. Ниоткуда не следует и то, что

³ См., например, Zirkili Nayg ad-Din 1927-1928. Вал.В. Полосин (Полосин 1989: 48) по непонятным мне причинам придерживается прямо противоположного мнения: «‘Фихрист’ Ибн ан-Надима показывает нам либо большой скачок в развитии библиографической литературы у арабов, либо даже рождение нового жанра – библиографии, не получившего, впрочем, в этом виде дальнейшего развития». Приведенному утверждению противоречит уже наличие всем известных библиографических сочинений Ибн Аби Усайби‘и и Ибн ал-Кифти.

⁴ См. библиографию вопроса до 1989 г. в Полосин 1989, а новейшую – в <http://www.iranicaonline.org/articles/fehrest>. Последнее комментированное издание *Китаб ал-фихрист* (Fihrist 1991) мне, к сожалению, осталось недоступным.

⁵ «Объективные предпосылки, делавшие возможным создание подобной книги, понятны. Они лежат в высоком развитии тогдашней науки и культуры (здесь автор отсылает читателя к работе Халидов 1985 – Н.С.) Субъективный фактор, который подвинул Ибн ан-Надима на воплощение этой возможности в жизнь, еще требует объяснения» (Полосин 1989: 48).

⁶ Эта точка зрения бытовала и в России, см.: Шамурин 1955: 56.

¹ О них см. Полосин 1989: 76-83.

² Как звучало его полное имя, в точности не известно (о вариантах см. Полосин 1989: 69-76). Вал.В. Полосин реконструирует его так: Мухаммад ибн Исхак ибн Мухаммад ибн Исхак ан-Надим ал-ма‘руф би-ибн Йа‘куб ал-варрак (ум. 20 ша‘бана 380 г.х./12 ноября 990 г. Р.Х. (Полосин 1989: 67, примеч. 103 и ссылки на доп. лит.).

в составлении *Китаб ал-фихрист* был заинтересован в первую очередь отец Ибн ан-Надима, также *варрак*, а не сам Ибн ан-Надим.

Число догадок неограниченно; очевидным же остается только одно: ничего равного или подобного *Китаб ал-фихрист* до X в. в арабской культуре не существовало. Списки книг, каталоги к X в. Р.Х. были уже известны (Eche 1967: 104-105; Полосин 1969: 49), а вот жанр библиографического справочника, как уже писал Вал.В. Полосин (Полосин 1969: 48), в оборот ввел именно Ибн ан-Надим. Поэтому, подчеркнув в слове “библиография” первую часть, “био-”, в только что процитированной гипотезе Доджа, где упомянут “каталог авторов”, перенесем акцент на второе слово – “авторы”.

Арабские средневековые библиотеки: классификация сочинений, система поиска и расположения книг

Каким образом в X в. Р.Х. читатели, авторы и библиотекари на арабском Востоке искали и находили нужное сочинение и нужную книгу в море уже написанного? В том, что к этому времени, образно выражаясь, действительно было написано “море” сочинений, сомневаться не приходится. Вот данные, взятые непосредственно из самого *Китаб ал-фихрист*. Количество названий книг – свыше пяти тысяч⁷ – упомянутых там, поражает воображение, и это при том, что в наличии только данные дефектных рукописей этого сочинения: как известно, полной рукописи *Китаб ал-фихрист* до нашего времени не дошло ни одной⁸.

Ориентироваться без какой-либо классификации и механизма поиска в этом море названий было определено затруднительно, как для средневековых читателей, так и для профессионалов-книготорговцев, *варраков*. Последние, в силу особенностей своей профессии, вынуждены были выполнять функции нынешних библиографов и библиотекарей. Одной из задач, которые решали люди этой профессии во все времена (и арабы здесь не исключение), было точное описание сочинений и организация книг в библиотеке, причем таким образом, чтобы при необходимости можно было легко найти требующуюся. Отличалась ли чем-нибудь бытовавшая в Средние века на арабском Востоке система поиска нужного сочинения от той, которой мы пользуемся сегодня? Ответ оказывается парадоксальным. Приходится признать, что, с поправкой на время, особенных различий в этих системах практически не было. Более того, во многом арабские системы – как библиотечной классификации, так и организации фондов – предвосхитили европейские.

В русских и европейских библиотеках нынешнего и прошлого веков, как в докомпьютерную эпоху, так и сейчас, задача нахождения нужной книги решается просто. Каждой книге определено место в библиотечно-библиографической классификации (ББК) (Сукиасян 1999), т.е. присвоен классификационный номер⁹. В отдельных библиотеках это место может быть также закреплено местным библиотечным шифром¹⁰. Классификационный номер является “адресом” книги в “виртуальном” каталоге, тогда как шифр – ее “адресом” в конкретном книгохранилище. В некоторых случаях понятия “классификационный номер” и “шифр” могут совпадать.

⁷ Данные взяты из тегеранского издания *Китаб ал-фихрист* (Fihrist 1971).

⁸ О филиации рукописей см.: Полосин 1989: 11-24.

⁹ В англо-американском библиотековедении это называется *class-mark*, в немецком – *Klassifikationsvermerk*, *Signatur*.

¹⁰ В англо-американском библиотековедении это называется *shelf-mark* или *press-mark*, в немецком *Standortssignatur*.

В основе современной классификации сочинений и расстановки книг на полках лежит т.н. “десятичная классификация Дьюи”, по-русски – ДКД (Dewey Decimal Classification, DDC). Ее автор – американец Мелвил Дьюи (1851-1931), библиотекарь Амхерстского колледжа (Amherst College, штат Массачусетс, США). Стремясь к лучшей организации фондов своей библиотеки, он проинспектировал библиотеки нескольких десятков других американских колледжей, однако результатами инспекции остался недоволен. В основном его неудовлетворенность вызывали системы, которые применяли в этих библиотеках для классификации фондов. Стремление кардинально улучшить положение дел привело Дьюи к выводу о необходимости ввести принципиально иную систему классификации. Материал, согласно этой системе, должен был распределяться в соответствии с научными дисциплинами, а сама система была бы простой и универсально применимой. Следуя своей идее, Дьюи подразделил все области знания на основные десять классов и заложил логический принцип, согласно которому каждый класс мог и далее подразделяться на подклассы и подотделы¹¹. Таким образом, все подотделы одного класса образовывали часть библиотеки с возможностью неограниченного дальнейшего деления. В качестве символов для описания класса, подкласса и т.д. Дьюи предложил использовать арабские цифры, так как буквенные последовательности воспринимаются пользователем труднее, нежели цифровые.

Классификация Дьюи, ДКД, созданная в 1873 г., оказалась для своего времени пионерской¹². Она обеспечивала любой книге в библиотеках США, а позднее и Западной Европы, четкое место в “виртуальном”, говоря в сегодняшних терминах, каталоге, независимо от того, где и в какой библиотеке эта книга физически находилась. Иными словами, ДКД решала один из основополагающих вопросов библиотечного дела, т.е. упорядочивала классификацию сочинений и расстановку книг. В арабском библиотечном деле сходный принцип размещения книг в “виртуальном” каталоге при помощи определенного шифра имел место уже к X в. Р.Х., т.е. почти на тысячу лет раньше Дьюи и задолго до появления нынешних компьютерных каталогов.

Подобно тому, как это начнут делать в Европе и Америке около тысячи лет спустя, арабские библиотекари в X в. Р.Х. также определяли положения классов и подклассов в “виртуальном” каталоге по классификационным знакам. Эти знаки были сопоставимым с классификационными номерами Дьюи¹³. Разница заключалась в том, что если классификационный номер (шифр) Дьюи состоял из цифр, то арабы прибегали к специальным словам-терминам. Термины эти возникали спонтанно в результате частого употребления одних и тех же слов или их синонимов (см. ниже). В отличие от системы Дьюи, они сложились не под влиянием какой-либо классификационной системы и не зависели от нее, но, напротив, позволяли встраивать сочинение в уже имеющуюся классификацию или даже строить на их основании новую.

¹¹ Эти классы суть: 000 Общий класс, 100 Философия и психология, 200 Религия, 300 Общественные науки, 400 Язык, 500 Естественные науки и математика, 600 Техника (прикладные науки), 700 Искусство изобразительное и декоративное искусство, 800 Литература и риторика, 900 География и история.

¹² На ее основе были построены другие системы, в частности, UDC – Universal Decimal Classification, по-русски – УДК.

¹³ Д. Стюарт, насколько мне известно, был первым, кто сопоставил Ибн ан-Надима и Дьюи (см.: Stewart 2007: 369-387).

К Х в. Р. Х. в арабской мусульманской культуре недостатка в классификациях различных областей знания не наблюдалось (Шамурин 1955: 56-60)¹⁴. Их авторами были современник Ибн ан-Надима Абу Наср ал-Фараби (ум. в 950 г. Р.Х.), т.н. “чистые братья” и Абу ‘Абд Аллах ал-Хваризми¹⁵ (жил ок. 975 г. Р.Х.), автор *Мафатих ал-‘улум*, по-русски – «Ключей к наукам» (Полосин 1969: 45-47)¹⁶. В сочинении под названием *Ихса ‘ал-‘улум*, что на русский язык можно перевести как «Описание наукам», ал-Фараби впервые в мусульманской культуре ввел классификационные группировки или классы, т.е. деления, образующие иерархические уровни¹⁷.

Сходные, но не идентичные классы прослеживаются и в других классификационных системах, из названных выше. Специально обратим внимание на то, что классификация наук, предложенная этими учеными, неизбежно была связана с классификацией соответствующих сочинений. Об этом уже писали Юсуф Эш и Вал.В. Полосин, отметив, что «общий дух классификации наук тот же, что и в классификации библиографической» (Eche 1967: 325-330, 328; Полосин 1989: 48).

Класс или подкласс в арабских классификационных системах обозначали стоящие в заглавии арабского сочинения определенные слова или их синонимы. Они играли ту же роль, что впоследствии и номер Дьюи. Говоря сегодняшним языком, название сочинения было “шифром”, определявшим его место в “виртуальном” каталоге. В силу того, что арабский универсальный библиотечный шифр был напрямую связан с архитектурной названию арабского сочинения, остановимся подробно на этом вопросе.

Названия арабских сочинений, с точки зрения их архитектуры, были одно- и двусоставными. К первым относится, например, *Китаб ал-харадж*, по-русски, «Налог»¹⁸, принадлежавшее законоведу ал-Куфи¹⁹, или *Китаб Абдал ал-адвийа* (Ullmann 1970: 293), по-русски – «Заместители лекарств», как озаглавлено творение выдающегося врача ар-Рази²⁰. Ко вторым – *Гайат ал-иткан фи* (выделено мною – Н.С.) *тадбир бадан ал-инсан*, титул сочинения арабского христианского врача Ибн Саллума²¹. Оставим пока это, последнее, название без перевода, специально отметив только то, что предлог *фи* четко делит его на две части.

Как видно из первых двух приведенных примеров, название арабского сочинения всегда должно было передавать его содержание²². Однако, вопреки ожиданию, нередки случаи, когда название произведения и его содержание, казалось бы, не были связаны напрямую. В этих случаях название, как правило, выглядело вычурно и трудно поддавалось пониманию, а значит, и переводу. Эту запутанность нередко относили на счет “цветистого восточного

стиля”, а сами названия определяли как «изыщные и поэтичные» или «пышные и трескуче многословные» (Халидов 1985: 149).

Перевод такого «трескуче многословного» (и вдобавок, как правило, рифмованного) названия арабского сочинения действительно ставил в тупик не одного ориенталиста. Примеров тому множество, приведем здесь лишь два. Один – всем известные «Золотые луга и россыпи самоцветов», по-арабски – *Мурудж аз-захаб ва-ма`адин ал-джаухар*²³, как традиционно переводят арабское название сочинения историка, путешественника и географа ал-Мас‘уди²⁴. Буквально понятое, содержащееся в названии словосочетание «золотые луга» и «россыпи самоцветов» подталкивают неискушенного читателя к мысли о том, что в книге пойдет речь о ювелирном деле или добыче драгоценных камней, а не о занимательных и поучительных случаях из жизни аббасидских *халифов*, как это есть на самом деле. Другой пример – название труда придворного литератора хорезмшахов Рашид ад-Дина Ватвата (ум. в 1183 г. Р.Х.) «Сады волшебства в тонкостях поэзии», по-арабски – *Хада`ик ас-сихр фи дакаику ши-ши`р* (Ватват 1985). Слова «сады» и «волшебство» предполагают, скорее, трактат о садоводстве, а вовсе не о тропях персидской поэзии. Излишне говорить, что словосочетание «сады в тонкостях поэзии» звучит абсурдно.

До недавнего времени эта странность арабских названий сочинений не привлекала внимания специалистов. Они как бы не замечали ее, более или менее неуклюже переводя названия на свои национальные языки. Так появился, например, уже повсеместно принятый в России перевод сочинения Абу ‘Али ибн Сины (Авиценны) (ум. в 1037 г. Р.Х.), названного по-арабски *Ал-канун фи-т-тибб*, как «Канон врачебной науки» (ибн-Сина 1980-1982) или совсем труднообразимое «Наилучшее разделение в познании климатов», по-арабски – *Ахсан ат-такасим фи ма`рифат ал-акалим* (ал-Мукаддаси 1994: 247-289), литератора и путешественника ал-Мукаддаси²⁵.

Сложность названий арабских сочинений до недавнего времени относили на счет прихоти самих авторов. Во всяком случае, еще в 1985 г. Анас Бакиевич Халидов писал так: «Во всем практическом разнообразии книжных названий трудно усмотреть какие-то закономерности, многое здесь зависело от господствующих идей и ценностей, от преходящей моды, от установившихся традиций, от воображения и вкуса автора» (Халидов 1985: 149). Однако уже в 1989 г. испанский арабист Альфонсо Кармона Гонсалес усмотрел в композиции названий важную закономерность (Carmona Gonzalez 1989: 181-187). Он высказал счастливую догадку о том, что предлог *фи*²⁶, который делит пополам двусоставные, главным образом рифмованные, «цветистые» названия арабских сочинений, не должен переводиться буквально. Будучи поставленными в середину двусоставного названия, этот предлог, по его мнению, отделял и выделял тематику самого сочинения. Иными словами, то, о чем пойдет речь в том или ином сочинении, говорилось во второй части названия, после предлога *фи*. Слова-понятия, которые включала вторая часть названия, могли быть объединены по признакам, группам, видам и подвидам, что, в свою очередь, могло быть основанием для последующего построения типов и классов. К примеру, вот название сочинения богослова Мухаммада ал-Адфауи²⁷ звучит

²³ См., например: Миккульский 2006.

²⁴ Абу ал-Хасан ‘Али ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ал-Мас‘уди, ум. в 956 г. Р.Х.

²⁵ Мухаммад ибн Ахмад Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси, ум. в 991 г. Р.Х.

²⁶ А также союз *ва* – «и».

²⁷ Мухаммад ибн ‘Али ибн Ахмад ибн Аби Бакр ал-Адфауи ал-Масри ал-Мукри ан-Нахви, ум. в 998 г. Р.Х. (Brockelmann 1937-1943: I, 193).

¹⁴ Впрочем, до настоящего времени не утратило ценности замечание И.Ю. Крачковского, высказанное в 30-х гг. прошлого столетия применительно к проблемам средневекового ближневосточного библиотековедения: «Необозримая масса арабских энциклопедий даже в ничтожной мере не может считаться подготовленной для систематического исследования» (цит. по: Крачковский 1932: 15-22).

¹⁵ Его полное имя звучит как Абу ‘Абд Аллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Йусуф ал-Катиб ал-Хваризми ал-Балхи.

¹⁶ О современных им классификациях наук в Западной Европе см., в частности: Шамурин 1955.

¹⁷ Об иерархических уровнях см. Сукиасян 1996.

¹⁸ Сразу же отметим, что слово *китаб* – «написанное», здесь было определением “жанра”, поэтому переводить его не следует.

¹⁹ Абу Йусуф Йа`куб ибн Ибрахим ал-Ансари ал-Куфи, ум. в 798 г. Р.Х. в Багдаде.

²⁰ Мухаммад ибн Закарийа ар-Рази, ум. в 925 г. Р.Х.

²¹ Салих ибн Наср Аллах Ибн Саллум, ум. в XVII в. (см. Serikoff 2005: шифр WMS 452).

²² «Название – важнейший индивидуальный элемент сочинения, которое по нему и опознают» (Халидов 1985: 147).

как *Истифта' фи 'улум ад-дин*. Слова *'улум ад-дин*, т.е. «науки о вере», следующие за предлогом *фи*, указывают на тип, к которому можно отнести сочинение – “коранические науки”. Этот тип, в свою очередь, мог быть использован для построения класса, например, “Коран” или “вера”. Здесь стоит сразу оговориться, что честь изобретения этого, без преувеличения гениального, принципа принадлежит вовсе не арабам, а жившему почти за девять столетий до возникновения ислама главному библиотекарю Александрийской библиотеки Каллимаху Киренскому (ум. в 240 г. до Р.Х.) (Jacob 2002). Для лучшей ориентации в разросшихся библиотечных фондах он первый ввел двусоставные названия, которые потом закрепились как в Европе, так и на мусульманском Востоке (Blum 1977; Serikoff 2012: 164, Anm. 8).

Согласно выводам Кармоны Гонсалеса, при переводе двусоставных названий предлог *фи* должен быть передан описательно. Если говорить о переводе на русский язык, то здесь могут быть использованы слова “секция”, “раздел”, “тип” и т.п. или даже двойная косая черта //, которая в типографском деле, как известно, является одним из условных разделительных знаков. Будучи прочтенными в соответствии с объяснением Кармоны Гонсалеса, видевишиеся до того бессмысленными названия арабских сочинений приобретают четкую структуру и ясный смысл. Так, *Ал-канун фи-т-тибб* Авиценны должен переводиться в этом случае как «Канон²⁸. [Раздел / тип //] Общая медицина» [условный²⁹ класс: медицина]. Уже упоминавшееся выше *Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим* ал-Мукаддаси получает смысл, если его переводить как «Наилучшая из классификаций³⁰. [Раздел / тип //] Познание климатов» [условный класс: география]. Оставленное в самом начале без перевода *Гайат ал-иткан фи тадбир бадан ал-инсан* Ибн Саллума будет переводиться как «Верх искусства. [Раздел / тип //] Операции с человеческим телом» [условный класс: медицина].

Здесь важно еще раз подчеркнуть важность открытия Кармоны Гонсалеса. Сами средневековые источники свидетельствуют о том, что даже среди говоривших по-арабски правильно могли прочитать название сочинения лишь люди образованные. Полуграмотная публика переводила предлог *фи*, встречающийся в двусоставных названиях арабских сочинений, буквально как «в», ничем не отличаясь в этом от востоковедов последующих эпох. Вот рассказ про книжную распродажу, имевшую место быть в Багдаде где-то в XI в. Р.Х.

Некто, посетивший ее, взглянув в книгу, воскликнул: «Пусть Всевышний проклянет написавшего такое!». Когда его спросили о причине гнева, тот указал на вполне невинное заглавие. Потребовалось, чтобы призывающий кару Господню на голову автора прочел написанное вслух. Фраза *الروايات ثابتة في النكت* он произнес как *никту (!) Сабит фи з-завайа*, т.е. «Имел я секс с Сабитом по [всем] углам»³¹.

²⁸ Здесь слово «канон» указывает на тип отобранного и представленного читателю материала (см. ниже). Оно не оригинально: в названиях арабских сочинений слово *канун* («канон») встречается, по меньшей мере, 20 раз (Brockelmann 1937-1943: SB3, 1032); ср. *Канун ал-адаб* (Brockelmann 1937-1943: SB 1, 893), *Канун ал-'Адуди фи-т-тибб* (Brockelmann 1937-1943: SB1, 423) и т.д.

²⁹ Арабские авторы могли относить это сочинение к иным классам.

³⁰ Именно так. Ал-Мукаддаси описывает населенные пункты в зависимости от принятой им классификации. Согласно ей, на описание «городов» (*балда*) положено уделять несколько строк, а крупных областных центров (*касаба*) – многие страницы.

³¹ В оригинале фраза звучит еще более откровенно: *Meschitis parvulis Thabitum supponavi* (sic!). Здесь интересна игра слов: аз-завайа означает не только «геометрические углы», но и завии, т.е. «молельни» – отдельные комнаты в мечетях и медресе, где, в частности, жили студенты и происходило их обучение.

Незадачливый читатель сделал сразу две ошибки. Во-первых, он превратно понял название и огласовал первое, ключевое слово неправильно³². Правильная огласовка была *нукат*³³ т.е. *нукат (!) Сабит[ин] фи з-завайа*. Во-вторых, он не увидел здесь двусоставного названия. Для правильной интерпретации последнего необходимо было воспринимать *фи* не как предлог, но как разделительный знак. В этом случае название книги Сабита ибн Курры³⁴ звучало и впрямь невинно: «Остроумные замечания Сабита. [Раздел / тип //] Углы» (al-Hasan 1968: VI. 33a.9-17; ср. перевод al-Hasan 1968a: 120), т.е. речь в ней шла о вопросах геометрии, а не экстравагантных способах соития.

Курьезным образом предлог *фи*, как объяснил его Кармона Гонсалес применительно к названиям арабских сочинений, также иллюстрирует способ физического размещения книг в средневековых библиотеках на мусульманском Востоке. Их располагали буквально *в*³⁵ (курсив мой – Н.С.) шкафах, комнатах, стеллажах (Полосин 1989: 49) и т.п. Вот выдержка из автобиографии Авиценны, где он описал свой, имевший место в конце X в. Р.Х. визит в личную библиотеку саманидского султана Нуха ибн Мансура (правил между 976 и 997 гг. Р.Х.): «Меня ввели в дом с многочисленными отдельными комнатами. В каждой стояли стеллажи с книгами, поставленные один на другой. В одной были собраны книги по арабскому языку и поэзии, в другой по праву и так далее; каждая комната содержала книги по отдельной области знания» (Gohlman 1974: 36)³⁶.

Помещенные в одну комнату книги по одной из отраслей знания составляли реальный, а не “виртуальный” “тип” и/или “класс”, который вполне мог соотноситься с классификацией вроде той, что была предложена ал-Фараби или другими учеными³⁷. Внутри же этого “класса” или “типа”, т.е. шкафа или комнаты, книги располагались обычно по шифру, принятому в каждой конкретной библиотеке. Это могло быть обозначение шкафа и полки³⁸ или алфавитный порядок названий (ср. Hirschler 2012: 153-154, pl. 1). Последний принцип держался по крайней мере около десяти веков. Известно, в частности, что он лежал в основе каталога библиотеки ал-Хакама, правителя мусульманской Испании (ум. в 976 г. Р.Х.). Этот каталог состоял из 44 тетрадей по 20 листов каждая, в которые были занесены только заглавия книг (Полосин 1989: 49 и ссылка на источники). Встречаем мы его и в начале прошлого века в организации фондов османских библиотек, как это видно на примере их печатных каталогов (Дефтер 1311).

³² Т.е. как *никту*, т.е. *futui*. В этом случае по правилам арабской грамматики и.с. *Сабит* должно было бы стоять в насбе, т.е. Сабит[ан].

³³ Мн. ч. от *نكتة* – «остроумное замечание».

³⁴ Имеется в виду великий математик Сабит ибн Курра, ум. в 901 г. Р.Х.

³⁵ Т.е. *في*.

³⁶ В оригинале текст звучит так:

بيت علم مفرد فأذن لي وأدخلت إلى دار ذات بيوت كثيرة في كل بيت صناديق كتب متصدة بعضها على بعض ففى بيت منها كتب العربية والشعر وفي آخر الفقه وكذلك في كل

На английский язык этот пассаж переведен следующим образом: «I was admitted to a building which had many rooms; in each room there were chests of books piled one on the top of the other. In one of the rooms were books on the Arabic language and poetry, in another, on jurisprudence, and likewise in each room there [were books on] a single science».

³⁷ О составе class-marks в арабских библиотеках в Средние века см. Hirschler 2012: 154.

³⁸ Этому принципу следовали и европейцы, помещая арабскую книгу в свое собрание, например, французский дипломат и собиратель рукописей XIX в. Ж.-Б.-Л.-Ж. Руссо (см.: Арабская Псалтырь 2005).

Спустя год после выхода в свет статьи Кармоны Гонсалеса, австрийский востоковед Арне Амброс, восприняв идею испанского ученого о роли предлога *фи* в двусоставных арабских названиях сочинений как свою собственную, обратился к анализу первых частей «цветистых» рифмованных названий (Ambros 1990: 13-58). Однако выводы австрийца в данном случае оказались спорными, так как в словах «сады», «капли», «верх искусства» и т.п., которыми избилуют эти части названий – вспомним здесь еще раз «сады волшебства» Рашид ад-Дина Ватвата, – он увидел лишь замечательное явление арабской изящной словесности.

Конечно, нельзя полностью отвергать влияние арабской стилистики на композицию и лексику рифмованных названий арабских сочинений. В то же время если следовать логике Амброса, то налицо явное противоречие в функциях частей двусоставного названия. Если вторая часть этого названия, следовавшая после предлога *фи*, содержала элемент типологии, который могли использовать для дальнейшего построения классов, то первая, получается, не имела с библиотечным делом ничего общего и была лишь фигурой речи, призванной услаждать слух и взор читателя.

Это противоречие, которое, как кажется, никто более не отметил³⁹, послужило основанием того, что точка зрения Амброса была подвергнута пересмотру автором этих строк. Анализ составленной мною базы данных названий арабских средневековых сочинений привел к иным выводам⁴⁰. Соглашаясь с Кармоной Гонсалесом и Амбросом о роли вторых частей в двусоставных названиях, в «цветистых» и «трескуче многословных» первых частях названий арабских сочинений я склонен видеть не упражнение в красноречии, а арабскую профессиональную библиотечную терминологию. Эта терминология представляла собой метаязык, который был сродни метаязыку представителей других профессий на арабском Востоке.

Становление профессиональной арабской библиотечной терминологии

Метаязык библиотекарей может быть, например, сопоставлен с метаязыком арабских алхимиков, который и в самом деле был достаточно запутан. Так, для серебра в нем использовали словосочетание «надежный», а для железа – «грязный» и т.д.⁴¹ Различие между профессиональным языком библиотекарей и алхимиков заключалось в том, что при всей запутанности метаязык алхимиков был более отрегулирован. Причины тому очевидны: алхимики, конечно, были вынуждены держать свои знания в тайне, так как их целью, в частности, было получение золота. Однако химический процесс требовал четкого описания, и само описание должно было быть понятным собратями по профессии.

В отличие от алхимиков, мусульманские авторы, библиотекари и библиографы своей целью скрывать знания от непосвященных, очевидно, не ставили. Поэтому профессиональная терминология, которой они пользовались, складывалась из обычных слов, более

спонтанно, чем и создавалась иллюзия ясности, хотя на самом деле яснее название не становилось. Что касается частого использования определенных слов для составления заглавий, то оно привело к тому, что со временем эти слова обратились в специальные термины. Поэтому встречающиеся в названиях арабских сочинений слова, вроде «сады», «капли», «жемчужины» и т.п., не были простыми стилистическими украшениями, как полагал Амброс, но очень скоро стали указывать на различные типы антологий и присущие им специфические отбор и организацию материала⁴². Так, стоящее в заглавии слово *тухфа* (досл. «редкость», а не «подарок», как это слово обычно переводят на русский язык) было указанием на то, что автор (для кого-то) отбирал сведения по своему разумению, не основываясь на мнении авторитетов. Равным образом *зубда* (досл. «сливки») означало *crème de la crème*, *бустан* (досл. «сад») – антологию полезного и отчасти развлекательного содержания⁴³, *'аджа'иб* (досл. «диковинки», а не «чудеса», как нередко переводят это слово на русский язык) – разнообразную информацию, плохо поддающуюся классификации и т.п. Упомянутые в заглавиях названия драгоценных металлов и камней в переносном значении также нередко означали тщательно отобранные и ценные с точки зрения автора сведения. Иными словами, функции «цветистых» слов и выражений в первых частях названий арабских сочинений указывали на их “жанр” и мало чем отличались от общепринятых *зайл*, *мухмасар*, *тафсир* и т.п.⁴⁴

Здесь нельзя не заметить, что знакомство с профессиональным метаязыком арабских библиотекарей может оказаться полезным при истолковании ранее казавшихся запутанными названий арабских сочинений. Среди них название уже упоминавшегося труда ал-Мас'уди *Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джаухар*. Вторая часть названия, *ма'адин ал-джаухар*, т.е. «копи, в которых был добыт драгоценный камень», указывают на тип информации – избранное, так как «драгоценный камень», по-арабски, *джаухар*, на метаязыке библиотекарей означал «тщательно отобранную информацию»⁴⁵. Значение второй части названия уточняется первой. Ее следует переводить как «промывальни (sic!)⁴⁶ золота». Слово «промывальни» указывает на тип отобранной информации – буквально «промытые», т.е. выверенные сообщения, а «золото» – о наиболее ценной информации, в нашем случае – об аббасидских *халифах*. Примерный смысл этого названия (а, скорее, шифра/классификационного номера “виртуального” каталога) будет таков: тщатель-

⁴² Как известно, средневековая литература не была “художественной” в привычном нам смысле этого слова, т.е. не знала вымысла в той мере, в какой он был присущ литературе Нового Времени (см. сборник статей: Kennedy 2005) Для арабского читателя написанное было всегда реальным, включая информацию из разделов *'аджа'иб*.

⁴³ Ср. общие названия византийских сочинений μέλισσα, арабохристианских كتاب النحلة, и древнерусских «пчела» (Семенов 1893; Astruc 1981: 15-30).

⁴⁴ См. некомментируемый список этих терминов: Халидов 1985: 144, 148, примеч. 6. Относительно синонимии первых частей названий делать выводы пока преждевременно, так как семантический ареал одних и тех же терминов мог не совпадать в зависимости от их употребления в разное время, а также арабами и неарабами, писавшими по-арабски.

⁴⁵ Ср. Brockelmann 1937-1943: SB3, 878 и список названий; для иллюстрации см. *Джавахири ал-кала'ид фи фадл ал-масаджид* (Brockelmann 1937-1943: 2, 392).

⁴⁶ Именно так, а не как принято сейчас, «луга». Перевод «промывальни» зафиксирован в отечественной традиции (см.: Древние и средневековые источники 1960: 205), но был затем отвергнут, не в последнюю очередь из-за следования французскому переводу (Maçoudi 1861). О его функции см. Carmona Gonzalez 1989: 187.

³⁹ Ср. здесь выдержку из статьи немецкого арабиста прошлого столетия, Эвальда Вагнера, который почти дословно повторяет текст статьи Амброса: «Ein traditionelles arabisches Buch hat im Gegensatz zu einem modernen arabischen Buch einen zwei- (oder drei-) teiligen gereimten Titel, wobei der erste Teil ein von Inhalt zumeist völlig unabhängiger Schmucktitel ist und der zweite Teil hinter einem *fi* “über” auf den Inhalt anhebt» (Wagner 2000: 434).

⁴⁰ Частично она опубликована: *Wellcome Arabic Manuscripts On-Line* (<http://wamcp.bibalex.org/>).

⁴¹ Соответственно *عبد وبيع* и *عبد صلح* (Siggel 1951: 45). В немецкой традиции такие слова-шифры называются Decknamen (о них см.: Ullmann 1972: 266-270).

но отобранная и выверенная информация (добавим, о царях). Примечательно, что два компонента соединены союзом *wa*⁴⁷, а указание на тип/класс, введенное предложением *fi*, в этом названии отсутствует⁴⁸.

Архитектоника названий арабских сочинений, повторим, подчинялась определенным правилам. Эти правила способствовали тому, что названия сочинений стали играть у арабских библиотекарей ту же роль, что отводится в наше время библиотечному шифру (*Klassifikationsvermerk*) в европейском библиотечном деле. Они в общих чертах определяли содержание, а вместе с тем и тип/класс сочинения, на что указывало или односоставное название целиком, или вторая часть двухсоставного названия. Напротив, специфика отбора и изложения собранного в них материала, “жанр”, определялась в первой части названия. Осмысленный перевод таких «цветистых» названий по понятным причинам не всегда возможен, как невозможен перевод на человеческий язык библиотечного шифра или классификационного номера вообще. В отличие от этого, комментарий такого названия арабского сочинения, выполненный на основании переносных значений слов профессионального метаязыка, действительно помогает понять, о чем могла идти речь в сочинении и к какой области знания его относил автор.

Названия сочинений представляли собою именно универсальный инструмент для расположения и последующего нахождения нужной книги в море написанного. Это утверждение подтверждается как композицией введения (по-арабски, *мукаддимы*) к арабскому сочинению, так и тем его строго определенным местом, которое отводилось названию в этом введении. Как будет показано ниже, сама *мукаддима* играла роль ныне уже почти забытой библиотечной библиографической карточки. В ней, напомним, заключалась главная информация о сочинении, а равно и книге, в которой оно было напечатано.

Все части арабской *мукаддимы* функциональны. Она начинается с *басмалы*⁴⁹ – воззвания к Всевышнему. Помимо традиционной демонстрации благочестия автора, *басмала* указывала на его вероисповедание – ислам или христианство⁵⁰. Для некоторых читателей было далеко небезразлично, во что и в кого верил автор (Serikoff 2012: 169-170). За *басмалой* следовал *тахмид*⁵¹ – славословие Всевышнему. Библиографические функции *тахмида* включали элементы описания содержания сочинения, т.е. перечень того, что сотворил Всевышний и за что ему возглашалась слава (Serikoff 2013). Сюда могли относиться самые разные вещи, в частности, например, табак и табакокурение, которые на Востоке традиционно рассматривали как лекарственное средство⁵². Написание, а вернее, составление *тахмида*, таким образом, было сродни процессу предметизации (Призмент 1978), т.е. многоаспектной ана-

литико-синтетической обработке произведения по содержанию. Сам же *тахмид* играл роль предметного рубрикатора (*subject headings* в англо-американском библиотековедении или *Betreff* в немецком). Разумеется, синтаксис предметного рубрикатора был направлен исключительно на решение специфической задачи – перечисление рубрик. Не столько «изысканный слог» *мукаддимы*, как полагали раньше⁵³, сколько необходимость вместить в одно предложение множество разнохарактерной информации, и, добавим, сделать это по возможности “литературно”, создавала трудности для его понимания и перевода. За *басмалой* и *тахмидом* следовал перечень глав и, наконец, название, вводимое фразой *ва-саммайту-ху*. На этом основные составляющие “библиографической карточки” исчерпывались⁵⁴. *Ва-саммайту-ху* обычно некорректно переводят на русский язык буквально – «и я назвал ее [книгу]». В свете сказанного выше и учитывая, что по-арабски название книги, в частности, звучит как ‘*унван*, т.е. «адрес»⁵⁵, правильнее будет не переводить эту фразу вообще, но истолковывать ее как «и я отнес ее к следующей категории, а именно...», т.е. «я присвоил ей такой-то адрес/класс»⁵⁶. Таким образом, “библиографическая карточка” средневекового арабского сочинения завершалась авторским указанием на присвоенный этому сочинению “классификационный номер” или “шифр” во всеобщем “виртуальном” каталоге.

Если учитывать, что акт называния сочинения для арабского автора был сродни акту определения его места в классификационной системе, то не приходится удивляться тому, что под одним названием как в рамках одного типа или подкласса бывало иной раз не одно сочинение. Это явление было настолько естественно, что бесспорно смешная для русского зрителя сценка из гоголевского «Ревизора», где И.А. Хлестаков утверждает, что, наряду с «господина Загоскина сочинением», есть и другой «Юрий Милославский», написанный им самим⁵⁷, для арабского интеллектуала, как средневекового, так и современного нам, таковой могла вовсе и не быть⁵⁸.

До определенного времени использование одного названия для нескольких сочинений у пишущих и читающих по-арабски в средние века затруднений не вызывало. Объем написанного был пока еще обзорим, к тому же при ссылках именно содержание, т.е. то,

⁵³ «Авторские вступления пишутся изысканным слогом и порой трудны для истолкования» (Халидов 1985: 146, примеч. 3).

⁵⁴ Иногда, но не всегда, она могла содержать имя автора и т.п.

⁵⁵ Также встречается исм, т.е. «имя».

⁵⁶ Сказанное выше объясняет, в частности, еще одно распространенное явление, а именно, почему написанные арабским шрифтом книги на других языках, прежде всего, на персидском и турецком тем не менее часто снабжались арабскими названиями и предисловиями, написанными по-арабски. Эти названия и предисловия суть не только дань влиянию арабскому языку как главному языку исламской культуры. Они снабжали (если взглянуть на них с позиций организации библиотечного дела у мусульманских народов) сочинение “адресом” (по-нашему, шифром и/или классификационным номером в виртуальной библиотеке) и “библиографической карточкой”. Наличие этих двух компонентов автоматически помещало сочинение в контекст арабской и, вообще, исламской книжной культуры и делало его содержание если не всегда доступным для понимания, то хотя бы объяснимым на всем протяжении мусульманского мира.

⁵⁷ Анна Андреевна: *Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?* / Хлестаков: *Да, это мое сочинение.* / Анна Андреевна: *Я сейчас догадалась.* / Марья Антоновна: *Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.* / Анна Андреевна: *Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.* / Хлестаков: *Ах да, это правда: это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.*

⁵⁸ См. обстоятельное исследование о восприятии комедии Н.В. Гоголя арабами (Кадим 2011).

⁴⁷ О его функции см. Carmona Gonzalez 1989: 187.

⁴⁸ Не исключено, что такая конструкция указывает на то, что мы имеем дело с испорченным названием – ср. название сочинения Ибн ал-Кифти, процитированное Вал.В. Полосиным, *Китаб нузхат ал-хатир ва-нузхат ан-нзир фи ахсан ма нукила мин ‘ала зухур ал-кутуб* (Полосин 1989: 107, примеч. 76); в этом названии перед предложением *fi* стоят два уточняющих друг друга компонента, соединенные союзом *wa*.

⁴⁹ *Басмала* от слов *бисм-иллахи-р-рахман-и-р-рахими* – «во имя Бога милостивого, милосердного».

⁵⁰ Автор исповедывал ислам, если в *басмале* упомянут Единый Бог, или христианство, если упомянута Св. Троица, т.е. Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух.

⁵¹ От *ал-хамду л-иллахи* – «Слава Богу».

⁵² *في الصدور من لزوجة البلغم ومهضما عن المعدة الحمد لله الذي جعل استعمال دخان التبن نافعا بتجفيفه . ثقيل الطعام للتطويات الزائدة في الاجسام ومجلا لما تكاثف .*

о чем шла речь, а не авторство сочинений, имело больший вес. Таковы, во всяком случае, ссылки-топосы «я нашел в старой книге», прямо противоположные европейскому *ipse dixit* (Radtko 1992: 178). Однако процесс написания новых или обработки и комментирования старых сочинений у пишущих по-арабски не останавливался ни на день. Поэтому с течением времени количество сочинений, ходивших под одинаковыми названиями, все более увеличивалось. Наступил момент, когда эти названия, особенно сокращенные до первого слова, как, например, *Китаб ал-ахбар*⁵⁹, оказывалось невозможным сразу соотнести с конкретным сочинением. Став очевидной, эта проблема потребовала эффективного решения. Как будет показано ниже, Ибн ан-Надим блестяще справился с выпавшим на его долю вызовом, заложив основы более точного библиографического описания. Много позже, в XVII в., столкнувшись с такой же проблемой, османский библиограф ‘Абд ал-Латиф ибн Мухаммад Рийади-заде написал специальную работу о запутанных случаях атрибуции сочинений, ходивших под одним и тем же названием (Рийади-заде б.г.)⁶⁰. Отметим, что метод, положенный в основу его труда, от метода Ибн ан-Надима не отличался ничем.

Китаб ал-фихрифт – новый формат библиографического описания

Если усматривать в названиях сочинений, перечисленных в *Китаб ал-фихрифт*, не столько названия *par excellence*, сколько библиотечные шифры и/или классификационные номера, можно без труда представить себе, как выглядела арабская “виртуальная” библиотека, которая сложилась ко времени написания *Китаб ал-фихрифт*, и ее объем. Как уже говорилось, он был где-то между пятью и шестью тысячами названий. Находить в этом массиве нужное сочинение по традиции, опираясь на ключевые слова в названии, было пока возможно⁶¹. На это указывают как сами названия, так и их состав. В основном *Китаб ал-фихрифт* содержит односоставные названия. На долю двусоставных приходится 961 название, т.е. примерно 1/5 от всех названий, упомянутых Ибн ан-Надимом.

В наши дни читатель-неараб в “море” арабских названий X в. Р.Х., тем не менее, не будет чувствовать себя, образно говоря, как “рыба в воде”. Причина тому проста: безвозвратно утерян культурный контекст большинства из упомянутых сочинений. Поэтому для четкого уяснения значений многих из приведенных Ибн ан-Надимом названий, таких как, например, произведения мистиков⁶² или трактатов по поэзии⁶³, необходим обстоятельный комментарий, а нередко и специальное исследование. Напротив, современники-

книготорговцы (*варраки*) и особенно специалисты в конкретной области знания в непонятных в наши дни названиях, наверное, затруднений не испытывали. Во всяком случае, сам Ибн ан-Надим не снабдил эти названия никакими дополнительными пояснениями. Для его современников эти названия, очевидно, так же не требовали комментария, как в наши дни не требует его название романа Н.А. Островского (1904-1936) «Как закалялась сталь». Наверяд ли найдется выпускник средней школы, который станет утверждать, что речь в нем идет о термической обработке металлов.

Остановимся еще раз на числе в пять-шесть тысяч названий. Скорее всего, оно было предельным, позволявшим оперировать с названиями книг по старинке, т.е. когда можно было судить об их содержании по ключевым словам названий, а имена их авторов держать в уме. Состав названий, перечисленных в *Китаб ал-Фихрифт*, свидетельствует, однако, о двух новых тенденциях в их композиции. Развитие, а отнюдь не угасание этих тенденций к концу X в. Р.Х. говорит, что старый способ нахождения нужного сочинения переставал быть во всем удовлетворительным. Обе тенденции – повторяемость как самих названий, так и их компонентов⁶⁴, равно как и наличие уже значительного количества двусоставных названий, свидетельствуют о том, что как раз к X в. Р.Х. названия эти формализуются и их начинают использовать как библиотечные шифры. Косвенно этот процесс свидетельствовал о дальнейшем развитии библиотечного дела у арабов, так как формализация обеспечивала большие возможности для классификации и, следовательно, облегчала поиск сочинений на заданную тему. С другой стороны, формализованное название, особенно сокращенное, как, например, *Китаб ал-фусул*⁶⁵, делало сведенные под ним сочинения на уровне библиографического описания неразличимыми. Действительно, если семь сочинений, сведенных под названием, например, *Китаб ал-фусул*, еще как-то можно было отличить друг от друга, то сделать то же самое с сочинениями, озаглавленными, например, *Китаб ал-фада’ул*, числом 27⁶⁶, не было уже никакой возможности.

Необходимость различать два и более одинаково озаглавленных сочинения тем не менее существовала. Для того, чтобы это различие отразить на библиографическом уровне, сам “шифр” надлежало сделать более “дробным”, т.е. ввести дополнительный компонент. В случае т.н. “обрезного” шифра, состоящего обычно из двух-трех слов, как приведенное выше *Китаб ал-фада’ул*, таким компонентом могло быть имя сочинителя.

Введение имени автора было логическим и оправданным шагом, несмотря на то что в сознании средневековых арабов сообщаемый текст был часто важнее, чем его происхождение (Radtko 1992). В арабской культуре существовали тексты, в которых указание на их источник, т.е. автора или передатчика, было предметом первостепенной важности. Больше того, без такого указания эти тексты просто обесценивались. Речь, конечно

⁵⁹ Это явление было нередким, особенно когда цитировали сочинения, переплетали книги, или составляли локальный каталог, описывавший расстановку этих книг на полках (см. Serikoff 2012: 163-172).

⁶⁰ Здесь сам собой возникает вопрос о соотношении *Китаб ал-фихрифт* и *Китаб Кашиф аз-зунун* османского юриста и библиографа XVII в. Мустафы ибн ‘Абд Аллаха Катипа Челеби (Хаджи Халифы), однако это тема для самостоятельного исследования.

⁶¹ Несколькими веками спустя в библиотеках будут составлять наряду с алфавитным также и предметные каталоги, о чем, опираясь на пример каирской библиотеки Махмудийа, писал Конрад Хиршлер (Hirschler 2012: 154).

⁶² Ср., например, название трактата мистика и богослова X в. Р.Х. Мансура Халладжа (ум. в 922 г. Р.Х.) «Вечность и Продолжаемое», по-арабски *Китаб ал-абад ва-л-ма’буд* (Fihrist 1971: 242.29); ср. перевод названия Б. Доджем – «The Continuing in Eternity and Eternally Continued» (Fihrist 1970: 478).

⁶³ Например, «Удаление печалей» Кудама ибн Джа’фара (ум. в 949 г. Р.Х.), по-арабски *Китаб са-бун ал-гамм* (Fihrist 1971: 144.18); Б. Додж переводит это название как «The Cleanser of Sorrow» (Fihrist 1970: 285).

⁶⁴ Так, например, слово *ахбар* – «сведения» в названиях сочинений, упомянутых в *Китаб ал-фихрифт*, встречается 152 раза, и это далеко не единичный пример. Вот как выглядит повторяемость компонентов в названиях, сведенных в этом сочинении под буквой *алиф*: слово *ара* повторено 3 раза, *ибтал* – 6 раз, *ихам* – 14 раз, *исбат* – 12 раз, *иджарат* – 4 раза, *иджма’* – 6 раз, *ихтиджадж* – 10 раз, *ихтисар* – 8 раз, *ихтилаф* – 27 раз, *ихтийар* – 20 раз, *адаб* – 27 раз, *адвийа* – 8 раз, *асрап* – 6 раз, *асма’* – 18 раз, *ивара* – 5 раз, *усул* – 21 раз, *ислах* – 6 раз, *алкаб* – 9 раз, *имама* – 18 раз, *амсал* – 13 раз, *анбийа’* – 3 раза, *ансаб* – 6 раз, *айам* – 9 раз, *иман* – 7 раз.

⁶⁵ Об этом подробно см. Serikoff 2012: 168.

⁶⁶ Цифры взяты из *Китаб ал-фихрифт*. Столько раз там встречаются эти названия.

же, идет о *хадисах* – текстах о сказанном или сделанном пророком Мухаммадом. Наряду с *хадисами* также и в других жанрах существовали (правда, немногочисленные) попытки помещения в название сочинения имени его автора⁶⁷.

Однако исполнить такое, казалось бы, простое дело, как поместить имя автора в название сочинения, на практике оказывалось совсем непросто. Сами функции названия арабского сочинения говорят о том, что места для имени автора в нем предусмотрено не было. Это же подтверждает и “библиографическая карточка” – *мукаддима*, введение к сочинению. Ведь в случае помещения имени автора в название функции самого названия как библиотечного “шифра” утрачивались. Нарушалось все, в первую очередь двухсоставная форма, возможность отнесения сочинения к определенному классу (имена собственные к классам согласно, например, ал-Фараби и др. не относились), не говоря уже о том, что распадалась и композиция рифмованного названия⁶⁸.

Заслуга Ибн ан-Надима лежит в изменении формата словарной статьи. Осознавая необходимость систематического сопряжения имени автора и названия сочинения, он придумал, как зафиксировать эту связь без опасения утратить функцию названия-“шифра”. Информация о сочинениях в *Китаб ал-фихрист* была скомпонована не в соответствии со вторыми частями их названий, но под именами их создателей⁶⁹. Таким образом, все сочинение Ибн ан-Надима там, где это возможно, представляет собою последовательность индивидуальных библиографий⁷⁰, которые и до него именовались *фихрист* (Сериков в печати).

Для удобства поиска сочинений Ибн ан-Надим разбил *Китаб ал-фихрист* на главы, т.е. “классы”⁷¹, в последовательности, подобной расположению классов у Абу ‘Абд Аллаха ал-Хваризми, автора *Мафатих ал-‘улум* (Полосин 1989: 46). Внутри каждого раздела Ибн ан-Надим там, где это возможно, сохранил хронологический порядок следования авторов, расположив словарные гнезда «от начала каждой дисциплины до нашего вре-

мени» (Fihrist 1971: 3.9; ср. Полосин 1989: 61). Наконец, в энциклопедических статьях Ибн ан-Надим четко разграничил сочинение и книгу как носитель самого сочинения. Он добился этого путем присовокупления к библиографическому описанию описания физического, т.е. указывал на объем сочинения в листах и размер бумаги, на котором оно было написано (например, Fihrist 1971: 181.7-12). В современных нам библиотеках физическое описание книги ограничивается ее объемом и форматом, что в первую очередь важно для экономного заполнения стеллажей. Цели Ибн ан-Надима были иными: определяя объем книги в листах и сообщая размер листов, он стремился максимально точно указать объем оригинального сочинения. Все, что выходило за указанные им рамки объема, могло быть или редакцией, или даже подделкой.

Новый формат энциклопедической статьи значительно расширил возможности пользователя справочника. Прежде всего, он связывал воедино автора и сочиненный им текст, чем, в частности, способствовал определению взаимоотношений между “издателями”-*варраками* и авторами (Полосин 1989: 82). Он предоставлял читателю возможность увидеть, сколько трудов сочинил тот или иной автор. Заодно он предоставлял ему справку об объеме текста, тем самым делая различие между самим сочинением и книгой (или книгами), в которой оно было зафиксировано. Наконец, он позволял помещать дополнительные сведения об авторе, которые традиционно отсутствовали в *мукаддима* – “библиографической карточке” сочинения, но тем не менее были важными и интересными. По собственным словам Ибн ан-Надима, к таковым относились «сведения о написавших эти книги, и о классах сочинителей, к которым они принадлежали, их происхождении, годах рождения, количестве прожитых лет, времени их смерти, месте, где они жили, о всем хорошем и плохом, отличавшем их» (Fihrist 1971: 3.7-9). В то же самое время новый формат не перечеркивал возможностей поиска сочинений по традиционной системе, с опорой на название-“шифр”.

Заключение

Обратимся еще раз к причинам составления и написания *Китаб ал-фихрист*, как они изложены Валерием Вячеславовичем Полосиным: «Объективные предпосылки, делавшие возможным создание подобной книги, понятны. Они лежат в высоком развитии тогдашней науки и культуры» (Полосин 1989: 48). Теперь с большей наглядностью можно очертить эти предпосылки. Они лежали в увеличившемся объеме написанного и недостаточности традиционных средств для поиска в этом массиве. Путем изменения формата энциклопедической статьи Ибн ан-Надиму удалось улучшить возможности поиска сочинений и книг, в которых они были написаны.

Несмотря на очевидные преимущества, новый формат все же имел существенные недостатки. Он, в частности, требовал включения большого количества перекрестных ссылок (Полосин 1989: 48, примеч. 73-74), так как авторы, особенно средневековые, были весьма плодовиты и писали сочинения в разных жанрах и на различные темы. Тем не менее формат, введенный Ибн ан-Надимом, оставался удобным для использования в случае, если справочное пособие имело не кафолический характер, но ограничивалось какой-либо одной темой или сочинениями, собранными под одним классом, таким, например, как медицина. “Кафоличность” требовала перекрестных ссылок, что было трудно осуществимо в объемных и многотомных сочинениях, вдобавок переписанных от руки. Именно это, на мой взгляд, послужило причиной тому, что подобных всеобъемлющих биобиблиографий арабская литература больше не знала. В то же время арабская литература была богата на справочные сочинения, в которых формат, заложенный *Китаб ал-фихрист*, позволял объединить сведения по одной какой-либо теме.

⁶⁷ Среди них, например, название сочинения античного философа-неоплатоника Прокла Диадоха (ум. в 485 г. Р.Х.), которое звучало следующим образом: «Книга Прокла, именуемого Диадохом, т.е. последователем Платона, трактующая Десять Вопросов» (Fihrist 1971: 313.3); *Китаб Бруклис ва-йусамма Дишадухус, ай ‘акиб Филатун фи ал-‘аир маса’ил, т.е. De decem quaestionibus sive dubitationibus circa providentiam.*

⁶⁸ Со временем целиком избежать включения имени автора в название оказалось невозможным. Тогда был выработан прием, согласно которому название специальным образом меняли. Оно оставалось двухсоставным, но второй компонент его содержал указание на автора – ли-фулан, например, *Китаб ал-ахбар ли-фулан*. Под этим кратким названием сочинение также имело хождение (см. Serikoff 2012).

⁶⁹ Ср. типичные заголовки разделов, вроде следующего: النحويين واللغويين الفن الثاني من المقالة الكوفيين الثانية من كتاب الفهرست في اخبار العلماء ويحتوى هذا الفن على اخبار (Fihrist 1971: 71.2-4).

⁷⁰ Честь изобретения жанра индивидуальной биографии, где упоминание имени и личности автора было сопряжено со списком его сочинений, Ибн ан-Надиму не принадлежит. Этот жанр был уже известен до *Китаб ал-фихрист*, о чем говорят многочисленные, встречающиеся там ссылки на отдельные *фихристы*: *Малый фихрист* Йахьи ибн ‘Ади и *Большой фихрист* Джабира ибн Хайяна, *Фихрист* Мухаммада ибн Закарийи ар-Рази, *Фихрист* переводов из Галена, составленный Хунайном ибн Исхаком и т.д. (см. об этом подробно с указаниями на источники: Полосин 1989: 52-53).

⁷¹ Структурно вся информация в *Китаб ал-фихрист* делится тематически на десять разделов и множество подразделов. Разделы: (1) О Писаниях Мусульман, Иудеев и христиан; (2) Об арабах-филологах и грамматистах; (3) Об историках, биографях, эпистолографях и составителях генеалогий; (4) О Поэтах; (5) О богословии и мусульманских сектах; (6) О праве, юристах и хадисе; (7) О философии, логике, математике, астрономии и медицине; (8) О легендах, преданиях, колдовстве, магии, талисманах и т.п.; (9) Об учении сабеев, манихеев, маздакитов, и религии Индии, Китая и др. стран; (10) Об алхимии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арабская Псалтырь 2005 – *Арабская Псалтырь. Приложение к факсимильному изданию рукописи А 187 (Арабская Петербургская лицевая Псалтырь) из собрания Института востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал)*. Подг. Вал.В. Полосин, Н.И.Сери́ков, С.А. Французов. Под общ. редакцией Н.И. Сери́кова. СПб./Воронеж
- Ватват 1985 – Рашид ад-Дин Ватват. *Сады волшебства в тонкостях поэзии (хад'аик ас-сихр фи дак'аик аш-ши'р)*. Исслед., пер. с перс. и комм. Н.Ю. Чалисовой. М.
- Дефтер 1311 – *Дефтер-и Китабхане-и Салимия*. Стамбул, 1311 г.х.
- Древние и средневековые источники 1960 – *Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Арабские источники VII-X веков*. Подг. текстов и пер. Л.Е. Куббеля и В.В. Матвеева. М.-Л.
- Кадим 2011 – Кадим Мундер Мулла Кадим. *Устаревшая лексика в комедии Н.В. Гоголя “Ревизор” в лингвокультурологическом аспекте*. Дисс... канд. филол. наук. Воронеж
- Крачковский 1932 – Крачковский И.Ю. “Арабские энциклопедии средневековья” // *Труды Института книги, документа и письма*. Т. II. Л., с. 15-22
- Микульский 2006 – Микульский Д.В. *Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди “Золотые луга и россыпи самоцветов” (Мурудж аз-захаб ва-ма'адин ал-джаухар)*. М.
- Ал-Мукаддаси 1994 – Ал-Мукаддаси. “Наилучшее разделение в познании климатов. Пер. с араб., комм., карты Н.И. Сери́кова” // *Восточное историческое источниковедение*. М., с. 247-289
- Полосин 1989 – Полосин Вал.В. *Фихрист Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века*. М.
- Призмент 1978 – Призмент Э.Л. “Предметизация” // *БСЭ*, ук.сл.
- Рийади-заде б.г. – ‘Абд ал-Латиф ибн Мухаммад Рийади-заде. *Асма' ал-Кутуб. Ал-мутаммим ли-Кашиф аз-Зунун*. Ал-Кахира (б.г.)
- Семенов 1893 – Семенов В. “Древняя русская Пчела по пергаменному списку” // *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности* 54/4. СПб.
- Сери́ков в печати – Сери́ков Н.И. “Что означает заглавие сочинения Ибн ан-Надима «Китаб ал-фихрист»? Об одной неизвестной греческо-арабской параллели” // *в печати*
- ибн Сина 1980-1982 – Абу Али ибн Сина. *Канон врачебной науки*. Пер. с араб. 2-е изд. Ташкент
- Сукиасян 1996 – Сукиасян Э.Р. “Классификация или типология?” // *Научные и технические библиотеки* 10. М., с. 3-10 (<http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb96/10/f01.html>)
- Сукиасян 1999 – Сукиасян Э.Р. “Библиотечно-библиографической классификации 30 лет” // *Материалы Международной научной конференции “ББК: новые горизонты организации знаний”, посвященной 30-летию библиотечно-библиографической классификации*. Москва, 14-16 октября 1998 г. М. (http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb99/4/f04_14.html)
- Халидов 1985 – Халидов А.Б. *Арабские рукописи и арабская рукописная традиция*. М.
- Шамурин 1955 – Шамурин Е.И. *Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации I*. М.-Л.
- Шуйский 1978 – Шуйский С.А. “Фихрист” // *БСЭ*, ук.сл.
- Ahlwardt 1887 – Ahlwardt W. *Verzeichniss der Arabischen Handschriften der Koniglichen Bibliothek zu Berlin*. Berlin
- Ambros 1990 – Ambros A.A. “Beobachtungen zu Aufbau und Funktionen der gereimten klassisch-arabischen Buchtitel” // *WZKM*. S. 13-58
- Astruc 1981 – Astruc Ch. “L'inventaire dresse en septembre 1200 du tresor et de la bibliotheque de Patmos” // *Edition diplomatique. Travaux et Memoires* 8, p. 15-30
- Blum 1977 – Blum R. *Kallimachos und die Literaturverzeichnis bei den Griechen. Untersuchungen zur Geschichte der Biobibliographie*. Frankfurt am Main
- Brockelmann 1937-1943 – Brockelmann C. *Geschichte der arabischen Litteratur*. Leiden.
- Carmona Gonzalez 1989 – Carmona Gonzalez A. “La estructura del titulo en los libros arabes medievales” // *Estudios románicos*, p. 181-187
- Eche 1967 – Eche Y. *Les bibliotheques arabes publiques et semi-publiques en Mesopotamie, en Syrie et en Egypte au Moyen Age*. Damas
- Fihrist 1871-1872 – *Kitab al-Fihrist*. Hrsg. G. Flugel. Leipzig

- Fihrist 1970 – *The Fihrist of al-Nadim: a tenth-century survey of Muslim culture*. B. Dodge (ed.). New York
- Fihrist 1971 – *Kitāb al-fihrist li-al-Nadīm. Abū 'l-Faraj Muḥammad ibn Abī Ya'qūb Ishāq, al-ma'rūf bi-'l-Warrāq taḥqīq Riḍā-Tajaddud*. Teheran
- Fihrist 1991 – Ibn an-Nadim. *Al-Fihrist*. Ed. by Sha`ban Khalifa and Walid Muhammad al-'Awza. Cairo
- Gohlman 1974 – Gohlman W.E. *The Life of Ibn Sina. A Critical Edition and Annotated Translation*. New York
- al-Hasan 1968 – *Das Buch At-Taswiq at-tibbi des Sa'id ibn al-Hasan. Ein arabisches Adab-Werk uber die Bildung des Arztes*. Hrsg. O. Spies. Bonn
- al-Hasan 1968a – Sa'id ibn al-Hasan. *Kitab at-Taswiq at-Tibbi*. Übers. und bearb. des Kitab at-Taswiq at-Tibbi des Sa'id ibn al-Hasan, ein medizinisches Adabwerk aus dem 11. Jahrhundert. S.E. Taschkandi (übers.) Bonn
- Hirschler 2012 – Hirschler K. *The Written Word in the Medieval Arabic Lands. A social and cultural history of reading practices*. Edinburgh
- Jacob 2002 – Jacob Ch. “From Alexandria to Alexandria: Scholarly interfaces of a universal library” // *Interfacing Knowledge: New Paradigms for Computing in the Humanities, Arts and Social Sciences. March 8-10 2002*. University of California Santa Barbara (электронный ресурс).
- Kennedy 2005 – Kennedy Ph. (ed.). *On fiction and Adab in medieval Arabic Literature*. Wiesbaden
- Maçoudi 1861 – Maçoudi. *Les praires d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris
- Radtke 1992 – Radtke B. *Weltgeschichte und Weltbeschreibung im mittelalterlichen Islam*. Beirut
- Serikoff 2005 – Serikoff N. *Arabic Medical Manuscripts of the Wellcome Library. A descriptive Catalogue of the Haddad collection*. Leiden
- Serikoff 2012 – Serikoff N. “Beobachtungen uber die Marginal- und Schnitttitel in christlich-arabischen und islamischen Buchersammlungen” // Gorke A., Hirschler K. (eds). *Manuscript Notes as Documentary Sources*. Wurzburg
- Serikoff 2013 – Serikoff N. *A new tool for creating subject headings for works in Arabic (project) MELCOM International*. Moscow (http://www.melcominternational.org/page_id=160&year=2013)
- Siggel 1951 – Siggel A. *Decknamen in der arabischen alchemistischen Literatur*. Berlin
- Stewart 2007 – Stewart D. “The structure of the Fihrist: Ibn an-Nadim as historian of Islamic legal and theological schools” // *International Journal of Middle East Studies* 39, p. 369-387
- Ullmann 1970 – Ullmann M. *Die Medizin im Islam*. Leiden
- Ullmann 1972 – Ullmann M. *Die Natur- und Geheimwissenschaften im Islam*. Leiden
- Wagner 2000 – Wagner E. “Die literarische Gestaltung von at-Tahtawi's Bericht über seinen Aufenthalt in Paris (1826-1831)” // *Beschreibung der Welt. Zur Poetik der Reise- und Landesberichten*. Hrsg. von X. von Ertzdorf und R. Schulz. Amsterdam
- Zirkili Hayr ad-Din 1927-1928 – Zirkili Hayr ad-Din. *Al-A'lam*. Al-Qahira

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ – “*Большая Советская энциклопедия*”. 3-е издание. М., 1978
ВДИ – “*Вестник древней истории*”. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж
РАН – Российская Академия наук
РГИА – Российский Государственный исторический архив
СА – “*Советская археология*”. М.
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ЦГАКФФД – Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов
ЭВ – “*Эпиграфика Востока*”. Л.
AAE – “*Arabian Archaeology and Epigraphy*”. Copenhagen
ABADY – “*Archäologische Berichte aus dem Yemen*”. Mainz am Rhein/Wiesbaden
AION – “*Annali dell’Istituto Universitario Orientale di Napoli*”. Napoli
BASOR – “*Bulletin of the American Society of Oriental Studies*”. Jerusalem/Baghdad
BMQ – “*The British Museum Quarterly*”. London
CIAS – “*Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes*”. Louvain
СИИ – “*Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones Himyariticas et Sabaeas continens*”. Parisiis
CRAIBL – “*Comptes rendus de l’Academie des Inscriptions et Belles Lettres*”. Paris
CSAI – “*Corpus of South Arabian Inscriptions I-III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions*”. Alessandra Avanzini (ed.). Pisa (Arabia Antica 2) (<http://csai.humnet.unipi.it>)
DAI – Deutsches Archäologisches Institut
EVO – “*Egito e Vicino Oriente*”. Pisa
EW – “*East and West*”. Rome
GJ – “*The Geographical Journal*”. London
ISIM – “*Iscrizioni Sud Arabiche. Vol. 1: Iscrizioni minee*”. Napoli
IsMEO – Istituto Italiano per il Medio e Estremo Oriente
JES – “*Journal of Ethiopian Studies*”. London
PSAS – “*Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*”. London/Oxford
RES – “*Répertoire d’Épigraphie Sémitique*”. Paris
RIÉ – E. Bernand, A. J. Drewes, R. Schneider. “*Recueil des inscriptions de l’Éthiopie des périodes pré-axumite et axumite*”. Paris
RSO – “*Rivista degli Studi Orientali*”. Naples
Sab.Dict. – A.F.L. Beeston, M.A. Ghul, W.W. Müller, J. Ryckmans. “*Sabaic Dictionary*”. Louvain-la-Neuve/Beyrouth, 1982
SEG – “*Sammlung Eduard Glaser*”. Wien
WZKM – “*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*”. Wien
ZDMG – “*Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*”. Wiesbaden
ZOrA – “*Zeitschrift für Orient-Archäologie*”. Tübingen/Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие (Наумкин В.В.)</i>	5
<i>Библиография основных научных публикаций М.Б. Пиотровского</i>	14
<i>Пиотровский М.Б. (Санкт-Петербург)</i> Кораническая археология	40
Раздел I. Исследования по древней Южной Аравии	
<i>Arbach M. (Paris)</i> Quelques remarques sur la chronologie de l'Arabie du Sud aux II ^e -I ^{er} siècle avant l'ère chrétienne	48
<i>Avanzini A. (Pisa)</i> Дополнение к статье М. Arbach «Quelques remarques sur la chronologie de l'Arabie du Sud aux II ^e -I ^{er} siècle avant l'ère chrétienne»	58
<i>Buffa V. (Rome)</i> Small finds from the Bronze Age site of Ma ^c layba (Lahj Province, Republic of Yemen)	66
<i>Бухарин М.Д. (Москва)</i> Южная Аравия в античной географии мифа	74
<i>Виноградов Ю.А. (Санкт-Петербург), Ба Махрама М.А. (ал-Мукалла)</i> «Дом жреца» храмового комплекса Райбун V в Западном Хадрамауте (Йемен)	80
<i>Frantsouzoff S.A. (St.-Petersbourg)</i> Deux inscriptions rupestres du Wādī 'Idim (Ḥaḍramawt oriental)	92
<i>Gerlach I. (Berlin)</i> Migration processes on the Northern Horn of Africa in the early 1 st millennium BC	100
<i>Loreto R. (Naples)</i> South Arabian religious architecture: a historical overview	122
<i>Maraqten M. (Heidelberg)</i> Two new Sabaic inscriptions: the construction of a building and the offering of a right hand	148
<i>Robin Chr.J. (Paris)</i> Saba' et la Khawlan du Nord (Khawlan Gudadan): l'organisation et la gestion des conquêtes par les royaumes d'Arabie meridionale	156
<i>Sedov A.V. (Moscow)</i> South Arabian coins in the State Hermitage Museum	204

Раздел II. Исследования по истории искусства

<i>Адамова А.Т. (Санкт-Петербург)</i> «Шахнаме» при Ильханах	218
<i>Antonini de Maigret S. (Rome)</i> A winged deity in Southern Arabia	234
<i>Hitgen H. (Berlin)</i> Ġabal Al-‘Awd – some remarks on the art and types of buildings during early Ḥimyarite times	244
<i>Japp S. (Berlin)</i> Rosette-decorated stone blocks from Zafār: Some ideas on their origins	266
<i>Пятницкий Ю.А. (Санкт-Петербург)</i> Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия: 1909–1914 годы	282
<i>Stupperich R., Yule P.A. (Heidelberg)</i> Ḥimyarite period bronze sculptural groups from the Yemenite Highlands	338

Раздел III. Арабистика и исследования по исламу

<i>Аликберов А.К. (Москва)</i> Средневековый культовый комплекс Кырхляр в Дербенте: устные предания и письменные источники о сорока «мучениках за веру»	370
<i>Ибрагим Т.К. (Москва)</i> О вечности Ада согласно Корану	392
<i>Наумкин В.В., Коган Л.Е., Черкашин Д.В. (Москва)</i> Второй том «Корпуса сокотрийского фольклора»: аннотированный каталог текстов и три истории этиологического содержания	410
<i>Rezvan E.A. (St.-Petersburg)</i> Myth and ritual (Ḥajj and ancient Arabian cosmogonic and anthropogenetic lore)	436
<i>Родионов М.А. (Санкт-Петербург)</i> Голос <i>замила</i> на юге Аравии	444
<i>Серииков Н.И. (Москва/Лондон)</i> Почему Ибн ан-Надим взялся за составление <i>Китаб ал-фихрист</i> ?	456
<i>Список сокращений</i>	475

CONTENTS

<i>Introduction (Naumkin V.V.)</i>	5
<i>Selected bibliography of M.B. Piotrovsky</i>	14
<i>Piotrovsky M.B. (St.-Petersburg)</i>	
Qur'ānic archaeology	40
<i>Part I. Studies on Ancient South Arabia</i>	
<i>Arbach M. (Paris)</i>	
Quelques remarques sur la chronologie de l'Arabie du Sud aux IIe-Ier siècle avant l'ère chrétienne	48
<i>Avanzini A. (Pisa)</i>	
Appendix to M. Arbach «Quelques remarques sur la chronologie de l'Arabie du Sud aux IIe-Ier siècle avant l'ère chrétienne».....	58
<i>Buffa V. (Rome)</i>	
Small finds from the Bronze Age site of Ma'layba (Lahj Province, Republic of Yemen).....	66
<i>Bukharin M.D. (Moscow)</i>	
Geography of South Arabia in the light of classical mythology	74
<i>Vinogradov Yu.A. (St.-Petersburg), Ba Mahrama M.A. (al-Mukallah)</i>	
«House of Priest» in the temple complex Raybūn V in western Ḥaḍramawt (Yemen).....	80
<i>Frantsouzoff S.A. (St.-Petersbourg)</i>	
Deux inscriptions rupestres du Wādī 'Idim (Ḥaḍramawt oriental)	92
<i>Gerlach I. (Berlin)</i>	
Migration processes of the Northern Horn of Africa in the early 1 st millennium BC	100
<i>Loreto R. (Naples)</i>	
South Arabian religious architecture: a historical overview	122
<i>Maraqten M. (Heidelberg)</i>	
Two new Sabaic inscriptions: the construction of a building and the offering of a right hand.....	148
<i>Robin Chr.J. (Paris)</i>	
Saba' et la Khawlan du Nord (Khawlan Gudadan): l'organisation et la gestion des conquêtes par les royaumes d'Arabie meridionale.....	156
<i>Sedov A.V. (Moscow)</i>	
South Arabian coins in the State Hermitage Museum	204

Part II. Studies on the History of Art

<i>Adamova A.T. (St.-Petersburg)</i>	
«Shahnama» in Ilkhanid Iran	218
<i>Antonini de Maigret S. (Rome)</i>	
A winged deity in Southern Arabia	234
<i>Hitgen H. (Berlin)</i>	
Ġabal al-'Awd – some remarks on the art and types of buildings during early Ḥimyarite times	244
<i>Japp S. (Berlin)</i>	
Rosette-decorated stone blocks from Zafār – some ideas of their origins	266
<i>Pyatnitsky Yu.A. (St.-Petersburg)</i>	
Gregory IV of Antioch and Russia: 1909-1914	282
<i>Stupperich R., Yule P.A. (Heidelberg)</i>	
Ḥimyarite period bronze sculptural groups from the Yemenite Highlands	338

Part III. Arabian and Islamic Studies

<i>Alikberov A.K. (Moscow)</i>	
Mediaeval cultic complex of Kirkhlyar in Derbend: oral legends and narrative sources on forty «martirs»	370
<i>Ibrahim T.K. (Moscow)</i>	
Koran teaching about Hell's eternity.....	392
<i>Naumkin V.V., Kogan L.E., Cherkashin D.V. (Moscow)</i>	
The second volume of «Corpus of the Soqotri Oral Literature»: catalogue of texts and three ethiological stories	410
<i>Rezvan E.A. (St.-Petersburg)</i>	
Myth and ritual (Ḥajj and ancient Arabian cosmogonic and anthropogenetic lore)	436
<i>Rodionov M.A. (St.-Petersburg)</i>	
Voice of <i>zamil</i> in the South of Arabia	444
<i>Serikov N.I. (Moscow/London)</i>	
Why did Ibn an-Nadim compile his <i>Kitab al-Fisrist</i> ?	456
<i>List of Abbreviations</i>	477

Государственный

МУЗЕЙ
ВОСТОКА

ARABIAN AND ISLAMIC STUDIES

A collection of papers in honour
of Mikhail Borishovich Piotrovskij
on the occasion of his 70th birthday

Edited by Alexander V. Sedov

Генеральный спонсор музея

Подписано в печать 01.12.2014

Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Типография **Imak Ofset Basim Yayin San. Tic. Sti**, Турция